

Альберт Кривченко

Схватка
над
пропастью

*Записки
губернатора*

Альберт Кривченко

СХВАТКА НАД ПРОПАСТЬЮ

Записки губернатора

- *политические мемуары*
- *очерки*
- *статьи*
- *интервью*
- *выступления*

Кривченко А. А.

Схватка над пропастью. Записки губернатора. — Благовещенск: ООО «Издательская компания «РИО», 2005. — 592 с., илл.

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства

НА РУБЕЖЕ ЭПОХ. Политические мемуары

Предисловие

Пробуждение

Новая метла
Пробный камень
Истоки
«Петля Шарина»
Иду на вы!
Лицо командора
Мои университеты
Рождение оппозиции
Выборы без выбора
«Либо я, либо он»

Из огня да в полымя

«Не омочив языка...»
Уполномочен заявить

Первое лицо
Краснопресненская набережная, 2
«Черный список»
Языком уголовного досъе
Батальоны идут к Москве
Руки прочь от «Советской России»!
Владеть землей
«Прошу на меня не рассчитывать»
Пошли по шерсть, а вернулись стрижеными
Стенка на стенку
Дни путча: в Благовещенске...
...и в Москве
Встречь солнцу

Схватка над пропастью

Замороженный город
Для служебного пользования
Амурские камикадзе
С мандатом съезда
«Я был, есть и буду противником Кривченко...»
Костры на асфальте
Гайдар и его команда
Операция без наркоза
Вы чье, старичье?
Страсти-мордасти
Привыкаем к рынку
Брешь в стене
Бросок через Амур
Конец сельского двоевластия
Несостоявшееся рукопожатие
И снова — бюро обкома
Мини-путч областного масштаба
Статистика знает все
«Уступите место компетентным и умным»
И т. д., и т. п., и пр.
Это сладкое слово «импичмент»
Чем хуже, тем лучше
«Альберт Кривченко — Шарин наших дней»
Состоится ли в России «немецкое чудо»?

Великая ложь, или Трагедия демократии

«Демократов — к стенке...»
Погром местного значения
В Москве жили ожиданием бури
Бумеранг
Золотой губернатор
Обвал
Последние из могикан
Заключительный аккорд

Распутье

Моя Новинка
Кому на Руси жить хорошо?
Повторение пройденного
Знамение
Хождение по мукам
Веерные отключения
Битая карта из рукава
Легенда «о старшем брате»
Заклятье
Под игом «золотой орды»

Послесловие

«В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО...»

Очерки, статьи, интервью, выступления разных лет

Сигнала «SOS» не будет
Самородок
Землянка
Кедр
Дефицит
«В начале было Слово...»
«Готов предстать перед судом»
Камень преткновения на пути реформ
Первый сокол — Ленин, а второй — Басаев
Слух о «четвертой власти» в нашей стране сильно преувеличен
Внук лейтенанта Шмидта
Песня варяжского гостя из мыльной оперы

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Альберт Кривченко — один из тех политических деятелей, которые на рубеже тысячелетий вырвали Россию из тисков коммунистического режима и повернули ее на общечеловеческий путь развития. Журналист и писатель, автор восьми публицистических книг, он в начале девяностых годов прошлого века, как сам пишет в своей книге, на мощной волне демократического движения, минуя все ступени иерархической лестницы, буквально «ворвался» в высшие структуры государственной власти России. Был членом Верховного Совета РСФСР, заместителем председателя парламентского комитета, затем — губернатором Амурской области. По данным социологических опросов того времени, наряду с Горбачевым, Ельциным, Гайдаром, Лужковым, другими известными в стране людьми, входил в число самых влиятельных российских политиков.

Над книгой «Схватка над пропастью. Записки губернатора» автор работал одиннадцать лет. Это не скороспелые мемуары, которые во множестве выходят из-под пера иных политиков, а плод многолетних раздумий, серьезной аналитической работы.

Книга основана не только на личных воспоминаниях, но и на многочисленных исторических документах, публикациях прессы, статистических материалах и т. д. Автору удалось создать широкомасштабное полотно важнейших событий новейшей российской истории, происходивших в последние двадцать лет как в столице, так и на окраине страны. Повествование насыщено любопытными фактами, многие из которых мало известны нынешнему читателю.

Того, кто взял в руки эту книгу, несомненно, привлекут главы, в которых анализируются причины распада Советского Союза и банкротства колхозно-совхозного строя в СССР, крах хрущевской «оттепели», косыгинских реформ и горбачевской перестройки, а также особенности перехода российской экономики к рынку. Любопытны и размышления автора о путях вывода страны из кризиса.

И еще одно достоинство книги: при всей своей аналитичности, она читается легко, с неослабевающим интересом, как говорится, на одном дыхании.

В 2001 году первая часть книги была опубликована в журнале «Амур наш батюшка», издающемся в Благовещенске. Трехтысячный тираж журнала разошелся мгновенно. Огромный интерес к запискам бывшего губернатора и депутата российского парламента проявили не только люди старшего поколения, но и молодежь, особенно студенческая, изучающая новейшую историю страны. Студенты благовещенских вузов сегодня пишут рефераты этой книги. Думается, полное издание «Записок губернатора» будет интересно читателям не только Приамурья, но и других регионов России, а также столицы.

НА РУБЕЖЕ ЭПОХ

Политические мемуары

*Управлять страной, областью, городом непросто
даже в пору экономического подъема и благоденствия.
Этому надо учиться, и, наверное, очень долго.
Нам, пришедшим в исполнительную власть в России
после августа 91-го, пришлось работать
в отнюдь не процветающей стране,
принимать решения в самых экстремальных условиях.
Этому нас никто не учил и не мог научить,
потому что таких педагогов в стране не было.*

Предисловие

Я отчетливо помню далекий теперь уже день, когда зародился замысел этой книги. Было 3 мая 1993 года, я в последний раз покидал свой рабочий кабинет губернатора Амурской области. За неделю до этого состоялись выборы, и я — действующий губернатор, один из зачинателей демократического движения на Амуре — проиграл их так называемой «левой оппозиции».

Был вечерний час, я сидел в своем массивном кресле и размышлял о превратностях судьбы. Вот и все, ключ от сейфа уже передан преемнику, остается собрать личные бумаги — записи, письма, наброски статей — и посидеть пару минут молча, как делают перед дальней дорогой.

Да, вот еще — не забыть взять книгу об Уинстоне Черчилле. Ее после подведения итогов голосования подсунули мне сослуживцы с явным желанием поднять настроение. Мол, Черчилль уж на что был великий деятель, а и его проваливали на выборах.

Хотя ситуация не располагала к беллетристике, объемистый том я прочитал залпом. Да, Уинстон Черчилль действительно был выдающимся человеком двадцатого века. Англичане считали его даже своим национальным героем: для них он выиграл тяжелейшую войну, спас державу от унижительного разгрома. В середине сороковых имя осяянного славой триумфатора звучало во всех уголках мира, его знал каждый школьник, каждый убеленный сединой старец.

Однако буквально через несколько недель после победы над Германией, на первых же послевоенных выборах в парламент, «благодарные» соотечественники, что называется, прокатали своего национального героя «на вороных». В результате Черчилль лишился поста премьер-министра Англии, то есть руководителя одной из четырех великих держав — победительниц во Второй мировой войне.

Черчилль был потрясен, мучительно переживал случившееся. Но произошло то, что произошло — демократия нередко выкидывает такие вот непредсказуемые фортели.

Мои коллеги считали, что и со мной произошло нечто подобное. Конечно, ни им, ни тем более мне и в голову не приходило сопоставлять масштабы личностей, однако нельзя было не заметить, что и в том, и в другом случае события развивались по схожему сценарию.

Мое вхождение в большую политику тоже начиналось, можно сказать, триумфально. В марте 90-го, когда в распахнутую перестройкой форточку пахнул ветерок перемен, я в одночасье, минуя все ступени иерархической лестницы, оказался в самых верхах российской государственной власти. Земляки-амурчане избрали меня в Верховный Совет республики, отдав мне в полтора раза больше голосов, чем моему сопернику — второму секретарю обкома КПСС, для которого место в парламенте заранее бронировалось все семь советских десятилетий.

Депутатов с демократическими убеждениями в Верховном Совете оказалось немного. Тем не менее нам удалось-таки вырвать Россию из когтистых лап коммунистов. Народ пошел не за ними, а за нами, поддержал нас в жестокой схватке с гэкачепистами, однозначно одобрил наши реформы.

После разгрома августовского путча обстоятельства заставили меня перейти из Верховного Совета в исполнительную власть — стать губернатором Амурской области. Как и вся страна, область к этому времени находилась на грани полного экономического краха. Спасти ее могло не дальнейшее завинчивание гаек с помощью репрессий и концлагерей, на что надеялось престарелое руководство КПСС, а проведение либеральных реформ, быстрый и решительный переход от планово-распределительной экономики к свободным рыночным отношениям. На этот путь уже встал почти весь бывший социалистический лагерь, одной из последних разворачивалась в том направлении и Россия. Но на Амуре могущественная партийная элита и слышать не хотела ни о чем подобном. Она была готова свернуть шею любому, кто осмелился бы хоть что-то сделать для начала реформ.

Поэтому области нужен был губернатор, способный как минимум устоять в схватке с местной партгосноменклатурой, а еще лучше — сломить сопротивление ее монолитных рядов. Другого человека на роль такого «тарана» жители Амурской области просто не видели. Поэтому в администрацию президента хлынул поток писем и телеграмм, резолюций митингов и собраний, постановлений общественно-политических организаций и даже решений некоторых местных органов власти с просьбой назначить именно меня

губернатором области. Признаюсь, был приятно удивлен и растроган, когда в администрации президента мне показали объемистую папку с этими документами.

Вернувшись в область в новой должности, я обнаружил, что ситуация здесь еще хуже, чем представлялась из Москвы. Люди ожидали массового голода, многочисленные оракулы предрекали скорые голодные бунты, погромы магазинов и складов, трупы изможденных людей на улицах, как в осажденном Ленинграде. Ко всему коммунисты грозили вырезать скот в деревнях и заморозить Благовещенск. Тех, кто в этих условиях согласился работать в новой администрации, откровенно называли смертниками. Им говорили в лицо, что больше трех месяцев новая власть не продержится.

Но ни одно из этих предсказаний так и не сбылось. Не было ни голода, ни погромов, ни трупов на улицах. Быстро оправившись от шока, через который прошли все бывшие социалистические страны, раньше нас повернувшие к рынку, экономика области начала выкарабкиваться из пропасти. Остановилось падение промышленного производства, замедлился спад в сельском хозяйстве, заработала торговля. По уровню розничного товарооборота область вошла в десятку лучших в России, а по росту денежных накоплений у населения — даже в первую пятерку.

Это был прямой результат начавшейся экономической реформы. В Амурской области она проводилась даже с некоторым опережением, чем в целом по стране. Нередко крайне нужные для экономики решения Амурская областная администрация принимала раньше, чем правительство, Верховный Совет и президент. Конечно, это было рискованно, но в итоге оборачивалось выгодой для области и ее населения.

В 1992 году, по-моему, единственный раз за все последующие годы реформ, областной бюджет был бездефицитным. Ни одна копейка не ушла из него на сторону. Мы не задерживали выдачу зарплаты учителям, врачам, работникам культуры, не затягивали с выплатой пенсий и пособий на детей, выделяли дотации на питание школьникам и студентам, вовремя платили стипендии.

Едва ли не первой в стране наша администрация организовала адресную помощь малоимущим, создав государственно-общественный фонд социальной поддержки и милосердия. Через полтора месяца Верховный Совет России обязал создать такие фонды во всех регионах страны. У нас же к тому времени из этого фонда уже получали помощь многодетные семьи и матери-одиночки, другие категории остро нуждающихся. Начали открываться бесплатные столовые для неимущих, ветераны отоваривались в специальных магазинах по сниженным ценам, причем к государственным пенсиям им приплачивали еще и из местных источников. Словом, администрация жила и работала для людей.

В конце 92-го или начале 93-го года издающаяся в Москве «Независимая газета» впервые опубликовала результаты социологического опроса, в ходе которого граждане должны были назвать самых влиятельных политиков России. Оказалось, что российская общественность следила не только за событиями в столице, но и за тем, что делалось в глубинке. К моему удивлению, в составленный по результатам опроса список политической элиты вместе с Б. Ельциным, М. Горбачевым, А. Яковлевым, А. Собчаком, Е. Гайдаром, Ю. Лужковым, видными академиками и экономистами, некоторыми депутатами и губернаторами вошел и я.

Замечу, что такие списки «Независимая газета» продолжает публиковать по сей день. Но никто из последующих губернаторов Амурской области в них ни разу не входил.

И все-таки мои родные избиратели в апреле 1993-го отказали мне в доверии. Как в 1945-м граждане Великобритании — своему великому Уини.

Но если логика англичан не поддается объяснению, то в нашем случае избирателей понять можно. Одновременно с Амурской областью выборы глав исполнительной власти проводились еще в пяти или семи субъектах Российской Федерации — и везде действующие губернаторы-демократы уступили место коммунистам. Это была расплата за ту ошибку, которую мы допустили после разгрома августовского путча.

Ошибка заключалась в следующем. Многие считают, что в августе 91-го президент Ельцин разогнал КПСС на территории России и тем самым способствовал распаду ее во всей стране. Это не совсем так. Ельцин не разгонял компартию, а лишь приостановил ее деятельность до решения суда в связи с участием в путче. Генеральной прокуратуре он поручил подготовить соответствующий судебный иск.

Но эйфория у победившей стороны была столь велика, что об этом важнейшем пункте президентского указа тут же забыли буквально все, в том числе и сам президент. Народ ликовал: нет больше райкомов, обкомов, ЦК КПСС, наконец-то пришла демократия! Генеральная прокуратура и пальцем не пошевелила, чтобы разобраться с деятельностью компартии во время путча. Между тем деятельность «руководящей и направляющей» была приостановлена формально, фактически в ее руках как была, так и осталась неимоверно огромная власть — Советы народных депутатов всех уровней, большинство исполнительных и правоохранительных органов, значительная часть председательско-директорского корпуса в народном хозяйстве, науке, образовании, культуре. Но главное — продолжали здравствовать многочисленные коммунистические газеты, имеющие огромные тиражи.

Образно говоря, после разгрома путча президент Ельцин и его сторонники вступили на поверженную территорию, оставив нетронутыми многочисленные огневые точки противника. Они-то, когда прошел первый испуг, и ударили в спину победителям.

Коммунистическая пропаганда всегда была девицей с замороженными глазами — никогда не краснела от стыда. Но в начале 90-х годов, выливая ушаты грязи на реформы, ее авторов и сторонников, она превзошла даже самое себя. Мы проиграли выборы не потому, что спасовали перед вызовом времени, согнулись под тяжестью проблем, нет — мы не выдержали обрушившейся на нас беспрецедентной лжи!

Позднее стало известно, что кроме всего прочего результаты выборов были еще и фальсифицированы. К сожалению, узнали мы об этом слишком поздно.

...Я поднялся и медленно двинулся к выходу. Всего двадцать шагов отделяли меня от двери, но их оказалось достаточно, чтобы принять решение: возвращаюсь к литературному творчеству, сажусь за книгу. Теперь мой долг — рассказать правду о реформе и ее людях, точнее — о том великом и трагическом времени, которое так усиленно пытаются оболгать.

Пройдет время, и начало реформы станет историей. По каким источникам ее будут изучать следующие поколения? Не дай Бог, если по тем многочисленным пасквилям, которые уже нарожала коммунистическая девица с замороженными глазами. Тогда истинные творцы спасшей Россию реформы предстанут перед потомками такими чудовищами. А спасителями нации — те, кто пытался добить ее после семидесяти лет истязаний.

Я начал писать эту книгу по горячим следам, сразу же после ухода из администрации. Опубликовал в газетах больше десятка глав, но вовремя понял, что захлестывают эмоции. Решил, что надо сделать перерыв, самому остыть от политических баталий и подождать, когда улягутся страсти в обществе.

И вот теперь, думаю, пришло время рассказать беспристрастно, с холодной головой, КАК ЭТО БЫЛО. Сегодня, по прошествии лет, кое-что в прошлом видится уже не так, как прежде, многое стало понятнее, появилась возможность для более серьезного анализа. Надеюсь, что будущие историки, изучая Россию и, в частности, Приамурье на рубеже XX – XXI веков, возьмут в руки и мою книгу.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Новая метла

Неверно думать, что революции совершаются за один день. 25 октября 1917 года по старому стилю в России произошла вовсе не Великая Октябрьская социалистическая революция, как утверждают советские учебники. Это был всего лишь государственный переворот, насильственный захват власти большевиками. Ничего социалистического в этом перевороте не было. Ведь то, что обещал Ленин, то есть отдать заводы и фабрики рабочим, а землю — крестьянам, не соответствовало учению Маркса. К социализму Россия повернула значительно позже, когда землю и все, что на ней, в строгом соответствии с марксизмом отдали не трудовому люду, а государству.

Не в одночасье произошла и нынешняя революция, которую многие называют капиталистической. Радикальная смена одного общественного строя другим — процесс болезненный и долгий, никто не знает, сколько он может продолжаться. Одно бесспорно: у этого процесса есть начало — тот рубеж, за которым перед огромной страной открылся новый, неведомый ей мир. Этим рубежом, на мой взгляд, стала горбачевская перестройка.

Официально перестройка берет начало с апрельского (1985 года) Пленума ЦК КПСС. Но у каждого человека было и свое начало перестройки, связанное с реальным событием в его конкретной жизни. Для меня новый отсчет времени начался несколько месяцев спустя, летом 1985 года, в теплый будничнй день, который наверняка мало кому запомнился. Я тогда работал собственным корреспондентом ТАСС по Амурской области.

Накануне мы с женой заночевали в садах, в двух километрах от города. Крохотная избушка, сколоченная прежним хозяином из горбыля и фанеры, стояла в глубине участка, в зарослях дикого винограда. Едва уснули, как нас разбудило урчание мотора у дороги. Через несколько мгновений мотор затих, отворилась калитка и кто-то двинулся по тропинке к нашей избе, судя по шагам и голосам — двое. И тут же раздался властный мужской голос:

— Подъем!

Были времена, когда от таких ночных окриков у людей души стыли. С этих окриков для многих начинался долгий путь по этапам и лагерям. Но теперь, слава богу, был 1985 год!

— Не волнуйтесь, свои, — успокоил тот же голос.

Я узнал заведующего сектором печати обкома КПСС, никогда прежде на нашем садовом участке не бывавшего. Как же он нашел нас в столь поздний час?

— В чем дело? — не скрывая тревоги, спросил я.

— В обкоме сейчас аврал, вызвали всех, кого смогли, — стал объяснять он. — Второй велел достать тебя хоть из-под земли. Он тебя ждет.

— Прямо сейчас?

— Крайний срок — завтра утром. Тогда и узнаешь, в чем дело. Но будь непременно. Я за твою явку головой отвечаю.

Он уехал, а мы остались в недоумении. Что же могло случиться — пожар, наводнение, землетрясение? В обкоме всегда все держат в секрете, даже то, что скрывать нет смысла. Но на сей раз, видимо, произошло что-то серьезное.

Спозаранку я уже был у второго секретаря обкома партии Василия Федина. Ответив на мое приветствие, он протянул лист бумаги:

— Это надо передать в Москву по каналам ТАСС...

Мы давно знали друг друга, еще с тех лет, когда он работал в одном из райкомов комсомола. Вася был необычайно хваток и энергичен, быстрее своих товарищей продвигался по служебной лестнице. В комсомоле, перепрыгивая через ступени, он дорос до первого секретаря обкома, а в партии — до второго в обкоме. На моей памяти никто из местных комсомольских вожаков не поднимался так высоко. По лицу Федина было видно, что он, как и все в обкоме, не спал эту ночь.

— По какому поводу переполох? — спросил я его. — Весь аппарат обкома стоит на ушах.

— Ты сначала прочти, — кивнул он на бумагу. — Тогда все поймешь.

Текст был очень короткий. «Сегодня в Благовещенске состоялся внеочередной пленум Амурского обкома КПСС, рассмотревший организационный вопрос. В связи с уходом на пенсию от обязанностей первого секретаря освобожден С. С. Авраменко. Первым секретарем обкома избран...» Дальше стоял прочерк.

«Вот оно что, — с удивлением подумал я. — Значит, дошло и до нас».

О перестройке мы слышали каждый день — по радио и телевидению. Где-то там, далеко, вершились большие дела. Горбачев менял кадры, чуть ли не каждую неделю отправлял на пенсию престарелых партийных вождей. Проходили встречи и митинги, на которых говорилось о том, о чем прежде говорить было не принято. Вновь избранные руководители делились своими перестроечными планами. Но от всего этого до нашей далекой глубинки доносились лишь слабые отголоски. Наши амурские часы словно остановились и показывали середину не восьмидесятых, а скорее семидесятых годов. Но, оказывается, Горбачев помнил и о нас.

— Ты фактически выполнил за меня работу — написал информацию, — сказал я Федину. — Но не до конца. Кто же будет теперь первым секретарем?

— Этого я не знаю, — он загадочно ухмыльнулся. — Демократия. Решать будет пленум. Изберут меня — буду я.

Опять прятки! Ох уж эта партийная дисциплина...

В актовом зале Дома Советов все взоры были устремлены на человека, который сидел в президиуме рядом с первым секретарем обкома Степаном Степановичем Авраменко. Москвичей там было двое, но одного — заведующего сектором ЦК, курирующего нашу область — все хорошо знали. Другой приехал впервые. Никто не сомневался, что «сватать» на первого привезли именно его.

Это был массивный человек с немного обрюзгим лицом, лет пятидесяти — возраст, подходящий для первого секретаря обкома партии. В отличие от Авраменко — всегда подтянутого, строгого, с блеском глаз, наводящим страх на окружающих, этот казался простецким рубахой-парнем. Внешне он походил скорее на колхозного бригадира, чем на партийного работника, однако мне это даже понравилось. Раз времена меняются, то пусть перемены будут во всем.

Пленум тоже удивил своей необычностью. Было короткое выступление заведующего сектором ЦК о том, что происходит в Москве, несколько слов Степана Степановича, выборы и благодарственное слово нового первого — Леонида Васильевича Шарина. Он говорил без бумажки, чем тоже снискал симпатии.

Подумалось: а ведь умеют заседать, когда захотят — коротко, по-деловому. Неужто и в самом деле перестройка дошла наконец до нас?

В следующие дни всюду только и говорили о новом первом секретаре обкома КПСС. Информация ласкала слух, радовала.

— Шарина-то на базаре видели. Жизнь простых людей изучает.

— В магазине Леонид Васильевич в общей очереди стоит. Пробовали пропустить без очереди — отказывается...

— Ну и врзал он директору железнодорожного ресторана. Какой же это ресторан, говорит, сплошная мухотня.

Может быть, и не все соответствовало действительности, но народ истосковался о простецких, демократичных, заботливых правителях и теперь распускал и жадно ловил такие слухи. Имя нового хозяина области можно было услышать всюду — на улице, в магазине, парикмахерской, кинотеатре и даже в собственном гараже. Однажды, когда я брал машину, подошел сосед по гаражу, маститый местный журналист Виктор Козин, и поделился свежей новостью:

— Вчера Леонид Васильевич задержался в командировке. Приехал поздно — ресторан и буфеты в «Юбилейке» закрыты. Дежурная по этажу стучится в номер — не надо ли чего? А он сидит и ужинает. В одной руке — кусок черствого хлеба, в другой — скрюченный огурец. Она, конечно, и чай ему предложила, и булочки, но он наотрез отказался. Не надо, говорит, делать из еды культа. Каково?

Наслушавшись таких историй, я решил, что свою следующую книгу начну с очерка о Шарине. А что? Почему никто ничего не пишет о первых секретарях обкомов? Людям ведь интересно знать, как они работают, чем дышат, что вообще за люди... А ведь работа у них, надо думать, адская. Мы с Шариним ровесники, но я отвечаю лишь за свое печатное слово, а он — за все, что делается в области. Непросто нести эту колоссальную ношу, особенно сейчас, в переломное время.

Но обстоятельства складывались так, что времени на книгу просто не оставалось. Из Москвы поступали задания одно сложнее и серьезнее другого. В прежние годы ТАСС передавал только положительную информацию, писать о недостатках нам категорически запрещалось. Но с приходом на должность главного идеолога партии Александра Николаевича Яковлева взгляды в ЦК КПСС на правительственное информационное агентство переменялись. Помню, однажды группу российских собкоров ТАСС пригласили на беседу в идеологический отдел Центрального Комитета партии. От нас потребовали, чтобы мы освещали жизнь своих регионов в полном объеме, а значит, показывали и ее негативную сторону. С помощью разветвленной корреспондентской сети ТАСС в ЦК надеялись поднять уровень критики в центральных газетах страны.

Это, разумеется, радовало, но и ставило перед нами немалые проблемы. Признаться, многие собкоры, проработавшие в агентстве по 10–15 лет, успели основательно отвыкнуть от критических материалов и той нервотрепки, которая их сопровождает. Пришлось снова обретать боевую форму.

Спидометр моей служебной «Нивы» теперь ежемесячно накручивал вдвое больше километров, чем раньше. Приходилось ездить не только по «благополучным» адресам, но и по так называемым болевым точкам, которых в области оказалось слишком много.

Конечно, хотелось бы поехать вместе с Шариним, посмотреть, как разбирается он с накопившимися проблемами. Но у Главной редакции союзной информации ТАСС были свои интересы.

Впрочем, за деятельностью великих можно наблюдать и со стороны. Разъезжая по командировкам, я практически узнавал в подробностях, чем занимается новый первый. Это были уже не слухи, а достоверная информация из первых рук — от тех, кто успел столкнуться с ним по работе. Шарин вполне оправдывал старую народную мудрость, гласившую, что новая метла по-новому метет. Только вот мел он как-то странно...

К тому времени, когда в области сменилось руководство, был утвержден наконец проект строительства многострадального завода по производству известковой муки в Чагояне. Многострадального потому, что разговоры о нем велись не одну пятилетку, но средств на проектирование выделялось очень мало, из-за чего начало строительства все откладывалось и откладывалось. В области нечем было нейтрализовать повышенную кислотность полей, а богатейшее месторождение известняка, разведанное в среднем течении Зеи, близ поселка Чагоян, не использовалось.

Но вот первый этап пройден, выделены деньги, создана дирекция по строительству нового предприятия. Я поехал взять интервью у ее руководителя.

Он был мрачнее тучи. Оказалось, что Министерство промышленности строительных материалов СССР решило на нашем заводе сэкономить. Руководству области предложили выкинуть кое-какие объекты из уже утвержденного проекта, а фактически — перейти на старую, тридцатилетней давности, технологию производства, которая значительно снизила бы качество извести да к тому же загубила природу на десятки километров вокруг.

Предприятий в «урезанном» виде, не имеющих очистных и других защищающих природу сооружений, в 60–70-е годы по стране настроили немало, и это во многих местах привело к экологической катастрофе. Но то было до перестройки. Теперь же в облисполкоме категорически отказались пересматривать проект. Как ни старался приехавший с пагубным предложением замминистра уломать председателя облисполкома Маврина, это ему не удалось.

И вдруг неожиданно для всех позицию министерства поддержал... Шарин. Хотя все до единого специалисты и руководители областных органов, имеющих отношение к новой стройке, высказались против пересмотра проекта, он один от имени области подписал протокол о согласии на фактический возврат к устаревшей технологии.

— Но ведь это не входит в компетенцию партийных органов, — удивился я. — Его подпись вообще не имеет юридической силы.

— Еще как имеет, — горько усмехнулся руководитель дирекции. — В министерстве уже спешно пересматривают проект.

Это был откровенно циничный волонтаризм, открытый вызов области, в которую новый первый приехал проводить перестройку. А как же рассказы о его демократизме на первых порах — выходах в народ, ужине в гостиничном номере сухой коркой и скрюченным огурцом?

— Ты что, в самом деле этому поверил? — рассмеялся мой старый товарищ по школе, теперь работавший в обкоме партии, когда я поделился с ним своими соображениями. — Святая наивность... Такой имидж мы специально ему создавали. На самом деле ничего подобного не было. В «Юбилейной» он и дня не жил. Зачем, когда есть спецгостиница для высших чинов. Там официантка из ресторана дежурит — в ночь-полночь. А на столе всегда деликатесы и обязательно водочка.

О, мать честная! Кого же ты прислал нам, Михаил Сергеевич? Я стал приглядываться к Шарину более внимательно. И при первой же личной встрече убедился: увы, новое мышление, к которому призывал Горбачев, обошло этого человека окольной дорогой.

Строго говоря, это была не встреча с глазу на глаз, а пресс-конференция, на которой довелось немного пообщаться с хозяином области. Шарин рассказал о только что принятой правительственной программе развития Дальнего Востока, назвал предприятия, которые будут построены. Меня насторожило, что огромный завод по производству электротехнических изделий стоимостью в половину Зейской ГЭС собираются возводить почти в центре старой части Благовещенска, являющейся как бы зелеными легкими города. В других регионах даже действующие предприятия стремились вынести за городскую черту, а тут — все наоборот. Я спросил, отдает ли руководство области себе отчет в том, что произойдет с городом, если завод-гигант будет размещен там, где для него выбрали площадку? В ответ прозвучало резкое и грубое: вот от таких, мол, умников, как этот, и происходят все наши беды.

Проглотив пилюлю, задаю другой вопрос, вернее, даю совет: поскольку в 2000 году намечено обеспечить дальневосточников жильем из расчета не менее 20 квадратных метров на человека, надо уже сегодня отменить старую норму в 12 квадратных метров и ввести новую. Ведь существующая норма практически тормозит жилищное строительство. Реакция Шарина — та же. После этого встречаться с ним с глазу на глаз, а тем более писать о нем очерк как-то расхотелось.

Пробный камень

Для того, чтобы проводить новый политический курс, Горбачеву нужны были единомышленники. Поэтому перестройка и началась с замены престарелых руководящих кадров, не принимающих никаких перемен. Эту трудную и, надо признать, опасную работу Михаил Сергеевич выполнил блестяще. Он никого не сажал и не расстреливал, как Сталин, а всего лишь отправлял на пенсию. Такой меры оказалось вполне достаточно.

К середине 1987 года Политбюро ЦК КПСС почти полностью обновилось. Новые люди пришли в руководство Совмина, Госплана, республик, краев и областей. Но, к сожалению, это были люди в основном из второго эшелона власти, которые мало чем отличались от прежних руководителей. Даже в ближайшем окружении генсека его откровенных сторонников можно было пересчитать по пальцам одной руки: Александр Яковлев, Вадим Бакатин, Борис Ельцин...

Что касается обкомов, горкомов, райкомов партии, то там было еще хуже. Примером тому мог служить Амурский обком КПСС. К середине 1987 года стало окончательно ясно, что у его первого руководителя нет никаких новых мыслей, свежих идей, а работа партийных органов области стала еще более топорной. Такие органы не могли, да и не хотели стать опорой Генерального секретаря в его многотрудном деле.

А вот кто безоговорочно поддерживал Горбачева, так это «четвертая власть», то есть журналисты. Говоря спортивным языком, печать и электронные средства массовой информации буквально со старта перестройки сделали мощный рывок и теперь шли по дистанции, опережая основную партийную массу. Они, а не обкомы, горкомы, райкомы, стали настоящей опорой Горбачева.

Из местных средств массовой информации активнее других поддержала новый курс областная молодежная газета «Амурский комсомолец». Она первой забила тревогу: где же в нашей области перестройка? Одна за другой в ней стали появляться статьи, критикующие комсомольские органы за формализм, приверженность старым, бюрократическим методам работы, отрыв от жизни.

Я внимательно следил за каждым выступлением газеты и однажды спросил у ее редактора Ольги Богач, как относятся к острым материалам в местных верхах?

— Ой, меня скоро с работы снимут, — воскликнула она.

— Что, есть к тому предпосылки?

— В обкоме партии и обкоме комсомола возмущены нашими статьями. Меня, по моему, просто возненавидели.

Я попросил ее сообщать мне о каждом случае притеснения за критику, пообещав, что, если запахнет жареным, возьму газету под защиту.

Конечно, этого можно было и не делать — никто не заставлял меня вступать в конфликт с областным партийным начальством. А то, что придется иметь дело как минимум со вторым секретарем обкома КПСС, было ясно как божий день. Обком комсомола только считался учредителем газеты, фактическим же ее «хозяином» являлся второй секретарь обкома КПСС Василий Федин.

У меня с Фединым были давние дружеские отношения, но, как говорится, дружба дружбой, а табачок врозь. Ведь ясно: коль задавят первые ростки гласности в области, значит, прощай, перестройка, которая, правда, у нас и не начиналась. После этого никто из журналистов не станет писать критических материалов. Вопрос был настолько принципиальным, что занять позицию стороннего наблюдателя я не мог.

Понятно, что выступать против высоких партийных лиц небезопасно. Даже для меня, полномочного представителя правительственного информационного агентства, формально никому в области не подчиняющегося. На моей памяти было немало случаев, когда корреспонденты центральных газет, тоже не подчиняющиеся местным властям, вступали с ними в конфликт и в результате лишались своего места. Но это означало лишь одно: действовать надо высокопрофессионально, четко, без «проколов».

Вскоре позвонила Ольга Богач. Она была вконец расстроена и даже испугана. Это нетрудно было понять по ее дрожащему голосу.

— Все, пришел мой последний час, — выдохнула она. — Сегодня бюро обкома комсомола будет меня снимать...

— Так быстро? За что же конкретно?

— За «открытое письмо», — почти простонала Ольга.

В последнем номере газеты действительно было опубликовано редакционное открытое письмо председателю Благовещенского горисполкома Юрию Ляшко. Его напечатали по совершенно пустяковому поводу. Редакция плакалась, что в течение месяца корреспондент газеты, несмотря на предварительную договоренность с Юрием Гавриловичем, не может попасть на прием к городскому главе и получить ответы на вопросы молодых читателей. Только и всего. Однако из-за этого безобидного письма, рассказывала Ольга, в тот же день первого и второго секретарей обкома комсомола, отправлявшихся в командировку, сняли с самолета и вызвали в обком партии. Вернувшись оттуда к себе, они объявили об экстренном заседании своего бюро — немедленно, без всякой подготовки. Вопрос на обсуждение выносился один — о редакторе газеты «Амурский комсомолец». При таких формулировках «героев» обсуждений обычно освобождали от работы, в лучшем случае им объявляли выговор.

Кто же мог распорядиться снять с самолета главных комсомольских вожakov области, один из которых к тому же — кандидат в члены бюро обкома партии? Этого Ольга не знала. Но и без того было ясно — либо сам Шарин, либо Федин. Никто из обкомовских чиновников рангом ниже на это бы не отважился.

Я прихватил портативный японский диктофон — такие только что поступили на вооружение корреспондентов ТАСС — и отправился на заседание бюро обкома комсомола. В области ни у кого из журналистов такой техники тогда не было, поэтому перед началом заседания, чтобы не вспугнуть членов бюро, пришлось пошутить: вот, мол, цивилизация пришла и к нам, теперь мы не пишем ручкой, как раньше, а поручаем это дело технике. Шутка, видимо, понравилась — никаких протестов по поводу моего аппарата не последовало.

Ольгу обсуждали часа два, а то и больше. Точнее сказать — не обсуждали, а травили. Делали это все по очереди, некоторые просили слова по нескольку раз. Как правило, они несли откровенную чушь, не подкрепляя свои эмоции никакими аргументами. Во всех речах звучало одно и то же: «Как ты посмела печатать такие статьи?» Какие «такие», что в них не соответствует действительности — этого никто объяснить и не пытался.

Мне приходилось бывать на подобных экзекуциях, когда коллеги по работе травили своего же товарища. Это было страшное зрелище. Хорошие, казалось бы, люди вдруг превращались в дикую стаю. Логика в их рассуждениях отсутствовала, факты игнорировались, доводы и аргументы другой стороны не принимались. Они буквально рвали свою жертву на части, стараясь выхватить из ее тела кусок побольше. Так бывало на заседаниях партийных бюро, партийных и профсоюзных собраниях и даже на собраниях трудовых коллективов. Теперь нечто подобное пришлось увидеть и в комсомоле.

В конце концов Ольге объявили строгий выговор. После таких кипучих страстей это было довольно мягкое наказание. Однако поступить более круто члены бюро не могли: по закону нельзя увольнять человека, если он не имеет ни одного взыскания. Вот в следующий раз...

Любопытно, что за все время ни разу не прозвучала фамилия ни Шарина, ни Фебина. Даже в выступлениях первого секретаря Сергея Рыбакова и второго — Сергея Гурова, которых вроде бы и не снимали с самолета, не вызывали в обком КПСС. Получалось, что инициатива обсуждения редактора газеты исходит от них самих.

В конце заседания случился небольшой казус. Сергей Рыбаков уже хотел было закрыть бюро, но я попросил его сформулировать четко, за что же редактору молодежной

газеты объявлен строгий выговор. Порядок есть порядок: прежде чем вынести наказание, формулируют обвинение. В постановлении же бюро никаких обвинений не было. Не могли ведь наказывать редактора газеты за публикацию критических материалов.

Рыбаков растерялся. Оказалось, что о формулировке как-то не подумали. Решили сделать перерыв на обед, а уж после подумать. Получалось забавно: выговор объявили, а за что — и сами толком не знают!

Статью о заседании бюро я назвал «Как вы посмели?», она была опубликована в «Комсомольской правде» в июне 1987 года. К сожалению, ни Федина, ни Шарина я в ней назвать не мог, но и они сами, и вся остальная местная «знать» прекрасно поняли, в чей огород брошен камень.

Через некоторое время в Благовещенск приехали два симпатичных парня из ЦК ВЛКСМ, оба — заведующие секторами. Им поручили проверить факты, изложенные в моей статье. Ребята оказались дотошные, знающие свое дело, да вот беда: стенограмму заседания бюро никто не вел, протокол хоть и был, но в самом сокращенном виде: «слушали — постановили». Из него нельзя было понять, как проходило заседание. Поэтому москвичам ничего не оставалось, как довольствоваться устными рассказами членов бюро. А те в один голос заявили: автор, мол, все извратил, на самом деле ничего подобного на бюро не было. А что редактору выговор объявили, так Богач сама виновата — публикует клеветнические статьи.

Москвичи опросили всех, кто присутствовал на заседании, но ситуацию так и не прояснили: члены бюро говорили одно, Ольга Богач — другое. Тогда пригласили меня. Сергей Рыбаков отсутствовал, собрались в кабинете Сергея Гурова.

— Знаете, у нас складывается впечатление, что в вашей статье не все верно, — извиняющимся тоном начал старший из москвичей. — Выступавшие на бюро отрицают, что они говорили то, о чем вы пишете. Вот и Гуров тоже. Так, Сергей?

— Так, — не глядя на меня, подтвердил Гуров.

Вон оно что! Интересно, кто же научил этих ребят и девочек в таком юном возрасте так безбожно врать? Наверняка опытные партийные аппаратчики. Ну да ничего, как говорится, и на старуху бывает проруха. На сей раз они «пролетели»: я прекрасно знал, что буду иметь дело не с этими ребятами и девочками, а с теми, кто стоит за их спиной, поэтому, используя магнитофонную запись, ничего в ней не менял, даже неграмотные фразы не исправил.

Поставив на стол диктофон, включаю звук. Японская пленка отлично зафиксировала голоса членов бюро, в том числе и Сергея Гурова. Сказанное им точно совпадало с тем, что было в газете.

Надо было видеть растерянное лицо Сергея в тот момент. Он совершенно забыл о моем диктофоне. Минуту назад этот в общем-то симпатичный парень и предположить не мог, что его слова будут опровергнуты в одно мгновение.

Зато глаза москвичей буквально засветились. Они наконец получили «документальное» свидетельство того, что происходило на заседании бюро на самом деле.

Пока Гуров говорил что-то невнятное в свое оправдание — дескать, был взволнован, все запамятовал — в дверь заглянул еще один член бюро, заведующий орготделом Евгений Наприенко.

— Заходи, заходи, — еще больше оживились ребята из Москвы, — ты нам как раз нужен.

Высокий, стройный Женя осторожно вошел. Встреча со мной ему пришлось явно не по душе.

— Так ты утверждаешь, что автор полностью исказил твою речь? — с хитринкой спросил старший из москвичей.

— Полностью, — решительно подтвердил заворг. — Все это плод журналистской фантазии.

— Ну тогда послушаем, что здесь записано...

И он указал на мой диктофон. Последовала немая сцена, Наприенко переводил взгляд то на диктофон, то на Гурова. На лице последнего было написано, что гнуть прежнюю линию теперь бесполезно.

Перед отъездом москвичей мы снова встретились — втроем, без свидетелей. Оба пожали мне руку и поблагодарили.

— За что же? — любопытствовал я.

— Вы даже не представляете, какую огромную помощь нам оказали, встав на защиту молодежной газеты, — сказал главный из них. — Подняли актуальнейшую тему о зажиме гласности на местах. В Москве с этим проще, а вот в регионах, особенно там, где заскорузлые обкомы партии, печать по-прежнему душат. В общем, ваша статья пришлась ко времени, и главное — вы не допустили в ней ни одной неточности. Скорее всего, по вашей публикации будет принято постановление бюро ЦК ВЛКСМ. Мы поддержим и вас, и «Комсомолку», и местную молодежку.

Через некоторое время они и в самом деле выступили на страницах «Комсомольской правды», рассказали о своей поездке в Благовещенск. Потом действительно было постановление бюро ЦК ВЛКСМ. Пространное, с глубоким анализом того, что происходит с гласностью на Амуре. Сергей Рыбаков получил выговор, с Ольги Богач выговор сняли. А на следующий день, сославшись на постановление бюро ЦК ВЛКСМ, обо всем этом рассказала газета «Правда» — главная партийная газета страны. «Залп» из Москвы в нашу поддержку получился оглушительный.

Истоки

Если бы мне не были известны нравы партийной номенклатуры, то после столь мощной поддержки из Москвы я, наверное, поверил бы, что теперь с гласностью в нашей области будет порядок. По крайней мере, никто не посмеет тронуть газету «Амурский комсомолец».

Но я хорошо знал эти самые нравы. Знал, что партийные чиновники никогда никому ничего не прощают и что расправа над неугодными — для них дело святое.

К этому времени стали известны кое-какие сведения из прошлого Шарина. В свое время он окончил какой-то технический вуз в Приморье, некоторое время работал там на оборонном заводе. Очень скоро в нем разглядели задатки будущего партийного работника, и он стал секретарем парткома предприятия. С этого времени началась его долгая партийная карьера: секретарь парткома — секретарь райкома — секретарь горкома — второй секретарь Приморского крайкома — инспектор ЦК КПСС. Это был человек, с молодых лет состоявший в рядах партийной номенклатуры, воспитанный ею и живший по ее правилам.

После публикаций в «Комсомолке» мне позвонил из Тулы мой старый друг, корреспондент газеты «Советская Россия» Владислав Аникеев и предупредил: «Будь с Шариним очень осторожен. Это страшный человек».

Прежде Владислав жил во Владивостоке и никуда не собирался переезжать. Это был один из самых сильных, мобильных, неистощимых на выдумки журналистов, которых я знал. Он издал хорошую книгу о БАМе, собирал материал для второй. Но в газете «Советская Россия» появился его очень серьезный и глубокий материал о приморской рыбной мафии, и у Влада начались неприятности. Оказалось, что за героев публикации радел второй секретарь Приморского крайкома КПСС Леонид Шарин. Хотя «Советская Россия» и была газетой, близкой к ЦК КПСС, она не смогла защитить своего приморского собкора. Хорошо еще, что Влада не выгнали с работы, а лишь перевели в другую область. Но моральный удар он получил огромный, да к тому же лишился возможности продолжить работу над второй книгой.

— Конфликты с Шариным в Приморье были не только у меня, — сказал на прощание Влад. — Он вообще не терпит никакой критики.

Из этого следовало, что наш новый первый не оставит «Амурский комсомолец» в покое, что его хваткие руки потянутся и ко мне. Смогу ли я ему противостоять? С чем вообще я вышел на опасный политический ринг?

Если кто-то думает, что до горбачевской перестройки в советской прессе не было острых критических публикаций, то ошибается. Были, и немало. По-моему, ни один номер уважающей себя газеты не выходил без солидной порции критики. За отсутствие оной газетчиков журили сами же партийные органы.

Но критика эта была специфическая. Отдельные недостатки можно было «разделять под орех», бичевать как угодно хлестко. Например, в деталях изображать загаженную навозом животноводческую ферму, переломанные в ней кормушки, немые и облепленные мухами подошники, брошенный рядом с фермой разукomплектованный трактор. За это никто никаких претензий не высказывал. Никто не обижался, если напишешь о полной неготовности сельхозтехники к весеннему севу по причине нехватки запчастей. Наоборот, даже спасибо могли сказать, в пример поставить как острого журналиста.

Но если ты начинал копать вглубь, доискиваться, кто же породил эти недостатки, почему и по чьей конкретно вине «остро недостает запасных частей» — тут все сразу и усложнялось. Можно было нарваться на неприятности, да еще какие!

Я всегда предпочитал писать не о самих недостатках, а об их виновниках, поэтому и неприятности сыпались на меня одна за другой. Помню, в день публикации первой в моей жизни критической корреспонденции на страницах газеты «Амурская правда», где я начинал работать литсотрудником, мои «герои» — около десятка руководителей разных рангов — пришли с жалобой в обком партии. Я в это время прогуливался с чемоданом по перрону железнодорожного вокзала — собирался ехать в Уральский государственный университет на сессию. Вдруг — объявление по радио: меня приглашают в справочное бюро. Мой шеф, заведующий промышленным отделом редакции Иван Савченко, крайне взволнован: «Тучи над тобой заходили, — слышу из телефонной трубки. — Наверное, придется тебе сдавать билет».

Хорошенькое дельце — сдать билет! А как же сессия, спрашиваю. Какая там сессия, говорит, ты еще не знаешь, что такое гнев обкома. Дает мне телефон, куда позвонить. Тут же, в справочной, набираю номер заместителя заведующего промышленно-транспортным отделом обкома партии, а он с ходу: «У меня сидит целая делегация уважаемых людей, которых ты, по их словам, оклеветал. Придется с тобой разбираться». Объясняю, что через 15 минут посадка на поезд, если не уеду, опоздаю к началу сессии. «Хорошо, езжай, — подумав, соглашается он. — Разберемся без тебя».

Стоит ли говорить, в каком душевном состоянии ехал я в Свердловск. Надо читать учебники, а в голову ничего не идет. Вдруг, пока я буду на сессии, меня ни за что ни про что уволят с работы?

Сессия эта была для меня первая после перерыва в учебе длиной в несколько лет. Вообще-то после школы я поступил на очное отделение журналистики Уральского госуниверситета, но, проучившись два с половиной года, получил серьезную травму и вынужден был вернуться домой. Освоил профессии слесаря и шофера, женился, поэтому, когда здоровье поправилось, перевелся на заочное отделение. И вот, качаясь на вагонной полке, терзался: что же теперь будет?

Но, приехав в родной университет, вдохнув знакомый запах его аудиторий, взял себя в руки. И даже добился разрешения сдать экзамены досрочно — в связи с ситуацией, которая ожидала меня дома.

На сессии все складывалось нормально, пока дело не дошло до таинственного предмета «Логика». К несчастью, преподаватель дал на подготовку всего один день, и когда я взял учебник, то ахнул — он был толстенный-претолстенный. Стал читать и

вообще очумел: ничего не понятно. Минут через тридцать, убедившись, что продолжать это занятие бессмысленно, отбросил сей фолиант и завалился спать.

Преподаватель был чуть старше меня, с юмором. Для начала он предложил мне рассказать о каком-то первом законе из науки «Логика». Я ответил, что никогда не слышал о существовании такого закона. Он посмотрел на меня с явным любопытством и попросил перейти ко второму закону. А когда узнал, что и о нем мне ничего не известно, стал с интересом меня разглядывать. Потом полюбопытствовал, не буду ли я любезен рассказать вообще хоть что-нибудь из уважаемой науки «Логика». Пришлось и на сей раз его огорчить: и этого сделать не смогу.

— Зачем же в таком случае вы ко мне пришли? — осведомился он.

— Чтобы показать, что могу прекрасно логически мыслить, даже не прочитав учебника.

— В самом деле? — удивился он. — Ну что ж, давайте проверим.

И началась приятная беседа двух молодых мужчин — на самые разные темы, кроме науки «Логика». Он спрашивал, я отвечал. Он спрашивал, я отвечал. Минут через 30-40 он сказал: «Это удивительно, но вы выдержали самый сложный тест. Не знал бы, что учебник в руках не держали, поставил бы вам пятерку. А раз знаю, ставлю четверку». Я согласился, что это логично.

Словом, домой я вернулся значительно раньше срока и сразу же помчался в редакцию. Мой шеф Иван Савченко чуть не подпрыгнул от радости. Оказалось, много лиха хватил он за это время из-за моей корреспонденции. А сейчас как раз должен был идти в суд. «Но раз ты приехал, пойдешь сам», — с явным облегчением сказал он.

В те годы журналисты в судах бывали нечасто, но на этот раз дело дошло до судебного разбирательства. В обкоме решили отложить решение вопроса о санкциях к газете до вынесения приговора. К счастью, до санкций дело не дошло. Судьи признали изложенные в публикации факты соответствующими действительности, а саму корреспонденцию — убедительной, не вызывающей каких-либо вопросов или сомнений.

Тогда-то для меня и стало правилом — писать четко и убедительно, чтобы мои публикации ни у кого не вызывали сомнений или вопросов. Все-таки мне повезло, что работать в печати я начал при хрущевской «оттепели», когда после долгого страха люди очнулись, глянули на мир иными глазами и ко многим начало приходить самосознание. В сильно омолодившейся тогда редакции областной газеты постоянно велись споры о новых путях в экономике, демократии, о том, какими должны быть партия, государство, общество. Для нас, молодых, с первых дней работы становились святыми такие понятия, как журналистский и гражданский долг, ответственность перед обществом. Именно молодые журналисты смело брались за острые и сложные темы, не думая, к каким неприятностям лично для них это приведет.

Тогда же у меня появилась уверенность, что если писать правду и не допускать в своих материалах «проколов», то можно сломить сопротивление любого, даже самого высокопоставленного чиновника. В конце хрущевской «оттепели» мне довелось выступить с критической статьей о порочном стиле работы Сковородинского горкома КПСС, показать неприглядный лик его первого секретаря. А буквально через несколько дней после публикации меня снова послали в Сковородино — по другому делу.

Захожу в кабинет первого секретаря горкома, здороваюсь. Из-за стола медленно поднимается рыжий широкоплечий бугай, и я вижу, как кровь приливает к его лицу. Опершись руками о стол, он набычивается, подается вперед. На меня смотрят округленные от гнева глаза и обрушивается гром его голоса. Он поносит меня самыми последними словами, потом срывается и бросается в мою сторону со сжатыми кулаками. До сих пор не могу понять, как этот разнузданный человек в самый последний момент сдержался и не зашиб меня своими кулачищами.

— Вон отсюда!

Не меньше буйствовал он и на заседании бюро горкома, когда обсуждалась статья. Но за годы «оттепели» и в партийные органы пришли люди, страстно желающие перемен. Одна из них — второй секретарь горкома Клавдия Гузикова — прямо сказала первому, что так, как работали до сих пор, дальше работать нельзя. Ее поддержали. Кончилось тем, что через некоторое время Клавдию Гузикову избрали первым секретарем, а ее буйного шефа отправили в другой район на хозяйственную работу.

К сожалению, «оттепель» вскоре закончилась, а вместе с ней и те хлипкие всплески свободомыслия, вольнодумства, самовыражения, к которым только-только начали привыкать. В 1968 году мне пришлось вступить в конфликт с Зейским райкомом партии, и на этот раз все уже было иначе.

В то время я работал собственным корреспондентом газеты по трем северным районам области, жил во временном поселке строителей Зейской ГЭС. Много писал о героических делах первопроходцев стройки, но иногда приходилось выступать и с критикой. Отношения с начальником «ЗейГЭССтроя» быстро испортились, мы перестали встречаться, а при случайных встречах старались не замечать друг друга. Это было ненормально, но инициатива исходила не от меня.

Наконец дошло и до райкома. По личному распоряжению редактора пришлось мне расследовать одно запутанное дело — о браконьерстве высокого районного начальства. С работой я справился, в газете была опубликована статья. Вот тут-то руководители райкома партии и встали на дыбы.

Недели через полторы после публикации редактор газеты Павел Уханов вызвал меня из Зеи в Благовещенск, пригласил в кабинет и протянул бумагу:

— На, читай и скажи, как теперь поступить?

Это была копия постановления бюро Зейского райкома КПСС по поводу статьи. Бог мой, что в нем понаписали! Привожу обвинения в мой адрес по памяти: автор привел факты браконьерства уважаемых в районе лиц, не соответствующие действительности; он вообще дает в газету, как правило, непроверенные, недостоверные материалы, нарушая тем самым журналистскую этику; постоянно чернит советскую действительность, создавая себе дешевый авторитет у несознательной части населения; оторвался от районной партийной организации, противопоставил себя ей.

— Ну? — спросил Уханов, когда я кончил читать. — Видишь, в чем тебя обвиняют? Противопоставил себя районной партийной организации, то есть составной части партии. Знаешь, что за это раньше делали? Ну да ладно, я бы на их пачкотню наплевал. Но такая же бумага пришла в обком партии, нам придется отвечать перед обкомом.

Я положил перед ним толстую картонную папку с белыми тесемками.

— Здесь собраны документы, — сказал, указывая на нее. — Для меня не составит труда опровергнуть все их измышления. Я сейчас как никогда вооружен и очень опасен. Поэтому можете спокойно отправлять меня на обкомовский ковер.

Уханов нехотя развязал тесемки, извлек несколько документов. И сразу же брови его взметнулись вверх. На первом же снимке он увидел группу браконьеров, вытягивающих сети из реки. Их было человек шесть или семь. А на переднем плане чуть ли не полснимка занимала фигура одного из секретарей Зейского райкома КПСС, выбирающего рыбу из уже вытянутых сетей. Партийный босс был доволен уловом, широко улыбался (не называю фамилии, так как его уже нет в живых).

Этот снимок прислал неизвестный читатель уже после публикации моей статьи, поэтому в редакции он был неизвестен. Кроме фотографии, в письме лежала записка о том, что снимал он тайно, из кустов, не замеченный браконьерами, и что фамилию свою назвать не может из-за опасения расправы.

Уханов долго рассматривал снимок, потом решительно снял телефонную трубку и попросил секретаря обкома по идеологии немедленно принять меня «по интересующему всех нас делу».

Секретарь обкома Михаил Григорьевич Карбивничий тоже, как и Уханов, начал изучать мою папку и сразу же наткнулся на фотографию своего подчиненного.

— Ай-яй-яй, — с осуждением покачал он головой. — А ведь что пишут в постановлении бюро, что пишут...

Примерно через час, пробежав все мои бумаги, Карбивничий вызвал члена партийной комиссии, вручил ему мою папку и велел лететь в Зею. Оказалось, что мой материал взят на контроль в ЦК КПСС. В связи с шумной кампанией в защиту Байкала там теперь следили за острыми публикациями на экологические темы, обратили внимание и на мою статью. Поэтому, сказал Михаил Григорьевич, придется выносить вопрос на бюро и принимать по нему принципиальное решение.

Но член парткомиссии так в Зею и не вылетел. Не состоялось обсуждение этого вопроса и на бюро обкома. Не знаю уж, кто на какие педали нажал, но «дело о браконьерстве», несмотря на контроль из ЦК, потихоньку спустили на тормозах.

Становилось обидно, когда все заканчивалось вот так — ничем. Но это было не самое худшее. Публикация все же достигала цели, неся людям информацию о неблагоприятных делах того или иного чиновника, будоражила общественное мнение. Хуже, когда журналисту, как говорится, перекрывали кислород, лишая его возможности опубликовать острый материал. Тогда он становился безоружным и беспомощным, похожим на рыбу, выброшенную на берег.

Со мной однажды тоже случилось такое. Больше месяца писал материал о приписках на строительстве Зейской ГЭС, вложил в написанное частицу себя. Современная молодежь не знает, что такое приписки. Между тем, это явление советской эпохи было достойно того, чтобы о нем слагали романсы и сонеты, поэмы и оды. Во времена застоя приписками занимались все, кто мог — начиная от нижних чинов производства и кончая столпами управления страной. Самым безобидным в этой цепи было — когда водитель грузовика сливал на землю горючее и накручивал дрелью тросик спидометра, чтобы получить плату за невыполненную работу. Самым грандиозным — когда невыполненная пятилетка вдруг превращалась в перевыполненную.

На строительстве Зейской ГЭС тоже имелись виртуозы приписок, умеющие творить чудеса. Подразделения «ЗейГЭССтроя» с треском проваливали план, а стройка в целом его перевыполняла, получая за это переходящие Красные знамена и премии. Докопаться до кухни превращения низких показателей в высокие было не так просто, но мне это удалось. Однако, когда статья была готова, редактору запретили ее печатать. У руководства обкома партии был железный аргумент: Зейская ГЭС — гордость области, поэтому не стоит предавать гласности компрометирующие ее сведения, а за приписки, мол, мы спросим с начальника стройки в рабочем порядке. Ну, вызвали, пожурили при закрытых дверях — только и всего.

К счастью, у меня тогда это был единственный случай. Во всех остальных мои критические статьи выходили в свет. И хотя после этого почти каждый раз начиналась ожесточенная борьба с «героями» публикаций, я ни разу ее не проиграл, и это приносило удовлетворение.

Потом долгие годы, работая в ТАСС, не занимался критикой и не конфликтовал со своими «героями». Но то, что было заложено в шестидесятых, осталось при мне. Теперь я снова чувствовал себя в родной стихии, как будто и не было последних пятнадцати лет тихого дрейфа. Не сомневался, что и сейчас сумею поднять перчатку, если она будет мне брошена.

«Петля Шарина»

Но перчатка была брошена не мне. Даже не перчатка — плевков. В лицо общественности. В один погожий летний день здание Дома Советов со стороны, куда

выходили окна кабинета первого секретаря обкома, было огорожено запрещающими дорожными знаками. Водители всех видов транспорта, доехав до знаков, обязаны были свернуть в сторону, чтобы не шуметь моторами под окнами «начальника» области. Обогнув Дом Советов с тыльной стороны, они снова могли выехать на ту же улицу.

Перекрыт был не второстепенный проезд или переулок, а участок главной магистрали города с шестью полосами движения в обе стороны. Огромный транспортный поток вынужден был делать петлю по узким боковым улочкам, совершенно не приспособленным для интенсивного движения.

В горисполком и ГАИ хлынул поток жалоб — горожане требовали прекратить безобразие и открыть движение по главной автомагистрали. Но вскоре поползли слухи, что ни горисполком, ни ГАИ здесь ни при чем: закрыть улицу приказал Шарин. Это вызвало буквально гнев горожан. Ради чего, спрашивали они, тысячи людей должны ежедневно тратить драгоценное время на объезды, а автомобилисты — жечь лишнее горючее? Чтобы тишина стояла в кабинете их превосходительства? Объезд вокруг Дома Советов сразу же окрестили «петлей Шарина».

Руководители ГАИ и горисполкома тоже считали, что закрывать движение не следует и, сколько могли, противились этому. Теперь они оказались в щекотливом положении. Нужно было объяснять людям, почему закрыта главная магистраль, а указать на Шарина никто не решался. В «Амурской правде» появилось какое-то невнятное разъяснение, что это, мол, сделано по просьбе трудящихся. Но такая традиционная ссылка на народ еще больше подлила масла в огонь — люди негодовали. Тогда пустили в ход другую версию: участок улицы Ленина и прилегающая к нему одноименная площадь закрыты на капитальный ремонт.

Однако вскоре даже простаку стало ясно, что и это блеф. Посыпались жалобы в Москву — в центральные газеты и на телевидение. Для городских властей злополучный участок улицы превратился в зубную боль.

— Что прикажешь делать, — пожаловался мне как-то один из заместителей председателя горисполкома, друг моей юности. — Чуть ли не каждый день его просим: Леонид Васильевич, ну допустили ошибку, так давайте исправим. Откроем движение, и люди успокоятся. Слушать не хочет, уперся. Теперь с этим и идти к нему боятся.

— А вы идите не к нему, а к народу, — посоветовал я. — Скажите правду: мол, улица закрыта не по просьбе трудящихся и не на капитальный ремонт, а по прихоти Шарина. И проголосуйте на исполкоме за открытие магистрали. Куда он денется?

— Ты что? — друг юности посмотрел на меня как на ненормального. — Назавтра же весь исполком разгонят. И на работу не устроишься...

Что верно, то верно. Был у партийных начальников такой метод воздействия: неугодных выгоняли с работы, а партийно-хозяйственному активу строго-настрого наказывали никуда таких людей не принимать. Человек месяцами, а то и годами мыкался без работы, и это было лучшей агитацией против вольнодумства.

Меня тоже донимал злосчастный объезд, особенно когда мы всей семьей ехали из дома в сады или возвращались обратно. Свернуть в боковой проезд было, конечно, нетрудно, но оскорбительно: ради чего? Обиднее всего, что я не мог написать об этом фельетон: для центральных газет это был мелкий, не заслуживающий внимания факт, а местная печать ни за что фельетон не опубликовала бы.

Как-то подвернулся случай задать вопрос по поводу объезда самому Шарину. Это было в здании театра драмы, где первый секретарь обкома встречался с интеллигенцией областного центра. Манера говорить с народом просто и раскованно с легкой руки Горбачева уже пустила корни в партийной среде, Шарин тоже выглядел в этот вечер таким своим парнем.

Записок с вопросами было много, оратор отвечал на них около двух часов, но мою записку так и не огласили. Лишь закрывая встречу, первый секретарь горкома КПСС

Юрий Ширин обмолвился, что есть, мол, еще один вопрос — об улице Ленина, но стоит ли, дескать, его сейчас обсуждать?

— Об улице Ленина? — оживился Шарин. — А почему бы нет? Хочу, чтобы все запомнили: костями ляжем, но движение не откроем.

В зале поднялся шум, послышались выкрики. Кто-то вскочил, начал возмущенно говорить. Шарин долго стоял на сцене, невозмутимый, как скала, слушал. Потом сказал веско, точно забивал гвозди:

— Ехал я по этой улице и спросил у своего шофера: что если мы здесь закроем движение? Он ответил: будет нормально. Все, вопрос этот решен окончательно.

На том встречу и закрыли. Возвращаясь домой в автобусе, я слышал, как возбужденные участники встречи продолжали разговор о злополучной «петле». Ответ первого никого не удовлетворил. Раздавались реплики: «такой действительно костями ляжет», «хам и волонтарист», «а прикидывался демократом».

То, что общественность не скрывала своего возмущения, а выражала его вслух, было, конечно, хорошо. Но никто из этих людей не имел возможности реально повлиять на ситуацию, защитить законные интересы горожан. Стало быть, как ни крути, а придется опять лезть на рожон мне.

Над этим я и размышлял в своем рабочем кабинете, когда в корреспондентский пункт ТАСС явился посетитель — инженер Благовещенской автоколонны № 1275 Александр Григорьевич Пирогов. В корреспондентский пункт — значит ко мне домой. В те годы собкоры центральных средств массовой информации, как правило, работали на дому — для этого им выделяли квартиры с дополнительной комнатой. Так было удобнее, особенно для сибиряков и дальневосточников. Не выходя из квартиры, собкор всегда считался на работе. Ему могли позвонить из Москвы, даже когда на месте была глубокая ночь.

Транспортное предприятие, где работал Пирогов, получило свое мудреное название недавно в соответствии с мобилизационным предписанием военных. В народе его называли по-старому — городской автобусный парк. Там в конце 50-х — начале 60-х годов я работал шофером автобуса, оттуда меня пригласили в газету. Но Пирогова я не знал: он пришел в автоколонну значительно позднее.

— Мы, то есть автобусники, хотим направить письмо на центральное телевидение, в «Прожектор перестройки», — сказал Александр Григорьевич, когда познакомились. — Пригласить оттуда тележурналистов, чтобы они сделали передачу о «петле Шарина».

— Ну, так в чем проблемы? Направляйте.

— Загвоздка в том, — продолжал Пирогов, — что мы писали в разные инстанции, но письма возвращаются назад — в местные органы. А здесь, естественно, никто мер не принимает. Поэтому я и пришел к вам. Помогите так составить просьбу, чтобы в «Прожекторе» ею непременно заинтересовались.

Я задумался. Передача «Прожектор перестройки» была одной из самых популярных в стране, ее смотрели все, от мала до велика. Тележурналисты программы, казалось, ничего и никого не боялись, критиковали сильных мира сего, невзирая на лица. Идея обратиться к ним, в принципе, была неплохая. Но от Москвы до Благовещенска очень далеко, посылать сюда съемочную группу будет накладно. Наверное, у «прожектористов» и поблизости достаточно тем. И все-таки...

Не теряя времени, Пирогов положил передо мной текст письма, заготовленный заранее. Он был очень короткий — всего полстранички: здравствуйте... пишут вам... приглашаем... и так далее.

— Это и все? — удивился я. — Да кто же приедет, прочитав такое? «Ну и что? — скажут в «Прожекторе». — Подумаешь — закрыли проезд перед Домом Советов. Сейчас многие так делают. Надо сохранять исторические и культурные центры городов, а не душить их выхлопными газами».

— Да? — в свою очередь удивился Пирогов. — Неужели это так воспринимается?

— Конечно, потому что написано неубедительно. Я вам помогу, но вы соберите данные обо всех негативных последствиях «петли». Сколько горючего на ней сожгли, как возросла аварийность, может быть, еще что-то.

Через несколько дней Александр Григорьевич пришел ко мне с любопытными данными. Оказалось, что только одна автоколонна № 1275 уже перерасходовала на объезде 42 тонны бензина, что «петля Шарина» дала сорок дополнительных дорожно-транспортных происшествий, в том числе с тяжелыми травмами, а расположенный на ней детский садик буквально задыхается от выхлопных газов.

— Это совсем другое дело, — похвалил я гостя. — Теперь и порассуждать можно.

Мы принялись отстукивать на машинке новый текст письма. Отстукивал я, но и Пирогов не сидел в стороне. Бросилась в глаза его неплохая литературная подготовка. Оказалось, что этот скромный инженер — без пяти минут кандидат философских наук. Прежде он работал преподавателем в институте, но перед самой защитой диссертации его исключили из партии, и карьера марксистско-ленинского философа перед ним закрылась. Долгое время Пирогов не мог никуда устроиться, голодал, пока начальник автоколонны, человек достаточно смелый, не взял его к себе.

Письмо получилось короткое — всего страница, но взрывное. Фактически это был текст, который можно было озвучивать на телевидении, не хватало лишь видеоряда.

— Да, — сказал Пирогов, еще раз перечитав написанное. — Это же бомба. Под таким письмом подпишутся сотни водителей. Не знает Леонид Васильевич, что мы приготовили. А может, все-таки сначала положить копию ему на стол?

— Чтобы он перекрыл вам выход на центральное телевидение?

— Верно, — согласился Александр Григорьевич. — Обязательно перекрыет. Хватка у него, по всему видно, волчья.

Очень довольный результатами визита, Пирогов ушел собирать подписи водителей. А на следующий день меня неожиданно пригласили в обком — к самому Шарину. Что за чертовщина? За два с лишним года его работы в области мы с ним ни разу не встречались и не разговаривали с глазу на глаз. Зачем же сейчас я ему понадобился?

Когда в назначенное время вошел в высокий кабинет, там, за приставным столиком, уже сидели Василий Федин и заведующий отделом пропаганды обкома Юрий Сиротин. Значит, речь пойдет об «Амурском комсомольце», мелькнула мысль.

И точно. Шарин с ходу обвинил меня в том, что я не туда веду областную молодежную газету: всякие письма мэру печатаем, статьи в «Комсомольской правде». Зачем это?

— То есть, как «не туда веду»? — недоуменно пожал я плечами. — Я же не редактор газеты. Что печатать, а что нет — решают там сами. Статья в «Комсомолке» действительно моя, но ведь меня поддержали бюро ЦК ВЛКСМ, газета «Правда». Или они тоже «не туда ведут»?

— Ха! — с сарказмом выдохнул он. — Знаем мы, как голосуют на бюро. Стоит первому руку поднять — и остальные за ним. Бюро тоже иногда может ошибиться, газета «Правда» — тоже. А «Амурский комсомолец» между тем становится все хуже и хуже.

— С чего вы взяли? Наоборот. По-моему, сегодня это лучшая газета в области.

— Тогда как прикажете понимать это?

Он не подал, а буквально швырнул мне через стол свежий номер молодежки, который я еще не видел. Внимательно просмотрел его и не нашел ничего предосудительного.

— На снимок посмотрите, — сказал Шарин. — Зачем они печатают на первой странице такие огромные снимки?

Федин и Сиротин закивали: да, мол, действительно снимки большие, зачем?

Объясняю, что размеры снимков определяются не путем опроса общественного мнения, а художником и ответственным секретарем редакции, имеющими специальное образование и соответствующую подготовку. У меня тоже журналистское образование, но

я не возьмусь судить, какой снимок велик, а какой мал, потому что дело это — специфическое.

— Хорошо, пусть будет так, — согласился Шарин. — Но скажите, какое право имеете вы, член КПСС, писать подметные письма в Москву против первого секретаря обкома партии?

— Какие еще письма? — не сразу сообразил я.

— Какие? А вот этот пасквиль разве не вы писали? — он достал из папки то самое письмо в «Прожектор перестройки», которое вчера увез от меня Пирогов.

У меня похолодело внутри. Как оно сюда попало? Неужели Пирогов все же решил вначале ознакомить с ним Шарина? Но я не для этого его писал. Может, этот инженер автоколонны — элементарный провокатор, а я так легкомысленно попался на его крючок?

Пока приходил в себя, Шарин продолжал психологическую атаку. С нескрываемой злобой он заявил, что таких, как я, в прежние времена просто расстреливали. Кто это делал, он не уточнил, но само собою подразумевалось, что таких, как я, расстреливали такие, как он.

Овладев наконец собой, я спросил, почему он называет это письмо подметным да еще пасквилом? Или в нем что-то не так?

— Да все не так, — запальчиво выкрикнул он. — Все вранье от начала до конца.

— Стало быть, никакого объезда в городе нет, и люди не требуют вновь открыть движение по улице Ленина?

— А чего вам всем дался этот объезд? Ну, закрыли улицу, так для общего же блага...

Шарин считал меня главным организатором коллективного письма водителей в «Прожектор перестройки». Предупредил: если оно уйдет в Москву, то он, Шарин, сотрет меня в порошок. Времени на размышление — всего несколько часов. После начала рабочего дня в столице он уже будет звонить в ЦК КПСС и в ТАСС.

В коридоре меня догнал Юрий Сиротин, которого я, как и Федина, знал очень давно.

— Альберт, ну зачем ты это сделал? — срывающимся голосом заговорил он. — Леонид Васильевич хороший, демократичный секретарь, что же ты его так? Забери письмо, забери, и мы с Фединым тебе поможем. Шарин хоть и крут, но отходчив. Будь благоразумен, и все образуется.

Я насторожился. И Шарин, и Сиротин хотят, чтобы я забрал письмо. У кого — у Пирогова, водителей? Значит, на столе у Шарина лежит не оригинал, а всего лишь светокония? Возможно, в автоколонне сейчас под моим текстом полным ходом идет сбор подписей, оттого тут так и всполошились...

У меня словно камень свалился с плеч. По-моему, даже плечи расправились. Нет, мне не нужно на раздумье несколько часов, не надо высочайшего прощения. Я не заберу письмо, и пусть Шарин звонит в ЦК, в ТАСС, куда угодно, пусть против меня поднимется весь этот огромный Дом — я буду делать свое дело до конца. А если меня все-таки сомнут, то ненадолго. Через год-два обязательно вернусь, ведь перестройка все-таки идет...

Приняв такое решение, я с облегчением зашагал прочь от обкома.

Но что же произошло с письмом, как его ксерокопия попала на стол Шарина?

Едва Александр Григорьевич вернулся в свою родную автоколонну и собирался начать сбор подписей, к нему подошел курирующий предприятие сотрудник КГБ. Вежливо, но настойчиво попросил показать текст, который мы только что подготовили.

Пирогов был ошарашен. Откуда у чекистов такая информация, ведь кроме меня и его, Пирогова, о письме пока никто не знает? У Александра Григорьевича тоже мелькнула мысль: уж не я ли тут подсуропил?

Сотрудник КГБ подозрительно долго читал письмо, вертел его и так и этак, наконец, вернул, сказав, что в основном оно правдивое, только резкое.

Через минуту Пирогов уже собирал подписи водителей, забыв о «гэбисте». И напрасно. На следующий день в автоколонну нагрянула делегация из горкома КПСС во

главе с первым секретарем. У него была невеста откуда взявшаяся светокопия письма, оригинал которого находился у Пирогова. Александр Григорьевич был ошарашен еще больше. Но, поразмыслив, понял: под текстом не было ни одной подписи, значит, сделал светокопию скрытой техникой тот самый «гэбист».

Целый день руководителям автоколонны «выкручивали» руки. Их запугивали, намекали, что если письмо будет отправлено, все они могут лишиться работы и остаться без куска хлеба. Наконец сопротивление было сломлено. Письмо с 410-ю подписями вместо «Прожектора перестройки» оказалось в руках у секретаря горкома. Никто из тех, кто его подписал, об этом не знал.

Шарин и его коллеги могли праздновать победу. Не мытьем, так катаньем им все же удалось обезвредить опасную бомбу, которая вскоре могла взорваться. Однако, выкрутив руки руководителям автоколонны, они, сами того не подозревая, заложили под себя мину замедленного действия еще большей убойной силы.

Теперь я имел все основания взяться за перо как корреспондент ТАСС. История с объездом неожиданно приняла совсем иной оборот. Ведь одно дело — перекрыть движение транспорта пусть даже вопреки мнению населения, и совсем другое — изъять письмо на телевидение за четырьмя сотнями подписей с критикой в свой адрес. Это уже не частный случай, не «факт местного значения», а большая политика, нарушение конституционных прав граждан, стиль работы партийного органа — когда с трибун ратуют за гласность, а на деле эту самую гласность душат. Такой материал центральные газеты не смогут проигнорировать.

Родился и заголовок статьи — «Гласность... для служебного пользования».

Иду на вы!

Во время нашей «душевной» беседы Шарин сказал, обращаясь к Федину и Сиротину:

— Это ж надо, он выбил меня из колеи на целую неделю. Теперь я не смогу работать.

Не знаю, как он, а я действительно не мог собраться и написать очередную плановую статью целую неделю. Пробовал, но мозг сверлила коварная мысль: что же будет?

Понятно, теперь мы ринемся друг на друга с открытым забралом. Он меня уже предупредил: «Иду на вы...» Отступить Шарин не будет — это ясно. Но и я, отказавшись забрать письмо, тоже фактически уже «пошел на вы».

Конечно, в честном бою победа однозначно будет на моей стороне. Но как раз честности-то со стороны моего противника ожидать нечего. Я выйду на поле брани один, а он — с огромным аппаратом партийных, советских и иных органов, поднаторевшим в интригах и кознях. Они наверняка будут применять запрещенные приемы — это и козе ясно. Ну что ж...

В один из этих заполненных тяжелыми мыслями дней я встречал в аэропорту младшую дочь Светлану, прилетевшую на каникулы из Владивостока. Она училась на втором курсе Дальневосточного политехнического института.

— Знаешь, папа, в последнее время я много читала о том, что было в 30-е годы, — сказала она, когда мы ехали вдвоем в машине. — О Чайнове, Кондратьеве, ленинградском секретаре Кузнецове, прокуроре Вышинском. Так вот, я уверена, что если бы сейчас было то время, тебя бы давно репрессировали.

— Это еще за что?

— А за все, что ты делаешь, за всю твою работу. Поводом послужила бы, например, статья в «Комсомольской правде» «Как вы посмели?».

— Ты читала мою статью? — удивился я.

— Конечно. Когда я вернулась с практики в институт, девчонки на курсе меня спрашивают: «Что теперь будет с твоим отцом?» И подают «Комсомолку» с этой статьей.

— Удивительно. Статья ведь из другой области, что за полторы тысячи километров от Приморья.

— Ничего удивительного. Шарин родом из Владивостока, его там знают. Люди говорят, что ты поступил правильно, но теперь тебе несдобровать. Еще говорят, что вслед за тобой возьмутся за нас, членов семьи...

— погоди. Статья ведь вовсе не о Шарине. Он там даже не упоминается.

— Ну и что? И так ясно, что это о нем.

Вот те на, оказывается, люди умеют читать между строк. Но, Боже мой, до чего же докатилось наше общество, если в народе убеждены, что за справедливую критику будет расплачиваться не тот, кого критикуют, а тот, кто критикует! Я попытался успокоить дочь, сказав, что сейчас время иное, что на моей стороне и «Комсомолка», и «Правда», и ЦК комсомола. О том, что то были цветочки, а теперь для меня начинаются ягодки, умолчал.

В это же время в Ленинском райкоме партии Благовещенска была зарегистрирована еще одна первичная партийная организация — 64-я по счету. О таком малозначительном факте можно было бы и не упоминать, если бы ему не суждено было в дальнейшем сыграть значительную роль в описываемых событиях.

Собкоры центральных изданий, аккредитованные в Благовещенске, всегда стояли на партийном учете в «Амурской правде». Выделиться в самостоятельную парторганизацию настоятельно предлагал собкор «Советской России» Виталий Черкасов. Он склонил на свою сторону всех остальных корреспондентов, кроме меня. Я считал, что собрания, протоколы, политучеба будут для нас лишней обузой — стоит ли всем этим добровольно «засорять» себе мозги? Но Черкасов был стреляный воробей, в недавнем прошлом он работал в «Правде» и там пострадал от партийной несправедливости.

— пойми, обкомовские чиновники не любят критических статей, — убеждал он меня. — И расправляться с авторами они будут не своими руками, а руками первичной парторганизации. По новому-то уставу только она может исключать из партии, а она, родимая, и исключит нас, и с работы потребует убрать — за политическую незрелость, профессиональную нечистоплотность и еще придумают за что. Есть у тебя гарантии, что ребята из «Амурки» не предадут нас в трудный момент?

Конечно же, какие тут могли быть гарантии? «Амурская правда» теперь уже была не той газетой, какой была в шестидесятые годы. Из старого коллектива здесь остались единицы, остальные ушли — кто в писатели, кто в собкоры центральных газет, кто уехал.

Не стало и редактора Павла Александровича Уханова. Хотя мы считали его консервативным, он нередко высказывал свое, особое мнение, отличающееся от других, даже на бюро обкома партии. Однажды имел неосторожность «вякнуть» там что-то такое, за что его без всяких объяснений убрали с поста редактора.

Постепенно в газете образовался новый сплоченный коллектив, в основном из районных журналистов, главным достоинством которых была беззаветная, как говорится, до мозга костей преданность партийному аппарату.

Мне довелось присутствовать на одном партийном собрании, когда буквально «избивали» хорошую работницу редакции, опытного корректора. Вина ее заключалась в том, что она обратилась с жалобой к самому Брежневу. Много лет эта женщина стояла в очереди на квартиру первой, но новоселье справляли другие, более «ценные» для редакции сотрудники, а она продолжала ютиться с большой семьей в маленькой комнатке. После обращения к Брежневу квартиру ей сразу же дали — четырехкомнатную, но на собрании устроили чуть ли не четвертование. Мне как председательствующему просто не под силу было сдерживать эмоции выступающих. После этого собрания бедняга не смогла больше работать в редакции.

Да, от таких «товарищей по партии» трудно было ожидать поддержки в случае конфликта с обкомом. Я согласился с Черкасовым, и мы, соборы шести центральных изданий, создали свою парторганизацию. Меня избрали секретарем. Позднее мы много раз убеждались, что сделали точный, дальновидный ход.

Мое опасение, что Шарин выведет на поле брани свой многочисленный аппарат, оправдалось буквально через несколько дней. «Боевой орган» обкома — «Амурская правда» вдруг опубликовала подборку писем своих читателей, которые горячо одобряли и поддерживали «транспортную реформу» в центре города. Из писем явствовало, что асфальт перед Домом Советов — любимое место отдыха большинства горожан, а транспорт мешал им отдыхать. Теперь, слава Богу, такой помехи не стало.

Это была красивая легенда, однако она годилась лишь для того, чтобы «втереть очки» какой-нибудь московской комиссии. Местное же население вознегодовало. В «Амурскую правду» хлынули письма-протесты, но ни одно из них не опубликовали.

Чтобы хоть как-то подкрепить легенду, городские власти поместили в той же газете объявление, что в ближайшие субботу-воскресенье на площади имени Ленина и прилегающей к ней территории состоятся массовые народные гулянья, будут работать торговые ларьки и палатки, а нарядные русские тройки с бубенцами всласть покатают детишек.

Действительно, такие гулянья здесь традиционно проводились в ночь под Новый год. На площади зажигала огни огромная красавица-елка, Дед Мороз и Снегурочка зывали горожан в снежный городок, где смешили людей герои русских народных сказок. В это время на несколько часов прекрывалось движение транспорта по улице Ленина. Но уже утром 1 января магистраль работала в обычном режиме, нисколько не мешая снежному городку.

Сейчас был февраль — время, не самое подходящее для массовых гуляний на продуваемой всеми ветрами площади. Да и гулять вроде как было не с чего. Но раз приглашают...

В ближайшую субботу я с соседкой Евгенией Петровной Ефимовой тоже пошел на площадь. С соседкой, а не с женой, потому, что мне нужен был свидетель, члены же семьи для такой роли не годились. В снежном городке действительно работало множество ларьков и палаток, торгующих всякими яствами, но народу собралось очень мало. Одна киоскерша, когда мы с Евгенией Петровной покупали какие-то сладости, пожаловалась, что за полдня к ней, кроме нас, подошли всего два человека.

Люди толпились в основном возле автобуса городского отдела культуры, некоторые отплясывали под радиомузыку. Вокруг ходил молодой парень с фотоаппаратом и снимал пляшущих в разных ракурсах.

Я спросил, из какой он газеты, но парень оказался из комбината бытового обслуживания. Городские власти заказали фотоальбом о сегодняшнем празднике, и парень не знал, как теперь выкручиваться.

— Они хотят, чтобы на снимках непременно было массовое гулянье, а где они — массы? — сокрушался он. — Уж чего я только не делаю — и на пузо ложусь, и на крышу автобуса лезу, боюсь — все напрасно.

У меня мелькнула шальная мысль: а что если в пику сделать другие снимки — чтобы на них были видны и безлюдная улица Ленина, совершенно не мешающая расположенному рядом снежному городку, и кучка людей, пришедших на «народное гулянье» по зову власти? Ну конечно, такие снимки вышибут у моих противников сразу все козыри. А сделать их должен этот же фотограф и обязательно дату поставить: день и час съемок.

— Послушай, — сказал я парню из КБО, — а не мог бы ты увековечить меня на фоне всей этой красоты? Только не здесь, а там, где я тебе покажу.

— Воля клиентов для нас закон, — засмеялся он, и мы пошли выбирать точки съемок.

Через несколько дней снимки уже лежали у меня на столе. На них было все, что нужно. Сам того не подозревая, фотограф из КБО вооружил меня убийственными документами.

...К концу февраля статья «Гласность... для служебного пользования» была готова. Писалась она втайне, знали о ней лишь несколько самых близких коллег. Один из них, бывший «правдист» Виталий Черкасов, договорился со старыми соратниками по перу, что ее опубликуют в «Правде». Я направил туда пакет с надежным гонцом. Но пока он летел в столицу, в редакции что-то произошло: в «Правде» гонца не приняли и статью печатать не стали. Что могло случиться, догадаться было нетрудно: ведь Виталий Черкасов разговаривал с бывшими соратниками по телефону открытым текстом.

К счастью, буквально через несколько дней меня самого вызвали в Москву на совещание собкоров ТАСС. Перед отлетом зашел в редакцию «Амурского комсомольца». Ольга Богач сидела в своем кабинете расстроенная, сказала, что теперь ее жизнь стала совсем невыносимой: в обкоме партии прямо-таки лютуют, придираются по любому поводу и без повода. А в «Комсомольскую правду» больше обращаться за помощью неудобно — сколько же можно?

— И все-таки черкни мне об этом хотя бы коротко, — сказал я. — Как раз лечу в Москву, может, смогу помочь...

Совещание собкоров ТАСС как никогда было интересным, в нем участвовали руководители многих центральных газет, активно использующих материалы агентства.

В первом же перерыве я разговорился с заместителем главного редактора «Комсомольской правды» Ядвигой Брониславовной. Красивую стройную полячку с умным интеллигентным лицом интересовало, что происходит на Амуре после выступления их газеты и публикации постановления бюро ЦК ВЛКСМ по Амурскому обкому комсомола. Я рассказал. Она внимательно слушала, с удивлением качала головой. Не удержался и выложил, что мою статью обо всем этом не стали печатать в «Правде».

— Где ваша статья? — спросила Ядвига Брониславовна.

— С собой. Размышляю, куда ее пристроить.

— Хорошо, — кивнула она. — Мы тоже поразмыслим.

В последний день совещания перед началом заседания меня разыскал в огромном актовом зале ТАСС мой начальник, главный редактор Главной редакции союзной информации Владимир Янченков.

— Вот что, Альберт, — распорядился он, — у подъезда стоит машина, бери ее и быстро езжай в «Комсомолку». Они решили печатать твою статью.

— «Комсомолка»? Но статья ведь о первом секретаре обкома партии. Он же им не по зубам.

— Не теряй время, — властно сказал Янченков. — От совещания я тебя освобождаю.

Через полчаса я уже был в кабинете Ядвиги Брониславовны. Быстро пробежав статью, она сказала:

— Написано хорошо, поставим в номер.

— Но там ведь о первом секретаре обкома партии, вы это понимаете? — на всякий случай спросил я.

— Понимаю, — снова улыбнулась она. — Поэтому и решили поставить в номер. Если о ней узнают люди Лигачева, может случиться то же, что произошло в «Правде».

Егор Кузьмич Лигачев был вторым лицом в Политбюро после Горбачева. Руководство средствами массовой информации в его обязанности не входило — этим занимался секретарь ЦК по идеологии Александр Николаевич Яковлев. Но все знали, что между ними постоянно идет борьба. Лигачев хочет подмять средства массовой информации под себя, однако Яковлев и его люди позиций не сдают. Победа в этой борьбе Лигачева не сулила нам, журналистам, ничего хорошего.

Ядвига Брониславовна пригласила заведующего отделом Сергея Кожеурова, со второй полосы завтрашнего номера газеты тут же был снят какой-то материал, и мы с Сергеем принялись подгонять под его размер мою статью. Это оказалось довольно сложным делом — значительную часть текста пришлось переписать. Оттачивали каждую фразу, чтобы, не дай Бог, не было никаких зацепок. На это ушел почти весь день. Я уже стал нервничать — успеем ли? У меня был взят билет на вечерний рейс до Благовещенска, в аэропорту мы должны были встретиться с женой, которая прилетела в Москву по своим делам — с отчетом в министерство.

Наконец исправленный вариант был готов, перепечатан и набран в типографии. Мы с Сергеем сидели в креслах, выжатые как лимоны. Ядвига Брониславовна, прочитав статью еще раз, уже в полосе, сказала:

— Все в порядке. Сейчас придет инструктор ЦК партии, посмотрит, и будем подписывать номер в печать.

— Какой инструктор? — ужаснулся я.

— Успокойтесь, это человек из команды Яковлева, — усмехнулась она. — Он глянет своим опытным глазом, чтобы мы, не дай Бог, не прокололись. Так что все будет хорошо. Можете лететь спокойно.

Ну да, спокойно... А вдруг к чему-нибудь придерется, скажет, что написано очень резко, надо, мол, помягче. А я уже буду в воздухе...

До вылета оставалось совсем немного, а еще надо было заскочить в гостиницу за вещами. Ядвига Брониславовна дала машину, которая примчала меня в аэропорт Домодедово буквально за несколько минут до конца регистрации билетов.

— Ну где же ты? — набросилась на меня жена, когда я появился у регистрационной стойки. — Мы же не улетим домой...

Бросаю ей вещи и скорее — к телефону-автомату.

— Я же сказала — не волнуйтесь, — услышал в трубке спокойный голос Ядвиги Брониславовны. — Инструктор вашу статью прочитал и не сделал никаких замечаний. По его мнению, придраться к ней будет очень трудно. Уже отправили газету в печать.

Только теперь у меня отлегло от сердца. Ну слава Богу! «Комсомолка» — это на всю страну. По влиянию на общество ее тогда можно было поставить на третье место после «Аргументов и фактов» и «Известий».

В самолете я рассказал обо всем жене. Она с молодых лет была моей горячей сторонницей, поддерживала во всех конфликтах. «Надежным гонцом», с которым я отправлял пакет со статьей в «Правду», была именно моя жена.

— Ну, теперь начнется, — сказала она, вздохнув. — Дай Бог нам силы все это выдержать.

В Благовещенском аэропорту первым нам встретился бывший сосед по квартире Виктор Журавлев. Когда-то дружили семьями, но потом мы переехали, встречаться стали редко. Он занимал высокие посты, однако при Шарине его без объяснения причин сослали на скромную должность в общество «Знание».

— Вы еще на свободе? — шутливо спросил Виктор, увидев нас. — А я думал, уже где-нибудь в Магадане...

— Что, Витя, прочитал статью? — догадалась жена.

— Не только я — весь город. Утром из газетного комплекса унесли целый мешок «Комсомолки» в обком партии.

Было 5 марта 1988 года. Этот день наверняка должен был стать поворотным в моей судьбе. В какую сторону произойдет поворот — другой вопрос, но то, что это случится, сомнений не могло быть. С сегодняшнего дня мне надлежало постоянно быть в хорошей физической форме, чтобы выдержать предстоящие моральные и психические перегрузки. Глянул на сигарету, которую успел закурить. Решил: это последняя...

Дома надрывался телефон. С некоторым опасением поднял трубку, но звонок оказался приятным. Незнакомый человек поблагодарил за статью в «Комсомольской

правде», сказал, что она вдохнула в него новую энергию. Едва положил трубку — снова звонок. Потом еще и еще.

В следующие дни дверь в моей квартире практически не закрывалась — шли и шли люди. Одни просто хотели поддержать, так как понимали, что мне теперь придется несладко. Другие обращались с жалобами, просили помощи. Третьи несли информацию о разных безобразиях, творящихся в руководящих кругах, которая могла мне пригодиться. Сколько же сторонников появилось у меня в одночасье! Выходит, зря я думал, что выйду на бой с партийным аппаратом один.

Удивительнее всего было то, что и многие работники обкома, облисполкома, других областных органов тоже высказывали мне свою поддержку. При встрече оглянутся по сторонам — нет ли поблизости посторонних ушей — пожмут руку и непременно скажут: «Молодец, так держать». Это уже совсем было хорошо.

Сам Шарин не предпринимал никаких действий — похоже, пребывал в растерянности. Лишь однажды до меня дошла информация, что на встрече в пединституте его спросили о последней публикации в «Комсомолке». Шарин ответил, что пока ничего сказать не может. Вот приедет комиссия из Москвы, разберется, тогда, мол, проинформируем общественность.

Что ж, меня это устраивало. Пусть едет комиссия. Поработаем с ней.

Лицо командора

Через неделю после публикации или чуть позже мне позвонил главный редактор Владимир Янченков, спросил:

— Ты живешь далеко от почтамта?

— Минут пятнадцать ходьбы, а что?

— Тогда живо туда и набери мой номер. У меня к тебе важный разговор.

Мне стало ясно: мой телефон прослушивается, а автомат на почтамте, конечно же, нет. Оказывается, вот как просто можно избавиться от посторонних ушей. Это, видимо, пришло в нашу контору из международной практики.

Когда я дозвонился до Янченкова, он предупредил, что в Благовещенск едет комиссия из ЦК разбираться со статьей. Возглавляет ее инспектор ЦК Цуриков — в прошлом второй секретарь Иркутского обкома, который скоро, очевидно, станет там первым. Он будет землю рыть, чтобы выполнить поставленную перед ним задачу. А какая это задача — догадаться нетрудно: Цуриков — из окружения Лигачева, работал вместе с Шариним. Второй член комиссии — зав. сектором ЦК комсомола, парень объективный, но он будет играть второстепенную роль, поэтому придется трудно. В конце Янченков добавил: «Руководство ТАСС надеется, что ты сумеешь доказать свою правоту».

Что ж, мне это не впервой. В моем досье — целая папка документов, несколько десятков свидетелей готовы подтвердить правдивость статьи. Они пришли ко мне сами, и каждый просил: если будет комиссия, обязательно пригласить его.

Цуриков — высокий, стройный, примерно моих лет — не стал вызывать в обком, а пришел в корреспондентский пункт ТАСС вместе с парнем из ЦК комсомола. Разговор был простецкий, обстановка доброжелательная. Цуриков сказал, что если факты подтвердятся, Шарину несдобровать. Во всяком случае комиссия будет предельно объективна — это он гарантирует.

Ну прямо — друг и единомышленник... Но Янченков не зря предупреждал, что этот человек из команды Лигачева, работал вместе с Шариним.

И простецкий Цуриков тут же начал «раскрываться». Во-первых, он уклонился от встречи со свидетелями, список которых я ему передал. Во-вторых, потребовал, чтобы я предоставил подтверждение малозначимым фактам, не имеющим прямого отношения к

сути статьи. Ну, например, я писал, что конфликт между молодежной газетой и обкомом комсомола вызвал большой интерес у местной общественности.

— Где доказательство, что это именно так? — допытывался Цуриков.

— Но разве несколько публикаций в центральных газетах, которые обычно не балуют вниманием нашу область, могли остаться незамеченными? О них тогда только и говорили.

— В журналистских кругах — возможно, — нажимал он. — Вы докажете, что и общественность этим интересовалась.

В другом месте статьи говорилось, что когда второй секретарь обкома партии Федин разговаривал с редактором молодежки, у него «появлялся металл в голосе». Как это понимать, спрашивал Цуриков.

Разгадать его нехитрый замысел было нетрудно: если я что-то из мелочей не смогу доказать, этого будет достаточно, чтобы назвать статью необъективной. Но что делать — пришлось заниматься ничемной работой. Хорошо еще, что ответить на поставленные Цуриковым вопросы не представляло большого труда.

Мои новые сторонники, теперь каждый день посещавшие корпункт, в один голос подтвердили, что хотя никто из них не имеет никакого отношения к журналистике, они очень интересовались конфликтом между молодежной газетой и обкомом ВЛКСМ. Каждый засвидетельствовал это письменно. Профессор педагогического института Николай Антонович Шиндялов, которому я позвонил, «для солидности» тоже написал, что студенты и преподаватели вуза были буквально взбудоражены публикациями в «Комсомольской правде» и «Правде». Этого, по моему мнению, было достаточно.

Расшифровать выражение «звучал металл в голосе» тоже оказалось несложно. В первоначальном варианте статьи у меня это уже было сделано: рассказывалось, как на одном представительном журналистском совещании Федин заявил, обращаясь к огромной аудитории, что в редакции газеты «Амурский комсомолец» окопались... враги народа. Однако при подготовке материала к публикации в «Комсомольской правде» это место пришлось сократить. Теперь легко восстановил вычеркнутое, нашлось и несколько участников того совещания, которые письменно подтвердили, что все было именно так.

Пока я вылавливал «блох», Цуриков занимался «расследованием». Чтобы «установить истину», ему понадобилось чуть больше суток. Через день он снова пришел ко мне с заведующим сектором ЦК комсомола.

Расследование дало поразительный результат. Пообещав принародно лечь костыми за свою идею, Шарин вдруг передумал: не стал доказывать, что, перекрыв путь транспорту под окнами своего кабинета, он поступил правильно, а полностью... от всего откrestился. Мол, никакого отношения к объезду не имею, указаний поставить возле Дома Советов запрещающие знаки не давал, кто и почему это сделал — ведать не ведаю.

Это было истинное лицо главного «командора» области. Оно не несло на себе ни малейших следов таких человеческих качеств, как принципиальность, готовность отвечать за свои поступки. Вообще на нем не было ничего благородного. Стало даже как-то неловко: с кем приходится воевать, черт побери!..

Однако Цуриков принял заявление своего бывшего коллеги по ЦК КПСС всерьез. Для него этого заявления оказалось достаточно, чтобы считать непричастность Шарина к данному делу доказанной и бесспорной. Все остальное его теперь не интересовало. Например, если не Шарин, то кто в таком случае является автором объезда и по какой причине этот объезд именуют «петлей Шарина»? Почему Леонид Васильевич клялся перед интеллигенцией города лечь костыми за существование объезда? В честь чего, наконец, перехватили жалобу в «Прожектор перестройки» за подписью 410 водителей? Все это Цуриков считал не заслуживающими внимания мелочами, не способными поколебать главный вывод комиссии: на Шарина возвели напраслину.

— Кроме того, и с молодежной газетой вы тоже дали маху, — с притворным сожалением продолжал посланец ЦК. — Редактор говорит, что никакого давления со

стороны партийных и комсомольских органов она не испытывает. А письмо на ваше имя вы сами заставили ее написать.

— Ольга так говорит? — изумился я. — Вот это новость! Интересно, каким же образом мне удалось ее заставить? Ведь я не ее начальник. Разве что пригрозил изнасиловать?

— Не надо иронии. Вот ее письменное заявление.

Цуриков показал несколько машинописных страниц, но в руки не дал — сложил листки так, что виден был лишь один абзац. Успел разобрать фразу: «я пришла из обкома сильно расстроенная». Что было дальше, узнать не удалось — Цуриков спрятал листки в карман.

— В общем, — подытожил он, — вы дали необъективную статью и должны это признать. Если вы честный человек, то зафиксируете свою ошибку письменно.

— Письменно? — я едва не задохнулся от гнева. — Вы хотите, чтобы я фактически отрекся от того, что написал в своей статье?

— Да, именно так.

О Господи!.. Только что прочитал у Елены Уайт, как средневековые инквизиторы, не в силах опровергнуть учения Яна Гуса и Мартина Лютера, требовали от них: отрекись от тобою сказанного. Отрекись — или пойдешь на костер.

И вот она наяву — инквизиция! Внешне такая современная, благообразная, одетая с иголки, но тоже требует: отрекись!

— Послушайте, — сказал я резко, уже не пытаюсь сдерживать эмоции, — вы что — считаете меня законченным идиотом? Разве я похож на такого человека?

— То есть вы отказываетесь признать свою ошибку? Так, что ли? — спросил Цуриков.

— Конечно, потому что никакой ошибки нет. Я прав на все сто процентов. Это подтверждает мое досье с документами, хотя бы подтвердит десятки свидетелей. Но вы на документы даже не взглянули, встретиться с людьми не желаете.

Такой поворот, видимо, не входил в планы Цурикова. Он, скорее всего, ожидал получить от меня покаянную бумагу и на том дело закончить. Как я потом узнал, накануне вечером, отправив представителя ЦК ВЛКСМ изучать подшивку «Амурского комсомольца», Цуриков три часа с глазу на глаз «обрабатывал» Ольгу Богач и совсем уничтожил ее морально. Она что-то ему написала, видимо, не совсем то, на что он рассчитывал, но все-таки... А тут оказалось сложнее.

Цуриков опять начал говорить что-то насчет совести, которая, по его расчетам, у меня вроде бы должна быть. Что-то о партийном долге, ответственности перед партией и тому подобное. Но прежнего напора в его словах уже не было. Стало ясно, что продолжать дискуссию с этим заикленным человеком бессмысленно. Послушав его еще немного, я перебил:

— Вы направьте опровержение в «Комсомольскую правду». Обоснуйте его, изложите свою аргументированную позицию. Пусть народ почитает. Народ прочитал мою статью, пусть теперь почитает вашу.

— Как это так? — вдруг встрепенулся молчавший все время представитель ЦК комсомола. — Наша газета впервые за всю историю отважилась покритиковать первого секретаря обкома партии и вдруг — опровержение.

— Это если комиссия сможет аргументировать свою точку зрения, — спокойно сказал я, обращаясь к нему. — Но она никогда ничего не докажет. Это абсолютно исключено.

Цуриков резко поднялся:

— Очень жаль, что мы не нашли общего языка. Я на это надеялся.

Провожая гостей до двери, успел заметить, что настроение у них разное. Парень из ЦК комсомола пришел подавленный, а уходил приободренный, Цуриков же, наоборот, вначале был бодр, источал энергию, теперь помрачнел, сник, насупился.

А через час-два его тонус, надо полагать, еще более понизился. В этот день проходила сессия Благовещенского городского Совета, и на ней один из депутатов огласил письмо рабочих электроаппаратного завода с требованием немедленно открыть проезд перед Домом Советов. Сессия тут же проголосовала за это, работникам ГАИ было дано указание убрать с улицы запрещающие знаки.

Когда началось заседание бюро обкома КПСС, на котором обсуждались итоги работы комиссии ЦК, под окнами кабинета Шарина вновь катили машины. Надо полагать, сей факт не очень-то вдохновлял местный партийный генералитет. Ведь впервые за семь советских десятилетий события начали развиваться не так, как решали в этом кабинете.

Бюро было закрытое, даже меня, автора статьи, на него не пригласили. Чем закончилось обсуждение, узнать не удалось. Однако не вызывало сомнений, что Цуриков повез в Москву, мягко говоря, искаженную информацию, которая завтра-послезавтра может оказаться на столе самого Лигачева. А Егор Кузьмич ведал кадрами, ему достаточно было одного росчерка пера и... размахивай тогда кулаками после драки.

Но это, рассудил я, если и будет, то не раньше, чем через день-два. Сейчас же «драка» пока не закончилась, поэтому надо не теряя времени готовиться к любым поворотам судьбы.

От комиссии ведь и не ожидали ничего хорошего, иначе Янченков не стал бы мне звонить. Так что пока резких отклонений в сторону не произошло. В запасе у меня есть время. Теперь, говоря языком боксеров, надо грамотно провести последний раунд, а там поглядим.

Прежде всего следовало выяснить, не взял ли кто-нибудь из местных руководителей вину Шарина на себя. Могли ведь в последний момент найти козла отпущения, чтобы выгородить любимого начальника. Даже выговор вкатить этому «козлу» на бюро обкома — за неправильные действия и игнорирование мнения трудящихся. Тогда отстаивать свою позицию мне стало бы намного сложнее.

Однако даже такой очевидный ход партийные генералы сделать не смогли, хотя и пытались. Неизвестного злодея, закрывшего движение автомобилей перед Домом Советов, стали искать среди работников... ГАИ.

— Чуть было инфаркт не схватил, — рассказывал мне майор милиции Алексей Сенченко. — Вызывают меня «на самый верх», спрашивают: кто тебе позволил перекрыть улицу Ленина, что это за самоуправство? У меня глаза по пять копеек от удивления. Как кто, отвечаю, вы же сами меня и заставили. Ничего подобного, говорят, никто тебя не заставлял, покажи документ. А письменного распоряжения действительно не было, только устное. Но я тогда с ними до хрипоты спорил, доказывая, что магистраль перекрывать нельзя. И слушать не хотели, а теперь, когда приехала комиссия, вон как повернули. Раз нет документа, говорят, значит, придется тебе отвечать. Только я тоже стреляный воробей, сразу догадался, по какому поводу вызывают. Поэтому захватил схему объезда, утвержденную председателем горисполкома. Показываю. Вижу — сконфузились. Ладно, говорят, можешь идти. А не будь этой схемы...

После такого конфуза поиски «неизвестного злодея» прекратили. Цуриков улетел практически с пустыми руками, если не считать какого-то таинственного письма Ольги Богач да постановления бюро обкома. Я встретился с Ольгой. Она уже отошла от стресса и была в своей обычной форме.

— Я не знаю, что ты там написала, — проговорил как можно мягче, — но прошу тебя: расскажи, как все было на самом деле. Вот диктофон, я могу выйти, говори без меня.

И Ольга рассказала. О том, как из-за постоянных придириков партийного руководства области жизнь ее превратилась в сплошной кошмар, как Цуриков долго страдал ее, и она, боясь за себя и за сына, напечатала письмо на его имя, будучи словно в тумане. Наговорив все это на пленку, Ольга вручила мне еще и свое послание в ЦК КПСС, которое начала писать после отъезда Цурикова, но не закончила. В нем говорилось, что, доведенная до отчаяния, она боится, как бы не покончила с собой.

В тот же вечер я отстучал две телетайпограммы в Москву — секретарю ЦК КПСС А. Н. Яковлеву и руководству ТАСС. Сообщал о предвзятом расследовании комиссии, просил не принимать организационных решений до ознакомления с моими документами. Конечно, обе эти телетайпограммы прочитали местные ребята из КГБ, ну и пусть. Главное — они ушли по назначению, это подтвердили автоответчики обоих адресатов.

А среди ночи в моем рабочем кабинете застучал телетайп. На ленте отпечатались всего две короткие фразы: «Вызываем в Москву. Быть 21 марта». И все. Даже обычного «уважаемый Альберт Аркадьевич» не написали.

Значит, Цуриков уже сработал, и его информация дошла до руководства ТАСС. В агентстве мной недовольны — это чувствовалось по стилю письма.

Янченков был усталым после ночного дежурства. Ответив на мое приветствие, повел к генеральному директору ТАСС Лосеву.

— Из ЦК сообщили, что вы оклеветали первого секретаря Амурского обкома, — сказал Лосев явно без сочувствия. — Редактор молодежной газеты не подтвердила приведенные вами факты. Комиссия установила, что конфликт между газетой и обкомом партии полностью вами придуман. Тем самым вы крепко подвели нас. Как же так?

— Обождите, Сергей Андреевич, — с обидой сказал я. — Разве можно такое придумать? Все обстоит иначе. Хотите послушать, что на самом деле говорит редактор молодежной газеты?

Не дожидаясь ответа, нажал кнопку диктофона. В кабинете зазвучал твердый, решительный голос Ольги Богач. Она говорила горячо, без всякой боязни, называя вещи своими именами. Я переводил взгляд с Янченкова на Лосева и видел, как их лица меняются. А когда сказал, что у меня есть и собственноручное письмо Богач в ЦК КПСС и изложил его содержание, Лосев решительно встал.

— Вот что, — сказал он. — Даю вам три дня. Подготовьте детальное обоснование своей статьи. Приложите эту пленку, письмо и что там еще у вас есть. Сделайте несколько копий — для нас, ЦК КПСС, ЦК комсомола, «Комсомольской правды». В общем, поборемся. Желаю успеха.

Сейчас Сергея Андреевича Лосева уже нет в живых. Но я до сих пор вспоминаю этого известного во всем мире журналиста-международника, своего генерального директора с благодарностью за принятое им тогда решение.

За три дня я написал чуть ли не диссертацию. К убористому тексту в 14 страниц добавил 32 приложения — некоторые из них были объемом до 10 страниц. Приложил и несколько магнитофонных кассет с записями живых голосов. Сама же статья не превышала 5 страниц машинописного текста. Вот как непросто оказалось отстаивать правду.

Закончив работу, отнес «диссертацию» Янченкову, тот велел сидеть в гостинице и ждать звонка. Ожидание было долгим и тягостным. Телефон молчал: видимо, и в ТАСС, и в других инстанциях изучали мой труд очень серьезно. Наконец, в пятницу вечером, позвонил заместитель ответственного секретаря Александр Рожков.

— Альберт, впереди суббота и воскресенье, нечего тут болтаться. Бери билет и возвращайся домой.

— Как — домой? Ведь будут обсуждать мою статью.

— Никто ее обсуждать не будет. Вернее, уже обсудили, — я услышал его довольный смех. — Ты так все объяснил, приложил такие пленки и документы, что ни у кого не возникло никаких вопросов. Янченков велел тебя поздравить. Возвращайся и спокойно работай.

У меня отлегло от сердца. Очень хотелось узнать подробности, но Рожков ничего добавить не мог.

Вернувшись домой, попал прямо на пресс-конференцию Василия Федина, проводившуюся в здании «Амурской правды». Перед началом зашел в кабинет редактора

газеты Леопольда Сарапаса. Там был и Федин. Сарапас поинтересовался, чем закончилась моя поездка в Москву.

— Как обычно, — уклончиво ответил я.

— Что значит — как обычно? — насторожился Сарапас. — Сняли тебя или не сняли?

— Как это — сняли? — изображаю на лице крайнее удивление. — За что?

— Как — за что? Тебя же вызывали, чтобы снять...

— С чего это ты взял? — недоуменно пожимаю плечами. — Наоборот, пожелали дальнейших успехов.

Сарапас и Федин вопросительно посмотрели друг на друга: верить или не верить? И что теперь говорить журналистам, которых и собрали-то с единственной целью: сообщить, что с корреспондентом ТАСС по Амурской области покончено.

Пресс-конференцию они все-таки начали, но явно не в том ключе, как задумывали. Федин говорил без обычного напора, казалось, тяготился ролью ведущего. Вяло пересказал постановление бюро обкома по моей статье, вызвав недоумение в зале. «Как же так? — можно было прочитать на многих лицах. — По изложенным в статье фактам бюро приняло меры, но в конце признало эти факты вымышленными, а автора клеветником! Где же логика?»

Едва Федин закончил, поднялся я. И рассказал, как все было на самом деле. Это была моя первая в жизни публичная политическая дуэль. Думаю, меня слушали с большим интересом, чем Фебина.

На следующий день я увидел его в еще более мрачном настроении. Цвет лица был землисто-зеленым, голос осел до хрипоты, выглядел Вася совершенно отрешенным от жизни. Причиной этого никак не мог быть его провал на вчерашней пресс-конференции. Тогда что же?

Вскоре стало известно, что Фебина освободили от работы. Шарин потерпел лишь моральное поражение, проиграв борьбу за тишину в своем кабинете. Федин же потерял все. Ему оставалось перешагнуть всего лишь через одну ступеньку — инспектора ЦК КПСС, чтобы стать первым секретарем какого-нибудь обкома или крайкома страны. Эта ступенька была приготовлена для вторых секретарей, где они проходили короткую «пересидку». Но Василия «кинули» на рядовую преподавательскую работу в одну из партийных академий. Оттуда дорога на партийный олимп была закрыта.

Еще больше удивила информация о Цурикове. Этого партийного «боевика» собирались везти в Иркутск, чтобы сделать первым секретарем обкома. Однако «петля Шарина» и ему стоила карьеры. После провала в Благовещенске Цурикова никуда не повезли.

По этому поводу, как рассказал мне коллега, корреспондент ТАСС по Иркутской области Владимир Ходий, в Приангарье ликовали. Цуриков работал там вторым и оставил о себе самые мрачные воспоминания. Многие местные работники собирались уезжать, если он станет первым.

— Неужели это такой человек? — спросил я у Ходия.

— Страшный! — сказал Володя, как в свое время говорил по поводу Шарина другой мой коллега Владислав Аникеев.

О Боже! Какие же кадры подбирает для Горбачева Егор Кузьмич Лигачев! Уж с ними Михаил Сергеевич точно сделает «перестройку». Только вот какую?

А через несколько дней мне передали информацию о том, что Шарин заявил в кругу своих приближенных:

— Я ничего не могу поделать с этим писакой. У него в Москве — большая рука.

Нет. Никакой «руки» у меня в Москве не было.

Мои университеты

После нескольких месяцев невероятного душевного напряжения хотелось расслабиться, отдохнуть от дел. Поехать, к примеру, на Быссинский минеральный источник, что на севере области, провести там недельки две дикарем, побродить по тайге. Для этого даже не обязательно было брать отпуск: можно ведь сочетать отдых с творчеством.

Но я и не подозревал, какую новую «беду» накликать на себя своими публикациями. Теперь ко мне шли люди буквально со всех концов области. Едва утром я опускал с кровати ноги в тапочки, как в прихожей раздавался звонок. Человек просил принять его немедленно, так как приехал издалека, отпросился с работы на денек-другой, поэтому надо скорее возвращаться. Приходилось приглашать его в кабинет, подолгу выслушивать, отложив все остальные дела. В основном это были люди, в свое время пытавшиеся в одиночку бороться с беззаконием, произволом властей, социальной несправедливостью. Их попытки неизменно заканчивались поражением, однако они не хотели с этим мириться. Теперь, почувствовав, что пресса обретает силу, они устремились ко мне.

Как правило, посетитель оставлял толстую пачку документов, которые скопились у него за долгие месяцы, а то и годы борьбы. Все это надо было прочитать. Конечно, я не отказывал землякам в поддержке, даже если помочь ничем не мог, кроме как дать дружеский совет.

Каждый из этих людей имел немалый опыт сопротивления с партийной номенклатурой. Если бы собрать их всех вместе да объединить в какую-то организацию, получилась бы реальная сила, способная противостоять партийному аппарату. Иногда у меня появлялось желание это сделать, но я тут же отбрасывал его. Воспитанный в духе «демократического централизма», я и допустить не мог, что в нашей стране возможно существование иной политической организации, кроме КПСС. Да и сама мысль выступить против «великой, мудрой и справедливой» партии Ленина казалась тогда дикой и кощунственной. Иное дело — бороться против отдельных мерзавцев, пробравшихся на руководящие партийные посты. Так нас учили, этим правилом и руководствовались мы, газетчики.

Между тем мне стали приносить документы, в высшей степени любопытные. Если бы какую-то часть их я смог прочитать в молодые годы, когда работал шофером автобуса, то наверняка не стал бы писать заявление о приеме в партию. Из этих документов было видно, что мерзавцы в партии занимают не отдельные, а буквально все высшие руководящие посты.

Одна из посетительниц показала мне бухгалтерские ведомости подпольной пошивочной мастерской. Лет за 7-8 до этого мой коллега, журналист Дмитрий Епифанов, с которым в шестидесятые годы мы вместе работали в «Амурской правде», опубликовал в «Правде» фельетон о том, как амурские бытовики за бесценок обшивают мехами местную партгосноменклатуру. Никого из начальников Епифанов тогда не назвал, но фельетон в их среде вызвал бурю возмущения. Будь Дмитрий Андреевич в Благовещенске, ему наверняка не избежать бы крупных неприятностей, но он к тому времени ушел на пенсию и выехал за пределы области. Уехала и повздорившая с местным руководством работница службы быта, которая снабдила Епифанова документами.

И вот через столько лет мне принесли ведомости, проливающие свет на то самое «меховое дело». Оказалось, что после фельетона все осталось по-прежнему, только подпольное производство тщательно засекретили. Официально существовал ученический цех областного управления бытового обслуживания, где молодежь овладевала редкой профессией мастера по мехам. Для него выделялось якобы второсортное сырье, которое и испортить не жалко. В действительности же профессиональные мастера шили здесь для большинства начальников шапки, воротники и прочий дефицит из лучших мехов по смехотворно низкой цене.

Я стал изучать отпускные ведомости. Ба, знакомые все лица! Никогда не подозревал, что секретари и заведующие отделами обкома КПСС шили шапки в мастерской, где работали девочки-неумехи. Но, согласно ведомости, шили и платили за эти головные уборы гроши. Здесь же одевались в меха и жены партийных начальников.

Любопытно было видеть, кто из номенклатуры «допущен» в этот цех, а кто нет. Кроме секретарей и заведующих отделами обкома сюда приходили председатель облисполкома и его заместители, а также начальники областных управлений. Но я не нашел фамилий замзавотделами обкома, не говоря уже об инструкторах. Стало быть, они уже считались менее ценными кадрами.

Как ни горько было признать, но в моем житейском образовании обнаружился очень серьезный пробел: я совершенно не знал снабженческо-бытовой стороны жизни сильных мира сего. Теперь, словно сговорившись, посетители восполняли этот мой недостаток. Они вводили меня в таинственный, скрытый от посторонних глаз мир, где действовали неписанные законы, главный из которых можно было бы сформулировать так: все лучшее и без всяких ограничений — руководству!

У областных, городских, районных властей было железное правило: каждую партию дефицитных товаров вначале осматривало первое лицо. Как правило, вместе с ним приходили жена, дочка, теща. В подвалах магазинов или складах распахивались все двери. Первому доставалось все самое-самое...

Мне рассказали, что однажды в Благовещенский универмаг поступили два импортных премиленьких женских платья. Жена первого секретаря обкома примерила — подходит. Платье тут же перекочевало в ее сумку. Но что делать со вторым? Ведь через час-два его обязательно возьмет жена председателя облисполкома. Милое дело, если первая и вторая леди появятся на каком-нибудь сабантуйчике в одинаковых платьях! Поэтому директору универмага тут же поступила команда: отправить второе платье за пределы области. Как ни жалко было торговцам расставаться с такой красотой, распоряжение они выполнили. Не дай Бог, дойдет до вельможной дамы, что еще кто-то из женщин носит такое же платье, как у нее!

После «хозяина» и его домочадцев в подвалах появлялись второе лицо, третье, четвертое... Они приходили в разное время, чтобы не застать друг друга за постыдной дележкой. Нередко бывало, высокие начальники вспоминали и о своих друзьях. Тогда отобранный ими товар складывали в огромные целлофановые мешки или коробки и помещали туда бумажку с надписью: для такого-то... Потом достаточно было прийти и сказать: «Я такой-то...» и можно было забирать мешки-коробки.

После этого к дележке допускалась номенклатура помельче и само торговое начальство. Потом доходила очередь и до рядовых продавцов, кладовщиков, подсобных рабочих. В торговом заведении прекращалась всякая работа. Рыцарей прилавка интересовало лишь одно — когда, как и сколько будут делить. Продавцы не входили ни в какую номенклатуру, но без них нельзя было обойтись, поэтому приходилось с ними считаться. В благодарность «мелкая сошка» обязана была держать язык за зубами.

Очень редко, но все же случалось, что кто-то из этой «мелкой сошки», что называется, взбрыкивал. Тогда подключался народный контроль, милиция, прокуратура. Но они занимались не проверкой незаконного распределения товара, а личностью «отступника». У человека, вздумавшего пойти против течения, как правило, находились такие грехи, что никто в стране уже не смог бы его защитить.

Во время рейда районной газеты в поселке Поярково две молоденькие продавщицы, комсомолки, признались журналистам и активистам печати, что через подвал их магазина отоваривается все начальство района. Это была правда: из девяти членов бюро райкома КПСС через «подвал» не проходили лишь двое. Однако девчат уволили, а материал рейда опубликовать запретили.

Мне пришлось заниматься жалобой молодых продавщиц о незаконном увольнении. Потребовался весь мой прежний опыт, чтобы раскрутить это дело. В конце концов в

райкоме вынуждены были признать, что факты незаконного отоваривания через «подвал» имели место. Бюро райкома в официальном порядке даже осудило такую практику. Но когда речь зашла о том, что девчат следует вернуть на прежнее место работы — не тут-то было. Этого не хотели ни райкомовцы, ни сами торгаши. Выпускницы местной средней школы для них стали чужими, при них было опасно продолжать ту же практику, отказываться от которой, несмотря на публичное осуждение, никто и не собирался.

Сейчас в некоторых газетах можно прочитать: тогда, мол, все стоило дешево. Оно, конечно, так, но только вот обеспечивать народ товарами более или менее сносно государство смогло лишь короткое время — в пору так называемого «нефтяного бума» (об этом мы еще поговорим). А когда к середине 80-х годов экспорт нефти сократился и уменьшился импорт товаров из-за границы, прилавки магазинов быстро начали пустеть. К 1987-1988 годам дефицитными были уже и майки, и трусы, и простыни, и наволочки, и рейтузы, и колготки, и большинство видов обуви, и телевизоры, и холодильники, и пылесосы, и многое другое. Только через «подвалы» да спецраспределители, через знакомых в торговле можно было кое-что приобрести.

Слово «дефицит», означающее нехватку чего-либо, стали употреблять в ином значении — им называли сами вещи, которых не хватало. Если человек был одет с иголочки, в наряды, отсутствовавшие на прилавках, то говорили, что он одет в «дефицит».

Разлагающее влияние «дефицита» расплодилось по всем порам общества, как грибок по прогнившим балкам старого здания. Перед ним оказался бессильным даже Уголовный кодекс, не говоря уже о социалистической морали. «Блат» не знал ни возрастных, ни должностных, ни административных границ. Если не все, то большая часть общества жила по принципу: «Ты — мне, я — тебе». Ты мне — хороший холодильник, я тебе — машину цемента, ты мне — крестовины для «Жигулей» (тогда это было сверхдефицитом), я тебе — земельный участок под дачу. Так, в основном, люди и жили.

Особенно чутко на всеобщие нехватки реагировала молодежь. Парни стали уходить из ставших непрестижными конструкторских бюро официантами в рестораны, девчата — из школ с иностранным уклоном в парфюмерные отделы универмагов. Даже родилась новая поговорка, вернее, перефразировали старую: «Рыба ищет где глубже, а человек — где дефицит». Увы, об этом кошмарном времени многие быстро забыли, даже в той категории населения, которая больше всех страдала от несправедливого распределения.

К лету 1988 года пробел в моем житейском образовании был ликвидирован. Я, можно сказать, прошел не только ликбез, но и полный университетский курс. Теперь мне были известны если не все, то многие спецраспределители и кто из начальства в них обслуживается. Знал я и номер «Волги», а также фамилии шофера и буфетчицы, которые раз в неделю доставляли из ресторана «Юбилейный» на дачи Шарина и его сподвижников спецводку «Амурская» и другие деликатесы. Разумеется, без ресторанной наценки. Сухой закон, который пытался тогда внедрить Егор Лигачев, никак не затрагивал высокого начальства.

Сфера, в которую мне удалось проникнуть, была настолько деликатной, что я не мог и рта раскрыть, не имея исчерпывающих доказательств. Но в папке у меня лежали подлинники документов, и их число постоянно росло.

О том, что собираюсь написать о местной партийно-торговой мафии, поставил в известность руководство ТАСС. Теперь у меня была надежная телефонная связь, которая не прослушивалась — я звонил с телефона-автомата. Первый заместитель Янченкова Валентин Волнов предупредил:

— Не держи документы дома. На них будет самая настоящая охота.

Это я знал. Бывший собкор газеты «Правда» Виталий Черкасов рассказывал, что прежде чем взять его под стражу за критические выступления в печати, его долго «пасли» сотрудники КГБ. Им не стоило большого труда проникнуть в квартиру, когда никого не было дома, устроить негласный обыск, изъять документы, подбросить компромат.

Я, правда, не очень верил, что в мое отсутствие кто-то захочет проникнуть ко мне в кабинет. Но на всякий случай передал большую часть документов надежным друзьям.

Предосторожность оказалась нелишней. Вскоре в нашей квартире произошло ЧП, подтвердившее опасение Валентина Волнова.

В тот день я побывал в селе Садовом, примыкающем к северной окраине Благовещенска. Через магазин этого села «высший свет» области обеспечивал себя импортными мебельными гарнитурами. Официально считалось, что облпотребсоюз продает эту мебель селянам, а на деле она уходила в квартиры высокопоставленных чиновников.

Но если то, что зафиксировано официально, соответствует действительности, рассуждал я, то в селе Садовом каждый житель уже должен иметь по импортному мебельному гарнитуру, а многие — по два и по три. Вот и решил туда съездить, походить по квартирам, своими глазами увидеть, как живут тамошние сельские труженики.

Но ходить по квартирам не пришлось. Председатель сельсовета, высокий, с военной выправкой пожилой человек, видимо, из бывших офицеров, сказал, что за последние годы в его бытность председателем в село вообще не завозили ни одного гарнитура.

— Как же так? — притворно удивился я. — Ведь имеются документы.

И показал несколько десятков светокопий накладных. Осмотрев их, председатель сельсовета пришел в ярость, потащил меня в магазин, к заведующей. А та чистосердечно призналась, что на базе облпотребсоюза ей только предлагали расписаться за получение гарнитуров, но вместо них вручали деньги за уже проданную мебель.

Мне этого было достаточно, но председатель сельсовета разнервничался, заявил, что этот обман он просто так не оставит. Переписал у меня номера накладных и названия гарнитуров. Потом я узнал, что этот отставной офицер в тот же вечер созвал сессию сельского Совета, на которую пригласил руководство района и облпотребсоюза. Депутаты устроили прибывшим руководителям самый настоящий отлуп.

А нам в это время позвонили родственники из Белогорска, пригласили на субботу и воскресенье в гости. Мы с женой согласились и сказали, что выезжаем.

Как всегда перед дорогой, жена обошла комнаты, проверила, закрыты ли окна и все ли выключено. Я решил взять с собой папку с документами. Какое-то тревожное предчувствие было, что не стоит их оставлять на два дня в пустой квартире. А в том, что мой выезд в Белогорск уже зафиксирован, я не сомневался. Если станет известно, какие документы я показывал председателю сельсовета в Садовом, то изъять их смогут без проблем.

Вернувшись в воскресенье под вечер домой, мы с порога почувствовали запах гари. Жена стремглав бросилась в комнату, позвала меня. Возле электрической розетки стоял мягкий стул, обитый зеленым гобеленом. А на его сиденье лежал включенный в сеть утюг!

Это было невероятно, ведь жена перед отъездом проверила каждую комнату. Даже если допустить, что эту комнату она не проверила и утюг остался включенным с пятницы, то квартира давно уже сгорела бы. Однако под утюгом было лишь коричневое пятно с просветами зеленого гобелена.

Кто же и когда его включил? Как ни жалко было стул, я решил провести эксперимент. Снова включил утюг, поставил его на сиденье стула рядом с пятном и стал ждать. Через пятнадцать минут от стула повалил густой дым, а рядом с первым пятном появилось второе — черное, без единого проблеска зелени. Еще немного, и сиденье стула всвспыхнуло бы. Значит, в первый раз утюг был включен незадолго до нашего возвращения.

Соседи рассказали, что примерно за полчаса до этого к нам в квартиру звонил высокий молодой человек, который при появлении соседей не повернулся к ним, а наоборот, спрятал лицо. Разыскать звонившего не удалось — никто из наших знакомых к нам не приходил.

Я стал работать более осторожно. Приходилось думать не только о том, как выполнить профессиональный долг, но и о том, как потом доказать свою правоту. Вторая задача была не менее сложная, чем первая.

После мебельных гарнитуров пришлось заниматься продажей легковых автомобилей потребительской кооперацией. Эта торговая организация должна была реализовать машины селянам, сдающим из своих личных хозяйств мясо, молоко, картофель, овощи. Однако «Жигули» и «Москвичи» до села не доходили — их продавали в городе «уважаемым людям».

Установить фамилии тех, кто приобретал автомобили незаконно, без очереди, оказалось нетрудно, ведь машины в отличие от мебельных гарнитуров регистрируются в ГАИ. Вскоре у меня уже был полный список «счастливых».

Моя статья об амурской партийно-торговой мафии предназначалась для газеты «Известия» — редакция готова была ее опубликовать. В ТАСС статья получила высокую оценку, была отмечена повышенным гонораром. Но на страницах «Известий» она так и не появилась. Волнову объяснили, что был звонок из ЦК КПСС, печатать статью запретили.

Волнов долго ругался, поносил и ЦК, и газету «Известия».

— Но ты не горюй, — успокоил он меня. — В «Известиях» струсил, но есть и другие газеты. Сейчас же свяжусь с редакциями, кто-нибудь да напечатает. Нельзя, чтобы такой материал пропал.

Однако, через какое-то время, он позвонил мне снова и совсем упавшим голосом признался, что дело дошло. Оказалось, что указание по поводу моей статьи получили все центральные газеты.

Я тоже предпринял попытку пристроить свой материал. Позвонил в газету «Труд», где работал мой старый друг Владимир Долгодворов.

— Конечно напечатает, — твердо заявил он. — Присылай и увидишь, что «Труд» по-настоящему независимая газета. Мы подчиняемся профсоюзам, а не ЦК партии.

Но вскоре и Володя дал отбой. Оказалось, что и «Труд» подчиняется ЦК КПСС.

Получалось, что я, как тот волк, со всех сторон обложен красными флажками. Меня лишили главного оружия — возможности публиковаться в печати. Без этого я был практически никто.

Между тем мне продолжала поступать любопытная информация. Один посетитель, например, поведал о том, как Шарин ремонтировал свою квартиру. Прежний хозяин, бывший первый секретарь обкома, только что сделал ей ремонт, но новому первому многое не понравилось. Например, рисунок облицовочной плитки на кухне. Он велел плитку обрушить молотком и заменить новой. А поскольку плиток с нужным рисунком в городе не оказалось, во все концы страны отправились экспедиторы — искать то, что хотел хозяин. Они привозили образцы плиток и обоев, а Шарин их браковал, и гонцы отправлялись на новые поиски. Наконец плитку подобрали в Туле, обои — еще где-то, а ванну-люкс в Хабаровске.

На ремонт квартиры ушло 13 тысяч рублей из бюджета горжилуправления. Деньги по тем временам огромные — на них можно было приобрести в розничной торговле два легковых автомобиля. А поскольку ремонт этой квартиры не был предусмотрен, пришлось взять деньги с других квартир — где-то не стали чинить протекавшую крышу, где-то — менять прогнившую завалинку, словом, несколько десятков семей лишились помощи коммунальщиков.

Посетитель хотел, чтобы я написал об этом статью. Но можно было не сомневаться, что и ей перекроют дорогу в центральные газеты. Теперь за каждым моим шагом следили зорко: о чем хочу написать, становилось известно в обкоме.

Все же решил попробовать. В горжилуправлении меня словно поджидали. Главный бухгалтер все поняла с полуслова, быстро нашла нужные документы и предоставила их мне. Я сделал несколько светоконий и надежно спрятал в разных местах.

Пришлось заняться и еще одной историей, связанной с Шариным. Леонид Васильевич купил автомобиль для сына, живущего в Москве. Разумеется, купил без всякой очереди, но это бы еще полбеды. Когда работники обкома приехали на контейнерную площадку, чтобы погрузить машину на железнодорожную платформу, оказалось, что для перевозки нужен металлический ящик. Немедленно сняли с других работ сварочный агрегат, нашли металл — и ящик был изготовлен. Конечно, без всякой оплаты. А за несколько дней до этого пытался отправить по железной дороге свою мотоколяску безногий инвалид войны. У него тоже не было ящика, но никто и не подумал ему помочь. Так инвалид и отправился ни с чем. А тут... Потрясенная такой несправедливостью, приемщица контейнерной площадки, пожилая женщина, написала заявление о выходе из партии.

Но как использовать эти факты? Стоит ли вообще писать, если заранее знаешь, что сработает впустую? Своими сомнениями я поделился с собкором «Литературной газеты» Валерием Шаровым, приехавшим к нам в командировку из Владивостока.

— А мы их перехитрим, — засмеялся Валерий. — Они перекрыли дорогу тебе, а напишу об этих фактах я.

Он работал целую неделю, прошел по тем адресам, где я уже побывал. Оказалось, что документы, с которых я снял светокпии, из бухгалтерии горжилуправления уже изъяли. Буквально на другой день после моего визита пришли люди из компетентных органов и выдрали листы из прошитой папки. Главбух, по ее словам, была очень довольна, что я их опередил. Встретился Шаров и с женщиной, которая вышла из партии, записал ее рассказ на диктофон.

Статью Шаров подготовил, в «Литературной газете» ее похвалили. Но... печатать не стали.

А через некоторое время в Благовещенск снова приехала комиссия из ЦК КПСС — опять по мою душу. На этот раз в нее входил и работник ТАСС Леонид Сергеевич Коношенко. Я спросил у него, что должна выяснить комиссия?

— Сам не пойму, — сказал Леонид Сергеевич. — Первый секретарь обкома хочет, чтобы тебя освободили от работы, но никаких конкретных обвинений выдвинуть не может. Нельзя же увольнять за статьи, которые не опубликованы. Говорит, что ты плохо работаешь, но это не так. Ведь ты вошел в число победителей общетассовского соревнования за лучшее освещение хода перестройки. Итоги соревнования подводила авторитетная комиссия, которая скрупулезно проанализировала твою работу за год. Так что и с этой стороны у тебя все в порядке.

Москвичи вернулись в столицу ни с чем. Это была уже третья комиссия, приехавшая в Благовещенск за неполный год по моим делам.

Рождение оппозиции

Людей, недовольных произволом партийного аппарата, в нашем обществе всегда было немало. Но они никогда не представляли организованной силы, способной противостоять этому самому аппарату. Партчиновники расправлялись с ними поодиночке, и помешать этому было некому.

С каждым днем становилось все очевиднее, что нужна политическая организация, с которой партаппарат вынужден был бы считаться. Но где ее взять? Какой она должна быть? И вообще возможно ли в нашей стране такое?

Виталий Черкасов как-то высказал по этому поводу мысль: а что если выступить против обкомовского руководства всей нашей собкоровской партийной организации? Не группе собкоров, а именно партийной организации — официально зарегистрированной и признанной властью.

Поначалу эта мысль показалась абсурдной. Ну как можно идти против обкома? Ведь принцип «демократического централизма», закрепленный в уставе КПСС, требовал, чтобы низовые парторганизации беспрекословно выполняли любые решения вышестоящих партийных органов, не устраивая по этому поводу никаких дискуссий. Выступить «против» значило нарушить устав.

Но с другой стороны... В постановлении по моей публикации бюро обкома предъявило мне серьезные претензии, обвинив в клевете. Значит, первичная парторганизация просто обязана обсудить этот документ. Разве сможет кто-то обвинить моих коллег в нарушении устава, если их мнение не совпадёт с обкомовским?

Точки зрения действительно разошлись. Парторганизация собкоров единодушно признала изложенные в статье факты соответствующими действительности, а саму публикацию – своевременной и злободневной. По предложению Виталия Черкасова мы направили постановление своего собрания не только в обком, но и в ЦК КПСС, ТАСС, «Комсомольскую правду» и другие центральные газеты, где работали благовещенские собкоры.

Наверное, это был первый в истории страны случай, когда низовая партийная организация не согласилась с мнением своего вышестоящего органа. Не могу не назвать фамилий тех, кто в пору всевластия КПСС, нарушив железный партийный принцип «демократического централизма», рискуя потерять место работы, официально выступил против всесильного и грозного обкома. Кроме меня в нашу парторганизацию входили: Николай Белый, Анатолий Кайда, Адам Погарский, Игорь Зинатулин, Виталий Черкасов, Марк Гофман. Несмотря на малочисленные ряды, наша организация имела огромный потенциал, ведь в отличие от других, более крупных организаций, у нас каждый профессионально владел журналистским пером. Кроме своих изданий мы могли свободно высказываться и на страницах молодежной газеты «Амурский комсомолец». Она опубликовала постановление нашего собрания, и обкомовцы ничем не смогли ответить на этот вызов.

Вступив в борьбу с партийной инквизицией, «Амурский комсомолец» приобрел много сторонников среди населения. Редактор Ольга Богач на долгое время стала настоящей героиней, и вполне заслуженно. К сожалению, потом она все же не выдержала напряжения и покинула пост редактора, уступив его Олегу Шкирятову.

Но и при новом редакторе газета продолжала вести ту же независимую линию. Люди наконец почувствовали, что могут свободно высказаться и их мысли будут обнародованы. Правда, мыслей этих поначалу было негусто, да и смелости не так уж много.

Настоящий общественный взрыв вызвала опубликованная в газете статья Анатолия Кайды «Долго ли будем молчать?» Анатолий заведовал отделением издательства ЦК КПСС «Правда» в Благовещенске, был членом нашей парторганизации. Незадолго до этого он издал книгу повестей, но теперь снова потрянул стариной, да так, что всколыхнул всех, начиная от обкома КПСС и кончая дальним таежным поселком.

Поводом для публикации послужила принятая незадолго до того государственная программа «Дальний Восток», предусматривавшая размещение на территории области 60 новых предприятий. Кайда приветствовал столь грандиозный размах строительства, но усомнился: не станем ли мы в результате экологическими заложниками? Для такого опасения были все основания.

В статье подробно говорилось, как в течение ряда лет местные ученые доказывали в высоких инстанциях пагубность вырубки лесов в верховьях Селемджи. На основе многолетних исследований они пришли к выводу, что северные леса, выполняющие важнейшие водоохранные и почвозащитные функции в условиях вечной мерзлоты, должны быть неприкосновенны. Эти аргументы были настолько убедительны, что ученых поддержали руководители лесного и водного управлений области, и облисполком отказал Минлесбумпрому в строительстве леспромхоза на Селемдже.

Но работники министерства знали, как действовать. Как и в случае с Чагойским заводом известковой муки, они обратились в обком КПСС и там получили добро. После этого Минлесбумпром оперативно запланировал строительство огромного, даже по нашим, амурским меркам, Селемджинского ЛПХ. В статье не говорилось, кто именно подписал документ от имени обкома, но и так было ясно, что это Шарин. Никто другой не отважился бы на такое, зная, что даже член бюро – председатель облисполкома – против этой затеи.

Кайда высказал опасение и по поводу строительства ряда предприятий химической промышленности. Одно из них – завод азотных удобрений – прежде планировалось разместить под Комсомольском, но жители Хабаровского края дружно выступили против этого вредного производства. Тогда строительную площадку перебросили, как выразился автор статьи, «из зоны, открытой для критики, в зону молчания, то есть из Хабаровского края в Амурскую область». Разве у нас завод принесет меньше вреда? – спрашивал он.

Амурчане откликнулись на эту публикацию потоком писем. Писали ученые-природоведы, специалисты по строительству ГЭС, лесоводы, просто граждане – подчас целыми группами. «Амурский комсомолец» помещал эти материалы в каждом номере.

Казалось, призыв не допустить экологической катастрофы объединил всех жителей области. Ан нет... Газета «Амурская правда» поместила огромное интервью, взятое ее корреспондентами у первого заместителя председателя облисполкома Валерия Ветчинкина. Во вступлении журналисты Софин и Дроздов обвинили Кайду в поверхностности, некомпетентности и необъективности. Поддерживая их, Ветчинкин приписал ему еще и «поразительную неосведомленность», «измышления», «подтасовку фактов» — в общем, навесил все ярлыки, какие обычно навешивали тогда журналистам. И не удивительно — ведь незадолго до этого Ветчинкин перешел в облисполком с поста секретаря обкома партии.

Зам облисполкома постарался скрыть от читателей правду. Он заявил, что, вопреки утверждениям Кайды, облисполком, дескать, придерживается такой же точки зрения на строительство Селемджинского ЛПХ, что и обком партии. Поэтому, давая согласие на размещение леспромхоза, обком никакого преступления перед жителями области не совершил. Это была прямая неправда.

Меня это интервью, несмотря ни на что, порадовало. Вот до чего дело дошло: партийные руководители области больше не решались стукнуть кулаком по столу и заткнуть рты недовольным, а вынуждены были вести с оппонентами публичную полемику, показывая при этом свою сущность. Народ, конечно же, быстро разобрался, где правда, а где ложь. Нападки на Кайду лишь прибавили ему доверия читателей. Это стало ясно через несколько месяцев, когда были объявлены выборы народных депутатов СССР и Анатолия Ивановича выдвинули кандидатом в союзный парламент. К этому времени политическая оппозиция еще не оформилась организационно, не сформулировала свои цели и задачи. Но уже заявили о себе тысячи людей, не согласных с проводимой в стране политикой. Фактически политическая оппозиция стала реальностью.

К сожалению, уже при своем зарождении она начала нести потери. Понесла урон и наша соборовская команда. Увы, в стан наших противников неожиданно для всех перешел Виталий Черкасов.

Это был опытный журналист, проработавший в печати больше тридцати лет, хорошо владевший пером. В свое время партийные чиновники едва не исковеркали ему жизнь, поэтому он их ненавидел. На наших партсобраниях Виталий всегда высказывал самые крамольные мысли, активно влияя на умонастроение остальных соборов.

Каково же было наше удивление, когда вслед за интервью Ветчинкина появилась статья Черкасова, тоже направленная против Кайды. Причем Черкасов превзошел даже журналистов «Амурской правды», опустившись до прямых оскорблений своего коллеги.

С этого времени Виталия словно подменили. Теперь он не выходил из обкома, став главным консультантом партийных идеологов по взаимоотношениям с прессой, точнее —

с собкорами центральных изданий. С высоких трибун «громил» своих коллег, которых еще недавно всячески призывал беспощадно бороться с партийным аппаратом.

Что же произошло с человеком? Боюсь быть категоричным, но думаю, что уже тогда проявилась болезнь, которая со временем поразила многих демократов. Он не выдержал испытания привилегиями.

Похоже, теоретики КПСС быстро сообразили, что к политическим противникам надо применять политику не только кнута, но и пряника. Разумеется, к тем из них, кто готов этот пряник принять. Руководители обкома безошибочно разглядели такого человека в Виталии Черкасове. Сначала ему предложили спецпак. Он принял. Стол в его квартире сразу стал богаче и разнообразнее. Бывая у Черкасовых, я однажды спросил:

— Где вы берете такие деликатесы?

— Так они же входят в пак, — простодушно ответила его жена. — А вы разве не получаете?

Вышла маленькая конфузия — жена выдала неприятную тайну мужа. Пришлось переводить разговор на другую тему.

Вскоре Черкасов без всякой очереди купил автомобиль. Никто из собкоров тогда не имел собственной машины, хотя каждый проработал в области значительно дольше Черкасова. А вот ему дали. И дрогнуло сердце у «борца» с партийным аппаратом, разомлел он от обкомовских ласк. Не знаю, как далеко пошел бы этот человек в своем отступничестве — вскоре его перевели в другую область.

Между тем приближалась важная политическая кампания — выборы народных депутатов СССР. 1 декабря 1988 года был принят новый закон о выборах. Те, кто его принимал, наверное, не представляли себе, к каким революционным последствиям это приведет. Народ буквально восторжен, давно выцветшие и полинявшие понятия «демократия», «народовластие», «самоуправление» вновь обрели для него первоначальный смысл.

Сколько помню себя, выборы в Верховный Совет СССР всегда проходили так. Сначала какой-нибудь коллектив, разумеется, из числа передовых, выдвигал кандидатами в депутаты трех человек. Непременно трех: Генерального секретаря ЦК КПСС, члена Политбюро или секретаря ЦК и кого-нибудь из местных. Потом другие коллективы тоже выдвигали или поддерживали тех же самых кандидатов.

Через некоторое время «великие» брали самоотвод и баллотировались где-то «там», а «здесь» регистрировали местного. В Амурском округе это традиционно был сельский труженик, в Белогорском — первый секретарь обкома, в Свободненском — молодая женщина-рабочая.

Как все было замечательно организовано! Энтузиазм людей — неопишущий. К урнам для голосования шли чуть свет. За многие годы — ни одного ЧП. Порой даже казалось кощунственным, что на этом великолепном фоне две-три сотых процента все же голосовали «против». Почему, на каком основании? — хотелось спросить.

Но вот вышел новый закон, и «монолитное единство» избирателей вмиг испарилось. Ни один коллектив в нашей области не выдвинул ни Генерального, ни просто секретаря ЦК КПСС, ни члена Политбюро. А что касается местных, то их выдвинули чуть ли не с дюжину. Люди радовались: наконец-то свобода!

В самом начале выборной кампании я позвонил в горком партии и спросил у заведующего орготделом, кто, когда и кого будет выдвигать? Раньше такие графики нам предоставляли, и это облегчало работу.

— Не знаю, не знаю, — с досадой сказал тот. — Сейчас каждый выдвигает самостоятельно, этих сведений у меня нет.

Позвонил в обком, но там сказали то же самое. Вот те на... Демократия, конечно, дело хорошее, но как же теперь освещать ход важнейшей политической кампании? Пока раздумывал, позвонил Анатолий Кайда.

— Альберт, поздравь меня, — услышал я его как всегда бодрый голос. — Меня выдвинули кандидатом. В техническом участке пути. Проголосовали единогласно.

Я едва не подскочил на стуле. Ничего себе сюрприз! Мне и в голову никогда не приходило, что мы, журналисты, — такие же равноправные люди, как и все, что нас тоже можно избирать в руководящие органы.

— Это еще не все, — продолжал Кайда. — Сегодня меня выдвигают на авторемзаводе. Говорят, уже объявление повесили.

Накануне Анатолий выступал перед слушателями заводской экономической школы. Рабочие завода хорошо помнили его статью в «Амурском комсомольце», задали по ней массу вопросов, а когда он ответил — честно, не виляя, то заявили, что его мысли созвучны с их мыслями, поэтому они хотели бы выдвинуть автора статьи кандидатом в народные депутаты СССР. Эту идею поддержала и присутствовавшая на занятиях секретарь заводской партийной организации.

Я решил позвонить ей, предупредить, что хочу побывать на собрании. Она почему-то была взвинчена, резко ответила, что никакого собрания не будет, и в трубке раздались короткие гудки. Через некоторое время мне позвонил первый секретарь Благовещенского горкома КПСС Ширин:

— Альберт Аркадьевич, что там за шантаж начинается?

— Какой шантаж? — не понял я.

— Ну какой... Погарский звонит, вы звоните, дознание какое-то ведете. Секретарь парторганизации расстроена.

— Так ведь идут выборы, Юрий Петрович, — я начал понимать, о чем идет речь. — Мы же должны их освещать, это наш долг.

— Но почему именно на этот завод звоните? Почему не в авиаотряд, например?

— Нынче на дворе демократия. Ведем свободный поиск.

— Не надо, Альберт Аркадьевич, не надо так делать. Давайте без подводных рифов...

В общем, поговорили намеками, точно поиграли в кошки-мышки. Причину же звонка Ширина понять было нетрудно. Видимо, он дал команду не проводить собрание по выдвижению Кайды и теперь опасался, что попал к нам на крючок — мне и собору «Сельской жизни» Адаму Погарскому.

Собрание так и не состоялось. Более того, окружная избирательная комиссия, заместителем председателя которой был все тот же Ширин, признала неправомочным и собрание в техническом участке пути, которое уже выдвинуло Кайду. Партийные маги и волшебники долго колдовали над бумагами, а потом дали «разъяснение», что речники, дескать, неправильно посчитали численность своего коллектива. Им надо было пригласить и тех сезонников, которых нанимали на временную работу прошлым летом, тогда можно было бы выдвигать кандидата.

Вождь мировой революции правильно подметил в свое время, что никто никогда не отдавал власть добровольно. Не хотели ее отдавать в чужие руки и Шарин, Ширин, их приближенные. Но ведь Кайда-то был не из другой партии, а из той же, что и они. Почему же так озлобленно поднялся против заведующего отделением издательства ЦК КПСС «Правда» местный партийный аппарат? Да потому, что единой КПСС давно уже не существовало. Вместо нее было две партии: верхов, к которой принадлежали Шарин и Ширин, и низов, к которым относился Кайда. У этих двух партий были разные интересы. Верхи давно создали для себя коммунизм, низы же, продолжая неистово вкалывать, все еще жили мечтой о светлом будущем.

Партия верхов никогда не допускала остальную часть КПСС к власти — она пользовалась услугами лишь подкормленной прослойки рабочего класса, крестьянства, интеллигенции. Этого считалось достаточно, чтобы выступать от имени широких масс трудящихся. Однако теперь народ сам решил говорить от своего имени.

После двух неудачных попыток Кайда предпринял еще одну. На этот раз его решил выдвинуть — страшно подумать — коллектив издательства обкома КПСС «Амурская

правда». Нет, не одноименной газеты, а типографского комплекса, где печатались центральные и областные издания.

Рабочие-полиграфисты хорошо знали Анатолия, так как делали с ним одно дело — печатали по его заказу центральные газеты. Поэтому выдвинули его единодушно. И опять та же история: собрание объявили неправомочным якобы из-за отсутствия кворума. Директора издательства Константина Абрамова вызвали в обком и всыпали по первое число.

Но... нашла коса на камень. И директор, и коллектив твердо стояли на своем. «Раз не было кворума, так будет, — заявили они. — Проведем еще одно собрание».

И, несмотря на все увещевания, собрались еще раз. А чтобы не было потом претензий, пригласили секретаря окружной избирательной комиссии. Пригласили и меня как секретаря парторганизации, где стоял на учете Кайда. Руководство редакции «Амурской правды» пришло без приглашения. Оно и выступило против Кайды. Но и на этот раз Анатолия Ивановича выдвинули — почти единогласно, при двух или трех воздержавшихся.

Однако напрасно полиграфисты и другие коллективы, выдвинувшие своих «незапланированных» кандидатов, праздновали победу. В законе о выборах оказалось столько скрытых ловушек, что партийный аппарат, думаю, руки потирал от удовольствия. Одной из таких ловушек, призванных «пустить под откос» в целом демократичный закон, стало окружное предвыборное собрание. Ну и что, что разрешалось выдвигать сколько угодно кандидатов? Достаточно было созвать на окружное собрание две-три сотни человек из партхозноменклатуры, проголосовать за одного кандидата — и плакали надежды сотен тысяч людей на демократические выборы. Так у нас и поступили. Окружное собрание предложило избирателям округа всего одного кандидата. Разумеется, того, кого подобрал обком КПСС — доярку.

Выборы без выбора

Признаться, такой поворот на предвыборном собрании меня не очень-то и расстроил. Иного трудно было ожидать, ведь, как ни крути, а силы противоборствующих сторон были далеко не равные.

Партийный аппарат семь десятилетий находился у власти и многому научился, в его руках были мощная пропагандистская машина и организационные рычаги, у него имелось достаточно профессионалов, готовых, не очень считаясь с моралью, выполнить любой приказ. Кроме того, аппарату верно служили подобранные и выпестованные им руководители предприятий, учреждений, вузов, колхозов и совхозов, имеющие неограниченную власть над своими коллективами.

А кто им противостоял? Люди, не искушенные в политике, не организованные в какие-либо группы с определенными программами и лидерами, зависимые от своих начальников и с утра до вечера занятые на работе. Включившись в предвыборную кампанию, они поступали по закону и совести и ожидали того же от властей. А столкнувшись с беззаконием и откровенным хамством, не сразу могли и сообразить, чем на это ответить.

Но, как говорится, опыт — дело наживное, главное — процесс пробуждения, раскрепощения душ начался. И не только в областном центре, на крупных предприятиях и в вузах. Зашевелились люди и в отдаленных районах области.

В Белогорский избирательный округ, где должен был баллотироваться Шарин, как раз и входили окраинные районы — Архаринский, Бурейский, Ромненский, Завитинский, Селемджинский. Считалось, что там с людьми сладить полегче — достаточно дать команду, и все будет о'кей. Поэтому на первое выдвижение Шарин даже не поехал — доверился местным райкомовцам.

Первое собрание они проводили в Бурейском леспромхозе. Естественно, проблем с кворумом не было. Людей вовремя свезли с таежных участков, пересчитали — все чин чинарем. Секретарь парткома, не мудрствуя лукаво, с ходу назвал кандидатуру Шарина и предложил за нее проголосовать.

— А кто такой этот Шарин? — раздался вдруг чей-то голос. — Покажите-ка нам его.

Люди стали переглядываться, ища глазами хозяина области. Но его не было. В зале поднялся шум, послышались неодобрительные выкрики:

— Почему мы должны выдвигать того, кого не знаем и кто нас не уважает?

— Уж давайте выдвигать из присутствующих.

На трибуну пригласили начальника штаба ЦК ВЛКСМ на строительстве Бурейской ГЭС Анатолия Кретова. Оказалось, что у него есть предвыборная программа и он готов ее изложить. Пока секретарь парткома размышлял, как поступить, Анатолий буквально покори́л зал.

Появление Кретова на собрании лесозаготовителей было не случайным. Обком комсомола, всегда раболепствовавший перед партийными органами, на этот раз решил показать себя не мальчиком, но мужем. Кретова давно уже готовили как альтернативу Шарину, готовили основательно, разумеется, не предавая это огласке. После публикаций в «Комсомольской правде» мои отношения с работниками обкома ВЛКСМ быстро наладились. Ребята понимали, что были не правы, поэтому никаких обид с их стороны я не замечал. С началом же выборной кампании они и вовсе стали обращаться ко мне за советами.

Для меня подготовка Кретова не была секретом. Помню, однажды в педагогическом институте собралась группа молодежи во главе с заведующим отделом обкома комсомола Игорем Карандаевым. В то время участников таких неофициальных собраний называли «неформалами». Разговор шел о том, как победить на выборах. Анатолий Кретов изложил свою программу, ее покритиковали, посоветовали, как улучшить. Потом решили провести что-то вроде деловой игры, то есть устроить дискуссию двух кандидатов в депутаты — Шарина и Кретова. В роли Шарина выступал я. Не помню уж деталей этой игры, но она всех захватила, была весьма интересной. Кретову не удалось одолеть в споре своего «конкурента», но опыт он получил неплохой. Теперь, выступая перед лесозаготовителями, чувствовал себя свободно и уверенно. За него проголосовало все собрание, за Шарина — один секретарь парткома.

Нетрудно представить, что творилось после этого в Бурейском райкоме партии. Не оправдать доверие вышестоящего партийного органа — такое в КПСС считалось недопустимым. Бурейские же райкомовцы проштрафились вдвойне — они еще и проглядели «заговор», который готовили их собственные комсомольцы.

Руководители райкома не нашли ничего лучше, как и это собрание объявить неправомочным. Вначале, когда хотели выдвинуть Шарина, оно было правомочным, а потом вдруг не стало.

Неприкрытая наглость партийных руководителей Бурейского района до крайности возмутила комсомольцев — как в районе, так и в областном центре. В Новобурейский выехал Игорь Карандаев, было решено провести пленум райкома ВЛКСМ и выдвинуть Кретова там. Однако на этот раз партийцы были более бдительны: второй секретарь райкома КПСС Леонид Жуков, остававшийся за первого, проводить пленум запретил.

У Карандаева состоялся с ним нервный разговор. Он был зафиксирован корреспондентом «Амурского комсомольца» и опубликован в газете. Привожу этот любопытный диалог с некоторыми сокращениями.

«Жуков: Мы не разрешаем проводить пленум.

Карандаев: Пленум состоится.

Жуков: У нас есть Устав КПСС, дающий на это право.

Карандаев: В уставе ничего не сказано о вашем праве запрещать комсомольские пленумы.

Жуков: И все же мы запрещаем.

Карандаев: Простите, но ваш запрет очень похож на террор.

Жуков: Наоборот, я стремлюсь к максимальной демократии. Надо дать возможность каждому комсомольцу высказаться, провести собрания в первичках. Вот это будет демократия.

Карандаев: В тех первичках, где ребята хотели участвовать в выборах, мнения высказаны, решения приняты. Но какая же это демократия, если за десять минут до собрания, где должен выступать Кретов, вы приказываете ему явиться к вам да еще угрожаете прогулом.

Жуков: Я пытался тактично поправить Кретова. Он не имел права идти на собрание. И вообще — почему обком комсомола экспериментирует в Бурейском районе?

Карандаев: Это не эксперимент, наше право оговорено в законе о выборах.

Жуков: Но за проведение пленума коммунисты, работающие в комсомоле, ответят в партийном порядке. Неужели вы не понимаете, что нельзя в нашем районе выдвигать ни Кретова, ни кого-то другого. У нас есть своя кандидатура».

В заключение корреспондент привел любопытную деталь. Узнав, что один из присутствовавших является работником газеты, Жуков возмутился: «Я запрещаю, я категорически возражаю, чтобы вы писали. Это партийная тайна. Я бы так не говорил, если бы знал, что вы из редакции».

И ведь он был прав: произвол и беззаконие, чинимые партийными чиновниками, всегда считались партийной тайной. Не держи партия свои злодеяния в секрете, ей вряд ли удалось бы продержаться у власти семь десятилетий.

Пленум райкома комсомола проголосовал за выдвижение Кретова. Посрамленный Жуков, по свидетельству того же корреспондента, на это отреагировал так:

— Вы надеетесь, что Кретов пройдет на окружном собрании избирателей? Гарантирую вам стопроцентное поражение.

И как в воду глядел. Когда пришло время проводить окружное предвыборное собрание, оказалось, что Кретова выдвинули два коллектива, еще трех кандидатов — по одному, а Шарина — аж семьдесят четыре! Такой «всеобщей любви» избиратели Белогорского округа не демонстрировали даже к Брежневу в годы расцвета его культа. Любопытно, что в девяти случаях из десяти выдвижения Шарина проводились тайно, в печати о них не сообщалось.

Стоит ли говорить, что при таком перехлесте окружное собрание стало пустой формальностью. Председатели колхозов, директора предприятий в один голос заявили: хотим Шарина. Его одного и оставили в списках для регистрации.

Итак, поверившие было в начавшуюся демократизацию общества люди оказались околпаченными. Если в целом по стране «однокандидатным» был один округ из четырех, то у нас в области — два из трех. Да и в третьем, где зарегистрировали двух кандидатов, оба были подобраны и благословлены обкомом. От чего хотели уйти, к тому и пришли: выборы оказались без выбора.

После публикации моей статьи «Гласность... для служебного пользования» Леонид Шарин в течение почти целого года был огражден от критики в центральной печати. Но теперь, видимо, его друзьям в ЦК КПСС стало не до него. О предвыборных манипуляциях в Бурейском районе рассказала «Строительная газета», опубликовав материал своего амурского собкора Николая Белого. Затем Адам Погарский напечатал корреспонденцию об этом же в «Сельской жизни». А мою корреспонденцию о том, как партаппарат обеспечил Шарину безальтернативные выборы, опубликовали сразу пять центральных газет и передали по всесоюзному радио.

Получился достаточно мощный залп. Нас с Белым стали приглашать на собрания инициативных групп, которые возникали то в одном конце города, то в другом.

Информация об этих собраниях, конечно же, поступала в обком. Можно было не сомневаться, что люди Шарина постараются обвинить нас в связях с подпольщиками,

заговорщиками и еще Бог знает с кем. А ведь я работал в правительственном информационном агентстве, Белый — в газете ЦК КПСС. Но мы считали своей обязанностью, несмотря ни на что, бывать там, где рождалась настоящая демократия.

Хорошо помню одно собрание, проходившее в школе № 25 во втором микрорайоне Благовещенска. Присутствовали человек 25-30, разговор шел о том, какую тактику избрать на следующий этап выборной кампании.

Кто-то проинформировал, что по квартирам пошли невесть кем назначенные агитаторы, которые призывают не участвовать в комедии выборов. На столбах и заборах, в почтовых ящиках стали появляться листовки с такими же призывами. Кто их распространял — неизвестно. Похоже, это дело не одной, а нескольких инициативных групп.

Бойкотировать выборы? Но насколько верна такая тактика? Ведь хотя кандидат и один, нельзя забывать, что это известный в области человек — заведующая передовой молочнотоварной фермой, награжденная орденом Трудовой Славы всех трех степеней. Такие заслуженные люди вроде бы и должны представлять народ в парламенте.

Но, с другой стороны, Эльвира Терехова уже была депутатом Верховного Совета республики два созыва подряд и ее как депутата все десять лет люди не видели и не слышали. Подобно другим народным избранникам прошлого она покорно голосовала за любые законопроекты, одобренные в ЦК КПСС, во благо народа они принимались или во вред. Сможет ли она теперь отказаться от застойной традиции?

Это было далеко не беспочвенное сомнение, заслуживающее самой широкой дискуссии. В конце концов решили, что надо призвать людей не бойкотировать выборы, а участвовать в них, но голосовать против единственного кандидата. Тогда, если он не наберет больше половины голосов, все начнется сначала. Кто-то предложил провести общегородской митинг и обратиться к населению с таким призывом. Работницы завода «Амурэлектроприбор» Наталья Мясникова и Маргарита Хохулина заявили, что готовы от своего имени подать заявку на проведение митинга. Инициативу одобрили, начали обсуждать детали: из чего соорудить трибуну, где взять мегафоны, как обеспечить порядок. Резанули слух слова одного из присутствующих:

— Надо иметь в виду, что власти могут устроить провокацию: направить на митинг пьяных, дебоширов, чтобы вызвать беспорядки.

«Боже, до чего мы дожили! — хотелось воскликнуть. — Да имеет ли право на существование власть, от которой собственный народ ждет провокаций?»

Надо отдать должное мужеству Мясниковой и Хохулиной, взявших на себя ответственность за проведение митинга. Семь десятилетий такие «мероприятия» проводили партийные органы, в подчинении которых были и исполкомы, и милиция, и руководители коллективов, и штатные ораторы. У Натальи и Маргариты не было ничего, кроме энтузиазма. Они даже ответственность не могли разделить с инициативной группой, так как она не имела никаких прав, не будучи зарегистрированной.

Митинг проходил в воскресный день 26 февраля 1989 года. Власти отвели для него не то время и не то место, которое у них просили, но все-таки собраться разрешили. Было опасение, что горожане предпочтут митингу проводившийся одновременно чемпионат страны по мотогонкам на льду, но этого не случилось. Впервые за семьдесят советских лет тысячи человек пришли на политическую акцию не по приказу парткомов, а по собственной инициативе — чтобы послушать других и высказаться самим.

Маргарита Хохулина вела митинг блестяще, словно это для нее было обычным занятием. Выступали так называемые городские «неформалы», выступали крестьяне из районов, выступали и партийные работники. Юрий Ширин, видимо, надеясь с ходу повернуть настрой людей в нужную сторону, попросил дать ему слово немедленно. Не дали, предложили выступить в порядке очереди. Пришлось секретарю горкома ждать.

Ораторы приводили многочисленные факты нарушения законодательства, преследования тех, кто без спроса начальства включился в выборную работу. «На орехи»

досталось партийному аппарату, а вот лично против Тереховой не выступил никто. Некоторые даже были готовы поддержать ее, если бы выборная кампания велась по правилам. Но раз идет бессовестное манипулирование законом, будем голосовать против — таково было общее мнение. Его и отразили в резолюции, за которую не только проголосовали, но под которой еще и подписались 1865 человек.

В последующие дни митинг стал главной темой разговоров не только в городе, но, думаю, и в области. Правда, некоторые местные газеты постарались его очернить. Заместитель редактора «Амурской правды» Александр Филоненко опубликовал в своей газете репортаж «Быть в ладах с совестью», уже самим заголовком намекая, что у организаторов митинга с совестью неладит. А редактор Тамбовской районной газеты Виталий Ландик назвал свой репортаж еще более оскорбительно — «Крикуны на площади».

Эти и другие партийные издания обвиняли выступавших в демагогии, групповщине, спекуляции на чувствах людей, провокационных выпадах, нарушении этики спора и политическом бескультурье. При этом сами они напрочь отбросили и политическую культуру, и этику спора.

Но вот люди увидели репортаж с митинга по Амурскому телевидению. Беспристрастная камера донесла до них настоящую, неискаженную правду. И оказалось, что собирались на площади вовсе не крикуны, а серьезные, степенные люди, что не было там ни демагогии, ни бескультурья, ни провокационных выпадов.

Хотели того руководители облтелерадиокомитета или нет, но их передача нанесла очень мощный удар по официальной пропаганде. Даже без социологического опроса было ясно, что общественное мнение, по крайней мере в городе, сделало еще больший крен в сторону «неформалов». Партийный аппарат, говоря шахматным языком, стал терять и темп, и качество.

Но в целом партноменклатура все же удержала свои позиции. Выборы дали тот результат, который ей был нужен. Во всех трех округах были избраны люди, подобранные партаппаратом. Еще три депутата — от общественных организаций — тоже были подобраны обкомом.

«Либо я, либо он»

Сразу после выборов я заболел тяжелой формой гриппа и, к своему большому огорчению, надолго вышел из строя. Пришлось много дней пролежать в постели, ни с кем не встречаться и не отвечать на телефонные звонки. Между тем в городе по-прежнему продолжали бушевать страсти.

Поводом для их нового всплеска стал показ в молодежном видеосалоне прицефабрики «Амурская» любительского фильма о торжественной регистрации кандидатом в народные депутаты СССР Эльвиры Тереховой. Не депутатом, а именно кандидатом в депутаты. Ленту сняли еще два месяца назад местные комсомольцы с разрешения самого Ширина и уже не раз крутили для посетителей. Фильм не вызывал особых эмоций, пока один из зрителей, пересчитав на экране членов окружной избирательной комиссии, не воскликнул:

— Ребята, а ведь их девять!

Никто ничего не понял. Пленку вернули назад. Да, членов комиссии действительно было девять.

— Ну и что? — раздались недоуменные голоса. — Какое это имеет значение?

— Так ведь должно быть самое малое десять. Кворума нет.

Через полчаса не только на птицефабрике, но и далеко за ее пределами знали, что Терехову зарегистрировала неправомочная комиссия, так как на заседании присутствовало менее двух третей ее членов. Другими словами, к моменту выборов

Эльвира Ивановна была таким же незарегистрированным кандидатом, как и остальные семеро, которые отсеялись на предвыборном собрании.

Казалось бы, пустяк: для кворума не хватило всего лишь одного члена комиссии. Но это буквально взорвало общественность. Сколько же можно терпеть надругательство над людьми? Ведь та же комиссия искала любые зацепки, чтобы признать неправомочными собрания, на которых выдвигались «несанкционированные» кандидаты. И признавала, даже не найдя зацепок, — под надуманными предложениями. Особые придирки были к кворуму — из-за него отменили множество собраний. Но оказалось, что сама комиссия принимала важнейшие решения при отсутствии этого самого кворума. Как же далеко зашли эти люди в убеждении, что любое беззаконие им сойдет с рук!

Вновь начали собираться инициативные группы. Руводители птицефабрики не успевали отвечать на телефонные звонки: отовсюду просили показать фильм. Но не дремал и аппарат Ширина. Юрий Петрович вызвал директора фабрики и под личную ответственность запретил показывать фильм кому бы то ни было.

Так и не сумев добраться до пленки, одна из инициативных групп направила делегацию ко мне, считая, что только я, как представитель правительственного информационного агентства, смогу добиться показа фильма.

Честно говоря, мне не хотелось ворошить прошлое. Ну обманули нас в чем-то, сумели перехитрить, но ведь Терехова все же набрала 51 процент голосов. Что ж теперь после драки махать кулаками? Однако избиратели были настроены очень решительно. Они считали, что незарегистрированная Терехова имела не больше прав на мандат депутата, чем, скажем, тот же Кайда, поэтому были намерены добиваться новых выборов. Но требовалось убедиться, что членов комиссии было действительно девять.

Пришлось, не долечившись, выходить на работу. Правда, в отличие от избирателей, я был отнюдь не высокого мнения о своих служебных возможностях. Наоборот, после схватки с Шариним, которую всемогущий первый секретарь так и не смог выиграть, меня теперь боялся подпускать к любым документам. Поэтому важную улику постараются упрятать. Надо было искать тактический ход, исключавший поражение.

Для начала решил поговорить с членами окружной избирательной комиссии, не входившими в партноменклатуру. Таких оказалось немного, но все-таки они были. Первая же собеседница, женщина из рабочей среды, заявила, что вообще хочет выйти из комиссии, так как «сил больше нет смотреть на это безобразие».

— Раньше я считала городских начальников непогрешимыми, — говорила она. — А теперь вижу: чем выше начальник, тем меньше у него совести. Им законы до лампочки. Насмотрелась...

О регистрации Тереховой она ничего сказать не могла — на заседании не присутствовала.

Примерно так же была настроена рабочая завода «Амурэлектроприбор» Войлошникова. Выслушав мой рассказ о фильме, она сказала:

— Все правильно. Это я не была на регистрации. С работы не смогла уйти — не отпустили. А по протоколу числюсь в присутствующих. Без меня действительно не было кворума.

Я попросил Войлошникову изложить все сказанное ею письменно, и она это сделала. Мастер цеха тоже дала письменное объяснение, почему не смогла отпустить члена комиссии в тот день — появилась срочная работа. Теперь следовало проверить, действительно ли Войлошникова значится в протоколе десятой.

Председатель окружной избирательной комиссии Галина Петровна Довнар тоже оказалась не из номенклатурной обоймы. Она работала преподавателем в педагогическом институте, и о ней отзывались как о человеке честном и порядочном. Однако в комиссии она, не в обиду ей сказано, выполняла роль лишь зицпредседателя, фактически же всю избирательную политику определял ее боевой заместитель Юрий Петрович Ширин.

Галина Петровна, к которой я пришел вместе с другими журналистами и представителями инициативной группы, уже слышала о нашумевшем фильме, но еще не видела его. Она не стала ничего скрывать, а прямо заявила, что одного члена комиссии, который числится в протоколе присутствующим, действительно не было. Он в тот день находился в командировке, однако накануне оставил письменное согласие зарегистрировать Терехову. Поэтому позднее его фамилию внесли в протокол. Это, конечно, непорядок, но ведь и без него кворум был.

— О ком речь? — спросил я, помня, что Войлошникова в тот день работала в цехе, а не была в командировке, да и о своем письменном согласии зарегистрировать Терехову она ничего не говорила.

— О председателе спорткомитета Варлашине, — объяснила Довнар. — Из-за него-то и весь этот сыр-бор.

Мы переглянулись: значит, фальсифицировано присутствие еще одного члена комиссии! Ведь если Варлашин «дал письменное согласие», это еще не значит, что он был участником заседания. Закон же предусматривает лишь личное присутствие, а не дачу письменных согласий.

— Нет, Галина Петровна, — возразил я. — Сыр-бор разгорелся вовсе не из-за Варлашина. Вернее, не только из-за него. На регистрации не присутствовала еще и Войлошникова, поэтому вы вообще не имели права открывать заседание комиссии.

— Войлошникова? — искренне удивилась Довнар. — Это для меня новость. Впрочем, о ней я не помню. Заседаний было много, в тот день даже два. Неужели и ее не было?

— Не было.

— Странно, — пожала плечами председатель комиссии, взглянув в папку с протоколами. — Здесь черным по белому написано: она присутствовала. А знаете что? — вдруг оживилась Довнар. — Давайте посмотрим тот самый фильм!

Наивная Галина Петровна села вместе с нами в машину, и мы покатали на птицефабрику. К нашей великой радости, фильм из видеосалона еще не изъяли, однако работавшие там молодые люди отказались его показать, ссылаясь на запрет директора. Пошли к нему. Он долго не хотел объяснять, почему принял такое решение, однако в конце признался, что это запрет самого Ширина.

— Но ведь Юрий Петрович всего лишь заместитель председателя окружной избирательной комиссии, — возразил я. — А Галина Петровна — его прямой начальник, председатель комиссии. Ей нужно проверить по видеозаписи кое-какие спорные детали.

— Вы забываете, что Юрий Петрович еще и первый секретарь горкома партии, — сказал директор. — В этом качестве он и дал мне указание.

— Не верю, — «усомнился» я. — Не верю, что Юрий Петрович мог дать такое указание. Ведь у него нет на это прав. Впрочем, мы это сейчас выясним...

Однако попытки связаться с Шириным по телефону не увенчались успехом. В приемной сказали, что его нет и вряд ли он будет сегодня. На следующий день я застал его на месте.

— Это недоразумение, — выслушав меня, заявил он, — Ничего я не запрещал. Вы ведь понимаете, что нет у меня таких прав?

Удивительно! Вчера я сказал эти слова директору фабрики, а сегодня первый секретарь горкома повторяет их мне.

— Стало быть, можно ехать и смотреть видеозапись? — спросил я.

— Разумеется, — ответил Ширин. — Езжайте, смотрите, делайте все, что считаете нужным.

К сожалению, на этот раз Довнар была занята в институте и пришлось ехать без нее. Но все равно моя служебная «Нива» была заполнена до отказа.

Просмотр фильма подтвердил: на заседании комиссии присутствовало только девять ее членов. Следовательно, решение комиссии о регистрации Тереховой кандидатом в народные депутаты СССР было неправомочным.

Жалобы по этому факту подали сразу две инициативные группы избирателей. Одна — в центральную избирательную комиссию, другая — в областную прокуратуру. Под заявлениями подписались очень авторитетные люди: преподаватели, артисты, ученые, журналисты, инженеры, один полковник.

Но все было бесполезно. Высокие государственные инстанции являли собой образец непробиваемости.

А у меня начался новый раунд противоборства с Шариним. Одержав победу на выборах, он и его окружение решили по старой большевистской традиции: пора начинать расправу с политическими противниками.

Таких у них оказалось достаточно много: те, кто выдвигался альтернативными кандидатами, кто выступал в их поддержку, снимал телефильмы, писал статьи в газеты.

Естественно, руки обкома в первую очередь потянулись к нам — собкорам центральных изданий. Нашему участию в освещении выборной кампании было посвящено заседание бюро обкома. Из всех собкоров центральной печати, аккредитованных в Благовещенске, на нем присутствовал только Николай Белый — остальные не смогли быть по разным причинам. Николай нам и рассказал, с какой ненавистью выступали против нас члены бюро.

Наши фамилии попали в постановление этого партийного органа. «Амурская правда» опубликовала с заседания бюро отчет. Это бы еще куда ни шло, ведь люди имели свою точку зрения на нашу работу. Но одновременно в Москву из обкома полетели депеши с требованием нас убрать.

Первым на это требование откликнулось издательство ЦК КПСС «Правда». В Благовещенск приехал его представитель, чтобы решить судьбу Анатолия Кайды. Конечно же, Анатолий Иванович «зарвался»: сначала опубликовал статью «Долго ли будем молчать?», затем выдвинулся в народные депутаты СССР. Правда, этих обвинений никто представителю издательства не высказал, а сказали, что Кайда работает плохо, поэтому его и надо убрать.

Москвич оказался в затруднительном положении. С одной стороны, он был обязан прислушиваться к мнению обкома партии, но с другой — Амурское отделение издательства считалось одним из лучших в стране. За что же Кайду снимать?

Я показал москвичу протоколы партийных собраний, на которых работе Кайды тоже давалась высокая оценка. Сказал, что парторганизация категорически не согласна с мнением руководства обкома и что мы не позволим расправиться с нашим коммунистом. В случае необходимости обещал обратиться в Политбюро ЦК КПСС и лично к Горбачеву.

Представитель издательства был наслышан о противоборстве Амурского обкома и собкоров центральных газет, о том, что первый секретарь ничего не может сделать со строптивыми собкорами. Сейчас он увидел, что это действительно так. Такого противостояния, по его словам, не было ни в одном регионе страны, но нигде у собкоров не было и столь прочной позиции.

Поколебавшись, представитель издательства принял нашу сторону. Как он отстаивал свою точку зрения в Москве, не знаю, но Кайду не уволили.

Вскоре тучи сгустились над Николаем Белым — его тоже потребовали убрать из области. У Белого положение было сложнее, чем у Кайды: в связи с ликвидацией «Строительной газеты» он только что перешел в «Рабочую трибуну», где его мало знали. И надо же, именно в это время ему предъявили претензию: зачем он написал статью о том, как выдвигали кандидатом Шарина и запрещали выдвигать Кретова? По мнению обкомовцев, одной этой статьи было достаточно, чтоб выселить Белого из области. Выселить!

Снова мне пришлось вступиться за своего коллегу. И опять я выступал не только как журналист, но и как секретарь первичной партийной организации. Результат был тот же: Белого не уволили и не выселили!

Но одновременно взялись и за меня самого. В Благовещенск снова приехала комиссия — на этот раз чисто ТАССовская. Четвертая комиссия за год с небольшим!

Вообще-то я никаких комиссий больше не боялся. Однако на этот раз появилось настораживающее обстоятельство: умер генеральный директор ТАСС Сергей Андреевич Лосев, который так решительно поддержал меня в прошлый раз. Теперь его место занял посланец ЦК КПСС, которого никто не знал.

К счастью, новый генеральный директор послал в Амурскую область своего заместителя Анатолия Андреевича Красикова. Он, как и Лосев, тоже был журналист-международник, хорошо известный в мире и избранный в руководство некоторых международных организаций. Накануне Анатолий Андреевич выступил в журнале «Огонек» со статьей, в которой поддерживал этот журнал, испытывавший травлю со стороны партийных органов. Публикация могла повредить служебному положению Красикова. Значит, это был смелый человек.

Кроме Красикова, в комиссию входил и другой известный в мире журналист-аксакал Михаил Майстерман. Мастер художественной фотографии, он совершенно не разбирался в партийных интригах, но у него было громкое имя.

Разумеется, у обкома партии были претензии ко мне по поводу того, как я вел себя во время выборной кампании. Оказалось, что на имя первого секретаря обкома поступила жалоба от председателя облтелерадиокомитета Тюменева. А раз «народ жаловался», значит, надо было принимать меры.

Тюменев был случайным человеком в журналистике. На облтелерадиокомитет его бросили для «пересидки», освободив с поста первого секретаря райкома КПСС. Отбыв здесь положенный срок, он уже наострил лыжи в академию общественных наук при ЦК КПСС, но ему поставили условие: не подпишешь жалобу на Кривченко, не поедешь.

Он подписал. И поехал.

Хорошо разбираться с жалобой тогда, когда в ней есть факты. У Тюменева же никаких фактов не было. Он информировал свое партийное начальство всего лишь о том, что во время избирательной кампании я неправильно себя вел, вносил в общество дестабилизацию, играл на низменных чувствах избирателей и публиковал в центральной печати необъективные статьи о кандидате в народные депутаты СССР Шарине. Тем самым я, по мнению Тюменева, дискредитировал такую уважаемую организацию, как ТАСС, которая и должна меня за это уволить.

Анатолий Андреевич разбирался с жалобой очень тщательно, даже дотошно. Меня поразил его высочайший профессионализм, который проявлялся даже в мелочах. В отдельные моменты разговор касался деталей, которые не должны были знать посторонние. Тогда Красиков брал блокнот, писал то, что хотел сказать, и показывал мне. Я отвечал ему так же. А однажды, когда он попросил меня дать характеристику Шарину, то, прежде чем я начал говорить, предложил перейти из кабинета в детскую комнату, где не было ни телефона, ни телетайпа, ни дисплея. Мы так и сделали, однако разговор наш все равно записали. Позднее ушла жалоба из обкома уже на Красикова, и в ней были приведены выдержки из этой беседы, взятые в кавычки. У обкомовцев не хватило ума даже на то, чтобы цитату из нашего разговора раскавычить.

Закончив расследование, Красиков пригласил меня прогуляться по набережной Амура. Он был возбужден — только что закончилась его беседа с Шариним.

— Буду с вами предельно откровенен, — сказал Красиков. — Шарин требует, чтобы мы вас отсюда убрали. Человек он не очень деликатный, поэтому заявил прямо: либо я, либо он. Третьего, значит, не дано. Я ему ответил, что мы вас отсюда не уберем, потому что это будет смертельным ударом по гласности в вашей области. Но хватит ли у вас сил и

дальше противостоять такому мощному партийному аппарату? Готовы ли вы продолжать то, что делаете теперь?

Я вздохнул с облегчением. Конечно же, я был готов к самой тяжелой борьбе, особенно сейчас, когда что-то начало получаться.

— В таком случае, вам будет полная поддержка, — заключил Красиков. — Мы рассмотрим требование Шарина на коллегии ТАСС и примем коллективное решение. Сами понимаете — какое. А с коллективными органами спорить не принято.

И надо же было так случиться, что в день заседания коллегии ТАСС в «Рабочей трибуне» была опубликована статья Николая Белого, рассказывающая о том, как после выборов народных депутатов СССР бюро обкома начало расправляться с негодными. Когда я пришел на коллегию, все читали светокопию этой статьи.

Мне не задали никаких вопросов, а наоборот, выразили полную поддержку. Решение коллегии ТАСС было направлено в наш обком. После этого никто не предъявлял мне никаких претензий, и комиссий из Москвы больше не было.

ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ

«Не омочив языка...»

Первого ноября 1989 года меня вызвали в Москву на учебу. Пополнять свой интеллектуальный багаж предстояло в течение месяца во Всесоюзном институте повышения квалификации журналистских кадров.

Институт арендовал крыло огромного здания Высшей партийной школы при ЦК КПСС на Садовом кольце. Это были два совершенно непохожие друг на друга учреждения — институт и ВПШ. В коридорах ВПШ висели сплошь фотографии Ленина, начиная с детского возраста и кончая проводами в последний путь. Вход же во владения института открывался изречением древних славян: «Не омочив языка в знании, много нагресишь в слове». Как подходила эта мудрая мысль к нашей профессии.

Нам рассказывали, что в массивном железобетонном здании ВПШ любил выступать Сталин. Здесь он впервые озвучивал свои идеи, которые потом становились «историческими». Кроме него перед слушателями ВПШ выступали Жданов, Маленков, Хрущев и другие вожди нации.

Но то, что мы услышали на первой же вводной лекции, никак не вязалось с имиджем здания. Выступивший профессор неожиданно заявил, что учение Маркса не всеильно, потому что оно неверно. Зал замер, журналисты, собравшиеся со всей страны, затаили дыхание. Нам, наоборот, внушали, что учение Маркса всеильно, потому что оно верно. А тут...

Уж не ослышались ли? Но нет, профессор продолжал развивать свою мысль, обосновывая сказанное. Он заявил, что жизнь опровергла главный постулат Маркса — о необходимости огосударствления всей собственности. Ни в одной стране мира, где введена государственная собственность на средства производства и землю, не смогли добиться более высокой производительности труда, чем в странах с частной

собственностью. В Советском Союзе, например, этот показатель в промышленности в 3-4 раза, а в сельском хозяйстве даже в 10 раз ниже, чем в развитых странах.

Но если ошибочно учение Маркса, то, значит, неверна и вся политика партии, основанная на этом учении? Стало быть, и социализм — тупиковый путь? Именно к такому выводу подвел нас профессор.

Что тут началось! Вскочил пожилой лысый мужчина и фальцетом выкрикнул:

— Вы от кого деньги получаете? Кто вас подкупил?

Зал неистовствовал. Примерно девяносто процентов присутствующих были готовы стащить профессора с трибуны. В основном здесь были редакторы районных газет, а этот контингент отличался особой преданностью райкомам КПСС.

После вводной лекции нас разделили на группы. Работников ТАСС оказалось тринадцать, из этой «чертовой дюжины» и сформировали отдельную группу. Мы попросили своего куратора — профессора Нину Алексеевну Егорову подбирать нам лекторов наподобие первого. Оказалось, что таких в Москве теперь немало.

То, что в стране все плохо, ни для кого не было секретом. Сам Горбачев об этом постоянно трезвонил с трибуны. Да и собственными глазами мы видели всеобщую бездеятельность на производстве, повальное пьянство, безответственность руководителей, разросшийся до гигантских размеров дефицит товаров и услуг, низкое качество продукции. Чтобы спасти страну от краха, надо было срочно что-то менять, принимать какие-то меры. Но какие?

Никому из нас и в голову не могло прийти, что сам путь, на который встала наша страна, ошибочен. Коммунистическую партию я считал тогда непогрешимой, мудрой и великой. Вокруг себя я видел немало коммунистов с высокими моральными устоями. Правда, в руководство партийными комитетами пролезло немало мерзавцев, но тут не партия виновата, а мы сами — зачем их выбрали?

Однако почему же под водительством этой великой, мудрой и непогрешимой партии страна зашла в тупик? Этот вопрос мучил многих, и они искали на него ответ. А ларчик открывался просто. Нужно было всего-навсего признать ошибочным путь, на который страна встала в 1917 году, и вернуться на столбовую дорогу, по которой идет все остальное человечество.

Не знаю, как в других группах, а мы, тассовцы, через месяц уже были совершенно иными людьми. Из верных сторонников родной коммунистической партии превратились в антикоммунистов.

Оказалось, что в Москве уже существуют общественные организации, альтернативные КПСС: Московский народный фронт, Российский народный фронт, объединения избирателей. Мне довелось присутствовать на заседании координационного совета Российского народного фронта. Оно проходило в подвале жилого дома, в мастерской художника. Около двух десятков солидных людей, среднего возраста и постарше, разместились среди картин, плакатов и банок с красками. Следующее заседание состоялось в сауне какого-то спортивного общества. Мы сидели голые, с простынями через плечо (женщин, разумеется, не было), и обсуждали серьезные вопросы партийного строительства. А что было делать? Райкомы, горкомы, ЦК КПСС размещались в огромных зданиях, а Российский народный фронт и захудалой комнатенки не имел.

Домой я вернулся с твердым намерением начать работу по созданию массовой общественной организации, способной бороться за новую жизнь. Общие контуры этой новой жизни в основном были ясны: рыночная экономика, демократизация общества, правовое государство. Но это лишь самые общие контуры. Каким конкретным содержанием должна быть наполнена наша борьба, с чего начинать, как не допустить, чтобы тебе сломали шею? На эти вопросы ответов пока не было.

Предстояло ответить и еще на один вопрос: что делать с членством в КПСС? Ведь большинство людей, вошедших в фактическую оппозицию, так же, как и я, являлись

коммунистами. Если мы будем создавать политическую организацию, альтернативную КПСС, не лучше ли сначала выйти из партии?

Для меня это был мучительный вопрос. Чем дольше я раздумывал, тем больше склонялся к мысли, что выходить из КПСС на начальном этапе развития демократии не следует. Если мы выйдем сейчас поодиночке, то принадлежащие партии здания, типографии, бумага, газеты и журналы, транспорт останутся Шариным, Шириным и их компании. Да они нам только спасибо за это скажут. А мы будем с протянутой рукой, как Российский народный фронт. Нет, мы должны покидать стройные ряды «руководящей и направляющей» организованно, всей оппозицией, забрав то, что нам принадлежит по праву. Значит, вначале следует организационно оформить оппозицию, а на это уйдет немало времени. Сколько — сейчас не мог бы сказать никто, но то, что из КПСС рано или поздно придется уходить, было бесспорно.

Дома я связался по телефону с институтом АмурКНИИ, где собиралась молодежь на неформальные встречи. Там были ребята вольнодумствующие. Пока я отсутствовал в течение полутора месяцев, они уже создали при горкоме ВЛКСМ свою организацию, назвав ее «Гражданская инициатива», и даже успели зарегистрировать. Но главная новость заключалась в том, что эта группа решила двинуть меня в народные депутаты РСФСР.

Теперь, после Кайды, я уже не воспринимал возможность своего выдвижения как нечто из ряда вон выходящее. Наоборот, это предложение мне показалось логичным, так как я был подготовлен к борьбе за депутатский мандат во всех отношениях. Но все-таки идея была настолько серьезна, что предстояло подумать. А пока думал — еще один сюрприз: звонит старый товарищ и говорит, что на конференции, которая состоится завтра, меня будут выдвигать на пост председателя правления областной журналистской организации.

— Представляешь, — он фонтанировал эмоциями, — вчера собрали в обкоме всех редакторов районных газет области и запретили тебя избирать. Ну нет у них ни стыда, ни совести.

— Почему речь зашла именно обо мне?

— Потому что об этом говорят в журналистских кругах, а в обкоме стало известно. Вот они и решили упредить.

— Но всегда ведь избирали редактора областной газеты...

— Избирали, да времена-то изменились. Пора сделать наш Союз из репрессивного органа органом защиты журналистов.

— Нет, — сказал я, — такая перспектива не входит в мои планы.

Он начал убеждать, но я наотрез отказался.

А через какое-то время звонит другой журналист, просит выйти на улицу — надо поговорить. Оказалось, что ему уже известно о моем отказе, и он его не одобряет. Аргументы у этого коллеги были более убедительные: если не соглашусь я, то председателем снова станет редактор областной газеты, никто другой одолеть его не сможет. Хм... Пришлось серьезно задуматься. А может, все-таки, мне предлагают не самый худший вариант? Может, областная журналистская организация и есть та основа, которая со временем... Она уже создана, зарегистрирована, у нее в руках столько средств массовой информации, надо только повернуть журналистское сообщество в нужную сторону. И я решил.

На конференции областной организации Союза журналистов поначалу все было чин-чинарем, пока не начались выборы. Вопреки запрету обкома КПСС председателем правления все-таки выбрали меня. Потом уже под моим председательством стали выдвигать кандидата в народные депутаты РСФСР.

Группа «Гражданская инициатива» к этому выдвижению не имела никакого отношения, просто по ходу дела такая идея возникла у самих журналистов. И опять назвали мою кандидатуру. Однако идея понравилась не всем. Руководители «Амурской

правды», сидевшие в первых рядах, грудью встали, чтобы не допустить выдвижения. Сначала поставили под сомнение, может ли журналистская организация выдвигать своего кандидата в депутаты, хотя хорошо знали, что может. Юристы, которым специально звонили, дали добро. Тогда заявили, что конференция не вправе никого выдвигать, так как делегатам не давали такого наказа. И эта уловка не прошла. Наконец придумали еще один ход: перенести конференцию на неделю, а за это время выяснить в редакциях, кого журналисты хотят выдвинуть.

Мне как председательствующему не стоило большого труда «завалить» сие абсурдное предложение, но я не стал этого делать. Пусть ребята потешатся, пусть райкомы партии пообрабатывают своих редакторов, все равно результат будет тот же. Тогда никто не скажет, что кандидата выдвинула кучка отщепенцев. В общем, на обсуждение журналистов области вынесли две кандидатуры: мою и заместителя редактора «Амурской правды» Александра Филоненко. На том и разъехались.

Пока в редакциях шло обсуждение, группа «Гражданская инициатива» пригласила меня в медицинский институт. Там активисты послушали мое выступление и решили: можно выдвигать.

— Ничего из этого не выйдет, — сказал я преподавателю Николаю Левченко, одному из руководителей выборной кампании в институте. — Как только узнают об этом в обкоме, на вас начнется давление, и вы дадите отбой.

— Да что вы, — обиделся он. — Мы серьезные люди. Ваше выступление слушала и секретарь парткома. Так что все будет хорошо.

— Могу держать пари: будет наоборот.

И действительно, перед началом институтской конференции, которая состоялась на второй или третий день, тот же Левченко сказал:

— Альберт Аркадьевич, а может, не стоит вас выдвигать?

— Что, давление началось?

— Да, ректору сказали, что, если выдвинем вас, то институт лишится финансовой поддержки, или что-то в этом роде.

— Но теперь отступить поздно. Конференция объявлена, и я уже здесь. Как вы объясните свое отступление людям?

— Сложно будет, — согласился он.

Наверное, около часа в актовом зале мединститута шли дебаты. Два первых ряда, где собрались представители ректората, деканы, руководители кафедр, настаивали, чтобы вообще никого не выдвигать. Остальной зал требовал: надо выдвинуть. Когда зал стал «перевешивать» и была предложена моя кандидатура, из первых рядов назвали еще одного кандидата — преподавателя Виктора Смирнова. Расчет был точный: в институте Смирнова знали как человека независимых демократических взглядов, причем знали лучше, чем меня. Он и победил при голосовании.

«Амурская правда» по этому поводу позлорадствовала от души. Вся область узнала, что «неформалы» предлагали выдвинуть кандидатом в депутаты меня, однако конференция Благовещенского мединститута отказала в доверии. В этот же день и час точно так же поступило и собрание коллектива Благовещенской ремонтно-эксплуатационной базы флота, отказавшись выдвинуть первого секретаря горкома КПСС Юрия Ширина. Но об этом областная партийная газета не сообщила.

Итак, я потерпел первое фиаско, теперь надо было готовиться к демаршу «той стороны» на конференции журналистов. Элементарная логика подсказывала, что будет сорван кворум, так как многих делегатов просто не отпустят в областной центр во второй раз. Но этого не случилось. «Та сторона» ввязалась в драку и проиграла. Я был выдвинут кандидатом в народные депутаты РСФСР по национально-территориальному округу № 24, то есть по всей области.

Следует пояснить, что на территории нашей области было шесть территориальных округов и один национально-территориальный. То есть шесть депутатов избирались

небольшой частью населения, а один — всей областью. Я хотел баллотироваться именно по этому округу. В нем до собрания в мединституте был выдвинут всего лишь один кандидат — второй секретарь Амурского обкома КПСС Владимир Шилов. С представителем этого могущественного обкома мне и хотелось сразиться.

Правда, потом кандидатов стало семеро. И в один прекрасный день я получил деликатное предложение перейти в другой округ.

— Почему? — спросил я у своего доверенного лица Александра Пирогова, того самого, который приносил мне письмо в «Прожектор перестройки». Это предложение передали через него.

— Понятно, чтобы уступить место Шиллову, — объяснил Александр Григорьевич. — Но открыто этого не говорят. А говорят, что в этом округе ты все равно не выиграешь. Против тебя проголосует село, армия и милиция. А вот в городе, где тебя хорошо знают, ты можешь пройти.

— Значит, мои противники заботятся о том, чтобы я был избран? Как трогательно с их стороны! Вот не ожидал такой заботы. Только я подарка Шиллову не сделаю.

Кроме областной журналистской организации меня выдвинули и другие коллективы: автоколонны № 1275, главпочтамта, института АмурКНИИ, еще одного института с мудреным названием. Никто мое выдвижение не организовывал — это делали сами работники вопреки противодействию своего начальства. Любопытно, что ни на одном собрании начальство не присутствовало, однако все эти собрания были признаны законными, и в положенный срок окружная избирательная комиссия зарегистрировала меня кандидатом.

Уполномочен заявить

Первым практическим делом областной журналистской организации после моего избрания председателем правления стало учреждение собственной газеты. Это было неслыханно! Прежде любые газеты учреждались только по решению бюро обкома КПСС, теперь же всемогущее бюро не имело к данному факту никакого отношения.

Мы с Николаем Белым несколько вечеров прогуливались по улицам города и обмозговывали, какой быть новой газете. Конечно же, возглавить ее должен был я, а если стану депутатом, то Николай. Ради этого он даже готов был уйти из газеты ЦК КПСС.

Непросто оказалось подобрать название. Объявили конкурс среди журналистов, но когда они собрались, то к общему мнению прийти не смогли. Каждый отстаивал свое название и слушать не хотел ни о каких других. Проголосовали. Из нескольких десятков названий победило «Амурский курьер».

Теперь надо было зарегистрировать газету, как предусмотрено законом. Но в областном управлении по печати нам в этом отказали — обращайтесь, мол, в Москву. Однако и Москва тоже заартачилась: почему, дескать, мы? С трудом, но зарегистрировать «Амурский курьер» все-таки удалось.

Однако где взять деньги, как добыть бумагу, кто будет печатать? «Смелые» полиграфисты в конце концов нашлись во Владивостоке, а вот с деньгами и бумагой оказалось сложнее. Договорились с руководителями некоторых предприятий, что они переведут газете по несколько тысяч рублей в счет будущей рекламы. Один из них даже перевел на наш счет деньги, но увы... Об этом как-то узнали в обкоме, и руководителя тут же освободили от должности. Пришлось деньги возвращать.

Началась настоящая охота на тех, кто может поддержать газету журналистов финансами. Не знаю уж, как определяли таких людей, но их тут же брали в оборот. Председатель колхоза «Луч» Бойко из Ивановки позднее мне рассказывал, как чуть не пострадал ни за что ни про что.

— Говорят мне в райкоме: ты перевел деньги на газету Кривченко, будешь за это отвечать. А я Кривченко никогда в глаза не видел и о его газете не слышал. Откуда они это взяли — не пойму.

Словом, финансовые барьеры вокруг «Амурского курьера» были расставлены прочные. Но когда нам все-таки удалось через них пробиться, оказалось, что и при наличии денег в нашей богатой лесом стране практически невозможно купить газетную бумагу. Она строго фондировалась, а выделять Союзу журналистов эти самые фонды никто не собирался. К счастью, у редактора Шимановской районной газеты Марка Чубинского оказались кое-какие связи на Сахалинском бумкомбинате, он сумел-таки добыть там кое-что для «Амурского курьера» в обход официальных каналов. Однако когда бумага прибыла в Благовещенск, областное управление по печати тут же наложило на нее «лапу» как на незаконно приобретенную. В общем, получалось, что, несмотря на хорошие горбачевские законы, выпустить газету без разрешения обкома КПСС по-прежнему невозможно.

Между тем началась предвыборная кампания. Как я уже говорил, в нашем округе было зарегистрировано семь кандидатов: трое от коммунистов и четверо от демократов. Это, конечно, было ошибкой — выдвигать столько от демократического крыла, ведь мы должны были отбирать голоса друг у друга. Но процесс выдвижения кандидатов-демократов тогда никем не контролировался и не управлялся. Небольшая группа «Гражданская инициатива» не могла оказать на него серьезного влияния, да и в предвыборной технологии демократы еще не очень разбирались.

Правда, вскоре я узнал, что Виктор Смирнов, Николай Шиндялов и Олег Паринов отбирать у меня голоса не собираются: они хоть и выступают со своими собственными программами, но голосовать призывают за меня. Это было поразительно, но факт. Несколько позднее я услышал это из их уст собственными ушами.

Встречаясь с избирателями, я благодарил Бога за то, что меня так кстати направили на учебу во Всесоюзный институт повышения квалификации журналистских кадров. Теперь я был основательно подготовлен к разговору с людьми. Я не критиковал КПСС, как делали некоторые другие кандидаты, а говорил, что надо сделать, чтобы спасти страну. И видел, что это захватывает людей, которые слушали такое впервые.

Партийный аппарат видимых препятствий мне не чинил, но руководители коллективов на моих встречах не присутствовали. В Урушинском локомотивном депо один рабочий задал вопрос:

— Два дня назад у нас выступал Шилов, так первые ряды были заняты его свитой, местным начальством, корреспондентами. А сегодня эти ряды пустуют. Почему?

— Потому что всем кандидатам созданы одинаковые условия, разве вы не видите?
— пошутил я.

Впрочем, нет, внимание местного начальства к моей персоне все-таки было. На каждой встрече обязательно присутствовал кто-то из аппарата, тщательно конспектировавший мою речь. Затем эта запись передавалась по телефону в обком партии, там изучалась, по ней готовились каверзные вопросы, которые также по телефону передавались в тот населенный пункт, где я должен был выступать на следующий день. Делалось это для того, чтобы меня, как говорил Василий Шукшин, «срезать».

Но с этими вопросами случались накладки. Шилов выступал по бумажке — читал тот текст, который ему приготовили в обкоме. В разных районных газетах его выступления повторялись дословно. Я же не пользовался никакими бумажками, в каждом коллективе произносил новую речь, которая нередко совершенно не совпадала с предыдущей. Все зависело от состава слушателей, от их интересов.

И вот встает некий человек и читает по бумажке: вы сказали то-то и то-то, и вот вам по этому поводу вопрос. А я такого здесь и не говорил вовсе. Это было сказано дня два назад в другом поселке, и некий человек о том знать не мог.

Или поступает записка с вопросом, в котором используется мудреный политический термин. Я прошу автора встать, а когда он обнаруживается, любопытно, что означает этот термин. Автор не знает, топчется, краснеет. В другой записке — опять тот же термин, и с этим автором повторяется та же история.

— Я, конечно, понимаю, что эти записки вам вручили в райкоме или горкоме, — начинаю язвить я. — Но вы все-таки порасспросили бы у них, что означают непонятные вам слова.

Нет, «срезать» меня никому не удавалось — спасибо тем преподавателям, которые учили нас в институте на Садовом кольце. И невооруженным глазом было видно, что все до единой аудитории, где довелось выступать, — на моей стороне.

Это, конечно, знали и в обкоме. В ход пустили и другие приемы. Однажды на встрече в Благовещенске присутствовала моя жена с подругой. А перед ними сидела работница горисполкома, которая знала подругу жены. И вот эта работница стала рассказывать:

— Кривченко выступает против привилегий для партийных и советских кадров, а сам первый пользуется ими. Недавно отдыхали мы с мужем на Мухинской турбазе, заняли номер. Вдруг среди ночи — шум в коридоре, работники турбазы забегали. Нас с мужем выселяют. Оказывается, приехал Кривченко с женой, а это его постоянный персональный номер. Вот вам и борец с привилегиями. Какое двуличие.

А подруга жены очень хорошо знает, что никакого «персонального» номера у меня нет и что вообще я бывал на Мухинке разве что в далекой юности, когда там никаких номеров еще не было. Спрашивает ехидно:

— Но может быть, это был не Кривченко? Вы лично его видели?

— Конечно, видела. И жену его видела, я ее хорошо знаю.

— А раз знаете, — продолжает ехидничать подруга жены, — то повернитесь и поздоровайтесь. Вот она собственной персоной.

Та обернулась, замолчала и до конца встречи сидела с опущенной головой, не проронив ни слова. А ведь, наверное, не одну ее такую выпустили в «народ».

Вскоре, нежданно-негаданно, большую услугу оказала мне «Амурская правда». Она, естественно, была всецело на стороне Шилова, но до поры до времени меня не трогала. А тут решила уличить во лжи. В самом начале избирательной кампании, во время так и не состоявшегося выдвижения в медицинском институте, я привел два факта, о которых потом не вспоминал. Во-первых, сказал о том, что в нашей области намечается провести подземный ядерный взрыв, а во-вторых, что на среднем течении Амура собираются построить совместно с китайцами четыре ГЭС, которые остановят и загубят великую реку. В печать эти факты не попали, общественность, кроме студентов и преподавателей мединститута, о них не узнала.

И вот «Амурская правда» где-то через полмесяца или через месяц излагает их и заявляет, что все это неправда. Что никто не собирается ничего взрывать под землей, а на Амуре — строить гидростанции. Кандидату в депутаты потребовалось все это выдумать, чтобы создать себе дешевый авторитет.

Я чуть не подпрыгнул от радости, когда прочитал это. О таком подарке можно было только мечтать. Ведь народ не поверит газете. Но даже если и поверит, я ведь их заявление опровергну документами. Они опубликовали этот материал сверх лимита, данного каждому кандидату, стало быть, и я могу требовать сверхлимитную газетную площадь для опровержения.

Я взял интервью у главного геолога той организации, которая бурила скважину для подземного ядерного взрыва. Он подтвердил, что такой взрыв действительно планируется на середину 1990 года, и объяснил, где именно бурится скважина. А что касается каскада ГЭС, то я направил в газету светокопию соглашения на этот счет между Советским Союзом и Китаем. С советской стороны соглашение подписал председатель Госплана СССР Юрий Маслюков. И эту «бомбу» вынуждены были опубликовать. После

публикации на каждой встрече мне непременно задавали вопросы об этих двух проблемах.

А перед самым концом предвыборной кампании один из сотрудников «Амурской правды» доверительно сообщил, что на 2 марта планируется какой-то сногшибательный материал обо мне. Из обкома велели оставить место — будет крупный компромат. 3 марта, за день до выборов, кандидаты уже не могут ничего опубликовать, так что «отмыться» я не сумею.

— Не может быть обо мне никакого компромата! — чуть ли не застонал я. — Его не существует в природе. Если что-то дадут, это будет фабрикацией.

Уже после выборов я узнал, кто и как готовил компромат. В обкоме хорошо знали, что в смысле компромата я неуязвим, но у меня есть жена — главный бухгалтер крупного производственного объединения, а у таких людей всегда можно что-нибудь «накопать» по службе. Некоторым руководящим работникам этого объединения дали указание зорко следить за каждым ее шагом и докладывать. Двое отказались, а один согласился. После этого моя жена постоянно находилась под колпаком. И вот в горком поступает сигнал — она купила в орсе видеосистему.

Сейчас об этом смешно говорить — иди в магазин и покупай столько видеосистем, на сколько хватит денег. А тогда в открытой продаже их не было. Некоторые организации гнали за рубеж дефицитный стройматериал, удобрения, а взамен привозили эти самые видеосистемы, но доставались они исключительно высоким начальникам и их приближенным. В ЦК КПСС поступили жалобы на такую несправедливость, дело получило огласку, Шарин публично пообещал во всем разобраться и сообщить имена тех, кто за спиной трудящихся приобрел этот дефицитный товар. Но Шарин стал народным депутатом СССР и о своем обещании забыл. Да и мог ли он его выполнить, если назвать пришлось бы все его окружение?

И вот ровно через год у него появилась возможность назвать хотя бы одного из этих негодяев. Да кого? Жену главного борца с партийными привилегиями, которая приобрела японский телевизор и видеомагнитофон в подчиненном ей орсе, используя свое служебное положение. Это же достойно самого острого пера, для этого можно не жалеть никаких красок!

Работники ОБХСС получили задание проверить поступившую информацию и вообще — раскрутить это дело. А раскрутить его можно было ой как славненько — с освобождением от должности, передачей дела в суд. Пусть суд потом оправдывает, главное — оповестить об этом избирателей сейчас, до выборов.

К начальнице Белогорского орса объединения «Амурводстрой» явились бравые ребята с погонами и потребовали полную информацию — кому проданы видеосистемы.

— У нас с этим порядок, — сообщила та. — Продавали только по решениям профсоюзных комитетов. Это легко проверить, все документы в бухгалтерии.

Бравые ребята с погонами посмотрели бумаги и обнаружили, что, действительно, на все видеосистемы есть решения профкомов, однако нужная им фамилия отсутствовала.

— Ее нет, потому что она не покупала, — объяснила начальница орса.

— Как это «не покупала»? — не согласились ребята. — Мы хорошо знаем, что купила.

Каково же было их удивление, когда все видеосистемы оказались у законных покупателей. Все до единой. Бравые ребята снова подступили к начальнице орса, попросили объяснить этот феномен.

— Все очень просто, — сказала она. — Главбух действительно хотела купить видеосистему, но, разумеется, на законном основании, по решению профкома. Иначе мы бы ей не продали, ведь они сами установили такой порядок. Но видеосистемы оказались не японской, а китайской сборки, поэтому она отказалась.

Черт побери, «хотела купить» и «купила» — не одно и то же, теперь ей никаких претензий не предъявишь. Как ни горько было ребятам в погонах, что не оправдали они

доверие, компромат не состоялся. Других грехов за женой тоже не удалось найти. Поэтому запланированная и так нужная обкому статья не получилась.

К 4 марта, дню выборов, расклад сил по области был ясен. Города и рабочие поселки, в которых я побывал, проголосуют за меня, а не за Шилова. Даже военные, на которых так надеялся обком. У милиции я тоже не заметил плохого отношения к себе. Сложнее было с деревней. Сел в области несколько сотен, а дней для встреч — всего ничего. Шилову проще: в каждом районе власти свозили на встречу с ним людей из деревень. Мне такой чести не оказывали. Побывал в нескольких селах сам: люди там тоже принимали неплохо, но на встречу-то приходило всего по пять-шесть человек.

Поняв, что ездить по деревням бессмысленно, я направил стопы к одному из самых уважаемых людей в области, бывшему директору совхоза «Партизан», Герою Социалистического Труда Григорию Пантелеевичу Котенко. Первая в моей жизни книжка «Глубокая борозда», вышедшая в 1965 году, была о нем. Вторая — «Степной богатырь» — тоже о нем и его совхозе. И в одной из последних — «Зов земли» — ему был посвящен большой очерк.

Уже несколько лет Григорий Пантелеевич, больной и немощный, жил в городе, в доме, который был построен недалеко от моего гаража. Мы нередко встречались, когда я шел за машиной или возвращался домой, а он сидел на лавочке. И вот теперь мне нужна была его помощь. Обращение к крестьянам такого уважаемого человека добавило бы мне очень много сторонников на селе.

Однако Григорий Пантелеевич встретил меня укором.

— Вы, Альберт Аркадьевич, заняли неправильную позицию. Я от этого очень расстроен...

— Почему вы так считаете? — спрашиваю. — Откуда вы знаете мою позицию?

— Так «Амурская правда» об этом пишет. Люди приходят, из старых знакомых, говорят.

— Вот как? Тогда послушайте самого меня.

Мы проговорили с ним несколько часов. Говорил в основном я, а он слушал, иногда возражал. Этот 83-летний человек очень хорошо воспринимал современные идеи о рынке, его преимуществах перед планово-распределительной экономикой. Он даже вспомнил, как в 1921 или в 1922 году, когда Ленин объявил нэп, их семья, жившая тогда на Украине, вырастила большой урожай пшеницы. Они с отцом поехали в город на ярмарку, надеясь выгодно продать свой урожай после страшных лет голодовки. Но ярмарка оказалась завалена зерном, ничего продать не удалось. Выходило, что всего за один год нэпа страна решила продовольственную проблему, а теперь эта проблема вновь стоит остро. Страшно подумать: имея столько земли, завозим зерно из-за границы!

Короче, мы нашли с Григорием Пантелеевичем общий язык, он продиктовал очень теплый, даже сердечный материал для районных газет обо мне. Этот материал опубликовали многие из них, но, к сожалению, далеко не все. Иные редакторы побоялись, а иные и сами не захотели это сделать. И все-таки обращение Котенко оказало мне большую помощь, чем поездки по деревням.

В самый канун выборов, 3 марта 1990 года, в Благовещенске произошло событие, достойное быть вписанным в местную летопись золотыми буквами. В этот день на далекой российской окраине, гордо именующей себя «красным островом», была официально учреждена общественная организация, положившая начало новому, демократическому движению в политической жизни области.

Выборы народных депутатов РСФСР, а также депутатов местных Советов, проводившиеся одновременно в 1990 году, дали много «несанкционированных» кандидатов, официально зарегистрированных избирательными комиссиями. Вместе с доверенными лицами и группами поддержки они составили внушительную силу. Расправиться с этой силой партаппарат не мог — по крайней мере, до окончания выборов, пока участники политических баталий были защищены законом.

Не использовать такую благоприятную для нас ситуацию было бы непростительно. Поэтому ребята из молодежной группы «Гражданская инициатива» спешно разработали необходимую документацию и даже добились разрешения властей провести учредительное собрание новой демократической организации 3 марта в здании Ленинского райисполкома.

Когда после поездки по северным районам области я вернулся в Благовещенск, к собранию все было готово. О нем объявили на общегородском митинге, сообщили в газете. Но в назначенный час 3 марта двери в здании Ленинского райисполкома оказались запертыми.

Народу собралось не так много — 43 человека. Все-таки участвовать в подобных мероприятиях было небезопасно. Зато какие люди пришли: преподаватели педагогического и медицинского институтов, ученые АмурКНИИ, рабочие и учителя школ, предприниматели и журналисты, комсомольские и даже советские работники. Имена одних давно уже были известны в городе, другие ворвались в политику недавно, в связи с последними выборами.

Около часа мы топтались возле здания, надеясь, что кто-нибудь из руководителей райисполкома все-таки придет. Наконец, изрядно продрогнув, стали обсуждать, как быть? Разойтись? Но после выборов нам вообще собраться не дадут.

Кто-то из молодежи предложил пройтись по учреждениям, авось где-нибудь повезет. И сорок три человека, в том числе убеленные сединой, побрели по родному городу, как чужаки, как беспризорники. Сначала шли по Ленинской, потом свернули на Богдана Хмельницкого, прошествовали по Зейской, повернули назад по Калинина. Похоже было, что ребята уже не знали, куда нас дальше вести. По случаю субботы улицы в этот час были пустынные, прохожих немного. Наконец вышли к Релочному переулку и остановились возле института АмурКНИИ. В здании никого не оказалось, кроме вахтера. Добродушный старичок беспрепятственно пропустил всю «компанию» в актовЫй зал, так как среди нас было несколько сотрудников АмурКНИИ, а я шел кандидатом в депутаты именно от этого института. Мне и поручили вести собрание.

Я еще раз пересчитал присутствующих — все 43 человека были на месте, никто не отстал по дороге. Очень хорошо! Значит, собрались люди не случайные и, что особенно важно, не робкого десятка.

Обсуждение программы и устава длилось около двух часов. Название новой организации понравилось всем: «Демократический блок в защиту перестройки». В четырнадцать ноль-ноль 3 марта 1990 года эта организация была учреждена.

В последний момент, когда уже подписывались учредительные документы, неожиданно появился преподаватель технологического института, кандидат в народные депутаты РСФСР Андрей Захаров. Как ни в чем не бывало, он прошел к столу президиума и молча поставил под документами свои подписи — последним, сорок четвертым. Откуда ему было известно, что через три часа после объявленного срока собрание все еще продолжается и что проходит оно именно в здании АмурКНИИ, если об этом знали только мы, сидящие в зале, вахтер внизу да, несомненно, ребята из КГБ, для нас так и осталось загадкой.

Вот кто поставил свои подписи под протоколом об учреждении «Демократического блока в защиту перестройки»: А. Кривченко, В. Мартынов, Н. Шиндялов, И. Шиндялова, А. Омеляненко, М. Хохулина, В. Хохулин, Ж. Арутюнова, Г. Матвеев, В. Хахин, В. Калинин, А. Калинин, А. Пирогов, В. Рудь, Н. Захаров, С. Клопов, И. Карандаев, А. Лепехин, А. Богатырев, Лучшев, О. Морар, Н. Землянский, Ю. Сараев, Е. Юдин, Б. Пятецкий, Н. Левченко, С. Лебедев, А. Шаповалова, А. Лобанов, Н. Мясникова, Хороший, Ж. Смирнов, В. Небора, Б. Кузьменко, Слободчиков, А. Захаров. Я не смог полностью восстановить этот список, но считаю, что он должен быть восстановлен поименно. Это сейчас выходи на площадь и создавай любую партию. Никаких неприятностей лично для

тебя не последует. А тогда те 44 смельчака, рискнувшие открыто выступить с иной, чем у КПСС, программой, рисковали всем: работой, семьей, даже жизнью.

Не знаю, может быть, предчувствие будущего нам дано свыше, но в день первого тура голосования 4 марта 1990 года я был абсолютно спокоен. В своей победе не сомневался, валидола не сосал и снотворное не принимал. Так и получилось: я набрал больше всех голосов и вышел во второй тур.

Он состоялся через две недели. Я мотался по селам, развозя и собирая своих сторонников, которые должны были следить за ходом голосования. Помню, часа в три ночи с 18 на 19 марта возле здания райкома в Константиновке собралось немало машин, много представителей сел. Вдруг выбегает из здания какой-то человек и объявляет: только что получены сведения из Благовещенска, там с большим преимуществом победил Кривченко. В Константиновском районе, правда, победу одержал Шилов, но с очень маленьким перевесом.

Вот тебе и село, которое, как считали в обкоме, пойдет против меня. А ведь я в этом районе не выступал, и обращение Котенко здесь не публиковали.

Вернувшись домой, я заснул богатырским сном. Проснулся от звонка в дверь — пришли доверенные лица Олег Паринов и Александр Пирогов поздравить с победой. Я обошел Владимира Шилова почти на 80 тысяч голосов, то есть за меня проголосовало почти в полтора раза больше избирателей, чем за него. Чуть позднее мне сообщили, что в обкоме партии в этот день был настоящий траур.

Итак, я стал народным депутатом России, избранным от всей области.

Первое лицо

Во время избирательной кампании я настолько привык к провокациям, что ожидал их и после выборов. Опасался, что будут предприняты попытки поставить под сомнение результаты голосования и лишить меня депутатского звания.

И такие попытки вскоре последовали. В первых числах апреля состоялся пленум обкома партии, на котором было заявлено, что в ходе предвыборной кампании я не гнушался никакими методами борьбы вплоть до самых грязных и запрещенных, поэтому, дескать, меня следует лишить депутатского мандата. Если бы такое право было у пленума, он немедленно сделал бы это.

Но какие же «запрещенные» приемы я использовал? А вот какие.

Чересчур хитрых и чрезмерно ловких на руку людей Бог, как правило, наказывает. Год назад Леонид Шарин с помощью друзей из ЦК оградил себя от справедливой и заслуженной критики в центральной прессе. Даже такая сравнительно независимая и вольнолюбивая газета, как «Литературка», вынуждена была положить под сукно статью Валерия Шарова «Первое лицо».

Но вслед за разбрасыванием камней приходит время их собирать. Такое время наступило и для Шарина. 7 марта, на третий день после первого тура голосования, в «Литературной газете» неожиданно появилась та самая статья. Я «Литературку» на тот год не выписал, но за один день мне сообщили о материале Шарова не меньше десятка друзей.

Это была великолепная статья, мастерски рассказавшая о ничтожном уровне нравственности первого руководителя Амурской области. В ней приводились и уже известные факты преследования редактора молодежной газеты, перекрытия движения по центральной улице Благовещенска, изъятия письма водителей в «Прожектор перестройки». И пока что не обнародованные — барский ремонт квартиры за государственный счет, поиски по всей стране «персональных» плитки, обоев, ванны,

унитаза, покупка «первым лицом» без очереди машины для сына и отправка ее в Москву, выход из КПСС в знак протеста приемосдатчицы Крыловой.

Хотя главным героем статьи был Шарин, статья нанесла мощный удар по всему обкому КПСС. В том числе и по моему конкуренту Шилову, с которым нам предстояло участвовать во втором туре выборов. Конечно, почти все факты дал Шарову я, мне был неизвестен лишь факт поисков унитаза, эту подробность Валерий раскопал сам. Но никакого отношения к тому, что статья была опубликована именно сейчас, я не имел.

Тем не менее в печати стали раздаваться голоса, что именно я организовал выход статьи 7 марта, чтобы скомпрометировать своего конкурента. И вот теперь в этом меня обвинили на пленуме обкома.

В день открытия пленума перед зданием Дома Советов собралось много народа. Когда началось заседание, в президиум поступила записка от 95 граждан с просьбой разрешить присутствовать и им. В зале раздались злобные возгласы: не пускать!!! После небольшого колебания решили в просьбе отказать, так как на пленуме, дескать, уже присутствуют руководители «Демократического блока в защиту перестройки» — Кривченко, Мартынов, Хахин. На самом деле мы были здесь не как представители общественной организации, а по долгу службы, как представители средств массовой информации. Но все равно было приятно. Наш «Демблок» признают и даже знают его руководителей!

Большой интерес общественности к пленуму объяснялся не только тем, что на нем должны были обсуждать статью «Первое лицо». В повестке дня значился и доклад о фактах незаконной торговли видеосистемами в связи с жалобами, поступившими в ЦК КПСС больше года назад. С той поры прошли одни выборы, другие, и только теперь у обкома дошли руки до обсуждения итогов проверки.

Доклад об этом сделал секретарь обкома по сельскому хозяйству Борис Урбанчик. Он назвал точную цифру проданных «частным лицам» видеосистем — 670. Сообщил, что всем торговым работникам-коммунистам, допустившим нарушение правил советской торговли, объявлены партийные взыскания. Добавил, что многие руководящие работники агропромсоюза и его подразделений тоже получили выговоры «за ослабление контроля».

Вообще-то за нарушение правил советской торговли УК РСФСР предусматривал уголовное, а не партийное наказание, ну да ладно... Теперь сидящим в зале предстояло услышать фамилии тех, кто, используя свое служебное положение, организовал «персональную» торговлю и сам покупал «видики» не через обычный торговый зал, а с черного хода, через подвалы или склады.

Для меня это не составляло особого секрета: ведь к дефициту в первую очередь допускались члены бюро всех уровней и руководящие работники исполкомов. Если разделить эти несчастные 670 «видиков» только на высшую прослойку партгосноменклатуры, то и тогда всем не достанется. Стало быть, видеосистемы разошлись только среди этой категории руководителей. Поэтому почти все сидящие в зале были причастны к нашумевшей дележке. Не случайно у участников пленума такие напряженные, хмурые лица.

Но вскоре к сводам зала взметнулся вздох облегчения. Закончив доклад, Борис Урбанчик так и не назвал ни одной фамилии высокопоставленных «покупателей». Бумеранг пролетел над их головами, не задев ни единого волоска. Стоит ли говорить, как присутствующие в зале были благодарны за это своему отцу и благодетелю, первому секретарю обкома, обещавшему в свое время «назвать всех поименно».

Возможность отплатить ему тем же им представилась немедленно — при обсуждении статьи «Первое лицо». Пример того, как надо отдавать должок, показал председатель комиссии обкома КПСС по проверке фактов, приведенных в «Литературке», Николай Колесников. Вопреки тому, что было известно всем, он от имени комиссии заявил, что Шарин не имеет отношения к закрытию движения по улице Ленина — это, мол, сделали городские власти по своей инициативе. И далее в том же духе.

Сложнее пришлось Колесникову, когда он начал рассказывать о ремонте квартиры «первого лица». Комиссия не смогла ничего отвергнуть из статьи Шарова, более того — даже увеличила сумму затрат из городского бюджета на ремонт квартиры на две тысячи рублей.

Единственное, что опровергла комиссия — партийный стаж вышедшей из КПСС приемосдатчицы Крыловой. Не знаю, кто из нас неправильно посчитал — я или Валерий, но мы ошиблись: партстаж у Крыловой был не 30 лет, а 20.

После доклада Колесникова подняли представителя «Литературной газеты». Оказалось, что редакция направила на пленум не самого автора статьи и не кого-либо из руководителей, а всего лишь редакционного юриста. Тот сообщил, что Валерий Шаров прилететь не смог, потому что проходит подготовку в центре космонавтики для полета в космос. По поводу публикации он пояснил, что юридических оснований для ее отклонения не было.

В зале послышались негодующие реплики. Не по поводу юриста — какие могли быть к нему претензии? Возмутило, что не прилетел сам Шаров.

После юриста на трибуну поднялся Шарин. До этого, давая интервью «своей» газете, он погорячился, не подумал и заявил, что все факты в статье или искажены, или вымышлены. Сейчас заговорил по-другому:

— Меня спросят: как же так, ведь факты-то были? Скажу, что были... Но я задаю себе вопрос: с какой целью все это сделано? А с той, что автор очень уж хотел помочь некоторым нашим демократам, хотел повлиять на ход избирательной кампании...

Вот, оказывается, где собака зарыта! Не приведенные в статье факты надо обсуждать, хотя они и были, а цель автора. Его коварное стремление помочь демократам!

Слова Шарина словно скрипичный ключ задали настрой всем выступлениям. Тогда-то и раздалось требование лишить меня депутатского мандата.

Предоставили слово и нам, руководителям «Демблока» — Мартынову, Хахину и мне. Я впервые в жизни выступал на таком высоком партийном форуме — до этого приходилось сидеть лишь среди журналистов. В зале были сплошь враждебные лица, во всяком случае, в первых рядах. А ведь с этими людьми я в течение почти тридцати лет, можно сказать, делал одно дело, со многими не раз встречался по работе, о некоторых даже писал. Вот ведь как круто жизнь разводит людей!

Я сказал в своем выступлении, что комиссия обкома не была и не могла быть объективной, потому что члены комиссии зависят по службе от героя публикации. По той же причине не приходится ждать объективности и от пленума. Беспристрастным в этом деле может быть только суд, вот туда Шарину и следует обратиться.

Едва кончил говорить, как за столом президиума резко поднялся и наклонился к микрофону сам герой публикации. Нервно заметил, что в суд обращаться не будет, так как ему важнее мнение товарищей по партии. И товарищи по партии ответили ему дружной поддержкой. Пленум выразил первому секретарю обкома полное доверие, а от «Литературки» потребовал извиниться перед т. Шариним Л. В. за «необоснованную, очернительскую критику в его адрес».

Рассматривался на пленуме и еще один любопытный вопрос — о редакторе газеты «Амурская правда». Леопольду Сарапасу года два-три назад исполнилось шестьдесят, но он был здоров и полон сил, про таких говорят: о вывеску можно поросят бить. Не случилось у него «проколов» и перед обкомом, а наоборот, Сарапас был в фаворе у Шарина. И вдруг партийное руководство решило освободить его в связи с пенсионным возрастом.

Из сидящих в зале, наверное, только я понял, в чем тут дело. А суть заключалась в том, что одновременно с выборами народных депутатов РСФСР проходили выборы и депутатов местных органов власти. Это означало, что на первой же сессии областного Совета наряду с другими областными руководителями будет утверждаться и редактор

«Амурской правды», соучредителем которой вместе с обкомом КПСС был и областной Совет.

Когда у нас произошла заминка с изданием собственной журналистской газеты, я подумал: а почему бы не попробовать убедить депутатов назначить на этот пост нашего кандидата? Ведь народу не все равно, кому доверили главную газету области. Кто же сможет предложить самую достойную, наиболее профессионально подготовленную кандидатуру на пост главного редактора, как не Союз журналистов?

Встретившись с секретарем обкома по идеологии Геннадием Ворончихиным, изложил ему свои соображения и предложил подумать о новом редакторе вместе. Он промолчал, но по лицу было видно, что озадачен. Ведь если журналисты начнут подбирать из своей среды редактора, то Сарапас наверняка не пройдет. И как знать, не проголосуют ли они снова, как было на отчетно-выборной журналистской конференции, за Кривченко или, к примеру, за Белого? Что тогда? Нынешние депутаты непредсказуемы, они могут поддержать не обком КПСС, а журналистов. При таком раскладе может рухнуть монополия обкома и на эту газету.

Вот и решило партийное руководство — пока гром не грянул, произвести рокировку. Сарапаса освободили, а редактором утвердили его первого зама Анатолия Дроздова.

Маневр, конечно, был удачный, но не гарантирующий стопроцентную победу. Если правление областной журналистской организации не согласится с кандидатурой Дроздова, то еще неизвестно, чья возьмет на сессии облсовета. Я решил к этому вопросу вернуться позднее, а сейчас нас по-прежнему поглощали выборные дела.

Суть в том, что в части округов Благовещенска два тура голосования — 4 и 18 марта — не дали результата. Теперь надо было проводить повторные выборы в городской Совет. Когда начиналась выборная кампания, «Демблока» еще не существовало, поэтому участвовавшие в ней демократы не смогли выступить организованной силой. Сейчас такая возможность появилась.

Мы опубликовали список своих кандидатов в депутаты из 25 человек. Надо было организовать их поддержку. А тут еще этот пленум обкома. Ему нам тоже надо было чем-то «возразить». Что касается последнего, «Демблок» создал свою комиссию по расследованию фактов, изложенных в «Литературке». Возглавил ее пилот авиаотряда Александр Люлин. Комиссия опубликовала в «Амурском комсомольце» свой доклад, полностью подтвердив факты статьи и согласившись с выводами автора. Думается, выводы независимых экспертов «Демблока» были куда важнее для населения области, чем мнение «карманного» обкома КПСС. Тут же последовало еще два удара по обкому: партийные собрания завода «Амурский металлист» и Благовещенской ремонтно-эксплуатационной базы флота тоже не согласились с позицией пленума.

Повторные выборы в Благовещенский городской Совет состоялись 22 апреля. Из 25 кандидатов «Демблока» депутатами стали 14 человек. Это была большая победа.

А я в те дни был уже в Москве — работал в комиссии по подготовке первого съезда народных депутатов РСФСР. Предложение направить туда именно меня внес, если память не изменяет, Анатолий Белоногов, и остальные депутаты его поддержали. Первый съезд — ключ ко всей последующей работе российского парламента, почему же готовить его от нашей области послали именно меня? Ларчик открылся чуть позднее. Но об этом — в свое время.

Краснопресненская набережная, 2

Будучи корреспондентом ТАСС, я бывал в Москве не реже одного раза в год, иногда и по два, и по три раза. Но теперь впервые прилетел в столицу, обремененный столь

высокой ответственностью. Впервые поселился и в гостинице «Россия», рядом с Красной площадью.

Двухместный номер выходил своим огромным, почти во всю стену, окном на север, где стояла какая-то старенькая, обшарпанная церквушка. Она была одета в строительные леса — видимо, либо московские власти, либо епархия начали ее реставрировать.

Восточнее церкви, по другую сторону улицы, начинались здания ЦК КПСС, которые тянулись далеко вдоль Старой площади. Западнее, если прижать лицо к стеклу, был виден краешек собора Василия Блаженного.

Гостиница «Россия» поразила меня своими огромными размерами. Приезжая на совещания соборов ТАСС, я всегда селился в гостинице «Минск», которая занимала вдоль улицы Горького целый квартал и казалась огромной. Но если бы можно было развернуть в одну линию 12-этажный квадрат гостиницы «Россия», то она протянулась бы как минимум на 4-5 кварталов, а скорее всего, и больше. В центре этого массивного квадрата поднимался небоскреб в 21 этаж с рестораном наверху.

В самолете прочитал о грандиозном пожаре, случившемся в «России» несколько лет назад. Автор утверждал, что в этой гостинице порядка пяти тысяч номеров. В нашей же благовещенской семиэтажной «Юбилейной», самой большой в области, их было всего-то три сотни, может быть, с пристройкой — чуть побольше.

Правда, особого комфорта в «России» не наблюдалось. Знающие люди утверждали, что в Москве немало гостиниц более комфортабельных, однако Верховный Совет выбрал именно эту, потому что она находилась рядом с Кремлем, где должен был проходить съезд народных депутатов РСФСР. Кроме того, здесь можно было разместить сразу всех депутатов, которых насчитывалось больше тысячи. Рассказываю об этой гостинице так подробно потому, что здесь мне предстояло прожить следующие полтора года.

Соседом по номеру оказался тоже российский депутат — директор школы-интерната из Читинской области Сергей Самойлов. Это был небольшого роста, спортивного сложения, очень подвижный человек в возрасте чуть больше тридцати лет. Профессия уже успела наложить на него свой отпечаток — он говорил много, безапелляционно, словно поучал собеседника.

Самойлов тоже был «незапланированным» кандидатом, однако партаппарат не чинил ему особых препятствий, потому что баллотировался он в небольшом округе, где не было выдвинуто солидных партийных фигур. А вообще-то и в Читинской области, как и у нас, победили в основном коммунисты, в том числе и первый секретарь обкома Николай Мальков.

На следующий день мы с Сергеем поехали в Верховный Совет. Его здание нас поразило своей архитектурой. Со стороны оно походило на огромный белый океанский лайнер с высокой надстройкой посередине. Еще больше поразила внутренняя планировка. Здесь было такое замысловатое хитросплетение коридоров, что и двух шагов нельзя было ступить без провожатого.

В комиссии по подготовке съезда оказалось больше ста депутатов. Нас разбили на пять подкомиссий, мы с Самойловым попали в первую. Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР, член Политбюро ЦК КПСС Виталий Воротников обратился к нам с напутственной речью, и мы разошлись по кабинетам.

Первым, с кем я познакомился в подкомиссии, был невысокий чернявый молодой человек с короткими усиками — заведующий лабораторией Московского государственного университета Сергей Шахрай. Вторым — красивый мужчина с крупными чертами лица — директор оборонного завода из Тулы Александр Титкин. Оказался тут и мой коллега — заместитель редактора журнала «Вопросы экономики» Сергей Красавченко.

Все они позднее стали известными людьми. Шахрай — вице-премьером правительства России, Титкин — министром промышленности, Красавченко и Самойлов — ключевыми фигурами в администрации президента.

Любопытно, что нами, депутатами, никто не руководил. На первом же заседании подкомиссии мы договорились, что возглавлять работу будем поочередно, то есть каждый день — новый председатель. Отсчет пойдет от председательского кресла по часовой стрелке, поэтому все депутаты должны постоянно сидеть там, где сидят. Моя очередь руководить заседанием приходилась на третий день.

Перед началом работы депутатам раздали уже готовые проекты документов съезда. Сотрудники аппарата Верховного Совета, с которыми мы познакомились, сообщили конфиденциально, что бумаги, как всегда, поступили из ЦК КПСС. По этим документам нетрудно было понять, что Старая площадь хочет сделать российский депутатский корпус таким же послушным орудием в своих руках, каким он был и раньше. По замыслу партийного руководства страны, 1060 депутатов должны избрать Верховный Совет, его руководителей и разъехаться по домам. Все вопросы потом будет решать Верховный Совет, а над ним проще взять контроль, особенно если председателем будет «их» человек.

Наша подкомиссия с этим решительно не согласилась. Мы разработали другую повестку дня, включив в нее много вопросов, очень важных для судьбы России. И по каждому вопросу подготовили проект постановления съезда.

Большую активность при этом проявлял Сергей Шахрай. У него в компьютерах лаборатории МГУ были заложены важнейшие законы почти всех стран мира. Да и сам он, профессиональный юрист, защитивший кандидатскую диссертацию по парламентаризму, знал очень много. Как-то ему, мне, Валерию Адрову и Михаилу Челнокову подкомиссия поручила доработать текст регламента съезда. Сергей пригласил нас к себе в лабораторию. Работали долго и упорно. Казалось, текст вычищен и вылизан, ничего больше не придумаешь. Но вот Сергей прошелся по регламентам парламентов мира, и оказалось, что кое-что мы все-таки упустили.

Обратил на себя внимание и Сергей Бабурин, тоже, как и Шахрай, профессиональный юрист. Но если Шахрай был душой созидания, то Бабурин — локомотивом разрушения. Он был против всего конструктивного, что предлагали депутаты, однако при голосовании оставался либо в меньшинстве, либо вообще один.

На заседаниях подкомиссии постоянно велись дискуссии, иной раз очень острые. И все-таки решения принимались почти единодушно. Труднее было «обрабатывать» депутатов других подкомиссий, где контингент оказался более консервативным. Там приходилось начинать все сначала, но в конце концов удавалось и их перетягивать на нашу сторону.

Это была изнурительная работа, которая выматывала вконец. Однажды, когда после долгого дня возвращались в гостиницу, Сергей Шахрай, выйдя из автобуса впереди меня, сказал:

— Казалось бы, что делал сегодня? Ничего, только языком работал. А устал как собака.

— Тебе сколько лет? — спросил я Сергея.

— Тридцать четыре.

— Ну вот. А мне пятьдесят четыре.

Сергей посмотрел на меня и застыдился. А вообще-то он был прав: после возвращения в гостиницу хотелось упасть на кровать и не вставать до следующего утра.

За те три недели, что работала подготовительная комиссия, у меня с Самойловым была только одна разрядка. Как-то Александр Титкин предложил нам съездить в воскресный день в Загорск — посмотреть тамошний всемирно известный монастырь. Его шофер пригнал «Волгу» из Тулы и отпросился к родственникам, машину должен был вести сам Титкин. Но оказалось, что он хорошо знает лишь центральный район столицы, а за пределами Садового кольца никогда не ездил.

— Как же мы выедем из города? — спросил я у него. — Кто нам покажет трассу на Загорск?

— Путеводитель, — не смущаясь, сказал он. — У меня есть карта Москвы, а ты будешь штурманом.

Мы поехали. Даже для меня, шофера с большим стажем, это было очень непростое занятие — быть штурманом. План улиц и переулков на бумаге не совсем соответствовал тому, что мы видели из машины. Каково же было мое удивление, когда наша «Волга» все же вышла на трассу, ведущую в Загорск.

Почувствовав свободу, Саша Титкин достал листок бумаги со стихотворным текстом и предложил спеть. Это была пародия на съезд народных депутатов СССР, написанная на мотив популярной в то время песни о поручике Голицыне и корнете Оболенском. Она начиналась так:

Четвертые сутки бушует столица.
Кремлевский дворец. Переполненный зал.
Не виснуть на креслах, поручик Голицын.
Корнет Оболенский, здесь вам не вокзал...

Песня была до того замечательная, что мы исполнили ее раз двадцать. Особенно понравились слова: «Поручик Лукьянов, раздайте патроны». Ведь правильно, может дойти и до того, что председатель Верховного Совета СССР Анатолий Иванович Лукьянов начнет и патроны своим сторонникам раздавать.

Поездка в Загорск, путешествие по территории монастыря оставили неизгладимое впечатление, но это был лишь эпизод в нашей депутатской службе. В следующее воскресенье состоялось собрание депутатов демократической ориентации, на которое пошли и мы с Самойловым. Оно проходило в высотном здании на Калининском проспекте, где размещался комитет Верховного Совета СССР по строительству и архитектуре, возглавляемый Борисом Ельциным. Здесь был штаб межрегиональной депутатской группы, в состав координаторов которой входил и Ельцин. Чувствовалось, что у российских депутатов-демократов, живущих в Москве, с этой группой хороший контакт.

В собрании участвовало около двухсот депутатов — некоторые члены подготовительной комиссии, депутаты, которые жили в Москве и ближайших областях. Обсуждался очень важный вопрос — кого на съезде выдвигать председателем Верховного Совета РСФСР? Кандидатов было десять, и каждый выступал со своей программой. Не все программы были привлекательными. Татьяна Корягина, например, чихвостила последними словами КПСС, но предложить ничего не смогла. Николай Травкин чистосердечно признался, что, хотя у него и есть своя программа, быть руководителем парламента он пока не готов — созреет годика через два. Сергей Ковалев, друг академика Сахарова, поразил своим неумением выступать перед аудиторией.

Наиболее сильное впечатление произвел Борис Ельцин. У него была конструктивная программа, хорошая речь, в нем чувствовалась непреклонная воля.

Я следил за этим человеком уже несколько лет — с того дня, когда, выступая на пленуме ЦК или партийном съезде, он, единственный из ораторов, взял вину за прегрешения партии и на себя. Потом, на пленуме ЦК в октябре 1987 года, Ельцин заявил, что перестройка проходит не так, как должна. За это его вывели из кандидатов в члены Политбюро, сняли с поста первого секретаря Московского горкома КПСС. На него были вылиты ушатые помоев, однако лично я не поверил ни одному обвинению в его адрес.

Другой бы на его месте исчез с политической арены, а он не исчез. Будучи в такой опале, умудрялся даже пробиваться на страницы некоторых газет. Вопреки яростному противодействию партийного руководства страны, стал народным депутатом СССР, а теперь вот и народным депутатом РСФСР.

В перерыве я подошел к Борису Николаевичу и был поражен его огромным ростом: я и большинство других депутатов едва доставали ему до плеча. Общение с ним убедило:

у оппозиции появился достойный лидер. Его и решили выдвинуть кандидатом на пост председателя Верховного Совета.

Наконец наша работа в доме на Краснопресненской набережной подошла к завершению. Три недели понадобилось на то, чтобы подготовить и согласовать во всех подкомиссиях документы будущего съезда. Но такие большие затраты нашей нервной энергии были оправданы.

Вернувшись из Москвы в Благовещенск, я угодил на первую организационную сессию областного Совета народных депутатов. Среди прочих вопросов депутаты обсуждали и кандидатуру редактора газеты «Амурская правда». Вот тогда для меня открылся ларчик: стало понятно, почему в Москву, в подготовительную комиссию, отправили именно меня. Для обкома КПСС пост редактора областной газеты был важнее, чем решения какой-то подготовительной комиссии. А я совсем забыл, что надо бороться за кресло редактора.

Кандидатура на сессии прозвучала одна — Анатолия Дроздова. Других кандидатур не было. Дроздова и утвердили. Это было моим личным «проколом».

«Черный список»

Первого съезда народных депутатов России многие ждали с нетерпением. Это чувствовалось по настроению людей в Москве. Когда мы приехали на съезд, у гостиницы «Россия» стояли толпы народа. Уже союзный съезд показал, что в высший орган власти у нас могут избирать не только механических роботов, готовых голосовать за что угодно по приказу партии. Выступления на съезде народных депутатов СССР Андрея Сахарова, Евгения Евтушенко, Михаила Ульянова, Ролана Быкова, Юрия Черниченко вывели из спячки многих и многих. Еще большего ждали от российского съезда, потому что в России депутатов избирали по более демократичному закону. Но не дремали и на Старой площади. В вестибюле гостиницы «Россия» я встретил Сергея Шахрая. Он был чем-то очень сильно расстроен.

— В чем дело, Сергей? — с тревогой спросил я.

— А вы получили документы съезда?

— Пока нет, а что?

— А то, что документы, разработанные подготовительной комиссией, бесследно исчезли. Вместо них депутатам раздают другие — те самые, которые подготовили в ЦК.

— Но наши документы были приняты официально избранной комиссией, а эти кем? От чьего имени их предлагают?

— Ни от чьего. Раздают и все.

Действительно, в папках, которые раздавали депутатам, были только первоначальные бумаги из ЦК КПСС, а альтернативные, разработанные подготовительной комиссией съезда, даже не упоминались. Стало быть, в ЦК все-таки решили «продавить» свой вариант.

Обнаружилась еще одна любопытная деталь: большинство членов подготовительной комиссии попали в так называемый «черный список». Руководители депутатских групп из краев и областей получили указание из ЦК не допустить их избрания в Верховный Совет. Оказался в «черном списке» и я.

Но депутаты-демократы не собирались складывать оружие. Документы, разработанные подготовительной комиссией, исчезли в аппарате Верховного Совета, но сохранились в компьютерах Шахрая. Их извлекли и сумели оперативно размножить. Съезду было предложено две повестки дня: куцая цековская и наша — солидная, серьезная.

При их обсуждении спор разгорелся нешуточный. Большая группа депутатов-коммунистов требовала от микрофонов проголосовать за короткую повестку. Давайте, мол, выберем Верховный Совет и разъедемся, нечего заниматься говорильней. Но и напор депутатов-демократов был мощный. Ну как можно разъехаться, говорили они, не обсудив экономическое положение в России? Тем более что вопрос подготовлен и по нему есть проект постановления съезда, разработанный избранной всеми депутатами подготовительной комиссией.

В конце концов съезд принял нашу повестку дня и даже включил в нее дополнительный вопрос: о средствах массовой информации.

Теперь главным было избрание председателя Верховного Совета. Из семи депутатов-амурчан Ельцина поддерживал только я, остальные шестеро были против. Даже Андрей Захаров, который считался демократом, говорил, что за Ельцина голосовать не будет, потому что тот ему не нравится. При создании депутатской фракции «Демократическая Россия» я записал в нее Андрея, полагая, что мой заместитель по «Демблоку» просто обязан быть там. Однако Захаров попросту отсутствовал только на одном заседании и из фракции вышел.

Вечерами во время ужина мы говорили о будущем председателе. В гостиничном ресторане обычно ужинали пятеро: я, Юрий Чапковский, Анатолий Мельниченко, Иван Галушко и Борис Аношкин. Белоногов и Захаров всегда отсутствовали. Я заседал на своих земляках, убеждал, что России нужен самостоятельный и независимый председатель Верховного Совета, каким и будет Ельцин. Вроде бы мне удавалось их убедить, но на следующее утро, видимо, после общения с Белоноговым, они опять были против.

Председателя Верховного Совета избирали много раз, и каждый раз никто не проходил. Коммунисты меняли своих кандидатов, а наш Ельцин переходил из тура в тур. Он постоянно набирал больше всех голосов, но их чуть-чуть не хватало для победы.

Когда вечерами после очередного заседания депутаты возвращались в гостиницу, то идти приходилось через живой людской коридор. Люди стояли здесь весь день, слушали радиотрансляцию со съезда и ждали результатов голосования. В толпе было много антиельцинских лозунгов, обвинявших его главным образом в сионизме — больше-то было не в чем. Некоторые плакатики утверждали, что Ельцин — еврей и зовут его не Борис, а Бенья. Были обвинения в далеко не всем понятном тогда популизме — этот входивший в моду ярлык навешивали всем демократам. Люди с такими плакатами и лозунгами не молчали, а выкрикивали всевозможные призывы вплоть до ругательных.

Поговаривали, что всех их наняли за деньги, организованно привозят утром на автобусах и также организованно увозят вечером. Однажды я убедился, что это действительно так.

Случилось, что мне пришлось задержаться по какой-то причине в Кремле и я вышел последним. Впереди, шагах в сорока-пятидесяти, двигалась группа депутатов из коммунистической фракции, а сзади — никого. Шел дождь, зонта у меня не было, я держал над собой кожаную папку.

Народу было так же много, как всегда — все под зонтиками. Но ни одного антиельцинского лозунга не просматривалось. Люди пытались заговорить с последней группой депутатов, но те не останавливались.

— Что же вы, депутаты дорогие, не можете избрать председателя? — услышал я из толпы обращенный ко мне вопрос.

Я остановился, обвел взглядом стоящих стеной людей. Они смотрели на меня, как мне показалось, с мольбой.

— А кого вы хотите? — спрашиваю.

— Конечно Ельцина.

— Бориса Николаевича, — раздались голоса.

— Изберем. Сегодня не получилось — завтра получится. Не завтра, так через неделю.

Меня враз окружили, надо мной появился зонтик. Раздались возгласы, призывающие к тишине. Я спросил, куда исчезли лозунги против Ельцина?

— Их сиятельствам автобусы подали, — съязвила какая-то женщина. — По домам повезли. А может, в кабак, промокли ведь.

— Здесь остались только сторонники Бориса Николаевича, — пояснил пожилой мужчина. — Душа болит, ждем, когда его выберут. Этих крикунов увезли, но народу, как видите, меньше не стало.

Я начал успокаивать людей: Ельцин обязательно будет председателем Верховного Совета. Ведь он из тура в тур набирает больше всех голосов. Коммунисты уже бросили против него свои лучшие силы, но одолеть не могут. И не одолеют. Дело лишь за несколькими голосами.

— Ой, скорей бы, сил больше нет, — простонал кто-то в толпе.

Минут сорок продолжалась беседа под дождем. Те, кто стоял поближе, передавали мои слова тем, кто стоял дальше и ничего не слышал. Наконец кто-то спросил, из какой я области. С Дальнего Востока, говорю. Вы, дальневосточники, молодцы, слышу в ответ, были бы все такие. Не дай Бог, думаю про себя, знали бы вы, что шестеро из семи наших депутатов против вашего кумира. Но ничего этого, конечно, не сказал.

На следующее утро перед началом заседания депутат из Астраханской области, председатель колхоза, сидевший сзади меня, сказал:

— Сегодня Борис Николаевич победит. Вот увидите.

— Почему вы так думаете? — спрашиваю.

— Потому что на этот раз голосовать за него буду я. Прежде не голосовал, а теперь буду.

— Что же случилось?

Он помялся, но все-таки ответил:

— Вчера опять в ЦК вызывали. И так нагло себя вели, такую чушь о нем говорили, что несколько человек сразу решили: назло этим козлам будем голосовать за Бориса.

Так и получилось — на этот раз Ельцин был избран. Находившийся в Канаде Горбачев, вместо того чтобы поздравить нового председателя Верховного Совета крупнейшей в СССР республики, заявил на весь мир: подумаешь, победа — с перевесом всего в несколько голосов. С Горбачевым все стало окончательно ясно.

Выборы Верховного Совета прошли уже спокойно, без эксцессов. Теперь съезд вел Ельцин, и на нем установился относительный порядок. Кандидатов в члены Верховного Совета называли региональные депутатские группы, а затем тайным голосованием утверждал съезд.

«Черный список», о котором я уже говорил, сработал: при тайном голосовании против меня было подано очень много голосов. Казалось бы, раз депутатская группа выдвинула, зачем голосовать против, тем более что ты не знаешь человека? Ан голосовали. Правда, голосов не хватило, чтобы меня провалить. А это говорило о том, что большинство депутатов съезда не будут слепо выполнять волю ЦК.

Это особенно подтвердило голосование по вопросу о суверенитете России. Такой документ нужен был как воздух, так как центральная власть вела себя по отношению к нашей республике, мягко говоря, бесцеремонно. На съезде прозвучали такие вопиющие цифры: Россия вносит в союзный бюджет 94 процента всех средств, еще 6 процентов — Украина и Казахстан, остальные республики вообще ничего не вносят, а только получают из союзного бюджета. То есть вся страна живет за счет выжимания соков из России.

У нашей республики были свой Верховный Совет и свое правительство, но они ничего не решали без союзных властей. Даже маленький вопрос требовалось согласовывать с «верхами». Из регионов обращались с просьбами и жалобами не в

республиканское правительство, а в союзное. Свое же, родное, просто не замечали. Ни в одной другой республике такого не было.

В результате Россия с каждой пятилеткой все больше нищала. Капитальные вложения в народное хозяйство республики, особенно в среднерусские и окраинные регионы, в последние годы имели, говоря словами ученых, нулевой или отрицательный рост, то есть средств вкладывалось все меньше. В Поволжье пустели целые деревни, у нас в области не могли снести деревянные дома-завалухи постройки 1912-1913 годов, потому что средств на строительство новых катастрофически не хватало. По уровню жизненных благ для населения Россия, больше всех дававшая стране, находилась на последнем месте в СССР.

Поэтому и предлагалось принять документ о суверенитете, то есть о самостоятельности России в составе Советского Союза. О той самой самостоятельности, которая гарантировалась Конституцией страны, но которой фактически не было. Противников у суверенитета оказалось немало, они не отходили от микрофонов. Но аргументы «за» были настолько убедительны, что, когда дело дошло до поименного голосования, то те, кто с трибуны и от микрофонов выступал «против», не отважились так же проголосовать. Декларация о суверенитете России в составе СССР была принята 12 июня 1990 года подавляющим большинством голосов при незначительном числе воздержавшихся и всего трех — против.

Немало времени съезд уделил многострадальному сельскому хозяйству. Депутаты решили списать все долги колхозов и совхозов, а их набралось порядка 69 миллиардов рублей. Кроме того, договорились собраться в декабре еще раз, чтобы основательно обсудить проблемы села.

На первом съезде народных депутатов довелось выступить и мне. Я подготовил две речи — об экономических проблемах Дальневосточного региона и о состоянии российских средств массовой информации. По первой проблеме было бы правильно выступить не мне — корреспонденту ТАСС, а председателю Амурского областного Совета народных депутатов Анатолию Белоногову, но он к этому был не готов. Решили так: записываемся все, но кто получит слово, тот и озвучит мою речь. Получилось удачно: из нас семерых слово дали директору прииска «Дамбукинский» Юрию Чапковскому, он и прочитал текст от своего имени.

Перед закрытием съезда обсуждался вопрос о средствах массовой информации, по которому выступал уже я сам. Конечно же, испытывал огромное волнение, выходя на самую высокую трибуну в России — трибуну Большого Кремлевского дворца. Говорил о том, что в стране построены или строятся десятки крупных полиграфических комбинатов, оснащенных новейшим зарубежным оборудованием, но они принадлежат исключительно партии. В то же время типографии, принадлежащие местным Советам, влачат жалкое существование и буквально погибают. У России катастрофически не хватает бумаги, особенно для книжных издательств, хотя республика и производит 95 процентов всей бумажной продукции страны. Не знаю, как воспринимали речь уставшие за день депутаты, но дважды раздавались аплодисменты.

Во время выступления хотелось взглянуть в зал, увидеть лица людей. Но для этого пришлось бы снять очки, которыми я уже пользовался для чтения. Не видел я из-за очков и висевших в конце зала часов, хотя надо было бы следить за временем. Слава Богу, в регламент уложился.

Первый съезд народных депутатов РСФСР был рекордным по продолжительности — он работал тридцать восемь дней! На его проведение потребовались огромные дополнительные средства, не предусмотренные первоначальной сметой. Но затраты были не напрасны — у России появился настоящий, реальный, независимый высший орган власти!

Языком уголовного досье

Во время работы съезда состоялась первая сессия Верховного Совета РСФСР. Остальные депутаты отдыхали, а мы перешли из Большого Кремлевского дворца в здание на Краснопресненской набережной, чтобы сформировать комитеты и комиссии парламента, избрать правительство.

Я, конечно же, записался в комитет по средствам массовой информации, связям с общественными организациями и изучению общественного мнения. В нем оказалось больше тридцати человек. В основном — журналисты газет, радио и телевидения, но были и люди других профессий: преподаватель военной академии полковник Сергей Юшенков, профессор технического вуза Лев Пономарев, первый секретарь райкома партии в Тверской области Вячеслав Брагин...

Познакомившись и пообщавшись, поняли, что все мы — демократы. Даже Вячеслав Брагин. Оказалось, что на выборах партийный аппарат чинил ему такие же препятствия, как, скажем, мне, потому что он не скрывал своих демократических взглядов. Да и остальным членам комитета во время выборов было несладко.

Любопытная деталь: среди депутатов съезда были и журналисты с коммунистическими взглядами, но ни один из них не записался в наш комитет. Почему — так и осталось загадкой.

Перво-наперво предстояло избрать председателя. Нам передали мнение Ельцина: он хотел, чтобы избрали Виктора Югина. Югин был редактором ленинградской молодежной газеты и во время пика опалы Ельцина опубликовал интервью с ним. Эта дерзость могла стоить Виктору поста редактора, но получилось так, что взятое им интервью пошло «гулять» по стране, а редактор ленинградской молодежи отделался лишь небольшими неприятностями. Конечно же, мы охотно проголосовали за такого человека.

Комитет разбили на пять подкомитетов: по печати, по радио, по телевидению, по связям с общественными организациями и по изучению общественного мнения. Меня избрали председателем подкомитета по печати.

Теперь надо было отстоять Югина на пленарном заседании сессии, ведь председателей комитетов утверждал Верховный Совет. Но случилось так, что в это время открылся XXVIII съезд КПСС, и туда были приглашены самые активные депутаты-коммунисты. Естественно, они охотно пошли на партийный форум, оставив свои депутатские дела. В их отсутствие сессия без особых помех утвердила председателями комитетов многих депутатов-демократов. Поняв свою ошибку, на следующий день «прогульщики» как один пришли на сессию, но было уже поздно.

Покидая Москву после съезда, я имел свой кабинет на 11-м этаже здания на Краснопресненской набережной, где разместился Верховный Совет России. Нам, его членам, дали передышку до 3 сентября. Впрочем, передышку лишь от пленарных заседаний, но не от депутатской работы вообще. Она переместилась в избирательные округа, где надо было проводить встречи с людьми, принимать посетителей с просьбами и жалобами, помогать местным властям.

Амурские Советы в основном считались коммунистическими, но были и исключения. Пограничный районный Совет Благовещенска, например, избрал своим председателем беспартийного Юрия Сараева, а председателем исполкома — демократа Альберта Лобанова. Они и предложили мне в своем здании большую комнату для депутатской приемной. Это было далеко от дома, зато обстановка — самая демократичная.

Посетителей было много, некоторые приходили лишь для того, чтобы познакомиться и поговорить с депутатом, расспросить о съезде. Но большинство людей обращались с жалобами.

На встречах с избирателями народу тоже всегда было много, иногда люди даже стояли в проходах. Как правило, они высказывали дружную поддержку той позиции,

которую заняли на съезде депутаты фракции «Демократическая Россия». Сторонники же фракции «Коммунисты России» либо вообще не приходили на эти встречи, либо их было так мало, что они не решались о себе заявить.

Представители партийного аппарата присутствовали на всех моих встречах с избирателями, на сходах «Демблока», но только слушали, не вступая в дискуссии. Крупный проигрыш Шилова на выборах показал, что аппаратчики не умеют разговаривать с людьми на митингах и собраниях, где предполагается полная свобода слова.

Проявив неспособность к живым дискуссиям, партаппарат сделал ставку на другое сильное идеологическое оружие — средства массовой информации. В местной печати развернулась настоящая травля демократов и прежде всего — самого ненавистного из них. Приведу лишь один пример такой травли.

В Сковородинской районной газете выступили шесть членов партбюро райотдела внутренних дел, которые писали (привожу выдержки):

«Коммунисты сдаются без боя по требованиям митингующих неформалов, обыкновенных болтунов, уголовников и прочей накипи, рвущейся сегодня к власти... Некоторые дельцы с партийными билетами переметнулись в лагеря социал-демократов, кадетов, анархистов, «народных» фронтов, «зеленых» и прочих группировок, мешающих с грязью имя святого для нас человека — Ленина... Выборы народных депутатов РСФСР и местных Советов показали, кто есть кто. Кто честно вел борьбу за депутатский мандат, а кто не брезговал ничем, даже провокационными листовками и клеветническими выпадами... «Бомба» сработала, и коммунист Кривченко стал депутатом Верховного Совета России... Если завтра услышим, что такой депутат выложил партийный билет и стал основателем какой-нибудь Амурской социал-демо-лево-право-анархо-национал- и т. д. и т. п. партии, даже не вздрогнем... Мы только будем приветствовать, когда всевозможные карьеристы, приспособленцы, мафиози и просто жулики покинут ряды партии».

Ну как тут не воскликнешь: какой яркий и сочный язык! Какая полнота и точность характеристик — «обыкновенные болтуны», «уголовники», «прочая накипь», «дельцы с партийными билетами», «карьеристы», «приспособленцы», «мафиози», «просто жулики»! И то ведь: кто-кто, а уж милиция-то знает все о своих гражданах. Наверное, прежде чем взяться за перо, члены милицейского партбюро долго и скрупулезно работали с досье своего уголовного розыска. Но цитирую дальше:

«Только напрашивается вопрос: «А что делал коммунист Кривченко во времена, называемые теперь застойными?» Он смотрел в рот тогдашнему первому секретарю обкома партии С. С. Авраменко и даже под его чутким руководством редактировал «Блокнот агитатора» — издание Амурского обкома КПСС. Что-то не мелькало тогда у него мыслей о диктатуре аппаратчиков, свободе мысли, демократии, гласности».

Из истории СССР мы знаем, что в свое время у многих граждан вызывал шок вопрос, на который надо было ответить при заполнении анкеты: чем занимался до октября 1917 года? Чистосердечный ответ мог принести большие неприятности. Теперь этот вопрос вновь зазвучал со страниц коммунистических изданий: что ты делал в годы застоя?

В принципе, его, может быть, и нелишне было задать кое-кому, но, увы, он звучал вовсе не по адресу. Неблаговидные дела застойного прошлого пытались выискивать не у тех, кто принимал развалившиеся экономику страны решения «наверху» и доводил их до абсурда на местах, кто глумился над демократией и социальной справедливостью, присваивал себе незаконные блага и тому подобное, а у ставших на демократические позиции писателей, публицистов, экономистов, ученых. У таких людей в прошлом могли быть высказывания с восхвалением брежневского режима. А это — компромат!

О, компромат в руках партии всегда был сильнейшим оружием. На моей памяти не было ни одного случая, чтобы человека уволили за критику, неодобрительные высказывания в адрес партии или непочтительное отношение к начальству. Боже упаси,

ведь это незаконно. Другое дело — найти компромат. На мою жену в свое время собрать его не удалось, но у меня-то обязательно должны быть хвалебные высказывания в адрес партии. Хотя бы несколько за тридцать лет работы в печати.

Пришлось отвечать. Я заявил на страницах «Амурского комсомольца», что и «во времена, называемые теперь застойными», были люди, которые не пели хвалу Брежневу и не заглядывали в рот первым секретарям. Что «Блокнот агитатора» обкома КПСС всегда редактировал заведующий отделом пропаганды обкома, я же в течение двух лет, до перехода в ТАСС, работал не в обкоме, а в Хабаровском книжном издательстве ответственным секретарем этого журнала. А ответственный секретарь в издательском деле все равно что главный инженер на производстве: отвечает не за идейную и содержательную сторону издания, а за технологию его производства. Правда, я постоянно вмешивался не в свое дело, закрыл дорогу на страницы журнала длинным и нудным, никому не нужным статьям, чем сразу же нажил себе врагов. Но пусть покажут мне хотя бы одну цитату из моих публикаций за все тридцать лет, доказывающую, что я восхвалял партию, Брежнева, «заглядывал в рот» первому секретарю обкома.

Действительно, немного позднее партийные идеологи перетряхнули все мои публикации, включая и книги, но нужных им цитат не нашли.

В это время, то есть летом 1990 года, начался массовый выход коммунистов из партии. Как ни странно, но многих к этому подтолкнул XXVIII съезд КПСС. Перед съездом у них еще теплилась какая-то надежда, что партия прозреет и опомнится, но после него стало ясно, что она окончательно деградировала и не способна к самоочищению и возрождению.

На этом решающем судьбу партии съезде следовало бы наконец сказать народу, что именно партия, являющаяся семь десятилетий «руководящей и направляющей» силой общества, несет всю полноту ответственности за разорение крестьянства и физическое уничтожение десятков миллионов людей, разрушение вековой культуры народа и опустошение человеческих душ, выбор тупикового пути в экономике и глумление над правами человека, за многие другие преступления, совершенные и совершаемые в стране. Признав это, съезд должен был заявить во всеуслышание, что партия становится перед народом на колени, просит у него прощения и готова искупить свою вину. Увы, ничего этого сказано не было. Программное заявление съезда вызвало у людей разочарование — таких туманных и обтекаемых партийных документов еще не было.

Первый заместитель председателя Верховного Совета России Руслан Хасбулатов дал меткую характеристику съезду: «Интеллектуальный уровень съезда очень низок, создается такое впечатление, будто из партии уже вышли все грамотные философы, экономисты, политологи».

После этого съезда дальнейшее их проведение, как и само пребывание в партии, стало бессмысленным.

Ельцин вышел из КПСС прямо на XXVIII съезде. Телевидение много раз показывало, как он, зачитав свое заявление, идет через весь зал к выходу. Это был сигнал для его единомышленников, и многие наши депутаты вышли из партии вслед за ним.

А как же я? Вон даже сковородинские милиционеры подсказывают: выходи. Да и коллег, уже покинувших партию, поддержать надо. Но с другой стороны...

КПСС, конечно, падет — в этом сомнения не было. Она хоть и казалась всемогущей и вечной, но ничего вечного нет. Римская и Османская империи, татаро-монгольское иго и инквизиция тоже казались вечными, а где они? У КПСС нет будущего: цивилизованному обществу нужны парламентские партии, а КПСС была изначально задумана Лениным как партия диктатуры.

Но прежде чем прекратить существование, КПСС должна предстать перед судом. Необходим новый Нюрнбергский процесс, подобный тому, что в свое время вынес приговор нацизму. Ведь были не только ошибки и заблуждения, но и откровенные преступления, подпадающие под Уголовный кодекс: миллионы людей в концлагерях,

раскрестьянивание десятков миллионов жителей деревни, искусственно созданный голод, депортация целых народов, «психушки»... А раз были преступления — был и преступник. Кто он? Один Сталин? Или еще и Брежнев? Или вся партия, включая ночных сторожей и стрелочников? Ответить на эти вопросы может только суд. Не политбюро ЦК КПСС, не партийный съезд, а высокий всенародный суд. Он нужен прежде всего тем рядовым коммунистам, которые меньше всего виноваты в преступлениях прошлого.

А может быть, было бы правильно мне, коммунисту с почти 30-летним стажем, остаться и держать ответ перед народом вместе с партией? Я готов предстать перед судом. Более того, буду добиваться такого судебного процесса, состоя в КПСС. Делать это после выхода из партии было бы неэтично.

Незадолго до отъезда на вторую сессию Верховного Совета я принял окончательное решение и дал интервью газете «Амурский комсомолец», которое было напечатано под заголовком «Готов предстать перед судом».

— Но такой суд — это новые концлагеря? — спросил журналист.

— Зачем же? Если партия будет признана виновной, достаточно ее морального осуждения и запрещения как партии.

— Как, на ваш взгляд, воспримет это интервью партийный актив области?

— Он предаст меня анафеме.

И действительно, сразу же после публикации интервью партийные газеты подняли невообразимый шум. Они как-то «не заметили», что речь идет вовсе не о преследовании коммунистов, а лишь о моральном осуждении партии и ее запрещении. Меня обвинили в том, что я призываю к новым репрессиям, хочу вешать членов КПСС на столбах.

К моему прилету в Москву наш комитет уже был в сборе. Меня встретили вопросом: вышел ли я из КПСС? Оказалось, что все комитетчики уже вышли. Даже Вячеслав Брагин — первый секретарь райкома. Узнав, что я все еще пребываю в партии, Брагин скривил губы:

— С тобой все ясно...

— Да ну? Так уж и все? На-ка почитай мое интервью.

— Что читать? Ясно, что ты изворачиваешься.

Он неохотно взял номер «Амурского комсомольца» и ушел к себе в кабинет, но вскоре буквально ворвался ко мне.

— Альберт, беру свои слова назад. Ты необычно ставишь вопрос и очень правильно. Мы обязательно обсудим твою статью у себя в подкомитете.

Итак, отпуск кончился, теперь надо было заниматься средствами массовой информации России. И первые же хлопоты оказались приятными. Даже не хлопоты, а телефонный разговор с Благовещенском. Мне сообщили, что наконец-то зарегистрирована ассоциация «АмурБАМпресса».

Идея создания такой ассоциации, которая занималась бы выпуском газеты «Амурский курьер» и других независимых изданий, принадлежала редактору Зейской районной газеты Сергею Ананьеву. Когда «Амурскому курьеру» перекрыли финансовый кислород, Сергей пришел ко мне и изложил свой план. Он считал, что областная журналистская организация должна стать инициатором учреждения независимой коммерческой ассоциации, которая могла бы взять на себя финансовые и другие заботы об «Амурском курьере». Ананьев даже был готов оставить редакторский пост, чтобы возглавить эту ассоциацию, что вскоре и сделал. И вот позади бесконечная волокита с регистрацией. Теперь «Амурский курьер» находился в надежных руках.

Это был хороший опыт, который можно было бы использовать и в других регионах. Забегая вперед, скажу, что я действительно его пропагандировал. Однажды довелось выступать перед журналистами во Всесоюзном институте повышения квалификации журналистских кадров — том самом, в котором учился недавно и я. Рассказ о первых шагах ассоциации «АмурБАМпресса» вызвал огромный интерес, мне задали массу

вопросов. Уж не знаю, использовал кто-нибудь наш опыт, но то, что он был кстати — бесспорно.

Батальоны идут к Москве

Информационные агентства мира теперь все чаще передавали по своим каналам сообщения с пометкой: «Москва, Кремль». Московский Кремль стал самой притягательной точкой для сотен миллионов людей во всем мире. Здесь решалась судьба не только одной шестой части планеты, но и во многом всего мирового сообщества. В Кремле работали два высших органа власти великой страны — Съезд народных депутатов СССР и Съезд народных депутатов РСФСР. Первый — в Кремлевском дворце съездов, второй — в Большом Кремлевском дворце.

В свое время Россия потрясла весь мир, хлопнув дверью и свернув в сторону со столбовой дороги, по которой шла человеческая цивилизация. Поплутав по ухабам и рывтинам, набив много шишек и синяков, она вроде бы поняла, что ошиблась. Теперь, по прошествии семи десятилетий, одна шестая часть планеты, называемая прежде Россией, кажется, намеревалась вернуться обратно.

Выступая в Кремле перед союзными депутатами, президент СССР Михаил Горбачев объявил на весь мир, что страна переходит к рынку. Мировая общественность с восторгом воскликнула: «Ах!». Как уже было не раз, например, после объявления в 1965 году реформ Косыгина. Однако вскоре эта общественность, как и четверть века назад, вынуждена была разочарованно сказать: «Ох». Оказалось, что Михаил Горбачев понимает рынок не так, как остальной мир.

Против «рынка Горбачева — Рыжкова» резко выступил председатель Верховного Совета России Борис Ельцин. Он даже пригрозил союзному руководству, что «ляжет на рельсы». Мир затаил дыхание: что будет дальше? Шестая часть суши опять поразила всех: страна в целом решила идти одним путем, а большая и самая богатая ее часть — другим. Каким именно — пока было неясно. Поэтому все ждали вторую сессию Верховного Совета России, которая должна была расставить точки над «і».

В день открытия сессии в здании на Краснопресненской набережной народу собралось, как говорится, битком. Кроме членов Верховного Совета, здесь было много и других российских депутатов, правительство России в полном составе, немало союзных депутатов и великое множество журналистов.

После утверждения повестки дня с докладом об экономической реформе в России выступил глава правительства Иван Силаев. Белый как лунь, он говорил неторопливо, уверенно, с достоинством, понимая, что его слушает весь мир.

Планово-распределительная экономика, основанная на государственной собственности на средства производства, приказала долго жить, и этого не видит только слепой, сказал премьер. Она не смогла обеспечить более высокую производительность труда по сравнению с капитализмом и лучшие условия для жизни людей. Если бы так было только в СССР, то это можно было бы объяснить ошибками руководства. Но такая же картина во всех без исключения странах социализма. Особенно наглядный тому пример — две Германии и две Кореи: ГДР и Северная Корея катастрофически отстали от своих соседей и родни.

Руководство СССР наконец-то признало, что единственное наше спасение — в переходе к рынку, продолжал Силаев. Но то, что предлагает союзное правительство, совершенно неприемлемо и губительно для страны. Михаил Сергеевич Горбачев недвусмысленно заявил, что рынок в СССР допускается лишь в рамках социализма, а это абсурд. Социализм, как известно, основан на всеобщей государственной собственности, рынка же не может быть без частной собственности. Понимая это, союзные депутаты сделали оговорку: в СССР, мол, допускается и частная собственность, но в ограниченных,

строго дозированных размерах. Кто будет определять эту дозу? Конечно чиновник. А он может свести долю частной собственности к нулю.

Россия встала на принципиально иной путь: первый съезд народных депутатов РСФСР объявил право частной собственности на территории республики без всяких ограничений. Это открывает путь настоящему, а не бутафорскому рынку. Теперь Верховный Совет, руководствуясь решениями съезда, должен принять законы, которые сделают рынок реальностью.

Силаев огласил правительственную программу перехода к рынку под названием «500 дней». Ее разработала группа ученых под руководством академика Станислава Шаталина. На первые 500 дней реформы эта группа расписала буквально все действия правительства и Верховного Совета. Дело осталось лишь за тем, чтобы принять эту программу и запустить в действие.

Доклад Силаева вызвал у депутатов дружную поддержку. Принципиальных возражений против концепции перехода к рынку не было ни у кого, даже у коммунистов. Но столь серьезное дело требовало очень тщательного, даже скрупулезного обдумывания, поэтому решили обсудить программу в палатах, то есть в Совете республики и Совете национальностей.

К нам в Совет национальностей пришел с докладом вице-премьер правительства Григорий Явлинский. Это был стройный, подтянутый, с хорошей шевелюрой симпатичный человек тридцати восьми лет. Он обладал неплохим чувством юмора, чем и покорила зал.

У обоих микрофонов, установленных в зале заседаний, выстроились очереди. У депутатов было много вопросов, но Григорий Явлинский «расправлялся» с ними, словно щелкал семечки. Мне кажется, что Совет национальностей в конце концов просто влюбился в него и в его программу.

Под занавес задал свой вопрос и я. Тогда мы еще не привыкли представляться при подходе к микрофону, поэтому в протоколах и стенографических отчетах сплошь и рядом отсутствуют фамилии тех, кто говорил. По этой причине, возможно, в стенограмме нет моей фамилии, но вопрос, который я задал, должен быть.

Я спросил у вице-премьера правительства: что будет, если программу «500 дней» не поддержит союзное руководство? Ведь Центральный банк один на всю страну, денежная система едина, сможем ли мы одни, сами провести реформу? Григорий Алексеевич ответил прямо и честно: нет, тогда нашу программу придется выкинуть в мусорный ящик.

После долгого и тщательного обсуждения программа «500 дней» была одобрена и принята депутатами. Некоторые предлагали приступить к ее осуществлению уже с первого октября, то есть менее чем через месяц. Но это были романтики. Ведь для приведения в действие хотя бы каких-то рычагов реформы нужны были законы о собственности, о предпринимательской деятельности, о новой налоговой системе, а они только разрабатывались. Верховный Совет принял решение начать реформу с 1 ноября 1990 года, а до этого подготовить всю необходимую правовую базу. Кроме того, было решено обратиться к народу с разъяснением позиции Верховного Совета по вопросу о рынке, так как эта позиция сильно расходилась с позицией союзных властей.

Мне довелось быть одним из соавторов этого обращения, а возглавляла нашу небольшую группу по подготовке документа заместитель председателя Верховного Совета Светлана Горячева. Во время работы я с ней общался с глазу на глаз, и мне она показалась довольно прогрессивным человеком.

9 октября Верховный Совет на своем пленарном заседании принял подготовленное нами обращение к народам России. В нем был установлен день, когда начнутся реформы — 1 ноября 1990 года. Теперь отступать уже было нельзя.

В один из этих дней, когда Совет национальностей обсуждал какой-то рыночный закон, на трибуне появился депутат Виталий Уражцев — полковник в отставке. Он привел еще одного военного — подполковника в мундире. Информация у них была потрясающая

— к Москве движутся вооруженные войска, их колонны растянулись по трассе на двадцать километров. Цель передвижения никому из офицеров не известна, но подполковник догадывался, зачем хотят ввести эти вооруженные батальоны в столицу.

Доложили Ельцину. Через некоторое время он поднялся на трибуну и заявил, что не верит разъяснению военного командования, согласно которому войска идут к Москве для участия в военном параде. Парад будет 7 ноября, а сейчас лишь начало сентября. Кроме того, войскам, участвующим в этом мероприятии, выдают парадную форму, этим же выдали бронежилеты и комплект боеприпасов. Что делают военные с боеприпасами, известно всем.

Заявление председателя Верховного Совета России, прозвучавшее на весь мир, видимо, было неожиданным для союзного руководства и поставило его в неловкое положение. Теперь надо было объясняться, и тоже на весь мир. В газете «Известия» было опубликовано интервью командующего Воздушно-десантными войсками генерал-полковника Ачалова, который заявил, что никаких темных мыслей у военных нет, что происходит плановое передвижение воинских частей. Те батальоны, которые идут к Москве, действительно будут участвовать в параде на Красной площади, а те, которые прибывают в Подмосковье, помогут колхозникам в копке картошки.

Однако знающие люди сразу же обратили внимание на то, что боевая техника, которая якобы будет участвовать в параде, не окрашена соответствующим образом, как бывало прежде, и ее так много, что для прохождения через Красную площадь ей потребуется минимум часа четыре, в то время как все торжество вместе с демонстрацией трудящихся длится всего два часа.

Неувязка получилась и с теми частями, которые прибывали в Подмосковье. Депутат Валерий Рюмин сообщил, что на Рязанскую землю самолеты доставили два воздушно-десантных полка с боевой техникой. Никогда прежде боевая техника в копке картофеля не участвовала. Когда Рюмин попытался выяснить, зачем же прилетели десантники, его просто не допустили к солдатам и офицерам. Так и не выкопав ни одного клубня картофеля, оба полка вновь погрузились в самолеты и улетели.

Вся информация немедленно попадала в печать, на радио и телевидение. У российской власти это было единственным средством защиты от применения против нее военной силы. И союзная власть применить ее пока не решилась. Батальоны, собиравшиеся участвовать в параде, повернули обратно...

Приняв программу «500 дней», мы усиленно работали над рыночными законами. К счастью, кое-какие наработки уже имелись. Оказалось, что еще Андропов, став Генеральным секретарем ЦК КПСС, всерьез думал о переходе к рынку. Собрав молодых, способных экономистов, он поручил им разработать концепцию и другие документы по переходу страны к рыночным отношениям, и специалисты за год его правления успели многое сделать. Сейчас их разработки оченьгодились Верховному Совету России.

Особенно сложным и неясным оказался вопрос о собственности. В свое время национализировать ее было проще: все, что имелось в стране, объявили государственным, хозяев расстреляли и дело с концом. Как быть сейчас, когда буквально все принадлежит государству? Вернуть людям? Но как, кому, сколько?

Помню, на одном пленарном заседании Верховного Совета выступил председатель подкомитета по приватизации (комитета по экономической реформе) ученый-экономист Петр Филиппов. Сегодня автором приватизации в стране обычно называют Анатолия Чубайса, однако это неверно. Концепция приватизации государственной собственности была разработана в Верховном Совете России, когда фамилию «Чубайс» никто и не слышал.

Петр Филиппов сделал блестящий доклад, все расставил по полочкам. Зачем нужна приватизация госсобственности? — задал он вопрос и сам на него ответил: потому что государство не способно управлять ею эффективно, как это делает частник.

Но как и кому передать собственность в нашей стране? Бывшим хозяевам, если они имеются где-то за границей, их потомкам? Это будет неправильно, потому что основные фонды в СССР фактически созданы за последние семьдесят лет без участия бывших хозяев. Продать заводы и фабрики населению? Но, во-первых, ни у кого нет таких денег, а во-вторых, почему люди должны платить, если они сами своим трудом все это создавали?

Единственно разумным и справедливым могло быть только бесплатное деление госсобственности между всем населением. Петр Филиппов даже назвал сумму, приходящуюся на одного человека — десять тысяч рублей. На эту сумму каждому, включая древних стариков и новорожденных младенцев, должен быть выдан приватизационный чек.

А если человек не хочет быть собственником? Или неспособен управлять собственностью? И тогда ему должен быть вручен приватизационный чек. А дальше чек можно продать, подарить, передать по наследству, что, очевидно, и сделает большинство. Тогда появятся настоящие хозяева, которые и поднимут производство, заставят работать заводы и фабрики. Это будет позднее, а пока следует пройти через чековую приватизацию.

Такая концепция устроила всех, разногласия возникли лишь по поводу приватизационных чеков. Коммунисты предложили сделать их именными, чтобы нельзя было продать. Этим самым они хотели не допустить появления очень крупных собственников. Однако тогда приватизация потеряла бы всякий смысл и даже принесла бы вред: ведь человек, не умеющий управлять собственностью, может довести ее «до ручки». После непродолжительных дебатов коммунисты сняли свое предложение.

Концепцию одобрили, и комитет по экономической реформе приступил к разработке соответствующих законов. Позднее, когда эти законы были приняты, Верховный Совет утвердил и программу приватизации. Поэтому странно слышать, когда проведение приватизации приписывают исключительно Чубайсу. Он был исполнителем — это так, но автором основополагающих документов, по которым проводилась приватизация, является Верховный Совет России.

Между тем приближался заветный день — 1 ноября. В этот день Россия должна была отказаться от социалистического выбора и повернуть к рынку. Но в последний момент Верховный Совет СССР отменил решение Верховного Совета РСФСР. Не решившись пойти на военный конфликт, союзное руководство использовало «бескровный» путь, который вел к той же цели — недопущению экономической реформы.

Депутатская фракция «Демократическая Россия» собралась на экстренное заседание, чтобы рассмотреть сложившуюся ситуацию. Помню, с большой взволнованной речью выступил депутат Рассказов. Он был вхож в банковские круги и оттуда вынес потрясающую информацию. Оказывается, банкиры получили указание от союзных властей задушить Россию финансовым саботажем. То, что это ударит прежде всего по рядовым гражданам, коммунисты даже приветствовали: ведь за трудности в экономике отвечать-то будет российская власть!

Мы долго обсуждали сообщение Рассказова, но так и не нашли выхода. Получалось, что 1 ноября реформа не начнется, а когда — неизвестно. Это был, пожалуй, самый серьезный и жестокий удар по верховной российской власти, который смогла нанести ей на закате СССР власть союзная.

Руки прочь от «Советской России»!

Хотя пленарные заседания Верховного Совета начинались в десять утра, я всегда приезжал туда к восьми — первым автобусом. Верховный Совет был тогда высшим

органом государственной власти в России, поэтому, кроме работы над законами, у нас было немало и других дел.

Каждый день в наш комитет приезжало множество ходоков из разных краев и областей республики. Беда была у всех одна: газеты — под пятой у райкомов, горкомов, обкомов. Авторам с некоммунистическими взглядами на их страницы не пробиться. На редакторов, дерзнувших быть независимыми, повсеместно устраивают гонения. Создать демократические газеты невозможно, хотя союзный закон о печати это позволяет.

Члены комитета — журналисты, еще недавно работавшие на местах, это знали и сами. Но в такой же информационной изоляции, как демократы в регионах, оказались и Верховный Совет, правительство России. Ситуация парадоксальная: у ЦК КПСС, союзного руководства больше десятка центральных газет, Всесоюзное радио и Центральное телевидение, множество журналов, информационное агентство; у каждой союзной республики — своя информационная сеть, а у России — ничего.

В свое время по решению ЦК КПСС была создана республиканская газета «Советская Россия», учредителями которой стали Верховный Совет РСФСР, российское правительство и ЦК КПСС. Но первые два учредителя числились лишь на бумаге, были устранены от какого бы то ни было влияния на газету, а фактическим ее хозяином стала Старая площадь. Прежнее республиканское руководство это, может, и устраивало, но теперь — нет. Нам нужен был свой рупор. К сожалению, «Советская Россия» им не стала — она не скрывала своего враждебного отношения к той позиции, которую заняла российская верховная власть.

Надо было наводить в этом деле порядок, и немедленно. Но с какого боку начать? Проще всего — забрать у ЦК КПСС «Советскую Россию». Это готовая, регулярно выходящая газета, там есть полиграфическая база, бумага, кадры. Конечно, ребята на Старой площади начнут брыкаться, кричать, может быть, даже топтать ногами. Однако должны же они понять, что, как говорил незабвенный Остап Бендер, часть меньше целого, и лучше потерять часть, чем все.

Но тут была одна загвоздка. Мы, будучи сами профессиональными журналистами, хорошо понимали, что заставить коммунистических мракобесов этой газеты писать то, что нужно нам, или, по крайней мере, быть объективными невозможно. Эти люди заиклены на своих идеях, а «перевоспитывать» их нет времени. Если мы заберем газету, придется разгонять выпестованный партией журналистский коллектив, а это не дело.

Сначала в подкомитете, а потом и в комитете пришли к общему мнению: «Советскую Россию» не трогать, а лучше создать новую газету Верховного Совета РСФСР. Это будет сложнее в смысле материальной базы, зато надежнее.

А вот полиграфическую базу, принадлежащую КПСС, тронуть придется. Прежде всего в Москве, где почти все бывшие государственные типографии почему-то стали партийными. Они приносили прибыль, но она шла не государству, а в партийный бюджет. Стало быть, надо немедленно создать комиссию Верховного Совета, разобраться, какие полиграфические мощности действительно построены на партийные деньги, а какие — на государственные, и вернуть государству ее собственность с учетом потерянной за все годы прибыли.

Такую же работу должны провести и Советы на местах — вернуть утраченное. Но поскольку областные и краевые газеты действительно финансируются из партийного бюджета и большинство их печатается в партийных типографиях, а областные и краевые Советы являются лишь номинальными учредителями, то от учредительства они должны отказаться и создать свои печатные органы.

Что касается «районок», то они и финансируются из местных бюджетов, и печатаются в государственных типографиях, а райкомы КПСС лишь назначают и снимают редакторов. Поэтому тут и говорить не о чем — райкомы из учредителей должны быть исключены.

Наш подкомитет подготовил проект постановления парламента «О газетах и журналах Верховного Совета РСФСР». Обсуждение этого вопроса на пленарном заседании было назначено на 22 сентября 1990 года. Опасались, что депутаты из фракции «Коммунисты России» дадут нам настоящий бой, когда речь пойдет о возвращении государству полиграфической базы. Но, к великому удивлению, наш достаточно революционный проект был принят чуть ли не на «ура». Более того, кто-то из депутатов поднял вопрос о возвращении Верховному Совету газеты «Советская Россия».

Виктор Югин объяснил, почему этого делать не следует. Но депутаты распались. Не считаясь с возражениями нашего комитета, они решили забрать газету у ЦК КПСС, выразить недоверие ее главному редактору, а нашему комитету поручили внести на утверждение парламента кандидатуру нового главного редактора. Разубедить депутатов оказалось невозможно, единственное, чего нам удалось добиться, — смягчить формулировки.

— Ну и что будем делать? — спросил я у Виктора Югина, когда постановление было принято.

— Что, что, — в сердцах выговорил он. — Выполнять.

— Но «Советская Россия» станет для нас головной болью.

— А что еще остается?

В том, что наш комитет был прав, мы смогли убедиться уже через три дня. 25 сентября «Советская Россия» опубликовала редакционный материал, в котором заявила о своем несогласии с решением Верховного Совета РСФСР. Текст этого заявления был принят на расширенной редколлегии, за него проголосовали все, кроме одного работника.

А 26 сентября газета дала целую подборку откликов своих читателей. С гневным осуждением Верховного Совета выступили жители Ижевска, Новосибирска, Москвы, Ставрополя. Среди них были известные писатели Юрий Бондарев и Петр Проскурин, кинорежиссер Сергей Бондарчук, контрадмирал Александр Пушкин, член-корреспондент Академии наук СССР Олег Трубачев.

27 сентября — новый залп. Тут было и «Открытое письмо» в адрес Ельцина и нашего комитета, и материал «Неправомерное решение» за подписью знатных людей из Хабаровска, Новгорода, Красноярска, Ленинграда, Краснодара.

А 30 сентября дали целую полосу с жирными заголовками, словно сообщали о начале войны. Заголовки были такие: «Не хочу мириться», «Попраание здравого смысла», «Гласность не свернуть», «Доверяем своей газете», «Уважать гласность», «Видим правду», «Ненужные амбиции», «Нам отводят роль статистов». Газета сообщала о том, что всюду проходят митинги в ее поддержку.

Все это раздражало до крайности. Понятно, что кампания против Верховного Совета России была организована Старой площадью. Она была сработана, как всегда, грубо, из нее торчали уши ЦК. Ну кто же мог поверить, что знатные люди самых разных профессий, живущие в разных концах страны и наверняка не знакомые между собой, каким-то чудесным образом встретились вместе и написали гневное письмо в газету, осуждая российский парламент!

Хотелось ответить на это хлестко, врезать по-журналистски, как это мы умеем делать. Но теперь мы были парламентариями, пришлось отвечать по-парламентски.

Я подготовил текст для газеты от имени комитета. В нем говорилось:

«Как известно, Верховный Совет и Совет Министров РСФСР — законные соучредители «Советской России» и, следовательно, имеют на нее такие же права, как и ЦК КПСС. Однако на практике они в течение длительного времени отстранены от руководства газетой, не имели и не имеют возможности влиять на выработку ее курса, подбор и расстановку руководящих кадров.

До недавнего времени средствами массовой информации в стране безраздельно руководила КПСС, а точнее, партийный аппарат. В ЦК КПСС и было определено, что Верховному Совету и Совмину республики достаточно лишь числиться соучредителями

«Советской России». Поэтому у высших органов власти России сегодня нет печатных изданий, как нет и собственной полиграфической базы.

Верховный Совет РСФСР решил учредить свои средства массовой информации. Однако сделать это, что называется, на пустом месте непросто. Поэтому одновременно депутаты обратились в ЦК КПСС с предложением передать парламенту республики одну из семи центральных партийных газет, а именно «Советскую Россию». Всего одну из тех семи, часть которых в свое время была экспроприрована руководством ЦК у других учредителей, например, у Министерства культуры, Министерства здравоохранения, Министерства строительства. Речь идет вовсе не о насильственном изъятии газеты, а о «предложении передать» ее парламенту. Где же тут «незаконное притеснение редакции», в чем же «решение парламента РСФСР недемократично»?

В своем постановлении Верховный Совет выразил недоверие нынешней редколлегии. Вызвано это принципиальным несогласием большинства парламента с тем недемократическим курсом, который в последние годы проводит редакция. В освещении общественно-политической жизни республики газета проявляет тенденциозность, не допускает на свои страницы неугодные ей мнения, не знакомит читателей с конкретными шагами руководства республики по проведению экономической реформы. Поэтому депутаты поставили вопрос о главном редакторе, то есть воспользовались своим законным правом, которым прежде пользовался лишь ЦК КПСС. Разумеется, замена будет произведена не в одностороннем порядке, а по согласованию с другими учредителями.

Руководство редакции стремится представить дело так, будто большинство творческих работников газеты против передачи «Советской России» Верховному Совету РСФСР. На самом деле это не так. В Верховный Совет обратились с письмом 67 творческих сотрудников редакции, которые поддерживают ВС РСФСР и готовы с ним сотрудничать. Они потребовали собрать весь коллектив, в том числе и собкоров, чтобы каждый мог высказать свое отношение к проблеме. Но руководство редакции отказалось собрать собрание под предлогом отсутствия мест в многочисленных гостиницах Москвы для 29 собкоров. Отказался главный редактор опубликовать и вышеназванное письмо 67 сотрудников, хотя его подписали такие руководители, как зам. главного редактора В. Иванов, ответственный секретарь В. Денисов, заместители ответственного секретаря В. Семенов и В. Смирнов, редактор отдела науки Н. Харитонов и другие. Это к вопросу о плюрализме на страницах газеты».

Вот такое культурное и душевное заявление мы и отправили в редакцию. Оно было опубликовано в «Советской России» вместе с подписанной мной сопроводительной запиской, которая не предназначалась для печати. Таким образом моя фамилия попала на страницы газеты в связи с этой кампанией. Теперь трудящиеся на огромных просторах России точно знали, кого клеймить.

Свои гневные мнения они посылали не только в газету, но и нам. Почта ежедневно приносила в наш комитет буквально пачки писем и телеграмм. Но если в начале кампании в них не назывались фамилии, то теперь громы и молнии металась в меня. Я, конечно, привык к подобным «накатам», однако раньше они делались в масштабах лишь одной области. Теперь ненависть ко мне стала «всероссийской».

Создавалось впечатление, что стране больше нечего делать, кроме как проводить митинги и собрания по поводу газеты «Советская Россия». На них звучал один призыв: руки прочь от «Советской России». И никто не заявил: руки прочь от Верховного Совета!

Однажды, когда принесли почту, у меня в кабинете находилась посетительница из какой-то среднерусской области. Пробежав письма и телеграммы, я сказал ей:

— Есть тут послание и от ваших земляков. Вот посмотрите.

Она взяла телеграмму, в которой сообщалось о всеобщем возмущении действиями Верховного Совета жителей одного села. В этом селе состоялось собрание, на котором присутствовало восемьсот человек.

— Но ведь там всего сотни полторы жителей, — воскликнула удивленная посетительница. — Я это село хорошо знаю.

Она попросила разрешения позвонить в родной город и кому-то поручила выяснить, было ли собрание в таком-то селе и сколько там всего жителей, включая детей. В тот же день мы получили информацию, что жителей всех возрастов в селе около 130, а никаких собраний никто не проводил. Вот какой оказалась цена у «всенародной ненависти».

Виктор Югин предупредил: на следующий день мы с ним прямо из гостиницы пойдем в ЦК КПСС, третьим будет министр по средствам массовой информации Полторанин.

— По поводу «Советской России»? — спросил я.

— Нет, надо обсудить с управляющим делами ЦК Кручиной детали разделения полиграфической базы и газет, есть об этом договоренность. Ты изложишь нашу позицию.

— Почему я, а не ты?

— Потому что ты занимаешься этим делом вплотную.

— Хм... Представляю, какое лицо будет у этого Кручины.

На следующее утро мы были у одного из подъездов огромного комплекса зданий, выходящих фасадами на Старую площадь. Я был здесь второй раз. В первый, в самом начале перестройки, нас, корреспондентов ТАСС, приглашали на беседу в идеологический отдел ЦК. Огромные коридоры с массивными, давящими стенами были устланы толстыми, мягкими коврами. В этом переплетении коридоров и лестниц новому человеку нетрудно было запутаться. Я не смог определить, в каком кабинете, даже в каком крыле мы были в прошлый раз.

Кручина, человек в годах, седоватый, вышел из-за своего стола, пожал нам руки. Мы с Югиным были вдвоем, Полторанин почему-то не явился.

— Сейчас председатель подкомитета по печати изложит нашу концепцию реформирования средств массовой информации в России, — сказал Югин, когда мы расселись. — Эту реформу нам с вами придется проводить совместно, поэтому необходимо согласовать позиции.

— Я знаю, — сказал Кручина, — Верховный Совет претендует на газету «Советская Россия».

— Нет, — возразил я. — С «Советской Россией» депутаты поторопились. Наш комитет будет ставить вопрос об отмене того решения.

— Стало быть, вы не претендуете? — оживился Кручина. — Это правильно. У «Советской России» устоявшийся коллектив, свои взгляды, традиции.

Я принялся излагать нашу концепцию. Кручина слушал молча, иногда кивал, даже раздел полиграфической базы не вызвал у него отрицательных эмоций. Впервые по лицу управляющего делами ЦК КПСС пробежала тень, когда я заговорил о городских, районных и объединенных газетах.

— Н-да... Это сложнее. Городская и районная печать — самая массовая.

— Но согласитесь, что эта самая массовая печать, которая финансируется из госбюджета, не может принадлежать какой-то одной партии. С таким же успехом завтра на нее станет претендовать «ДемРоссия», а потом еще кто-то.

— Да-да, понимаю. Я к тому, что какое-то время у партии не будет низовых газет.

— В это «какое-то время» вы сможете пользоваться существующими, но при условии, что горкомы и райкомы будут их наполовину финансировать.

Кручина ловил все на лету, понимал с полуслова. Хотя разговор для него был не очень приятный, между нами не чувствовалось неприязни.

— Ну хорошо, — сказал он наконец. — Давайте все сказанное вами узаконим. Подпишем трехстороннее соглашение между вашим комитетом, Министерством печати и нами, ЦК.

— Кто подготовит проект соглашения? — спросил я.

— Вы инициаторы реформы, вам и готовить.

— Хорошо, сделаем.

Когда сели в машину, Виктор засмеялся, ударил меня по коленке:

— Ну что, какое было выражение лица у Кручины?

— Никогда не думал, что мы так быстро найдем с ним общий язык. Он же принял все наши условия.

— А куда они денутся? — опять засмеялся Югин. — Раз избрали Бориса председателем, значит, все будет по-нашему.

А на следующий день в газете «Советская Россия» уже не было ни одного, хотя бы малюсенького материала с нападками на Верховный Совет. Мы с Югиным принялись хохотать.

— Ты посмотри, с чего же вдруг народ перестал проводить митинги и собрания в их поддержку?

— Может, народ как-то узнал о нашем разговоре с Кручиной?

На удивление легко и быстро удалось подготовить все необходимое и для издания газеты Верховного Совета. Тут уж постарался Полторанин. Он и помещение нашел, и полиграфическую базу, и кадры подобрал. Нам, немосквичам, сделать это в столице было бы очень трудно.

Немного поспорили о названии главной газеты России. Как и у амурских журналистов, предложений было много. Пришлось Руслану Хасбулатову собрать узкое совещание. Остановились на названии «Российская газета».

Эту проблему разрешили, но появилась еще одна. Как-то утром звонит мне начальник планового отдела Министерства печати и информации Зоя Васильевна Соколова.

— Альберт Аркадьевич, у нас трудности.

— Какие?

— В Госплане надо защищать заявки на выделение бумаги на 1991 год. А нам это еще никогда не удавалось.

— Почему?

— Потому что Госплану устанавливаются контрольные цифры в ЦК КПСС, и госплановцы строго их придерживаются. Никакие аргументы не действуют. Боюсь, что наши новые газеты могут остаться без бумаги.

— Гм... Что можно сделать?

— Я хотела бы, чтобы вы пошли со мной в Госплан. Вы депутат, а российских депутатов теперь побаиваются. Может, они «сдадутся», если узнают, что распределение бумаги под контролем Верховного Совета.

Здание Госплана СССР меня всегда поражало своей монументальностью. Прямолинейное, массивное, оно притягивало и отпугивало. Правда, до сих пор мне приходилось видеть его лишь со стороны, но огромные буквы на фасаде «Госплан СССР» буквально гипнотизировали на расстоянии. К сожалению, сейчас пришлось входить не с парадного, а со служебного входа, со стороны переулка.

Зоя Васильевна повела меня к самому главному начальнику по распределению бумаги. Это был сухонький старичок, совсем не страшный. Он сказал, что уважает российских депутатов и Бориса Николаевича Ельцина и понимает наше желание проконтролировать распределение бумаги.

Может, он говорил искренне, но стоило взглянуть на сводную таблицу распределения бумажных ресурсов, как становилось ясно: Россия опять на голодном пайке, ее интересы совершенно не учтены.

Старичок «передал» нас с Зоей Васильевной волевой женщине, с которой мы и должны были работать непосредственно. Зоя Васильевна мне шепнула, что эта женщина — человек-компьютер: у нее в голове так же много цифр.

— О нет, эти расчеты никуда не годятся, — как можно жестче сказал я работницам отдела, которые верстали план. — Будет лучше, если мы выбросим всю «простыню» в корзину и начнем сначала.

— Вот как? — строго изогнула брови руководительница отдела, то есть человек-компьютер. — Что же вам не нравится? В основу расчета положены данные текущего года.

— Это-то мне и не нравится. Почему выделяете газете «Правда» столько же бумаги, сколько и в нынешнем году, ведь в следующем году ее тираж сокращается на треть. Хотите, чтобы руководство «Правды» кроме выпуска газеты занималось коммерцией, спекулировало бумагой? А другим ее будет не хватать.

— О тиражах на будущий год нам ничего не известно, — строго посмотрела на меня начальница отдела. — Нам дают заявки, а не тиражи.

— А у нас есть тиражи. Вот и давайте начнем сначала.

Руководительница отдела куда-то исчезла, наверное, побежала докладывать начальству. Она появилась лишь после обеда, видимо, побывав, как предположила Зоя Васильевна, на самых верхах. Нетрудно было догадаться, что в Госплане идут консультации, как отнестись к новой инициативе российского парламента.

Женщина-компьютер пришла бодрая, без следов озабоченности на лице, которые были прежде. Никаких возражений против нашего подхода к распределению бумаги у Госплана не было.

Мне пришлось работать в этом здании вместе с Зоей Васильевной больше недели. Я не ходил на пленарные заседания сессии, а прямо из гостиницы каждое утро отправлялся на проспект Карла Маркса. Зоя Васильевна просила меня быть до конца при разработке плана на 1991 год, чтобы здесь не сделали обратного хода.

Мы выделяли бумагу каждой из действующих газет исходя из ее тиража, который нам дала «Союзпечать». Газет было ужасно много, поэтому от расчетов голова шла кругом. Когда забрезжил финиш, оказалось, что у нас в запасе около тридцати процентов всей бумаги! Ее было достаточно для создания новых газет, поддержки книгоиздательского дела и еще оставался резерв.

Прощание с работниками Госплана было теплым, я бы даже сказал — сердечным. Без фальши. И женщины — разработчицы плана, и главный начальник по распределению бумаги считали, что наша совместная работа была очень плодотворной и полезной. По крайней мере, сейчас нападок на Госплан не будет. Нас с Зоей Васильевной пригласили принять участие в такой работе через год. Но через год Госплана уже не было.

Владеть землей

Отменив российскую программу перехода к рынку, союзное руководство во главе с президентом Горбачевым показало, что оно собирается лишь вести бесконечные разговоры об экономической реформе, но практически ничего делать не будет. Так было и при Хрущеве, и при Брежневле.

Что касается сельского хозяйства, то даже и разговоров о реформе не было. Союзная власть категорически отвергла идею реформирования сельской экономики, она и речи об этом не заводила.

Между тем в наполовину аграрной стране не могло быть полнокровного рынка без соответствующих перемен в деревне. Деревня могла ускорить переход к рыночным отношениям, а могла и затормозить. Вот почему на первом съезде народных депутатов РСФСР было принято решение провести в декабре 1990 года внеочередной съезд народных депутатов, на котором рассмотреть один-единственный вопрос: о программе возрождения российской деревни и развитии агропромышленного комплекса.

К этому времени Верховный Совет подготовил проекты двух «крестьянских» законов, которые должны были круто повернуть судьбу российской деревни. Один из проектов назывался «О земельной реформе», другой — «О крестьянском (фермерском) хозяйстве». Но принимать их пока было нельзя, потому что оба они были основаны на признании частной собственности на землю, а этот вопрос мог решить только съезд.

Не помню уж, по какой причине, но внеочередной съезд народных депутатов решили начать несколько раньше, чем намечалось на первом съезде, не 1 декабря, а 27 ноября. Он открылся торжественно — исполнением нового гимна России. Этот гимн, вернее, его музыку, в основу которой авторы положили произведение великого русского композитора Михаила Глинки, утвердил на своей сессии Верховный Совет. Помню тот торжественный момент: Борис Ельцин объявил, что предлагается послушать гимн России, на сцену вышел военный оркестр, и, когда установилась гробовая тишина, грянула музыка. Она так понравилась депутатам, что оркестр исполнял ее еще и еще. За музыку Глинки проголосовали все в дружном порыве, против — один депутат Степанов из Кузбасса, который так голосовал почти по всем вопросам. Принятие своего гимна не было вызовом руководству СССР. У Советского Союза был прекрасный гимн, но он принадлежал стране в целом. Россия входила в Организацию Объединенных Наций как самостоятельный субъект, но у нее гимна не было. Нынешний Верховный Совет исправил эту ошибку прошлой российской власти.

То, что руководство страны, и прежде всего Старая площадь, было против аграрной реформы, сразу же сказалось и на работе нашего съезда. Когда после исполнения гимна начали обсуждать повестку дня, депутаты-коммунисты, словно забыв о решении предыдущего съезда рассмотреть лишь один вопрос, стали предлагать внести на обсуждение и массу других. Их напор был так силен, что пришлось пойти на компромисс: некоторые вопросы включили в повестку дня, но договорились обсудить их только после того, как будет принято постановление по основному.

В докладе Совета Министров республики о программе возрождения российской деревни и развитии агропромышленного комплекса прозвучали слова, поставившие депутатов, как говорится, на уши. Совмин предлагал списать с колхозов и совхозов долги в размере 23 миллиардов рублей.

Какие долги? Ведь первый съезд освободил сельское хозяйство от всех долгов — списал аж 69 миллиардов рублей. Так то было полгода назад, объяснили нам, с того времени у колхозов и совхозов еще образовался долг, который и надо им простить.

Эта новость у многих депутатов вызвала негодование. Что они, в самом деле, сколько же можно? Народная казна не резиновая. Заработают ли когда-нибудь колхозы и совхозы по-настоящему или вечно будут стоять с протянутой рукой?

К радости депутатов-аграриев, долг все-таки списали. Но этот эпизод еще раз подтвердил: если кардинально не реформировать агропромышленный комплекс, всю сельскую экономику, нам и впредь придется заниматься только тем, что списывать с колхозов и совхозов долги.

Из доклада Совмина и выступлений депутатов складывалась удручающая картина: имея самую большую в мире площадь сельскохозяйственных угодий, страна не в состоянии самостоятельно себя прокормить. Она ввозила из-за рубежа зерно, мясо, масло, даже картофель и лук. Положение с продуктами питания было настолько серьезным, что съезд создал чрезвычайную комиссию по продовольствию во главе с Борисом Ельциным.

Хуже всего, что никакого просвета, никаких перспектив у агропромышленного комплекса не просматривалось, а наоборот, с каждым годом положение становилось все хуже и хуже. По темпам роста сельскохозяйственного производства в 80-е годы страна оказалась на 101-м месте в мире, почти вдвое отстав от среднемировых показателей. Медленнее, чем у нас, сельхозпроизводство развивалось лишь в таких беднейших странах, как Судан, Мали, Гвинея, Замбия и некоторые другие.

Причина этого с каждым месяцем становилась все очевиднее. Мыслители прошлого называли крестьянство корнями нации, а у нас в СССР более полувека назад произошло «раскрестьянивание» страны, то есть были вырублены корни, связывающие нацию с землей.

Великий русский экономист А. В. Чаянов, хорошо знавший деревню, еще в 1919 году выступал против создания на селе трудовых коммун. Он считал, что они будут значительно уступать мелким крестьянским хозяйствам. А вот великий вождь всех народов товарищ Сталин спустя десятилетие заявил, что, наоборот, надо создавать такие коммуны по всей стране. В своей бессмертной статье «Великий почин» он утверждал, что жизнь якобы опровергла теории тех, кто возражал против создания крупных зерновых хозяйств размером в 40-50 тысяч гектаров. Чаянова и некоторых его сторонников расстреляли. А в стране стали пропагандировать хозяйства размером в 200 тысяч гектаров.

После сталинского «Великого почина» сельское хозяйство Советского Союза и остального мира пошло диаметрально противоположными путями. И вот куда пришло к 1990 году: в США размер крупнейших сельскохозяйственных ферм равнялся 200 гектарам, в Западной Европе — от 15 до 70, а в Советском Союзе средний колхоз имел 6,4 тысячи гектаров, совхоз — 16,1 тысячи гектаров. Между тем Западная Европа с ее мизерными, по нашим меркам, хозяйствами не только сама себя кормила, но и отправляла продукты питания на экспорт, а мы, когда-то, при отсутствии крупных зерновых хозяйств, экспортировавшие зерно в Европу, теперь, как уже было сказано, завозили продукты питания из-за рубежа.

Все больше людей в России убеждались в правоте великого русского мыслителя Н. Г. Чернышевского, который утверждал, что «та форма поземельной собственности есть наилучшая для успехов сельского хозяйства, которая соединяет собственника, хозяина и работника в одном лице». Именно к этому и пришли за рубежом: в Западной Европе доля наемных рабочих не превышала 25 процентов от всех занятых в сельском хозяйстве, в США — 30 процентов. Остальные 70-75 процентов являлись одновременно и собственниками, и хозяевами, и рабочими. У нас же ни собственников, ни хозяев на селе вообще не было — одни наемные рабочие. Правда, к 1990 году начали пробивать себе дорогу арендаторы, но с величайшим трудом.

Что же предстояло сделать в российской деревне? Прежде всего, отменить монополию государства на землю и ввести на нее право частной собственности наряду с другими формами собственности. Сделать так, чтобы каждый человек стал не абстрактным хозяином абстрактной земли, как было в СССР, а имел конкретный, собственный земельный пай, которым мог полностью владеть и распоряжаться. Только после этого следовало решать вопрос, каким быть на данной земле хозяйству — крупным или мелким, коллективным или единоличным. И решать это должно не государство, а сам владелец земли.

Что началось на съезде! Депутаты-коммунисты и депутаты-аграрии и слышать не хотели о частной собственности на землю. Они бросались к микрофонам и доказывали, что вводить ее в России нельзя, потому что крестьяне не хотят владеть землей. Еще большее неприятие вызывала у них купля-продажа земли, так как в результате нашим главным богатством, по их мнению, завладеют местные толстосумы и иностранцы.

Правда, среди выступающих с этой точкой зрения не было ни одного депутата-крестьянина — одни секретари райкомов, парткомов, директора совхозов и председатели колхозов. Рядовых сельчан среди депутатов вообще не было. Впрочем, нет, один все-таки имелся. К микрофону подошел механизатор и заявил, что лично он за частную собственность на землю. Помолчал, обвел глазами зал, очевидно, вспомнил, что здесь сидит его начальство, и добавил: но без купли-продажи.

Дискуссия продолжалась несколько дней. Как всегда, с мест начали поступать телеграммы граждан по обсуждаемому вопросу. Ведь депутаты должны учитывать точку

зрения своих избирателей. Пришли такие телеграммы и от наших земляков. В них было одно требование — ни в коем случае не передавать землю в частную собственность. Но все они были подписаны следующим образом: «От имени коллектива колхоза (совхоза) председатель (директор) такой-то». Это бы еще куда ни шло, но, хотя телеграммы вроде бы посылались из разных сел области, расположенных порой на сотни километров друг от друга, текст их полностью совпадал, словно его писали в одном кабинете. Меня такие телеграммы не могли ввести в заблуждение: я твердо решил голосовать за частную собственность на землю с правом купли-продажи.

Наконец 3 декабря съезд принял решение. Он признал частную собственность на землю в России! За это проголосовали 602 народных депутата, против — 369, и 40 депутатов воздержались. Правда, в постановлении говорилось, что в течение ближайших десяти лет земля продаваться и покупаться не будет.

Многие газеты назвали решение съезда историческим. Хотя без купли-продажи земли в деревне не могло быть настоящего рынка, но и в таком варианте перед правительством открывалась возможность начинать реформу в сельском хозяйстве.

Съезд установил, что каждый гражданин страны может получить в собственность землю для ведения крестьянского хозяйства бесплатно в пределах средней земельной доли, сложившейся в данном регионе в расчете на одного работающего в сельском хозяйстве. Если ему потребуется дополнительная площадь, ее можно арендовать. Колхозники и работники совхозов также получают в собственность земельные пай вместе с причитающейся им долей основных производственных фондов своего хозяйства. Этот пай и долю они могут снова внести в данное хозяйство, а могут на их базе основать крестьянское (фермерское) хозяйство. При этом спрашивать разрешения ни у кого не надо. Земельный пай, как и доля основных фондов, может передаваться по наследству.

Ну а где взять первоначальный капитал, чтобы сделать первые шаги к созданию своего хозяйства? Постановлением съезда предусматривалось, что все затраты по отводу земель и оформлению документов, первичному обустройству земли, то есть строительству дорог, линий электропередачи, водообеспечению, берет на себя государство. Оно же обязалось возмещать крестьянину не только убытки, но и упущенную выгоду, если те «рождены» неправомерными действиями государственных органов.

Прекрасное постановление! Вот бы и добавить пункт о купле-продаже и залоге земли в банк под ссуду, тогда все встало бы на свои места. Но увы...

Когда депутаты проголосовали за это постановление, лидер амурских депутатов-коммунистов Анатолий Белоногов, вставая, сказал, ни к кому не обращаясь:

— Никто в нашей области ни клочка земли не получит!

И пошел к выходу. Его заявление больно резануло слух. К этому времени он был не только председателем областного Совета, но, по-моему, уже и председателем облисполкома. То есть в его руках сосредоточилась вся законодательная и исполнительная власть в области. А значит, и слова были не пустой угрозой. Я очень хорошо запомнил их. Они помогли мне позднее принять одно очень важное решение.

Съезд закончился 16 декабря, но я еще некоторое время оставался в Москве — Верховный Совет должен был принять «крестьянские» законы. Домой возвращался лишь за несколько дней до Нового года. Одним рейсом со мной летели и народные депутаты СССР от Амурской области Николай Лексин, Петр Кутузов и Эльвира Терехова, возвращавшиеся со своего съезда. Мы оказались в одном салоне, рядом и, естественно, заговорили о решениях съездов — их и нашего. Они, все трое, были возмущены тем, что российские депутаты объявили частную собственность на землю, приняли законы о приватизации государственной собственности и о предпринимательской деятельности. Убедить их в том, что они не правы, было невозможно.

Стало окончательно ясно, что разговоры о переходе к рынку, которые вели на своих съездах союзные депутаты, являются пустой болтовней. На самом деле они не хотели ни рынка, ни реформ вообще. Оставалось надеяться только на себя.

«Прошу на меня не рассчитывать»

Приятно после долгого отсутствия побывать дома. Все здесь такое знакомое и вместе с тем уже непривычное. Тут ты провел лучшие дни своей жизни, но уже успел все это немножко подзабыть.

Я человек непривередливый, могу существовать в любых условиях, довольствоваться самой незатейливой пищей. И все-таки приятно после гостиничных буфетов вдыхать запахи домашней кухни.

У нашей семьи есть знакомые женщины, которые не умеют готовить. И, наоборот, есть умеющие готовить очень вкусно. А есть такие, которые готовят лучше всех! К числу последних относится моя жена.

В принципе, мы с ней могли бы на пять лет переехать в Москву. Поскольку я единственный кандидат от национально-территориального округа, мне замены в Верховном Совете не будет. А возраст уже не мальчиковый — 22 декабря 1990 года пятьдесят пять стукнуло. Солидно ли такому почтенному гражданину болтаться по гостиничным койкам?

Депутатам обещали предоставить квартиры — служебные, с казенной мебелью. Вместе со всеми написал заявление и я, указал, что будем жить вдвоем с женой. Как минимум, двух-, а может быть, и трехкомнатная квартира была бы обеспечена. Но оказалось, что Верховному Совету выделяют дом, который отбирают у конкретных москвичей, много лет стоящих в очереди на жилье. Так решило московское правительство, а газеты, прежде всего «Советская Россия» и «Правда», подняли по этому поводу шум.

Как можно строить свое счастье за счет других, пусть даже и незнакомых людей? Я и еще несколько депутатов (к сожалению, таких оказалось мало) написали заявления и отказались от жилья. Мне было хуже всех, ведь я лишился квартиры не на год-два, как другие, а на все пять лет.

Смогу ли объяснить это жене? У женщин ведь своя психология, они не всегда понимают мотивы, которые движут мужчинами. Еще начнутся упреки: я, мол, тоже человек, и мне охота пожить в столице. Но ничего такого не случилось. Выслушала молча, вздохнула: может, это и к лучшему. Как оставишь бухгалтерию такого крупного строительного объединения? Да и депутатских хлопот много.

Мы с женой стали депутатами одновременно: я — российским, а она — городским. Не сами выдвигались: и мне, и ей предложили идти на выборы земляки. Причем она была избрана в первом же туре.

— Чем же занимаются депутаты горсовета? — спрашиваю.

— О, настоящим делом, — говорит, улыбаясь. — У вас в Верховном Совете все споры да разговоры, а мы стоим на земле. Наша депутатская комиссия по торговле делит дефицитные товары.

— Товары делит? Как это так?

— Ну как? Пришло на город, скажем, пятнадцать холодильников и двадцать пять стиральных машин. А население, сам знаешь, больше двухсот тысяч человек. Распределить эти крохи по справедливости труднее, чем принять какой-нибудь закон.

— Вообще невозможно, — искренне соглашаюсь я, вдумываясь в ее слова. — Я бы ни за что не смог.

— А мы вот можем, потому что в комиссии — люди серьезные, справедливые, профессионалы своего дела. И, представь себе, плохих отзывов о нашей комиссии пока не было.

— Но разве не могут делать все это сами торговые работники?

— Могут, но тогда простым смертным ничего не достанется. В первое время, когда мы с депутатом Шалуновой приходили в универмаг, там нам говорили прямо: зря вы суете нос в наши дела, все равно ничего не сделаете. Вы — профессионалы своего дела, а мы — своего. Торговля, мол, как и Восток, дело тонкое. И то сказать: я — бухгалтер строительного объединения, Шалунова — научный сотрудник Института сои. Куда уж нам. Но теперь приумолкли, видят, что я не хуже их разбираюсь в тонкостях торговли, а Шалунова все схватывает на лету.

Замечу, что жена начинала свой трудовой путь как раз в торговле — продавцом главного благовещенского гастронома.

— И вы постоянно ходите по магазинам?

— Не только, еще и по детским садам, школам, по квартирам. Дефицитные товары населению продаются в порядке очереди по спискам, которые утверждает наша комиссия. Но немало и исключений. Например, в детском садике неожиданно сгорел старенький холодильник, ремонту не подлежит. Или то же случилось у одного мужчины, а у него шестеро детей, жены нет. Что, записываться в очередь и ждать пятьдесят лет? Вот депутаты и вникают во все детали.

— Но это же уму непостижимо — заниматься каждым холодильником, телевизором, пылесосом!

— Ничего, таких товаров немного. Труднее делить мелочь — майки, рубахи, наволочки, простыни, полотенца, шляпы и тому подобное.

— Боже мой! Неужели и этим занимаются депутаты?

— А как же? Но тут мы придумали «новшество»: создали специальную подкомиссию по мелким товарам, она распределяет трусы-носки-майки по трудовым коллективам, а там уже сами делят — по жребью или еще как. Но особенно трудно одевать парней, вернувшихся из армии.

— То есть как — «одевать»?

— Парни-то возвращаются в военной форме, всем им нужна гражданская одежда. Вот родители и идут к нам. А у нас во всем — дефицит. Не можем красивого парня одеть прилично. Если кому-то выделили спортивный костюм, то ему уже не положен выходной, и наоборот. Иной раз душа кровью обливается, а что делать? Каждую неделю наша комиссия ведет прием населения, и каждый раз приходят по сорок-пятьдесят человек — у всех в чем-то крайняя нужда.

— Получается, что если бы я не работал в Москве, то все равно не видел бы тебя дома?

— Получается так. Депутатскими делами мы в основном занимаемся в нерабочее время. А уж сколько работы в бухгалтерии, ты и сам знаешь. Устала.

Она становится серьезной и продолжает задумчиво:

— А вообще-то, наверное, и вам в Верховном Совете несладко. Это только со стороны смотреть интересно. А как трудно, наверно, давать интервью? Меня лично как-то хотели записать для областного телевидения, так я растерялась и ничего сказать не смогла.

— Это с непривычки. Давать интервью нетрудно, только соображать надо быстро. Труднее всего обращать в нашу веру твердолобых.

Вот такие были у нас разговоры. А ведь когда-то мы с ней и с дочками, которые еще учились в школе, брали лыжи и отправлялись в сопки. Или садились в катер и мчались вверх по Зее, к Белогорьевскому мосту. Катер у нас был большой, купили на две семьи и всегда загружали его до отказа. Два дня беззаботного отдыха на песчаных косах — это было кое-что...

Теперь не то что встать на лыжи — побывать в семье было некогда. Вот и в этот приезд: встречи, выступления, приемы избирателей... На сей раз пришлось серьезно заниматься и газетой «Амурский курьер».

Ассоциация «АмурБАМпресса», как говорится, неплохо раскрутилась, начала без проблем выпускать газету для женщин «Моя Мадонна». А вот с общественно-политическим «Амурским курьером» дело все еще не ладилось: местная власть грудью встала, но печатать его не хотела. Ребята подготовили пробный номер, однако отпечатать его смогли лишь в Зейской типографии, где до этого Сергей Ананьев работал редактором.

Сейчас готовился к выпуску официальный первый номер газеты. Я пересмотрел те материалы, которые мы с Николаем Белым подготовили для печати еще год назад, но они совершенно устарели. Не потеряло актуальности лишь стихотворение барда из Свободного Григория Шумейко, посвященное КПСС. Оно называлось «Господа-товарищи» и начиналось так:

Вся Россия-матушка как после пожарища:
То до жути холодно, то под зад печет.
Что же вы наделали, господа-товарищи,
Ой, боюсь, что времечко вам предъявит счет.
За людскую кровушку, за невинно скошенных,
За полчеловечества, что свели с ума.
Что же вы наделали, господа хорошие?
Вам уже не выбраться больше из дерьма.

Это стихотворение я и передал редактору «Амурского курьера».

Кроме нашей журналистской газеты, местная власть оградила население области еще от одного печатного органа — «Российской газеты», которую начал издавать наш Верховный Совет. Ее не продавали в розницу, не распространяли по подписке. Это уже был прямой вызов высшему органу власти России, мимо которого я не имел права пройти.

12 января 1991 года я собрал в своей депутатской приемной совещание, на которое пригласил первого секретаря обкома КПСС Шилова, заместителя председателя облисполкома Казнадия, начальника областного управления связи Утопова, начальника агентства «Союзпечать» Кузнецову, начальника облупрполиграфиздата Зиброва, директора издательства обкома КПСС Абрамова и директора типографии № 1 Зражевского. Это было мое право, данное мне новым Законом «О статусе народного депутата РСФСР». Все приглашенные пришли, кроме Шилова, с которым я собирался решить вопрос об использовании мощностей полиграфического комбината обкома КПСС.

За игнорирование приглашения депутата закон позволял мне применить к Шилову меры административного воздействия в виде штрафа от 200 до 500 рублей, что по тому времени считалось достаточно круто. Но для этого надо было обращаться в суд, терять такое дорогое сейчас время. Решил махнуть рукой, тем более что все вопросы, ради которых собирались, удалось решить. Кузнецова обещала начать распространять «Российскую газету», Зражевский — печатать «Амурский курьер».

А на следующий день, 13 января, меня неожиданно пригласили в партийную комиссию обкома КПСС. Это была страшная комиссия. Кроме прочего, она рассматривала персональные дела коммунистов, которых предстояло исключать из партии. Ее деятельность не афишировалась, но было известно, что решения комиссии всегда совпадают с мнением руководства обкома, высказанным ранее. Сейчас речь шла не о моем персональном деле, а о чем-то другом. По новому уставу меня никто не мог исключить из партии без решения первичной парторганизации, а ее возглавлял я сам.

Встреча состоялась в здании политпроса обкома КПСС, на ней кроме меня присутствовали три члена комиссии — Показаньев, Кобелев и женщина, фамилию которой не помню. Разговор был так интересен, что уже через несколько минут он полностью захватил всех нас.

Для начала Леонид Показаньев, в прошлом первый секретарь Сковородинского горкома КПСС, поинтересовался моими взглядами на современные проблемы.

— Я их не раз излагал, — я пожал плечами, — в печати, на радио и телевидении, на митингах и многочисленных встречах с людьми, с трибуны съезда, наконец.

— Да-да, мы в курсе, — согласился Показаньев. — Но хотелось бы поговорить подробнее. С чего начались, например, ваши разногласия с марксизмом?

Ого, куда хватил! Молодец, об этом мне и самому интересно посудачить. Начинаю рассказывать об учебе в цитадели большевизма, о том, как у нас на глазах молодые ученые развенчали Маркса. Мы всегда принимали его учение на веру, не задумываясь, а между тем у него ошибка на ошибке.

— Например? — спросил Показаньев.

— Ну скажите мне, Леонид Дмитриевич, что первично: производство — или обращение и, в конечном итоге, потребление продукции?

— Тут двух ответов быть не может: конечно производство.

— Н-да... Так, в отличие от многих крупных ученых, утверждал и Маркс. Мы пошли по указанному им пути — и куда пришли? Сегодня в СССР производство стало самоцелью. Планируется буквально все, исходя из принципа: завтра чуть-чуть больше, чем сегодня. При этом совершенно не учитывается потребительская стоимость товара, его нужность обществу. Главное, чтобы товар был произведен, а какого качества, каковы на него затраты и нужен ли он кому-нибудь вообще — это, исходя из теории Маркса, вопрос второстепенный. У «них» же, где приоритет отдают потреблению, все решает его величество спрос: есть спрос — есть производство, нет спроса — нет и производства. Поэтому наши товары не могут соперничать с импортными, и чем дальше, тем ситуация хуже.

Черт возьми, я никогда не видел таких внимательных и заинтересованных слушателей. Они не молчали, а спорили, отстаивали свою точку зрения, порой соглашались, а порой и нет. Прошел час, второй, но я не замечал времени. Вот только жаль, что дискуссия проходила в четырех стенах и нас никто не слышал. Нет, эти люди пригласили меня не за тем, чтобы «проработать». Они, как мне представлялось, искренне хотели разобраться в разногласиях, давно возникших в партии.

Наконец меня осенило:

— А что, Леонид Дмитриевич, не следует ли нам вынести эти баталии на народ? Соберите своих теоретиков, идеологов, актив хотя бы в малом зале Дома политпроса, а лучше в большом. И давайте поспорим. Я могу выступить вашим оппонентом один, а могу пригласить коллег из демдвижения.

— Даже так? Это интересно. Давайте попробуем.

Показаньев обещал провести переговоры с руководством обкома и сообщить о дне дискуссии.

Это была очень хорошая задумка. Если обком согласится на дискуссию и соберется много народа, можно будет оторвать от партии еще немало ее сегодняшних сторонников. Стало быть, надо готовиться. Кто может принять участие в дискуссии с нашей стороны? Профессор Шиндялов, профессор Блинов, завкафедрой Смирнов, преподаватель мединститута Левченко. Словом, есть силы, чтобы сразиться публично со сторонниками Маркса. Почему мы не подумали об этом раньше?

Возвращаясь в Москву на сессию мне предстояло 20 января. А за оставшиеся до отлета дни надо было проделать еще одну большую работу — провести областную конференцию демократических сил. «Демблок в защиту перестройки», конечно, неплохо себя зарекомендовал, но он действовал лишь в масштабах Благовещенска. Однако демократы появились и в других городах и районах области, их действия следовало объединить и координировать.

Созвать областную конференцию при отсутствии освобожденного аппарата не так-то просто. Нужно разослать массу писем и открыток, подготовить и отправить на места множество документов, заказать гостиницу, встретить и разместить делегатов, сделать многое другое. А активисты «Демблока» заняты на основной работе, у них нет ни бумаги,

ни пишущих машинок, ни денег. Единственное, с чем мы сейчас не имели проблем, это с помещением — здание Пограничного райсовета всегда было к нашим услугам.

Конференция собралась 19 января. В ней участвовали делегаты из 13 городов и районов, то есть более чем из половины административных образований области. Даже не верилось, что нам удалось всколыхнуть и объединить такую массу людей. На конференции была создана областная общественно-политическая организация, которую мы назвали «За возрождение России». С горбачевской перестройкой в союзном масштабе было покончено. Теперь надо было думать прежде всего о возрождении России.

Меня избрали председателем координационного совета новой организации, заместителями председателя стали Владимир Мартынов и Виктор Хахин — оба, как и я, журналисты и депутаты.

Москва была взбудоражена, Верховный Совет бурлил. Только что в Вильнюсе произошли кровавые события, против мирного населения были применены войска. Тбилиси, Баку и вот теперь Вильнюс... Цепочка кровавых событий становилась все длиннее. Партийное руководство страны поспешило заявить, что не имеет к новому кровопролитию никакого отношения. Однако в Верховном Совете распространили документ, опровергающий очередную ложь.

Это был секретный приказ двух министров — обороны и внутренних дел от 29 декабря 1990 года за № 493/513 о совместном патрулировании в крупных городах страны солдат, матросов и милиции. Вроде бы, ничего плохого в этом не было. Однако усиленным «патрулям» вменялось в обязанность не хулиганов ловить, не бандитов и насильников, а действовать лишь «при массовых выступлениях граждан» и «при подготовке и проведении общественно-политических мероприятий». Во время таких акций войскам предписывалось «максимально использовать служебный автотранспорт, бронетранспортеры, средства связи, специальные и индивидуальные средства защиты». При этом надлежало «иметь постоянный резерв патрулей на автомобилях и БТР и дежурные подразделения в каждом гарнизоне в составе роты — батальона с вооружением и боеприпасами». Под документом стояли подписи генерала армии Б. Пуго и маршала Д. Язова.

Прошло всего полмесяца, и этот приказ сработал в Вильнюсе. Если бы туда не вылетел Ельцин и не обратился к российским солдатам с призывом не стрелять в народ, неизвестно, во что вылилось бы это кровопролитие и не покатило бы оно дальше по стране.

И еще один документ распространили в Верховном Совете. Оказалось, что в армейские уставы, являющиеся законом для военнослужащих, внесено положение, согласно которому командование воинских частей теперь было обязано оказывать всемерную поддержку местным партийным органам. Стало быть, не только правительство, но и любой секретарь райкома-горкома мог привлечь то самое дежурное подразделение «в составе роты-батальона с вооружением и боеприпасами» к выполнению определенных задач «при подготовке и проведении общественно-политических мероприятий».

Не оставляло никаких сомнений, что руководство партии готовится к военному террору в стране.

Утром 22 января перед началом сессии я спустился в отделение связи и отбил такую телеграмму:

«Благовещенск, Ленина, 135, Амурский обком КПСС, Шилову. Прошу впредь не рассчитывать на меня как на коммуниста. Считаю себя свободным от обязательств, взятых когда-то перед КПСС. Не хочу иметь ничего общего с партией диктатуры и террора. Кривченко».

Этот же текст я записал в партбилете на чистой странице для отметок об уплате членских взносов. Сюда же приколот квитанцию об уплате за телеграмму. Все, с членством в партии было покончено. Но борьба против нее продолжалась...

Мою телеграмму Шилов, ставший первым секретарем после отъезда в Москву Шарина, зачитал на очередном пленуме обкома, ее текст опубликовала «Амурская правда» — без комментариев. А потом пошли отклики рядовых коммунистов на это событие. Они, рядовые коммунисты, были до крайности возмущены... нет, не тем, что я «предал» Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина, все их марксистско-ленинское учение, а заодно родную коммунистическую партию во главе с ленинским Политбюро. Рядовых партийцев привело в ярость то, что я... отправил телеграмму в обком не на простом, а на правительственном бланке, — значит, по их мнению, бесплатно, то есть за счет налогоплательщиков. Удивительное дело: даже я не знал, какой бланк использовала девушка в отделении связи Верховного Совета, а вот механизатор или скотник в какой-нибудь Светиловке или Великокнязевке знали.

Да организаторы этих «откликов» еще и крохоборы. Боже мой, в какой партии я состоял!

Пошли по шерсть, а вернулись стрижеными

Вмешательство Ельцина в ход вильнюсских событий, разоблачение замыслов союзного руководства с трибуны Верховного Совета РСФСР сорвали или, по крайней мере, отодвинули начало военной диктатуры в стране. Но «крестовый поход» против России, организованный после провозглашения ею независимости, продолжался с новой силой.

Стали останавливаться предприятия текстильной и легкой промышленности. Оказалось, что на 1991 год Госплан СССР вообще не предусмотрел поставки сырья, материалов и оборудования тем российским заводам и фабрикам, которые выпускали товары для народа. Союзное правительство отказало крупнейшей республике и в ее доле валюты, что мгновенно привело к срыву уже заключенных контрактов с зарубежными странами.

За полгода своей деятельности Верховный Совет РСФСР принял немало законов, касающихся экономики. Но заставить их работать оказалось не так-то просто. Свыше восьмидесяти процентов предприятий, построенных руками и на средства россиян и составляющих основу индустриальной мощи республики, были подчинены не российскому, а союзному правительству. Оттуда им поступила команда не выполнять российские законы. На яростное сопротивление центра натолкнулись и попытки России создать свой банк, свой пенсионный фонд и другие экономические рычаги, необходимые для управления народным хозяйством.

Однако ни Верховный Совет РСФСР, ни правительство республики не собирались отступать. Совмину было поручено оперативно разработать программу, которая обеспечила бы экономическую самостоятельность России.

Понимая, что может окончательно потерять безраздельную власть над крупнейшей республикой, Горбачев решил ее... развалить изнутри. Первым секретарям обкомов автономных республик, являющихся составной частью РСФСР, было предложено изменить статус своих административных образований. План Горбачева сводился к следующему: все пятнадцать автономий объявляют о своем переходе в разряд союзных республик, выходят из России и становятся такими же субъектами СССР, как Украина, Белоруссия, Казахстан и т. д. Россия, таким образом, будет разорвана на части, а если вслед за автономиями из нее выйдут еще и Дальний Восток, Сибирь, Урал, то у Ельцина вообще останется лишь небольшой клочок самой бедной русской земли.

Для руководства автономий этот «прыжок» оказался медовым. В Татарии, Башкирии, Чувашии, других автономных республиках начались кампании за провозглашение собственных суверенитетов. Раздались возгласы о создании окраинной республики и на Дальнем Востоке. И хотя это пока что были лишь разговоры, Горбачев стал приглашать

лидеров российских автономий для работы над новым союзным договором наряду с руководителями союзных республик.

К этому времени созрел и еще один оригинальный план нейтрализации Бориса Ельцина. У Старой площади был огромный опыт проведения массовых политических кампаний, призванных привлечь на сторону партийного руководства общественное мнение страны. Эти кампании всегда начинались снизу, по инициативе рабочих, крестьян и лучших представителей трудовой интеллигенции. За инициаторами потом следовала вся держава. К примеру, донецкий шахтер Алексей Стаханов перевыполнил дневную норму в 102 раза, и тут же началось массовое стахановское движение. Трактористка Паша Ангелина призвала девушек сесть за рычаги стального коня, и вмиг профессия тракториста стала «девичьей». Находились и такие «высокоосознательные» люди, которые просили повысить им норму выработки и тем самым снизить зарплату. Ни в одной стране мира подобного не было, а у нас — сколько угодно. Так что любая крупная политическая кампания начиналась только «снизу».

Инициаторами устранения Ельцина с поста председателя Верховного Совета РСФСР стали... его заместители Рамазан Абдулатипов, Светлана Горячева, Александр Вешняков, Борис Исаев, Владимир Исаков и Виталий Сыроватко. Шесть заместителей из семи!

От имени этой «великолепной шестерки» на сессии Верховного Совета РСФСР выступила с политическим заявлением Светлана Горячева. Мы, остальные депутаты, работая под руководством Бориса Николаевича, оказывается, ничегошеньки о нем не знали. А вот «шестерка» нам объяснила, что этот человек — само олицетворение коварства и вероломства. Он, в отличие от Горячевой и К^О, не хотел добра России, а в условиях нарастающего экономического кризиса стремился уйти от непопулярных решений, переложить их бремя на центр и другие союзные республики, чтобы усилить хаос и дезорганизацию в стране. Именно Борис Николаевич привел Верховный Совет и республику в целом к ожесточенному противостоянию с матушкой-кормилицей — центральной властью, отчего простому народу стало только хуже. Выход из этой ситуации заместители Ельцина видели в том, чтобы созвать внеочередной съезд народных депутатов РСФСР и поставить на нем вопрос о председателе Верховного Совета.

Коммунистические газеты тут же объявили о парламентском кризисе. Депутаты-коммунисты быстренько собрали нужное число подписей под требованием созвать съезд, и он был назначен на 28 марта.

Москва вновь забурлила. Жители столицы решили провести в день открытия съезда грандиозный митинг, чтобы поддержать Ельцина. Моссовет дал на это согласие. Однако 25 марта Совет Министров СССР принял постановление, запрещающее с 26 марта по 15 апреля, то есть во время работы съезда, проводить в Москве какие-либо митинги, демонстрации и уличные шествия. На это время союзное правительство фактически ввело в столице чрезвычайное положение. Теперь уже забурлил Моссовет. Ведь объявлять чрезвычайное положение на территории России имел право лишь ее Верховный Совет, в крайнем случае Президент СССР, но никак не правительство. Московские депутаты заявили, что митинг все равно состоится и что сами они будут в нем участвовать.

Но 26 марта Горбачев издал указ, которым вывел московскую милицию из-под контроля столичной власти и подчинил ее напрямую министру внутренних дел СССР Борису Пуго. Главный милицкий генерал сразу же заявил в печати, что не допустит никаких шествий и митингов. В воздухе запахло грозой.

В ночь на 28 марта в Москву начали прибывать войска. Кремль, Красная и Манежная площади, гостиницы «Москва» и «Россия», здания ЦК КПСС были окружены большегрузными машинами, которые стояли впритык друг к другу. Среди этого автотранспорта находились и автомобили с водометными пушками, а также цистерны с водой.

Сосредоточение войск вокруг Кремля надо было как-то объяснить народу. Не мудрствуя лукаво, прибегли к старому, испытанному приему: войска, мол, введены в

центр города по просьбе трудящихся. Правда, не широких народных масс, как всегда, а всего лишь 29 народных депутатов РСФСР, которые пожаловались Горбачеву, что собирающиеся здесь во время съездов люди сквернословят и их оскорбляют. Конечно же, Горбачев не мог не пойти депутатам навстречу. К Кремлю стянули около 50 тысяч солдат и милиционеров, то есть четыре полноценных развернутых дивизии военного времени. На каждого «оскорбленного» депутата приходилось примерно по батальону охраны.

Утром 28 марта мы шли из гостиницы в Кремль сквозь строй ОМОНа. Обстановка была удручающая — на протяжении всего пути с двух сторон стояли могучие парни с дубинками и щитами. Невольно вспомнились слова из недалекого прошлого: шаг вправо, шаг влево — расстрел...

Едва открылся съезд, как депутаты бросились к микрофонам. Они были возмущены, требовали убрать от Кремля войска и омовцев. Депутат от фракции «Демократическая Россия» Вячеслав Волков предложил: не ограничиваться возмущением, а на основании Декларации о суверенитете приостановить действие последнего указа президента СССР и постановления союзного правительства. За это проголосовало подавляющее большинство депутатов.

Решили послать к Горбачеву Хасбулатова, чтобы тот сообщил президенту страны о решении съезда. Руслан Имранович ушел и вернулся через час. Горбачев отказался убрать войска немедленно, но обещал на следующий день все-таки вывести их из Москвы.

Это была какая-то уловка. В знак протеста депутаты решили прекратить работу и не начинать ее до тех пор, пока требование съезда не будет выполнено. Кремль опустел. Невольно закралось сомнение: а правильно ли мы поступили? Ведь если Горбачев продолжает держать войска под рукой, значит, они ему нужны. Возможно, он собирается разогнать высший орган российской власти силой? Сделать это будет теперь проще, но тогда ему придется столкнуться с москвичами и пойти на кровопролитие в столице. Отважится ли он на это?

Ответ мог дать сегодняшний митинг. В назначенное время мы с земляком-журналистом, приехавшим освещать работу съезда, направились на Манежную площадь. Она по-прежнему была окружена военными машинами и омовцами, перед которыми со стороны памятника Свердлову собралось человек четыреста-пятьсот разношерстного люда. Толпа пыталась проникнуть через этот кордон к площади, но между щитами и мышью не могла проскочить.

Кто-то сказал, что ситуация изменилась: состоится не один, а два митинга, но не здесь, а на Старом Арбате и площади Маяковского. Вроде бы, союзное правительство обещало не мешать митингующим — с условием, что они не пойдут на Манежную площадь. Это условие организаторы митинга вроде бы приняли.

Как же быть? Новый Арбат и площадь Маяковского далековато, туда скоро не доберешься. Да и верна ли информация? Пока раздумывали, строй омовцев, выставив вперед щиты, начал теснить толпу. Я бросился сквозь строй к человеку, который отдавал команды. Меня пропустили, видя на груди депутатский значок.

— Вы командир? — спросил я у омовца.

— Так точно. Лейтенант Иванов, — ответил он.

— Кто вам позволил нападать на людей?

— У меня приказ. Я не выхожу за рамки приказа.

— Чей? Кто вам его отдал?

— Пройдите дальше. Вон мой командир, — лейтенант Иванов указал на солидного человека, стоявшего чуть в стороне.

Я направился к нему. Глянув на мой депутатский значок, мужчина представился сам:

— Полковник Иванов. Иван Иванович.

— Тоже Иванов? — удивился было я, но тут же все понял. — А разгонять людей вам отдал приказ, очевидно, генерал Иванов?

— Так точно, — кивнул полковник. — Как вы догадались?

Когда два человека понимают юмор, им легче найти общий язык. Через несколько минут полковник мне признался, что вообще-то он на стороне российского Верховного Совета, как и многие другие омовцы. Но что поделаешь, приходится нести службу. Однако применять оружие или дубинки его люди не будут, а толпу отсекают больше для вида. Полковник подтвердил, что власти и митингующие пошли на компромисс: сейчас проходит сразу два митинга, но только в другом месте.

Мы с земляком двинулись вдоль колонн грузовиков к улице Куйбышева. Комплекс зданий ЦК КПСС тоже был окружен военными машинами, в кузовах которых сидели солдаты.

— Как дела? — спросил у ребят мой земляк.

— Дела в прокуратуре, — ответили ему.

— Понятно. А давно сидим?

— С утра, — охотно отозвались солдаты.

— А чего ждете?

— Приказа ждем.

— Какого, если не секрет?

— Да кто его знает? Приказано ждать, и все.

— Но вы хоть знаете, что за здания рядом?

— Не-а, нам про то не сказали.

— Это ведь ЦК КПСС...

Ребята начали высовываться из-под тента, с удивлением разглядывая серые стены домов. Ого, мол, куда занесло!

— Запомните, парни, эти минуты, внукам потом рассказывать будете, — сказал я. — Вы охраняете ЦК КПСС в последние дни его существования.

Ожидал какой угодно ответной реакции, но только не такой: из-под тента вырвался дружный одобрительный смех солдат. Теплый комок подкатил к горлу: значит, эти мальчишки с автоматами нам не враги.

К утру 29 марта прилегающие к гостинице «Россия» улицы, Ивановский спуск перед собором Василия Блаженного, мост через Москву-реку и все пространство до самого Кремля были пустынно. Ни техники, ни солдат, ни омовцев со щитами — лишь редкая милиция. Казалось, зачем надо было вводить сюда такую мощь? Впрочем, за те сутки, когда здесь стояли войска, они сделали доброе дело: настроили многих нейтральных депутатов, а еще больше москвичей против Горбачева и всей Старой площади.

Съезд продолжил работу, и организаторы отставки Ельцина начали терпеть одно поражение за другим. Депутаты-коммунисты предлагали включить в повестку дня отчет председателя Верховного Совета о работе, но съезд проголосовал за его доклад о социально-экономической ситуации в республике и путях вывода России из кризиса. Это, как говорят в Одессе, были две большие разницы: после отчета могло последовать освобождение от должности, а после доклада — принятие мер по исправлению положения. Топор, занесенный над головой Бориса Николаевича, был в одно мгновение выбит.

Ельцин сделал блестящий доклад. Он изложил новую программу перевода республики к рынку, одобренную накануне Верховным Советом и уже осуществляемую правительством. В отличие от программы «500 дней» она позволяла России начать экономическую реформу самостоятельно, ни у кого не спрашивая разрешения, давала возможность преодолеть сопротивление центра.

Депутаты-коммунисты и депутаты-аграрии принялись ее «валить». Теперь им было не до отставки председателя Верховного Совета — все силы они бросили на то, чтобы не допустить принятия постановления, одобряющего эту программу. Но чаша весов начала склоняться явно не в их пользу. На пятый день дебатов съезд поддержал-таки ельцинскую программу, дав тем самым Верховному Совету и его председателю карт-бланш на проведение реформ.

Почувствовав, что ситуация складывается для него исключительно благоприятно, Борис Николаевич решил извлечь из этого максимальную выгоду. Когда страсти, казалось, улеглись и депутаты перешли к обсуждению других вопросов, Ельцин неожиданно выступил с заявлением. Он сказал, что программа принята хорошая, спасибо за это съезду, но выполнить ее будет непросто, так как у председателя Верховного Совета ограниченные права. И попросил дать ему дополнительные полномочия, а именно — право издавать распоряжения, обязательные для выполнения на всей территории России.

Вновь начались сверхбурные дебаты, продолжавшиеся два дня. Порой казалось, что на этот раз Ельцин проиграет, и все-таки в конце концов он победил. Съезд дал ему дополнительные полномочия, фактически сделав его президентом.

Это было невероятно! Еще вчера над Борисом Николаевичем висел Дамоклов меч. Одно неосторожное движение, и сей острый предмет мог упасть. А сегодня в руках Ельцина оказалась неограниченная власть. Поистине, пути Господни неисповедимы.

Печать по этому поводу долго язвила. Одна солидная газета написала, что у коммунистов получилось как в той поговорке: пошли по шерсть, а вернулись сами стриженными. Это было очень точно подмечено.

В последний день работы съезда со мной произошел казус. Надо же было так случиться, что при записи на выступления в прениях по вопросу о межнациональных проблемах в России электронная система внесла меня в список ораторов первым. Я подготовил речь ровно на 10 минут, как было предусмотрено регламентом, поднялся на трибуну и только хотел было произнести первую фразу, как от микрофона в зале предложили сократить время выступлений до пяти минут, чтобы дать возможность выступить большему числу депутатов.

Началась полемика, многие, как всегда, считали своим долгом высказаться и по этому вопросу. Я стоял на трибуне и не знал что делать. В принципе, я уже получил десять минут для выступления, а закон, как известно, обратной силы не имеет. Но у нас же Хасбулатов, который вел заседание! Он мог отключить микрофон на полуслове. А у меня во второй половине речи как раз самое главное, ради чего я и взял слово.

В подготовленном заранее тексте выступления все было логично: на двух с половиной машинописных страницах излагались межнациональные проблемы России, а на следующих двух с половиной — объяснялось, что никаких проблем мы не решим, если у власти по-прежнему будут стоять коммунисты.

При десятиминутном регламенте все было бы о'кей, но что делать теперь, когда время для выступления урезано вдвое, а я уже на трибуне. Решаюсь на крайность: полностью отбрасываю первую часть и читаю с середины.

Под сводами Большого Кремлевского дворца, на сцене которого за спиной президиума, в полуовальной нише, высится огромная, известная всей стране беломраморная скульптура Ленина, звучат мои слова:

— Россия не продвинется вперед ни на шаг ни в экономике, ни в межнациональных отношениях, пока не уберет со своего пути могучее препятствие, о которое разбились и «оттепель» Хрущева, и реформы Косыгина, и наша перестройка. Россия, повторяю, не продвинется вперед, пока не устраним деструктивную силу, которая противопоставляет себя избранной народом власти, саботирует наши законы, натравливает друг на друга разные национальности, село на город, консервативные регионы на демократические. Я говорю о КПСС. Давайте смотреть правде в глаза: партия большевиков не допустит радикальных перемен в нашем обществе, пока будет реально находиться у руководства. Поэтому необходимо так же реально — не на словах, а на деле — лишить ее власти. Это, на мой взгляд, сейчас является нашей национальной, общенародной задачей. Посильна ли такая задача обществу? Думаю, что да. Ведь КПСС — это всего лишь около семи процентов населения страны, а если вычтешь массу рядовых коммунистов, которая не поддерживает партийную номенклатуру, то останется ничтожно малая величина, хотя и стоящая у большой власти. Надо признать, что эта ничтожная величина ни в коем случае

от власти не откажется, а, наоборот, будет за нее драться, используя любые, даже самые недостойные приемы. Поэтому, думаю, надо говорить не только об отстранении КПСС от руководства, но и о предании ее суду. Нет, я не призываю начинать погромы, вешать коммунистов на столбах. Речь вообще не должна идти о конкретных лицах, фамилиях и должностях. Надо судить КПСС как партию. Эта партия непременно должна предстать перед судом и быть объявленной вне закона.

На последней фразе слышу недовольный голос Хасбулатова: «Прошу говорить по теме». Поздно, Руслан Имранович, я уже все сказал!

Спускаясь с трибуны, вижу: зал торопливо пересекает один из руководителей фракции «Коммунисты России» Игорь Братищев. Мы встретились с ним в самом узком месте прохода, где стоял телевизионный «юпитер». Лидер коммунистической фракции преградил мне путь своим животом и грозно потребовал ответа: как посмел я, член КПСС, так резко критиковать свою партию?

— Но я не член КПСС, — усмехаюсь и пожимаю плечами.

— Как не член? — Братищев возмущен до предела. — Я только что проверял списки. Вы у меня значитесь.

— Уже не должен. Вышел...

У Братищева широко округляются глаза, ежик волос на голове, сделанный «под Керенского», еще больше топорщится кверху. До него не сразу доходит, что я говорю.

— Эх! — с величайшей досадой выдыхает он наконец. — Мы бы вызвали вас в ЦК, уж мы бы вам там...

Не знаю, чего бы они мне там... Наверное, «темную» устроили, не иначе.

Сажусь на место. Окружают меня почти сплошь депутаты-коммунисты. Молчат, сопят, отворачиваются. А тут еще Хасбулатов ворчит на весь зал: «Это же надо, столько времени говорил не по теме. Да еще первый».

Однако жизнь показала, что я все-таки говорил по теме.

Стенка на стенку

Вскоре после съезда мне позвонили из приемной Ельцина и предложили стать доверенным лицом Бориса Николаевича на выборах президента России. Конечно же, я такое согласие дал.

Впервые о необходимости учредить пост российского президента я услышал из уст самого Ельцина, когда он излагал свою программу, баллотировавшись на должность председателя Верховного Совета. Такой пост, по его мнению, России был необходим, если уж она решила стать самостоятельной, а не оставаться под каблуком у ЦК КПСС.

Однако практические шаги по учреждению этого поста постоянно наталкивались на необъяснимо яростное, мощное сопротивление депутатов-коммунистов. В конце концов Ельцину надоело вести с ними дебаты, и он решил обратиться за поддержкой напрямую к народу. Для этого представился удобный случай: союзное руководство объявило о проведении 17 марта 1991 года референдума по вопросу о сохранении СССР, а Ельцин добился вынесения на всенародное обсуждение в этот день вопроса об учреждении поста российского президента.

Россияне высказались за то, что президент России нужен! После этого депутаты обязаны были прекратить дебаты и обеспечить свободные выборы главы государства. Но не тут-то было. Как только на третьем съезде народных депутатов РСФСР зашла речь об организации высшей исполнительной власти в республике, коммунисты и аграрии снова бросились на амбразуры. Они и слушать не хотели ни о каком президенте, отклоняли любые предложения на этот счет.

Казалось, дело с учреждением поста президента зашло в тупик. Но вот на трибуну поднялся депутат Сергей Шахрай, который дал короткую справку. Он разъяснил коллегам, что никаких решений об учреждении поста президента от съезда вовсе не

требуется. Этот вопрос однозначно решил народ, а депутаты должны лишь назначить дату выборов и дать поручение следующему съезду принять необходимые юридические документы. Если же они этого не сделают и пойдут против воли народа, то депутатский корпус подлежит расформированию как антинародный.

Шахрай предложил назначить выборы президента на 12 июня — день провозглашения Декларации о суверенитете России, а четвертый съезд народных депутатов — на 21 мая.

Зал притих, переваривая информацию. Желающих выступить от микрофонов больше не было. Предложение Шахрая поставили на голосование, и оно получило большинство голосов.

Подготовка к выборам началась сразу после третьего съезда, однако до 12 июня нужно было еще внести поправки в Конституцию и принять закон о президенте. Это и предстояло сделать четвертому съезду.

Меня на этом съезде избрали в редакционную комиссию, которая должна была готовить проекты документов. Вообще-то все проекты разработал Верховный Совет, однако коммунисты внесли в них такие поправки, которые ставили на итогах референдума крест.

По каждой поправке в комиссии велись жаркие споры. Наше решение было не окончательным, однако съезд, как правило, прислушивался к мнению редакционной комиссии. Поэтому очень важно было обезвредить все «ловушки» и «мины» уже на первом этапе.

Мы обезвредили их десятка два или три, как вдруг одна потайная «мина» едва не проскочила. Коммунисты предложили внести в Конституцию статью о медицинском освидетельствовании кандидатов на пост президента, и никто не заметил скрытого в ней тайного смысла.

А ведь не надо было иметь семи пядей во лбу, чтобы понять, с какой целью предлагается эта статья. Медкомиссия — такой же барьер для отсеивания неугодных кандидатов, как и окружные предвыборные собрания. На собраниях нежелательных кандидатов исключал из списков партхозактив, а здесь то же самое сделают врачи с партбилетами в кармане. Если статья будет принята, Ельцину и думать нечего о кресле президента.

У меня было всего несколько мгновений, чтобы найти веский аргумент против этой статьи. И я его нашел. Спрашиваю: помнят ли члены комиссии величайшего президента США Франклина Рузвельта? Конечно помним, отвечают, ну и что? А то, что нижняя часть тела у него была парализована, он страдал тяжелым недугом, но, несмотря на это, в течение многих лет блестяще руководил страной. Будь в американской конституции подобная статья, США лишились бы величайшего президента. Поэтому нельзя нам ни в коем случае принимать эту статью.

И депутаты, уже настроившиеся было голосовать «за», проголосовали «против». Потом, с трибуны съезда, председатель нашей комиссии Юрий Воронин почти дословно изложил мой аргумент. И съезд отклонил эту коварную статью.

А в стране уже полным ходом шла предвыборная кампания. В нашей области обком КПСС провел социологический опрос, дабы выяснить, кого амурчане хотят видеть президентом России. Бесспорным фаворитом оказался кандидат коммунистов, бывший премьер-министр СССР Николай Рыжков — его назвали 37 процентов опрошенных. Сторонников же Ельцина набралось немного — всего 17 процентов.

Верить результатам опроса «на все сто», конечно же, было нельзя — обком партии вполне мог выдать желаемое за действительное. Но провести свое социологическое исследование мы не могли. Поэтому ничего не оставалось, как держать в уме те цифры, которые опубликовал обком. И не только «держать», но и постараться переломить ситуацию.

Теперь у нас была областная общественно-политическая организация, имеющая свои структуры в половине городов и районов области. И эти структуры работали не менее активно, чем головная организация в Благовещенске.

В Свободном наши сторонники собрали многолюдный митинг на главной городской площади. Я поехал туда, чтобы принять в нем участие. Заодно решил провести и встречу с избирателями — как народный депутат РСФСР и как доверенное лицо Ельцина.

Руководители Свободненского горкома КПСС, похоже, кое-чему научились. Они не стали чинить препятствия организаторам митинга, а решили дать им бой принародно.

— Как же они это сделают? — спросил я у организаторов митинга. — Они же не умеют говорить без бумажки.

Оказалось, что сами работники горкома и не собираются участвовать в демократических сходах. Но они подготовили большую группу ветеранов, которым поручили выступать и на митинге, и на встрече со мной. А ветераны — народ горячий и нетерпимый. Никого убедить они, конечно, не смогут, но беспорядка наделают. И что с них возьмешь, со стариков?

На площадь эти «старики» пришли организованно, отдельной группой, и заняли все правое крыло рядом с импровизированной трибуной. В основном это были люди, еще недавно занимавшие руководящие посты в партийном и государственном аппарате, на предприятиях, в торговле. Едва начали говорить ораторы, как оттуда стали раздаваться недружелюбные выкрики.

С каждой минутой эта часть митингующих становилась все более буйной. Призывы к спокойствию и порядку на нее не действовали. Ветераны вели себя агрессивно, не желая слушать ораторов, которые поддерживали Ельцина и Верховный Совет России.

Но оказалось, что немало в толпе и других стариков, которые не разделяют взгляды этой группы. Они тоже собрались в кучу и двинулись на тех, кто выкрикивал гадости.

— Тебе что, старый хрен, коммунизм нужен? — спросил один из пенсионеров рабочего вида, обращаясь к кому-то из организованной группы. — Ну конечно, при коммунизме ты был кум королю. Моя жена по магазинам бегала, искала, что бы купить на талоны, а тебе все на «Волге» домой привозили.

— Заткнись, помело, — грубо оборвал его один из пенсионеров в «буйной» группе. — Чего каркаешь?

— Это я «помело», я «каркаю»? — взбеленился первый старик. — Да у нас на квартале все видели, как шофер таскал к тебе в дом ящики с водкой. А иной раз и с коньяком. Думаешь, никто ничего не знает?

Страсти начали закипать вовсю. Многие уже не слушали ораторов, а наблюдали за тем, что происходило на правом крыле площади. В один момент словесная баталия между двумя группами пенсионеров чуть не перешла в потасовку, старики уже пошли стенка на стенку, стали хватать друг друга за грудки. Пришлось их разводить в разные стороны.

Эта заминка в проведении митинга была хоть и неприятной, но полезной. Люди увидели, что старики вовсе не являются незыблемой опорой КПСС. К демократическому движению тоже примкнула значительная часть пенсионеров, другое дело, что официальные советы ветеранов, созданные в свое время горкома и райкома, продолжали верно служить партии. Они сплошь состояли из бывшей партхозноменклатуры, потому что вольнодумцев в эти советы партия не допускала. Вот и создавалось обманчивое впечатление, что ветеранское движение в целом консервативно-агрессивное.

Сразу после митинга началась моя встреча с избирателями. В здании горисполкома меня и моего помощника встретила лишь бабушка-вахтерша, которая сказала, что ей велено открыть для нас актовый зал. Никого из официальных представителей местной советской власти не было.

Это с трудом укладывалось в голове. То, что руководители горкома КПСС не пошли на митинг, организованный демократами, было их личным делом. Но я-то выступал не как

лидер областного демократического движения, а как народный депутат РСФСР, член Верховного Совета, представитель высшего органа государственной власти России. И тем не менее никто из них не пришел. Стало быть, эти люди не признавали и меня, и всю верховную российскую власть.

Вскоре народу в актовом зале набралось «под завязку», многие избиратели даже заглядывали в дверь из коридора. И опять высокую активность проявили ветераны из группы горкома. Если бы я не знал о существовании этой группы, то мог подумать, что в зале собрались одни мои противники.

Но вот поднялся высокий человек лет сорока, по выправке — либо бывший военный, либо недавний спортсмен. Чеканя каждое слово, он спросил:

— Скажите, почему наша страна пришла к краху? Отчего мы на грани гибели? Только не надо об ошибках партийного руководства. Эти объяснения нам набили оскомину. Назовите первопричину нашего катастрофического падения.

У меня едва не перехватило дыхание: вот это вопрос! Он не укладывался в рамки примитивного злопыхательства, которое исходило от «группы горкома». Высокий, средних лет, спортивного вида человек хотел, чтобы я четко ответил: кто еще виноват в наших бедах, кроме руководства КПСС?

Но стоит ли говорить об этом прямо в такой консервативной аудитории? Ведь все равно вряд ли поймут. Не лучше ли славировать и уйти от ответа?

А почему, собственно? Что из того, что им не понравятся мои слова? В честь чего я должен говорить только то, что кому-то нравится?

— Во всех наших сегодняшних бедах, в том, что экономика страны катастрофически отстала от мировой, что мы на исходе XX века живем по талонам и карточкам, во многом другом есть конкретный виновник. — Я сделал паузу, оглядел зал, прикидывая, какой взрыв негодования произойдет после моих следующих слов. И закончил: — Этот виновник — социализм.

То, что произошло в следующее мгновение, трудно описать. Мне показалось, что потолок задрожал и вот-вот рухнет. Я никогда не слышал таких бурных аплодисментов, такого идущего от души одобрения. Казалось, что аплодирует весь зал до единого человека. И чему? Развенчанию социализма!

Давно ли такие крамольные мысли высказывались лишь на кухне да в самом узком кругу. Теперь я говорил открыто в присутствии незнакомых людей. И они рукоплескали мне так же открыто, никого и ничего не боясь. Таких было примерно девяносто процентов, остальную часть зала составляла «группа горкома».

Эта и другие встречи с избирателями убеждали в том, что большинство людей поддерживают курс Верховного Совета РСФСР, а значит, проголосуют за Ельцина. Накануне дня выборов мы провели митинг в областном центре, а также еще одно мероприятие, которому и название не придумали. Его предложила работница Пограничного районного Совета Жанна Арутюнова, наша большая активистка, которая, к великому нашему сожалению, вскоре уехала из Благовещенска в Минск по семейным обстоятельствам.

Вдоль улицы Ленина, в самом людном месте, через 150–200 метров были расставлены столы. Самые обыкновенные деревянные столы, собранные нами, как говорится, со всего мира. На них разместили листовки, другую агитационную литературу, поставили трехцветные флажки России. Агитаторы, среди которых было много молодежи, обращались к прохожим, предлагали литературу, призывали голосовать за Ельцина.

Всего два часа длилось это мероприятие, но эффект был поразительный. Люди воочию увидели, насколько мощная и серьезная у нас организация, что в нее входят самые разные люди, начиная от безусых юнцов и кончая убеленными сединами стариками. И еще, пообщавшись с членами нашего движения, люди убедились, насколько высок интеллект демократического движения.

Результаты голосования опровергли прогнозы обкомовских социологов. Уже в первом туре Ельцин стал победителем, набрав 37,7 процента голосов избирателей области. Рыжков, которому прочили победу, оказался на втором месте, получив 31 процент голосов. Может быть, в этом была и заслуга амурских демократов, сумевших-таки переломить неблагоприятную для себя ситуацию? Во всяком случае, мы делали для этого все, что было в наших силах.

Будь второй тур, Борис Николаевич, несомненно, стал бы победителем и в нем. Но второй тур не потребовался: уже в первом Россия избрала Ельцина своим президентом.

Дни путча:

в Благовещенске...

В последние годы мне ни разу не удавалось побывать в отпуске. А что касается черноморских или кавказских курортов, то там я никогда не бывал вообще. Теперь такая возможность представилась. Выборы президента состоялись, в Верховном Совете объявили каникулы, в управлении делами парламента предложили на выбор путевку на любой южный курорт. Я выбрал Кисловодск, где можно было подлечить нервы. Однако выбор оказался неудачным: в санатории, куда купил путевку, из всех нервных недугов лечили лишь радикулит, а у меня его не было.

Но отдых есть отдых: 24 дня пролетели как один миг. 18 августа 1991 года я с налетом кавказского загара сошел с трапа самолета в Благовещенском аэропорту, полный сил для дальнейшей работы. А на 19-е мы наметили заседание координационного совета нашего демдвижения.

Обсудить предстояло два очень важных вопроса. Во-первых, следовало откликнуться на недавно вышедший указ президента России о департизации государственных органов. Напрямую нас он не касался, так как ячеек демдвижения в госорганах не было. Но все структуры власти и управления пронизывали первичные партийные организации КПСС, и их надо было каким-то образом оттуда убрать. Поэтому следовало подумать, как наше движение может помочь президенту.

Другой не менее важный вопрос, который предстояло обсудить, — выборы главы областной администрации. Введение этой должности вместо председателя исполкома предусматривалось законом и входило в систему реорганизации государственной власти России. Выдвигать кандидата на этот пост пока было рано, но следовало заявить, что в области есть еще одна политическая организация, которая будет участвовать в выборах наравне с КПСС.

Полдня 19 августа мы с Владимиром Якущенко, врачом по профессии, отвечающим в координационном совете за оргработу, готовили документы к заседанию. Устали чертовски, а когда бумаги были отпечатаны, поехали по домам — на обед. Захожу домой, а младшая дочь Света спрашивает:

— Папа, что происходит в стране?

— По-моему, в данный момент вообще ничего не происходит, — отвечал я. — А почему такой вопрос?

— Потому что по радио много раз говорили, что Горбачев отстранен, а страной руководит какой-то ГКЧП.

— Что еще за ГКЧП? Как — Горбачев отстранен?

И словно в подтверждение ее слов репродуктор стал передавать обращение Государственного комитета по чрезвычайному положению к народу. Я застыл в изумлении. Так вот когда сработала эта адская машина! Ее хотели запустить еще в сентябре прошлого года, потом в январе-феврале нынешнего и, наконец, совсем недавно

— в марте-апреле. Но Горбачев каждый раз проявлял нерешительность, а скорее, благоразумие, и не доводил дело до крайности. Теперь вот его сместили.

У дверей раздался долгий и пронзительный звонок. Это примчался Якущенко — взволнованный, растрепанный. Прошу его помолчать, пока по радио не кончат читать обращение к народу.

Диктор от имени ГКЧП говорил о том, что страна погружается в пучину, экономика почти развалилась, надвигается голод. Это была правда. Но выход из критической ситуации гэкачеписты видели не в том, в чем его видела российская власть, то есть не в быстром и решительном проведении экономической реформы, а в закручивании гаек. В стране объявлялось чрезвычайное положение, запрещалась деятельность всех партий, кроме КПСС, прекращался выпуск всех газет за исключением коммунистических. Это означало, что в стране вводится диктатура коммунистической партии, которая и привела народ к экономическому краху.

— Что будем делать? — спросил Якущенко.

— Руководство КПСС давно просит, чтобы ему сломали хребет. Что ж, они это получают.

Я сел к пишущей машинке. Решили подготовить обращение координационного совета нашего движения к населению области. Одно чрезвычайное положение мы уже пережили — в Москве, накануне третьего съезда народных депутатов РСФСР. Тогда оно кончилось позорным поражением союзного правительства. Посмотрим, чем дело кончится сейчас, если нам удастся поднять народ.

Начал отстукивать текст обращения...

«В Москве произошел антиконституционный переворот, — легли на белый лист первые строчки. — Устранение избранного Съездом народных депутатов СССР президента страны без его согласия является незаконным. В связи с этим объявление Янаевым самого себя исполняющим обязанности президента следует рассматривать как самозванное.

Не имеет никакого юридического основания и образование так называемого Государственного комитета по чрезвычайному положению. Любопытно, что обращение к народу этого ГКЧП подписано 18 августа, а Янаев объявил себя исполняющим обязанности президента 19 августа. То есть Янаев образовал этот «комитет», когда еще не исполнял обязанности президента.

Никого не могут ввести в заблуждение заверения высших государственных чиновников, доведших страну до экономического кризиса, что их действия служат интересам народа. Целью заговорщиков является удушение демократии, попрание суверенитета республик, возвращение власти отмирающих структур.

Мы решительно осуждаем действия самозванных «спасителей страны», требуем немедленно дать возможность законному президенту СССР М. С. Горбачеву выступить перед народом по телевидению. Мы призываем Верховный Совет СССР и Съезд народных депутатов СССР, Верховные Советы и президентов союзных республик положить конец беззаконию, добиться роспуска ГКЧП, привлечения заговорщиков к уголовной ответственности.

Мы обращаемся ко всем людям доброй воли, представителям всех партий, в том числе и к коммунистам, с призывом оказать поддержку законному президенту СССР М. С. Горбачеву, российскому президенту Б. Н. Ельцину, Верховному Совету и правительству РСФСР, помочь им в этот смертельно опасный для будущего страны час отстоять свободу и демократию».

— Кажется, все сказано? — спросил я у Якущенко.

— Пожалуй, все, — согласился он.

В автобусе меня узнали, какая-то женщина спросила, что же теперь делать? Ответил ей так же, как до этого Володе Якущенко: бороться и сломать КПСС хребет. Автобус слушал наш разговор молча.

К шести вечера в моей депутатской приемной собралось столько народа, что пришлось перейти в малый зал заседаний. Кроме членов координационного совета, пришло немало рядовых активистов, депутаты разных уровней, журналисты. Мудрый Юрий Сараев, в недавнем прошлом майор милиции, возглавлявший теперь Пограничный Совет, предложил провести не заседание координационного совета, а собрание депутатского клуба, так как депутаты составляли большинство присутствующих. В этом случае ему было бы легче выпроводить ребят в погонах, если такие явятся, чтобы выполнить распоряжение ГКЧП о роспуске партий.

Я произнес короткую речь, прочитал текст обращения к населению области. Признаюсь, испытывал огромное внутреннее напряжение — как воспримут? Ведь для всех это был час испытания, выдержать которое, наверное, дано не каждому. Но, слава Богу, никто не дрогнул. Выступили почти все, и каждый гневно клеймил путчистов.

Наконец дело дошло до принятия обращения. Кто-то предложил не голосовать за него, а всем присутствующим поставить под ним свои подписи. Депутатам — указать уровень Совета, а остальным — место работы. Это было куда серьезнее голосования. Ведь если последуют репрессии, то не скажешь, что ты хоть и присутствовал, но голосовал против. Поставив собственноручную подпись, каждый сжигал за собой мосты для отступления.

Я с душевным трепетом держу сегодня этот документ. Он весь испещрен подписями. Это не ксерокопия — все подписи подлинные. Кто же их поставил? Перечислю этих людей:

- А. Кривченко, народный депутат РСФСР;
- В. Якущенко, народный депутат Пограничного районного Совета;
- В. Хахин, народный депутат Амурского областного Совета;
- Н. Захаров, народный депутат Пограничного районного Совета;
- М. Непомнящий, народный депутат Благовещенского городского Совета;
- А. Воронков, народный депутат Пограничного районного Совета;
- Л. Соколова, народный депутат Пограничного районного Совета;
- Ю. Сараев, народный депутат Пограничного районного Совета;
- М. Рязанцев, народный депутат Благовещенского городского Совета;
- О. Паринов, народный депутат Благовещенского городского Совета;
- Н. Левченко, народный депутат Благовещенского городского Совета.

Кроме этих фамилий, здесь стоят подписи не депутатов — А. Пирогова, Ж. Арутюновой, М. Растощенова, Н. Шиндялова, Е. Смирнова, М. Хахулиной, С. Клопова, Родикова, а также много неразборчивых подписей. Последних тоже нетрудно было бы разыскать — по месту работы.

Итак, обращение было подписано, теперь следовало донести его до населения области. Представители средств массовой информации тут же получили по экземпляру документа. Один из журналистов сказал, что он сегодня выступает в прямом эфире по областному телевидению и может прочитать это обращение. Правда, он опасался, что ему могут помешать, поэтому мне пришлось ехать на телецентр вместе с ним.

Однако телецентр не работал. Охрана объяснила, что все передачи на местных телестудиях отменены, а из Москвы постоянно показывают балет «Лебединое озеро». Подождали полчаса, еще минут пятнадцать — никого нет. Пришлось уехать, как говорят, не солоно хлебавши.

Семья встретила меня вздохом облегчения — ну, наконец-то! Жена весь вечер пыталась дозвониться до моей депутатской приемной, но никто не отвечал. Молчал и домашний телефон Пирогова. У нее невольно появилось нехорошее предчувствие.

После ужина начал накручивать диск телефона, пытаюсь пробиться в Москву. Но связи со столицей не было. Час или полтора набирал подряд все телефоны нашего

комитета — тщето. Наконец неожиданно услышал голос референта Людмилы Веселовой:

— Ребята, тихо, связь появилась! — И мне: — Альберт Аркадьевич, вы знаете, что на 21 августа назначена чрезвычайная сессия Верховного Совета?

— Слышал по радио. Как у вас дела? Где Борис Николаевич?

— Мы окружены, но часть войск перешла на нашу сторону. Борис Николаевич только что выступил с танка на митинге. Он издал несколько указов.

Слава Богу! Раз Борис Николаевич жив, значит, дела не так уж плохи.

— Вы можете прочитать мне эти указы по телефону? Я запишу их на диктофон.

— Записывайте.

Она начала читать, но связь надолго оборвалась. Снова до бесконечности кручу диск. Только к утру опять слышу уставший голос Веселовой. Записываю на пленку обращение к россиянам Ельцина, Хасбулатова и Силаева, а также три указа российского президента. Борис Николаевич как всегда крут: отменил указы Янаева и распоряжения ГКЧП, освободил от уголовной ответственности тех военных, которые не станут выполнять приказы союзного командования, и обязал прокуратуру РСФСР взять под контроль выполнение своих указов. Знай наших!.. Настроение враз подскочило.

Теперь надо поднимать всех, кого можно. Указы Ельцина должны немедленно стать известны населению области. Этим сейчас обязана заниматься вся наша демократическая организация.

Складываю в дипломат бумаги, пленки, походные вещи и между делом, на всякий случай, пробую дозвониться до своей депутатской приемной. О чудо! Трубку поднимает человек со знакомым, но осевшим до хрипоты голосом — Миша Рязанцев.

— Ты откуда там взялся в такую рань? — спрашиваю.

— Так меня Пирогов среди ночи разбудил и притащил сюда — сидеть на телефоне.

Миша — молодой парень, работник автоколонны № 1275, депутат горсовета от нашего «Демблока».

— Тогда быстро записывай, — я начинаю диктовать ему указы президента. — Не медля, сейчас же, организуй распечатку всех трех документов. Пусть Пирогов поднимает как можно больше людей, я тоже иду к вам.

В шесть утра 20 августа выхожу из дома. Перед уходом попрощался с семьей. Кто знает, может быть, ненадолго, а может, и навсегда. Ведь организаторы путча, наверное, понимают, какую опасность для них представляем сейчас мы, российские депутаты.

Люди начали собираться в моей депутатской приемной очень рано. Кроме Пирогова и Рязанцева здесь уже были председатель «АмурБАМпрессы» Сергей Ананьев и главный редактор этой ассоциации Вадим Князев, редактор «Амурского курьера» Виктор Хахин, одна из организаторов первого в городе свободного митинга Маргарита Хахулина, председатель Пограничного райсовета Юрий Сараев, председатель Пограничного райисполкома Альберт Лобанов и его заместитель Борис Кузьменко, другие люди.

Моя информация о ночном телефонном разговоре с Москвой и полученных из Верховного Совета документах вызвала бурю восторга. Решили опубликовать эти документы вместе с нашим вчерашним обращением к населению области в «Амурском курьере», который выпустить в виде листовок. Ананьев и Князев привезли с десятков пачек машинописной бумаги, Хахин запустил свой допотопный ротатор. Ананьев же нашел деньги, на которые чуть позднее начали печатать листовки в каких-то проектных институтах.

Едва появилась первая печатная продукция, как ее тут же разослали по городу. Один за другим приходили наши сторонники, забирали пачки листовок с бесценной информацией и уходили по своим микрорайонам.

Начали звонить из других городов и районных центров. Помню, позвонили из Тынды и, после короткого разговора с кем-то из нашего штаба, потребовали к телефону лично меня.

— Мы распространим указы и обращения по городу, — сказал звонивший. — Но я хочу, чтобы вы подтвердили, что все так и есть.

— Все так и есть, — подтвердил я. — Эту информацию я сам принял сегодня ночью из Верховного Совета.

На том конце провода послышались радостные возгласы..

Кто-то из ребят начал звонить в «Амурскую правду», предлагать указы Ельцина. Ему ответили, что «Амурская правда» печатает только официальные материалы ГКЧП и других не признает.

Неожиданно приехал генеральный директор производственного объединения «Амурагроماش» Григорий Никандров. Это для меня было сюрпризом. Он всего один раз был в моей депутатской приемной — без всякого дела, просто хотел познакомиться. Потом я выступал у него на заводе как доверенное лицо Ельцина. И вот теперь...

Григорий Алексеевич сказал, что готов помогать нам всем, чем может. Например, деньгами, машиной. Это было очень кстати. Вместе с ним едем в областную прокуратуру. Самого прокурора Теркина нет, где он — никто не говорит. Требую ответа как народный депутат, но все равно лишь пожимают плечами. Показываю помощнику прокурора тексты указов российского президента, особенно то место, где он дает поручение прокуратуре. Для помощника прокурора это не документ — нет подписи и печати. То, что я, член Верховного Совета, получил эти тексты по телефону из своего комитета, для него тоже ничего не значит. Ну что ж, говорю, я вас с указами ознакомил, а если не подчинитесь — пеняйте на себя.

Возвращаюсь в свою приемную, а у ребят идея — провести пресс-конференцию, на которую пригласить начальников КГБ, УВД и военного гарнизона. Собрать их может только областное руководство, а с ним должен разговаривать я — больше ни с кем там говорить не будут.

Времени до отлета самолета — всего ничего, но все же звоню в облисполком. Анатолия Белоногова, как и прокурора Теркина, на месте нет, есть лишь его первый зам Валерий Бикбулатов. Он без колебаний согласился провести такую пресс-конференцию, только вот сам я на ней присутствовать уже не мог. Потом ребята рассказывали, что никто из местных силовиков на встречу с журналистами не пришел, но польза от встречи с областным руководством все равно была. Бикбулатов разрешил передать по областному телевидению наше обращение к населению области, которое мы не смогли выдать в эфир 19 августа.

Пора в аэропорт. Теперь штаб будет работать в моей приемной без меня.

— Не беспокойся, — говорит Пировов, беря мой дипломат. — Ты сейчас нужен там. Звони при первой же возможности.

Самолет на Москву ушел по расписанию. Летели вместе с другим членом Верховного Совета Юрием Чапковским. В пути одолевали тревожные мысли: а что если путчисты сумеют справиться с Ельциным? А вдруг закроют московские аэропорты и российские депутаты не смогут собраться на свою сессию?

Но аэропорт Домодедово принял нормально. Правда, ни одной машины из гаража Верховного Совета возле депутатской комнаты не оказалось. Диспетчер, куда мы с Чапковским позвонили, ответила: гараж блокирован бронетранспортерами, добирайтесь как можете. Рейсовый автобус тоже не пошел по обычной трассе, а повез какими-то проселочными дорогами. Шофер объяснил, что во многих местах трасса к городу перекрыта танками.

В центре Москвы тихо и безлюдно, возле гостиницы «Россия» необычно пусто. Но тишина была зловещая. Мы еще не знали, что трое наших коллег — депутатов-москвичей уже взяты под стражу. Что в аэропортах и на вокзалах депутатов встречают наряды милиции и люди в штатском. Правда, это были не посланцы путчистов, а люди Ельцина. Они понимали, как важно сейчас обеспечить безопасность российских депутатов, собирающихся на сессию. Ведь от Верховного Совета России теперь зависело все.

А мы прилетели в Москву никем не замеченные.

...и в Москве

Утром 21 августа несколько автобусов повезли депутатов из гостиницы «Россия» в Белый дом. На дальних подступах к Краснопресненской набережной проспект имени Калинина был перегорожен плотным рядом троллейбусов. Почти все они были искорежены, похоже, танками. Судя по тому, что между остовами их корпусов не наблюдалось просветов, танки и другие боевые машины здесь не прошли. Но, кажется, заварушка произошла хорошая.

Во многих местах высились горы металлической арматуры, труб, других строительных материалов. Они, видимо, служили заграждением от пехоты. Возможно, эти нехитрые баррикады уже сослужили свою службу, а, может быть, это еще было впереди.

Метров за 200–300 от здания Верховного Совета начали проверять документы. Проверочных постов было много, и всюду требовали удостоверение личности — депутатский значок не действовал. В самом здании, начиная с первого этажа, во всех коридорах и проходах было множество вооруженных до зубов милиционеров и военных в пятнистой форме. У каждого на груди красовался трехцветный значок движения «Демократическая Россия». Значит, милиция и армия были не только у них, но и у нас.

Мой кабинет на одиннадцатом этаже был забит незнакомыми людьми со всевозможной аппаратурой. Оказалось, что уже второй или третий день здесь находятся восемь журналистов из Чехословакии, которые тут пишут свои материалы и спят прямо на полу. Один молодой чех пошутил:

— Вы, не спрашивая нас, оккупировали Чехословакию в шестьдесят восьмом году, а мы, тоже не спрашивая вас, оккупировали ваш кабинет.

— И правильно сделали. Передавайте больше объективных материалов.

Члены нашего комитета съехались пока далеко не все, но те, кто прибыл, успели кое-что сделать. Главное: на последнем этаже высотной части здания установили собственную радиостанцию, и теперь из Верховного Совета непрерывно велись радиопередачи.

Коллеги рассказали мне о первых столкновениях войск с защитниками Белого дома. С нашей стороны погибло пока три парня вблизи того места, где стояли искореженные троллейбусы. Сколько еще будет жертв — один Бог знает.

Перед началом сессии ко мне подошли два журналиста тех газет, которые оказались закрытыми по указу Янаева. Ребята сказали, что, несмотря на запрет, подготовили очередные номера своих газет, но не могут пробиться ни в одну типографию: всюду охрана из КГБ. Нельзя ли что-то придумать?

Прошу ребят подождать, потому что сам только что прибыл в Москву, не знаю, какие тут возможности. Обещаю вскоре вернуться. Зал заседаний Верховного Совета переполнен. Заняты все места и балконы, люди стоят в проходах. Кроме депутатов России, тут и союзные. Много народа без депутатских значков. Похоже, все охвачены одним желанием — дать решительный отпор путчистам.

Кто-то предлагает позволить, когда это возможно, голосовать не только членам Верховного Совета, но и всем присутствующим. Эти слова тонут в гуле одобрения. И тут же депутат Александр Титкин от микрофона:

— Предлагаю работать непрерывно, не выходя из этого здания, пока путч не будет подавлен.

Предложение ставится на голосование, и кверху взметается лес рук — все присутствующие «за». Это как раз тот случай, когда могут голосовать все.

В первом ряду вижу министра печати Михаила Полторанина. Пробираюсь к нему, приглашаю выйти. В боковой комнате излагаю просьбу газетчиков.

— Есть у нас не занятая чекистами типография, — говорит Михаил. — Это учебная база профтехобразования, где готовят полиграфистов. В КГБ «сообразиловки» не хватило взять и ее под контроль.

Возвращаюсь к журналистам, объясняю, куда идти и что делать, а сам скорее — в зал. Там уже выступает Ельцин. Он говорит, что в целом по России обстановка не вышла из-под контроля президента и правительства, однако многие руководители и органы власти на местах, не говоря уже о коммунистических средствах массовой информации, открыто выступили в поддержку ГКЧП. Ельцин просит Верховный Совет дать ему полномочия освобождать от должности региональных руководителей, вставших на сторону путчистов. Члены Верховного Совета поддерживают эту просьбу подавляющим большинством голосов. Проголосовав «за», я еще не знал, что в первой же группе освобожденных окажется и председатель Амурского облисполкома Анатолий Белоногов. Не знал я в тот момент и того, что это решение Верховного Совета в самом скором времени круто изменит и мою собственную жизнь.

Из президиума сессии сообщают очередную информацию: члены ГКЧП в полном составе едут по трассе, ведущей к аэропорту. Пока не ясно — зачем? Хотят удрать за границу? Или лететь к Горбачеву в Форос? Если последнее, то с какой целью? Предложить встать во главе путча? Или просить прощения?

Снова берет слово Ельцин: он сам решил лететь в Форос к Горбачеву. Президента страны следует освободить из заточения, доставить в Москву на его законное место. Сделать это, по мнению Ельцина, должен президент России.

Депутаты переговариваются, обсуждают услышанное. Нет, Ельцин не должен покидать Белый дом, сторонники ГКЧП, возможно, этого только и ждут. Освободить Горбачева должен вице-президент Руцкой.

В перерывах между заседаниями люди выходят из зала на крышу нижней части здания, оттуда хороший обзор окрестностей. Москвичи все прибывают и прибывают. Белый дом уже охвачен мощным людским половодьем. Здесь, прямо на крыше, установлены микрофоны, выступают ораторы, обращаясь к тем, кто внизу. Среди выступающих не только депутаты, но и известные писатели, артисты, музыканты, ученые, словом — цвет интеллигенции.

После вечернего пленарного заседания началась работа фракций. Выйдя из КПСС, я перешел из «ДемРоссии» во фракцию беспартийных, чтобы укрепить ее. Это был чисто тактический ход, внутреннее дело двух фракций.

Разговор зашел о том, что пора принимать к КПСС радикальные меры. Арест гкачепистов, конечно, необходим, но нельзя забывать и о главном штабе переворота, который находился на Старой площади, в апартаментах ЦК КПСС. Решили от имени фракции беспартийных и комитета по средствам массовой информации обратиться к Верховному Совету с призывом привлечь к суду всю КПСС.

Мне поручили подготовить к утру два документа: обращение к сессии и проект постановления Верховного Совета о предании КПСС суду. Думаю, выбор на меня пал не случайно: коллеги читали мои статьи, помнили выступление на третьем съезде.

Вечером стало известно, что в ночь на 22-е ожидается новый штурм Белого дома. Я обратил внимание, что с автоматами ходят не только военные и милиция, но и некоторые работники аппарата Верховного Совета, и даже депутаты.

— Где выдают оружие? — спросил у Виктора Югина.

— А тебе зачем? — переспросил он.

— Как — зачем? Ведь штурм ожидается.

— Ну и что? Ты задание на ночь получил?

— Получил.

— Вот и выполняй. А стрелять будут другие — кто умеет.

— Это я не умею? — говорю без всякой обиды. — К твоему сведению, я могу стрелять даже из 122-миллиметровой гаубицы. Вот так.

— Ну, гаубиц в Верховном Совете нет. Поэтому иди и пиши.

Мой кабинет по-прежнему оккупировали журналисты из Чехословакии, работать в этом гама было невозможно. Я нашел небольшой пустой кабинет и устроился в нем. Но через некоторое время сюда стали приходить люди. Первым заглянул молодой парнишка Жора из московской «ДемРоссии», прежде не раз бывавший у нас в комитете. Я никогда не интересовался, кто он, знал лишь его имя. Сейчас же он стал знаменитостью: сумел первым дозвониться до Фороса и поговорить чуть ли не с самим Горбачевым. Журналисты весь день брали у него интервью и разнесли его имя по всему миру.

— Альберт Аркадьевич, можно, я у вас посплю? — спросил Жора. — Тут тихо и место есть.

— Конечно, Жора. Ты теперь такой знаменитый, что тебе можно все.

Он устроился в уголке на полу и мгновенно отключился. Пришли еще несколько человек, я и им разрешил устраиваться с условием, что не будут разговаривать. И они тоже «поотрубались».

Среди ночи явился наряд омовцев — проверять документы. Пришлось будить ребят.

— Советую закрыть на окне жалюзи, — сказал мне старший лейтенант, начальник наряда. — Ваша голова хорошо вырисовывается на фоне окна. Это отличная мишень.

— Да ведь у нас одиннадцатый этаж.

— Вокруг Белого дома обнаружено больше двух десятков снайперских гнезд...

Я с опаской посмотрел на огромное окно, за которым зияла чернота. Хорошо еще, что оно выходило на Москву-реку, где нет высотных зданий. И все-таки жалюзи пришлось закрыть. Черт их знает, этих снайперов, еще изловчится какой-нибудь...

Омовцы ушли, а я продолжил работу. Это ж надо, как поворачивается жизнь! Когда год назад я впервые заявил в печати, что КПСС должна предстать и предстанет перед судом, то и предположить не мог, что именно мне придется готовить документ, на основании которого это свершится. И вот оно — чудо... Теперь судьба партии во многом зависела от того, удастся ли убедить большинство депутатов. Написать проекты двух документов оказалось непросто, особенно проект постановления Верховного Совета. В конце концов они были готовы, я позвал юристов, те внесли кое-какие коррективы. Вот что получилось в итоге:

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КПСС НА ТЕРРИТОРИИ РСФСР В ПЕРИОД АНТИКОНСТИТУЦИОННОГО ПЕРЕВОРОТА

Попытка антиконституционного государственного переворота была предпринята высшими должностными лицами СССР, являющимися одновременно руководителями КПСС, членами ее Центрального Комитета и Политбюро. Членами компартии являются и возглавлявшие осуществление путча командующие военных округов и воинских соединений, командиры частей и подразделений армии, КГБ и МВД СССР, руководители Советов и местной администрации, перешедшие на сторону путчистов. Ни один партийный комитет КПСС, включая и ее ЦК, не осудил антиконституционные действия ГКЧП. Средства массовой информации КПСС обеспечивали идеологическую поддержку путча, дезориентировали общество, обманывали народ, публиковали документы, издаваемые антиконституционным органом.

Указанные факты дают основание полагать, что деятельность КПСС на территории России в период государственного переворота противоречила части второй статьи 3 Закона СССР «Об общественных объединениях», запрещающей методы действий общественных объединений, направленные на насильственное свержение законных органов власти и управления.

С учетом вышеизложенного Верховный Совет РСФСР постановляет:

1. Органам прокуратуры РСФСР провести расследование причастности КПСС к организации антиконституционного переворота.

2. По результатам расследования прокуратуры вопрос о деятельности КПСС на территории РСФСР передать на рассмотрение Верховного суда РСФСР.

Первый заместитель Председателя Верховного Совета РСФСР
Р. И. Хасбулатов.

Спускаюсь вниз, в комнату заседаний фракций. Наш руководитель депутат Владимир Новиков на месте. Отдаю ему документы и быстро — на крышу, где выступают ораторы. Внизу перед зданием — сплошное людское море. За свои пятьдесят пять лет никогда не видел такой массы людей — даже на первомайских демонстрациях. Они пришли не только для того, чтобы послушать ораторов, но главным образом — чтобы преградить путь тем, кто решится штурмовать Верховный Совет. Люди безоружны, они просто стоят и ждут.

Часа через полтора возвращаюсь в комнату депутатских фракций. Володя Новиков улыбается: все в порядке, наши документы уже размножаются. К инициативе беспартийных присоединились депутаты от социал-демократической и республиканской партий, так что поддержка на пленарном заседании будет обеспечена. Проект постановления Верховного Совета о предании КПСС суду уже унесли Борису Ельцину.

Из-за дальних домов показалось солнце, а штурма Белого дома все не было. Может, и не будет? Кто возьмет на себя смелость уничтожить такую массу людей, стоящих перед зданием Верховного Совета?

Никто из нас не знал в те минуты, что у гэкачепистов созрел другой план: не штурмовать Белый дом, а разбомбить его с воздуха. Такой приказ уже был отдан маршалу авиации Шапошникову, которому оставалось лишь продублировать его для авиационных соединений. Через некоторое время — после первых бомбовых ударов — на месте Краснопресненской набережной, Белого дома и всей прилегающей к нему заполненной людьми территории вплоть до американского посольства могла образоваться огромная воронка глубиной в несколько десятков метров. С российской властью было бы покончено.

Но Шапошников не продублировал приказ гэкачепистов — он отказался им подчиняться. Огромные самолеты-бомбовозы остались на аэродромах. Именно маршалу авиации Шапошникову десятки тысяч людей, в том числе и я, были обязаны своим спасением. Однако мы тогда этого не знали.

Наконец по этажам молнией пронеслась весть: в Москву привезли Горбачева, члены ГКЧП арестованы и помещены в тюрьму с ласковым названием «Матросская тишина». Стало быть, путч окончен?

После открытия утреннего заседания всем депутатам предложено выйти к народу — на митинг. Идем на крышу, но здесь ступить негде. Спускаюсь вниз, хожу среди моря людей. Всюду радостные, счастливые лица — точь-в-точь как в сорок пятом, когда объявили о победе над гитлеровской Германией. Я тот день хорошо запомнил — мне уже было почти десять... Замечаю, что почти все мужчины небриты. Да и сам я изрядно оброс — не догадался захватить бритву из гостиницы.

Теперь было абсолютно неважно, кто и что говорил с крыши. Я и не слушал. Мне важнее было видеть эти родные лица совершенно незнакомых людей. Потом началось заседание Верховного Совета, на котором выступал Горбачев. И тут было неважно, что он говорил. Куда важнее сам факт — президент страны снова на своем посту.

В одном месте Ельцин его перебил, сказав, что для разрядки сейчас подпишет указ. И начал читать. Текст указа почти повторял то, о чем говорилось в моем проекте постановления о предании КПСС суду. Несомненно, авторы указа взяли мой проект за

основу. Однако президент пошел дальше: до вынесения приговора Верховного суда он приостанавливал деятельность КПСС на территории РСФСР.

Закончив читать, Ельцин взял ручку и принялся подписывать.

— Борис Николаевич, Борис Николаевич, — пытался остановить его с трибуны Горбачев.

— Указ подписан, — не обращая на него внимания, громовым голосом объявил Ельцин.

Зал взорвался аплодисментами. Отдельные растерянные лица потонули в море улыбок. Неужели свершилось? И так сразу, в один момент? Возможно ли такое? Да, произошло то, чего многие давно ждали.

Заседать дальше не имело смысла. Отпала и необходимость выносить наш проект о предании КПСС суду на обсуждение Верховного Совета — все это уже было сказано в указе президента. Теперь надо было идти отоспаться. Но странное дело — после нескольких напряженнейших дней и ночей я совсем не чувствовал усталости. Готов был работать и дальше, если бы это потребовалось.

Тогда я этому подивился. А года через полтора-два пришлось подивиться еще раз.

Как-то в Благовещенске, когда спешил к машине, чтобы ехать в аэропорт, ко мне подошел средних лет мужчина, обросший густой черной бородой.

— Альберт Аркадьевич, можно один вопрос?

Я внимательно оглядел его, напрягая память. Нет, хотя при таком обилии встреч всех не упомнишь, тут сомнений не было — этого человека я никогда не видел.

— Скажите, — продолжал незнакомец, — вы помните, какое у вас было самочувствие во время августовского путча?

— Во время путча? — еще больше удивился я. — Очень хорошо помню: самочувствие было прекрасное. А что?

— Да нет, просто так, — смутился он. — Вы все равно не поверите.

— Во что? Во что я не поверю?

— Да, знаете... Все те дни мы подпитывали вас энергией.

— Подпитывали энергией? Кто это «мы»?

— Местные экстрасенсы. И не только вас, но и Бориса Николаевича.

Я опаздывал на самолет и, к сожалению, не мог продолжать разговор. А вернувшись, так и не сумел разыскать этого человека. Неужели он говорил правду? Впрочем, даже если экстрасенсы тут ни при чем, я все равно в дни путча чувствовал прилив энергии, которая исходила из далекой точки на карте — моей малой родины.

Встречь солнцу

Избрание Ельцина президентом России обернулось для Верховного Совета многими кадровыми потерями. Борису Николаевичу требовались проверенные, надежные люди в его администрацию, правительство, региональную исполнительную власть, а где их еще было брать, как не в Верховном Совете?

Среди тех, кто покинул Краснопресненскую набережную, оказался и председатель нашего комитета Виктор Югин. Незадолго до этого я стал его заместителем по средствам массовой информации, а Вячеслав Брагин — замом по связям с общественными организациями. После путча наш комитет оказался в эпицентре важнейших политических событий. Указы президента о приостановлении деятельности КПСС, о ее имуществе, полиграфической базе и газетах напрямую касались нас. Двери в наших кабинетах почти не закрывались, от посетителей не было отбоя — хоть на пленарные заседания не ходи.

Однако, несмотря на это, президент назначил Югина директором Санкт-Петербургского телевидения. Это была очень большая и ответственная должность: Санкт-

Петербургское ТВ смотрели две трети европейской части СССР и пол-Европы. Югин переключился на новую работу, в Москву стал наезжать изредка — подписать бумаги да немного посидеть для вида на пленарных заседаниях.

Через какое-то время еще один удар — уехал в родную Тверь представителем президента Вячеслав Брагин. Я, как говорится, остался на хозяйстве один. Теперь мне приходилось заниматься всем — и средствами массовой информации, и общественными объединениями, и, конечно, делами КПСС.

На удивление, компартия сдалась быстро и без боя. Горкомы, райкомы, обкомы были опечатаны, их имущество перешло к Советам, документы переданы в государственные архивы. Никаких эксцессов в связи с этим замечено не было. А вот с газетами и полиграфической базой оказалось сложнее.

Кое-кто в комитете — и не только в нем — предлагал закрыть все коммунистические газеты как поддержавшие ГКЧП. Это было заманчиво и, может быть, справедливо. Ведь закрыли же путчисты остальные СМИ, кроме своих. Почему не ответить им тем же?

Однако уподобляться гэкачепистам мы не могли. Комитет принял другое решение: разобраться с каждой газетой в отдельности. Сделать это поручалось соответствующим комитетам и комиссиям местных советов под контролем народных депутатов РСФСР. Закрывать же газеты в каждом конкретном случае, если имелись основания, должен был только суд.

Конечно, такое решение имело немало изъянов. Идеологизация депутатского корпуса, а также судов и прокуратуры оставляла очень мало надежд на то, что виновные действительно понесут наказание. И все-таки, по нашему мнению, это было лучше, чем закрыть все газеты только на том основании, что они принадлежали КПСС.

Между тем, в Верховном Совете опустели многие комитеты, сократилась численность обеих палат. Предстояла ротация: одних депутатов следовало вывести из Верховного Совета, а других ввести. Нашему комитету нужно было избрать нового председателя, а если эту должность доверят мне, то и двух заместителей.

Честно говоря, я считал себя реальным кандидатом на председательский пост. За плечами был огромный журналистский опыт, полтора года работы в Верховном Совете, к тому же в последнее время я фактически уже руководил комитетом и претензий ко мне, кажется, ни у кого не было. Так что оставалось выполнить лишь небольшую формальность.

И вдруг референт Людмила Веселова сообщила:

— Альберт Аркадьевич, сегодня к вам дважды приходили из администрации президента.

— Что им надо?

— Хотят с вами поговорить.

— О чем?

— Не знаю. Вот, оставили свой телефон.

После путча администрация президента переехала из Белого дома на Старую площадь, но не вся. Номер телефона наш, «белодомовский». Звоню. Просят срочно спуститься на четвертый этаж — есть важный разговор. В комнате, заставленной компьютерами, сидят двое. Я их много раз видел на заседаниях Верховного Совета, но лично с ними не знаком.

— Вы, конечно, знаете, что президент освободил от должности председателя Амурского облисполкома Белоногова? — спрашивает один из них.

— Знаю.

— Так вот, мы подбираем ему замену. По новому закону, это будет не председатель исполкома, а глава администрации области, назначаемый президентом. Что-то вроде губернатора.

— И вы хотите посоветоваться со мной по кандидатуре?

— Не совсем. Мы хотим предложить президенту назначить губернатором вас.

Сказать, что от неожиданности я опешил, значит сказать очень мягко. Я был буквально потрясен. Ожидал чего угодно, но только не этого.

— То есть как это меня? — начал бормотать что-то несвязное. — Почему?

— Ваши земляки завалили нас телеграммами. Вот посмотрите.

Мне дали папку, в которой находилось несколько десятков телеграмм. Начал читать и глазам не поверил. Это были просьбы назначить меня главой администрации области. Они исходили не только от демократов, но и от трудовых коллективов, отдельных граждан, землячества амурских казаков. Тут же были резолюции двух митингов, решения двух или трех местных органов власти. И все словно сговорились — хотели, чтобы губернатором стал я.

— Вот видите, — сказал работник администрации президента. — За вас хлопочут самые разные слои населения. Значит, люди вам доверяют. Нас вы тоже устраиваете.

— Но я никогда никем не руководил, даже уборщицей. А тут целая область.

— Комитетом Верховного Совета вы раньше тоже не руководили. А сейчас, говорят, управляетесь неплохо.

Они предложили мне подумать три дня, а заодно изложить на бумаге свои соображения, как вывести Амурскую область из кризиса. То есть подготовить что-то вроде программы будущей областной администрации. Я обещал все обмозговать, хотя и был почти уверен, что от предложения откажусь.

В самом деле — ну зачем попу гармонь? Через три недели будем избирать председателя комитета, а у меня шансы самые высокие. Эта работа по мне, и я ее уже выполняю. Если выберут председателем, то автоматически стану членом Президиума Верховного Совета, получу персональную машину, больше станет зарплата. А губернаторство — это пекло, преисподняя, адская работа круглые сутки. Особенно сейчас, когда самому придется принимать решения и отвечать за них.

Не будь у меня выбора, я, может быть, и размышлял три дня. Но раз была достойная альтернатива, то и раздумывать было нечего. Выбираю работу в комитете. А администрация президента пусть подбирает другую кандидатуру. Приняв такое решение, я безмятежно завалился спать.

Разбудил меня очень ранний звонок. Звонил из Благовещенска мой заместитель по демдвижению, народный депутат РСФСР и представитель президента в Амурской области Андрей Захаров. Он уже знал о сделанном мне предложении.

— Альберт Аркадьевич, вы ни в коем случае не должны соглашаться, — сказал он. — Мы этот вопрос обсудили и твердо пришли к такому выводу.

— А я и не собираюсь это делать... — Потягиваюсь спросонья и протираю глаза. — Не враг же я сам себе...

— Это будет очень правильно, — обрадованно проговорил Захаров. — Нельзя вам быть губернатором.

— Конечно, конечно. Что за разговор... А почему, собственно, нельзя?

— Потому что вас не хотят коммунисты. Они пригрозили, что если вы станете губернатором, то они заморозят город и вырежут скот в деревнях.

Сон мгновенно слетел. Ничего себе подачка! Я так беззаботно отнесся к просьбам земляков, приславших телеграммы, можно сказать, игнорировал предложение администрации президента, а это, оказывается, очень серьезно.

— Послушай, Андрей, — сказал Захарову, — ты говоришь «мы посоветовались и решили». Кто это — «мы»?

— Руководство демдвижения.

Положив трубку, я встал с кровати и принялся ходить по номеру. Стало быть, люди просят, администрация президента предлагает, а господа коммунисты «не хотят». Гм, гм... Вспомнились слова Белоногова, сказанные им в Большом Кремлевском дворце, когда второй съезд народных депутатов провозгласил частную собственность на землю: у нас в области никто ни клочка земли не получит. Может быть, люди хотят, чтобы я стал

губернатором, потому что видят во мне человека, способного противостоять господам-товарищам? А господа-товарищи поэтому меня и «не желают»?

Но вот демдвижение... Его руководство тоже высказалось против. Почему? Не верят? Опасаются коммунистов?

А ведь, строго говоря, на сегодняшний день, возможно, именно я был подготовлен к руководству областью лучше, чем кто-либо. Это в старых советских фильмах журналистов изображали этакими придурками: непременно в клоунском клетчатом пиджаке и широченном галстуке, постоянно с блокнотом в одной руке и авторучкой в другой, задающими собеседникам идиотские вопросы, а потом все извращающими на страницах газеты. Такой образ журналиста прочно вошел в сознание многих людей старшего поколения, воспитанных на советских фильмах.

В действительности же все обстояло иначе. Я учился на произведениях выдающихся публицистов М. Кольцова, В. Овечкина, М. Величко, И. Ильфа, Е. Петрова, А. Аграновского, Я. Голованова, В. Пескова, многих других. И уже в молодые годы сформулировал для себя правило: чтобы о чем-то рассказывать людям, надо самому знать об этом все и даже чуточку больше. Поэтому после университета, где нам преподавали лишь основы экономики и некоторых других наук, начал самостоятельно изучать конкретную экономику, технологию производства в тех отраслях народного хозяйства, которые имелись в области. Знакомиться с новыми для себя предприятиями всегда начинал с их проекта, технико-экономического обоснования, пояснительной записки. Нередко обращался к специальной технической литературе. А, приехав работать на строительство Зейской ГЭС, проштудировал даже все американские учебники по гидроэнергетике, которые там оказались. Это, фактически, была самостоятельная учеба сразу на многих факультетах еще одного вуза

К семидесятым годам у меня уже было обширное досье на все предприятия и стройки области, учреждения культуры, учебные заведения, научно-исследовательские институты, многие колхозы и совхозы. Были досье по истории, археологии, природоведению и т.д. Хранились десятки моих записных книжек, содержащих бесценные сведения, полученные во время бесчисленных командировок. Оттуда всегда можно было почерпнуть любую информацию, необходимую для работы. Без такого подспорья действительно можно было уподобиться тем карикатурным героям, которых изображало советское кино.

За тридцать лет журналистской работы я много поездил по области, многое повидал, написал несчетное количество статей, корреспонденций, очерков, ряд публицистических книг, так что свою родную область, ее историю, природу, народное хозяйство, проблемы и трудности вроде бы знал неплохо. Пожалуй, лучше, чем кто-либо в области, был готов и к проведению экономической реформы: ведь полтора года работы над рыночными законами в Верховном Совете кое-чему научили. Вот только не довелось побывать на руководящей работе. Хотя... А разве сейчас я не руковожу комитетом Верховного Совета?

И еще один немаловажный момент. Великий Энгельс учил, что главная задача прессы — контролировать власть, выражая интересы всего общества. Задача эта благородная, но архисложная, так как контролирующий по своему уровню должен быть как минимум не ниже контролируемого. Не случайно многие средства массовой информации уходят от выполнения главной своей функции. Но ведь я-то как раз старался писать о власти то, что она заслуживала. Наверное, писал со знанием дела, потому что никто из власть предержащих, несмотря на неоднократные попытки с их стороны, так и не смог со мной расправиться.

Снова зазвонил телефон. На этот раз звонил председатель Пограничного райсовета Юрий Сараев.

— Альберт Аркадьевич, это правда, что вы отказались от должности губернатора? — с волнением в голосе спросил он.

— А что? Вы ведь сами так решили.

— Это неправда. Никто такого решения не принимал. Возле меня почти все члены координационного совета. Они ничего не знают.

Трубку у Сараева взял Хахин, потом Пирогов, за ним еще кто-то. Они по очереди убеждали меня, что я просто обязан вернуться домой губернатором. Никого другого, по их мнению, назначать просто нельзя: коммунисты любому свернут шею. А мне уже пробовали — не вышло.

Ну вот и последние сомнения сняты. Полчаса назад я и думать не хотел о губернаторстве. Но раз дело принимает такой оборот, придется давать согласие. Что ж, господа-товарищи, вы получите такого губернатора, какого меньше всего хотите.

Я с ходу позвонил первому заместителю председателя облисполкома Валерию Бикбулатову — тому самому, который в дни путча разрешил выдать в эфир наше обращение к населению области, направленное против ГКЧП. В свое время он нарушил старую партийную традицию: в начале 90-го стал председателем облисполкома, не побывав в кресле второго секретаря обкома КПСС. Однако поработать во главе исполнительной власти области ему довелось недолго. Вскоре Белоногов отодвинул его на второй план, сам возглавил исполком, сохранив за собой и кресло председателя Совета. Не сделай он эту рокировку, Бикбулатов наверняка стал бы сейчас главой областной администрации.

Не знаю почему, но мне показалось, что Валерий Яковлевич ждал моего звонка. Ждал и предложения стать моим первым замом. Человек умный и рассудительный, он не мог не понимать, что такой звонок и такое предложение будут.

Бикбулатов попросил время на раздумье, но было ясно, что работать в администрации он не откажется. А это снимало сразу две проблемы. Во-первых, появлялась возможность квалифицированно руководить аппаратом администрации. А, во-вторых, приход Бикбулатова на ключевой пост укреплял доверие к новой власти со стороны областного чиновничества.

Я усмехнулся: что это, уже вхожу в роль губернатора? Не рано ли?

В администрации президента изучили мою программу-минимум, одобрили, не сделав никаких замечаний. Руководитель администрации Юрий Петров сказал, что сегодня же проект указа о моем назначении будет отправлен президенту.

— Но Борис Николаевич в отпуске, — напомнил я. — Если память не изменяет, в Сочи.

— Да, это так, — подтвердил Петров. — Но у нас с ним постоянная связь. Время не ждет. Амурская область давно уже без руководителя.

— А разве перед назначением Борис Николаевич не будет со мной беседовать?

— Зачем? Он ведь знает вас по Верховному Совету. Так что это пустая формальность.

12 октября, явившись утром на работу, я узнал, что стал губернатором Амурской области. Вернее, что являюсь им уже четвертый день, так как указ о моем назначении был подписан 8 октября. Сообщила мне об этом все та же референт Людмила Веселова. Она была до крайности взволнована, расстроена.

— Ну что за напасть на наш комитет? У других все спокойно, а тут: Югина забрали, Брагина увели, теперь вас в тартарары посылают.

— Это не напасть, — успокаиваю ее. — Гордиться надо, что наши кадры так ценятся.

А самому тоже не по себе. Это как взрыв: ждешь, знаешь, что он будет, а все равно вздрагиваешь от неожиданности.

Вечером 16 ноября я покинул свой номер на пятом этаже гостиницы «Россия», где прожил почти полтора года. Самолет взял курс на восток или, как говаривали предки-землепроходцы, встречу солнцу. Он увозил меня домой, а по сути дела — в неизвестность. Но странное дело — чем меньше времени оставалось до прилета в родной город, тем спокойнее становилось на душе.

СХВАТКА НАД ПРОПАСТЬЮ

Замороженный город

При подлете к Благовещенску я задремал — впервые за эти суматошные дни. Проснулся от сильного толчка — самолет ударился о посадочную полосу и, сотрясаясь и громыхая, помчался по неровной бетонке. В иллюминаторе показалось знакомое здание аэровокзала с незаконченной пристройкой.

Когда самолет вырулил на стоянку, возле трапа появилась группа журналистов — кто с фотоаппаратами и видеокамерами, кто — с диктофонами.

«Наверное, этим рейсом летят звезды эстрады», — мелькнула мысль.

Но вышли почти все пассажиры, а журналисты продолжали оставаться у трапа. «Да ведь это они наверняка ждут меня, — дошло наконец до сознания. — Еще не хватало...».

Действительно, ребята из газет, с радио и телевидения бросились ко мне с вопросами. Для приличия произнес несколько общих фраз — мол, настроение бодрое, готов работать, но по-настоящему поговорить с ними обещал через несколько дней на пресс-конференции.

Еще больший сюрприз ожидал на привокзальной площади: за металлической калиткой вдоль здания аэровокзала вытянулся почетный караул казаков. Бравые ребята в военной форме с желтыми лампасами на штанах стояли в шеренгу по стойке «смирно». В толпе встречающих было много знакомых лиц — видел их раньше на митингах, собраниях избирателей, у себя в депутатской приемной. Я был растроган до слез. Что-то произнес, обошел всех, пожал руки.

— Между прочим, никто из областного начальства встречать нового губернатора не приехал, — сказал помощник, когда «Волга» мчала нас в город. — Но вообще-то их можно понять — у них в связи с этим назначением, наверное, траур...

— Не приехали, ну и ладно. В отличие от других депутатов, меня ведь со съездов и сессий никогда не встречали. Переживем и на этот раз.

— Переживем. Но все же, как говорят в Одессе, это не есть хорошо...

Дома меня ожидал уже неприятный сюрприз — в квартире стоял собачий холод. Пошупал батареи — как лед. Что это: авария на теплотрассе, не подключены стояки? Позвонил в аварийку, ответили, что не отапливается весь город: не готова к работе ТЭЦ. И это 17 октября, через 22 дня после начала отопительного сезона!

Такого не было за всю историю города. Неужели господа большевики решили осуществить свою угрозу? Меня ведь на полном серьезе предупреждали, что они обещают в случае моего назначения главой администрации заморозить областной центр и вырезать скот в деревнях. Может, это и есть первая ласточка?

Следующие полдня я провел на ТЭЦ. Говорят, заядлые охотники, попадая с ружьем в лес, испытывают какой-то особый азарт. Нечто подобное испытывал и я. Сколько раз за долгую журналистскую жизнь приходилось бывать на различных промышленных предприятиях, разбираться в хитросплетениях технологий, изучать причины провалов или, наоборот, секреты производственных успехов. Эта работа мне нравилась, это был

мой хлеб. И вот я снова ходил по корпусам, слушал объяснения специалистов — на этот раз не для написания статьи, а для принятия решения.

Проблем на ТЭЦ накопилось немало, особенно со строительством еще одного — четвертого котла. К счастью, с действующими котлами не случилось ничего серьезного. Просто вовремя не получили какие-то детали, несвоевременно начали монтаж, сплеховали субподрядчики — вот и затянули ремонт. Правда, казалось довольно странным, что это случилось у опытного и беспокойного Владимира Пьянкова. Но с другой стороны, если ему не оказывало поддержки областное руководство...

На следующий день я созвал совещание руководителей, отвечающих за тепло в городе. Их набралось десятка полтора — все солидные, деловые, с черными папками. На подобных совещаниях руководителей-смежников, созываемых вышестоящими начальниками, мне доводилось бывать не однажды. Они, как правило, проходили по одной схеме: каждый валил вину на соседа, называл массу объективных причин, помешавших ему выполнить работу в срок. После двух-трех часов взаимных оправданий выяснялось, что хотя все графики и задания провалены, виновных в этом нет. Видимо, и сейчас люди настроились на такой же лад.

Тепловики расселись за длинным столом, разложили перед собой черные папки. С удивлением поглядывали на двух прокуроров, невесть зачем сюда приглашенных. Да и сами прокуроры не совсем понимали, для чего они здесь.

— С сегодняшнего дня в городе вводится чрезвычайное положение по теплу, — начал я совещание. — Постановление об этом мной только что подписано. Надеюсь, все понимают, какая ответственность наступает для руководителей при введении чрезвычайного положения? Поэтому и приглашены прокуроры Ленинского и Пограничного районов города.

Замечаю, что кое-кто из этих важных господ насторожился. Наверное, еще не приходилось заседать под надзором прокуроров. Ведь не зря же их пригласили: уж кто-кто, а эти «шкуру снимать» умеют.

Однако никто ни с кого шкуру не снимал. Совещание было коротким. Меня не интересовало положение дел на ТЭЦ и кто в чем виноват — я это уже знал. Знал и возможности каждого из участников теплоснабжения. Мне нужен был лишь четкий ответ на вопрос: когда город реально получит тепло? И дать его должен был лично каждый из сидящих за столом, чтобы потом персонально ответить в случае провала.

Надо отдать должное тепловикам: они не стали выпрашивать лишние дни. Срок был назван жесткий, исходя из самой ударной работы.

— Тогда все свободны, — сказал я, вставая. — Прошу прокуроров немедленно приступить к контролю за исполнением. С учетом объявленного чрезвычайного положения.

Они расходились молча, от той солидности, с которой входили в кабинет, не осталось и следа. Я взглянул на часы. Ого: важнейший вопрос жизни и смерти большого города мы обсуждали не больше тридцати минут. Для начала неплохо. Теперь поглядим, сработают ли они и дальше так же четко и оперативно...

Я прошел в кабинет Бикбулатова.

— А меня уже второй день одолевают вопросами, — он пожал мне руку своей могучей ручищей. — Где, спрашивают, глава, чем он занимается?

— Кто это такой любопытный?

— Да практически весь аппарат исполкома. Всех ведь интересует личная судьба. Люди хотят знать: будут разгонять или как?

— Сначала вот что скажи. Ты ведь аппарат исполкома знаешь лучше, чем кто-либо. Поэтому ответь прямо: будет он работать на новую администрацию, на президента, на реформы или нет?

Валерий Яковлевич на минуту задумался, потом сказал:

— Некоторые не будут по идейным соображениям. Других я сам бы не взял, но по иной причине: это балласт, они и в исполкоме пользы не приносили. Но подавляющее большинство — люди честные и порядочные, они хотят и будут работать.

— Так я и думал. Поэтому успокой коллектив: никто никого разгонять не станет. Пусть все остаются на местах. Как только будут готовы структура и штатное расписание администрации, а это вопрос ближайших дней, начнем заниматься кадрами. Я буду подбирать работников на ключевые посты, а с аппаратом непосредственно придется поработать тебе.

— Хорошо, — удовлетворенно кивнул Бикбулатов. — Тогда перейдем к моей персоне?

Я и сам собирался начать с этого. В телефонном разговоре мы с ним обменялись лишь самыми общими мнениями, теперь надо было обсудить детали. Я изложил свое видение нашей будущей работы. Она представлялась так.

В соответствии с Указом президента глава администрации руководит областью с помощью постановлений и распоряжений, которые обязательны для всех. Он их принимает единолично и несет за них персональную ответственность, то есть отвечает, что называется, головой. Именно такие права и такая ответственность были у губернаторов царской России, поэтому и глав уже начали называть губернаторами.

Журналист Евгений Паршин, известный амурский краевед, даже опубликовал список лиц, занимавших высшие посты в исполнительной власти области за всю ее историю. Он насчитал 14 царских губернаторов и 22 советских, к каковым он отнес председателей облисполкомов. Труд, конечно, огромный и благородный, но согласиться с Паршиным нельзя: ведь председатели исполкомов руководили не областью, а всего лишь исполкомами, сами же они без коллективного органа не могли принять ни одного решения. Да и вообще их власть была чисто декоративной. Званию губернатора в советское время больше соответствовал первый секретарь обкома партии, хотя и тот, фактически являясь хозяином области, формально лишь подписывал постановления бюро. Так что с советскими губернаторами, на мой взгляд, были проблемы.

Меня Е. Паршин назвал первым постсоветским губернатором — и тоже неверно. К тому времени рухнул лишь социализм, а не Советы, поэтому правильно было бы сказать «первый постсоциалистический». Но это так — отступление в порядке дискуссии.

Итак, с главой все ясно. Для замов будут выработаны лишь основные направления деятельности, все остальное — их забота. Они сами подбирают себе кадры и руководят ими, сами принимают решения в пределах своей компетенции и отвечают за них перед главой. Няnek не будет, будут лишь контроль и спрос.

Валерий Яковлевич одобрительно кивал. Мне рассказывали, что у Белоногова, под началом которого он в последнее время работал, совершенно иной стиль. Принятие всех решений он замыкал на себя, замы и начальники отделов ему нужны были лишь для черновой работы. Это подавляло энергичных сотрудников, сковывало их инициативу.

— А вдруг я, не посоветовавшись, приму решение, которое тебе не понравится? — осторожно спросил Валерий Яковлевич.

— Что значит — «не понравится»? Если считаешь, что оно единственно верное и другого не может быть, то ни на кого не оглядывайся. Не исключено, что нам постоянно придется принимать решения, которые будут не всем нравиться, но которые необходимы, чтобы спасти область от краха. И мы станем делать это без колебаний.

— Согласен. Но если я ошибусь?

— Всем нам придется работать «на грани фола». Знаешь, что это означает в хоккее?

— Конечно знаю, — улыбнулся он.

— Поэтому не исключены и ошибки. Это не страшно, если их вовремя исправлять. Но не думаю, что проколов будет слишком много. Страшнее другое — бояться принимать решения, когда их от тебя все ждут.

Самому Валерию Яковлевичу я предложил курировать очень широкий круг вопросов, в том числе и такой сложнейший, как социальная защита населения. А пока ему предстояло заниматься подбором аппарата, размещением людей и всем, что связано с организацией администрации.

— Кстати, областной Совет о нас уже «позаботился», — с сарказмом сказал Бикбулатов. — До твоего приезда они приняли решение разместить администрацию в бывшем обкоме партии.

— В бывшем обкоме? А кабинеты исполкома?

— Совет взял их себе.

— Как это — «взял»? Зачем им столько? У Совета ведь совсем маленький аппарат.

— Не знаю, наверное, взяли в расчете на вырост. Они по закону собственники здания, им и решать — что кому...

— Но помещения бывших обкомов президент уже передал судам. Разве Белоногов этого не знает?

— Знает, конечно.

— Стало быть, заняв обкомовские кабинеты, мы вынуждены будем нарушить указ президента? А что, надо отдать должное авторам идеи: придумано блестяще.

К счастью, оказалось, что в обкомовские апартаменты переехал не сам суд, имевший неплохое здание, а лишь управление юстиции, которому не нужны все пять этажей. Юристы великодушно согласились отдать администрации первый и третий этажи, кроме того, обещали по отдельным заявкам предоставлять для проведения заседаний актовый зал, расположенный на четвертом этаже. В дополнение ко всему можно было без ущерба перестроить в рабочие кабинеты еще и некоторые туалеты. «Не фонтан», конечно, но для начала сойдет.

По иронии судьбы, а точнее, по воле депутатов Совета я очутился в бывшем кабинете Шарина. Не в том, правда, где три года назад он пригрозил стереть меня с лица земли, а в который Леонид Васильевич перебрался позднее, когда строители закончили отделывать мрамором пристройку к Дому Советов. «Пристройкой» эта часть называлась лишь по титульному списку строителей, на самом же деле это было солидное пятиэтажное сооружение, завершающее архитектурный ансамбль в самом сердце города.

Три года назад, начиная борьбу с партаппаратом, я был уверен, что если и проиграю, то временно. Но и думать тогда не смел, что так скоро займу кабинет своего главного противника. А вот поди ж ты, как круто все повернулось. Впрочем, это все пустое... Какая разница, в каком кабинете, главное — что и как делать.

Едва стало известно рабочее место главы, ко мне начали приходиться люди. Одни подключили телефоны и громкоговорящую связь, другие наладили работу ВЧ, третьи научили пользоваться сейфом, четвертые вручили какие-то секретные бумаги, за которые я должен был расписаться... Оказывается, чтобы обеспечивать нормальную жизнедеятельность рабочего кабинета главы области, постоянно задействованы сотрудники многих служб, о чем я прежде и не догадывался.

Появились и первые посетители с докладами. Один из работников исполкома, уж и не помню кто, доложил, что с первым этажом обкомовского здания, который сейчас изучается на предмет размещения кабинетов, серьезные проблемы.

— Какие? — насторожился я.

— Все левое крыло, то есть половину этажа, занимает частная фирма, — сказал сотрудник исполкома. — У нее с обкомом партии был заключен договор об аренде на много лет вперед, расторгнуть его, не нарушая закон, мы не можем.

Ай да Пушкин, ай да сукин сын! Нет, тут определенно поработали очень большие и талантливые головы. Это же надо до такого додуматься: в главном административном здании области (если сравнивать со страной, то все равно, что в Кремле) размещена какая-то частная коммерческая фирма!

— Не какая-то, Альберт Аркадьевич, а особая, — со значением покачал головой сотрудник исполкома. — Такая, что и подступиться боязно.

— Оборонка?

— Нет, нет...

— Госбезопасность?

— Нет, берите выше.

— Что же тогда?

— Фирма Владимира Николаевича Шилова.

Батюшки светы!.. Бывший первый секретарь обкома КПСС, мой соперник по выборам в народные депутаты РСФСР, оказывается, теперь крутой бизнесмен! Настолько крутой, что отхватил целых пол-этажа в одном из самых лучших зданий города. Это, конечно, замечательно. Превосходно. Пусть его фирма процветает на ниве коммерции. Только вот адрес ей придется сменить.

Я внимательно прочитал копию договора об аренде. Судя по дате, Шилов сам себе передал часть здания еще до того, как Ельцин распустил компартию. Стало быть, обком тогда был собственником и мог поступать со своими этажами так, как считал нужным. Но кто же поверит, что здравствовавшая и находившаяся у власти КПСС позволяла первым секретарям обкомов заниматься коммерцией? Да еще передавать своим личным фирмам лакомые куски партийной собственности на кабальных для партии условиях? Ясно, что договор заключили задним числом, когда компартии уже не было. Но вот доказать это, наверное, будет не так просто.

— Ладно, этим займемся позднее, — я отложил договор в сторону. — Выкладывайте остальные проблемы. Чует мое сердце, что это еще не все.

Действительно, никто не знал, что делать и с исполкомовским гаражом. Раньше машинами из этого гаража пользовались и исполком, и Совет. Теперь же весь этот транспорт Белоногов забрал себе — наверное, тоже в расчете «на вырост». Администрации передали гараж обкома, и это бы еще куда ни шло. Но там значительную часть автомобилей тоже успели передать в аренду частным фирмам и тоже надолго.

В общем, в течение полутора месяцев, пока у области не было главы, ее бывшие хозяева времени зря не теряли. Рассчитывают надолго парализовать работу новой администрации? Может быть, даже вообще не позволить ей встать на ноги? Ну что ж, поглядим...

Тепло в дома дали даже раньше, чем обещали. Прежде чем отменить свое постановление о чрезвычайном положении, я выдержал паузу. Вроде бы все нормально. Подписывая новое постановление, еще раз, уже более решительно, подумал: «Что ж, поглядим».

Для служебного пользования

Прежние хозяева наших теперешних кабинетов — бывшие ответственные работники обкома КПСС — не оставили после себя ничего, что могло пролить хоть какой-то свет на их титанический труд во благо родного края. Все столы, тумбочки, шкафы были абсолютно стерильны — ни одного документа, ни единой деловой бумаги. Говоря языком теперешних военных, перед нашим вселением кто-то провел здесь тщательную зачистку. И все-таки в одном из кабинетов, в нижнем ящике задвинутого в угол стола удалось обнаружить нечто весьма любопытное. Это была изящно оформленная брошюра с тисненными золотом титрами на черной дерматиновой обложке. В ее правом верхнем углу значилось: «Делегату XXIV областной партийной конференции». А ниже через всю обложку: «Амурская область в цифрах и фактах. 1981–1985 гг.». На титульном листе было еще несколько коротких фраз: устрашающий гриф «Для служебного пользования», не менее грозное требование «Без права публикации» и «Экз. №...». Всего было отпечатано

800 экземпляров брошюры — видимо, по числу делегатов конференции с небольшим резервом. Этот экземпляр, судя по отсутствию номера, как раз и был резервным.

Надо сказать, что в партийных органах КПСС любой документ считался секретным. Неважно, о чем там шла речь — о подготовке к очередной годовщине Великого Октября, прополке овощей или организации прививок против гриппа. Если официальная бумага выходила за пределы партийного здания, она наряду с исходящим номером, как правило, сопровождалась грифом «секретно», «совершенно секретно» или «для служебного пользования». Этим подчеркивалась исключительная важность данной бумаги, поднималась ее общественная значимость, по крайней мере, в глазах самих авторов. Работая в свое время ответственным секретарем журнала «Блокнот агитатора», я перечитал немало таких творений и всегда удивлялся: зачем засекречивать эту макулатуру? Разве чтобы скрыть скудоумие ее творцов?

Но бывало, что и в обкомовском делопроизводстве появлялись серьезные и достойные документы. Они предназначались для узкого круга лиц, на них указывалось, сколько экземпляров этого документа отпечатано, каждому экземпляру присваивался индивидуальный номер, составлялся перечень лиц, которым полагался персональный экземпляр.

К числу таких тщательно охраняемых документов относились и регулярные сводки областного статистического управления о социально-экономическом положении в области за месяц, квартал, полугодие, год. Они издавались отдельной брошюрой, имели гриф «для служебного пользования», пометку «без права опубликования и тиражирования» и порядковый номер экземпляра, которых, думаю, насчитывалось десятка два-три, не больше. Экземпляр № 1, естественно, направлялся первому секретарю обкома КПСС, № 2 — председателю облисполкома, № 3 — второму секретарю обкома и далее в зависимости от ранга получателя. Не знаю, кто еще, кроме секретарей, членов и кандидатов в члены бюро обкома да заместителей председателя облисполкома, входил в список получателей. Возможно, никто. Но вот что любопытно: подобную информацию облстатуправления о социально-экономическом положении в области за месяц, квартал, полугодие, год можно было прочитать и в открытой печати, прежде всего в областной партийной газете. Эта информация была доступна каждому. Зачем же в таком случае выпускать литерные брошюры для узкого круга лиц, так строго охраняемые от посторонних глаз?

Ответа на этот вопрос, увы, не было. Сравнить то, что писалось в брошюрах и печаталось в газетах, простые смертные не имели возможности. Даже я при всех своих профессиональных связях в обкомовских кругах ни разу не смог этого сделать. И вот наконец удача, да еще какая! Оставленная прежним хозяином кабинета 48-страничная брошюра фактически была равнозначна целому архиву, в ней содержались сведения о работе промышленности, транспорта, связи, строительного и агропромышленного комплексов области за целую пятилетку — с 1981 по 1985 год. Те самые сведения, которые предназначались лишь «для служебного пользования» и были доступны исключительно высшей партийной элите. Я принялся с жадностью изучать этот бесценный труд. Он состоял из двух неравных частей — текстовой и цифровой. Первая, текстовая, давала партийную оценку состоянию экономики области в целом, анализировала работу отдельных отраслей и трудовых коллективов, ставила задачи на будущее. Это был как бы ключ к пониманию всего того, о чем дальше рассказывали цифры. По оценке партийного руководства, экономика области в одиннадцатой пятилетке, то есть с 81-го по 85-й год, развивалась высокими темпами, добилась новых успехов и, несмотря на отдельные недостатки, еще больше приблизила нас к коммунизму. Вот как говорилось об этом в текстовой части брошюры (сокращаю лишь ненужные длинноты, ссылки на различные партийные постановления):

«Главным направлением в работе за истекший период явилось осуществление курса партии на интенсивные методы ведения хозяйства. Областной комитет направлял усилия коммунистов, всех трудящихся области на дальнейшее качественное преобразование

производительных сил, повышение эффективности общественного производства, качества продукции. В итоге за отчетный период обеспечен рост промышленного производства, объемов освоения капитальных вложений, дальнейшее развитие получил транспорт, электроэнергетика, машиностроение, сфера обслуживания, заметно укрепилась материально-техническая база сельского хозяйства. На развитие села направлено более 1,3 млрд рублей. Это позволило заметно обновить основные производственные фонды колхозов и совхозов, увеличить объемы мелиорации и химизации земель. Досрочно завершена пятилетняя программа по реализации промышленной продукции, дополнительно ее реализовано более чем на 40 млн рублей. В строительстве, на транспорте и связи введены в строй основные производственные фонды стоимостью свыше трех млрд рублей. За пятилетку в строй действующих вошло более 50 предприятий и объектов, введено свыше 1,7 млн квадратных метров жилья. Коллективы строительных организаций перевыполнили пятилетний план по освоению капитальных вложений и по производительности труда. За этот же период на 23,5 проц. возрос грузооборот на железнодорожном транспорте, сверх плана перевезено 1 млн 386 тысяч тонн народнохозяйственных грузов. Успешно справились с заданиями пятилетки коллективы речного и автомобильного транспорта. Повысилась эффективность использования подвижного состава, возросла производительность труда.

Однако не везде приведены в действие резервы экономического и социального роста. Не все трудовые коллективы промышленности, строительства, сферы обслуживания справляются с государственными планами и социалистическими обязательствами. Допущено отставание по производству продукции растениеводства и животноводства. Дело чести коммунистов, трудящихся области — обеспечить устойчивую работу на всех направлениях народного хозяйства».

Вот такой «ключ» к пониманию статистического материала выдала делегатам конференции идеологическая служба обкома КПСС. В основе лежала универсальная схема экономического просвещения масс, успешно служившая стране семь десятилетий. Она была проста и понятна людям, как Ленин, а Ленин, по словам Горького, был прост и понятен, как правда. Для каждого, кто черпал информацию из этой сокровищницы, являлось аксиомой, что партия и правительство неустанно заботились о трудовых коллективах, обеспечивая их всем необходимым, а те, соревнуясь, регулярно выполняли и перевыполняли государственные планы, правда, не всегда до конца использовали внутренние резервы. Отдельные же недостатки ни в коей мере не могли повлиять на наше мощное наступательное движение вперед.

Ну ладно, такое мы уже читали. А что говорят цифры, из-за которых, по-видимому, и засекретили всю брошюру? Я перелистывал страницу за страницей и не верил своим глазам. Вторая часть брошюры словно попала сюда из другого измерения. В ней рассказывалось о какой-то другой экономике, для которой 1981–1985 годы стали не пятилетием «дальнейшего качественного преобразования производительных сил» и «повышения эффективности общественного производства», а началом глубокого, всеохватывающего, затяжного кризиса.

В разделе «Промышленность» облстатуправление привело данные о развитии 21 важнейшей отрасли. Оказалось, что в одиннадцатой пятилетке, вопреки партийному комментарию, лишь 8 из них сработали более или менее успешно. В остальных 13 отраслях произошел спад производства, в некоторых — весьма значительный. Добыча угля, например, сократилась на 29%, выпуск буровых станков — на 17%, кузнечно-прессовых машин — на 3%, пряжи хлопчатобумажной — на 6%, стекла оконного — на 1%, мяса, включая субпродукты первой категории, — на 18%, колбасных изделий — на 2%, макаронных изделий — на 4%, кондитерских изделий — на 11%, безалкогольных напитков — на 28%.

Напрашивался законный вопрос: как же при таком спаде производства в подавляющем большинстве отраслей наша славная промышленность ухитрилась

выполнить пятилетнюю программу реализации продукции, да еще и дать ее дополнительно на 40 миллионов рублей? Каким образом перевыполнен план по реализации в последнем году пятилетки (об этом тоже говорилось в текстовой части брошюры), если объем производства в 85-м оказался самым низким за все годы «отчетного периода»? Что это за планы такие доводились до нашей промышленности, если их можно было выполнять и перевыполнять, работая все хуже и хуже? И почему, наконец, в текстовой части брошюры утверждается, что освоение капитальных вложений в строительстве за пятилетку возросло, а автомобильный транспорт стал работать лучше, если, согласно статистике, строители сократили освоение средств на 10%, а автомобилисты уменьшили объем грузоперевозок на 4%?

Увы, получить ответы на эти вопросы было не у кого. Как и спросить: пошто так беспардонно врите, господа? Впрочем, почему не у кого? Те, под чьим руководством область добилась за «отчетный период» столь «блестящих» успехов, живы и продолжают здравствовать. Это первые секретари обкома КПСС С. С. Авраменко и Л. В. Шарин, председатели облисполкома В. А. Грек и И. Ф. Маврин. Кстати, двое из них — Авраменко и Маврин — считаются большими знатоками сельского хозяйства. Как же управлялись они с житницей Дальнего Востока?

Показатели агропромышленного комплекса области тоже выглядели не лучшим образом. За пятилетку государство вложило в амурское село немалые средства — основные производственные фонды выросли аж на четверть, увеличилось число тракторов, комбайнов, других машин. Однако все это как бы провалилось в бездонный колодец, не принеся никакой отдачи. Более того, объем валовой продукции сельского хозяйства даже сократился на 12%. С лица земли исчезли 64 тысячи гектаров пашни, то есть примерно 8–10 средних колхозов или совхозов. поголовье скота уменьшилось на 5 тысяч, коров — на две с лишним тысячи, упала их продуктивность. За исключением овощей, снизилась урожайность всех сельскохозяйственных культур, в том числе зерновых с 12,3 до 7,9 центнера с гектара, сои с 6,1 до 5 центнеров. В течение пятилетки область только один раз выполнила годовой план продажи государству зерна, ни разу — план продажи сои, один раз — план по картофелю, дважды — по мясу, ни разу — по молоку.

Вот, оказывается, когда началось падение — на старте 80-х, а то и раньше. Теперь, в 91-м, согласно последней сводке облстата, спад производства охватил уже не две трети, а все отрасли промышленности области. Объем валовой продукции в аграрном секторе житницы Дальнего Востока за один только 91-й год сократился на 10% — почти так же, как за всю одиннадцатую пятилетку. Розничная торговля продала населению мяса, животного масла, маргарина, яиц, картофеля, овощей, кондитерских изделий, рыбы, сахара, то есть основных продуктов питания, на 20-40% меньше, чем за предыдущий год. Как справедливо писали гэкачеписты в своем обращении к народу, «экономика погружалась в пучину».

Это было видно не только по сводкам ЦСУ, но и в реальной жизни — невооруженным глазом. В принципе, прежде чем приступить к управлению областью с развалившейся экономикой, мне следовало принять дела у своих предшественников по акту, в котором отразить всю объективную информацию об области, скрываемую от народа под грифом «секретно» или «для служебного пользования». И чтобы под этим символическим актом расписались все первые руководители, приложившие руку к развалу экономики: Степан Степанович Авраменко, Леонид Васильевич Шарин, Владимир Николаевич Шилов, Василий Алексеевич Грек, Иван Филиппович Маврин, Анатолий Николаевич Белоногов.

Это следовало сделать хотя бы для того, чтобы потом никто не мог бросить в нас камень, приписать нам те грехи, в которых повинны другие.

Но разве согласятся мои предшественники подписать такой акт?

Амурские камикадзе

Еще с университетских, а может, и школьных лет мне запомнилась крылатая фраза: «Кадры решают все!» Однако истинную ее глубину я познал только сейчас. Потому что без решения кадровой проблемы и думать было нечего ни о какой работе.

Вопрос с первым замом, кажется, был решен. Но кто займет остальные ключевые посты? Над этим я думал теперь день и ночь.

Перед глазами проплывали лица десятков людей. Одних я знал год-два, других — два-три десятилетия. Многие по деловым качествам могли занять любой высокий пост в администрации и были бы на своем месте. Но... лишь в обычных, нормальных условиях. Сейчас же условия были ненормальные. Нам предстояла борьба не только с разрухой в экономике, надвигающимся голодом, несправедливым распределением социальных благ, но и с яростным сопротивлением старой «гвардии», не желающей никаких перемен в обществе. Для такой борьбы нужны были люди с прочной сердцевиной наподобие центрального стержня в кумулятивном снаряде, способном прожигать любую броню. Но где их взять?

После разговора с Бикбулатовым я пригласил к себе генерального директора производственного объединения «Амурагромаш» Григория Никандрова. Того самого, который 19 августа, единственный из крупных хозяйственных руководителей области, поддержал местных демократов в их борьбе против ГКЧП.

Такой поступок несомненно свидетельствовал о том, что у этого человека есть внутренний стержень. Но кроме того, Григорий Алексеевич имел еще и два высших образования — инженерное и экономическое, то есть был специалистом широкого профиля. В свое время он даже учился в аспирантуре, что, правда, едва не испортило ему жизнь.

После путча Никандров побывал у меня в Москве, мы долго говорили «за жизнь», и он рассказал о своей злополучной учебе. Это была типичная история застойных лет.

Григорий считался тогда молодым специалистом, но уже работал главным инженером крупного межхозяйственного объединения в Ивановском районе. Голова у него была полна идей, что и привело его в заочную аспирантуру при Благовещенском сельскохозяйственном институте. Легко поступил, успешно сдавал сессию за сессией, тему диссертации выбрал по профилю своей работы.

Но однажды в институт приехал по каким-то делам первый секретарь Ивановского райкома КПСС. Проректор по научной работе возьми и похвали молодого аспиранта: мол, парень толковый, с большой перспективой. Но первый почему-то вдруг взбеленился: как, мол, он посмел поступить в аспирантуру без нашего ведома? Немедленно отчислить!

Над Григорием сгустились тучи. Желая ему помочь, проректор посоветовал упасть перед первым секретарем на колени, вымолить прощение и попросить письменную рекомендацию на продолжение учебы. В противном случае, сказал он, мы будем вынуждены с вами расстаться.

— Это по какому закону вы собираетесь меня отчислять? — вспыхнул Никандров. — Где написано, что у вас есть такое право?

— Но вы же член КПСС, — укоризненно покачал головой проректор. — Поэтому должны знать, что в партии действуют свои, неписанные законы. В общем, конфликтовать из-за вас с райкомом мы не станем.

Григорий помчался в Ивановку, но не за рекомендациями, а чтобы сказать первому, что видел его в гробу в белых тапочках. Сказать-то сказал, да вот только пришлось оставить и учебу, и работу.

Наверняка быть бы ему после этого долгие годы безработным, если бы к тому времени не начали строить БАМ. А там и люди были не те, и порядки другие.

Десять бамовских лет многому его научили. Он закончил заочно второй институт, поработал на производстве и в торговле, почувствовал себя крепко стоящим на ногах. Но

стройка закончилась, и надо было возвращаться. Куда? Опять в ноги к тому же первому секретарю?

К счастью, на дворе уже был 1988 год, на предприятиях начали выбирать директоров. Вот Григорий Алексеевич и направился напрямик в производственное объединение «Амурагромаш», где проходил конкурс на замещение должности генерального директора. И хотя претендентов было восемь, он одержал победу в первом туре, получив 86 процентов голосов трудового коллектива.

А уже на следующий день, когда встретился с прежним генеральным директором, услышал:

— Ты, парень, не представляешь, в какую петлю сунул голову. Поднять это объединение невозможно. Через год получишь первый инфаркт, еще через год — второй. Так что пока не принял дела — лучше откажись.

Действительно, из 576 производственных объединений и крупных заводов, входящих в систему Минсельхозмаша СССР, «Амурагромаш» занимал по показателям предпоследнее, 575-е место. Оба завода дышали на ладан. Но Григорий Алексеевич знал универсальное средство, как раз подходящее к данному случаю. Услышал он о нем еще в армии от старшины роты — юмориста и анекдотчика.

— Товарищи солдаты, — сказал как-то старшина, зайдя в курилку. — В связи с трудной обстановкой с завтрашнего дня будем работать по 25 часов в сутки. Всем ясно?

— Никак нет, — отозвался один солдат. — В сутках-то 24 часа.

— А мы будем вставать на час раньше, — с серьезным видом объяснил старшина.

Так теперь Григорий Алексеевич и поступил: стал вставать на час раньше и работать по 25 часов в сутки. А через год его объединение заняло второе место среди родственных объединений и предприятий страны, еще через год стало первым, завоевав переходящее Красное знамя своего министерства и ЦК отраслевого профсоюза.

— Н-да, дело заманчивое, — задумчиво проговорил Григорий Алексеевич, выслушав мое предложение стать замом главы областной администрации по торговле и внешнеэкономической деятельности. — Конечно, хотелось бы попробовать силы на таком высоком уровне. Но вот...

— Что «но вот»?

— Коллектив «Агромаша» жалко, — вздохнул он. — Ведь опять там могут завалить всю работу.

— А область не жалко?

— Область — еще больше. Но почему торговля и внешнеэкономическая деятельность? — спросил он. — Мне все-таки ближе промышленность и строительство.

— Потому что внешняя и внутренняя торговля сегодня — главный рычаг подъема экономики. Для нашей области сейчас нет ничего важнее. С них и будем начинать.

— Ну что ж, — после паузы кивнул Никандров. — Только... хотелось бы в первое время не выпускать бразды правления «Амурагромашем». Пока там не освоятся.

— Хорошо. Но здесь начинайте уже завтра.

Итак, все шло без осечек. И оба попадания, по-моему, были в десятку.

Вечером я позвонил домой заместителю генерального директора завода «Амурский металлист» Геннадию Витальевичу Сычевскому. Он жил недалеко от меня — в соседнем квартале.

— Ты, конечно, лежишь на диване и смотришь телевизор? — спросил, поздоровавшись.

— Наполовину угадал, — засмеялся он. — На диване действительно лежу, но читаю книгу.

— А у меня есть предложение поинтереснее. Одевайся, и давай прогуляемся по набережной.

Геннадия Витальевича я знал давно, да его, наверно, знало все население северных районов области. Много лет возглавляя строительный комплекс лесозаготовителей, он

построил не один современный поселок для северян и практически все производственные мощности, которые выпускали главную экспортную продукцию области — древесину. Сычевский обладал кипучей натурой и почти энциклопедическими знаниями в экономике. На все, что делалось в области, он имел свою точку зрения и не считал нужным ее скрывать. А поскольку она нередко расходилась с официальной, областное начальство не очень его жаловало. В последние годы он занимал должность, вообще не соответствующую масштабам его личности.

Мне запомнилась наша совместная поездка в Китай во второй половине восьмидесятых годов, когда после долгой вражды вновь начали налаживаться экономические связи двух стран. Сычевский ехал туда, чтобы заключить контракт на изготовление газовых баллонов для китайской фирмы, а мы с корреспондентом Дальневосточной студии кинохроники Игорем Зинатулиным — чтобы показать на этом примере, что русский с китайцем вновь братья навек.

Оказалось, что сделка эта никем не планировалась и не санкционировалась, а была частной инициативой завода. Китайцам требовалось большое количество таких баллонов, значит, завод получал рынок сбыта на много лет вперед.

— Но где вы возьмете столько металла, который, как известно, строго фондируется? — спросил я у Сычевского.

— Если бы ждали, что дадут по фондам, то давно протянули бы ноги, — с издевкой сказал он. — Система, когда все планируется и фондируется, себя изжила, поэтому предприятия все больше берут в руки экономическую власть. Сейчас многое можно купить без фондов, но по более высокой договорной цене. А через несколько лет это вообще станет нормой.

Сычевский рассказал нам с Игорем о положении дел в народном хозяйстве страны много такого, чего мы не знали. И о том, как должно быть. Он ни разу не произнес слова «рыночная экономика», но когда через год или два я слушал лекции во Всесоюзном институте повышения квалификации журналистских кадров, то постоянно отмечал про себя: а ведь об этом говорил Сычевский!

И еще одно открытие сделали мы с Игорем Зинатулиным в той поездке. Тихим летним вечером, когда, возвращаясь, ожидали катер на китайском берегу, Геннадий Витальевич вдруг начал... читать стихи. Они были о природе и соответствовали нашему настроению, но наряду с яркими красками в них присутствовали и философские рассуждения. Когда он закончил, я сказал, что написал стихи, несомненно, большой поэт, но, к сожалению, он мне не знаком. Никогда нигде не встречал этих замечательных стихов и Игорь.

Каково же было наше удивление, когда оказалось, что автор сидит на камушке перед нами. Потом он читал еще и еще — уже на катере, а мы просили продолжать.

Игорь спросил, почему же Сычевский, создавая такие прекрасные вещи, нигде не публикуется? Геннадий Витальевич улыбнулся:

— Сейчас пока рано. Потом будет видно.

Конечно же, теперь я вспомнил об этом талантливом человеке. Он идеально подходил для проведения реформы в промышленности, строительстве, на транспорте, в связи.

— Эх-ма, — с сожалением проговорил Сычевский, когда мы гуляли по набережной. — Случилось бы это годков на десять раньше. Тогда самое время было начать реформу. И я — на десять лет моложе. Ну да ладно, годы не в счет...

Итак — третье попадание в десятку из трех!

К следующему своему будущему заму — по сельскому хозяйству, председателю одного из лучших колхозов Ивановского района Геннадию Кондратюку, я поехал в областную больницу. Он лежал в кардиологическом отделении с сердцем. Мужичку было едва за сорок, а вот поди ж ты.

Как и Сычевский, Кондратюк начал внедрять у себя рыночные отношения еще несколько лет назад, а теперь все возглавляемое им хозяйство, вопреки официальной сельскохозяйственной политике, проводившейся в области, полностью работало в рыночном режиме.

Несмотря на молодость, Геннадий уже имел за плечами огромный опыт руководителя. После института он быстро прошел по ступеням служебной лестницы и дошел до поста начальника районного сельхозуправления. То есть стал первым лицом агропромышленного комплекса в одном из крупнейших сельскохозяйственных районов области. Однако его потянуло назад в колхоз, и Геннадий возглавил хозяйство в селе Дмитриевка.

С трибуны партийных съездов и пленумов уже начали звучать голоса о необходимости материально стимулировать крестьян, чтобы заинтересовать их производить больше продукции. Но на деле все оставалось по-старому. Те, кто отлынивал от работы, продолжали отлынивать, а с тех, кто вкалывал, драли три шкуры. Колхоз, возглавляемый Кондратюком, вкалывал. Но у него забирали всю плановую прибыль и пытались отнять сверхплановую, чтобы покрыть убытки других хозяйств.

— Вы что, товарищи дорогие, — пытался противостоять этому Кондратюк. — Как же мы будем жить? Колхоз ведь развалится. Нет, из сверхплановой прибыли не дадим ни копейки.

Ну что ж, сказали ему, не давай. Только пожалеешь ведь потом. И установили для его хозяйства цены на горючее и запчасти на 25 процентов выше, чем для остальных. Горячая натура Кондратюка взбунтовалась было, но, поскрипев зубами, он смирился. Все же на ценах колхоз терял меньше, чем от полного изъятия прибыли.

Тогда ему перестали поставлять технику. Соседи, угробив свои трактора и комбайны, получали новые, а Кондратюка в списках получателей не было. Но и эту беду колхоз пережил: установил прямые связи с заводами-поставщиками. И оказалось, что в свободном плавании, а говоря языком экономики, в условиях рынка жить можно ничуть не хуже.

Когда в стране заговорили о фермерстве, то первые фермерские хозяйства появились именно в Дмитриевке. Колхоз выделил им землю, технику, помог создать новые собственные хутора. И они буквально в один год встали на ноги. Помню, приезжал в область член Политбюро, председатель Президиума Верховного Совета РСФСР Виталий Воротников. Чтобы продемонстрировать, что и мы не стоим в стороне от новых веяний, его повезли в Дмитриевку — ту самую, которую, как говорится, постоянно гнобили. Воротникову показали хутор фермера Сороколета, и член Политбюро пришел в восторг — там действительно было что посмотреть. Но уехал высокий гость, и Дмитриевка снова стала изгоем. Все это надо было выдержать, и Кондратюк держался стойко. Только вот сердце стало покалывать.

— Скажи прямо, ты собрался помирать или еще поживешь? — спросил я у Геннадия, когда мы спустились из кардиологического отделения во двор.

— Помирать? — он раскатисто захохотал. — Ну, уж этого не дождуться. Выписываюсь.

— Тогда ответь на другой вопрос: то, что ты начал в своем колхозе, приемлемо для всей области?

Мы говорили долго — о том, до чего докатилось наше родное сельское хозяйство, как надо его вытаскивать, о фермерском движении, о предстоящей земельной реформе. Кондратюк готов был взяться за этот огромный скрипучий воз, увязший в трясине по самые оси, и, перечисляя тех, кто мог бы стать ему опорой, назвал председателя областного земельного комитета Анатолия Бонецкого.

— Бонецкий возглавляет земельный комитет? — искренне удивился я. — А разве он реабилитирован?

— Да, к всеобщему удивлению, — подтвердил Кондратюк. — Только руки у него до сих пор были связаны. А если дать ему простор...

Анатолия Павловича я тоже хорошо знал. Сын известного в области директора совхоза, он и сам рано стал руководителем хозяйства. Крестьяне небольшого, в одну деревеньку, колхоза «Зарево» того же Ивановского района избрали его, молодого парня, своим председателем, так как давно перебивались с кваса на воду и никакого просвета в своей безрадостной жизни не видели. Но выбор оказался удачным. Молодой председатель взялся за дело с той же энергией, горячностью и хитринкой, что и его отец. Через несколько лет слава о колхозе «Зарево» уже гремела по всей области, в нем появился свой Герой Социалистического Труда. Сюда чаще стало наезжать начальство из района и области, а иной раз привозили даже гостей из Москвы.

Кроме прочих поборов, которыми облагались передовые хозяйства, Бонецкий, став фаворитом у обкома КПСС, вынужден был раскошелиться еще и на многочисленные обеды для приезжих. Само собой разумелось, что банкеты в честь гостей оплачивались из колхозной кассы. Анатолий Павлович хоть и кривился, но против общего порядка, заведенного в области, не выступал. Пусть едят и пьют, лишь бы работать не мешали.

Однако жизнь и его заставила пойти против течения. Как-то Анатолию Павловичу довелось попасть к министру сельского хозяйства СССР, и он выпросил для своего колхоза автоматизированный животноводческий комплекс, каких в стране тогда насчитывались единицы. Бонецкому выделили и деньги, и документацию, и оборудование, но установили жесткий срок пуска комплекса в эксплуатацию.

На беду, подрядная организация работала из рук вон плохо. Ее руководители больше занимались очковтирательством, чем делом. Бонецкий сначала ругался с ними, потом стал жаловаться в обком партии. Но в обкоме и пальцем не пошевелили, чтобы воздействовать на разгильдяев-строителей. А когда пришел срок сдачи объекта, то часть работ оказалась вообще невыполненной, а остальное сделано очень плохо. Вот тут и в обкоме проснулись — о пуске комплекса надо было докладывать в Москву. Государственной комиссии дали команду: принять объект с любыми недоделками. Но Бонецкий встал на дыбы: пока не будет смонтирована автоматика, подписывать акт не буду. И то — без автоматики комплекс превращался в обычный коровник.

Секретарь обкома по строительству лично приехал в «Зарево» и выдал строптивому председателю по первое число. Анатолий Павлович узнал от него, что своим отказом подписать акт он ни много ни мало разваливает весь сельский строительный комплекс области и льет воду неизвестно на чью мельницу. Но председатель колхоза стоял на своем. «Ладно, обойдемся без твоей подписи», — бросил секретарь обкома, садясь в машину.

Вскоре в колхоз приехала государственная комиссия принимать объект. Однако Бонецкий так умело с ней «поработал», что многие члены комиссии, несмотря на команду свыше, тоже отказались подписывать акт. Это был настоящий бунт на корабле — такого прежде никогда не случалось. Объекты всегда принимались с недоделками, которые потом в течение многих лет вынужден был устранять сам заказчик. И никто пикнуть не смел против такого порядка. А тут...

Комиссию основательно почистили, тех, кто отказался подписывать акт, из нее убрали. Оставалось неясным, что делать с председателем колхоза, — все-таки без его подписи принимать комплекс было нельзя. Пока в обкоме ломали голову, в события вмешались сами колхозники — направили жалобу в ЦК КПСС. А в ней дали убийственную характеристику моральному облику всего областного руководства. К жалобам прилагался список лиц, которые в последние годы приезжали пображничать за колхозный счет, а также бухгалтерская ведомость, в которой было зафиксировано, кто на какую сумму наел и напил.

Я в это время заканчивал книгу о сельском хозяйстве области, и в ней был очерк о возрождении колхоза «Зарево».

— Все, выбрасывай свои бумаги в печку, — сказал Бонецкий, когда я в очередной раз приехал к нему, чтобы кое-что уточнить. — Теперь наш колхоз стал в области вроде как персоной нон грата. Обком не разрешит о нас писать.

И рассказал о том, что произошло. Это действительно было серьезно, ведь ни одна книга об области не могла быть издана без санкции обкома. Стремглав помчался в город к уже известному читателям Василию Федину. Уламывал его минут сорок, но безуспешно.

— Нет, — твердо стоял он на своем. — Вычеркни этот колхоз из всех своих записных книжек. О ком угодно пиши, но только не о них.

Так книга и вышла без очерка о колхозе «Зарево». Правда, по сравнению с тем, как наказали Кондратюка и всю его Дмитриевку, это был пустяк. Следовало ожидать и более крутых санкций. Но... не стало первого секретаря обкома, не стало второго, не стало и секретаря обкома по строительству... Словом, Бонецкий легко отделался и даже пошел на повышение. Ну что ж, Анатолий Павлович как нельзя лучше подходил для руководства земельной реформой в области. Назначив его на должность председателя земельного комитета, прежнее руководство сделало для меня, можно сказать, подарок.

И еще в одном человеке я был уверен — в преподавателе Благовещенского педагогического института Александре Богатыреве. При Андропове Александр Дмитриевич защитил диссертацию кандидата экономических наук по проблемам рыночной экономики, поэтому был не только сторонник, но и специалист по рынку. Три года назад он выдвигался кандидатом в народные депутаты СССР, изложил прекрасную программу реформирования экономики, но, как и Кайда, был отсеян окружным предвыборным собранием. После этого я его не выпускал из вида. Богатырев был в числе тех, кто поставил свои подписи под учредительными документами «Демократического блока в защиту перестройки». Правда, Александр Дмитриевич не имел опыта хозяйственной работы, но я предложил ему должность, требующую главным образом теоретических знаний — председателя антимонопольного управления. Он согласился.

Потом начались осечки. Многие из тех, на кого можно было бы рассчитывать, отказались идти в администрацию, не называя причин. Одни обещали подумать, посоветоваться с близкими, но так больше и не появлялись, другие сразу чуть не махали руками: «Нет, нет и нет». Что за напасть? Наконец один из таких приглашенных объяснил причину:

— Не обижайтесь, Альберт Аркадьевич, но вы встали у руля области в роковой для вас час. Вам не удастся остановить кризис — это однозначно. Его вообще никто не сможет остановить. Самое позднее — через три месяца начнется голод. Не по вашей вине, но отвечать придется вам. Народ сметет вас и предаст анафеме. Поэтому идти сейчас в администрацию — это все равно, что подписывать себе смертный приговор. Те, кто согласился с вами работать, — добровольные смертники, амурские камикадзе. Александры Матросовы, закрывшие своим телом амбразуру дота, чтобы спасти других. Только никого этим не спасешь. Так думаю не один я, а, убежден, все здравомыслящие люди.

Сослуживцы подтвердили, что смертниками и камикадзе их называют открыто, прямо в глаза — кто с сочувствием, а кто и со злорадством. Трехмесячный срок пребывания администрации у власти многие считают максимальным.

Разговор о кадрах зашел и на заседании координационного совета демдвижения. Мне в соответствии с указом президента пришлось покинуть координационный совет, но движение по-прежнему оставалось активной силой. Признаться, надеялся, что столь мощная общественная организация, давшая области губернатора, поможет сформировать и его команду. Но друзья-демократы предложили для работы в администрации всего... пять человек, в то время как требовалось порядка ста.

Хуже всего то, что структурные подразделения ДемРоссии на местах не могли выдвинуть из своей среды первых лиц городских и районных администраций, которых

тоже назначал я. Кандидатов на эти должности подбирали местные Советы, а мне порой даже спросить было не у кого, что за человека предлагают депутаты.

И все же, несмотря ни на что, новая исполнительная власть начала вставать на ноги. Дольше других оставалась вакантной должность председателя комитета по торговле и защите прав потребителя, созданного вместо бывшего областного управления торговли. Желавших возглавить этот комитет было немало, но нам требовался опытный торгаш, не отягощенный «блатными» традициями, не повязанный прежними служебными и кумовскими путями. А такового на горизонте не просматривалось.

Наконец Никандров сообщил, что нужного человека нашел. И опыта ему не занимать, и порочащих связей с областной элитой не имеет, так как работает начальником управления рабочего снабжения на БАМе. Вот только характер строптивый — любого высокого начальника может отбрить.

— Немедленно зови его ко мне, — потребовал я.

— Хорошо. Только это не он, а она. Женщина.

На беду, обладательница строптивного характера оказалась в отпуске — отдыхала на Черном море. Пока Никандров ее разыскивал, пока она добиралась оттуда, прошло больше недели. И надо же так случиться: она прилетала в Благовещенск, а я тем же самолетом должен был лететь в Москву. Стало быть, назначение откладывалось еще минимум не неделю.

А что если побеседовать и принять решение прямо в аэропорту? На всякий случай заранее заготовили проект постановления о ее назначении. Когда объявили посадку самолета, Никандров отправился встречать пассажиров. Сажу в машине и жду. Думаю: сейчас подойдет крупная женщина с мужественным, волевым лицом, большими сильными руками, в которые смело можно будет отдать бразды правления важной отраслью областной экономики. Но Григорий Алексеевич подвел маленькую, незаметную, на первый взгляд, девчонку в короткой бамовской шубейке. Подумалось, что ту — грозную и строптивную — он не встретил, ведет кого-то другого.

Но это была она — начальник БАМовского УРСа Светлана Федосеевна Чернявская. В машине она скинула головной убор, распахнула шубейку, и оказалось, что это вовсе не какая-то девчонка, а зрелая симпатичная женщина. Буквально несколько минут было достаточно, чтобы понять: у человека есть хорошо закрученная внутренняя пружина.

Прямо в машине я подписал постановление о ее назначении. Не дав вновь испеченному председателю опомниться, Никандров повез ее знакомить с сотрудниками комитета. Потом Светлана Федосеевна рассказывала, что была ошарашена таким приемом на работу: заспанную, непричесанную, неумытую, а главное — ненакрашенную, ее все же смогли рассмотреть и оценить.

С мандатом съезда

Двадцать восьмого октября в Москве открылся очередной съезд народных депутатов РСФСР. Вернее, не открылся, а продолжил работу тот самый V съезд, который еще до путча пытался избрать вместо ставшего президентом Ельцина нового председателя Верховного Совета. Тогда это не удалось. Дебаты длились семь дней, голосовали несколько раз, но нужного числа голосов не набрал ни один кандидат. В конце концов решили прервать работу съезда, разъехаться по домам и вновь собраться после парламентских каникул — в сентябре или октябре.

Перерыв в работе съезда вполне устраивал коммунистов. Обкомам и горкомам на местах достаточно было двух месяцев, чтобы основательно обработать тех депутатов, которые колебались. Но случилось непредвиденное: во время парламентских каникул произошел путч, КПСС перестала существовать, неизмеримо возрос авторитет Руслана

Хасбулатова, решительно выступившего в защиту демократии. Теперь в его победе на выборах можно было не сомневаться.

Прилетев в столицу, я первым делом поехал на Краснопресненскую набережную, в свой родной комитет. В кабинете Виктора Югина теперь обосновался Вячеслав Брагин. Когда президент назначил меня главой администрации Амурской области, он вернулся из Твери в Москву и был избран председателем комитета.

Хотя после путча времени-то прошло всего ничего, Слава уже успел написать и даже издать книгу о тех трагических днях. Ее обложку украшала фотография, запечатлевшая Ельцина на танке, за спиной которого маячила фигура самого Брагина.

— Ну ты даешь! — с удивлением и восхищением проговорил я. — Когда же успел?

— Когда... — он был явно доволен собой. — Выстрелил как снайпер. На одном дыхании. Историю, старик, надо не только делать, но и писать ее по горячим следам. Кто это сможет лучше нас самих?

— А у меня так не получается. Сейчас вообще времени нет.

К моему удивлению, в комитете теперь не было единого мнения, кого выбрать председателем Верховного Совета. До путча все мы поддерживали Хасбулатова, но сейчас Вячеслав Брагин, Игорь Еремин и еще кое-кто высказали серьезное сомнение.

— Аргументы! — требовали те, кто по-прежнему был на стороне Руслана Имрановича.

— Какие еще аргументы? — горячился Брагин. — Интуиция подсказывает: нельзя давать ему большую власть. Вспомните Сталина.

Я встал на сторону тех, кто поддерживал Хасбулатова. Считал, что раздрай в нашем стане по поводу его кандидатуры, основанный лишь на интуиции, может сослужить добрую службу коммунистам: не досчитаемся двух-трех десятков голосов, и председателем Верховного Совета будет избран их ставленник.

Съезд открылся на удивление спокойно — без выкриков и злобных нападок депутатов друг на друга. Дух единства, сплотивший нас в дни путча, еще не успел выветриться. Лишившись поддержки Старой площади, лидеры левых фракций не были так агрессивны.

Провал путчистов и последовавший за ним указ Ельцина о приостановлении деятельности компартии изменили ситуацию в стране. Теперь люди смотрели на российских депутатов и российского президента с еще большей надеждой, чем прежде. От съезда ожидали решительных действий, которые коренным образом изменили бы жизнь к лучшему. И это, похоже, понимало подавляющее большинство собравшихся в зале.

Борис Николаевич изложил программу вывода России из кризиса. Это была та самая программа перехода к рынку, о которой на прежних съездах народных депутатов и сессиях Верховного Совета так много говорили, но к осуществлению которой не смогли приступить из-за противодействия союзного центра. Теперь начинать реформу предстояло в значительно худших условиях.

Приступить к этой поистине титанической работе можно было лишь при наличии единой и монолитной исполнительной власти, способной железной рукой проводить намеченный курс. Ельцин попросил съезд дать ему возможность сформировать такую власть. Он предложил также признать полномочия тех губернаторов, которые были назначены после путча с нарушением установленной процедуры.

Последняя инициатива напрямую касалась меня. Дело в том, что президент имел право назначить глав администраций лишь при согласии на это соответствующих областных или краевых Советов. Но после путча, почистив органы исполнительной власти в регионах, выступившие на стороне ГКЧП, он вынужден был отказаться от процедуры согласования, потому что иначе не смог бы назначить туда своих сторонников. Не давали согласия депутаты и на мое назначение.

Честно говоря, я чувствовал от этого некоторую ущербность. Ведь областной Совет мог в любую минуту поставить под сомнение мою легитимность, и возразить ему было бы нечего. Борис Николаевич это учел и попросил съезд решить проблему.

Зал откликнулся на выступление президента гулом одобрения. Против выступил лишь генсек распушенной российской компартии Иван Полозков. Он заявил, ничтоже сумняшеся, что рыночная экономика неприемлема для России в принципе, так как у нашей страны, дескать, свой, особый, путь развития, отличный от всего остального мира. Сказал и даже не покраснел. Будто никогда не читал своего гениального вождя Ульянова-Ленина, который еще на рубеже веков камня на камне не оставил от тех теоретиков, которые утверждали то же самое.

Не согласился бывший генсек и с созданием единой исполнительной власти в России во главе с президентом. Такая власть, по его мнению, уже была при Сталине и себя дискредитировала. Полозкову больше нравилась власть аморфная, митинговая, ничего не делающая и ни за что не отвечающая.

Его выступление выглядело настолько нелепо, что в зале раздались смешки. Подавляющим большинством голосов съезд принял президентскую программу перехода к рынку, дал Ельцину право формировать исполнительную власть снизу доверху и подтвердил полномочия всех назначенных им губернаторов. Таким образом, я получил второй мандат на губернаторство — от съезда народных депутатов России. Оспорить мою легитимность не мог теперь никто ни при каких обстоятельствах.

Стоит ли говорить, какой всплеск эмоций вызвали в стране эти решения. Никогда еще высший орган государственной власти республики не работал так плодотворно и конструктивно, с таким пониманием своей исторической ответственности за судьбу страны, как в этот раз. Пять дней работы съезда хоть и не потрясли мир, но фактически подвели официальную черту под мрачным прошлым и настезь распахивали дверь в будущее. Президентская программа вывода страны из кризиса теперь обрела силу закона, переступить который ни у кого не было права. Это означало, что кончилась пора противостояния и разговоров, началось время большой созидательной работы.

Московский рейс прибыл в Благовещенск около часу дня. После долгого ночного перелета пассажиры не чувствовали себя свежими и отдохнувшими. Тем не менее, не заезжая домой, я отправился в администрацию. Привел себя в надлежащий вид в задней комнате, примыкающей к кабинету, и быстренько — за рабочий стол.

Через пять минут здесь уже были все мои замы — Валерий Бикбулатов, Геннадий Сычевский, Григорий Никандров, Геннадий Кондратюк, Альберт Лобанов, Александр Сураг. Настроение у всех приподнятое, почти праздничное. Сотрудники администрации не пропускали ни одного телерепортажа со съезда и были буквально в восторге от его работы.

То, что в Москве не было особой конфронтации между коммунистами и демократами, все восприняли как хороший знак. Это вселяло некоторую надежду на потепление политического климата и у нас. Ведь решения съезда о переходе к рынку и по другим вопросам были обязательны не только для областной администрации, но и для областного совета. Поэтому, хотели того наши депутаты или нет, они теперь были обязаны идти с нами в одной упряжке, отбросив личные амбиции и антипатии.

Коллеги тоже приготовили для меня хорошую новость. Оказалось, что Амурский центр изучения общественного мнения, созданный учеными научно-исследовательского института «АмурКНИИ», уже успел по горячим следам провести социологический опрос в связи с предстоящим переходом к рынку. Мне на стол положили две страницы плотного компьютерного текста, зафиксировавшего бесстрастным языком цифр отношение жителей областного центра к мерам высшего российского руководства по выводу страны из кризиса. Я принялся изучать выкладки социологов.

Открывал анкету самый болезненный и, пожалуй, ключевой вопрос экономической реформы, который ученые сформулировали так: «Каково ваше отношение к переходу на

свободные цены при обеспечении социальной защиты нуждающихся групп населения и отмене ограничения на рост индивидуальных заработков?»

Ответы буквально поразили. 23 процента опрошенных заявили, что полностью поддерживают свободные цены, еще 26 процентов поддерживали с некоторыми сомнениями, 24 процента — не поддерживали, и столько же пока не определились. Получалось, что даже у самой крутой рыночной меры, которая в странах Восточной Европы вызывала шок у населения, у нас сторонников вдвое больше, чем противников. И это несмотря на полное отсутствие какой-либо агитации со стороны президента, правительства, региональной исполнительной власти.

Еще удивительнее оказались ответы на следующий вопрос: «Каково ваше отношение к приватизации мелких и средних предприятий, в первую очередь сферы обслуживания и торговли?» Сорок процентов респондентов полностью одобрили этот шаг, еще двадцать одобрили с некоторыми сомнениями. И только 17 процентов высказались против. Стало быть, сторонников приватизации у нас в 3,3 раза больше, чем противников. А ведь коммунистическая печать постоянно распинаясь, что русский человек не хочет быть и никогда не будет собственником.

Так же активно поддержали амурчане и передачу в частную собственность жилья. А вот определить свое личное место в будущей рыночной экономике для многих оказалось непросто. Лишь 18 процентов опрошенных имели деньги, которые готовы были немедленно вложить в собственное дело, купить акции предприятия, на котором работали, либо сделать это позднее, когда станет ясно, что реформа пошла. 36 процентов заявили, что у них вообще нет никаких сбережений. А 23 процента ответили однозначно, что предпринимательская деятельность — не для них. Тут было над чем подумать местной исполнительной власти.

На серьезные размышления наводил и следующий пункт анкеты. Социологи попросили граждан оценить деятельность некоторых своих избранников, в том числе и народных депутатов РСФСР А. Белоногова и А. Кривченко. Ни для кого не было секретом, что мы с Анатолием Николаевичем находились на диаметрально противоположных позициях по отношению к реформам: он и слышать не хотел ни о каком рынке, я же голосовал за все рыночные законы, принимаемые Верховным Советом.

Как же оценили наши позиции избиратели? Полностью или с оговорками деятельность Белоногова одобрили 25 процентов респондентов. Мою деятельность, также полностью или с оговорками, поддержало 46 процентов опрошенных. Неудовлетворенными позицией Белоногова оказалось 47 процентов ответивших на анкету, моей позицией — 18 процентов. Это, пожалуй, были самые емкие цифры, говорящие об отношении наших земляков к экономической реформе в целом.

Конечно, социологический опрос — не референдум, он не имеет юридической силы. Но любая уважающая себя власть обязана прислушиваться к мнению своих граждан. Многочисленные оракулы нам предрекали: через три месяца народ вас сметет. Но исследования социологов как бы говорили: начинайте реформы, народ вас поддержит. Вот еще прислушаться бы к мнению населения и областному Совету!

«Я был, есть и буду противником Кривченко...»

Первая после образования администрации сессия областного Совета народных депутатов была назначена на 21–22 ноября. Ей предстояло решить ряд организационных вопросов, связанных с ликвидацией облисполкома и его структурных подразделений.

Кроме этого, депутатам предлагалось рассмотреть две экономические проблемы — о разграничении собственности и о приватизации жилья. Президиум областного Совета вынес их на обсуждение отнюдь не потому, что горел желанием сделать первые реальные шаги к рынку, нет — этого требовало федеральное законодательство. Прежде чем

начинать «большую» приватизацию, следовало разделить всю имеющуюся в стране собственность на категории: что-то оставить городам и районам, что-то отнести на областной уровень, что-то передать центру. Имелось в виду, что потом каждый орган власти будет заниматься лишь той частью имущества (недвижимости), которая принадлежит ему.

Особых проблем с делением собственности на категории не ожидалось. Разве что мог возникнуть частный спор по поводу какого-нибудь конкретного заводика, фабрики или здравницы. А вот с приватизацией жилья было сложнее.

Дело в том, что, когда принимался закон, в Верховном Совете не смогли договориться, каким образом передавать людям их квартиры — бесплатно или за плату? Депутаты-демократы считали: приватизация должна быть бесплатной, что сделает ее успешной и неотвратимой. Однако депутаты-коммунисты требовали, чтобы квартиры продавались в основном за полную стоимость и лишь в отдельных случаях — за частичную. Свою позицию они объяснили благим желанием пополнить казну, но было ясно, что левые фракции попросту хотят сорвать приватизацию: ведь большинство граждан, живущих от получки до получки, никогда не смогут выкупить свои квартиры и стать собственниками.

Не придя к общему мнению, Верховный Совет передал решение этого вопроса на откуп областным и краевым Советам. А это таило в себе серьезную опасность. В регионах не вправе были отменить приватизацию жилья, но могли сделать так, что люди сами отказались бы брать квартиры в собственность.

К моему удивлению, президиум областного Совета поручил сделать доклад по этому вопросу председателю комитета экономики нашей администрации Александру Сурату. Это, с одной стороны, было хорошо, так как, выступив с разъяснением нашей четкой позиции, мы могли задать тон на сессии. Но с другой стороны, почему, не посоветовавшись с главой, докладчиком назначили именно Сурата, а не председателя комитета по управлению имуществом Альберта Лобанова, которому и предстояло непосредственно заниматься приватизацией?

Созвав коллегия, я попросил каждого высказаться, какую точку зрения, по его мнению, следует отстаивать: поддерживать продажу или бесплатную передачу квартир гражданам? Все члены коллегии заявили однозначно, что приватизация жилья должна быть бесплатной. Эту позицию мы и поручили отстаивать перед депутатами Александру Сурату от имени администрации.

Сессия, как обычно, проходила в большом актовом зале на первом этаже Дома Советов. Интерьер здесь был скромный, но приличный, а точнее — стандартный для таких деловых залов. Мягкие откидывающиеся кресла, микрофоны в проходах, полированная мебель для президиума, кумачовое убранство сцены и, конечно, огромный портрет Ильича на заднем плане.

Время этажами выше, в бывшем зале заседаний бюро обкома КПСС, где теперь проходили мероприятия областной администрации, интерьер давно уже был изменен. Там больше не было никаких Ильичей, серпов и молотов, заседания проходили на фоне огромного трехцветного полотнища российского флага, под гербом России в виде двуглавого орла. Здесь же все оставалось неизменным, как десять, двадцать, сорок лет назад.

Анатолий Николаевич открыл сессию уверенно, даже играючи. И то — для него это уже была девятая сессия.

Каждое его слово, каждый жест, что называется, ложились в строку. Казалось, что все заседание от начала до конца, как в старые добрые времена, так и пройдет в полном согласии президиума и зала.

Но нет, вскоре произошла первая заминка. Депутат Б. Черей из Белогорска предложил включить в повестку дня вопрос об указе президента о назначении главы администрации области. Что значит «об указе», он не расшифровал, но и без того было

ясно: имеется в виду незаконность моего назначения. Анатолий Николаевич выдержал паузу, спросил, нет ли возражений, и уже хотел было сделать соответствующую пометку в своих записях, как вдруг раздались голоса протеста.

— Давайте не будем нагнетать страсти и превращать сессию в митинг, — заявил от микрофона благовещенский депутат В. Хахин. — Президенту дано право назначать глав, что же тут обсуждать?

— Я тоже этого не понимаю, — поддержал его депутат из Шимановска Н. Чебанюк. — К чему раздувать конфронтацию? Надо работать.

— Тем более что пятый съезд народных депутатов уже решил этот вопрос однозначно, — вбил последний гвоздь в полемику депутат Е. Волков из Зеи.

Крепко закрученный сценарий вдруг дал трещину: предложение Череев отвергли. И сразу же последовал новый всплеск эмоций. Депутат из Шимановского района В. Баюсов потребовал включить в повестку дня вопрос о реализации автомобилей селянам — сдатчикам сельхозпродукции. По его сведениям, таких машин за последний год в область поступило свыше семисот, а крестьяне получили лишь 280. Куда исчезли остальные? — спрашивал депутат.

Анатолий Николаевич снова выдержал паузу. Разговор о машинах не сулил ему ничего хорошего, все они, как говорится, ушли налево, когда председателем облисполкома был он. Ни один автомобиль не мог куда-нибудь исчезнуть без ведома главы исполнительной власти области.

— Все машины по чекам-90 проданы законным владельцам, — наконец проговорил Белоногов довольно жестко. — Это можно проверить в рабочем порядке.

— Речь не о чеках-90, — выкрикнул кто-то из зала. — А об автомобилях за сданную сельхозпродукцию. Мы хотим знать, кто обманул крестьян.

Между спикером и залом пролегла легкая тень недоверия. Многие начали открыто обмениваться мнениями. Анатолий Николаевич постучал пальцем по микрофону.

— Товарищи, товарищи, — продолжил он уже менее уверенно. — Областного управления торговли больше не существует, дать информацию по этому вопросу некому. Если хотите, давайте сделаем запрос министру.

Это уже был явный перебор. При всем желании уйти от обсуждения каверзного вопроса разговаривать с депутатами как с детьми все же не следовало. Хорошо настроенный оркестр начал разваливаться на глазах.

— При чем тут министр? — басил кто-то в глубине зала. — Крестьян ограбили не в Москве, а здесь. Вот и давайте выясним — кто?

Трудно сказать, сколько продолжалась бы еще полемика, если бы не вмешался Никандров. Григорий Алексеевич от микрофона выразил готовность предоставить депутатам всю имеющуюся у него информацию об этих автомобилях, и вопрос тут же был включен в повестку дня.

Наконец дошли до разграничения собственности. Как и ожидалось, доклад председателя областного фонда имущества Алексея Бондаря по этому вопросу не вызвал никаких дискуссий. Заводы и фабрики, комбинаты и леспромхозы, угольные разрезы и прииски, энергетические объекты, вся остальная недвижимость, расположенная на территории области, уже были поделены так, как хотели депутаты. Это входило в их исключительную компетенцию, с администрацией они даже не сочли нужным хотя бы посоветоваться. В результате самые крупные и жизненно важные для области объекты были отнесены к федеральной собственности.

Баталии начались, когда перешли к приватизации жилья. Оказалось, что областной Совет и его планово-экономическое управление, теперь уже не существующее, разработали такую хитрую схему передачи квартир гражданам, что разобраться в ней было сложно даже, наверное, самим разработчикам.

К нашему удивлению, именно эту схему и начал излагать Сурат. Вопреки наказу коллегии отстаивать бесплатную приватизацию жилья, он заявил, что хотя в Москве и

некоторых других городах квартиры уже передаются гражданам бесплатно, нам это ни в коей мере не подходит. Амурчане непременно должны выплатить государству стоимость своих квартир и только после этого стать собственниками. Причем платить нужно по сложной шкале, для расчета которой следует провести инвентаризацию всего жилого фонда и для каждого населенного пункта определить некий средний образец жилья, с которым и сравнивать остальные квартиры. Этот образец, по мнению Сурата, должен был учитывать:

потребительские свойства района (развитость социальной инфраструктуры, удаленность от центра, транспортная доступность);

потребительские свойства дома (материал стен, уровень благоустройства дома и территории, наличие лифта и мусоропровода);

потребительские свойства самой квартиры (этаж, ориентация, раздельность санузлов, площадь кухонь, высота потолков).

При отклонении от эталона в ту или иную сторону каждой конкретной квартиры следовало применять понижающий или повышающий коэффициент. В результате плата за жилье должна либо понижаться, либо возрастать.

Любителям юмора эта схема доставила немало веселых минут. «Если стены одного дома кирпичные, другого — панельные, а третьего — деревянные, то в среднем они какие будут?» — спрашивал один юморист другого. «А как определить среднее расстояние воображаемого эталонного дома от воображаемого центра населенного пункта?» — в свою очередь спрашивал тот.

Но шутки шутками, а дело принимало серьезный оборот. Ясно, что вся эта абсурдная система оценки стоимости жилья была рассчитана на то, чтобы до бесконечности затянуть приватизацию и отбить у людей желание стать собственниками своих квартир. Надо было немедленно вмешаться, поэтому я попросил слово сразу же за Суратом. Сказал, что изложенная в докладе позиция отражает точку зрения не областной администрации, а всего лишь упраздненного ГлавПЭУ, что исполнительная власть области — за бесплатную приватизацию жилья, которую ждет население. Меня тут же поддержал председатель областного совета профсоюзов Евгений Шумаков. Он заявил, что в профсоюзы поступают многочисленные предложения трудящихся передать гражданам их квартиры без всяких выкупов. Абсурдной назвал предложенную Суратом схему приватизации и мэр Благовещенска Юрий Ляшко. Вслед за ним к микрофону подошел Геннадий Сычевский.

— С кого предлагается брать плату? — обратился он к залу. — Люди, которым за сорок, уже рассчитались с государством за полную стоимость своего жилья. Те, кому за пятьдесят, с лихвой оплатили и помощь Кубе, Вьетнаму, агрессию в Афганистане. За что же брать с них еще? Если у старушки окажется несколько лишних квадратных метров — это что, трагедия для общества? Надо переселять ее в маленькую конуру? Старым людям дорога не только площадь, но и стены, в которых прошла жизнь, воздух, запах — все дорого.

Напор исполнительной власти был настолько мощным, что настроение депутатов однозначно качнулось в сторону бесплатной приватизации. Реакция зала на выступления не оставляла в этом сомнения. Все-таки депутаты жили на местах и знали мнение людей, а людям бесплатная приватизация была понятнее и ближе.

И тогда слово взял сам Белоногов.

— Вообще-то, уважаемые коллеги, при рассмотрении вопроса о собственности нам следовало бы изменить интерьер зала, — начал он издали. — Ведь интерьер у нас советский, социалистический, а мы с вами фактически даем добро на уничтожение советской власти и уже начали уничтожать основу социалистического строя — общенародную собственность. Будет ли жилье передано бесплатно или продано — вопрос второстепенный. Главное — оно станет частным, а все, что находится на территории области, по советским законам не должно принадлежать никому. Поэтому предлагаю

принять решение о разграничении собственности по уровням и на этом прервать работу на двадцать дней, чтобы обсудить вопрос о приватизации квартир с народом.

Зал ответил гулом несогласия — маховик начал раскручиваться, и его теперь трудно было остановить. Депутаты отказались сделать перерыв в работе сессии и проголосовали за другое предложение — провести приватизацию жилья в области бесплатно.

Это была вторая, после отказа депутатов обсуждать вопрос об указе президента, серьезная победа администрации на сессии. И третий — с учетом включения в повестку дня вопроса об автомобилях — прокол Анатолия Николаевича. Он все больше выпускал бразды правления из своих многоопытных рук и, похоже, понимал это.

После последнего перерыва, когда заканчивался первый день работы сессии, Белоногов предпринял отчаянную попытку вернуть утраченные позиции. К сожалению, срочные дела заставили меня покинуть зал, и я не присутствовал на разыгранном им спектакле. Поэтому привожу с небольшими сокращениями стенографическую запись этого эпизода.

«Депутат А. Белоногов: Хочу сделать следующее заявление. Сегодня была сделана попытка включить в повестку дня вопрос об указе президента о назначении главы администрации. Однако вы большинством голосов согласились с этим неправомерным указом. Я не могу согласиться. Я получил пост из рук представителей народа, ощущал вашу поддержку. Сегодня ее нет. Работать без поддержки нельзя. У меня нет ни сил, ни желания бороться против беззакония. Поэтому прошу освободить меня от занимаемой должности.

Голос из зала: Я знаю Белоногова, а никого из администрации не знаю. Они все на площадях митингуют.

Депутат Л. Семькина: Анатолий Николаевич, вы говорили, что добровольно пост не оставите. Это не по-мужски — подать заявление в такую минуту.

Депутат Ю. Михальченко: Заявление нужно принять к сведению, но обсудить завтра, на свежую голову.

Депутат Е. Волков: Согласен с Михальченко. Так просто такие заявления не делаются. Завтра надо решить этот вопрос.

Депутат Б. Виноградов: Анатолий Николаевич совершает неверный шаг. Никто функции у представительной власти не отбирает. Предлагаю заявление не принимать.

Депутат Б. Черей: Я понимаю Анатолия Николаевича. Мы — ноль. Мы даже не сопротивляемся.

Депутат В. Сазонов: Я тоже выглядеть бараном не хочу. Незаконное назначение Кривченко — это первый шаг. Что будет дальше — неизвестно.

Депутат Н. Киселевич: Идет шельмование инакомыслящих. Предлагаю послать телеграмму протеста президенту и Хасбулатову.

Голос из зала: А может, пусть сам глава администрации, если он действительно печется об интересах области и не хочет конфронтации, обратится к президенту с просьбой о пересмотре решения?

Депутат В. Хахин: Белоногов органически не поддерживает тот курс, которым сейчас идет страна. Он сторонник социализма, поэтому рыночную реформу проводить не будет. Давайте включим вопрос о его заявлении в повестку дня, а завтра выскажемся, поддерживаем ли мы сами курс съезда народных депутатов, президента и правительства?

Депутат А. Дроздов: Если мы удовлетворим заявление Белоногова, пойдет цепная реакция. Анатолий Николаевич может быть достойным лидером оппозиции. Я советую ему забрать заявление.

Депутат А. Танеев: Если сейчас принимать отставку, то и нам надо уходить.

Депутат Е. Макулин: Сейчас вы сочувственно смотрите на Анатолия Николаевича. А кто вам мешал включить в повестку дня вопрос о неправомерном назначении главы администрации? Нет, я уходить из зала не собираюсь. Я был, есть и буду противником

Кривченко. Буду вести против него политическую борьбу. Буду ждать третьей революции. Давайте проведем голосование о доверии администрации.

Депутат Б. Виноградов: Поймите, мы упустили время. После решения пятого съезда народных депутатов, который узаконил глав, говорить об этом бессмысленно. Сейчас будет просто митинг, и я предлагаю прекратить это безобразие.

Вопрос о включении заявления Белоногова в повестку ставится на голосование и отклоняется».

На следующий день в зале заседаний все было как обычно, шла рутинная работа над документами, словно накануне не было никакого заявления спикера. Сам он вел заседание как ни в чем не бывало, и был, кажется, даже доволен, что все образовалось таким образом. Удачно приструнив своих коллег по Совету, Белоногов убедился, что у него еще есть авторитет среди депутатов, что расставаться с ним они не собираются. И что главные баталии с областной администрацией по поводу предстоящих реформ еще впереди.

А под занавес опять разразился небольшой скандалчик. Буквально из ничего. На этот раз я находился в зале и даже был вынужден вступить в полемику

Случилось так, что накануне или в тот же день «Российская газета», учрежденная Верховным Советом РСФСР, опубликовала небольшую заметку из Амурской области, в которой допустила две ошибки. Депутата областного Совета полковника Советской Армии Н. Киселевича она назвала полковником КГБ, а председателя телерадиовещательной компании «Амур», депутата Благовещенского городского Совета В. Мартынова сделала депутатом облсовета.

Казалось бы, зачем заводить разговор об этом на сессии? Ан нет, по поводу публикации депутаты потребовали объяснений у... В. Мартынова, хотя он не являлся автором заметки.

— Почему вас превратили в депутата областного Совета? — последовал первый вопрос.

— Не знаю, — пожал плечами Мартынов. — Это вопрос не ко мне, а к газете.

— Почему Киселевич назван полковником КГБ?

— Вопрос тоже к редакции.

— А как вообще вас умудрились назначить председателем телерадиокомпании без согласия Совета?

Пришлось подняться мне. Объяснил депутатам, что государственные телерадиокомпании отнесены к федеральной собственности, поэтому согласие региональных Советов на назначение их руководителей не требуется. И тут же раздался голос из зала:

— Предлагаю выразить от имени сессии протест. Получается, что сначала Альберта Аркадьевича назначили незаконно, а теперь вот и следующего.

Белоногов тут же поставил это предложение на голосование.

— Позвольте, в связи с чем протест? — снова поднялся я. — Вы хоть как-то обоснуйте свое решение.

— В связи с клеветой, — раздался тот же голос.

В поднявшемся шуме Белоногов поставил на голосование теперь уже предложение о недоверии Мартынову. И оно было принято без всяких обоснований и объяснений. Точь-в-точь как на пленуме обкома партии, где обсуждалась публикация в «Литературной газете» о рыцарских похождениях Шарина.

Костры на асфальте

По примеру того старшины, о котором рассказывал Никандров, я тоже решил удлинить рабочий день на один час. Не только лично себе, но и всем областным государственным учреждениям. Сделать это оказалось нетрудно. Теперь госучреждения начинали работать не в девять, как прежде, а в восемь часов утра. Правда, и заканчивался официально их трудовой день на час раньше — не в шесть, а в пять вечера. Вроде бы так на так и выходило. Но смысл в таком смещении графика все же был. Ведь понятно: на час раньше будут приходить на работу все сотрудники, но мало кто из них уйдет домой в точно установленный распорядком срок, особенно если дел в учреждении — невпроворот.

Сам я поначалу являлся в администрацию к семи. Машиной никогда не пользовался — идти-то всего три квартала. Несмотря на ранний час, возле продовольственного магазина, что был на пути, изо дня в день толпился народ. Люди приходили задолго до открытия, чтобы захватить хотя бы какого-нибудь товара. Через час-полтора работы магазина прилавки, как правило, становились пустыми.

Когда я, гулко топая в утренней тишине, приближался к очереди, люди как по команде поворачивали головы в мою сторону. Никто не произносил ни слова, но все смотрели на главу областной администрации, как мне казалось, осуждающе. Конечно, вины моей тут не было, потому что такая ситуация сложилась не сегодня и не вчера. Однако взгляды людей как бы говорили: раз тебя назначили, ты должен покончить с этим безобразием.

Каждый раз становилось очень неловко, поэтому я начал выходить из дома еще раньше. Увы, это не помогло. Иду в шесть — толпа уже стоит, в полшестого — стоит, в пять — то же самое. Когда, черт возьми, люди приходят?

— Да они занимают очередь с вечера, — объяснил мне Никандров. — Стоят всю ночь, только самых слабых отпускают погреться. А где есть возможность — жгут костры прямо на асфальте.

Вот и дожили. А ведь такое на моей памяти уже было. Не беру войну или первые послевоенные годы, когда все можно было оправдать и простить. Но в начале пятидесятых, еще при Сталине, жители Благовещенска — центра сельскохозяйственной области — с вечера занимали очередь за мукой. Сам не раз ходил на ночные дежурства, собирал ящики из-под водки, чтобы погреться у костра.

На страну надвигался настоящий, без всякого преувеличения, голод. Каждое заседание правительства — а губернаторов на них тогда приглашали постоянно — начиналось с вопроса о продовольственной ситуации. Хотя зима только вступала в свои права, запасы зерна уже были на исходе. Во многих областях хлеба оставалось на две-три недели, в некоторых — всего на несколько дней.

Как и при большевиках, пришлось закупать зерно за границей. Но положение осложнялось тем, что традиционные южные порты доставки находились теперь на территории Украины, а она по отношению к своей старшей сестре вела себя, мягко говоря, некорректно. Ответственные работники докладывали президенту, членам правительства и губернаторам о каждом судне с зерном: такие-то на подходе, такие-то уже разгружаются, а эти не принимают украинские порты.

На одном из заседаний правительства вице-мэр Санкт-Петербурга потребовал у кого-то из вице-премьеров обеспечить сохранность судна, доставляющего в город на Неве гуманитарную помощь из Германии. Эту помощь питерцы ожидали с нетерпением: продовольствия у них оставалось всего на семь дней. Они опасались, что судно могут перехватить, так как оно сначала должно было зайти в Калининград. А в Калининградской области продовольствия оставалось всего на пять дней.

Долго находиться в таком состоянии Россия не могла. Без принятия крутых, кардинальных мер голод, а вслед за ним и голодные бунты были неминуемы. Это относилось и к нашей области.

Между тем в дореволюционном прошлом, если не считать первых лет после заселения, Амурская область никогда не знала голода. Даже в лихом 1918-м, когда в Москве и Питере люди умирали от истощения, амурские власти отправляли туда вагоны с мукой, крупой, консервами. Не потому, что все это в избытке производилось на месте, а потому, что здесь умело торговали со своим южным соседом — Китаем.

На Руси народ всегда кормили, одевали и обували купцы, а не государство. Как это устроить, где взять товар, каким образом доставить его в тьмутаракань — было их, купцов, личным делом. Советская власть уничтожила купеческое сословие, создала свою торговую империю, ставшую важным инструментом управления страной. В нее вошли громоздкие и неуклюжие государственные монстры — урсы, орсы, торги, снабы, потребсоюзы. Эти монстры вкупе с государственными же товаропроизводителями и довели торговлю до полного краха. Выход из такой ситуации был один — вернуться к хорошо забытому старому, то есть возродить сословие российских купцов. В Амурской области для этого имелись самые благоприятные условия — ведь рядом, за Амуром, распростерся огромный Китай, шагнувший к рынку на тринадцать лет раньше нас и теперь заваленный всевозможными товарами. Китайцы всегда умели и готовы были торговать с нами на самых выгодных для нас условиях. Но где взять исходный материал, то есть кадры для формирования купеческого сословия, если прежние купцы либо были расстреляны, либо эмигрировали, либо умерли естественной смертью, а новым советская власть родиться не позволила?

К счастью, как минимум один человек в России знал ответ на этот вопрос. Это был вице-премьер правительства, приглашенный президентом проводить реформу и курирующий в кабинете министров экономический блок вопросов, Егор Тимурович Гайдар.

Принято считать, что экономическая реформа в России началась 2 января 1992 года. Не буду оспаривать — в этот день страна действительно испытала шок от либерализации цен. Но первый шаг к реформе все же был сделан на месяц раньше — 1 декабря 1991 года. Прежде чем освободить цены, правительство решило ликвидировать государственных монстров в торговле и отпустить на свободу многомиллионную армию торгашей, находившихся как бы при крепостном праве.

На языке Гайдара это называлось коммерциализацией торговли. Она заключалась в том, что каждый отдельно взятый магазин — будь он в большом городе или карликовом поселке — получал право заниматься коммерческой деятельностью, то есть свободно приобретать и продавать товар, иметь печать и счет в банке, распоряжаться полученной прибылью и нести ответственность за свои убытки. Этот шаг должен был стать первым звеном на пути к ликвидации торгов, урсов и снабов, приватизации магазинов, баз и складов, созданию нового сословия отечественных купцов.

Нам, местной исполнительной власти, отводился на эту колоссальную работу всего один месяц. Провести ее надо было до начала либерализации цен, иначе «шоковая терапия» могла вообще привести население к летальному исходу.

Мы с Никандровым отправились к торгашам. Объезжали орсы, торги, магазины, беседовали с начальниками, завмагами, продавцами. Торговые чиновники и слушать не хотели ни о какой коммерциализации. Они считали существующую систему централизованного распределения и поставок товара идеальной, оправдавшей себя за многие десятилетия, а ее отмену — смертельной для страны. В отличие от них завмаги и рядовые продавцы вовсе не были настроены против реформы в торговле. Они, как и все население, опасались повышения цен, но больше всего говорили о том, как будут работать в условиях экономической самостоятельности. Это вселяло оптимизм: вот из них и вырастут новые купцы.

На беду, начинать коммерциализацию Никандрову пришлось без меня — я как член Верховного Совета, возглавляющий администрацию приграничной области, был включен в парламентскую делегацию, которая 1 декабря должна была лететь в Пекин. Отказаться

от этой почетной миссии было нельзя, так как речь шла о Китае, с которым нам предстояло торговать.

В Пекине мы узнали о Беловежском соглашении и развале СССР. Украинские националисты добились-таки своего: 1 декабря под их давлением народ Украины проголосовал на референдуме за отделение от «москалей», и официальный Киев, не мешкая ни минуты, объявил о выходе республики из состава СССР. Попытки уговорить украинского президента не делать этого ни к чему не привели. Единственное, что удалось российскому руководству — подписать в Беловежской пуще соглашение о создании СНГ.

Конечно, за державу было обидно. Тем более за такую великую, как наша. Но, с другой стороны, то, что произошло, не могло не произойти. Империя «Советский Союз» прошла все стадии развития, отведенные историей для империй: создание, становление, расцвет, упадок. И вот теперь произошел распад. Никакие силы не могли остановить этот процесс.

Неизбежность распада Союза понимали даже коммунисты. Буквально на второй или третий день после подписания Беловежского соглашения этот документ был представлен в Верховный Совет РСФСР и благодаря поддержке депутатов-коммунистов ратифицирован.

Ратификация соглашения российским парламентом сразу же подняла статус нашей делегации на целый порядок. Мы прилетели в Пекин как представители одной из республик СССР, а стали представителями парламента самостоятельной страны. Страны по-прежнему огромной и великой, превосходящей Китай и по размерам территории, и по экономическому потенциалу, и по оборонной мощи. Руководители КНР на самом высоком уровне заверяли нас в заинтересованности Китая укреплять отношения с Россией по всем направлениям, прежде всего в области торговли, в том числе и приграничной. Так что визит в столицу соседней страны можно было считать очень своевременным и успешным.

А вот дома, на Амуре, дела обстояли неважно. Коммерциализация шла трудно, торговые генералы сопротивлялись ей изо всех сил. Едва я появился в своем кабинете, как ко мне стали приходить «делегации с мест»: руководители крупных производственных объединений и подведомственных им урсов или орсов. Они жаловались на Никандрова, говорили, что он занимается партизанщиной, ломает всех через колено, не хочет учитывать местных условий. А местные условия, мол, таковы, что проводить сейчас коммерциализацию торговых предприятий никак нельзя.

Сделав такое вступление, «ходоки с мест», как правило, клали передо мной телеграмму своего министра. В ней говорилось, что в связи со сложившейся ситуацией и в целях недопущения сбоев в торговле министр разрешает подведомственным орсам и урсам отложить коммерциализацию на более поздний срок.

— Вот видите, — говорили «ходоки». — А этот Никандров...

— Н-да, — вроде бы соглашался я. — Только есть у меня к вам один маленький вопросик.

— Какой? — оживлялись жалобщики.

— Кто в нашей стране главнее: министр или президент?

— Конечно президент, — отвечали они. — А что?

— Да то, что в указе президента четко сказано: коммерциализация должна быть проведена в установленный правительством срок. Правительством, а не отдельными министрами. Поэтому никаких задержек и проволочек мы не допустим. Это ясно?

Посетители уходили неудовлетворенные. Зато с полным пониманием, что поблажек никому не будет. Лишь начальник Сковородинского отделения Забайкальской железной дороги и руководитель тамошнего орса остались явно довольны визитом ко мне. Еще бы: сам президент разрешил железнодорожникам отсрочить коммерциализацию их торговых предприятий, а глава администрации области подтвердил, что выполнит это распоряжение.

Но, соглашаясь на отсрочку, я прямо сказал сковородинцам, что считаю такое решение президента ошибочным. И рекомендовал им хотя бы часть магазинов выпустить на свободу, иначе после отмены фондов и централизованных поставок железнодорожным поселкам придется голодать.

Нет, прислушаться к этому совету они не пожелали. Забегая вперед, скажу, что и после либерализации цен в северных железнодорожных поселках продолжал заправлять торговлей огромный ведомственный монстр — орс. И, конечно же, заправлял так плохо, что с прилавков магазинов исчезла даже молочная продукция, недостатка которой в области пока не ощущалось.

Те же руководители из Сковородинского района снова явились ко мне — с жалобой на Благовещенский молочный комбинат. Я тут же связался по телефону с его директором и, переключившись на громкоговорящую связь, спросил, в чем дело.

— А кому там я должен поставлять нашу продукцию? — удивился он.

— Железнодорожному орсу.

— Орсу? Но они не заключили со мной договора, не гарантировали оплату. Откуда я знаю, что и в каком количестве им нужно?

— Только в этом все дело?

— Конечно. Будет договор и гарантия оплаты — сегодня же начнем поставки.

Я положил трубку и посмотрел на посетителей. Они слышали все, что сказал директор, поэтому тут же засобирались уходить. Пришлось задержать их и напомнить наш предыдущий разговор. Но это произошло месяца три спустя. Сейчас же, в начале декабря, оба были довольны, что коммерциализация их миновала.

Кроме железнодорожников, была еще одна епархия, которую мы не имели права трогать — потребкооперация. Считалось, что это — частная торговая структура, принадлежащая крестьянам-пайщикам, поэтому государство не должно туда вмешиваться.

На самом же деле потребительская кооперация ничем не отличалась от орсов, урсов и торгов. В советское время полки сельских магазинов хоть были заставлены трехлитровыми банками с никому не нужным яблочным соком, сейчас же и этого не было. Дородные продавщицы стояли возле совершенно пустых прилавков, скрестив руки на груди, и объясняли сельчанам, что товара нет и не будет, потому что его нет на базе в сельпо.

Вопрос о потребкооперации не раз поднимался на заседаниях правительства, многие губернаторы просили президента дать им возможность провести коммерциализацию и в этой епархии. Президент обещал издать соответствующий указ, но восстал Верховный Совет. Под давлением депутатов-коммунистов он принял Закон «О кооперации», исключающий всякую возможность какого-либо реформирования сельской торговли. Закон фактически надолго загнал в угол одну из крупнейших торговых структур страны.

Однако вернемся в декабрь 1991 года. Каждый вечер мы с Никандровым оставались вдвоем и обсуждали, что удалось сделать за день. Иногда к нашим вечерним бдениям присоединялась и Чернявская. Раз в пять дней она приносила свежую сводку из министерства торговли, в которой сообщалось, как идет коммерциализация в целом по России. Амурская область всегда значилась среди лидеров, и это после тяжелого рабочего дня хорошо поднимало настроение.

Чтобы смягчить удар по населению, правительство решило отпустить на свободу цены поначалу не на все товары. На самые жизненно важные продукты питания, такие как хлеб, молоко, соль, сахар, растительное масло и некоторые другие, они и после второго января должны были остаться фиксированными — может быть, в течение полугода, а может, и дольше. Стало быть, следовало срочно изыскивать немалые суммы на дотацию этих товаров, иначе они могли вообще исчезнуть из продажи. Но где взять средства, если бюджет области является дотационным?

Серьезное беспокойство вызывало и распределение важнейших продуктов питания среди населения в первое время после начала реформы. Ведь при фиксированных ценах и

всеобщем дефиците они могли не дойти до прилавка, а оказаться на черном рынке. Чтобы избежать этого, прежнее руководство области ввело талоны, но они не дали желаемого эффекта — часто оставались неотоваренными. Учитывая это, мы решили подготовиться к введению крайней меры — карточек. Таких, какие были во время войны — со строгим учетом и отчетностью.

Вводить карточки договорились только при очень большой нужде, лишь на товары с фиксированными ценами и на короткое время — пока не спадет пик напряжения. На узком совещании руководящих работников администрации все высказались в поддержку этой меры. Против был лишь представитель президента Андрей Захаров, считавший, что карточки не имеют ничего общего с рынком. Никто и не спорил: конечно не имеют, но ведь и рынка у нас пока еще не было. Несмотря на особое мнение Захарова, карточки все же отпечатали, направили в городские и районные администрации с подробной инструкцией, как их применять.

Теперь оставалось сделать последний шаг — завершить отоваривание декабрьских талонов на мясо по увеличенной норме. Это тоже была одна из мер областной администрации, призванных смягчить удар по населению от предстоящей либерализации цен.

Еще до моей поездки в Пекин Никандров высказал опасение, что после 2 января мясо вообще станет недоступно для большинства граждан. Поэтому предложил реализовать до нового года все его запасы, имеющиеся в наличии.

— Потом, когда цены подпрыгнут, в мясные отделы заходить станет боязно, а у каждого в холодильнике будет какой-никакой запас, — убежденно заявил он. — Хотя бы на первое время — пока люди не попривыкнут.

— Какой там запас? — не согласился я. — Мы даже минимальную норму обеспечить не можем.

— Это на прилавках пусто, — возразил Григорий Алексеевич. — А если как следует поскрести по сусекам?

Решили, что служба Никандрова основательно изучит наши возможности, проверит все источники, сделает расчеты — и только тогда выйдет с обоснованными предложениями. И вскоре Григорий Алексеевич принес выкладки своих специалистов. Оказалось, что официальные данные о наличии мяса сильно занижены — на самом деле его в области значительно больше. Расчеты показали, что если не трогать ту часть мясной продукции, которая идет на общественное питание, а все остальное продавать по талонам, то мы сможем реализовать в декабре двойную месячную норму, а пенсионерам и малоимущим даже и ее увеличить вдвое. Правда, не останется переходящих запасов, но после праздников, в случае крайней нужды, можно будет взять часть продукции из госрезерва, который и создан для чрезвычайных ситуаций.

Единственным труднопреодолимым препятствием Григорий Алексеевич считал сопротивление самих торгашей. Проверки ряда крупных магазинов, проведенные комитетом Чернявской, показали, что полагаться на честность и добросовестность работников торговли пока рано. При малейшем ослаблении контроля со стороны государственных органов они распорядились фондовыми товарами, как своими собственными. В некоторых магазинах по талонам продавалось лишь 20–22 процента поступившего туда мяса, а остальное уходило неизвестно куда. Точно так же «гвардейцы прилавка» могли поступить и с двойной нормой.

Однако меня это опасение только подзадорило. Какая же мы к черту власть, если спасуем перед таким препятствием? Пусть сопротивляются, это для нашей администрации будет хорошей проверкой ее жизнеспособности: выдержим — значит, и дальше сможем работать в экстремальных условиях.

Я не колеблясь подписал постановление об увеличении декабрьской нормы продажи мяса населению вдвое, а пенсионерам и малоимущим — в четыре раза. Одновременно обязал городские и районные администрации взять исполнение данного документа под

самый жесткий контроль. Однако этого было явно недостаточно. Тут-то и вспомнился опыт торговой комиссии Благовещенского городского Совета народных депутатов, о которой не так давно рассказывала жена. В областном центре эту комиссию и уважали, и боялись, и слушались. А ведь такими же дотошными контролерами могли сейчас стать все депутаты местных Советов.

Поразмыслив, я подписал еще один документ — обращение областной администрации к депутатам всех уровней с просьбой помочь исполнительной власти проконтролировать продажу мяса населению в последний месяц перед реформой. Это была дружеская просьба к представительной власти подставить свое плечо в трудную для нас минуту. И депутаты на местах откликнулись. При совместном жестком контроле двух ветвей власти проблем с реализацией увеличенной нормы мясной продукции в течение месяца практически не было. Невольно подумалось: если бы вот так же удалось договориться и с областным Советом!.. Но увы, об этом пока можно было только мечтать.

Гайдар и его команда

Запищал внутренний телефон, я поднял трубку.

— Альберт Аркадьевич, ты свободен? — услышал голос своего зама Геннадия Витальевича Сычевского.

— А что?

— У меня — руководители Иркутского спецмонтажного управления, которое монтирует водогрейный котел на Благовещенской ТЭЦ. Я хотел бы сейчас зайти с ними к тебе.

— Ну что ж, давай...

Иркутян было двое и с ними кто-то из местных энергетиков. Сычевский недоволено сопел, похоже, у него только что состоялся неприятный разговор.

— Они обещают смонтировать нам котел в срок и в лучшем виде, — сказал Геннадий Витальевич, когда все расселись за столом для совещаний. — Но поставили передо мной такие вопросы, которые я своей властью решить не могу. Вот и привел их к тебе — принимай решение.

Проблема заключалась в следующем. Поскольку рубли окончательно превратились в никому не нужные бумажки, руководители спецмонтажного управления просили, чтобы за выполненную работу с ними рассчитались не деньгами, а товаром. Такая форма расчета, называемая бартером, к тому времени стала практиковаться повсеместно. Но у ТЭЦ не было никакого товара, кроме тепла и электроэнергии. Поэтому договаривающиеся стороны пришли к Сычевскому. Но и тот спасовал перед их запросами.

— Что же вы хотели бы получить? — спросил я у иркутян.— Сою, зерно, молоко, мясо, уголь, древесину, стекло? Больше у области ничего нет.

Однако их интересовало не это, а те товары народного потребления, которые область получала по централизованным фондам. Список таких товаров занимал целую машинописную страницу. На первом месте в нем стояли импортные мебельные гарнитуры, дальше значился также не менее ценный «дефицит».

Я медленно читал список, лихорадочно обдумывая, какое принять решение. Условия спецмонтажников были грабительские. В некоторых случаях, чтобы рассчитаться с ними, нам пришлось бы отдать все, что выделялось области. Этот «дефицит» надлежало изъять из розничной продажи, что, конечно, было бы несправедливо по отношению к амурчанам.

Но, побывав на ТЭЦ в первый день своего губернаторства, я ознакомился со всеми проблемами энергетиков, в том числе и с перспективой обеспечения города теплом на ближайшие годы. Уже в следующую зиму ТЭЦ не смогла бы нормально обогреть Благовещенск, если к этому времени не запустить еще один котел.

Знал я и о том, что Иркутское спецмонтажное управление — единственная организация к востоку от Урала, которая монтирует такие котлы. Если сейчас с ними не договориться, они могут найти сговорчивых заказчиков в другом месте, и тогда, возможно, позже придется им в ножки поклониться. А что до «дефицита»... то его ведь прежде все равно раскупали через черный ход лишь «уважаемые люди», простые же смертные этот товар и в глаза не видели.

— Геннадий Витальевич, как ты думаешь, — спросил я у Сычевского, закончив читать, — сможем мы нормально перезимовать в следующем году без импортных мебельных гарнитуров?

— Полагаю, что сможем, — живо откликнулся он.

— А без тепла в домах?

— Вот без этого наверняка нет.

— В таком случае, — я повернулся к иркутянам, — все, что просите, мы вам дадим. Правда, уж не взыщите, в разумных пределах, исходя из наших возможностей. Но и от вас потребуем хорошей работы.

Облегченно вздохнув, Сычевский повел спецмонтажников к себе обговаривать детали. Через какое-то время вернулся, довольно потирая руки.

— Ну, дело сделано. А я, признаться, боялся, что ты примешь другое решение. Тогда бы мы этих субчиков только и видели.

Но вернулся он вовсе не для продолжения разговора о монтаже котла — его уже занимала другая проблема. Спросил, знаю ли я о существовании такого понятия, как северный завоз продовольствия и топлива? Да, я знал. А слышал ли о первоочередных поставках сырья, материалов и комплектующих для предприятий, расположенных в районах Крайнего Севера? Нет, об этом я никогда не слышал.

— Так вот, — продолжал он, — в правительстве уже составлен список таких районов на 1992 год. А наших — Зейского, Селемджинского и Тындинского — в них нет.

— Почему? — не понял я. — Они же официально приравнены к районам Крайнего Севера.

— В Росснабе объяснили, что этих районов в таких списках вообще никогда не было. И никто вопроса о них не поднимал. Насколько мне известно, прежнее руководство области просто боялось лишний раз «постучаться» в московские двери.

— Ну так давай постучим мы, — я посмотрел на часы — в Москве как раз начинался рабочий день. — Куда звонить?

— Погоди, — остановил он меня. — Восстановить права трех районов — это полдела. Надо добиться, чтобы в список включили половину районов области.

— Половину? Ну ты даешь! Может, сразу попросим и «ключ от квартиры с денежными знаками»? Они нам ой как пригодились бы...

— А ты не язви, — отмахнулся он. — Я предлагаю то, что давно уже следовало бы сделать. Возьмем, к примеру, Шимановский район. Там построили целый комплекс бамовских предприятий. Это же парадокс: весь БАМ относится к Крайнему Северу, а важная его составная часть — Шимановский комплекс стройиндустрии — нет. А мой бывший завод «Амурский металлист»? Как он обеспечит первоочередные поставки буровых станков мостовикам БАМа, если сам снабжается по остаточному принципу?

— Мм... действительно. И много у нас предприятий, как бы сросшихся с БАМом?

— Я же говорю — половина области. Поэтому, Альберт, надо нам с тобой немедленно лететь в Москву и не возвращаться, пока не решим вопрос положительно.

Перед напором Сычевского устоять было невозможно. Но я понимал, что план его — почти авантюрный. Поэтому договорились: Геннадий Витальевич подготовит обстоятельные исходные данные, а я на основании этих данных напишу бумагу в правительство. Если бумага получится убедительная — летим с ней в Москву, если нет — будем отстаивать права лишь трех северных районов.

...И вот самолет, набрав высоту, уносил нас в сторону столицы. Рядом откинулся на спинку кресла усталый Сычевский. На коленях у него ворох бумаг — еще раз он изучал цифры, чтобы разложить их по полочкам памяти. У меня в дипломате лежало полторы страницы машинописного текста на имя министра экономики. Всего полторы странички, но ониместили все, что требовалось для серьезного разговора в правительстве. Мы с Сычевским готовы были отстаивать наши требования перед кем угодно.

К российским министрам у меня было самое уважительное отношение. Работая в Верховном Совете, я в течение полутора лет постоянно общался с некоторыми из них, и у нас не было абсолютно никаких разногласий или непонимания, а тем более конфронтации. Правда, то был прежний кабинет — Ивана Степановича Силаева. После путча Борис Ельцин сформировал новое правительство, которое возглавил сам.

Не знаю, чем не угодил Ельцину Силаев — мне этот спокойный, рассудительный, убеленный сединой человек нравился. Но президент России посчитал, что для решительных действий в экономике нужна новая команда, и обратил взоры к молодежи. На ключевые посты в экономическом крыле правительства он пригласил молодых ученых, еще недавно разрабатывавших программу перехода России к рынку. Печать сразу же окрестила новый кабинет «правительством завлабов», намекая на то, что на прежнем месте работы — в научно-исследовательских институтах — эти ребята занимали скромные должности не выше заведующего лабораторией.

Не составлял исключения и главный экономист правительства вице-премьер Егор Гайдар. Все знали, что Борис Николаевич поручил ему проводить реформы, которые еще со времен Хрущева не удавались никому, даже многоопытному Николаю Косыгину. Ноша на плечи вице-преьера легла огромная, а ему-то было всего тридцать пять лет от роду.

Поначалу я не обратил внимания на его фамилию. Ну Гайдар и Гайдар, мало ли?.. Но встретившись с ним однажды, был поражен его сходством с известным детским писателем Аркадием Гайдаром. Уж не внук ли это автора «Тимура и его команды», «Р.В.С.», «Военной тайны», «Мальчиша-Кибальчиша», которыми мы зачитывались в детстве? Вон и отчество у него — Тимурович, а у Аркадия Гайдара как раз был сын Тимур, ставший впоследствии известным военным журналистом, контр-адмиралом.

Оказалось, что все так и есть. Вице-премьер России действительно был внуком писателя Аркадия Гайдара, а по материнской линии внуком еще одного известного писателя — Павла Бажова.

Однако больше всего меня поразило то, что молодой ученый-экономист был еще и профессиональным журналистом. До недавнего времени он возглавлял отдел экономики в журнале ЦК КПСС «Коммунист», и у него, как и у меня, в годы перестройки случилось нешуточное противоборство с сильными мира сего.

Многие, может быть, помнят, что Михаил Горбачев, придя к власти, поначалу провозгласил не только «перестройку», но и «ускорение». Последнее вскружило головы многим крупным руководителям. Появились грандиозные проекты переброски северных рек в южные моря, изменения лика земли с помощью огромных каналов. Шесть союзных министерств предложили построить восемь гигантских нефтяных комплексов на севере Сибири.

Это предложение уже рассматривалось в ЦК КПСС, когда Егор Гайдар выступил в своем журнале с критической статьей, которая камня на камне не оставила от данного проекта. С цифрами и расчетами он доказал, что замахиваться сейчас на такое грандиозное дело — утопия, граничащая с авантюризмом. БАМ стоил всего 9 миллиардов рублей, и то на него не смогли наскрести денег — пришлось серьезно урезать проект, особенно его социальную часть. А строительство нефтяных гигантов потребует десятки миллиардов рублей. Таких денег у страны нет и в ближайшей перспективе не будет.

Статья Гайдара была опубликована в журнале «Коммунист» в начале 1988 года — примерно в то же время, что и моя статья «Гласность... для служебного пользования» в «Комсомолке». И вызвала такую же бурную ответную реакцию у героев публикации.

Министр нефтяной и газовой промышленности СССР Виктор Черномырдин от имени шести подвергнутых критике министерств обратился в ЦК КПСС с жалобой: мол, Гайдар не понимает новой политики партии, надо принять к нему самые строгие меры. У Егора Тимуровича начались неприятности. А какие они бывают у журналистов после критических публикаций против власть имущих, читатель уже знает из первой части этой книги.

Губернаторы, успевшие познакомиться с новым вице-премьером поближе, как один отзывались о нем одобрительно. Умен, хорошо знает рыночную экономику, великолепно владеет ситуацией в стране, все проблемы схватывает на лету, не уходит от решения острых вопросов. Вот только излишне мягок. Наивные! Не знали эти люди, какую жестокую схватку против могущественного чиновничества вел этот «мягкий» человек в конце восьмидесятых годов, когда они и пикнуть против власти не смели.

Сейчас мы с Сычевским летели к одному из ближайших соратников Гайдара — министру экономики Андрею Нечаеву. Я с ним не был знаком и даже никогда его не видел. Знал только, что он тоже из «завлабов». У Нечаева была огромная власть, сравнимая с властью прежнего председателя Госплана СССР. Однако он мог наш вопрос и не решить. В этом случае мы готовы были идти к самому Гайдару.

В аэропорт Домодедово самолет прибыл вечером. Когда добрались до центра Москвы, был совсем уже поздний час. Несмотря на это, в некоторых окнах огромного здания бывшего Госплана, где теперь размещалось Министерство экономики России, горел свет.

— А ведь не исключено, что одно из этих окон принадлежит министру, — сказал Сычевский, когда мы проходили мимо по проспекту Маркса. — В это «горячее» время министры наверняка работают дольше всех. Слушай, а давай зайдем туда прямо сейчас.

Нет, с Сычевским трудно было соскучиться! Наши амурские часы показывали что-то около четырех утра, а ему надо было идти на штурм министерства именно сейчас, не откладывая на завтра.

— А что, — продолжал он, немного подумав, — ты депутат, тебя пропустят без всякого-якого, а меня с тобой, как твоего помощника.

В приемную министра мы вошли, когда Андрей Нечаев и его заместитель, уже одетые, собирались уходить домой. Пришлось им вернуться. Нечаев включил в своем кабинете свет и, не раздеваясь, сел за стол. Заместитель встал рядом, за его спиной.

Пока они читали нашу бумагу, мы внимательно разглядывали обоих. Чудеса! Министру экономики огромной страны тоже было от роду лет 35, может быть, чуть побольше. Еще моложе выглядел его заместитель. Где же Борис Николаевич разыскал таких молодых да ранних? И как отважился доверить им экономику такой огромной и очень «больной» страны?

— Да, логика у них железная, — сказал Нечаев своему заму, дочитав наше письмо. — Тут ничего не возразишь.

— Правильно ставят вопрос, чего там, — согласился юный зам. — Только боюсь — не поздно ли?

— Беда в том, — обратился Нечаев уже к нам, — что список районов северных поставок уже утвержден и, кажется, печатается в типографии. Если пустить ваш документ обычным путем, он наверняка опоздает. Давайте поступим так — я наложу на вашем письме резолюцию, а все остальное вы проделаете сами.

— О чем речь, конечно, — обрадованно воскликнул Сычевский. — Уж мы мешкать не будем.

— Это я вижу, — улыбнулся Нечаев и принялся писать резолюцию.

На улице Сычевский хлопнул меня по плечу:

— На девяносто девять процентов работа сделана, а ты не хотел идти сегодня. Остальное — пустая формальность. Не знаю, как с правительством в целом, а с командой

Гайдара, по-моему, работать можно. Ребята цепкие, думающие, а главное, не перестраховщики. Пока я вижу у них один недостаток — молодость, но он скоро пройдет.

На следующий день он повел меня в управление, непосредственно ведающее северными поставками. Его начальник оказался старым знакомым Сычевского. Посмотрев наше письмо, он удивился:

— Как же, ребята, вам удалось получить такую резолюцию? За сорок лет работы в управлении не видел ничего подобного.

— Молча, — довольно засмеялся Геннадий Витальевич. — Ты не поверишь, но в самом деле — молча. В прямом смысле...

Это была шутка, на сто процентов состоящая из правды...

Начальник управления вызвал кого-то из подчиненных, велел вернуть из типографии брошюру со списком северных районов и внести в нее изменения. Теперь можно было возвращаться домой, однако Сычевский решил оставаться до конца.

— Ты лети один, а я все же дождусь брошюру. Вот увижу в ней перечень наших районов, тогда сердце успокоится. А вдруг, неровен час...

— Хорошо, — согласился я. — Так и мне будет спокойнее.

Операция без наркоза

В канун нового, 1992 года в правительстве состоялось совещание, посвященное готовности страны к либерализации цен. Доклад об этом сделал вице-премьер Егор Гайдар.

— Да, всем нам будет больно, — сказал он. — Когда режут по живому, это всегда вызывает шок. Но что поделаешь, если иного выбора нет? Потом наступит облегчение.

Сравнение либерализации цен с хирургической операцией многим понравилось. Эту меру, то есть либерализацию цен, в бывших странах социалистического лагеря назвали «шоковой терапией», но такое сравнение было не совсем верно. Терапия в медицине означает достаточно длительное медикаментозное лечение, а хирургическая операция — мгновенное отсечение больного органа. Сейчас у нас почти все органы экономики были больны, поэтому альтернативы отсечению не существовало. Скальпель уже был занесен, оставалось вонзить его в живую ткань.

Сделать это надлежало нам — исполнительной власти. В отличие от хирургов, мы не могли применять наркоз: нельзя было усыпить население страны на время проведения реформы и разбудить тогда, когда все образуется.

Второго января в магазинах была абсолютная пустота, кроме продавцов — никого. Люди, очевидно, просто боялись увидеть своими глазами новые сумасшедшие цены. Из товаров имелись только хлеб и молоко. Свободные предприниматели и коммерсанты не успели развернуться — ни второго, ни третьего, ни пятого, ни десятого января. Да и сколько их было — этих коммерсантов и предпринимателей? Могли ли они так круто изменить ситуацию, давно доведенную до крайности? Невольно закрадывалось сомнение: а правильно ли мы поступили, начав экономическую реформу с либерализации цен? Может, следовало подождать, пока появится мощная предпринимательская прослойка, способная враз заявить о себе? Но откуда она могла взяться, если бы неизменными остались правила игры, способствующие процветанию лишь «теневого» экономики и «черного» рынка? Нет, решение правительства о переходе к свободным ценам и снятии ограничений на индивидуальные заработки граждан было единственно верным. Надо отдать должное населению: в эти критические для власти дни оно проявляло исключительную выдержку и понимание происходящего. Не было панических высказываний или злобных выпадов. «Операцию без наркоза» люди переживали молча. Несколько раз мне даже довелось выслушать слова благодарности за то, что в декабре мы дали людям возможность приобрести мяса больше обычного.

За январь розничный товарооборот в области сократился на две трети и составил всего тридцать восемь процентов по сравнению с январем предыдущего года. Было ощущение, что страна, стоявшая в последние годы на краю пропасти, теперь окончательно рухнула в нее. Упало и промышленное производство, правда, не так сильно, как торговля.

Для меня это были, пожалуй, самые трагические дни моей жизни. Даже если сравнивать с событиями четырехлетней давности, когда после публикаций в «Комсомольской правде» со мной пытались расправиться. Тогда я хоть мог защищаться, а в случае поражения пострадал бы один. Теперь на карту была поставлена судьба всего населения, которое поверило нам, демократам, и, может быть, стало заложником нашей политики.

Впрочем, такие мрачные мысли появлялись лишь на мгновение. Я тут же отгонял их прочь, потому что они мешали работе. Да, собственно, ничего непредвиденного ведь не случилось, все это прогнозировалось. Через подобный кошмар прошли и другие страны Восточной Европы. Кончится этот жуткий период и у нас. Вопрос лишь в том — когда?

Теперь любая информация, поступающая в администрацию из сферы торговли, вызывала у нас повышенный интерес. Ее тщательно анализировали, пытаюсь обнаружить хоть какие-то признаки улучшения. Но их пока не было. Наоборот, ближайшая перспектива не обещала ничего хорошего. Руководители оптовых предприятий докладывали, что на 1992 год они практически не могут заключить договоры о поставках в область товаров народного потребления. В лучшем случае эти поставки составят лишь 22–28% от уровня предыдущего года.

Причина была банальная: товаропроизводители, как и иркутские спецмонтажники, не хотели брать за свою продукцию обесцененные «деревянные» рубли, а у амурских оптовиков ничего, кроме рублей, за душой не было.

Пришлось вновь пойти на бартерные сделки. Мы ввели территориальный заказ для 45 предприятий, обязав их выделить часть продукции в областной фонд для расчетов за товары народного потребления, приобретаемые в других регионах. Оптовики снова поехали по стране, но теперь не с пустыми руками. И в более богатых регионах с ними теперь разговаривали по-другому.

В результате такого маневра область смогла заключить договоры на поставки нужных нам товаров в объеме 75–100% от уровня 1991 года. Это уже было кое-что. К тому же, кроме традиционных поставок товара из центральных районов страны, теперь можно было ожидать и оживления торговли с Китаем. Действительно, уже к концу января появились первые такие признаки: значительно возросло число частных фирм, сотрудничавших с нашим южным соседом, произошло заметное оживление на таможне, начал расти приток грузов из Китая.

В феврале объем розничного товарооборота немного возрос. Правда, всего лишь на пять процентов, но и это было отрадно. А в марте, зайдя как-то в большой продовольственный магазин, расположенный неподалеку от администрации, я обратил внимание на то, что народу там не меньше, чем в былые времена. И люди не просто главели на товар, а покупали его.

Я спросил у заведующей, не обманывает ли меня глазомер. Она ответила, что магазин в последние дни уже достиг суточного объема торговли, который был в прошлом году. Причем не в рублях, а в физических объемах. Коллектив стал самостоятельным, у него хорошие связи с поставщиками. Покупатели тоже оживились. В общем, для магазина, можно сказать, кризис миновал.

Конечно, эта ласточка еще не делала общей погоды, но все же говорила о многом. Например, о том, что свободная торговля может работать не хуже государственной. Только вот цены...

Понимая, что, получив свободу, торговцы станут непременно взвинчивать цены, правительство установило предел торговой надбавки. Это дало возможность исполнительной власти на местах бороться со злоупотреблениями в ценообразовании. Для

контроля за формированием цен в областной администрации был создан специальный комитет. Долго не могли подобрать для него руководителя, который был бы и знающим, и боевым, и принципиальным, и бескомпромиссным. Наконец Никандров предложил попробовать на этой работе преподавателя сельхозинститута Геннадия Александровича Трошина.

— Он как раз специалист по ценам, кандидат наук, пишет докторскую. Мужик введливый, дотошный, у такого ни одно нарушение не проскочит. Вот только согласится ли он отложить работу над докторской?

— Так наверняка работа в комитете цен ему как раз поможет. Где он возьмет более живой материал для диссертации?

Трошин был невысоким, сухощавым человеком средних лет. Оказалось, что почти все экономисты в колхозах и совхозах области — его ученики. Он быстро согласился возглавить комитет цен, а через несколько дней пришел ко мне с конкретным предложением:

— Я полагаю, что наш контрольный орган сейчас должен быть в администрации одним из ключевых, — сказал он. — Мы будем проверять все без исключения цены, которые вызовут сомнение. Работа эта очень сложная и кропотливая, ведь придется вникать в каждую мелочь. Где-то, может, транспортные расходы завысили, где-то еще что-нибудь приписали к себестоимости. Все это мы обязаны найти. И за любое нарушение безжалостно штрафовать. Только тогда будет толк. Но чтобы комитет работал эффективно, вы должны разрешить мне использовать часть денег, которые мы станем изымать в бюджет в виде штрафов, на премирование сотрудников. Процент будет небольшой, но это заинтересует людей.

— Вот как? — я был озадачен. — А не станет ли это коммерческой деятельностью администрации?

— Коммерческой деятельностью? Что вы, конечно нет.

— А не будут ли ваши сотрудники злоупотреблять своими правами? Чтобы больше получить?

— Тоже нет. Тут мы все регламентируем.

Я дал согласие, и Трошин разработал такое положение о комитете цен, которое сделало его грозой для любителей легкой наживы. Работники комитета постоянно мотались по области, проводили массу проверок, штрафовали тех, кто запускал руку в карман покупателей. Трошин по своей инициативе ввел практику докладных записок на имя главы администрации о проделанной комитетом работе. Благодаря этим запискам я постоянно знал, как у нас обстоят дела с ценообразованием.

Забегая вперед, скажу, что нашу инициативу — использовать часть «штрафных» денег для премирования работников комитета цен — позднее поддержали законодатели Верховного Совета России, включив статью об этом в проект закона о политике ценообразования. Одобрив и то, что в нашей администрации впервые в стране был создан отдел по декларированию цен предприятиями-монополистами.

В большинстве случаев нарушения в ценообразовании допускались незначительные, и бороться с ними не составляло особого труда. Хороший штраф быстро отбивал охоту взвинчивать цены. Но случались и серьезные конфликты. Однажды Трошин направил с проверкой своих сотрудников на белогорский мелькомбинат «Восточный». Директор комбината Борис Черей встретил незваных гостей недружелюбно, не хотел давать нужные документы, но те все-таки своего добились. Поработали основательно, проверили все до последней мелочи и установили, что указываемая руководством предприятия себестоимость муки — сплошная «липа». А отсюда и цена слишком завышена. За короткий срок комбинат за счет завышения цен извлек из карманов населения свыше пяти миллионов рублей. По тем временам это была огромная сумма.

Конечно, комитет цен изъял все, что положено, в бюджет. Но Трошин и его сотрудники считали, что Черей нельзя больше оставлять руководителем предприятия, и

потребовали его увольнения. Поскольку «Восточный» все еще находился в государственной собственности, проблем с увольнением, вроде бы, не было. Но тут произошло непредвиденное: Черей оказался депутатом областного Совета, для освобождения его от должности требовалось согласие этого органа.

Надо сказать, что на своих сессиях депутаты постоянно клеймили президента, правительство и областную администрацию за допущенный в стране рост цен, называя его «геноцидом против собственного народа». Громче всех в этом хоре звучал голос Черей.

И вдруг оказалось, что один из самых «активных борцов за народное счастье» сам обирает население да еще в таких крупных размерах! Вот бы и разобраться с ним принародно. Но нет, его коллеги по депутатскому корпусу, тоже «борцы» за народное счастье, не дали согласия на увольнение.

В другой раз произошел конфликт еще более серьезный. Случилось это за два дня до объявленной центральным руководством профсоюзов всероссийской акции протеста против повышения цен. В этот день в Благовещенске ни с того ни с сего вдруг подскочила цена на хлеб. Произошло это так.

С утра все руководство областной администрации находилось на сессии облсовета, которая продлилась до позднего вечера. Я поднялся в свой кабинет, когда рабочий день закончился и сотрудники разошлись. Секретарь в приемной огорошила:

— Альберт Аркадьевич, было несколько звонков из разных концов города, говорят, подорожал хлеб. Люди спрашивают, что происходит.

— Вы уже выяснили, в чем дело?

— Не могу. Никого из руководства нет на месте.

— Когда были звонки?

— В течение последнего получаса.

— Хорошо. Обзвоните все телефоны комитета цен. Может, кто-нибудь еще не ушел.

Действительно, удалось связаться с задержавшейся на работе сотрудницей этого комитета. Она была крайне удивлена.

— Такого не может быть, — заявила категорично. — Производственное объединение «Хлебопродукт» включено в реестр монополистов. Они должны за месяц обратиться в наш комитет с заявкой, представить свои расчеты и только после согласия комитета изменять цены. Но никаких заявок из «Хлебопродукта» не поступало.

— Где сейчас Трошин?

— Выступает по телевидению.

— Ах, да...

Я включил маленький телевизор черно-белого изображения, который помощник притащил со склада, чтобы глава мог смотреть и слушать иногда последние известия. На экране как раз что-то говорил Трошин. Рядом с ним сидели другие ответственные работники администрации — Григорий Никандров, Светлана Чернявская, председатель антимонопольного управления Александр Богатырев, еще кто-то. Они чинно беседовали, отвечали на вопросы ведущего о положении дел в торговле, наличии товарных запасов, ценовой политике. И никто из них, похоже, не знал, что в эту минуту десятки, а может, и сотни людей расплачиваются за хлеб более звонкой монетой.

За объяснением случившегося, как говорится, и к бабке ходить не надо было. Цену подняли в очень удобный момент: когда рабочий день закончился и никакая администрация ничего изменить не сможет. Значит, самый нужный людям продукт будут продавать по повышенным ценам целых два дня — в субботу и воскресенье. А в понедельник начинается всероссийская акция протеста как раз по поводу повышения цен.

Ну что ж, поглядим... Минувя секретаря, я связался напрямую с гаражом, вызвал машину и через несколько минут уже был на телевидении, переполошив своим появлением персонал.

— Сможете сделать так, чтобы я незаметно вошел в группу выступающих? — спросил у старшего. — Переведите камеру на один край стола, а мне в это время поставьте стул в другом. И продолжайте передачу как ни в чем не бывало.

Но «как ни в чем не бывало» не получилось. Едва я занял свое место, ведущий сказал:

— Пока мы говорили об антимонопольных мерах, в студии произошли изменения — появился глава областной администрации. Это не было предусмотрено, значит, что-то случилось.

Коротко, в телеграфном стиле, я рассказал телезрителям, что произошло. И обратился непосредственно к работникам магазинов: немедленно вернитесь к старым ценам! В понедельник этим делом займется комитет цен, виновные получают по заслугам, незаконно полученные с населения суммы будут изъяты в бюджет, а сейчас не следует накалять бессмысленные страсти.

После окончания передачи меня обступили взволнованные коллеги. Мнение у всех было единое: кто-то хорошо спланировал и организовал эту акцию. Договорились завтра с утра разехать по магазинам города, и если кто-то не слушал передачу или решил не подчиниться устному распоряжению главы областной администрации, то на месте принять оперативные меры.

На следующий день я и сам поехал по магазинам. И в первом же — новые цены на хлеб. Спрашиваю у заведующей: в чем дело? Показывает накладную хлебозавода — это там сделали наценку. А разве не слышали вчера распоряжения по телевизору? Слышала. И она молча убрала новый ценник, достала старый.

В других магазинах, которые удалось посетить, все было в порядке. И туда завезли хлеб по повышенной цене, но после телепередачи там сориентировались правильно. Хорошие вести поступили и от других работников администрации, тоже участвовавших в рейде.

Ожидаемого подарка к всероссийской акции протеста амурские профсоюзные боссы так и не получили.

Вы чье, старичье?

Социальное неравенство и бедность одинаково присущи всем странам мира. Разница лишь в том, как относится к этим явлениям власть. Я вырос в практически нищей семье, где всегда хотелось есть. Ощущение постоянного голода сопровождало с детских лет и до тех пор, пока сам не пошел работать. С появлением собственной семьи дела поправились: как-никак работал слесарем пятого разряда, потом шофером первого класса, затем журналистом, да еще писал книги. Жена была сначала простым, потом главным бухгалтером крупного строительного объединения. Но и через 20-30 лет после войны вокруг оставалось немало людей, которые продолжали жить в такой же нищете, как я в детстве и юности.

Время от времени по долгу службы приходилось заниматься жалобами таких людей. Помню, где-то в конце семидесятых или начале восьмидесятых, когда страна на всех парах выполняла брежневскую продовольственную программу, один крестьянин из Свободненского района спрашивал, как теперь им со старухой жить, если все здоровье они оставили в колхозе, а пенсия — всего 12 рублей в месяц?

Конечно, я помчался в Свободненский район, распираемый гневом к местным чиновникам. Почему они платят старикам так мало, если минимальная пенсия в стране — 60 рублей? И шестьдесят-то — мизер, это я знал по подругам своей матери — женщинам-одиночкам, а тут вообще черт знает что...

Старички оказались преклонного возраста — за восемьдесят. До недавнего времени их выручали огород и скотина, но теперь ни у деда, ни у бабушки моченьки не было заниматься хозяйством.

— Какой у вас трудовой стаж на производстве? — спрашиваю. — То есть сколько лет работали на государство?

— Так всю жизнь, — отвечают. — Сначала в колхозе, а когда колхоз стал совхозом, перешли туда. По полвека с гаком трудового стажа наберется.

Отправляюсь в Свободненский райсобес, требую объяснений,

— Ох, — тяжело вздохнула заведующая, — знаю я этого дедушку, действительно хороший труженик был. А что теперь делать с ним — один Бог ведает. Прежде-то своих стариков обязаны были колхозы кормить, государство от такой заботы себя освободило. А когда многие колхозы реорганизовались в совхозы — стало некому. Собес платит мало потому, что работа в колхозе не засчитывается в трудовой стаж.

— Но почему? Разве колхозы не кормили страну, армию?

— Кормили, конечно. Все отдавали государству, сами за «палочки» работали. Но так решило правительство, а мы лишней копейки добавить не можем. В районе очень много таких людей.

Как ни пытался я что-то сделать для этих несчастных — ничего не вышло. Государство упорно не желало хотя бы относительно сносно обеспечить на старости лет своих бывших кормильцев.

Но то было другое государство — советское. Уподобиться ему мы не имели права.

Через несколько дней после моего вступления в должность, когда только начали формировать администрацию, по местному радио передали любопытную информацию: в одном из районов области помимо собеса создали еще и свой внебюджетный фонд поддержки малоимущих. Хотя средств у этого фонда было пока немного, он уже сумел помочь некоторым старикам и многодетным семьям.

А ведь это, подумалось, может быть, как раз то, что сегодня нужно: внебюджетный, а еще лучше государственно-общественный фонд социальной защиты малоимущих, которым распоряжались бы не из Москвы, а на месте. В него можно объединить бюджетные, внебюджетные и негосударственные средства, например пожертвования бизнесменов и состоятельных граждан, да мало ли еще какие деньги. А руководство фондом должен взять на себя авторитетный и влиятельный человек, например первый заместитель главы областной администрации.

В тот же день я «пробовал» эту идею на людях. По какому-то делу мне позвонил председатель областного совета профсоюзов Евгений Шумаков, с которым мы были знакомы не менее четверти века,

— Я двумя руками за такой фонд — сразу же поддержал он. — Профсоюзы будут обязательно вносить в него свою лепту.

Встретились с Бикбулатовым. Он, как и я, тоже слушал утреннюю радиопередачу и тоже размышлял о создании такого фонда. Валерий Яковлевич без колебаний согласился его возглавить, лично разработать всю документацию и подобрать нужных людей.

В течение полумесяца подготовительная работа была закончена. 11 ноября я подписал постановление о создании областного государственно-общественного фонда социальной поддержки малоимущих и милосердия. С этого дня у инвалидов, пенсионеров, матерей-одиночек и многодетных семей появился друг и помощник, к которому они могли обращаться в случае нужды.

Остро нуждающихся оказалось очень и очень много. Их списки нам передали из областного Совета ветеранов, областного детского фонда, облсобеса. Да и сами люди, у кого большая нужда, постоянно приходили, писали, звонили.

Львиную долю средств фонду выделила администрация, другую — профсоюзы, внесли свою лепту и предприниматели. Помимо главной штаб-квартиры, заработали и отделения фонда в городах и районах. Там тоже изыскивали средства.

В те дни я не упускал случая, чтобы перенять какую-нибудь новинку у своих коллег — губернаторов Дальнего Востока. И вот, побывав в Хабаровске, стал свидетелем конфликта между главой администрации края Виктором Ишаевым и краевой прокуратурой. Ишаев без соответствующего решения правительства своим постановлением повысил цены на водку, а прокурор опротестовал его действия. Тогда Виктор Иванович обратился напрямую к населению по телевидению. Он заявил, что если прокуратура не отзовет протест, глава администрации будет вынужден отменить свое постановление, и тогда дополнительной поддержки лишатся пенсионеры, матери-одиночки, другие малоимущие.

— И знаешь, протест отозвали, — с удовлетворением сказал мне Ишаев. — Уж не знаю, что больше подействовало на прокурора — мои слова или многочисленные звонки стариков. Но факт остается фактом.

Вернувшись домой, я рассказал обо всем Никандрову, дал ему постановление Хабаровского губернатора и поручил подготовить аналогичный документ для нашей области. Предупредил:

— Никаких протестов прокурора быть не должно. Чтобы постановление заработало и не вызвало возмущений у населения, цену на водку надо поднять в разумных пределах. И указать, что средства от повышения пойдут не в бюджет и не на счет администрации, а в фонд социальной защиты и милосердия, откуда могут быть потрачены только на поддержание остро нуждающихся.

Никандров ушел и несколько дней не возвращался к этой теме. Я его не торопил, но ожидал, когда он положит мне на стол готовый проект. Однако он словно забыл о поручении. Наконец, через неделю, пришел ко мне просветленный.

— Вот, можете подписывать, — он положил передо мной довольно пространственный документ. — Все продумано и просчитано, согласовано со всеми заинтересованными сторонами, в том числе и с прокуратурой, так что протеста не будет.

И все же я подписал постановление с некоторым опасением. Ведь с одной заинтересованной стороной проект все же не был согласован — с покупателями, которым, хотя и немного, но все же придется переплачивать за каждую бутылку. Однако в следующие дни все было спокойно: молчала пресса, не было возмущенных звонков. Правда, что говорят в очередях винных отделов, я не слышал. Но примерно через неделю после подписания постановления по дороге в аэропорт обратил внимание, что возле одного из самых популярных в городе специализированных винных магазинов — на углу улиц 50 лет Октября и Северной, где всегда стояла толпа страждущих, на этот раз не было ни души. «Наверное, не завезли или уже кончилась водка», — подумал про себя. Но в тот же момент отворилась дверь и на крыльце появилась дородная женщина, прижимающая к пышной груди несколько бутылок.

Видя мое недоумение, шофер и помощник рассмеялись:

— Так теперь очередей за водкой вообще нет. Бери сколько хочешь. Немного дороговато, зато свободно.

Так совершенно неожиданно казавшаяся неразрешимой водочная проблема была решена одним махом. А на расчетный счет фонда социальной защиты населения и милосердия начали поступать приличные деньги.

27 декабря Верховный Совет России принял постановление, обязывающее власть на местах создать фонды, подобные нашему. Мы сделали это сами, без указания сверху и на полтора месяца раньше. А к этому времени у нашей администрации была уже целая программа социальной защиты беднейших слоев населения. Валерий Яковлевич Бикбулатов справился со своей задачей блестяще: программа у него получилась обширная, подробная, конкретная, с указанием сроков и ответственных за исполнение.

В соответствии с ней мы начали восстанавливать магазины «Ветеран». Когда-то эти разбросанные по всей области торговые точки с одинаковым названием отпускали пенсионерам продукты по сниженным ценам. Однако теперь они ничем не отличались от

обычных лавок, приходилось даже слышать жалобы, что товары там стали дороже, чем в свободной торговле.

Никандров нашел оригинальный способ дотирования ветеранских магазинов. Как раз в это время началась замена продуктов питания в хранилищах госрезерва. Отлежавшие положенный срок в морозильных камерах мясо, рыба, мясные и рыбные консервы, сливочное масло и маргарин, практически не утратившие своих качеств, отправлялись для продажи населению, а на их место закладывались свежие запасы. Так было всегда, хотя покупатели и не подозревали, что власти время от времени проводят такие операции.

На сей раз государству приходилось покупать продовольствие для госрезерва по новым ценам, а реализовать то, что хранилось, — по старым. Естественно, что на этот дешевый товар сразу же «загорелся зуб» у разных фирм и фирмочек, крупных и мелких чиновников. Но мы твердо решили — никому! На все, что освобождалось из госрезерва, тут же, как говорится, накладывали руку Никандров и Чернявская. Благодаря этому нам удалось не допустить утечки огромного количества дешевого продовольствия на сторону, быстро возродить магазины «Ветеран», поддержать детские дома, дома ребенка и престарелых, больницы.

К сожалению, этот источник был недолговечным. Значительно большие перспективы открывало для нас государственное регулирование внешней торговли. Администрация и ее внешнеэкономический комитет никому не чинили препятствий, никого не облагали местной данью, не занимались поборами. Это противоречило бы самой сути новой власти. Все, кто хотел торговать с Китаем — предприятия, колхозы, совхозы, частные фирмы, отдельные граждане, — получали такую возможность без помех.

Однако по постановлению правительства некоторые товары лицензировались. Области давались квоты на экспорт леса, удобрений, металла, а администрация обязана была выдавать владельцам этой продукции экспортные лицензии в пределах установленных квот. Тут-то и появлялась возможность кое-что скорректировать.

На заседании лицензионной комиссии спрашивали солидного экспортера — директора завода:

— В вашем контракте указано, что взамен металла завод намерен получить обувь, трикотажное белье, куртки и тому подобное. С какой целью?

— Чтобы одеть и обуть свой коллектив, — отвечал директор. — За последние годы люди вконец обносились.

— Дело хорошее, — говорили ему. — Только вот так же, как ваши рабочие, пообносились учителя, медики, а торговать им нечем. Не могли бы вы продать им часть товара?

— Как не продать? — с готовностью отвечал директор. — Конечно, конечно. Это ведь тоже наши люди.

Другой соискатель лицензии, предприниматель, собирался в обмен на удобрения завезти продукты питания для продажи.

— Хорошо, лицензию мы вам дадим, кормите наших граждан, — говорили ему. — Но есть небольшая просьба: нельзя ли закупить там партию сливочного масла и тушенки подешевле и продать детскому дому без накруток?

— А сколько надо?

Ему называли — сколько.

— Да я им все это бесплатно завезу, — оживлялся предприниматель. — Бог ты мой, это же для нас не проблема.

Конечно, не все были готовы поделиться с малоимущими бесплатно, но помочь более дешевым товаром отказов не было. Предприниматели, директора предприятий, президенты фирм понимали, что это — не взятка чиновникам, что их деньги пойдут не в

бюджет, а оттуда неизвестно куда. У получателей помощи был конкретный адрес: фонд защиты малоимущих, магазин «Ветеран», дом престарелых или дом ребенка.

Когда этот маховик закрутился, я практически перестал заниматься проблемами социальной защиты населения. Бикбулатов, Никандров, Чернявская и их многочисленные помощники отлично справлялись с этим делом и сами. Но и до меня постоянно доходила информация, что запущенный маховик крутится, работа идет. Одним из источников этой информации стала... моя мама Зоя Ефимовна.

Тогда она жила отдельно от нас, с нашей старшей дочерью Людмилой, то есть со своей внучкой. Нередко, приходя в гости, она сообщала:

— А нам опять к пенсии по сто рублей выдали. В который уж раз. Правильно ты делаешь, что добавляешь пенсионерам от себя.

— Это не я, мама. Это власть вашего Пограничного района.

— Ну да, — недоверчиво возражала она. — А народ говорит, что ты.

— Народ не в курсе дела. Я лишь обязал местную власть доплачивать вам не менее ста рублей в месяц. А деньги изыскивают они сами.

Видимо, она мне не верила. И не мудрено: за многие десятилетия люди привыкли связывать все, что делалось в городе, области, стране, с первым лицом. На него же, первое лицо, вешали и всех собак.

Страсти-мордасти

Не знаю, как коллеги, а лично я почувствовал, что «операция без наркоза» прошла успешно и дело идет на поправку, месяца через три-четыре после начала реформы. К этому времени температура больного, вызванная отсечением пораженного органа, начала постепенно спадать. У исстрадавшегося организма появился аппетит, глаза вновь заблестели, на щеках обозначился румянец.

Лучше всего это было видно на примере торговли. Продовольственные карточки, приготовленные нами на всякий случай, остались неиспользованными — потребность в них так и не наступила. Незаметно, по-будничному, без шума и помпы в продаже появилось практически все. Оживились крупные и мелкие магазины, в самых людных местах открылись небольшие базарчики, заваленные всевозможной снедью, начиная от живых карасей из местных водоемов и кончая экзотическими фруктами из субтропических стран. Тесно стало в своих границах центральному рынку областного центра, прежде всегда пустовавшему. Торговля шла в помещениях, на улице, у многочисленных, невесть откуда взявшихся киосков, из кузовов и багажников автомашин. Было такое впечатление, что весь город только и занимается тем, что покупает и продает.

Прошло каких-то три-четыре месяца, а казалось, что мы живем в совсем другой стране и даже на другой планете, где действуют иные измерения. Необычным был не только огромный наплыв товаров, поражали и цены — все стоило в тысячу, пять, десять тысяч раз дороже! На непривычный уровень вышла и зарплата.

Вскоре после 2 января во всех регионах страны стала ощущаться нехватка наличных денег. Еще недавно их никто не хотел брать, называли деревянными, денежные расчеты заменял бартер. Теперь всем потребовалась «наличка». Понятно, что старые рубли при десятикратном взлете цен не могли обеспечить потребности экономики, надо было заменить их новыми, более крупными дензнаками. На беду, Верховный Совет, которому тогда подчинялся Центробанк, долго не соглашался печатать крупные купюры, а когда согласился, в стране уже создалось напряжение с наличностью. Правительство запустило печатный станок на полную мощь, однако наверстать упущенное было непросто.

Ощущая нехватку «живых» денег, мы тоже принимали свои меры. Я подписал постановление, подготовленное местными банкирами, которое остановило утечку из области «налички». Это не очень вязалось с рынком, но пришлось, что называется,

закрывать глаза, потому что иного выхода не было. К счастью, Центробанк вскоре прислал в область новые дензнаки, поэтому я с удовольствием отменил свое постановление о запрете вывозить денежную наличность значительно раньше, чем обещал. Проблема выдачи зарплаты, пенсий, пособий, едва обозначившись, была снята.

Теперь, после многих месяцев напряженного ожидания всеобщей катастрофы, можно было бы вздохнуть с облегчением. Но именно в это время — через три-четыре месяца после начала реформы — на необъятных просторах России вдруг заголосили плакальщицы.

Когда-то на Руси была такая профессия: женщин, умеющих причитать над покойником, нанимали за хорошую плату родственники усопших. Со временем традиция эта исчезла. И вот опять заголосили! Да не по отдельным покойникам, а по России в целом.

Громче всех в этом многозвучном хоре гремели голоса людей с депутатскими значками. Как в самой Белокаменной, так и на местах. «Россия-матушка вымирает, — причитали они. — Антинародный режим Ельцина проводит политику геноцида против собственного народа. Правительству выгодно, чтобы люди дошли как мухи — меньше останется ртов. Оно специально растит детей дураками, чтобы легче было управлять». Ну прямо страсти-мордасти какие-то да и только...

Если бы дело ограничилось только такими причитаниями, это бы еще куда ни шло. Так нет — воинствующие «плакальщицы» призывали народ к топору, лезли из кожи вон, чтобы внести в экономику страны еще больший хаос с помощью забастовок.

Наши амурские «друзья народа» тоже оказались не лыком шиты. «Спасать» Россию от «вымирания» они ринулись с не меньшим остервенением, чем их столичные коллеги. Над Амурской землей пронесся их призывный клич: «Чтобы жить лучше и получать больше, надо прекращать работу и бастовать». Только вот поднять людей на такие сомнительные забастовки для областных профсоюзных боссов оказалось проблемой. Не хотели амурчане бастовать — не видели для этого оснований.

Не знаю уж почему, но первую массовую стачку попытались организовать на моем родном предприятии — в пассажирской автоколонне № 1275. Наверное, привлекло особое положение автобусников в городе: ведь не выйди они на линию — и могли остановиться многие заводы и учреждения.

В один из апрельских дней, спозаранку, на территории автобусного парка появились функционеры из обкома профсоюза транспортников. Это были в основном бывшие партийные работники, направленные на руководящие посты в профсоюз еще обкомом КПСС. Они и теперь продолжали выполнять функции «приводных ремней» (выражение Ленина), с помощью которых в прежние времена партия успешно приводила в движение широкие народные массы.

Водители автобусов как раз готовили свои машины к выезду на линии. Перекрыв шлагбаумами ворота, непрошеные визитеры принялись убеждать их отказаться от этого. Вместо ударной работы на благо города профсоюзы предлагали создать стачком и бастовать. Против чего? Конечно же, против «геноцида»!

Их слушали ровно тридцать минут, пока позволяло время. А потом подняли шлагбаумы, выставили агитаторов на улицу и разъехались по своим маршрутам.

Примерно так же заканчивались и остальные попытки. В северном Сковородинском районе «борцы против геноцида» хотели посадить народ на рельсы и тем самым перекрыть путь поездам, идущим по Транссибу. Поводом послужила задержка с выдачей зарплаты железнодорожникам. Действительно, в это время в банках не хватало наличных денег, но задержали зарплату не на несколько месяцев, как стало «модно» позднее, а всего на несколько дней.

Я уже собрался было ехать в Сковородинский район, разговаривать со своими избирателями, но надобность в этом отпала: местная власть разъяснила людям, почему нет денег, когда они будут, и железнодорожники отказались бастовать.

А вот с медиками Благовещенска оказалось сложнее. В 1990 году в их среде многие стали депутатами городского и двух районных Советов, и теперь они играли заметную роль в общественно-политической жизни города. По инициативе этих депутатов представители городских больниц собрались на конференцию, чтобы обсудить вопрос об общегородской забастовке медицинских работников, пригласили и меня.

У нас с начальником облздрави Эдуардом Федоровичем Коротаевым с первых дней работы установились хорошие деловые контакты. Первым строительным объектом, на котором я побывал после посещения замороженной ТЭЦ, была областная больница. Замершая стройка требовала немедленного вмешательства властей, я поручил Сычевскому заниматься ею ежедневно. У Коротаева были большие планы, он собирался построить несколько корпусов на территории первой горбольницы, но на это не выделялись средства. Я разрешил ему начинать стройку без денег, пообещав изыскать их позднее.

Во время командировок по области я непременно посещал периферийные больницы. Конечно, теперь медикам, как и всем в стране, в связи с ростом цен было труднее, но заметных изменений к худшему не наблюдалось. Медицина получала из бюджета в процентном отношении даже больше средств, чем прежде, просьб и претензий к главе областной администрации никто не высказывал.

И вдруг заговорили сразу о забастовке! Да еще в областном центре, где положение в медицине было намного лучше, чем в районах.

Звоню Коротаеву. Его нет — болеет. Заместителя тоже нет. Ладно, времени в обрез, разберемся на месте. Беру потолще блокнот записывать требования медиков — и вперед.

Сидим час, второй... Через трибуну вереницей проходят наследники Гиппократы, блистая отменным красноречием. Однако мой блокнот остается девственно чистым. Никаких конструктивных предложений, никаких требований, только охи и ахи по поводу дороговизны. Записывать в блокнот практически нечего. На трибуне — врач-травматолог с выдающейся статью, в народе таких называют бугаями. Говорит примерно следующее:

— Раньше-то как было: садятся врачи чай пить — у каждого с собой колбаска. А сейчас не можем мы позволить себе такой роскоши. Чай приходится пить с одним хлебом. У многих от недоедания кружится голова, дело доходит чуть ли не до обмороков.

«Ох и врет, — записываю в блокноте. — Ох и врет». Уж кому-кому, а мне-то известен настоящий голод. Не понаслышке знаю, на собственной шкуре испытал. Но ни во время войны, ни после у меня никогда не кружилась голова, тем более не случалось обмороков. За все голодные годы вообще не было ни одного такого случая ни в школе, ни по месту жительства.

— Больницы обнищали, не хватает спирта, нечем обработать больному рану, — продолжает звучать голос могучего травматолога. — Не можем обновить даже жесткую мебель. Дальше ехать, как говорится, некуда.

Ну наконец-то хоть какая-то конкретика появилась. Заношу в блокнот информацию о спирте и жесткой мебели. Хотя неужели скамейки, кушетки, тумбочки настолько поизносились, что надо их менять именно сейчас, во время кризиса? Но больше записывать нечего.

— Из выступлений я понял одно: вам не хватает денег, чтобы купить спирт и поменять жесткую мебель, — обращаюсь к залу, когда у ораторов иссяк запас красноречия. — Это проблемы решаемые. Сегодня же переведу свою двухмесячную зарплату на покупку спирта, а завтра разберусь с мебелью. Меры по двум названным фактам будут приняты незамедлительно. Независимо от решения вашей конференции. Но если уж решите бастовать, то хоть сформулируйте четко и ясно, чего вы хотите. Изложите свои конкретные требования к областной администрации, чтобы она знала, какая помощь требуется медицине.

Сказав это, покидаю зал. Пусть заканчивают свою конференцию без меня. Не хочу влиять своим дальнейшим присутствием на результаты голосования.

В тот же день я распорядился перечислить мою зарплату за два месяца на расчетный счет облздрави, указав, что деньги предназначены на покупку медицинского спирта. Бухгалтер без промедления выполнила указание и вручила мне квитанцию. На всякий случай об этом своем поступке решил пока не говорить жене — подождать подходящего момента.

На следующее утро к началу рабочего дня я уже был в первой городской больнице, где как раз и были проблемы со спиртом и мебелью. Никто не ожидал моего визита, не готовился к нему. Обошел весь больничный комплекс — от подвальных помещений до верхних этажей, беседовал с больными, санитарками, врачами. Больница функционировала нормально, сияла чистотой, делались перевязки, выполнялись другие медицинские процедуры. Никто из больных не жаловался на питание. Как будто на дворе и не было никакого кризиса.

Попросил главврача показать ту самую мебель, которая требует замены. Он смутился, начал говорить что-то вроде, мол, стыдно за тех сотрудников, которые несли на конференции всякую чушь.

— Нет уж, вы все-таки покажите, — твердо потребовал я. — Пока что негодной мебели я у вас не заметил.

Вновь спустились в подвальное помещение, где до этого проводилась планерка. Теперь здесь все можно было разглядеть основательно. Мебель была хоть и старая, но сработанная добротной — могла служить, наверное, еще не менее четверти века. Правда, у некоторых откидных кресел открутились и потерялись крепежные гайки.

— Только и всего? — я не мог скрыть удивления. — Да тут не мебель надо менять, а вашего завхоза.

— Я же и говорю — стыдно, — снова проговорил главврач.

Еще больший сюрприз преподнесла больничная бухгалтерия. В отличие от врача-травматолога, она не жаловалась на нехватку средств, а сбой со спиртом, который действительно произошел некоторое время назад, объяснила тем, что медпрепарат просто не приобрели вовремя. Оказалось, что бухгалтерия тратит даже не все деньги, выделяемые на питание больных. Я возмутился: почему?

— Видите ли, — объяснила главбух, — больным положено иногда давать цитрусовые. А их в продаже одно время не было. Но это дело мы поправим.

Наконец очередь дошла до карточек сотрудников больницы, куда заносилась их заработная плата. Я попросил всю картотеку на стол — сам буду смотреть. Бухгалтер пожалала плечами, но просьбу исполнила.

Это было прелюбопытное занятие — черпать информацию не из уст ораторов, выступающих с трибуны от имени определенных политических сил, а из первоисточника. Документы сообщили, что зарплата работников больницы практически не отличается от зарплаты сотрудников областной администрации. Нянечки получали не меньше, чем наши секретари или машинистки, медперсонал повыше — как ведущие специалисты наших отделов. Была группа врачей, чья зарплата равнялась зарплате главы областной администрации.

Правда, почти все они получали по полторы ставки, то есть работали не 8, а 12 часов в сутки. Но ведь за такие деньги и я вкалывал не менее 14-16 часов ежедневно. При этом ответственность у меня была неизмеримо выше. У меня не кружилась голова от недоедания, а вот у могучего травматолога при такой же зарплате «кружилась».

Словом, обвели меня вокруг пальца, влип я со своим двухмесячным пожертвованием на спирт. Ну да ладно: за одного битого двух небитых дают. Вот только как объяснить это жене?

Не помню, какое решение приняла конференция медиков. Кажется, никакого. Во всяком случае, общегородская забастовка медицинских работников в Благовещенске так и не состоялась.

После этого вопрос о забастовках можно было бы считать решенным. Ни рабочий класс, ни трудовая интеллигенция эту акцию не поддержали. Однако кое-кому так хотелось побольше страстей-мордастей! И у них еще был неплохой резерв — село. Вскоре мой зам по сельскому хозяйству Геннадий Кондратюк сообщил:

— Завтра из районов прибывает несколько автобусов. Сельчане намерены пикетировать областную администрацию.

— Почему же только администрацию? — спросил я. — В этом здании находится и другая ветвь власти — областной Совет народных депутатов.

— Так областной Совет как раз и организовал это пикетирование, — в сердцах проговорил Кондратюк. — Неужели вы этого не понимаете?

— Как не понять? — усмехнулся я. — Очень даже хорошо понимаю. Но хотя бы для отвода глаз пикетировали и Совет.

На следующий день часов около одиннадцати Кондратюк позвонил мне по внутренней связи:

— Альберт Аркадьевич, автобусы привезли пикетчиков. Их представители хотят встретиться с вами.

— Сколько их?

— Пикетчиков — не знаю. Подсказывают, что человек 250–280. А делегатов шестеро.

— Ну что ж, веди...

Интересы сельчан представляли директора совхозов и председатели колхозов, которых теперь называли «красными сельхозгенералами». Не знаю, соответствовали ли они высокому званию генералов, но то, что все до единого они были «красными», — это точно. Некоторых я уже успел послушать по радио и телевидению: они громили исполнительную власть сверху донизу, поносили реформы. И сейчас с ходу ринулись в бой.

От имени «всех» крестьян области «главный пикетчик» вручил мне петицию с требованиями. Я ее прочитал. В принципе требования, конечно, были справедливые, под ними мы с Кондратюком вполне могли бы подписаться. Ну, например, под пунктом, который гласил: устранить диспаритет цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию. Многие крупные заводы страны, действительно, так взвинтили цены на свою продукцию, что крестьянам не по карману стала новая техника, удобрения, химикаты. Туда, несомненно, следовало послать специалистов вроде нашего Трошина, чтобы проверить, откуда взялись такие сумасшедшие цены?

Но, к сожалению, сделать это нашей администрации было не по зубам, так как и горячее, и сельхозтехника, и удобрения производились за пределами области. Решить проблему паритета цен могло только правительство. Поэтому я предложил делегатам пикетчиков подготовить туда совместное письмо — от областной администрации и представителей амурского села.

— Будет еще лучше, — добавил Кондратюк, — если поедут с этим письмом в Москву представители администрации и делегаты от сел. Проблемы общие, надо вместе их и пробивать.

Мне показалось, что посланцы пикетчиков чуточку подрастерялись. Видимо, не ожидали, что в администрации их поймут и поддержат. И даже предложат сотрудничество. Мы «пробежали» по всем другим пунктам требования — и их решение зависело не от администрации, а от правительства. Кондратюк увел делегатов к себе в кабинет — готовить письмо. А я, глядя им вслед, подумал: «И ради этого стоило везти из деревни 250 человек. Зачем?»

Между тем пикетирование администрации превратилось в митинг. Гости из сел переместились от Дома Советов на площадь Ленина, их лидеры поднялись на главную трибуну области, откуда прежде, в дни всенародных праздников, народ приветствовали

первые секретари обкома КПСС. Мне сказали, что увел их туда сам Анатолий Белоногов. Пришлось присоединиться к митингующим и мне.

Ораторы собрались как на подбор: почти каждый начинал и заканчивал свое выступление словами: «Долой Ельцина, Гайдара, Кривченко!» Иногда, правда, моя фамилия звучала второй, что мне очень льстило.

Выступил и Анатолий Николаевич. Его речь мало чем отличалась от других — тот же вопль о геноциде и вымирании народа, та же брань в адрес преступного режима демократов, то же требование «Долой Ельцина, Гайдара, Кривченко». Он говорил так, будто сам не являлся одним из высших руководителей области, а был всего лишь рядовым тружеником деревни, не имеющим иной возможности высказать свои претензии главе областной администрации, кроме как здесь, на митинге.

Это, конечно, было чересчур. Партия в свое время такого себе не позволяла. При ней все инициативы исходили от народа — и троцкистов к стенке поставить, и Ахматову с Зощенко от литературы отлучить, и розничные цены иной раз повысить. А тут и невооруженным глазом было видно, кому нужны все эти страсти-мордасти и кто организовал пикетирование и митинг крестьян.

Когда подошла очередь выступать мне, митинг фактически уже был окончен. Вдоволь пошумев, многие председатели колхозов и директора совхозов уводили своих людей к автобусам. Я сказал, что требование пикетчиков областная администрация в основном поддерживает, что уже готовится совместное письмо в правительство. Однако это никого не интересовало. Возможно, мало кто из прибывших на площадь знал, о каких требованиях идет речь. Дело было сделано, мероприятие состоялось, можно разъезжаться.

Привыкаем к рынку

С первых дней своего губернаторства не раз задавал себе вопрос: хорошо это или плохо, что я не имел опыта аппаратной работы? С одной стороны, любой опыт никогда не лишней, но с другой... Первые же уроки, преподнесенные старым аппаратчиком, отбили всякую охоту учиться. Оказывается, чтобы умело руководить людьми, надо держать их в кулаке, а для этого необходимо знать о них все: кто чем живет, о чем думает и говорит, с кем пьет и спит... У руководителя должен быть компромат на каждого сотрудника, в том числе и ближайших замов, и чем больше его будет, тем лучше.

Эти советы противно было даже слушать, не то что следовать им. Не годились и прежние методы руководства экономикой. В годы застоя при плановом хозяйстве, чтобы давать минимальный рост производства, достаточно было иногда ударить кулаком по столу или освободить парочку директоров. На случай, если эти меры не помогали и реальный рост все-таки отсутствовал, тоже имелся рецепт — корректировка планов в сторону уменьшения.

Сейчас, когда не стало централизованного снабжения и планового распределения продукции, администрация не то что ударить кулаком по столу, а вообще не имела права вмешиваться в хозяйственную деятельность предприятий. Имелось в виду, что их руководители станут сами выполнять те функции, которые прежде выполняло государство.

Однако большинство из них не были к этому готовы. После 2 января к Сычевскому, в комитет экономики, и, естественно, ко мне повалили директора промышленных предприятий и начальники строительных организаций, которые буквально стонали: помогите выбить металл, сантехнику, цемент, горючее. Бывшие поставщики из других регионов России, как и иркутские спецмонтажники, не хотели заключать с ними договоры под обесцененный рубль. К этому неожиданно добавился еще и разрыв хозяйственных связей, вызванный распадом Советского Союза.

До начала реформ была надежда, что после ликвидации Госплана СССР Министерство экономики России какое-то время будет удерживать в своих руках прежние рычаги государственного управления производством. Однако вышло не так. Старые механизмы рухнули в одночасье, а новые надо было еще создавать.

Образно говоря, огромная армия хозяйственных руководителей была брошена в реку на самую стремнину. Никто у нее не спрашивал, умеет ли она плавать. Некому было и спасать утопающих. Чтобы добраться до берега, каждый должен был сам в считанные мгновения освоить искусство плавания.

В принципе этот способ обучения выживанию, видимо, не так уж и плох, если придумали его наши предки в стародавние времена, а он существует и поныне. Но известно и другое: из двух лягушек, попавших в крынку с молоком, лишь одна барахтается до победного конца, а другая, не сопротивляясь, добровольно идет ко дну. Стало быть, и подход к ним должен быть разный: последней надо непременно протянуть помощь хотя бы в виде соломинки.

Побывав на свободненском заводе «Автозапчасть», я понял, что это крупнейшее предприятие области как раз и относится к разряду «последних». Такого мрачного настроения, как у его руководителей и инженерно-технических работников, прежде встречать не приходилось.

Завод не имел договоров на 1992 год ни с поставщиками сырья, ни с потребителями продукции. Прежде, кроме запасных частей к автомобилям, здесь делали еще и корпуса мин для оборонной промышленности, но сейчас госзаказа на эти изделия не было. Чем занять освободившееся оборудование, никто не знал. Посреди территории в окружении старых цехов стоял огромный новенький корпус без оборудования. Для каких нужд его использовать, тоже ни у кого не было ясности.

Собравшиеся в актовом зале администраторы и инженерно-технические работники в один голос требовали: восстановите госзаказ. О том, что надо самим налаживать контакты с поставщиками, искать потребителей, осваивать продукцию, которая пользовалась бы спросом, никто и слушать не хотел.

Между тем на заводе были и инициативные люди, которые искали выход из сложившейся ситуации. Много лет спустя я узнал, что именно в то время группа рядовых инженеров разработала проект производства на незагруженном оборудовании дорожных велосипедов. Этот вид транспорта чрезвычайно популярен в Китае, так что экспортные поставки заводу были бы обеспечены на многие годы вперед.

Однако проект лег «под сукно» начальства.

— Мальчишки, фантазеры, — отозвался о его авторах, даже не заглянув в папку, один из руководителей завода. — Воображают о себе черт знает что...

После такого «отзыва» главный закоперщик проекта ушел на другое предприятие. И там его вскоре избрали директором. А на «Автозапчасти» он оказался не нужен.

Общение с беспомощным руководством завода не оставляло сомнений: нельзя бросать предприятие на произвол судьбы. Без вмешательства и поддержки государства ему не выбраться из омуты. Я еще и еще раз благодарил судьбу за то, что в это трудное время, когда приходится принимать неординарные решения, она послала мне такого мудрого, многоопытного, заряженного неиссякаемой энергией помощника, как Геннадий Витальевич Сычевский. Для многих руководителей производства он в те дни стал настоящим локомотивом. Таким локомотивом был он и для меня.

Вернувшись из Свободного, я рассказал ему об увиденном, спросил, что будем делать с заводом? Он тоже считал, что этим предприятием следует по-настоящему заняться нашей администрации.

— На его бездействующем оборудовании можно очень быстро наладить выпуск мини-тракторов для фермеров и личных хозяйств сельчан, — уверенно сказал Сычевский. — Наша родная российская промышленность таких тракторов вообще не выпускает. Но есть мини-трактора китайского производства. Сейчас несколько этих машин поступило в

нашу область. Если они себя хорошо проявят на амурских полях, начнем переговоры с китайцами о совместном производстве или покупке лицензии.

Но это еще когда будет, а что делать сейчас? Мы судили и так и этак, но получалось, что надо обращаться за помощью в правительство. Я поехал к министру промышленности России Александру Титкину — бывшему народному депутату РСФСР, с которым мы работали в комиссии по подготовке первого съезда народных депутатов России и ездили в Загорск, распевая песенку о съезде нардепов СССР. Генеральный директор крупного оборонного завода, Саша знал организацию производства лучше, чем кто-либо, министром он был, что называется, от станка. Мы долго говорили с ним за жизнь, за нашу прошлую депутатскую работу и, конечно же, за реформы. Он обещал частично восстановить госзаказ на корпуса мин, а также выделить заводу средства по линии конверсии.

— Но как вы их используете? — спросил Титкин. — Не получится ли, что деньги завод проест и проплет, а нового, гражданского производства так и не освоит?

Я дал гарантию, что бюджетные деньги не будут ни проедены, ни пропиты. Но признался, что реального плана у нас нет, есть лишь самые общие наметки, о которых говорить пока рано. Под конец, не удержавшись, сказал о мини-тракторах. Ему идея понравилась.

— Вы не могли бы наладить их выпуск в самый минимальный срок? — спросил он. — Никто в России таких тракторов пока не выпускает. Дадим рядовому сельскому труженику в личное пользование хотя бы для начала по одной машине — масса трудового крестьянства пойдет за нами.

— Конечно можем, — кивнул я. — Если завод выпускает запчасти к автомобилям, то не будет проблем и с мини-тракторами. Только вот смогут ли китайские машины работать на наших полях?

— А почему не смогут? — спросил Титкин.

— У китайцев вообще продукция, как правило, низкого качества, — объяснил я. — Кроме того, условия у нас своеобразные. Когда в прошлом веке крестьяне из центральных районов России начали переселяться на Амур, то пытались пахать землю, как на родине, — одной лошадкой. А она не потянула. У нас надо было впрягать четверых, а то и шестерых.

— Удивительно. Ну да будем надеяться...

Но Сычевский меня расстроил. Когда я ему рассказал о встрече с Титкиным, он с сожалением покачал головой:

— Отзывы о китайских тракторах неважные. Скорее всего, они нас не устроят. Но ничего, будем искать что-нибудь другое. Главное, теперь можно рассчитывать на помощь правительства, а уж как ее использовать — решим...

Поездки по области, посещение предприятий позволяли увидеть многие проблемы изнутри, пощупать их, так сказать, в обнаженном виде. Но каждый раз доставляли новую головную боль. Я не мог отмахнуться от вопросов, которые ставили передо мной люди на местах, считал себя обязанным их непременно решить. А как? Например, на Ерковецком угольном разрезе машинист шагающего экскаватора жаловался, что нет тросов, кабелей, а поставщики далеко, на них не воздействуешь. Хоть и не пристало главе областной администрации заниматься снабженческими делами, хоть и возможности для этого не было, но душа-то болела...

— А знаешь, у нас все-таки есть одно средство воздействовать на поставщиков, — сказал как-то Сычевский. — Через их губернаторов. Как бы там ни было, а власть у нас все-таки слушают. Только вот выходить на них мне не по чину, это должен делать ты.

Ну что ж, попытка не пытка. Теперь ежедневно после трех часов, когда в европейской части страны начинался рабочий день, Геннадий Витальевич приходил ко мне в кабинет, клал на стол бумаги и давал указание — куда звонить, какую продукцию и для каких амурских предприятий просить. Иногда мои коллеги в других регионах

разводили руками: мол, давить на своих директоров не имеем права. Но чаще этот, оставшийся от прошлого, рычаг срабатывал. Как временную меру пришлось мне в начале 1992 года нести и этот крест.

Для людей, отвечающих за судьбу страны, начало 1992 года было временем испытания нервов. На них обрушился камнепад проблем, каждая из которых могла привести к катастрофе.

Помню, в конце 1990 года на заседании Верховного Совета РСФСР тогдашний вице-премьер правительства Григорий Явлинский, ссылаясь на мировой опыт, говорил, что когда падение производства превышает 20 процентов, то процесс разрушения народного хозяйства становится необратимым, остановить его уже невозможно, и экономика может погибнуть, если ее не спасет мировое сообщество.

В нашей области промышленное производство в январе 92-го по сравнению с январем предыдущего года сократилось аж на 22%. А за два месяца — январь и февраль — на 28. Если Явлинский прав, то теперь следовало ждать коллапса.

К счастью, «лягушек, сбивающих масло», у нас оказалось большинство. Уже в марте падение промышленного производства по сравнению с предыдущими месяцами прекратилось и начался его рост. За три месяца он составил пять процентов, за четыре — семь, за пять — одиннадцать, за шесть — восемнадцать. В июле и августе страна переживала очередной спад, а у нас в области снова был подъем.

Особенно мощную струю ветра вдохнул в наши паруса сентябрь. Область почти наверстала потерянное и за 9 месяцев выпустила промышленной продукции 97,7% от уровня 9 месяцев 1991 года. А сентябрьские показатели даже превысили показатели сентября 91-го — на 1,1 %. Не меньше радовало и то, что все предприятия области выполняли свои договорные обязательства по поставкам. То есть не ударили в грязь лицом перед другими регионами страны даже в это сверхтрудное время. Среди них были и такие, которые вообще вроде бы не замечали кризиса. Помню, довелось побывать на Шимановском заводе по ремонту дорожно-строительной техники. Там было спокойно. Директор завода давно ожидал, что наступит время, когда государство выпустит предприятия на свободу, и готовился к этому. Не дожидаясь разнарядок еще существовавшего министерства, он сам выяснил реальные потребности заказчиков и заключил с ними договоры на 1992 год. Спрос на ремонт дорожной техники оказался ниже, чем в прежние годы, поэтому пришлось искать и других партнеров. В результате завод получил заказ на изготовление большой партии металлоконструкций, которые раньше не выпускал.

— Думаю, что в этом году кризис и закончится, — убежденно говорил мне директор. — Ну ладно, может быть, нынче спад еще будет, но в следующем, 93-м, обязательно начнется подъем. Кто как, а наш завод даст прироста не меньше пяти процентов.

Если бы его слова оказались пророческими! Ни он, ни я не знали тогда, что в стране уже подняли головы вчерашние силы, которые сделают все, чтобы не допустить экономического роста, ввергнуть народное хозяйство в еще больший кризис. Но об этом я расскажу чуть позже.

К середине 1992 года в области прочно встала на ноги и торговля. Прошлогоднего уровня она пока не достигла, но значительно опережала средние показатели по Российской Федерации. Многочисленные гости, в том числе и высокопоставленные чиновники из Москвы, удивлялись: откуда у вас столько товара?

Министерство торговли России решило провести в Благовещенске совещание-семинар огромного региона от Урала до Тихого океана. К нам приехали асы торговли из Хабаровска, Владивостока, Иркутска, Красноярска, Новосибирска, Омска, Барнаула, других крупных экономических центров. К сожалению, мне не довелось участвовать в работе этого совещания-семинара. Но Никандров и Чернявская рассказывали, что их коллеги были единодушны: сюда стоило ехать за опытом.

Теперь можно было не сомневаться, что не будет никакого коллапса и что экономика, как и страна в целом, не погибнет.

Брешь в стене

То, что амурская промышленность очень быстро оправилась от шока и из месяца в месяц наращивала выпуск продукции, свидетельствовало: рыночные механизмы начали работать. Ведь никаких иных рычагов управления экономикой теперь не существовало.

Однако это не давало оснований для успокоения. Фактически мы имели дело не с тем экономическим ростом, в обычном понимании, который вел к процветанию населения — после январского обвала наша промышленность всего лишь возвращалась к своему дореформенному, очень низкому уровню.

По экспертным оценкам, в Советском Союзе накануне его распада производственные мощности в промышленности на 85, а в некоторых отраслях на 95 процентов морально устарели и физически изнашивались. Не обновляясь и не модернизируясь в течение последних 10-15 лет, они не в состоянии были давать продукцию, способную конкурировать на мировом рынке. Поэтому западные страны покупали у великой державы лишь то, что ее допотопные, по мировым меркам, заводы не могли испортить, — в основном, сырье и энергоносители.

Нам теперь требовались огромные деньги, чтобы модернизировать большую часть оборудования, освоить новые технологии, перейти на выпуск современных изделий. Таких денег у казны не было, и появление их в обозримом будущем не предвиделось. Не существовало тогда в России и частного капитала. Оставался единственно разумный путь — привлечь капиталы зарубежных инвесторов.

Надо отдать должное западным деловым людям — они начали наводить мосты с новой Россией раньше политиков. Вскоре после путча гостиница «Россия», где жили депутаты и останавливались губернаторы, стала местом паломничества иностранных бизнесменов, коммерсантов, финансистов.

Каждый раз во время очередного приезда в столицу мне приходилось проводить переговоры с представителями двух-трех, а то и четырех западных фирм. Они не скрывали своей заинтересованности в сотрудничестве, но высказывали и опасения. Их пугала политическая нестабильность в стране, отсутствие законов, гарантирующих возврат капитала. С каждой новой встречей становилось все очевиднее, что привлечь западные инвестиции будет архисложно.

Мешало и еще одно препятствие — наша полная неосведомленность в вопросах международного бизнеса. Капиталисты хотели знать, куда будут вложены их деньги, в какое конкретное производство, кто станет покупать продукцию и по какой цене, когда начнется возврат вложенных средств и через сколько лет затраты окупятся. Им нужны были бизнес-планы или бизнес-проекты, у нас же ничего подобного не было, и мы понятия не имели, что это такое.

Некомпетентность в вопросах международного бизнеса была присуща не только нам — руководителям Амурской области. Этой детской болезнью на старте реформ страдали во всех регионах огромной России. Поэтому в Москве как грибы после дождя стали появляться всевозможные ассоциации, фонды, центры, которые предлагали региональным руководителям свои посреднические услуги.

Глава одной такой ассоциации с многообещающим названием «Международное экономическое сотрудничество» (сокращенно МЭС) побывал в Благовещенске. Сначала встретился с Белоноговым и подписал с ним соглашение о совместной деятельности. Потом, вернувшись в Москву, разыскал в гостинице и меня.

Это был средних лет, сухой, с горделивой осанкой человек, похожий на английского лорда или дипломата, какими их изображают в кино.

— Геннадий Васильевич Кириллов, — представился он.

Первое впечатление не обмануло. В ассоциации «Международное экономическое сотрудничество» действительно работали выходцы из бывшего Министерства иностранных дел СССР, вышколенные в МГИМО — Московском государственном институте международных отношений. У них были связи по всему земному шару, а также немалый опыт сотрудничества с иностранцами в хозяйственной сфере. Работали в МЭС и крупные экономисты, в том числе братья Уринсоны, один из которых стал позднее министром экономики России.

Я подтвердил, что помощь в налаживании контактов с западными странами нужна как воздух, рассказал о своих неудавшихся попытках привлечь инвесторов.

— Я бы не стал называть их неудавшимися, — возразил Геннадий Васильевич. — Ведь вы делаете первые шаги, поэтому ведете переговоры лишь о намерениях. С этого всегда начинаются деловые контакты. Стороны изучают друг друга, присматриваются. А вот заключать контракты — дело уже не администрации.

— То есть как? — не понял я. — А чье же?

— Лучше всего, если вы создадите акционерное общество, в котором у администрации будет небольшое количество акций в виде имущества. С акционерным обществом капиталисты охотно будут сотрудничать. От государства же потребуются лишь поддержка, содействие, а самое главное — гарантии. Кстати, Анатолий Николаевич по нашему совету уже создает такое АО.

Я поморщился: нет, Белоногов неисправим, опять пытается подменить главу администрации. Ведь соглашения от имени области подписывает не председатель Совета, а руководитель исполнительной власти. Не дело председателя и создавать акционерные общества.

После неудачной попытки включить в повестку дня сессии вопрос о незаконности моего назначения Анатолий Николаевич отнюдь не опустил руки, а принялся энергично и методично торпедировать работу администрации. Все мои постановления и распоряжения скрупулезно изучались в Совете и при малейшей зацепке немедленно опротестовывались через прокуратуру. Юрист администрации, пожилая тихая женщина, не выдержала такого давления и уволилась. Некоторое время мы вообще не имели юридической службы. Я предложил своим помощникам, прежде чем давать документы мне на подпись, относить их в областной Совет — пусть заранее высказывают претензии. «Нет уж, — сказал юрист Совета, — вы свои постановления принимайте, а мы будем их опротестовывать».

Если бы тем дело и кончилось, это бы еще ничего. В конце концов постоянные придирки лишь заставили нас более тщательно готовить каждый документ. Но Анатолий Николаевич пошел дальше: начал буквально оттеснять администрацию от руководства областью, брать на себя ее функции. Первым таким шагом стало решение облсовета о выведении из-под контроля администрации агропромышленного комплекса. Об этом я расскажу подробнее в одной из следующих глав, сейчас же лишь замечу, что больше месяца в АПК области проводилась прежняя антиреформаторская политика. Мне стоило огромного труда поставить все на свои места.

Вырвав у нас агропромышленный комплекс, Белоногов начал прибирать к рукам и структурные подразделения самой администрации — управления, комитеты, отделы. Попросту стал руководить ими напрямую, минуя меня. Звоню начальнику управления, а его нет — у Белоногова. Нужен председатель комитета — тоже у Белоногова. Что они там делают, какие вопросы решают — неизвестно. Через некоторое время это участилось настолько, что невозможно стало работать. Белоногов фактически весь день от начала и до конца только и занимался, что руководил нашими кадрами. Пришлось предупредить руководителей подразделений, что в случае, если еще раз в рабочее время кто-то из них окажется в кабинете у Белоногова, то будет уволен за прогул.

Однако Анатолий Николаевич не собирался отказываться от привычного ему стиля работы — всех вокруг подминать под себя, любые вопросы решать самому. В декабре

открылась ледовая переправа через Амур, можно было начинать торговлю с Китаем, а мы не выдали бизнесменам ни одной лицензии. Дело-то пустяковое: утвердить состав лицензионной комиссии в областном Совете, а вот этого-то Белоногов делать и не хотел. Он заявил, что отныне лицензии будет выдавать не комиссия при администрации, а так называемый малый Совет, тогда еще не существовавший. Поскольку очередная сессия областного Совета, которая должна была создать этот орган, планировалась лишь на середину января, то международную торговлю в области следовало отложить на целый месяц. Не хочу вспоминать, сколько нервной энергии пришлось затратить нам с Никандровым, чтобы уладить конфликт.

Я пытался объяснить с Белоноговым и так и этак. Однажды сделал это даже на сессии облсовета.

— Судьбе было угодно свести нас на одной дорожке — областной Совет народных депутатов и областную администрацию, — сказал с трибуны после очередного выпада спикера в наш адрес. — Вот уже три месяца мы идем по ней вроде бы в одном направлении и вроде бы делаем одно дело. Но в одном ли направлении идем? Одно ли дело делаем? По моему мнению, руководство Совета поставило перед собой цель воспрепятствовать любым конструктивным шагам администрации. Неужели вы не понимаете, в какой сложной ситуации находится сегодня Россия? Неужели не ясно, что преодолеть кризис мы сможем только общими и дружными усилиями?

Но Анатолию Николаевичу все эти слова были «до лампочки». Попытки парализовать работу исполнительной власти стали постоянными и все более настойчивыми. Правда, то, что соглашение с МЭС о сотрудничестве подписал Белоногов, а не я, наверное, было даже хорошо: может, хоть в этом деле областной Совет не станет ставить нам палки в колеса? Мы договорились с Кирилловым, что акционерное общество создадим в самое ближайшее время и поручим ему заниматься инвестициями. А МЭС будет работать непосредственно с ним, возьмет на себя основную заботу о бизнес-планах, поиске потенциальных инвесторов, международной экспертизе проектов.

Вернувшись в Благовещенск, я, несмотря на воскресный день, отправился на работу. Связался по внутренней связи с Белоноговым, он оказался на месте. Спускаясь к нему на второй этаж, увидел в коридоре и фойе много знакомых лиц. Зачем-то в выходной день здесь собрались главные киты областной экономики — руководители крупных промышленных предприятий и строительных организаций, производственных объединений и трестов.

Перекинувшись с ними парой фраз, прошел в кабинет председателя Совета. Со стороны могло показаться, что встретились два добрых приятеля — обменялись дружескими рукопожатиями, шутками-прибаутками, уселись друг против друга. Однако разговор начался далеко не простой и держал обоих больше часа в напряжении.

Я спросил прямо, чего он хочет, зачем плюет против ветра? Ведь все равно так, как желает он, никогда не будет и быть не может. Прошлое не вернешь, надо смотреть вперед. В конце концов все же договорились: будем работать вместе, поддерживать друг друга.

— Ладно, — сказал Белоногов, вставая, — идем к акционерам. Однако уже заждались.

— Так это они собрались в фойе? — удивился я. — Чего же ты раньше не сказал?

Киты областной экономики нас ожидали. Многие из них вздохнули с облегчением, когда мы появились вместе — я и Белоногов. Деловым людям осточертело противостояние властей — им хотелось работать, зарабатывать, приносить пользу.

Началось обсуждение учредительных документов. Для создания акционерного общества все было подготовлено. И название придумали: «Амурский союз». Я сказал, что название не годится: мало ли какие могут быть союзы — стоматологов, гинекологов, адвокатов. Пусть лучше будет так — «Амурский деловой союз». Согласились единогласно. Встал вопрос о генеральном директоре. Учредители и тут все продумали — они предложили на этот пост ведущего специалиста комитета экономики областной

администрации Геннадия Брагина. Это меня приятно удивило: значит, люди понимают всю серьезность начатого дела. С Геннадием Брагиным я познакомился при необычных обстоятельствах. Вскоре после создания администрации ко мне в кабинет буквально ворвался молодой человек с гуранской внешностью и сказал примерно следующее:

— Альберт Аркадьевич, сделайте со мной что хотите, увольняйте, но я с вами категорически не согласен.

Оказалось, что он работает в комитете экономики, и его возмутил один документ, родившийся в недрах администрации. Не помню уж, о чем там шла речь, запомнилось другое: не председатель комитета пришел оспаривать документ, а рядовой сотрудник.

Я усадил его за приставной столик и попросил изложить аргументы. Он изложил — толково, ясно и коротко.

— Да, вы правы, — согласился я. — Документ отменим. Но за что же вас увольнять?

— Ну, не знаю, — улыбнулся он. — Раньше было так положено.

Мы поговорили с ним еще, и я убедился, что у этого парня умная голова. Не раз потом задумывался: как использовать эту голову поэффективнее?

Конечно, киты амурской экономики попали в точку, но отпускать такого парня было жалко. Если бы куда-нибудь в другое место — ни за что бы не отпустил. А тут согласился — дело-то начинали важное.

Теперь непосредственно с МЭС работал Брагин. Но и я, бывая в Москве, обязательно отправлялся туда, интересовался, что и как. Москвичи, изучив наши предложения, остановили выбор на одном — разработке Огоджинского каменноугольного месторождения. Кириллов объяснил, что этот проект будет как бы тараном — если с его помощью удастся пробить брешь в стене, разделяющей нашу социалистическую и западную экономики, тогда разговаривать с капиталистами станет значительно легче. Ведь для западных предпринимателей очень важно, имеешь ты партнеров в большом мировом бизнесе или нет. Если в область пойдут первые деньги от солидных фирм с именем, это для нее будет лучшей аттестацией.

Через некоторое время Кириллов сообщил, что проектом заинтересовалась американская фирма, которая готова выделить на освоение месторождения все 112 миллионов долларов. Началась конкретная работа по подготовке контракта. Мы встретились с американцами в одном из самых дорогих и роскошных отелей Москвы. Первые переговоры произвели самое благоприятное впечатление и на нас, и на них. Американцы не скрывали своего удовлетворения от того, что российская сторона представлена так солидно: авторитетной московской фирмой с обширными международными связями, «Амурским деловым союзом», имеющим серьезных учредителей, и администрацией крупной и богатой области.

Там, на встрече с американцами, я впервые познал на практике, что такое «шведский стол». В теории это звучало примерно так: все бесплатно, бери что хочешь. Но выбрать «что хочешь» оказалось не так просто, блюд много и все на одно лицо — похожи на омлет. Как ни пытался найти родные биточки, шницель или рагу с макаронами, ничего не вышло. В конце концов взял то, что лежало ближе. До сих пор не знаю, что это было: мясо, рыба или морские водоросли.

Итак, брешь в стене, разделяющей нашу и западную экономики, вроде бы начали пробивать. Довести дело до конца теперь предстояло Брагину. Меня же захватил следующий проект — строительства ювелирной фабрики совместно с итальянцами.

Идея выпускать свои ювелирные изделия у амурских золотодобытчиков появилась давно. Ведь до 80 процентов ежегодно добываемого в мире золота продается именно в виде ювелирных изделий, которые стоят в четыре раза дороже самого металла. Из нашей же области все золото уходило, так сказать, в сыром виде, отчего казна недосчитывалась огромных сумм. Но осуществить эту идею при централизованном управлении экономикой было непросто. И вот теперь со всеми проработками ко мне пришел бывший начальник производственного объединения «Амурзолото» Анатолий Зарукин.

Итальянцы, согласившиеся принять участие в проекте, считались признанными мировыми лидерами в производстве ювелирных изделий. Они были готовы построить в Благовещенске фабрику по выпуску украшений из золота, в которой им принадлежало бы лишь 32 процента уставного капитала. Остальные средства итальянские финансисты обещали предоставить нам в виде долгосрочного кредита. Кроме того, партнеры готовы были реализовывать всю продукцию предприятия на мировом рынке. Более выгодное сотрудничество трудно было бы придумать.

Мы с Белоноговым поддержали этот проект, и вскоре я подписал постановление о регистрации совместного российско-итальянского предприятия «ОРО-Амур». Одним из его учредителей стал «Амурский деловой союз» — наше кровное детище, уже имеющее опыт международного сотрудничества. А вскоре произошло событие, прямо-таки нас окрылившее.

В Хабаровске состоялась международная экономическая конференция, в которой приняли участие послы стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Проводило ее правительство России по просьбе этих самых послов: они хотели познакомиться с Российским Дальним Востоком на предмет экономического сотрудничества с ним своих стран.

Конференция проходила в добром партийном стиле: на трибуну поднимались дальневосточные губернаторы и занимались самоотчетами. Они долго рассказывали, где находится их край или область, каковы там территория, население, климат, полезные ископаемые, промысловые звери и что растет из сельхозкультур. То есть сообщали послам то, что они, скорее всего, и сами знали.

Я сидел в президиуме и смотрел в зал: участники конференции, в том числе и иностранные гости, откровенно скучали, мало кто слушал ораторов. Послам наверняка хотелось услышать, как региональная российская власть относится к развитию международной торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе, готова ли она к экономическому сотрудничеству с соседними странами, в какие российские проекты азиатские бизнесмены могут вкладывать деньги. Однако никто из моих коллег об этом не говорил.

Мое выступление на конференции не планировалось, поэтому я мог изложить послам свои предложения лишь в перерывах да вечером в неформальной обстановке — благо на вечер был намечен банкет. Но перед концом дня руководитель семинара вице-премьер правительства Валерий Махарадзе сказал мне:

— Приходится вносить в программу изменения. Второй день работы проведем у вас в Благовещенске.

— То есть как в Благовещенске? — удивился я. — Это значит, что все участники переедут туда?

— Да. Завтра утром самолетом. Сможете вы принять достойно столько гостей?

— Но почему? Кому это пришло в голову?

— Так просят послы.

— И они хотят именно в Благовещенск, а не во Владивосток или Южно-Сахалинск?

— Да, да, именно к вам. Так сможете организовать достойный прием?

Продолжая удивляться, я пообещал, что, конечно, всех примем, разместим, сделаем все, что надо. Хотя понимал, что это будет далеко не просто. Обычно к приему высоких гостей местная власть готовится долго и тщательно, разрабатываются разные сценарии, обдумываются различные варианты. В этой работе участвуют, как правило, десятки, а то и сотни людей — в зависимости от служебного положения гостя. Нам же на все про все отводилась одна ночь.

— Вот это сюрприз! — воскликнул Бикбулатов, когда я ему позвонил. — Почти вся Азия едет?

— Ну вся не вся, а форум представительный. Уровень что надо. Поднимай на ноги всех, кого сможешь.

— Что ж, сделаем. Примем как надо.

Я посоветовал Бикбулатову пригласить на встречу побольше руководителей предприятий, предпринимателей, бизнесменов. Пусть пообщаются с посланцами большого капитала, и для тех, и для других это будет полезно.

Неожиданно возникла еще одна проблема. Как хозяину мне наверняка придется выступать перед гостями, а у меня не подготовлена речь. До сих пор тексты всех своих выступлений я писал сам, но сейчас на это не было времени. Пришлось попросить Валерия Яковлевича, чтобы он поручил написать для меня 15-минутное выступление председателю комитета экономики Александру Сурату.

Однако на следующий день у меня по этому поводу возникли сомнения. Сурат, конечно, поручение выполнит, но что он напишет? Такой же самоотчет, какие мы уже слышали? А ведь в запасе еще целый час лету...

Устроившись в кресле самолета, я достал из своего походно-депутатского дипломата несколько листов бумаги и принялся сочинять речь. Час пролетел как один миг. Когда колеса лайнера коснулись посадочной полосы Благовещенского аэропорта, текст был готов, и я поставил в нем последнюю точку.

Времени на перепечатку было в обрез, поэтому рукопись раздали сразу четырем машинисткам — по две странички на каждую.

Бикбулатов хорошо справился с заданием — большой зал Дома Советов был переполнен. Впервые в жизни мне пришлось выступать с переводчицей, которая стояла рядом на трибуне. Это оказалось не очень удобно, так как после нескольких фраз приходилось останавливаться и ждать, когда она переведет. Но, с другой стороны, в эти паузы я имел возможность наблюдать за реакцией зала.

Прежде всего меня, конечно, интересовали послы. Они слушали внимательно, даже, кажется, с интересом. За те полчаса, что мы с переводчицей стояли за трибуной, не заметил ни одного скучающего лица, не видел, чтобы кто-то перешептывался с соседом.

После окончания официальной части ко мне подошли несколько дипломатов во главе с посланником Австралии господином Стингом.

— Мы очень внимательно наблюдаем за Амурской областью, — сказал он по-русски почти без акцента. — Особенно после того, как вы провели международную торговую ярмарку. Не случайно мои коллеги упросили господина Махарадзе перенести работу конференции в Благовещенск. И, судя по вашему выступлению, сделали правильно. Знаем о политических разногласиях между вашей администрацией и областным парламентом. Но думаем, у вас хватит настойчивости, чтобы продолжать реформы.

— Безусловно, — подтвердил я. — Однако нам необходима финансовая поддержка для осуществления экономических проектов. Страны Азиатско-Тихоокеанского региона, где сосредоточены большие капиталы, могли бы ее оказать с немалой выгодой для себя.

— Конечно, конечно, поэтому мы и здесь, — улыбнулся он. — За нами в ваш замечательный город потянутся и финансисты, можете не сомневаться.

Забегая вперед, скажу, что Австралия стала той страной, деловые люди которой первыми предложили нашей области кредит в размере 200 миллионов долларов. Для начала! Но, увы, я тогда уже не был у власти, а область оказалась не в состоянии принять такие огромные деньги. Мне кажется, не готова она к этому и сейчас. Но в 92-м мы жили надеждой, что наши настойчивые усилия по привлечению иностранного капитала вот-вот увенчаются успехом и экономика области получит солидные инвестиции из-за рубежа. Считаю, что для этого у нас были все основания.

Бросок через Амур

В предыдущей главе уже упоминалось о международной торговой ярмарке в Благовещенске, вызвавшей немалый интерес в странах Азиатско-Тихоокеанского региона.

История ее такова. Весной 1992 года я возвращался в Благовещенск из Хабаровска после визита к тамошнему губернатору Виктору Ишаеву. В аэропорту встретил старого знакомого — фотокорреспондента журнала «Огонек» по Дальнему Востоку Владимира Кузнецова, улетавшего куда-то на очередные съемки. За те 10–15 минут, в течение которых мы общались, он успел сообщить о своих последних проблемах.

Оказалось, что Володя сегодня тоже встречался с Виктором Ишаевым, и могущественный хабаровский губернатор отказался поддержать его идею.

— Что же ты ему предложил? — спросил я.

— В том-то и дело, что идея хорошая, — воскликнул Кузнецов. — Возродить амурские торговые ярмарки. Все знают о знаменитых нижегородских ярмарках, которые, кстати, в наши дни уже возобновились. Но мало кому известно, что на другом конце России при «проклятом царизме» проходили не менее знаменитые амурские ярмарки. Они привлекали торговцев со всего восточного света. Увы, после революции их не стало.

— И что же сказал Ишаев?

— Сказал, что сейчас не время для всяких популистских выставок: мол, нам нечего предложить иностранцам, зачем позориться... А моя редакция могла бы взять шефство над этой ярмаркой.

По трансляции объявили посадку сразу на два рейса — Кузнецова и мой. Мы распрощались.

«А почему, собственно, старинная амурская ярмарка должна возродиться в Хабаровском крае, а не в Амурской области? — спрашивал я себя в самолете. — Уж извините, господа, но где бы она ни проходила до революции — в Хабаровске, Владивостоке или Благовещенске, — а сейчас ей самое место у нас».

Только вот действительно: что предложить иностранцам? Если уж хабаровский губернатор считает, что нечего, то у нас возможностей еще меньше.

Так сложилось исторически, что восточная окраина России, имевшая огромные природные богатства, за годы пятилеток оказалась на задворках советской экономики. Особенно не повезло в этом отношении едва ли не самой богатой ресурсами Амурской области.

Причина, конечно, была не в отсутствии местной инициативы. Индустриализация СССР, как известно, проводилась за счет глубинных и окраинных районов страны. Оттуда выгребали все, что можно, на строительство Уралмаша, Магнитки, Челябинского тракторного, ДнепроГЭСа, Запорожстали, других промышленных гигантов. Взамен из центра щедро раздавались обещания: «Потерпите, товарищи, в следующей пятилетке обязательно учтем ваши нужды». Но шли годы, сталинские пятилетки сменились брежневскими, а отношение руководства страны к глубинке и окраинам не менялось. С приходом Горбачева и началом перестройки вроде бы наступило время, когда государство начнет отдавать им долги. Но партия приняла другое решение: регионы должны переходить на самокупаемость и самофинансирование.

Новой областной администрации, как я уже говорил, досталась экономика, пребывающая, что называется, у разбитого корыта. Кроме откровенных провалов в руководстве народнохозяйственным комплексом, была тому и другая причина. По данным Сибирского отделения Академии наук, в Благовещенске, например, на каждого жителя города приходилось в шестьдесят раз меньше основных производственных фондов, чем, скажем, в Екатеринбурге. Вот и попробуй с таким промышленным потенциалом выйти на мировой рынок.

Но это если смотреть с одной стороны, а если с другой... Наш южный сосед — коммунистический Китай, пребывавший в такой же нищете, как и мы, за четырнадцать лет рыночных реформ стал крупным экспортером товаров народного потребления и продовольствия. Он смог бы сейчас буквально завалить дешевой одеждой и обувью, нижним бельем и чулочно-носочными изделиями, постельными принадлежностями,

различными овощами и другими продуктами не только приграничные края и области России, но и ее удаленные от границы экономически развитые районы.

Получив после распада СССР достаточную самостоятельность, последние тоже проявляли интерес к китайскому рынку. Нередко директора крупных промышленных предприятий Сибири, Урала, центра России просили нас, руководителей областной администрации, помочь им сбыть свою продукцию фирмам КНР и взамен приобрести товары народного потребления. То есть, чтобы выйти на далекий и незнакомый китайский рынок, им нужен был хороший посредник.

То же самое происходило и на той стороне Амура. Хэйхэ — город маленький, сродни нашему рабочему поселку. В годы китайской «культурной революции», то есть целое десятилетие, он вообще не развивался, казался вымершим. Жизнь едва затеплилась в нем, когда восстановились отношения между СССР и КНР и возобновилась приграничная торговля. Самому городу торговать было нечем, но местная власть умело воспользовалась его удобным географическим положением. Хэйхэ стал посредником между экономически развитыми внутренними районами Китая и их советскими торговыми партнерами.

За короткое время буквально на наших глазах захолустный городишко превратился в нормальный современный город. На месте довоенных построек как грибы после дождя росли многоэтажные жилые дома, офисы, улицы оделись в асфальт. Старожилы Благовещенска, глядя через Амур, удивлялись: чудо да и только.

Почему же и нам не пойти по такому пути? Пусть на нашу международную торговую ярмарку везут товар из Иркутска, Екатеринбурга, Нижнего Тагила, Челябинска, Санкт-Петербурга, Москвы. А с другой стороны — из Харбина, Даляня, Шанхая, Пекина. Чем больше будет грузоперевозок, тем лучше для нас.

При умелой внешнеэкономической политике Амурская область может стать огромной перевалочной базой для выхода промышленно развитых регионов России на все страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Для этого у нас есть железные дороги — Транссибирская и Байкало-Амурская, ведущие из Европы к Тихому океану, три железнодорожных выхода к российско-китайской границе, водный путь по Амуру и Сунгари в центральные районы Китая, удобный аэропорт в Благовещенске для полетов в тихоокеанские столицы. Нет, ярмарка для нас определено была необходима.

Вернувшись в Благовещенск, я в тот же час вынес свои мысли на обсуждение узкого совещания руководящих работников администрации. Очень боялся, что они меня не поддержат. Но поддержали. Единодушно. Сообща и название ярмарке придумали — «Амур-92».

Началась подготовительная работа. Сначала я утвердил председателем оргкомитета ярмарки Григория Никандрова, но он сказал, что лучше для этой роли подходит мэр Благовещенска Юрий Ляшко. Пришлось переделывать постановление об утверждении оргкомитета.

Ярмарка открылась в те дни, когда благовещенцы отмечали 134-летие своего города. Для показа товаров отвели три лучших здания: бывший Дом офицеров Советской Армии, Дом молодежи и Дом профсоюзов. Кроме того, на открытой площадке демонстрировались образцы всевозможной техники.

Итог ярмарки был таков. В ней участвовали 422 предприятия и фирмы из Китая, Японии, Гонконга, Тайваня, КНДР, Польши, Украины, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана. Свою продукцию демонстрировали предприятия и фирмы 111 российских городов. Под эгидой ярмарки было заключено более тысячи контрактов.

Оказалось, что местным деловым людям тоже есть что предложить пришлым купцам. «Амурский торговый дом», например, в дни работы ярмарки заключил аж 8 контрактов с российскими партнерами и 5 с иностранными, из них 2 — о создании совместных предприятий. Арендное предприятие «Светлана» подписало 5 контрактов,

Благовещенский судостроительный завод — 3, и т. д. Дирекция ярмарки заключила договор о долговременном сотрудничестве с известной Харбинской ярмаркой.

Такого ошеломляющего успеха никто не ожидал. На радостях оргкомитет предложил провести в конце года еще одну ярмарку — сельскохозяйственную, а следующим летом, в дни празднования 135-летия Благовещенска — третью.

Вскоре в сфере внешнеэкономической деятельности произошло еще одно немаловажное событие — открылась таможня в селе Поярково, на юге области. Хотя российско-китайская граница протянулась в общей сложности на 3600 километров, на ней исстари было всего три пограничных перехода, через которые велась торговля: в Читинской области, у нас в Благовещенске и в Приморском крае. В Забайкалье и Приморье через сухопутную границу грузы пропускались без задержек круглый год по железной дороге. У нас же переход затрудняла паромная переправа через Амур, которая из-за ледохода и ледостава на реке не могла работать 5–6 месяцев в году.

Несмотря на это, Благовещенская таможня теперь стала крупнейшей на российско-китайской границе. Местный речной порт буквально задыхался от натиска грузовиков, прилегающие к нему улицы постоянно были забиты автотранспортом, подолгу дожидавшимся своей очереди на погрузку в теплоходы.

Таможню в Поярково построили в рекордно короткий срок благодаря стараниям главы районной администрации Виталия Могильника. Теперь область имела не одни, а двое ворот к соседу, через которые непрерывно днем и ночью в обоих направлениях шли грузы. Но при таком наплыве желающих торговать и этого было мало. Мы решили открыть третий пограничный переход через Амур — у поселка Джалинда на севере области.

Здесь тоже было удобное место для создания перевалочной базы: к поселку так же, как к Благовещенску и Поярково, подходил железнодорожный путь от Транссиба. Правда, в отличие от Поярково, где уже был действующий речной порт, в Джалинде требовалось построить не только таможню, но и целый комплекс портовых сооружений: множество складов, жилье, офисы.

Я пригласил к себе генерального директора «Амурского делового союза» Геннадия Брагина и предложил взять на себя создание пограничного перехода в Джалинде. Предупредил, что в казне на это денег нет, придется ориентироваться на акционерный капитал да, может быть, на кредиты.

Брагин загорелся идеей, съездил на место, изучил там обстановку и вскоре вернулся с конкретными предложениями. Он просил дать гарантию администрации под кредит в 200 миллионов рублей и отпустить для непосредственного руководства работами главу Сквородинской районной администрации Ивана Парфенова. И то, и другое я выполнил.

О положении дел на новой стройке Брагин докладывал лично мне. Он в срок вернул банку кредит, выплатил проценты, можно было не сомневаться, что в следующем, 1993 году таможенный комплекс в Джалинде заработает.

Оперативные сводки радовали: объем внешней торговли в 1992 году в области вырос по сравнению с предыдущим годом в 3,8 раза. На фоне всеобщего экономического спада это, наверное, можно было назвать без всяких натяжек чудом. Но дело не только в объемах — изменился сам подход к внешнеэкономической деятельности, качественный состав экспорта и импорта.

Наш комитет по внешнеэкономическим связям с помощью Института международных экономических и политических исследований Академии наук России и Русского Делового Агентства разработал новую концепцию приграничной торговли. Она, эта торговля, и раньше развивалась, но, по мнению московских ученых, хаотично, бессистемно и слабо регулировалась. Наши торгаши гнали в Китай в основном сырье, лес, минеральные удобрения и химикаты, а также товары, которые и у нас пользовались большим спросом. В обмен же завозили так называемый «дефицит», распространяемый среди элиты. Простой народ ни своих товаров не видел, ни этого «дефицита».

Другой большой недостаток — наш товар сбывался, как правило, за бесценок. Коммерческие директора амурских предприятий отдавали его за первую же цену, названную китайцами. А сами приобретали «дефицит» втридорога. Между тем в Китае принято торговаться: там продавец всегда начинает торг с сильно завышенной цены, а покупатель — с сильно заниженной. Взаимные уступки все расставляют по местам.

Сейчас, бывая на благовещенских базарах, где торгуют китайцы, моя жена обычно называет им цену за товар в 2–2,5 раза меньшую, чем просят они. И нисколько не уступает. А в результате почти всегда приобретает покупки за ту цену, которую называет сама. Но это сейчас. А тогда наши представители, привыкшие к твердым плановым ценам, не знали о такой особенности китайских торгашей.

Новая концепция приграничной торговли предусматривала сокращение в экспорте доли сырья и увеличение доли готовых изделий, переориентацию импорта с «дефицита» для начальства на социально значимые товары для всего населения. Особая роль этой концепцией отводилась оказанию посреднических услуг местными фирмами другим регионам. За эти услуги они имели право брать плату в размере до 25 процентов от суммы сделок. На комитет по внешнеэкономическим связям была возложена задача следить за ценами, не допускать сделок, которые наносили бы ущерб области и России.

За весну, лето и осень 1992 года этот комитет, возглавляемый Татьяной Курц, рассмотрел более 600 контрактов. В результате их эффективность возросла на 30 миллионов швейцарских франков. Доля удобрений и химикатов в общем экспорте сократилась с 26 до 4,5 процента, на 42 процента уменьшились объемы вывозимого леса, зато в 4 раза увеличилась доля поставок за рубеж готовой продукции из древесины.

В прежние времена о необходимости именно так организовать приграничную торговлю постоянно говорилось на областных партийных и хозяйственных форумах, но ситуация из пятилетки в пятилетку не менялась. Мы же добились этого в течение всего нескольких месяцев.

Более «демократичным» стал и импорт. В нем 52% составили обувь, одежда и другие непродовольственные товары народного потребления и 23% — продукты питания, то есть то, в чем нуждалось население. А вот доля ввозимой радио- и видеоаппаратуры не превышала 0,6%.

За событиями на своей северной границе, видимо, следили и в правительстве Китая. Такой мощный всплеск приграничной торговли в провинции Хэйлуцзян не мог там остаться незамеченным. Вскоре нам пришлось принимать высокую правительственную делегацию КНР во главе с вице-премьером Госсовета Тянь Цзиюнем.

Первоначально Тянь Цзиюнь был с визитом в Москве, вел там переговоры с российским правительством. А возвращаться в Пекин решил через Благовещенск. Мне позвонили из Министерства иностранных дел и сказали, чтобы завтра утренним рейсом мы встречали высоких гостей.

— Что же вы заранее не предупредили? — посетовал я. — Времени-то на подготовку почти не осталось.

— А посещение Благовещенска не было запланировано, — объяснил работник МИДа. — Об этом в последний момент попросил сам Тянь Цзиюнь.

Снова, как и в случае с дипломатами из Азиатско-Тихоокеанского региона, пришлось готовиться к встрече в пожарном порядке. Больше всего меня смущало то обстоятельство, что с Тянь Цзиюнем придется вести официальные переговоры, а небольшой зал, оборудованный для этого в здании администрации, никак не тянул на такой уровень. Китайцы же — народ щепетильный, для них очень важно, как и где их принимают.

К счастью, в городе нашелся зал, специально предназначенный для подобных приемов. Как принято за рубежом, он был оборудован в одной из гостиниц. Об этом позаботились при строительстве здания бывшие партийные руководители области.

Тянь Цзиюнь прибыл не один, а со свитой. В аэропорту вместе с нами его встречала большая делегация из Хэйхэ. Вице-премьер Госсовета КНР, похоже, остался доволен встречей.

Во время переговоров он сказал, что, по мнению китайской стороны, Амурская область может и должна стать локомотивом, который поведет за собой другие регионы России по рельсам международной торговли на Дальнем Востоке. Не скрою, это было приятно слышать.

После отъезда высоких гостей коллегия областной администрации проанализировала состояние приграничной торговли и пришла к выводу, что область действительно может стать тем «локомотивом», о котором говорил китайский вице-премьер. Комитету по внешнеэкономическим связям и другим службам было дано поручение разработать до конца года комплекс мер, которые позволили бы в следующем, 1993 году поднять внешнеэкономическую деятельность на новый, еще более высокий уровень.

Конец сельского двоевластия

Я уже говорил вскользь, что областной Совет народных депутатов вывел управление агропромышленным комплексом из компетенции администрации и больше месяца АПК нам не подчинялся. Теперь расскажу об этом подробнее.

Если помнит читатель, своим замом по сельскому хозяйству я решил назначить горячего сторонника реформ, познавшего толк в рыночной экономике на селе, Геннадия Кондратюка. Но с назначением вышла заминка. Неожиданно в кадровую политику вмешался представитель президента Андрей Захаров и перепутал мне все карты.

Захаров, как и я, считался демократом, он тоже стал народным депутатом РСФСР благодаря мощной поддержке демократического движения. Однако, получив депутатский мандат, этот народный избранник отказался войти в депутатскую фракцию «Демократическая Россия», а в демдвижении области, являясь моим заместителем, фактически был не у дел. Став представителем президента, он тут же вышел из демократических рядов, даже не попрощавшись. Как и депутаты областного Совета, Захаров был против моего назначения главой обл администрации, о чем говорил мне лично.

И вот теперь он потребовал назначить моим заместителем по сельскому хозяйству бывшего руководителя агропромышленного комплекса области Александра Шкурина. Потребовал настойчиво, я бы даже сказал — агрессивно.

Будь другая кандидатура, можно было бы ее обсуждать. Но Шкурина считали правой рукой Анатолия Белоногова, ярким противником реформ в сельском хозяйстве. Именно в то время, когда он руководил агропромышленным комплексом, в области сильно сократились посевные площади, поголовье крупного рогатого скота, валовый объем сельхозпродукции. Можно было не сомневаться, что он, как и Белоногов, не даст никому ни клочка земли. Назначить его своим замом означало обречь сельское хозяйство области на дальнейшее прозябание.

Однако я почувствовал, что просто так отказать Захарову не удастся: на меня непременно начнется «накат». Следовало сделать достойный ответный ход.

— Ну что ж, Шкурина так Шкурина, — сказал я после некоторого колебания. — Пусть занимается колхозами и совхозами. А фермерскими хозяйствами, реформами на селе займется другой мой заместитель — Кондратюк.

— У вас будет два зама по сельскому хозяйству? — удивился Захаров.

— Конечно, — убежденно сказал я, словно этот вопрос для меня давно уже был решен. — По-моему, сама жизнь сейчас требует этого.

Он неуверенно пожал плечами, но возражать не стал. В конце концов я выполнил его требование — отдал Шкуруину реально существующий сельскохозяйственный сектор. А другой зам... Что ж, пусть занимается тем, чего пока еще нет.

О том, что это всего лишь тактический ход, я сказал только Кондратюку. Геннадий Владимирович меня понял, но заметил, что работать при таком двоевластии будет трудно. Ни он, ни я не сомневались, что Шкурин не станет проводить политику президента, правительства и администрации, а будет выполнять волю областного Совета. А воля эта известно какая: делать все, чтобы еще больше развалить агропромышленный комплекс области.

Шкурин раскрылся очень быстро. Уже в начале декабря 1991 года подведомственные ему колхозно-государственные объединения, сокращенно называемые районными КГО, начали принимать решения об увеличении цены на мясо птицы с 3–4 до 100 рублей за килограмм. То есть в 25 раз! Это в декабре-то, когда и цены, и заработная плата в стране по-прежнему оставались фиксированными. Понятно, люди не имели возможности платить за курятину такие сумасшедшие деньги, поэтому ни мясокомбинаты, ни заготконторы, ни торговля ее не брали.

Весь декабрь мы скребли по сусекам и выбирали последние резервы, а нового поступления мяса из колхозов и совхозов не было. По ранее заключенным договорам область могла получить из аграрного сектора еще не менее 1200 тонн мясной продукции, но не получила ничего. Сами колхозы и совхозы понесли от этого огромные убытки — порядка 20 миллионов рублей. Но послушаться грозных распоряжений КГО никто не решался.

Я попытался пресечь такую самодеятельность, применить к саботажникам самые суровые меры воздействия вплоть до привлечения их к уголовной ответственности. Однако юристы разъяснили, что сделать этого нельзя. В свое время союзное правительство разрешило колхозам и совхозам продавать до 30 процентов продукции на базарах по свободным ценам. Но в течение года они этим правом не пользовались. Поэтому теперь на законных основаниях наверстывают упущенное.

Кроме того, к нашему удивлению, администрация вообще оказалась неправомочной принимать какие-либо решения, касающиеся агропромышленного комплекса. Облсовет вывел эту отрасль экономики из-под управления областной исполнительной власти еще до моего приезда в Благовещенск. Теперь она напрямую подчинялась Москве, а Шкурин был назначен начальником облсельхозуправления приказом министра сельского хозяйства Российской Федерации. Так что назначение его еще и моим замом ничего не значило.

Об этом я узнал только в конце декабря. Поначалу хотел позвонить министру Геннадию Кулику и жестко с ним объясниться. Но, поразмыслив, решил, что это будет пустым сотрясением воздуха. Ведь Кулик, как я знал, тоже ярый противник реформ в деревне. Почему именно ему Ельцин доверил важнейшую отрасль экономики, больше всех нуждающуюся в реформировании, оставалось загадкой.

Надо было принимать какие-то другие меры, решительно ставить все на свои места. Но прежде чем это сделать, мне следовало похвалить самого себя: какой удачный ход получился с назначением двух моих замов по сельскому хозяйству! Отвергни я тогда Шкурина, и мы бы сейчас не знали, какая могучая рать стоит против аграрной реформы. Но получилось, как на войне, когда проводят разведку боем: противник раньше времени открывает стрельбу из всех орудий и тем самым обнаруживает свои огневые позиции.

Эти «огневые позиции» были разбросаны по всей области и назывались «КГО». Они обладали огромной силой влияния на колхозы и совхозы. В их руководящий состав входила огромная аграрная элита — самая сильная и организованная после элиты партийной. Она готова была перегрызть глотку каждому, кто попытался бы посягнуть на ее образ жизни, ее привилегии, ее законы.

Поэтому следовало убрать не только командующего этой «тяжелой артиллерией», но и накрыть все до единой огневые точки, то есть ликвидировать КГО. И сделать это одним махом, чтобы никто не успел поднять голову.

Сразу после Нового года я обнаружил в официальной московской почте любопытный документ — постановление правительства о перерегистрации колхозов и совхозов в соответствии с обновленным российским законодательством. О ПЕРЕРЕГИСТРАЦИИ — вроде бы только и всего. Но, хорошо поразмыслив, я пришел к выводу, что документ дает возможность, не ущемляя интересов коллективных хозяйств, ликвидировать созданную ими командную надстройку, ставшую главной помехой на пути аграрной реформы.

Дело в том, что, являясь фактическими хозяевами на селе, КГО были юридически учреждены самими колхозами и совхозами, ими и финансировались. Но теперь этих учредителей не стало. Правительственное постановление четко определило, какие формы хозяйствования должны быть в аграрном секторе — колхозы, сельскохозяйственные кооперативы, товарищества, акционерные общества, крестьянско-фермерские хозяйства, личные хозяйства граждан. Все! Ни о каких КГО, агропромсоюзах, других надстройках в постановлении не говорилось. А раз так, значит, они теряли свой статус.

Конечно, следовало отдавать себе отчет, что убрать с пути эту враждебную реформам силу не так-то просто. Сельхозгенералы будут лезть вон из кожи, чтобы сохранить свою неограниченную власть над агропромышленным комплексом. При этом не станут гнушаться никакими приемами. Их непременно поддержит областной Совет. Да и министру Кулику вряд ли понравится, если я вместе с КГО ликвидирую своим постановлением и подчиненное ему областное управление сельского хозяйства. Что ж, пусть помашет потом кулаками.

Никому не говоря ни слова, я принялся готовить проект постановления главы администрации. Самые важные и ответственные документы, как правило, писал сам — так и быстрее, и надежнее. Сейчас на это была еще одна причина: подготовку постановления следовало держать в строжайшей тайне, чтобы не вызвать преждевременной ответной реакции.

Дело подвигалось трудно, каждая фраза рождалась в сомнениях. Требовались безусловно четкие с юридической точки зрения формулировки, а посоветоваться с юристами я не мог.

Наконец документ был готов. Во избежание утечки информации пришлось самому его печатать. По той же причине о готовящемся постановлении решил не говорить даже никому из замов. Это было не совсем этично, но в здании бывшего обкома КПСС и стены имели «уши». Исключение пришлось сделать только для Кондратюка. Я пригласил его на нейтральную территорию и спросил, готов ли он взять на себя руководство всем агропромышленным комплексом области.

— Готов, — уверенно сказал Геннадий. — А что?

Рассказал ему о готовящейся акции. Сказал, что постановление о ликвидации областного управления сельского хозяйства и КГО, о создании департамента сельского хозяйства и назначении его, Кондратюка, руководителем этого департамента, при сохранении за ним должности заместителя главы администрации, оглашу и подпишу в понедельник в конце планерки. Примерно так, как сделал Ельцин, распуская КПСС. К этому времени коллектив облсельхозуправления уже соберется в своем здании в актовом зале — его соберет сам Шкурин для встречи со мной, не подозревая, о чем пойдет речь. С планерки к зданию облсельхозуправления мы поедем втроем — я, Кондратюк и Шкурин, и через пять минут новый начальник нового департамента будет представлен его коллективу. Дальнейшее развитие успеха уже будет зависеть от самого Кондратюка.

В понедельник 9 января 1992 года в здании Дома Советов было спокойно — и на втором, и на третьем этажах. К одиннадцати часам сотрудники собрались в моей

приемной, судача об обычных житейских проблемах, новых ценах, настроении людей в магазинах. В одиннадцать вошли в кабинет и заняли каждый свое место за столом заседаний. Слева от меня, как всегда, сел Валерий Бикбулатов, справа — Андрей Захаров.

Обычно планерки длились недолго — минут 40–50, но сегодня вопросов на обсуждение вынесли много — надо было «дотянуть» до 13 часов. Шкурин сообщил, что встреча со мной объявлена — после обеда люди будут собираться сразу в актовом зале.

Наконец настало время, когда, по моим расчетам, надо было переходить к главному. Я сообщил о постановлении правительства, объяснил, какие задачи в связи с этим стоят перед областной администрацией, и сказал, что во исполнение данного документа подготовлено мое постановление, которое я после оглашения и подпишу.

Читаю медленно, чтобы смысл текста отложился в сознании каждого. Вижу боковым зрением, что сидящие рядом со мной Захаров и Бикбулатов опустили головы и устали в одну точку. Понятно, для них это — полная неожиданность. Как реагируют остальные, особенно Шкурин, через очки не видно.

Дочитал до конца, ставлю подпись. В кабинете стоит гробовая тишина.

— Прощу извинить, — обращаюсь ко всем, — меня, Кондратюка и Шкурина ждут в департаменте сельского хозяйства. Геннадий Владимирович и Александр Иванович, машины уже у подъезда.

Пока одеваюсь в бытовой комнате, слышу, как народ, двигая стульями, направляется к выходу. Разговор обычный, спокойный, все нормально.

Проходя через кабинет, вижу, что за столом заседаний остались двое — Захаров и Бикбулатов. По-прежнему сидят молча, уставившись в одну точку. Да, у Захарова мое постановление, должно быть, вызвало шок. Но почему точно так же реагирует Бикбулатов?

Кроме нас троих, в здание нового департамента сельского хозяйства переехала и группа журналистов — из газет, радио, телевидения. Гулко топая по коридору, команда из 10–12 человек, точно группа захвата, двинулась к залу заседаний. Там было хоть и людно, но зловеще тихо. После явного декабрьского саботажа с их стороны управленцы, видимо, не ожидали от встречи со мной ничего хорошего.

Я обратился к сидящим в зале с коротенькой речью, изложил суть правительственного, а также своего постановления, представил залу главу нового департамента Геннадия Владимировича Кондратюка. Спросил, есть ли ко мне вопросы. Вопросов не было.

Примерно то же самое происходило и в районах. Буквально на следующий день главы районных администраций начали ликвидировать КГО. Анатолий Белоногов поспешил направить туда телеграмму, в которой говорилось: «Прекратите предложенные администрацией ревизии, деятельность ликвидационных комиссий, закрытие счетов. Незаконные акты администрации рекомендую обжаловать в судебных органах и требовать возмещение убытка».

Но было поздно. Двоевластие в агропромышленном комплексе области закончилось.

Несостоявшееся рукопожатие

Повторюсь: еще гэкачеписты в свое время предупреждали, что на страну надвигается голод. В последние месяцы 1991 года его костлявая рука уже начала сжимать пальцы на горле России. Что произойдет после либерализации цен, смогут ли люди прокормить себя, пока не заработает цивилизованный рынок, тоже тогда было покрыто мраком неизвестности.

К счастью, кроме природных богатств и выгодного географического положения, Амурская область имела еще одно преимущество перед другими — наличие пахотной

земли. На каждого жителя, включая новорожденных и старцев, у нас тогда приходилось по 1,6 гектара пашни — втрое больше, чем в среднем по России.

Что значит для человека земля, наверное, никому объяснять не надо. В голодные военные годы я жил во Владивостоке, где не было возможности даже грядку вскопать. Мать уезжала на поезде куда-то за город, таяла там каменистые склоны сопки, а осенью привозила урожай: дважды по полмешка картошки. В Благовещенске же наши родственники имели при доме большой огород, у них всегда в подполье была картошка, а в кладовке — соленья-варенья.

Голодать в такой земельной области было бы все равно, что страдать от жажды на берегу горной реки. Даже при самых неблагоприятных обстоятельствах здесь каждый мог бы прокормить себя сам. Исключение — безнадежно ленивые, совершенно немощные и беспробудно пьющие.

В самом начале 1992 года я пригласил к себе председателя земельного комитета Анатолия Павловича Бонецкого и попросил рассказать, как у нас развивается садоводство и огородничество, есть ли желающие получить для этого землю.

— Конечно, есть и очень много, — оживился Бонецкий. — Только в Благовещенске в очереди на землю сейчас стоит свыше двух тысяч человек.

— Свыше двух тысяч? А по области?

— По области очереди нет. Все заявления удовлетворяются сразу.

— Почему же в Благовещенске по-иному? Не на высоте городская администрация?

— Нет, тут причина другая, — Анатолий Павлович вздохнул, развел руками. — Город ведь с двух сторон окружен реками, с третьей — сопками. Плюс зеленая зона, которую трогать нельзя. Поэтому пригодной земли мало. Наш комитет подбирает сейчас такой участок, чтобы и места хватило всем, и недалеко от города, и осваивать чтобы было удобно — землю охота людям дать поплодороднее.

— И такие угоды есть?

— Есть. Только называть их пока не буду — чтобы не сглазить.

Я от души рассмеялся.

— Ладно, не спрашиваю. Но учти, Анатолий Павлович: земля нужна будет людям весной. Что хочешь делай, но к этому времени все участки должны быть розданы.

— Это само собой.

Месяца через два я поинтересовался в городской администрации, как продвинулась очередь желающих получить землю. Оказалось — не продвинулась вовсе. Пришлось снова приглашать Бонецкого.

— Я ведь не зря боялся сглазить, — как всегда быстро заговорил он. — Земля, на которую мы положили глаз, принадлежала совхозу «Волковский», это за селом Ровным. Место отличное, недалеко, бонитет почвы высокий. Такую шикарную садовую зону можно там создать! Но руководство совхоза уперлось. Не хотят отдавать горожанам — и все. Пришлось искать юридическую основу для изъятия.

— И что? Так и не нашли?

— Да нет, нашли. Изъяли. Теперь все в порядке. До весны разобьем массив на участки и раздадим их новым хозяевам.

— На какой же основе вы его изъяли? Не попробует ли руководство совхоза вернуть эту землю через суд?

— На такой, что она используется из рук вон плохо. Сколько же можно? До революции кормили хлебом пол-Европы, а сейчас возем зерно из-за границы. Так что изъятие произведено на основе законов.

— Ну если так, то дай Бог...

А вечером выступал по телевидению кто-то из руководителей совхоза «Волковский». Он стоял на краю большого поля и говорил, обращаясь к телезрителям, что областная администрация незаконно лишила крестьян вот этого земельного массива, на который направлена камера. Без оной плодородной земли совхозу, мол, совсем труба

будет. Разумеется, представитель совхоза умолчал, что это плохо используемое поле отдается горожанам под садово-огородные участки. Умолчал и о том, что якобы страдающий от безземелья совхоз сам начал разбазаривать свои земли — недавно продал частной фирме целое село со всеми «потрохами» и прилегающими к нему сельхозугодьями.

Да, земля в нашей стране давно стала орудием политики. Семьдесят с лишним лет назад, в октябре 17-го, пойдя за большевиками, крестьяне их недопоняли. Они думали, что лозунг «землю — крестьянам» означает передачу матушки-кормилицы тем, кто ее обрабатывает. Но оказалось, что большевики имели в виду совсем другое. Под лозунгом «землю — крестьянам» они подразумевали вовсе не передачу, а наоборот, изъятие земли в пользу государства.

С тех пор государство железной рукой управляло своими гектарами, исходя из политических задач. Оно определяло, когда пахать и что сеять, куда направить выращенный на этих гектарах урожай, сколько заплатить крестьянину за его труд. Так было легче держать в узде огромную массу сельского населения — куда оно денется, если у него ничего нет, кроме права, а скорее даже обязанности трудиться?

Если же на землю допускался частник, то в очень ограниченных размерах — например, чтобы вырастить для себя картошку и овощи, развести малину, смородину. При этом частник вовсе не являлся владельцем данного ему клочка земли, а его деятельность регламентировалась «частоколом» инструкций и правил, не позволяющих ступить ни вправо, ни влево.

Мне тоже довелось побыть таким «частником» — в 1978 году стал садоводом-любителем. Прежде всего, нам предложили изучить устав садоводческого кооператива, который для всех нас являлся своего рода конституцией. Документ был серьезный — его утвердило правительство СССР. Там было расписано буквально все, что мы должны были делать на шести сотках. Указывались размеры домика, веранды, сарайчиков. Оговаривалось, где можно поставить забор и какой высоты, а где нельзя. Правительство четко определило, какой глубины нам следует копать погреба. Это было очень «важно», потому что без такого указания мы черт знает чего бы нарыли. А тут заглянул в устав — и все ясно: надо копать на 1 метр 90 сантиметров. Правда, земля в наших краях промерзает на 2 метра 20 сантиметров, так что держать продукты зимой в таком погребе все равно, что на улице.

Хотя устав и назывался «примерным», исполнять его надлежало в точности. За этим следило само государство, утвердившее сей документ. Однажды в наш садоводческий кооператив приехал со свитой председатель горисполкома, то есть по-теперешнему мэр города. Его пригласили, чтобы он защитил нас от издевательств ТЭЦ — она замучила садоводов водосбросами. Защитить он не защитил, но обратил внимание, что на одном участке хозяин начал надстраивать над своей крохотной халупой второй этаж.

— Чей это участок? — грозно спросил глава города.

Садоводы притихли. Хозяина среди присутствующих не оказалось.

— Разыскать и пригласить на исполком, — распорядился мэр, обращаясь к своей свите. — Возводить в садах вторые этажи запрещено, мы это никому не позволим.

Действительно, бедолагу вызвали на заседание горисполкома, крепко всыпали и заставили надстройку убрать. Но мужик оказался башковитый, с юмором и не робкого десятка. Стены второго этажа не убрал, а лишь сделал их чуть-чуть с наклоном.

— Пусть проверяют, — объявил он соседям. — Теперь у меня не второй этаж, а мансарда. А о них в уставе ничего не говорится.

Не знаю, чем бы все это закончилось, но грянула перестройка — и властям стало не до вторых этажей.

Бонецкий сдержал слово — к весне ожили участки за селом Ровным. Душа радовалась, когда там появилась огромная масса горожан, заурчали машины, завозя навоз,

песок, стройматериалы, застучали топоры, завжикали пилы. Взял себе участок и коллектив нашей администрации — правда, в другом месте и не совсем удачно.

Как-то ко мне зашел один из руководителей администрации Хабаровского края. До этого он с Кондратюком ездил по районам, договаривался о поставках овощей и картофеля.

— Видел я ваши садовые новостройки, — сказал он. — Аж завидно стало. Участки большие, близко, удобно, хорошие подъезды. А вот мы вынуждены довольствоваться небольшими клочками земли за десятки километров от города.

К началу весеннего сезона картина в области складывалась такая. Всего под сады и огороды населению было выделено 145 тысяч участков. Размеры их увеличили с шести до десяти и даже пятнадцати соток. Если учесть, что среднестатистическая семья составляет 3,1 человека, то выращивать свою картошку, овощи, фрукты, ягоды, а кое-кто и разводить пчел получили возможность почти 450 тысяч человек. К этому следовало прибавить еще и 380 тысяч сельского населения. Значит, из 1 миллиона жителей области готовы были серьезно поддержать себя продуктами собственного производства 830 тысяч амурчан.

— Ну вот, теперь с голоду наверняка не умрем, — сказал я Бонецкому и Кондратюку.

Они раскатисто захохотали.

— Чтобы в нашей области умереть с голоду — этого надо очень сильно захотеть!

К весне следовало решить и еще одну архисложную задачу — наделить землей всех тех крестьян, которые пожелали стать фермерами. Забота об этом легла главным образом на Кондратюка и Бонецкого.

Вообще-то фермерское движение в области существовало лет 5–6 и уже могло бы стать заметной силой в агропромышленном комплексе. Инициатором этого движения в стране стал Михаил Горбачев, ну а раз так, то это дело поддержали и первые секретари обкомов на местах.

Я уже рассказывал о хозяйстве Сороколета, выделившемся из колхоза Кондратюка и ставшем благодаря помощи колхоза образцово-показательным, куда возили, как на выставку, высоких гостей из Москвы. К сожалению, ничего подобного больше не было. Хотя формально в области числилось порядка шестисот крестьянско-фермерских хозяйств, они давали лишь 0,3 процента от общего объема сельхозпродукции.

Получить землю было сложно. Тем, кто хотел выйти из колхоза или совхоза и заняться собственным делом, чинились нешуточные препятствия — и со стороны руководства, и со стороны рядовых работников. Человек еще не стал фермером, а его уже ненавидели лишь за одно желание стать самостоятельным.

Но если и удавалось получить землю где-нибудь на отшибе, то возникала другая проблема — как «вырвать» у родного колхоза (совхоза) технику? А где хранить семенное зерно, картофель, горючее?

Видя, как маются те, кто выделился из хозяйств и не может стать на ноги, остальные крестьяне не спешили подаваться в фермеры. Но теперь картина изменилась. С приходом новой администрации люди, видимо, поверили, что настало время фермерства. Если раньше в каждом сельскохозяйственном районе ежегодно рождались в муках лишь по 5–10 новых крестьянских хозяйств, то теперь там лежало по 100–200 заявлений от крестьян с просьбой выделить им землю и все остальное имущество для организации самостоятельного дела.

Это была адская работа — успеть наделить всех землей до начала весенне-полевых работ. К счастью, теперь не было главных противников фермерского движения — районных КГО, не очень-то сопротивлялись и руководители хозяйств. Видимо, понимали, что позиция у областной администрации твердая и отступать она не будет. Незначительные же конфликты, которые все-таки возникали, Бонецкий и Кондратюк гасили своей властью.

К началу посевной в области было создано свыше двух тысяч новых крестьянских хозяйств, вместе со старыми их стало 2700. Лишь несколько областей и краев в стране с более мощным аграрным потенциалом имели больше. Зато у нас эти хозяйства были значительно крупнее: в среднем по России на одно такое хозяйство приходилось по 42 гектара пашни, а у нас — 95.

Теперь, отправляясь в командировки по области, я непременно заезжал и к фермерам — их было достаточно много во всех районах. Хотелось не только посмотреть, кто как устроился, но и узнать о трудностях, проблемах. Конечно, хуторов, подобных Сорокалетовскому, никто пока не строил, да они и не нужны были. Люди продолжали жить в тех же домах, но работали теперь на своей земле и своей технике, растили свою продукцию, которой могли распоряжаться сами. Помощь от государства, конечно, была нужна, главным образом в виде кредитов. Мы в администрации ввели за этим жесткий контроль: все «крестьянские» деньги, выделяемые области, направлялись строго по назначению.

В Октябрьском районе глава администрации Анатолий Басистый предложил съездить в село Фроловку: сравнить, как работает тамошняя ассоциация фермерских хозяйств и совхоз.

— А что — это интересно?

— Очень. И те, и другие живут в одном селе, но работают... Это надо видеть.

Въезжаем в небольшое село. В центре проходит наземная теплотрасса. В нее ударился трактор «Беларусь», да так сильно, что отвалилось переднее колесо. Техника стоит, накренившись на один бок.

— Уже несколько раз вижу эту картину, — говорит Басистый. — Похоже, никому этот совхозный трактор не нужен.

У фермеров же вся техника, не занятая в работе, стояла на линейке готовности — вычищенная до блеска, отремонтированная. Машинный двор они вынесли за околицу, а рядом соорудили птичий двор. В загонах важно расхаживали жирные гуси. Сарай и выгульные дворы были сделаны на скорую руку, но продуманно, удобно.

В фермерскую ассоциацию входило несколько семей. В основном занимались полеводством, а гуси — для поддержания текущего бюджета. Деньги-то на зарплату всегда нужны, отвез партию пернатых красавцев в город, вот и решена проблема. Зарплата в фермерской ассоциации была раза в три выше, чем в совхозе.

— Одна проблема у нас — нет воды, — сказали женщины с гусефермы. — Ее привозит в село и развозит по дворам совхозная водовозка. Директор недавно распорядился — фермерам воды не давать, они «чужие». Но ведь мы же заплатим. Все равно не давать! Получается: раз у людей все хорошо, надо сделать им хоть какую-то пакость.

В совхозе «Чесноковский» Михайловского района не знали, как провести приватизацию свинофермы. Все были за то, чтобы передать ее в частные руки — и дирекция, и свиноводы, пожелавшие стать фермерами. Причем свиноводы просили сделать это еще полгода назад, но тогда возражала дирекция. Теперь же, когда руководство совхоза тоже «созрело», появились убытки, а принимать ферму вместе с ними свиноводы не хотели. Вот и стоял спор до потолка.

Я не видел в наличии таких проблем ничего плохого. Жизнь есть жизнь, она всегда будет преподносить хоть маленькие, но неприятности. Все эти проблемы были легко решаемы. Грех не видеть за ними главного: люди хотели заниматься фермерством, они на деле доказывали, что крестьянско-фермерские хозяйства — дело перспективное, и что процесс их создания пошел.

Не в силах был помешать этому процессу и главный противник реформ на селе — председатель областного Совета Анатолий Белоногов. С трибун сессий и в печати он беспощадно бичевал и администрацию в целом, и меня, но особенно Кондратюка. Мол, Геннадий Кондратюк, как Макар Нагульнов в «Поднятой целине» Михаила Шолохова,

приставляет наган к виску председателей и директоров, разгоняет колхозы и совхозы, силой заставляет идти в фермеры. На самом же деле никто никого не заставлял никуда идти. Мы лишь брали под защиту нарождающееся фермерство, не давали его «задушить».

К началу осени стали известны первые результаты труда фермеров. Их хозяйства дали 12 процентов всего выращенного в области зерна, 13 процентов сои, 20 процентов картофеля. Напомню, что в 1991 году продукция фермеров составляла всего 0,3 процента.

Тогда же возникла идея создать в Благовещенске Крестьянский торговый центр. Не знаю, у кого в голове она родилась, но пришел с ней ко мне председатель Амурской ассоциации крестьянско-фермерских хозяйств (АККОР) Александр Нестеренко. Суть идеи заключалась в том, чтобы, как говорится, собрать под одну крышу всех крестьян-фермеров, которые скоро начнут привозить в город на продажу свой урожай, мясо и молоко, масло и творог, поросят, птицу, даже, может быть, дойных коров и лошадей. Для такого центра лучше всего подошли бы площадка и комплекс зданий бывшей ВДНХ, теперь пустовавшие.

Нестеренко стал объяснять, как это будет удобно и для крестьян, и для горожан, а я уже рисовал в воображении картину недалекого будущего. Она была не такая грандиозная, как у Остапа Бендера о Нью-Васюках, но все-таки... Сейчас фермеров пока около трех тысяч, но скоро их будет тридцать, пятьдесят тысяч, если мы станем нормальной страной с цивилизованной экономикой. Именно такой центр им и понадобится для торговли, а то и не один. Так что — пора начинать.

Я поддержал Нестеренко, попросил проработать все вопросы, связанные с созданием Крестьянского торгового центра, и у себя в АККОРе, и со специалистами нашей администрации, подготовить проекты документов, а я потом все, что от меня потребуется, подпишу.

Но когда через некоторое время постановление о создании Крестьянского торгового центра на базе комплекса зданий бывшей ВДНХ вышло в свет, на дыбы поднялся Белоногов. Оказалось, что до меня руководитель АККОРа приходил со своей идеей к председателю Совета, и тот категорически отказался поддерживать крестьян-единоличников. Теперь Анатолий Николаевич созвал малый Совет, и тот отменил мое постановление.

В первые месяцы нашей совместной работы Совет мог лишь опротестовывать документы главы администрации через прокуратуру. Но теперь он получил право отменять их самостоятельно. И, конечно же, отменял — где надо и не надо. Об этом я расскажу подробнее в следующей главе.

Итак, перед амурским Крестьянским торговым центром был поставлен шлагбаум. У Совета это была, пожалуй, единственная возможность реально помешать фермерскому движению в области. И депутаты ею воспользовались. Отмену моего постановления они объяснили тем, что я, дескать, вмешался в хозяйственную деятельность АККОРа, а у администрации нет, мол, таких прав.

Это, конечно, была чушь, ведь постановление не палки в колеса ставило АККОРу, а помогало ему. Но что поделаешь? Выход подсказал один из сотрудников администрации, раньше работавший в обкоме КПСС. У партии тоже не было прав вмешиваться в хозяйственную деятельность кого бы то ни было, но она вмешивалась. И делала это очень искусно. Когда нельзя было обязать хозяйственника или хозяйственный орган открытым текстом, то писали уклончиво: «порекомендовать». Но все знали, что рекомендация равносильна приказу.

Мне посоветовали тоже воспользоваться этим приемом: внести в постановление поправку, вставив слово «рекомендовать». Я так и сделал. Через несколько дней спросил у помощников: как реагирует Совет? Молчит. Спрашиваю через неделю. Тоже молчит, не знает к чему придаться. Черт возьми, да ведь в партии работали неплохие аппаратчики, кое-чему и у них надо учиться!

В назначенный срок Крестьянский торговый центр распахнул свои ворота. Фермеры привезли сюда все, чем были богаты: зерно, сою, картофель, молочную продукцию. Необычно много было мяса — самого разнообразного. И все — по более низкой цене, чем в магазинах города. Продавались поросята, куры, гуси, козы. Не было, правда, дойных коров и лошадей. Тут же работали и городские фирмы, предлагавшие свой товар крестьянам.

Я приехал один, без сопровождающих. Ходил среди торговцев, приценивался, беседовал с крестьянами и горожанами. Все говорили: хорошо, что открыли такой рынок.

В одном месте заметил группу важных людей: осматривать Крестьянский торговый центр прибыл Белоногов со своей свитой. Ну вот и хорошо, давно бы так. Направляюсь к ним навстречу, громко приветствую, протягиваю Белоногову руку. Глянув на меня, он несколько секунд стоит в нерешительности. Потом демонстративно прячет свои руки за спину. Так и не ответив на приветствие, направляется дальше, за ним — остальные. Все это происходит на глазах у десятков людей, большинство которых наверняка знают и меня, и Белоногова.

Потом еще долго будет продолжаться борьба с Советом за бывшую областную ВДНХ. Белоногов постарается отобрать ее у крестьян. Но это ему не удастся.

Сегодня невозможно представить Благовещенск без Крестьянского торгового центра. В дни его работы здесь яблоку негде упасть. Площадь и павильоны бывшей ВДНХ уже кажутся тесными. Тесно и вокруг — стоянки автомобилей занимают все больше прилегающих улиц.

Я бываю здесь как минимум раз в месяц. Мы с женой обязательно делаем покупки. Видим, что очень много пожилых горожан тоже делают это с удовольствием. И каждый раз, приезжая туда, я непременно вспоминаю то несостоявшееся рукопожатие.

И снова — бюро обкома

Читатель, наверное, уже обратил внимание, что Амурский областной Совет народных депутатов с первых дней нашей совместной работы предпринимал отчаянные попытки парализовать деятельность администрации. Тут были и мелкие уколы, и «накаты» посерьезнее.

Однако былой власти над исполнительным органом у Совета теперь не было. Глава администрации подчинялся лично Президенту и правительству, а у себя в области — никому. Совет имел право лишь опротестовывать его акты через прокуратуру, однако глава мог принять протест прокурора, а мог и отклонить. Как правило, я его отклонял.

Некоторое улучшение во взаимоотношениях администрации и Совета произошло тогда, когда мы с Белоноговым договорились-таки о сотрудничестве, создали «Амурский деловой союз» и начали работать с МЭС. Но это продолжалось недолго. К весне 1992 года Верховный Совет России принял Закон «О краевом (областном) Совете народных депутатов и краевой (областной) администрации», который лишил исполнительную власть прежней самостоятельности.

Белоногов сразу же воспрянул духом. Теперь ему было дано право не только обращаться в прокуратуру, но и отменять мои постановления и распоряжения самостоятельно. Для этого у него под рукой всегда находился постоянно действующий орган — малый Совет.

Новую властную структуру наверняка придумали в Верховном Совете депутаты, прежде работавшие в партийных органах. Она как две капли воды походила на бюро обкома партии и по своим функциям, и по численности. Белоногов постарался сделать так, чтобы и по качественному составу малый Совет не отличался от прежнего бюро обкома.

Неудивительно, что этот орган сразу же оголил шашки и пришпорил своих скакунов, направив их на позиции администрации. Первым на пути этих «кавалеристов» оказался Геннадий Кондратюк. Мы в те дни пытались спасти Краснополянский свиноводческий комплекс, на котором от бескормицы начали дохнуть свиньи. Этот гигант, имевший несколько десятков тысяч животных, оказался очень дорогим. Огромные отчисления на амортизацию помещений, затраты на отопление и освещение делали его убыточным. Единственное, что могло поправить положение, — дешевые корма.

Но таковых в России достать было невозможно. Я отправил Кондратюка в Москву просить помощи. И ему удалось договориться в правительстве, что закупленная нами в Китае кукуруза не будет облагаться пошлиной.

Вскоре к Благовещенскому порту прибыли две баржи с китайской кукурузой, но их не приняли, поставив в очередь. Кондратюк как раз поджидал этот груз, потому что на Краснополянском комплексе животных кормить совсем было нечем. Узнав, почему баржи стоят, он бросился к начальнику порта.

— Да я рад бы пропустить эти баржи вне очереди, но что скажут остальные, — оправдывался начальник порта. — Вы напишите мне распоряжение — вмиг пропущу.

Разговор состоялся ночью, откладывая до утра Кондратюк не стал и тут же сочинил нужный документ. Баржи благополучно прибыли, а утром корм уже везли на свинокомплекс.

Когда первые машины с кукурузой ушли в Серышевский район, Геннадий Владимирович явился ко мне и рассказал обо всем.

— Так ты, выходит, всю ночь там был? — удивился я. — Молодец. Правильно поступил, что не стал ждать утра. Только свое распоряжение оформи по всем правилам. И чтоб юрист завизировал.

Он оформил. Вместе с другими бумагами этот документ попал в малый Совет, а там его немедленно отменили. Нарушение закона депутаты усмотрели в том, что Кондратюк якобы вмешался в хозяйственную деятельность порта.

Это было поразительно. Те же самые депутаты с трибуны сессий постоянно призывали не выпускать предприятия из рук государства, руководить ими, как в прежние времена. Но стоило заместителю главы администрации лишь чуть-чуть прикоснуться к «хозяйственной деятельности» одного из них, как они изменили свое мнение на сто восемьдесят градусов.

— Какая там к черту «хозяйственная деятельность»? — громыхал возмущенный Кондратюк в моем кабинете. — Речь идет о пропуске транспорта через государственную границу. Вот в работу границы я действительно вмешался, потому что свиньи на комплексе начали дохнуть. Но граница — государственная, стало быть, подчиняется государственной власти. Нет, Альберт Аркадьевич, с этим Советом мы «далеко» пойдём.

— Но баржи пришли?

— Пришли.

— Разгружаются?

— Разгружаются.

— Значит, твое распоряжение выполнено?

— Выполнено. Но разве ж это дело?

— Наплюй. В следующий раз поступай точно так же.

Вслед за этим было отменено еще одно распоряжение — на этот раз мое. Я не знал что делать — смеяться или плакать? Это распоряжение я сам давно отменил как выполненное и утратившее силу. И касалось оно таможни — тоже службы государственной, не связанной с производственной деятельностью.

При открытии навигации наплыв туристов в Китай оказался настолько мощным, что таможня (старая, временная, новую еще строили) захлебнулась. Туристические фирмы перегрызлись между собой, сами туристы — тоже. Дело дошло до того, что ко мне в кабинет ввалилось человек 30–50 — посланцы враждующих сторон. Усадить такую

массу людей было не на что, поэтому аудиенция проходила стоя. Туристы требовали навести порядок на таможне, обеспечить беспрепятственный пропуск групп. Руководители таможни обещали отрегулировать свою работу в течение недели, а до этого предлагали установить очередность групп волей губернатора. Никто из присутствующих не возражал, поэтому и появилось мое распоряжение.

Когда толпа возбужденных людей уходила из кабинета, одна из туристок прихватила с собой китайскую картину, стоявшую в проеме книжного шкафа. Картина была большая, ее подарила администрации какая-то китайская делегация.

Никто из туристов не обратил на эту женщину внимания, я тоже не заметил, как она забирала из моего кабинета картину. Задержали ее лишь на первом этаже у милицейского поста.

— Ах, это ваша картина, — как ни в чем не бывало сказала туристка, — ну так возьмите.

И, вручив ее милиционеру, спокойно зашагала дальше. Остаток дня в администрации стоял хохот: сотрудники потешались над тем, как главу администрации чуть не обворовали.

Через неделю с таможни доложили, что порядок с пропуском туристов наведен, можно отменять прежнее распоряжение. Что я и сделал. И вот теперь малый Совет отменил его вторично.

Что за этим стоит? Желание показать, что и малый Совет не зря ест хлеб? Попытки хоть как-то опорочить исполнительную власть? Но это в результате обернется против самого же Совета. Ведь мы потерпим-потерпим, да и «врежем» депутатам, передав все эти документы в средства массовой информации.

Завесу немного приподнял мэр Санкт-Петербурга Анатолий Собчак. Крупный юрист, ученый, профессор, он пожаловался на страницах прессы, что почти все его распоряжения и постановления отменяет городской Совет. А ведь Собчак не мог не замечать правовых огрехов в подписываемых им документах! Стало быть, дело не в огрехах. В стране началась кампания по отмене актов исполнительной власти — вот в чем собака зарыта. Но с какой целью?

Дело начало доходить вообще до анекдотических ситуаций. Я уже рассказывал, что вынужден был обратиться в областной Совет с просьбой дать согласие на освобождение директора белогорского комбината «Восточный» Б. Черяя, завывсившего стоимость муки на 5 миллионов рублей. Депутатам следовало сказать лишь «да» или «нет», но они не сделали ни того, ни другого. Они просто-напросто... отменили мою просьбу как незаконную. Всегда считалось, что просьбу можно либо удовлетворить, либо не удовлетворять. Но отменять ее — до такого еще никто не додумывался. Салтыков-Щедрин отдыхает!

Другой не менее анекдотичный случай произошел с документом, который я был вынужден подписать в связи с конфликтной ситуацией, вызванной вырубкой лесов в зоне БАМа. Еще со времен обкома КПСС эти леса вырубали рабочие из КНДР, хотя в более южных районах области освобождались собственные лесорубы и техника, которых можно было бы перебросить на север. Конечно, корейская рабсила обходилась дешевле, но она, не заботясь об экологии, устраивала на лесосеках такие погромы, что могла загубить на севере области всю природу.

И вот, когда истек срок договора с КНДР, депутаты областного Совета нынешнего созыва приняли на сессии решение его не продлевать. А без их согласия Минлесбумпром не мог оставить корейских рабочих на очередной срок.

И все-таки погромы на лесосеках продолжались. Об этом в ярких красках рассказал на страницах газеты «Российские вести» ее собственный корреспондент в Амурской области Николай Белый. Я создал комиссию и поручил ей разобраться, что же там происходит. Члены комиссии побывали на месте, изучили ситуацию, подготовили пакет

предложений по наведению порядка, но главное — показали мне документы, из которых явствовало, что корейцы рубят в нашей области лес вообще незаконно.

Документов было два. Один — решение сессии областного Совета об отказе в продлении договора. Второй — письмо председателя Совета А. Н. Белоногова в Минлесбумпром, в котором он информировал министерство, что областной Совет, наоборот, дает согласие продолжить сотрудничество с северокорейцами. На основании второго документа Минлесбумпром и продлил договор.

Картина знакомая: так уже не раз поступал Шарин. Разница была лишь в том, что Шарин делал это открыто, а Белоногов — в тайне от депутатов. Я обратился к очередной сессии за разъяснением. Спрашивал, чем должна руководствоваться администрация — решением сессии или противоречащим ему письмом Белоногова? Исходя из ответа депутатов администрация и намерена была строить свои взаимоотношения с корейцами.

Но депутаты снова не ответили на мой прямой и ясный вопрос. Вместо ответа они и на этот раз отменили мое послание.

В отличие от некоторых своих коллег, я относился к таким выкрутасам достаточно спокойно. Ну и пусть занимаются мышинной возней. От этого ведь никому ни жарко, ни холодно. Мы все равно делаем свое дело и дальше будем делать. Но, к несчастью, иногда случалось так, что без решения Совета обойтись было нельзя. Это относилось прежде всего к финансовым вопросам.

Закон «О краевом (областном) Совете народных депутатов и краевой (областной) администрации», наделив представительную власть правами отменять акты власти исполнительной, еще и вывел из-под контроля последней все внебюджетные и валютные фонды, передав их Совету. Теперь депутаты распоряжались и этими средствами. Всю «прелесть» такого нововведения мы познали очень скоро.

В поисках иностранных инвестиций администрация вышла на Израиль, точнее, на его фирму, производящую небольшие заводы по переработке сои. К этой стране мы обратили свой взор потому, что она в данной сфере обогнала все страны мира, в том числе и США. Израильяне готовы были не только продать нам несколько заводов, но и предоставить для этого кредит на выгодных условиях.

Стоит ли объяснять, что значит завод по переработке сои для нашей соесеющей области? О том, что такое производство необходимо, разговоры велись не одну пятилетку, но дальше заклинаний дело не шло. И вот теперь небольшой соеперерабатывающий завод мы могли построить всего за один год.

Сделка прорабатывалась тщательно с привлечением московских экспертов из Промышленной палаты. Все шло хорошо, пока не настало время внести взнос в размере 174 тысяч долларов США. К тому времени областной валютный фонд уже перешел в подчинение представительного органа власти, и депутаты малого Совета с большим наслаждением... отказались выделить эту сумму. Без всяких объяснений — проголосовали «против» и все.

Разумеется, контракт не состоялся. Глава израильской фирмы Самюэль Мюллер просто не стал продолжать переговоры с губернатором, у которого нет за душой даже такой мизерной суммы. Я вообще оказался в идиотском положении: по закону подобные переговоры от имени области должен вести глава администрации, но какой в этом смысл, если валютный фонд в руках Совета, а он делает все, чтобы навредить администрации.

Каково же было мое удивление, когда вскоре я узнал, что в это же время малый Совет выделил примерно такую же сумму из валютного фонда одной частной фирме якобы на приобретение детского питания для области. Меня это насторожило. Во-первых, необходимости выделять на эти цели валюту не было, и я с такой просьбой в малый Совет не обращался. Во-вторых, почему питание для детишек должна приобретать частная фирма, которой надо платить валютой за посреднические услуги, и, наконец, облфинуправление подчинялось главе администрации, а не председателю Совета, как же оно могло перечислить валюту без моего ведома?

Пришлось копнуть поглубже. Оказалось, что, получив доллары, частная фирма, возглавляемая бывшим заведующим отделом обкома КПСС, вовсе и не думала приобретать детское питание. «Прокрутив» деньги, она их вернула в целостности и сохранности на валютный счет области. Получалось, что депутаты выдали этой фирме на ее личные нужды беспроцентный валютный кредит!

А единичный ли это случай? Не поступает ли так Белоногов постоянно, заставляя финуправление проводить рублевые и валютные операции за моей спиной? Решил провести ревизию всей финансовой деятельности областной администрации и ее структурных подразделений, а также областного Совета. Издал постановление на этот счет. Однако малый Совет едва ли не в этот же день отменил его.

Парадокс! Обычно финансовых ревизий боится исполнительная власть, потому что, как говорится, трудно быть у воды и не замочиться. У нас же все обстояло наоборот: глава исполнительной власти хотел провести ревизию, а тот, кто прежде всего должен быть в ней заинтересован, то есть председатель Совета, ее не хотел. И его коллеги этого не хотели. И не допустили.

Отменяя все и вся, депутаты все больше и больше упивались ощущением своей значимости. От этого у многих из них, видимо, кругом пошла голова. С администрацией они начали разговаривать только языком команд, приказаний, окриков, используя лексикон и стиль бюро и пленумов обкома КПСС. Вот выдержки из решения лишь одной сессии областного Совета:

— департаменту сельского хозяйства областной администрации сосредоточить организаторскую работу на...

— поручить департаменту сельского хозяйства...

— Амурскому антимонопольному управлению разработать меры по...

— комитету цен регулярно проверять...

— областной администрации организовать...

Боже, сколько таких формулировок мы прочитали за долгие годы, пока обществом управляла партия! И направлены они были в адрес тех, кого партийные комитеты не имели права ни обязывать, ни заставлять, ни наказывать. Не было и сейчас такого права у областного Совета по отношению к администрации.

Разумеется, все эти «поручить», «потребовать» и т. д. доходили только до меня. Своих сотрудников я полностью оградил от сих кавалерийских наскоков. Руководители структурных подразделений четко знали, что подчиняются лишь главе областной администрации, только он и может указывать, спрашивать, требовать. Знали также, что за невыполнение этих указаний и требований будет строгий спрос.

Мини-путч областного масштаба

Несмотря на столь яростное сопротивление со стороны представительной власти, администрация продолжала работать, проводить реформы. С каждым днем становилось все очевиднее, что свернуть ее с этого пути, подмять под себя областному Совету не удастся. Такая возможность могла появиться лишь в том случае, если убрать главу администрации. Но как это сделать?

Если помнит читатель, в Верховном Совете РСФСР депутаты фракции «Коммунисты России» применили против Ельцина весьма эффективный прием — «мини-путч» шести его заместителей. Нежданно-негаданно ближайшие помощники Бориса Николаевича, которых он сам выбрал из тысячи с лишним депутатов, заявили на всю страну, что требуют его отставки. Началась процедура отрешения председателя Верховного Совета от власти. Правда, на самом съезде, который собрался с этой целью, силенок у коммунистов не хватило. Но это уже другой вопрос.

А почему бы не устроить подобный «мини-путч» в региональном масштабе? Что скажет глава государства, если отставки его ставленника — губернатора области потребует не коммунистический областной Совет, а ближайшее окружение самого губернатора?

Не знаю, как Борис Николаевич в Верховном Совете, а лично я просмотрел подготовку такого «мини-путча» у нас в области. С некоторых пор мне стали докладывать, что едва я отлучусь за пределы города, как в кабинете Бикбулатова появляется бывший секретарь обкома КПСС Владимир Шилов. О чем они говорят, никто не знал, но беседы их тет-а-тет всегда продолжались довольно долго. «Ну и что? — спрашивал я у информаторов. — Шилов и Бикбулатов были много лет коллегами по работе, теперь их кабинеты тоже в одном здании. В чем тут криминал?» «Да в том, — объясняли мне, — что в партийных органах просто так никогда ничего не делали». Это я знал, но даже намекнуть Валерию Яковлевичу о нежелательности его встреч с Шиловым считал неудобным.

Между тем день «икс» приближался. Произошло ЭТО в самое неподходящее время, когда у меня случился второй инфаркт. Я собирал вещи, чтобы отправиться в больницу, когда раздался телефонный звонок. Мой зам Альберт Лобанов просил срочно принять его прямо дома по какому-то неотложному делу.

Раз надо, значит, надо. Лобанов пришел не один, а вместе с представителем президента Захаровым. Их лица говорили о том, что случилось что-то неординарное.

И точно. Едва я предложил им присаживаться, как Альберт Лобанов сообщил, что все мои замы, за исключением отсутствующего Никандрова, считают невозможным дальше со мной работать и требуют моей отставки.

Я опешил. Уж чего-чего, а этого никак не ожидал. Что за дьявольщина? Ни с кем из заместителей у меня не было никаких конфликтов по работе. Я предоставил им широкие полномочия, дал возможность работать так, как они считали нужным. Поддерживал все их мало-мальски ценные предложения. Никто из них никогда не высказывал мне претензий. Какая же муха их вдруг укусила?

Пока приходил в себя, раздался телефонный звонок.

— Альберт Аркадьевич, — это был голос Кондратюка, — вам, очевидно, скажут, что все ваши заместители против вас. Неправда. Я не имею ничего общего с той «командой».

— Вот как? — я перевел взгляд с Захарова на Лобанова — они, видимо, не догадывались, кто звонил. — Ну хорошо. Спасибо тебе.

— Так какой будет ответ? — спросил кто-то из визитеров, когда я положил трубку.

— Ответ? Он будет позднее, — сказал я, вставая. — Вопрос поставлен серьезный, отвечать мне тоже придется серьезно.

— Да, да, — дружно согласились они. — Понимаем, вам надо подумать.

Лобанов и Захаров ушли, а я опустил в кресло. Но размышлял не об отставке — чего о ней думать? С какой стати вдруг четыре моих зама решили, что если они не считают возможным со мной работать, то уходить должен я, а не они? Не логично ли поступить наоборот? У Ельцина ситуация была другая — кандидатуры замов подбирал он, но избирал-то их съезд. А этих четверых я не только подобрал, но и назначил, стало быть, мне и решать, как теперь поступить с ними.

Впрочем, не стоило забивать этим голову. Правильно сделал, что не стал выяснять с ними отношения. Сейчас возникла куда более серьезная проблема — с сердцем.

Это был уже второй инфаркт. Первый случился ровно через полгода после того, как меня назначили главой администрации области. Произошло это не дома, а в Москве сразу после окончания очередного внеочередного съезда народных депутатов. То был, пожалуй, самый мрачный съезд из всех, проведенных ранее. Газеты писали, что в дни его работы экстрасенсы фиксировали над Кремлем огромные массы черной энергии. Коммунистам впервые удалось полностью подавить демократов и провести резолюцию, отменяющую

реформы. Вечером гостиница «Россия» ходила ходуном — в большинстве номеров отмечали «победу». А на следующий день в Большом Кремлевском Дворце нечем было дышать от водочного перегара.

У меня всегда было очень здоровое сердце, способное переносить огромные физические и нервные нагрузки. Я его просто не замечал и считал, что так будет всегда. Но последние пять лет непрерывной и ожесточенной борьбы с партийной номенклатурой все-таки сделали свое дело. На другой день после окончания проигранного нами съезда, когда я находился в офисе ассоциации «Международное экономическое сотрудничество», случился первый приступ.

Несколько таблеток нитроглицерина, которые с трудом разыскали в огромном здании сотрудники МЭС, немного сняли боль. До вечера я смог поработать, а вечером, сев в самолет, опять почувствовал себя плохо. Стюардессы вызвали «Скорую», и та отвезла меня в медпункт аэропорта «Домодедово». Часа через полтора-два, после манипуляций врача, боль прошла, но самолет к этому времени уже миновал Уральский хребет.

На следующий день все вроде бы было нормально, и я недоумевал: что же случилось с моим сердцем вчера? Врач медпункта хотя и сделала электрокардиограмму, но мне почему-то ничего объяснять не стала. Подумалось: наверное, сама не поняла.

Пишу об этом так подробно, потому что каждая деталь имеет отношение к дальнейшим событиям.

О случившемся в Москве решил дома не рассказывать, однако уже в аэропорту встречавший помощник как бы мимоходом заметил, что надо бы мне после всех передрыг на съезде подлечиться в больнице.

— Еще чего, — я с удивлением посмотрел на него. — Тоже нашел время. После съезда на нас начнется мощный накат, поэтому надо быть в строю.

— Нет, ты все-таки подумай, — продолжал он настойчиво. — За последние пять лет ты, насколько я знаю, вообще не обращался к врачам. А времечко-то было ох и трудное.

— Не обращался, ну и что? Это ведь хорошо, что помощь медиков не требовалась.

— Оно-то так, но иногда все же надо вспомнить и о себе.

— Чушь все это, — я на него не на шутку осерчал.

Каково же было мое удивление, когда и жена дома заявила: надо, мол, подлечиться в больнице.

— Да вы что, сговорились? — вконец возмутился я. — Совершенно здоровому человеку предлагаете такое. Это же абсурд.

Но на следующий день первым в мой кабинет пожаловал... начальник облздравотдела Эдуард Федорович Коротаяев. Он уже не намеком, а прямо предложил проехать с ним в больницу на предмет обследования моего сердца.

— Вот оно что! — я наконец все понял. — Значит, звонили из Москвы... Неужели у меня что-то серьезное?

— Сделаем электрокардиограмму, посмотрим, — уклончиво ответил он. — Может, еще все хорошо...

Однако после электрокардиограммы присутствовавшие при этом врачи тут же вынесли приговор: немедленно в инфарктное отделение на строгий постельный режим.

К счастью для меня, инфаркт оказался не обширным, а очаговым. К тому же заведующий отделением Александр Кафанов и лечащий врач Галина Синицкая хорошо знали свое дело. Да и сам больной оказался на редкость дисциплинированным, добросовестным, выполнял все указания медиков.

Но, выйдя из больницы, я забыл предписания врачей и «забросил» режим. Опять начались бесконечные физические и нервные перегрузки, переносить которые становилось все труднее и труднее. И месяца через два после выписки повторилось нечто похожее на первый приступ.

Случилось это снова в Москве. Меня тогда включили в правительственную делегацию, которая должна была лететь в экзотическую страну Фиджи, что на юге

Азиатского континента. К отлету уже все было готово, визы получены, билеты куплены, но увы... За несколько часов до отлета я почувствовал, что если зайду в самолет, то оттуда меня могут вынести вперед ногами.

— Что ж ты сразу не сказал, что перенес инфаркт, — посетовал руководитель делегации вице-премьер правительства Валерий Махарадзе. — Конечно, лететь в такую даль, да еще в тропики, тебе нельзя. Немедленно езжай в правительственную больницу.

— Чтобы меня там заточили в палате? — поморщился я. — Нет уж, если надо, пусть это сделают наши медики.

Но через день-два с сердцем было снова все в порядке. Естественно, ни к московским, ни к своим врачам я обращаться не стал, однако сделал для себя зарубку: каждый дальний перелет теперь для меня — серьезное испытание.

В начале сентября снова пришлось лететь в Москву. Туда-то долетел, а вот дальше, в Чебоксары, где должно было проходить совещание руководителей регионов, добраться сил уже не хватило. Появилось предчувствие близкой беды, какой-то внутренний голос говорил: отлежись, иначе опять будет плохо. Поколебавшись до последней минуты, махнул рукой: пусть совещаются без меня.

На этот раз боль в сердце и затрудненное дыхание не проходили. Стал опасаться, что снова придется иметь дело с больницей, а этого так не хотелось. Теплилась робкая надежда: а может, и на этот раз все обойдется?

Вернувшись из Москвы, я вышел на работу. Предстояло провести заседание коллегии. Но за час до начала в кабинет неожиданно ввалились замы. Спрашивают, почему не был в Чебоксарах? Пришлось рассказать. Потребовали немедленно отправиться в больницу. А там ничуть не удивились моему скорому возвращению: при такой работе, как у меня, это было неизбежно. Электрокардиограмма зафиксировала второй инфаркт и снова на задней стенке миокарда. Вот после этого, когда я вернулся домой за вещами для местного заточения в больничной палате, и явились Лобанов с Захаровым.

Коммунистическая печать, как и в первый раз, принялась муссировать тему болезни губернатора. На сей раз судьба преподнесла журналистам по-настоящему крупный подарок в виде «бунта» четырех замов. Тут действительно было обо что поточить перья.

Альберт Лобанов провел пресс-конференцию, на которой объяснил, почему «великолепная четверка» потребовала ухода своего шефа. Я с интересом прочитал, что она, эта четверка, сначала решила выразить мне недоверие, а уж потом стала обдумывать — за что же? Точь-в-точь как на бюро обкома комсомола, на котором, если помнит читатель, до обеда проголосовали за строгий выговор Ольге Богач, а после обеда принялись обсуждать — за что?

Найти мотивы для недоверия, по словам Лобанова, оказалось непросто. Пришлось изрядно поспорить. Обвинить меня в том, что я ворую, беру взятки, развел коррупцию, получил, скажем, новую квартиру, госдачу или еще какие-то блага, никто не мог — этого не было и в помине. В том, что торможу реформы, выступаю против демократии — тоже. Сказать, что не отдаю всего себя работе, допустил крупные промахи в руководстве областью, тоже было бы кощунственно. В конце концов остановились на двух пунктах. Первый — неявка на совещание в Чебоксары, которую замы почему-то не могли простить ни при каких обстоятельствах. И второй — болезнь.

«Чего дались им эти Чебоксары? — недоумевал я. — Мало ли проводится совещаний, заседаний, конференций, симпозиумов, польза от которых мизерная. Так нет — подавай Чебоксары и все тут. Пусть возмущались бы моей неявкой Ельцин или Гайдар, но почему замы?»

Все стало понятно, когда через несколько дней пресс-конференцию провел Андрей Захаров. По его словам, в Чебоксарах меня, оказывается, собирались... освободить от должности. Для этого все было подготовлено, оставалась пустая формальность: прежде чем выйти с таким предложением к президенту, начальник контрольного управления его

администрации должен был встретиться со мной, что он и собирался сделать в Чебоксарах. Увы.

«А может быть, не внутренний голос удержал меня от роковой поездки? — спрашивал я себя. — Может быть, то был голос свыше?»

Компромата против меня, с которым собирались идти к президенту, было негусто. Во-первых, это систематическое нарушение мной российского законодательства, о чем свидетельствовала отмена областным Советом четырнадцати моих постановлений и распоряжений. И, во-вторых, «обвал» в кадровой политике, выразившийся в освобождении от должности «одного из самых последовательных сторонников экономической реформы и демократии» А. И. Шкурина.

Так вот, оказывается, где собака зарыта, вот почему так настойчиво облсовет отменял принятые мной документы. Вот отчего Захаров и Бикбулатов сидели мрачнее тучи, когда я читал постановление о реорганизации агропромышленного комплекса.

Ясно, что Белоногов и Захаров давно готовили базу, чтобы обосновать свое требование о моем освобождении. В это дело им удалось втянуть и некоторых моих замов, что достойно сожаления. Но вот с «мини-путчем» они явно поторопились, раньше времени раскрыв свои карты. Теперь я знал их планы и мог им противостоять.

Вслед за черными днями непременно приходят светлые. И для меня они наступили. В больницу начали приходить сотрудники администрации, чтобы выразить свою поддержку. Они просили не сдаваться и ни в коем случае не подавать в отставку. Признаться, такого отношения к себе рядовых сотрудников аппарата я не ожидал.

Вскоре из Москвы прибыли разбираться с нашим конфликтом два представителя администрации президента. Они разбирались долго и дотошно, опросили всех, кого посчитали нужным. Я в это время лежал на больничной койке и ждал, ни во что не вмешиваясь.

Наконец москвичи явились ко мне в палату. Веселые, жизнерадостные, пышущие здоровьем.

— А вы знаете, Альберт Аркадьевич, у вас прекрасный коллектив, — после обычной процедуры знакомства сказал старший. — Особенно крепкие главы городских и районных администраций. С командой, которую вы создали, работать можно. Мы по-хорошему вам позавидовали.

— И что же она говорит — эта команда?

— Все однозначно поддерживают вас. И в аппарате, и главы городов и районов. Такого единодушия мы, признаться, не ожидали. Но хотя для нас вопрос ясен, все же придется прислать комиссию из правительства с комплексной проверкой работы администрации. Ведь «бунт» четырех ваших заместителей вызвал в Москве большой резонанс.

— Мы в этом тоже заинтересованы, — согласился я. — Местные депутаты обвиняют нас без всяких аргументов в непрофессионализме, так пусть дадут оценку специалисты из правительства.

Посланцы администрации президента уехали, а буквально через несколько дней нагрянула правительственная комиссия из 10 или 12 человек. И ей пришлось работать в мое отсутствие. «Проверяют все от «а» до «я», лезут в каждую щель, выискивают малейшие недочеты», — докладывали мне коллеги.

Наконец и эта комиссия закончила работу. Как водится в таких случаях, был подготовлен огромный акт проверки. В нем отмечались отдельные недостатки, но в целом работа была признана успешной.

— Я бы даже сказал больше, — пооткровенничал со мной председатель комиссии. — Многим у вас следовало бы поучиться.

— Ого! Это у непрофессионалов-то. И чему, например?

— Какие же вы непрофессионалы? В стране найдется немного мест, где бы так хорошо работала торговля. У вас просто изобилие товаров. А контроль за исполнением

собственных решений! Это самое больное место у любого аппарата, в том числе и у нас в правительстве. Вы же добились четкого выполнения всех принимаемых администрацией документов.

Итак, инцидент вроде бы был исчерпан. Претензий ко мне у Москвы, кажется, не было. А вот у меня кое к кому в Москве были. Поэтому, выписавшись из больницы, полетел в столицу — к начальнику контрольного управления администрации президента Юрию Болдыреву. Хотелось узнать, чем он руководствовался, готовя проекты документов о моем снятии. Но ничего узнать так и не удалось. Болдырев сидел молча и не хотел говорить.

Статистика знает все

Большую часть сентября и начало октября областная администрация практически оставалась без руководства. В строю находились лишь два моих зама — Никандров и Кондратюк, но и они были «стреножены» визитами двух комиссий.

Но вот ситуация стабилизировалась. Я вышел из больницы, после некоторых кадровых замен и перемещений руководство администрации, по нашему общему мнению, стало даже посильнее, чем прежде.

Тут бы и работать засучив рукава, но на наши головы обрушилась еще одна проверка — почище первых двух. Устроили ее депутаты областного Совета. 8 октября исполнился год моего пребывания на посту главы администрации, и у Совета появилось законное право заслушать мой отчет. А в ходе отчета, согласно закону, главу можно было не только критиковать, но и выразить ему официальное недоверие, что являлось основанием для отстранения его от должности.

Для Белоногова и его коллег это был настоящий подарок. Малый Совет тут же назначил сессию большого Совета, на которой мне и предстояло отчитаться. Но прежде работу администрации должны были основательно проверить постоянные депутатские комиссии, на что им отводился целый месяц.

Начались хождения депутатов по кабинетам, копания в бумагах, долгие и дотошные беседы с сотрудниками администрации. Стоит ли говорить, что в течение целого месяца наши люди были буквально выбиты из колеи.

Но нет худа без добра. Подготовка к сессии заставила и нас самым тщательным образом еще раз сверить свою работу с официальным курсом реформ.

Провозглашая переход к рынку, Верховный Совет России в свое время предупреждал, что потребуются не менее полутора лет упорнейшего труда, прежде чем удастся остановить экономический спад в стране. Только после этого ученые обещали медленный рост производства, стабилизацию потребительского рынка, постепенное улучшение жизни людей.

Сейчас мы находились как бы у промежуточного финиша: с начала реформ прошло 9 месяцев, то есть ровно половина названного срока. Выдерживается ли график, не грозит ли нам, говоря спортивным языком, сход с дистанции?

Беспристрастные компьютеры ЦСУ выдали информацию: нет, сход с дистанции не грозит, более того — участник забега под литером «Амурская область» идет даже со значительным опережением графика. Не полтора года, а всего лишь три месяца потребовалось области, чтобы остановить спад в промышленности и на потребительском рынке и обеспечить стабильный, хотя и медленный, рост.

По-моему, статистика, если она не политизирована, самая достойная из всех наук о человеческом обществе. Можно заниматься любыми дискуссиями, оспаривать все что угодно, но лишь до тех пор, пока слова не возьмет статистика. Перед логикой ее величества Королевы цифр все участники спора должны почтительно снимать шляпу.

Вот как, по раскладу органов ЦСУ, выглядела экономическая ситуация в области по состоянию на 1 октября 1992 года.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Объемы производства в 1992 году (в процентах к соответствующему периоду 1991 года, в сопоставимых ценах):

Январь —	77,7%;
Январь-февраль —	72,1%;
Январь-март —	84,7%;
Январь-апрель —	85,1%;
Январь-май —	86,1%;
Январь-июнь —	86,5%;
Январь-июль —	88,5%;
Январь-август —	86,6%;
Январь-сентябрь —	89,0%;
Сентябрь —	101,1%.

Таким образом, быстро оправившись от шока, промышленность области начала выкарабкиваться из пропасти. И в сентябре, накануне моего отчета, не только не допустила спада, но и дала рост производства по сравнению с прошлогодним сентябрем на 1,1%. Даже в прежние стабильные времена, когда планы нередко выполнялись за счет корректировки, таким показателем можно было бы гордиться.

Оказалось, что по итогам 9 месяцев спад промышленного производства в Амурской области на 5,6% меньше, чем в целом по Дальневосточному экономическому региону. Из 25 отраслей народного хозяйства, по которым статорганы сделали сравнительный анализ, мы опережали общедальневосточные показатели аж в 19 (!), причем нередко — значительно. Так, по производству мебели — на 7,1%, пиломатериала — на 9,4%, стеновых материалов — на 14,7%, кирпича — на 15%, по объему капитальных вложений в строительство — на 10%, объему строительно-монтажных работ — на 15%, вводу жилья — на 20%, вводу амбулаторно-поликлинических учреждений — на 41%, больниц — на 100%, общеобразовательных школ — на 122%. Из этих 19 показателей 10 у нас вообще были самые высокие в регионе.

Еще любопытнее было сравнить результаты работы трех ближайших соседей: Амурской области, Хабаровского и Приморского краев. Испокон веку они «соревновались» между собой, но результаты этого соревнования в открытой прессе не публиковались. Однажды мне довелось увидеть в обкоме КПСС служебную записку на эту тему, и я ужаснулся: почти по всем показателям наша область значилась в аутсайдерах. Теперь все было наоборот: за 9 месяцев 1992 года из 25 отраслей мы были первыми в пятнадцати, приморцы — в семи и хабаровчане — только в трех.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

К сожалению, сезонный характер в этом секторе не позволил увидеть результаты аграриев в динамике. Расклад по месяцам здесь исключен. Лучше или хуже работает сейчас деревня, чем после январского обвала, не могла сказать даже всезнающая статистика. Однако она однозначно констатировала: хотя остановить спад сельскохозяйственного производства за 9 месяцев не удалось, он оказался значительно ниже, чем за 9 месяцев предыдущего года. В 1991 году (при Белоногове) посевные площади сократились на 63,5 тысячи гектаров, в 1992 году (при Кривченко) — на 48 тысяч гектаров. Валовой сбор сельхозпродукции за 9 месяцев 91-го года (при Белоногове)

снизился на 10%, за 9 месяцев 92-го года (при Кривченко) — на 7,3%. То есть нашей администрации удалось сократить спад сельхозпроизводства на четверть.

ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ РЫНОК

Розничный товарооборот в 1992 году (в процентах к соответствующему периоду 1991 года, в сопоставимых ценах):

Январь —	38,9%;
Январь-февраль —	47,2%;
Январь-март —	49,6%;
Январь-апрель —	60,4%;
Январь-май —	64,6%;
Январь-июнь —	66,4%;
Январь-июль —	70,6%;
Январь-август —	72,0%;
Январь-сентябрь —	78,3%;
Сентябрь —	99,7%.

К этим показателям, по мнению работников облстата, следовало бы добавить еще 12-15% от общего товарооборота за счет многочисленных мелких рынков, которые пока не были охвачены учетом ЦСУ. Но и без этой поправки, согласно лишь официальным данным, розничный товарооборот в области превысил общероссийский на 14,3%, мы вошли в восьмерку лучших регионов России.

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Но что особенно порадовало, так это внешнеэкономическая деятельность. На нее мы делали ставку с первых дней работы, в эту отрасль направляли лучшие кадры управленцев, в помощь им привлекали лучших московских экспертов. И, как говорится, результат не замедлил сказаться.

Если в 1991 году рост внешнего товарооборота составил 9,2%, то теперь за 9 месяцев по сравнению с тем же периодом предыдущего года достиг аж 380%. То есть превысил прошлогодний уровень в 3,8 раза!

В это трудно было поверить. В это невозможно было поверить. Но все подступы к Благовещенскому речному порту как никогда были забиты колоннами грузовых машин, теплоходы грузились и разгружались круглые сутки, Амур пенился бурунами от судовых винтов, и это говорило о том, что работники ЦСУ правы.

С такими экономическими показателями, согласитесь, идти на сессию областного Совета уже было не так стыдно. Конечно, того уровня, который область имела в лучшие докризисные годы, мы пока не достигли, но ведь рынок — не волшебная палочка. Да и сами рыночные отношения еще только начали складываться.

«Перешерстив» бумаги администрации вдоль и поперек, депутаты принялись заслушивать наши структурные подразделения на своих комиссиях. Отчитались руководители всех управлений, департаментов, комитетов, отделов. Разговор нередко шел достаточно крутой, но ни одно подразделение не получило за свою работу неудовлетворительной оценки.

Наконец для заключительной беседы со мной явился руководитель проверяющей группы ректор Амурского политехнического института Борис Виноградов.

— Мы и не подозревали, что администрация так много и плодотворно работает, — сказал он. — Со стороны это как-то незаметно. Сейчас, после проверки, у депутатов совсем другой настрой, чем прежде.

Виноградов пообещал, что на сессии депутаты будут максимально объективны. Больше нам ничего от них и не требовалось. Однако вскоре стало очевидно, что объективности ждать нечего. Накануне открытия сессии коммунистические средства массовой информации начали настраивать против администрации и общественное мнение, и прежде всего самих депутатов.

«Да, экономические показатели за отчетный период у Амурской области выше, чем в целом по стране и по Дальнему Востоку, — писала «Амурская правда». — Но убедит ли это депутатов?»

— Нет, не убедит, — отвечал на страницах той же газеты бывший первый секретарь Завитинского райкома КПСС, а ныне депутат облсовета А. Чибисов. — Не удивлюсь, если сессия поставит администрации за ее работу «неуд».

Подключилась к этой кампании и более «тяжелая артиллерия». Представитель президента Андрей Захаров с прямолинейностью поручика Ржевского «разъяснил» депутатам, что президент страны уважительно относится к их мнению и до сих пор всегда освобождал от должности тех глав, которым сессии выражали недоверие. Это не соответствовало действительности, но тем, перед кем мне предстояло отчитываться, его намек был более чем понятен.

«Уступите место компетентным и умным»

К 12 ноября, дню открытия сессии, сотрудники областной администрации были буквально наэлектризованы. Спрашивали друг у друга: что будут обсуждать — отчет или вопрос о недоверии главе? Перед началом заседания некоторые обращались к соседям: нет ли валидолчика? К моему удивлению, эти сердечные таблетки были у многих.

Мой доклад прошел при гробовой тишине зала. Кроме данных статистики, в нем были и другие любопытные сведения, характеризующие работу администрации. Например, уже имелась по-настоящему налаженная социальная защита малоимущих, мы едва ли не первыми в стране стали применять адресную помощь. Фонд социальной защиты и милосердия направил на эти цели свыше 160 миллионов рублей, из них 55 миллионов были получены от повышения цены на водку, о чем я уже рассказывал выше.

В последние годы повсеместно резко возросла преступность. Нам удалось принять эффективные меры: был заменен начальник УВД, из областного бюджета выделили 50 миллионов рублей на техническое оснащение милиции. Я поддерживал все крутые меры, принимаемые новым руководством управления внутренних дел. И, начиная с мая, преступность неуклонно начала снижаться, хотя и незначительно.

Можно было бы подробно рассказать о тех экономических программах, которые уже действовали и в самое ближайшее время могли вывести область из кризиса. Но малый Совет почему-то выделил их в отдельный доклад, с которым поручил выступить Сурату. Мне оставалось сказать об этих программах лишь вскользь.

И все равно, бросая иногда взгляд в зал, я чувствовал, что заложенная в докладе информация попадает точно в цель. Об этом говорили заинтересованные лица депутатов. Однако, едва стихли мои последние слова, как депутаты-коммунисты дружно «сомкнули свои ряды» и, подобно средневековым псам-рыцарям, двинулись в наступление тупорылой «свиньей».

О, это была великолепная боевая «свинья». Во главе ее шли самые испытанные и закаленные. Шли на таран, ни о чем не задумываясь и ни в чем не давая себе отчета. Один за другим выступили: бывший заведующий отделом обкома КПСС А. Усов, бывший первый секретарь райкома КПСС Г. Иванов, начальник особого отдела армии полковник Н. Киселевич, бывший первый секретарь райкома КПСС А. Шкурин, бывший секретарь обкома КПСС В. Федоров, бывший кагэбист Е. Волков, а после небольшого перерыва —

бывший первый секретарь райкома КПСС А. Чибисов и бывший секретарь обкома КПСС А. Белоногов.

Все эти люди — кто больше, кто меньше — были повинны в том бедственном положении, в котором находилась в последние годы экономика области. При них, а не при новой администрации, начался спад в промышленности, катастрофическое уменьшение посевных площадей, сокращение производства зерна, сои, молока, мяса, овощей, опустели прилавки магазинов, люди были «посажены» на талоны.

Тем не менее, ничуть не смущаясь, они обвиняли во всем этом именно нас. По их словам, «процветавшую» до 1992 года экономику области привели к кризису исключительно некомпетентность новой администрации, ее неспособность управлять народным хозяйством, авантюризм при принятии решений. Выход из этой кризисной ситуации они видели в том, чтобы отправить главу исполнительной власти в отставку.

— Как стало возможным, — вопрошал бывший заведом обкома А. Усов, — что главой администрации крупной сельскохозяйственной области стал журналист? В предвыборную кампанию он завоевал доверие людей на критике ошибок, допущенных Шариным. Однако сам он эти ошибки не только повторил, но и умножил. Поэтому я оцениваю работу главы администрации отрицательно.

— Сегодня мы должны согласиться с банкротством администрации, — вторил ему полковник Н. Киселевич. — Уход исполнительной власти необходим. Я считаю, Альберт Аркадьевич, что поставить вам положительную оценку нельзя.

— Статистика дама лукавая, в докладе она использовалась так, как хотелось докладчику, — продолжал в том же духе бывший секретарь обкома В. Федоров. — Беда администрации в отсутствии идеологии управления. У нее нет видения перспективы. Это кризис власти. В таких условиях можем ли мы оценивать работу администрации как удовлетворительную?

Но особенно страстным было выступление самого Белоногова. Бывший зоотехник, он не подбирал выражений, не заботился о чистоте своей речи.

— В средствах массовой информации нагнетаются страсти о войне между областным Советом и областной администрацией, — сказал Белоногов. — А никакой войны нет. Воевать можно с грамотным, компетентным противником, а тут... С кем тут воевать? Если при переходе к рынку необходимы жертвы, то нести их должно не население, а те теоретики и исполнители, которые своей бездарностью довели экономику до краха. Принесите себя в жертву на алтарь реформ, — обратился он к тому крылу зала, где сидело руководство администрации. — Уступите место компетентным и умным.

Кому конкретно следует отдать власть, Белоногов не уточнил, но и без того все знали, кто в стране — «ум, честь и совесть нашей эпохи».

Кроме бывшей партноменклатуры, выступили еще несколько депутатов. Они тоже говорили о проблемах и трудностях, но никто не обвинял администрацию в плохой работе, не требовал отставки главы. Наоборот, в наш адрес прозвучало даже несколько комплиментов, однако они не могли изменить общего враждебного настроения, заданного с самого начала партаппаратчиками. Угроза недоверия главе стала реальностью.

Наконец слово взял руководитель депутатской группы, проверявшей работу администрации, Борис Виноградов. Сейчас он выглядел не таким восторженным, как при нашей последней встрече. Смотрел куда-то в сторону, как бы чего-то стыдился. Виноградов признал, что между областным Советом и областной администрацией действительно существуют серьезные противоречия, основанные на разном понимании реформ.

— Администрация насильственно, в сжатые сроки, без права выбора, железной рукой проводит реформирование всей системы производства и управления, — сказал он. — Позиция областного Совета значительно мягче: реформа должна проводиться, но исключительно добровольно, постепенно, планомерно, с учетом морально-психологических и иных факторов, с сохранением централизованного снабжения и контроля за ценами.

Это была абсолютная правда. При всей витиеватости выражений профессор Виноградов точно подметил суть наших разногласий. Мы действительно проводили реформы жестко, в соответствии с программой, утвержденной съездом народных депутатов России. Наша реформа была направлена на то, чтобы спасти народ от голода и вывести экономику из кризиса. Совет же требовал проводить реформы так, чтобы вообще ничего не менялось, все оставалось по-старому.

Однако, правильно изложив суть разногласий, Виноградов вдруг сделал крутой вираж: заявил, что позиция Совета более правильная, поэтому следует признать работу администрации неудовлетворительной.

Белоногов, видимо, только этого и ждал. Не обращая внимания на желающих выступить от микрофонов, он тут же поставил предложение Виноградова на голосование. Когда оно было принято, раздался одинокий голос депутата Лушпая: мол, нарушен регламент, докладчику не дали заключительного слова.

Выступать еще раз перед этими людьми мне не хотелось, ведь это было все равно, что распинаться перед глухими. Но надо было ответить на письменные вопросы депутатов, да и высказать свое отношение к вопросу о недоверии.

Ответив на два десятка записок, я сказал:

— Давайте, уважаемые депутаты, прежде чем голосовать, будем думать. Недоверие главе согласно закону выражается только в тех случаях, когда он нарушает законодательство и Конституцию. Разве такие нарушения есть? Если есть, то назовите их, предъявите конкретные, обоснованные обвинения.

— Есть такие нарушения, — раздался голос в конце зала. — Могу привести перечень двадцати пяти актов администрации, отмененных Советом. Такая информация будет готова через полчаса.

Это говорил Саян Охотников, бывший председатель областного суда, ныне пенсионер, ставший в Совете той юридической дубиной, с помощью которой вот уже год депутаты «гвоздили» по администрации. Но сейчас его слова вызвали у них серьезные вопросы. Нарушение Конституции и законов, повлекшее отмену двадцати пяти актов администрации, — дело серьезное, почему же об этом даже не упомянула комиссия Виноградова? К тому же перечень этих актов ничего не дает, нужны сами документы и решения малого Совета об их отмене.

— Хорошо, — согласился Белоногов. — Сделаем перерыв, за это время редакционная комиссия подготовит необходимые материалы.

Но и после перерыва дело не пошло. Кто-то вычитал в законе, что вопрос о недоверии главе официально выносит на сессию либо группа депутатов, либо одна из постоянных комиссий Совета. На постоянных же комиссиях, где обсуждалась работа администрации, разговор о недоверии главе даже не заходил.

Белоногов предложил перенести этот вопрос еще раз — на следующий день, чтобы уж подготовиться наверняка. А пока — заслушать доклад Сурата.

Только теперь стало понятно, почему отчет администрации разделили на две части. У меня отняли самую выигрышную часть нашей работы — рассчитанную на перспективу, об отсутствии которой говорил депутат В. Федоров. Поистине надо было пройти школу аппаратной работы в КПСС, чтобы додуматься до такой ювелирной комбинации.

Надо отдать должное Сурату: на этот раз он сделал великолепный доклад. Убедительно показал, что наступившая стабилизация в большинстве отраслей экономики даст ощутимые плоды в следующем, 1993 году. Даже по самым осторожным прогнозам комитета экономики, 1993 год должен был дать прирост: товаров народного потребления — на 8%, розничного товарооборота — на 5%, платных услуг — на 23%. Если, по данным Министерства экономики, экспорт товаров в целом по России должен был несколько снизиться, то в Амурской области — возрасти на 30%.

Несколько скромнее выглядела перспектива аграрного сектора. Объем производства сельхозпродукции в 1993 году мы надеялись сохранить на нынешнем уровне. Правда,

правительство, выделив кредиты, требовало роста, но областная администрация считала, что базы для роста пока нет. Доклад Сурата не вызвал в зале ни вопросов, ни эмоций. В прениях по нему выступили всего два депутата да несколько человек из нашей администрации. Эмоции снова вспыхнули на следующий день, когда Белоногов огласил решение одной из депутатских комиссий выразить недоверие главе администрации.

— Я бы предложил уважаемым депутатам особо подчеркнуть в постановлении, — вальяжно подойдя к микрофону, сказал юрист Совета Саян Охотников, — что глава постоянно нарушает не только законы, но и Конституцию. Для постановления это очень важно. В половине отмененных постановлений главы нарушается именно Конституция.

— Извините, но в решении депутатской комиссии вообще нет никаких мотивировок, никакого анализа, — взорвался начальник управления юстиции Андрей Берлов. — Оно не только голословно, но и содержит грубые извращения. Семь постановлений было отменено самой администрацией, а Совет их только продублировал. Зачем же все валить в одну кучу?

— Даю справку, — восторженно воскликнул Саян Охотников. — Сам Совет действительно отменил не 25, а 14 постановлений главы. Но ведь остальные были отменены самой администрацией по нашему представлению.

— Нет, — сказал я, взяв микрофон, — не по вашему представлению, потому что ни одного представления от вас не было. Я отменил их не потому, что они противоречили закону, а потому что уже были выполнены. В этом депутаты могут убедиться сами.

— Действительно, давайте обратимся к «незаконным» документам администрации, — жестко и настойчиво потребовал депутат Лушпай. — Пусть их нам раздадут. Я хочу их посмотреть.

— Полагаю, что и этого недостаточно, — так же настойчиво заявил депутат Басистый. — Надо провести юридическую экспертизу отмененных документов. Для этого лучше всего обратиться в Верховный Совет России.

На какой-то момент в зале установилась напряженная тишина. Стало ясно, что огласки злополучных документов не избежать. В президиуме начали совещаться. Вернуть ситуацию под контроль мог лишь сильный ответный ход председателя. Но, несмотря на огромный аппаратный опыт, Белоногов его так и не нашел.

— Объявляю перерыв, — заявил наконец он. — Прошу членов малого Совета подняться на второй этаж.

После перерыва заседание вел уже заместитель Белоногова Александр Потапов. Он сообщил, что Анатолий Николаевич срочно вылетает в Москву для консультации в Верховном Совете. А вопрос о недоверии главе предложил перенести еще раз, для чего сделать перерыв в работе сессии на десять дней.

До голосования о перерыве депутат В. Геевский от имени редакционной комиссии сессии предложил подкорректировать уже принятые документы. По мнению редколлегии, сессия должна поставить «неуд» не всей администрации, а лишь ее главе.

— Почему «неуд» главе? — ринулся к микрофону Григорий Никандров. — Сначала надо признать работу неудовлетворительной хотя бы половины подразделений. Но ни одно из них такой оценки не получило. Наоборот, депутаты одобрили работу комитетов торговли и внешнеэкономической деятельности. Почему же их прямой начальник — глава администрации заслужил неудовлетворительную оценку?

— Действительно, уважаемые депутаты, — взял у него микрофон депутат Виктор Хахин, — наша комиссия тоже признала работу комитета по физической культуре и спорту, а также сектора по делам молодежи удовлетворительной. Есть протокол. Имеются ли протоколы других комиссий о признании чьей-либо работы неудовлетворительной? Я хочу их рассмотреть.

Таких протоколов не оказалось. Тем не менее предложение Геевского было принято. Работу главы администрации признали неудовлетворительной. А через минуту сессия

одобрила доклад Сурата, согласилась с мерами по выводу экономики области из кризиса, предложенными администрацией.

Действительно получалась нелепица. Согласно официальной оценке депутатов, администрация Амурской области шагала в ногу со страной, со временем. И только один человек шагал не в ногу — глава администрации.

И т. д., и т. п., и пр.

Итак, Белоногов улетел в Москву искать поддержку в Верховном Совете. Разумеется, просить о юридической экспертизе актов областной администрации он там не станет — это не в его интересах. Никаких письменных заключений из Москвы, понятно, не привезет. Зато устно сможет наговорить депутатам с три короба.

С его стороны это, надо признать, был сильный ход — исчезнуть прямо с сессии. Ведь не улетит он в Москву так скоропалительно, депутаты могли проголосовать за проведение экспертизы, и тогда деваться было бы некуда. Теперь же до 24 ноября они будут помалкивать, а 24-го вынуждены будут довольствоваться опять-таки устной информацией.

Но хорошие идеи не должны пропадать бесследно. Предложение депутата Басистого о проведении юридической экспертизы в Верховном Совете, безусловно, заслуживало того, чтобы довести его до логического конца. Поскольку это не отвечало интересам председателя Совета, инициативу следовало взять на себя главе администрации. На второй день после отлета Белоногова и я вылетел в Москву.

В Белом доме на Краснопресненской набережной по традиции прежде всего зашел в свой родной комитет. Его председатель Вячеслав Брагин не скрывал радости от встречи. Усадил напротив себя в кресло, попросил секретаря Галю принести кофе. Мы расселись под трехцветным российским флагом, который в свое время приколотил к стене бывший председатель комитета Виктор Югин.

— Ну, рассказывай, — нетерпеливо попросил Слава, — что делается у вас в далекой глубинке?

Я рассказал.

— Н-да, — задумчиво проговорил Брагин. — У нас тоже реакция наступает по всем направлениям. Уход из Верховного Совета депутатов-демократов дорого обходится. Сейчас в Белом доме все решают бывшие партийные секретари. Не только работать, но и находиться здесь не вмоготу. Дышать нечем. От нашего комитета требуют, чтобы мы подготовили поправки к закону о средствах массовой информации, воскрешающие цензуру.

— Не может быть...

— Может. Сначала ее введут на Центральном телевидении. Называться это будет благопристойно — попечительский совет. А на деле — та же цензура.

— И что же комитет?

— Категорически отказался. Я официально заявил на заседании Президиума Верховного Совета: только через мой труп.

— Да, ты же теперь член президиума. А они?

— Хасбулатов с присущим ему хамством уже несколько раз высказывался, что комитет по средствам массовой информации следует разогнать.

— Круто. Но что случилось с Русланом? Прежде он своим хамством доводил до белого каления коммунистов, а теперь, выходит, переключился на демократов?

— Не знаю. Возможно, он таким путем надеется стать «вождем нации». Я ведь вас предупреждал о таком развитии событий, но вы меня не послушали. В общем, коммунисты в лице Хасбулатова получили хороший подарок. Теперь ближайшая их

задача — отправить в отставку правительство Гайдара и посадить в кресло премьера своего человека. Тогда на пути останется лишь один президент.

— И губернаторы, — поправил я.

— Да, конечно, и губернаторы, — согласился Слава. — Но с ними проще. В их среде и сейчас немало противников Бориса, а убери десятка два...

Попрощавшись с Брагиным, я поспешил в комитет по законодательству. Прежде его возглавлял Сергей Шахрай, но теперь он работал в президентской администрации, а председателем комитета стал его зам Михаил Митюков, которого я знал мало.

— Областной Совет отменил всего лишь четырнадцать ваших постановлений? — удивился Митюков. — Это же ничтожно мало. В других регионах отменяют десятками. После принятия того злополучного закона на местах началась буквально эпидемия отмен.

— Но вы посмотрите, какие несуразные решения они принимают. Приписывают нам то, чего в действительности нет. И на этом основании собираются выразить мне недоверие.

— Очень хорошо, — сказал Митюков, подумав. — Правильно, что вы пришли к нам. Отовсюду только и слышно: исполнительная власть нарушает законы. Вот мы и разберемся, как она их нарушает.

Он пригласил заведующую юридической службой своего комитета и поручил ей провести самый тщательный анализ моих бумаг.

В тот же день я побывал в правовом управлении администрации президента, возглавляемом Сергеем Шахраем. Самого Сергея Михайловича на месте не оказалось, но это было даже к лучшему: никто не сможет сказать, что я воспользовался личным знакомством с ним. И здесь согласились провести юридическую экспертизу моих документов, попросив на это, как и в Верховном Совете, несколько дней.

У руководителей региональных администраций в столице всегда прорва дел. Министерства тогда находились в разных частях города, только на дорогу тратилась уйма времени. Мое положение упрощалось тем, что я был народным депутатом России, а это позволяло проходить в любые кабинеты без очереди. Тем не менее не каждый вопрос удавалось решить сразу, нередко приходилось стучать в разные двери еще и еще.

Теперь у меня неожиданно появилось несколько свободных дней, что позволило поработать в правительстве без суеты и спешки. По обыкновению подниматься приходилось в три ночи, так как именно в это время раздавался первый телефонный звонок из Благовещенска. Звонил кто-нибудь из моих замов, чаще всего Никандров или Кондратюк. У них не хватало терпения, чтобы подождать хотя бы до шести часов по московскому времени. Извинившись за раннее беспокойство, они выкладывали передо мной ворох проблем. Затем еще раздавались звонки. Последний, как правило, возвращал меня уже от двери, когда я собирался отправиться в какое-нибудь министерство.

Вечерами телефон молчал, так как родная Амурская область в это время уже спала. Зато приходили посетители. Это были представители российского или иностранного бизнеса, руководители всевозможных экономических союзов и ассоциаций, генеральные и просто директора предприятий, заинтересованные в сотрудничестве с нашей областью. Порой они приносили интересные проекты, которые приходилось изучать до глубокой ночи. К удивлению, несмотря на такой плотный режим работы, усталости не было — видимо, организм включал в действие какие-то резервы.

Наконец результаты экспертизы были готовы. В комитете по законодательству один из экспертов спросил, есть ли в Амурском областном Совете юридическая служба?

— Конечно, есть, и возглавляет ее очень опытный юрист, пенсионер, — сказал я. — Бывший председатель областного суда.

— Как же надо не уважать свою профессию, чтобы выпускать такую несусветную чушь, — покачал головой эксперт.

Юристы комитета по законодательству не оставили камня на камне от законотворческих актов Амурского областного Совета. Они подтвердили письменно, что

ни одно мое постановление или распоряжение не противоречит Конституции, а ссылки на Основной Закон просто притянуты за уши. Небольшие отклонения от законов были обнаружены лишь в двух моих ранних постановлениях (принятых в то время, когда у нас не было юридической службы), но они, по мнению экспертов, были незначительными и ни в коем случае не являлись основанием для выражения недоверия. Аналогичное заключение дали и в правовом управлении администрации президента.

Последнее обстоятельство было особенно важно. Ведь если депутаты все-таки выразят недоверие, а Захаров раздует это дело, то бумаги непременно попадут в правовое управление, а здесь уже их изучили и высказали свою точку зрения. Так что президенту уйдет достаточно объективная информация, что нам и нужно.

Вечером 23 ноября в мой кабинет принесли из Совета папку с документами, подготовленными к заключительному этапу сессии. Как я и ожидал, в ней не оказалось ни одного из отмененных актов администрации, зато имелось пространное экспертное заключение по ним. Сделано оно было, естественно, не в Москве, куда так спешно летал председатель Совета, а в Благовещенске — доцентом педагогического института Воробьевым.

Доцент Воробьев, несмотря на преклонный возраст, в отличие от других местных ученых до последнего времени был мало кому известен в городе. Его фамилия зазвучала лишь тогда, когда началась перестройка и партийным чиновникам потребовалось создать видимость, что действуют они в рамках закона. Воробьев стал для них главным консультантом. Но особую известность он приобрел тем, что помог партноменклатуре отсеять на окружном предвыборном собрании в 1989 году неугодных обкому КПСС кандидатов в народные депутаты СССР.

Сейчас доцент Воробьев тоже лез из кожи, чтобы убедить сессию в противозаконных и даже антиконституционных происках администрации. Все его «экспертное заключение» было рассчитано на то, что депутаты так и не смогут ознакомиться с самими отмененными документами и им придется верить «эксперту» на слово.

Открывая на следующий день заседание, Белоногов, похоже, чувствовал себя значительно увереннее, чем в день вылета в Москву. Он сообщил, что поездка в столицу была успешной, что Верховный Совет подтвердил право областного Совета выразить главе недоверие, и призвал депутатов приступить к этой процедуре немедленно.

На сей раз Анатолий Николаевич не скрывал, что между администрацией и Советом идет настоящая война. По его словам, она зашла так далеко, что развязать узел уже не удастся — придется депутатам его разрубить. Похоже, он не догадывался, что у меня в папке лежат документы, которые он так и не привез из Москвы.

После его «пламенной» вступительной речи на трибуну поднялся я.

— Не скрою, удивлен, что представленное нам экспертное заключение сделано местным юристом Воробьевым, — сказал, обращаясь больше к президиуму, чем к залу. — Депутаты ведь просили Анатолия Николаевича обратиться к экспертам Верховного Совета, и он, если помните, улетел в столицу прямо с сессии. Поездка, по его словам, была успешной. Так почему же нет экспертизы из Москвы? Ну да ладно, мы исправили оплошность председателя Совета. Вот письменное экспертное заключение по отмененным документам и из Верховного Совета, и из правового управления администрации президента. Они полностью совпадают, дополняют друг друга.

Такого в зале никто не ожидал. Это был сюрприз, к которому инициаторы отставки не были готовы. Я медленно читал заключение высококлассных московских юристов, сначала одно, затем другое. Дочитав до конца, перешел к третьему документу — писанию Воробьева.

— Из подписи под этим посланием видно, что, оказывается, Воробьев — кандидат наук, да еще и доцент, — ехидно сказал я. — Неужели это действительно так? Как же мог столь ученый человек написать такую, например, фразу: «Много нарушений допускалось

администрацией при создании различных своих подразделений, департамента труда, горного департамента и др., учреждении золотодобывающих предприятий, предоставлении золоторудных месторождений и т. д.». Много нарушений — это сколько? Какие конкретно? В чем они выражаются? Противоречат ли они законам или это всего лишь стилистические неточности? В честь чего вдруг администрация учреждала золотодобывающие предприятия, если это не входит в ее обязанности? Как она могла допустить нарушения при предоставлении золоторудных месторождений, если никому никаких золоторудных месторождений администрация не предоставляла? И, наконец, что означают многочисленные, разбросанные по всему тексту термины «и т.д., и т.п., и пр.»? Если это новые юридические термины, изобретенные доцентом Воробьевым, то не предложить ли их судам? Тогда их приговоры могли бы выглядеть так: «Осудить гражданина такого-то к высшей мере наказания за и т.д., и т.п., и пр.».

По залу покотился смешок. Оказывается, и в критические моменты многие способны воспринимать юмор.

Возражать против изложенного мной было бессмысленно. Никто и не возражал. После моего выступления решили перейти сразу же к голосованию.

— Как будем голосовать? — спросил Белоногов. — Открыто или тайно? Я предлагаю тайно, так как есть депутаты, которые по роду своей основной деятельности зависят от администрации. Для них это будет чревато соответствующими последствиями.

Теперь оставалось ждать. Я отправился в свой кабинет, надеясь хоть немного поработать. Но это не удалось. Тут же пришел Никандров, другие замы, заглядывали сотрудники отделов, прежде по долгу службы у меня не бывавшие. Всех интересовало: что станем делать, если «недоверие» пройдет?

— А ничего. Будем работать дальше как ни в чем не бывало.

Но сегодня все они были далеки от рабочей формы: кто до крайности возбужден, кто, наоборот, подавлен. Я обратил внимание, что даже Никандров, всегда уравновешенный, бодрый и решительный, принимает... валидол.

— Что с тобой? — не на шутку встревожился я.

— Да вот, прихватило немного, — он поморщился, растирая ладонью грудь. — Ничего, пройдет.

— Ну, братцы, — развел я руками, — еще одна такая сессия, и мне не с кем будет работать. Придется всех отправить на инвалидность.

Удивительно, но сам я был совершенно спокоен, и сердце не давало о себе знать. То, что происходило на первом этаже, казалось всего лишь очередной мышшиной возней. В последние пять лет жизнь была по голове больше — Шарин пытался вообще стереть меня с лица земли. Сейчас у его наследников руки были куда короче. Да и опыт подсказывал, что за недоверие депутаты, скорее всего, не проголосуют. Кажется, удалось доказать, что все обвинения против нас шиты белыми нитками. Кроме того, Белоногов допустил роковую ошибку, предложив голосовать тайно. Теперь он наверняка не наберет нужного числа голосов.

Наконец кто-то из сотрудников принес с первого этажа долгожданную весть: результаты голосования — не в пользу Белоногова. Депутаты не поддержали своего председателя. Правда, за недоверие проголосовали многие, но голосов все-таки не хватило. Отставка, о которой говорили в последние дни, провалилась.

— Эти «компетентные и умные» даже недоверия объявить не способны, — раздался чей-то торжествующий голос. — А еще хотят управлять областью.

То была сушая правда.

Это сладкое слово «импичмент»

Таким образом, отставка главы администрации области не состоялась. Но на горизонте уже маячил новый, еще более зловещий призрак — импичмент президента. Через неделю после сессии Амурского областного Совета — 1 декабря — в Москве открывался очередной VII съезд народных депутатов России. Ни для кого не было секретом, что левые фракции готовятся поднять на нем вопрос об импичменте.

Я уже говорил, но еще раз повторюсь: после августовского путча 91-го года Верховный Совет Российской Федерации быстро «полевел». Казалось бы, должно случиться наоборот: проиграв путч, коммунисты обязаны были утратить свои позиции во властных структурах страны. Однако Ельцин, сам того не ожидая, создал для них режим наибольшего благоприятствования: оголив Верховный Совет, он образовал там вакуум, куда тут же хлынули бывшие секретари ЦК, обкомов, горкомов, райкомов партии.

На беду, у Ельцина после путча испортились личные отношения с Хасбулатовым. Руслан Имранович был единственным политиком, кто перед началом реформ сам просился на должность премьер-министра правительства России. Но Борис Николаевич его просьбу отверг. А у кавказцев кровь горячая, они готовы мстить обидчику и сто, и тысячу лет. В результате Хасбулатов стал врагом президента, оказавшись в одном стане с бывшей партноменклатурой, наводнившей теперь Верховный Совет.

Уже через две недели после начала реформ — 14 января 1992 года — Хасбулатов потребовал на сессии Верховного Совета убрать из правительства Егора Гайдара и изменить весь экономический курс. Для такого требования не было никаких оснований: реформы начались так, как предусматривал Верховный Совет, а собственных ошибок Гайдар просто-напросто не успел сделать. Дальше — больше. На VI съезде народных депутатов, состоявшемся летом 1992 года, Руслан Имранович заявил в своей развязной манере, что относится к членам кабинета «как к червям». Министры для него были «мальчишками в коротких штанишках», к которым спикер испытывал «отвращение». В ответ на это неслыханное хамство правительство в полном составе во главе с Гайдаром покинуло съезд и подало президенту заявление об отставке. Больших трудов стоило Ельцину уладить этот конфликт.

К декабрю 92-го депутатам-коммунистам удалось сплотить вокруг себя большинство в Верховном Совете, лишившемся основного костяка депутатов-демократов.

1 декабря в Большом Кремлевском Дворце открылся VII съезд народных депутатов России. И с первых минут под его сводами зазвучало это сладкое для многих слово «импичмент». Правда, в повестку дня внести вопрос об отставке президента не удалось, но это, кажется, ничуть не охладило пыл сторонников импичмента.

Претендент на пост «вождя нации», Руслан Хасбулатов буквально бесчинствовал. Профессиональная работа в парламенте сделала его искусным дирижером, умеющим жестко держать в руках расстроенный депутатский оркестр. Став после Ельцина председателем Верховного Совета, он вообще возомнил, что ему позволено все.

С первых минут работы съезда Хасбулатов лишил депутатов-демократов возможности высказывать свое мнение, предоставляя слово только своим сторонникам. Когда ораторы из числа его приближенных начинали говорить, скрытые динамики обрушивали на головы сидящих в зале призывы отменить объявленную на втором съезде народных депутатов частную собственность на землю, остановить приватизацию госсобственности, национализировать акционерные предприятия и банки, торговлю, вернуть Госплан и централизованное распределение, «заморозить» зарплату и цены.

Это была программа полной отмены экономической реформы и возвращения страны в социализм образца 1989-1991 годов с его пустыми магазинами и маячившим на пороге массовым голодом.

Газеты писали, что, давая слово только «своим», Хасбулатов явно переусердствовал. «Известия» даже съязвили: зачем, мол, тратили время на выступления, достаточно было огласить список ораторов, и стало бы ясно, о чем они будут говорить.

На второй или третий день работы съезда между теми, кому давали слово, и теми, кому не давали, произошла потасовка, я бы даже сказал — молодецкий кулачный бой перед самым столом президиума. Хасбулатов поставил на голосование какой-то вопрос вопреки регламенту съезда, и он получил большинство голосов. Многие депутаты бросились к микрофонам доказывать, что регламент съезда нарушен. Однако они лишь раскрывали рты, но не могли издать ни звука — Хасбулатов отключил микрофоны. Тогда защитники регламента, среди которых были в основном ученые-юристы, направились к столу президиума, чтобы заявить протест. «Кто-нибудь, защитите меня от этих людей!» — громогласно, через трансляцию, вскричал Хасбулатов. Тут и началась потасовка.

К сожалению, рассмотреть «бой» в деталях нам, амурчанам, не удалось. Наша группа на этот раз сидела слишком далеко от президиума, а биноклей у нас, естественно, не было. Ничего не добавили к увиденному и телерепортажи — операторы тоже находились слишком далеко. Поэтому, кто кого бил и как сильно — сказать не могу.

Вдоволь набушевавшись, съезд приступил к голосованию по целому блоку вопросов. Теперь осечек у коммунистов уже не было. Наэлектризованные ораторами депутаты отменили дополнительные полномочия президента, дающие ему право формировать исполнительную власть снизу доверху и руководить ею. В Конституцию были внесены поправки, согласно которым премьер правительства, все вице-премьеры, а также десять основных министров назначались с согласия депутатов и были подотчетны им. Таким образом, президент лишился власти над большей частью правительства и стал как бы декоративной фигурой. Это был тот же импичмент, только в более мягкой форме.

Ельцин попытался объяснить депутатам, что в таких условиях он не сможет проводить реформы. Президент даже был согласен лишиться таких важнейших министерств, как МИД, МВД, Минобороны, но просил оставить в его распоряжении экономическую часть правительства. Однако коммунисты были непреклонны — на каждую просьбу президента в зале раздавались выкрики типа «ату». Я никогда не видел более распоясавшихся людей. Им даже удалось добиться принятия резолюции, что реформы вообще проводятся вопреки интересам народа.

Мои земляки — депутаты от Амурской области — ликовали. Наконец-то наступление на ненавистного президента удалось. Не скрывал своей радости и Руслан Имранович: фактическое устранение Ельцина от власти он назвал «триумфом» и «исключительной победой съезда».

Плоды этой «исключительной победы» довелось вкусить буквально на следующий день. Борис Ельцин предложил утвердить премьером правительства Егора Гайдара, уже полгода руководившего кабинетом министров. Егор Тимурович произнес блестящую часовую речь, отчитавшись о сделанном и предложив программу на будущее. Говорил без бумажки, легко и свободно, приводил по памяти множество цифр.

Экономическая ситуация в стране продолжала оставаться сложной, однако уже наметился перелом к лучшему. В четвертом квартале по сравнению с третьим в базовых отраслях промышленности начался рост производства. В октябре по сравнению с сентябрем выпуск проката черных металлов и стальных труб увеличился на 5 и 7 процентов, грузовых автомобилей — на 8,7 процента, тракторов — на 20 процентов, вагонов — на 12 процентов. В ноябре на 28 процентов возросло производство металлорежущих станков, на 16 процентов — пылесосов, стиральных машин и разных видов тканей, на 20-30 процентов — круп, растительного масла, пищевых концентратов. Страна получила зерна на 12 процентов больше, чем в предыдущем году.

Речь Гайдара вызвала аплодисменты в зале. Аплодировали не только депутаты-демократы, но даже многие представители прокоммунистических фракций. Один из патриархов депутатского корпуса генерал-полковник Дмитрий Волкогонов сказал о Гайдаре так:

— Этот человек обладает не по годам большой мудростью и исторической смелостью. Это российский руководитель новой волны. Сегодня мы должны смотреть на

Гайдара как на надежду. Если мы выберем его, то пойдем вперед, к новой России. Если не выберем — повернем вспять.

Его поддержал другой, тоже очень авторитетный, не политизированный депутат Владимир Лукин:

— И друзья, и враги Гайдара внутренне убеждены, что этот человек и в политическом, и в профессиональном плане очень близок к тому, чтобы стать реальным, настоящим премьер-министром, какой нужен России в критический период развития.

— Да, умный, толковый, деловой мужик этот Гайдар, — сказал сидящий рядом со мной один из наших амурских депутатов. — Но голосовать за него я все равно не буду.

— Почему?

— Не буду и все.

Никто не выступил на съезде с какими-либо обвинениями в адрес Егора Тимуровича. Но он получил всего лишь 467 голосов. Против проголосовало 486 депутатов. Хоть и немного, но голосов для утверждения премьер-министра все-таки не хватило. Таким образом, страна осталась не только без полномочного президента, но и без главного вдохновителя и организатора реформ — председателя правительства.

У меня лично настроение было прескверное. Вообще-то и предыдущие шесть съездов тоже изрядно трепали нервы. Не все получалось, постоянно приходилось идти на компромиссы, иногда и проигрывать. Но такого сокрушительного разгрома, как сейчас, депутаты-демократы еще не знали.

Однажды, вернувшись на свое место после перерыва, я обнаружил на столе, возле электронного аппарата для голосования, записку. Она была отпечатана на депутатском бланке, под ней стояли подписи моих земляков — народных депутатов РСФСР Бориса Аношкина, Анатолия Белоногова, Ивана Галушко, Андрея Захарова, Анатолия Мельниченко и Юрия Чапковского. Они сидели тут же, рядом со мной, но обращались ко мне не напрямую, а письменно, официально, используя депутатский бланк.

Из текста можно было понять, что теперь, когда Ельцин лишен рычагов управления, а Гайдар официально отстранен от должности, мои коллеги-депутаты спокойны за судьбу страны. А вот будущее Амурской области их по-прежнему продолжает волновать. Это будущее представлялось им мрачным и безрадостным, поскольку губернатором по-прежнему оставался я. Коллеги считали, что лучший выход из этой ситуации — мне самому сложить с себя полномочия, не дожидаясь ничьих решений.

Дочитав до конца, перевел взгляд на соседей. Они подчеркнуто внимательно слушали ораторов, делая вид, что моя реакция на письмо их не интересует. Какая выдержка! Ладно. Принялся сочинять ответ так же письменно на депутатском бланке. Написал, что предложение уважаемых земляков-депутатов меня просто удивило. Ну какая, к черту, может быть отставка, если мне доверяет областной Совет? Ведь вопрос о недоверии главе уже обсуждался на сессии и не получил поддержки. А раз депутаты сказали мне «да», то с какой стати я сам себе должен говорить «нет»?

Впрочем, продолжал я с ехидцей, если уж коллеги так хотят моей отставки, то я готов пойти им навстречу. При условии, что одновременно со мной оставят свои посты Анатолий Белоногов и Андрей Захаров.

Закончив писать, сходил в подвал, где находилось машбюро, отпечатал текст и, вернувшись, положил его на стол — соседу. Прочитали все шестеро — молча, с «мраморными» лицами — и снова принялись усиленно слушать ораторов.

С трибуны съезда продолжали поносить президента и уже не существующее правительство. Кто-то договорился до того, что предложил назвать сидевших в «Матросской тишине» гэкачепистов не заговорщиками, а национальными героями. Захотелось на воздух, подальше от этого сумасшедшего бреда.

Но никуда уходить было нельзя. Ельцин до сих пор никогда не терял самообладания и умел находить выход даже в самых экстремальных ситуациях. Была надежда, что

сможет он сделать это и сейчас, поэтому от нас требовалась готовность поддерживать его всеми силами.

На десятый день работы съезда Борис Николаевич действительно попросил слова и поднялся на трибуну легкой пружинистой походкой. Мы знали, что он продолжает играть в теннис, несмотря ни на что. Вот и сейчас он походил на спортсмена, только что отложившего в сторону ракетку.

В зале продолжались разговоры, кое-кто отпускал в адрес президента ехидные реплики: дескать, что тут говорить, с тобой теперь и так все ясно. Но едва динамики донесли да зала его первые слова, установилась гробовая тишина. Президент начал речь не с обычного обращения в съезде, президиуму, председателю Верховного Совета, а напрямую к народу.

— Граждане России! — прозвучал под сводами Большого Кремлевского Дворца его громоподобный голос. — Развитие событий на седьмом съезде народных депутатов заставляет меня обратиться напрямую к народу. Потому что реформы, которые уже в течение года проводятся в России, находятся в серьезной опасности. На съезде развернуто мощное наступление на курс, проводимый президентом и правительством, на те реальные преобразования, которые удерживали в последние месяцы страну от экономической катастрофы. Стены этого зала покраснели от бесконечных оскорблений, площадной брани, от злости, грубости и развязности, от болезненных амбиций и драк. Это позор на весь мир. В интересах граждан не решен ни один практический вопрос. С этим съездом работать дальше невозможно.

Хасбулатов нервно поправил галстук, заерзали на стульях многие из его окружения в президиуме. Прекратились хождения по залу, внимание депутатов, журналистов и охраны, как никогда прежде, было обращено на трибуну. Российский президент говорил правду, и эта правда звучала на всю страну, на весь мир.

— На съезде четко обозначились две непримиримые позиции, — продолжал Ельцин. — Одна — на продолжение реформ, на оздоровление тяжелобольной экономики и, в итоге, на возрождение России. И другая позиция — на дезорганизацию преобразований и, в конечном счете, на восстановление советско-коммунистической системы, проклятой советским народом и отвергнутой всем мировым сообществом. Это даже не путь назад. Это путь в никуда. Обидно, что проводником обанкротившегося курса стал председатель Верховного Совета России Хасбулатов.

В зале раздались довольно дружные аплодисменты. Похоже, что аплодировали не только демократы: многим обрыдло хамство Руслана Имрановича. Ельцин продолжал чеканить:

— Наступил ответственный, решающий момент. Над съездом и президентом есть один судья — народ. Поэтому выход из глубочайшего кризиса власти видится во всенародном референдуме. Я не призываю разогнать съезд, а прошу граждан России определиться: с кем они? Предлагаю съезду принять решение о назначении всенародного референдума со следующей формулировкой: «Кому вы поручаете вывод страны из экономического и политического кризиса — нынешнему составу Съезда и Верховного Совета или Президенту России?» Я как президент подчинюсь воле народа, какова она будет.

Ельцин закончил, не спеша собрал листки с трибуны и легко поднялся по ступеням на свое президентское место. Может быть, он сказал сейчас единственно верные слова, которых ждали от него многие депутаты, миллионы людей во всей России. Да, над съездом и президентом есть более высокая власть — власть народа. Настало время ей и разрешить конфликт — конституционным путем, без кровопролития.

Первым из тех, кто еще недавно праздновал «триумф» и «исключительную победу съезда», пришел в себя Руслан Хасбулатов. Передав бразды правления съездом своему заместителю, он перешел из-за стола президиума за трибуну.

— Уважаемые народные депутаты, — как-то надрывно сказал он. — Заявление президента является оскорбительным. Считаю для себя дальше невозможным выполнение обязанностей председателя Верховного Совета. Мне нанесено оскорбление высшим должностным лицом государства, и я прошу принять мою отставку.

В зале поднялся шум, послышались протестующие выкрики. Это, кажется, приободрило Хасбулатова, и он продолжал более уверенно:

— Я просто не знаю, каким обстоятельством руководствовался президент, выступая с такими крайне необъективными, крайне амбициозными характеристиками. Это совершенно нелепо. Это не соответствует действительности. Мне кажется, что это надо полностью отвергнуть, пусть это будет на совести президента.

Впрочем, нет, Хасбулатов все-таки знал, какая «муха» президента укусила: к конфронтации со съездом его, оказывается, толкают приближенные. Руслан Имранович рассказал, что на днях читал обзор поступающей в Кремль почты, подготовленный для главы государства. В нем говорилось, что со всех концов страны идет масса писем с требованием: «Борис Николаевич, разгоняйте съезд, 90% населения вас поддержит».

— Вы приехали с мест, знаете настроение людей, — обратился Хасбулатов к залу. — Разве это соответствует действительности?

Из зала раздались голоса:

— Нет.

— Не соответствует.

— Это вранье.

— Работать очень сложно, исключительно сложно, — продолжал Хасбулатов. — Каждый второй указ президента идет с грубыми нарушениями, и мне, как пескарю на сковородке, приходится крутиться в Верховном Совете, чтобы спасти эти указы и вывести президента из-под критики. Вы знаете, я никогда не работал ни в партийных, ни в советских органах, я научный работник. Поэтому мне непонятны все эти интриги от бывших партийных чиновников. Не знаешь, чего ждать, откуда ждать. Когда я иду на работу, то думаю: вот опять придет какая-то гадость из Кремля.

Он хотел еще что-то сказать, но не сказал, сошел с трибуны и покинул зал.

Все это было так же нелепо, как и просьба об отставке, высказанная год назад на сессии областного совета Белоноговым. Анатолий Николаевич хотел таким образом укрепить свои пошатнувшиеся позиции в Совете. Несомненно, такая же цель была и у Хасбулатова. Можно было не сомневаться, что, немного «повалев ваньку», Руслан Имранович вернется в зал.

Между тем надо было отвечать на вызов, брошенный президентом съезду, и главное — на предложение провести референдум. Каких-нибудь несколько дней назад, критикуя проводимые в стране реформы, депутаты-коммунисты сами предлагали главе государства обратиться к народу и выслушать его мнение. Однако теперь их точка зрения мгновенно переменялась. Сергей Бабурин, а за ним и другие принялись убеждать съезд, что не стоит сейчас идти в трудовые коллективы, дабы не нагнетать страсти и не провоцировать массовые выступления с непредсказуемыми результатами. Да и зачем, дескать, спрашивать мнение людей, когда съезд проходит хоть и в критическом, но в то же время в деловом и созидательном ключе? Разве, мол, кого-то не устраивает курс съезда на гражданское согласие, достижение разумных политических компромиссов, закрепление конституционного баланса ветвей власти?

Через полчаса в зал, на свое председательское место, вернулся Руслан Хасбулатов. Некоторое время он сидел молча, ни во что не вмешиваясь, но вскоре стал вести заседание как ни в чем не бывало.

Не помогло... Обращение президента к народу уже успело вызвать отклик среди населения страны. Во многих регионах начали сбор подписей за проведение референдума с той формулировкой, которую предложил Ельцин. Это было очень серьезно: при такой формулировке народ мог отказать в доверии Съезду, после чего депутатам пришлось бы

сложить с себя полномочия. И противники референдума дрогнули. 14 декабря съезд принял решение о проведении всенародного голосования.

Кроме того, он вынужден был приостановить до референдума действие своих предыдущих решений, фактически лишивших президента власти. Таким образом, баланс властей, существовавший до съезда, был восстановлен. Как будто и не было этих 14 съездовских дней напряженной работы.

Под занавес состоялись выборы нового премьера. Ельцин предложил на этот пост Виктора Черномырдина. И тот получил поддержку съезда.

Домой я возвращался в одном самолете с большой группой глав городских и районных администраций нашей области, закончивших учебу в академии управления народным хозяйством при президенте России. Они вели себя шумно, говорили о том, что теперь, после учебы, хочется работать засучив рукава. Их настроение передалось и мне. Но первый же документ, который по возвращении домой обнаружил на своем письменном столе, вернул к реальной действительности. Это была копия письма малого Совета на имя президента Российской Федерации. Депутаты в который уж раз поднимали все тот же вопрос: требовали освободить меня от занимаемой должности как незаконно назначенного. Нет, они были неисправимы. Похоже, ни о чем больше и думать не могли, как об отставке главы. Никакие другие проблемы, кроме этой, их не интересовали.

Чем хуже, тем лучше

Бесконечные импичменты, требования отставки надоели до чертиков. Они отнимали уйму времени, вышибали из колеи, мешали работать. Вместо того, чтобы заниматься делом, приходилось тратить время черт знает на что.

И все же руки опускать было нельзя. 1993 год обещал стать урожайным на инвестиции в народное хозяйство области. Мы ожидали, что на реализацию нескольких крупных проектов поступят деньги и из Москвы, и из-за рубежа. Проекты практически были готовы, договоренности с правительством и с иностранными финансистами достигнуты, никаких препятствий вроде бы не предвиделось.

К этому времени окреп и российский частный капитал. Каких-нибудь 2–3 года назад такого капитала не существовало в природе. Возможно, в СССР и были миллионеры, но они вели дела тайно, не афишируя свою деятельность. Сейчас обладатели больших денег открыто, не таясь, предлагали свои услуги.

Первым о существовании таких людей мне поведал генеральный директор «Амурского делового союза» Геннадий Брагин. Заглянув вечером «на огонек», он рассказал о последних событиях на строительстве таможенного комплекса в Джалинде и пожаловался, что не знает, как отбиться от некоторых не в меру активных инвесторов.

— Что значит «отбиться»? — не понял я. — Ты хотел сказать «привлечь»?

— Да нет, — покачал головой он. — У меня как раз другая проблема. Почуяли, каналы, какой лакомый кусочек Джалинда...

— Но ведь это и хорошо. Разве тебе не нужны деньги?

— Нужны-то нужны. Да только... Боюсь потерять контрольный пакет акций. Разве дело, если ключи от таких важных ворот в Китай окажутся у людей со стороны?

— Конечно, этого допустить нельзя. Но ведь за счет бюджета мы поддержать Джалинду тоже не сможем.

— Знаю. Поэтому единственный выход — снова брать кредит в банке.

Я уже рассказывал, как в свое время помог Брагину получить двести миллионов рублей кредита под залог областного бюджета. Это было рискованно, но иного выхода не было: иначе разговоры о строительстве нового таможенного комплекса так и остались бы разговорами. Случись у Брагина оплошность — не сносить бы мне головы. Уж областной

Совет раскрутил бы эту ситуацию на полную катушку. Но верно говорят: кто не рискует, тот не пьет шампанское. Брагин поднял стройку и вернул банку кредит в срок.

Теперь ему требовался миллиард, а еще лучше полтора миллиарда рублей. Таких денег наши областные банкиры ему дать не смогли бы даже под самые надежные залоги и заманчивые проценты. Единственное, что можно было предпринять — обратиться за кредитом в Центральный банк под гарантию правительства. Просить у правительства, конечно, не возбранялось, а вот даст ли оно? Таких, как мы, у него много, и всем нужны деньги, деньги, деньги.

— Вот что, Геннадий Владимирович, — сказал я Брагину, когда мы с ним перебрали все варианты, — давай-ка проведем в Джалинде выездное заседание коллегии областной администрации. Соберем там все областное руководство. Стройку посмотрим и снимем вопросы, которые можно решить своими силами.

— Но это же так далеко, — усомнился Брагин. — Только поездом ехать километров семьсот, да еще машинами. Столько командировочных потребуется.

— Ничего. Что поделаешь, если у нас такие большие расстояния. Главное, чтобы отдача была. А для меня решение коллегии станет веским аргументом в правительстве.

Наверное никогда за свою историю северный городок Сковородино и таежный поселок Джалинда не видели так много областного начальства, как в этот раз. Здесь были руководители всех областных управлений, комитетов, департаментов, от которых зависело жизнеобеспечение молодой стройки. Заседание коллегии проходило прямо на берегу Амура, на крепком морозе, при хорошем, пронизывающем до костей ветре. «Заседали» стоя, говорили коротко и по существу.

Стройка понравилась. То, что уже было сделано, позволяло представить будущий облик таможенного комплекса. Более понятными представлялись и проблемы, которых тоже оказалось немало.

Как ни крепились члены коллегии и все остальные — не выдержали. Заканчивать заседание пришлось в Сковородино, в помещении. Правда, обмороженных не оказалось — и то хорошо.

В Москву мы вылетели вместе с Геннадием Брагиным. А обход правительственных кабинетов начали с самой высокой инстанции — нового премьер-министра Виктора Черномырдина. Виктор Степанович, видимо, еще не привык к своему теперешнему положению, держался несколько скованно. Рассказ о наших планах в Джалинде его заметно оживил.

— Неужели Амурская область действительно сможет увеличить объем внешней торговли на 30 процентов? — переспросил он. — Это же замечательно. А тут отовсюду только и слышишь: все плохо, все плохо. Значит, не все плохо, кое-что получается?

Он вызвал сотрудника своего аппарата и велел ему вместе с нами подготовить необходимые документы на получение кредита в банке на миллиард рублей. В тот же день все было сделано, резолюция Черномырдина получена, осталось решить практические вопросы в Центробанке. Эту техническую работу Брагин мог выполнить и один, без меня, но нас предупредили, что сам он никогда не попадет на прием ни к председателю правления банка, ни к его заместителям. Даже заместители министров правительства, сказали нам, сидят у них в приемной сутками, дожидаясь аудиенции. Пришлось снова воспользоваться своими депутатскими правами.

К сожалению, ни я, ни Брагин не запомнили фамилию того зама председателя Центробанка, который нас принял. Ждать в приемной не пришлось, слова секретарши «к вам народный депутат Российской Федерации» сработали безотказно. А вот дальше все вышло не так, как хотелось.

— Черномырдин? Кто это такой? — спросил у нас хозяин кабинета.

— То есть как? — мы с Брагиным удивленно переглянулись. — Это же новый председатель российского правительства. Между прочим, утвержденный седьмым съездом народных депутатов.

— Ну и что? — с явной издевкой в голосе продолжал банкир. — А Центральный банк, между прочим, подчиняется Верховному Совету. Почему я должен знать какого-то Черномырдина? Вот если бы тут стояла подпись Хасбулатова... Я эту подпись знаю и признаю.

Как ни пытались мы с ним договориться, это оказалось невозможным. Он не просто отказывал нам в кредите, а делал это с большим наслаждением, всем своим видом показывая, что правительство «с каким-то там Черномырдиным» во главе для Центрального банка и для него лично — ничто. Он, наверное, и отказывал-то нам потому, что под нашими бумагами стояла подпись Черномырдина. Приди мы каким-то иным путем, может, и разговор был бы другой.

Кабинет этого чинуши мы покидали в ярости. На наших глазах творился беспредел, который не укладывался ни в какие рамки. С правительством Гайдара здесь еще могли не считаться, потому что Егор Тимурович лишь исполнял обязанности премьера. Но Черномырдина-то утвердил съезд.

Однако факт оставался фактом. Законный премьер-министр был не властен над важнейшим органом управления экономикой страны. В кредите нам отказали бессовестно, нагло, смеясь в лицо.

— Этого и следовало ожидать, — вздохнул работник аппарата правительства, помогавший нам оформлять бумаги. — Чем более злобно выступает против президента Хасбулатов, тем наглее ведут себя банкиры. Они фактически устроили нам финансовую блокаду. Мы принимаем решения, а они их срывают. Это извечная тактика большевиков: чем хуже — тем лучше. Хуже стране — лучше им.

О, этот принцип нам с Брагиным был хорошо знаком. В свое время мы изучали его в вузе, когда штудировали основы марксистско-ленинской философии. Этот принцип в конце позапрошлого века впервые сформулировал никому не известный адвокат, ставший потом крупной фигурой в мировой политике, Владимир Ульянов. В центральных районах России случился тогда редкостный неурожай, вызвавший небывалый голод и эпидемии. Вымирали целые деревни, редело население волостей и уездов. Положением в центральных губерниях обеспокоилась вся Россия. Лучшие ее представители, такие как Толстой, Чехов, Короленко, призвали население остальных губерний помочь попавшим в беду людям продовольствием, медикаментами, одеждой, деньгами. По всей стране начался сбор пожертвований. И только один человек приветствовал обрушившееся на страну бедствие. Это был будущий вождь мирового пролетариата. Он считал: чем хуже будет народу, тем лучше для революционеров, потому что скорее наступит революционная ситуация. По тем же соображениям он желал поражения своей стране в Русско-японской и Первой мировой войнах.

Об этом универсальном принципе социалистических революций никогда не забывали последователи Ульянова, которым в двадцатом веке удалось раскинуть свои щупальца по всему миру. В странах, куда они обращали свои алчные взоры, но не могли проникнуть с помощью военного вторжения, захват власти всегда начинался с организации хаоса. Неудивительно, что эту тактику применяло и новое поколение большевиков в России.

— Но что же делать теперь с кредитом? — спросили мы у работника аппарата правительства.

— Надо повременить. Будем ждать жестких мер президента.

Я побывал в Верховном Совете и еще больше расстроился. Сразу после седьмого съезда там устроили настоящее гонение на последних демократов, занимавших руководящие посты. Хасбулатов осуществил свою давнюю угрозу — разогнал комитет по средствам массовой информации. Теперь туда пришли другие люди во главе с бывшим корреспондентом газеты «Правда» Владимиром Лисиним. Лисин работал в Верховном Совете с первых дней, но в наш комитет не входил — среди депутатов-демократов он выглядел бы белой вороной. Однако сейчас выходец из главной партийной газеты страны

оказался здесь к месту. Те поправки к закону о средствах массовой информации, которые решительно отвергал бывший председатель комитета Вячеслав Брагин, прошли без помех. На Центральном телевидении начали вводить цензуру.

Лишились своих постов председатель комитета по законодательству Михаил Митюков и председатель комитета по правам человека Сергей Ковалев. Это были последние депутаты-демократы, входившие в руководство российского парламента.

Сильное «полевение» Верховного Совета не оставляло сомнений: Хасбулатов и его окружение не будут выполнять решение седьмого съезда о сохранении баланса властей. Они постараются убрать президента до референдума, сделав тем самым референдум бессмысленным.

То, что происходило в высших эшелонах российской власти, самым тщательным образом отслеживалось за рубежом. И финансисты, и политики хорошо понимали, что в любой момент наша страна может изменить курс и, как и после 1917 года, отказаться от своих прежних международных обязательств.

Между тем, у нас все было готово к подписанию контракта с американцами о выделении 112 миллионов долларов на освоение Огоджинского месторождения каменного угля. Оставалось согласовать один пункт — о залоге. Американцы заявили, что, учитывая кризисную политическую ситуацию в России, они могут дать нам кредит лишь под залог 10 тонн золота, и только в том случае, если оно будет вывезено из страны и помещено в швейцарский банк. Требование, что и говорить, было жестким, но разумным: ведь иной гарантии возврата кредита сейчас просто не существовало.

Руководители МЭС вышли на Ельцина и заручились согласием на такой залог. Однако, даже несмотря на мощную поддержку президента, получить столько золота для помещения в швейцарский банк было невозможно — его в России почти не осталось.

«Девица с замороженными глазами» — партийная пропаганда неустанно трубила на весь мир все семь десятилетий, что наша страна обладает богатейшими подземными кладовыми благородного металла, делающими нас сильными, могучими и непобедимыми. И действительно — золотом Россия-матушка никогда не была скудна. В феврале 17-го, после двух с половиной лет изнурительной мировой войны, требовавшей от страны колоссальных расходов, у правительства Николая II еще оставалось 1300 тонн золота в резервах, которое оно и передало сменившему его Временному правительству.

Но то было при рачительных хозяевах. В конце же 91-го года уходящее в небытие руководство СССР оставило своим преемникам всего лишь 289,6 тонны золотых запасов. Для такой огромной страны это — практически ничего. Зато валютные долги СССР международным банкам в пересчете на золото по тогдашнему курсу превышали аж 28 тысяч тонн! Добыть их России вряд ли под силу за сто ближайших лет. Поэтому и в самом деле нам оставалось лишь ждать изменения политической ситуации, чтобы смягчить решение вопроса о залоге.

На седьмом съезде народных депутатов РСФСР Руслан Хасбулатов плакался, что каждый день, идя на работу, ожидает пакостей из Кремля. На самом деле все было наоборот — пакости исходили из Белого дома на Краснопресненской набережной и его многочисленных аналогов на местах. Не мог отставать от этой «захватывающей кампании» и наш амурский Дом Советов.

Я уже рассказывал, как осенью 1992 года «доблестные» депутаты малого Совета сорвали нам контракт с израильской фирмой, отказавшись выделить 174 тысячи долларов на строительство соеперерабатывающего завода. Это было не экономическое, а чисто политическое решение с далеким и коварным прицелом. Оно означало, что отныне рассчитывать на местную валюту для реализации международных экономических программ областной администрации нечего. А раз так, то можно ставить крест на всех наших контактах с границей. Ведь международный опыт однозначно свидетельствовал, что иностранные инвестиции идут только туда, куда первоначально вкладывается

местный капитал. Если ты сам ничего не вложишь, то и от иностранных партнеров ждать чего-то наивно!

К счастью, это хорошо понимали в правительстве Егора Гайдара. При всей скудости федерального бюджета там с первых дней стремились поддержать серьезные проекты местных администраций, которые могли принести реальную пользу реформам. В их число попала и наша программа строительства и реконструкции предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции.

Программа была довольно «крутая». В нее входило строительство двух заводов по производству сахара из местного сырья. Мощность каждого — 250 тонн переработки сырья в сутки. Продукции этих предприятий было бы достаточно, чтобы полностью перекрыть потребности кондитерской, пивоваренной и хлебопекарной промышленности области в сахарном сиропе и отказаться от ежегодного завоза на эти цели 60-100 тысяч тонн готового сахара из западных районов страны. Пуск заводов позволил бы также поднять на новый уровень производство сельхозсырья, прежде всего в частном секторе и фермерских хозяйствах области.

Другим проектом программы предусматривалось оснащение Белогорского овощеконсервного завода новейшим автоматическим оборудованием. Это позволяло значительно увеличить объемы переработки овощей, улучшить качество продукции и организовать ее тарную расфасовку, отвечающую международным стандартам, а также наладить выпуск компотов из местных ягод и фруктов.

Оба проекта не требовали больших затрат, а отдачу обещали скорую. Осуществить их мы взялись собственными силами при минимальной финансовой поддержке правительства. Все вопросы в Москве были оперативно решены, деньги выделены, и группа специалистов департамента сельского хозяйства во главе с Валерием Никулиным приступила к делу.

А вот проект строительства завода по глубокой переработке сои мощностью 300 тысяч тонн бобов в год требовал куда более серьезных усилий. После несостоявшейся сделки с израильянами мы не опустили руки, а нашли других, более богатых партнеров — в Соединенных Штатах Америки. Они изучили наши природно-климатические условия, состояние почв, оценили необъятность полей и пришли к заключению, что при соответствующих технике и технологии на амурских землях можно получать такие же высокие урожаи сои, как и в США. Это настолько воодушевило американцев, что они выразили готовность предоставить нам и технику, и технологию, и оборудование для соеперерабатывающего завода, и даже принять долевое участие в строительстве самого предприятия.

Для нас эта задача была настолько масштабной, что пришлось обращаться за поддержкой в правительство. Понимая всю важность развития соесеящей отрасли в стране, в Москве решили не ограничиваться одной нашей областью, а разработать общегосударственную программу «Соя», подключив к ней и другие регионы. В столицу отправились лучшие амурские специалисты по сое — заместитель Кондратюка по департаменту сельского хозяйства Алексей Сотников, заведующий отделом растениеводства департамента Владимир Духовный и заслуженный агроном республики из Тамбовского района Озеров. Несколько месяцев они безвыездно работали над программой, в помощь им постоянно выезжали другие наши специалисты и ученые.

Одновременно велась работа и на другом «фронте» — с американцами. Здесь в подготовку совместного проекта вложил всю свою пробивную энергию Геннадий Кондратюк. Благодаря его напористости многие сложные вопросы удавалось решать на удивление быстро. Американцы считали, что лучшего руководителя будущего строительства, а затем и действующего предприятия и желать нечего. Они Кондратюку доверяли, верили в его способности — и это было лучшей гарантией успешного сотрудничества.

Для непосредственного осуществления проекта решили создать акционерное общество «Амурсоя» — аналог хорошо зарекомендовавшего себя «Амурского делового союза». Его учредителями и акционерами должны были стать несколько десятков соесеющих хозяйств. Договорились, что как только все основные вопросы в правительстве и с американцами будут решены, я отпущу Кондратюка на постоянную работу в акционерное общество, и он станет там генеральным директором. Будущие акционеры не возражали, а американцы считали это самым лучшим решением.

Наконец государственная программа «Соя» была утверждена правительством. Амурская область значилась в ней отдельной строкой, ей выделялось значительно больше средств, чем другим регионам страны. Первые 400 миллионов рублей из этих сумм мы должны были освоить уже в 1993 году.

К тому времени американцы закончили разработку технико-экономического обоснования будущего завода. Огромную работу, вылившуюся в два увесистых тома, они выполняли за свой счет, не потребовав с нас ни копейки. Была выбрана и строительная площадка — в селе Астрахановка, что на окраине Благовещенска.

Кондратюк пришел ко мне сияющий.

— Не забыли о нашем уговоре, Альберт Аркадьевич? — спросил он.

— Ну как же, как же, — я был готов его обнять и расцеловать. — Спасибо тебе, Геннадий Владимирович, за все и поздравляю с большой победой. А теперь — натягивай крепче гужи на новом месте...

Геннадий ушел, а через несколько дней явился мрачнее тучи. Оказалось, что хотя акционерное общество «Амурсоя» и учредили, но сторонники Анатолия Белоногова, которые на учредительном собрании составляли большинство, вопреки прежней договоренности не только не избрали Кондратюка генеральным директором, но и, по его словам, буквально дали ему под зад коленом, заявив, что областную администрацию они знать не знают, никаких дел с ней иметь не желают, а завод построят сами — без Кондратюка и Кривченко.

Такого никто предвидеть не мог. Это вообще было черт знает что! После тридцати лет бесплодных разговоров наконец-то появилась реальная возможность построить крупный современный соеперерабатывающий завод, из-за отсутствия которого область ежегодно теряла огромные деньги. Давняя мечта амурских соеводов могла в скором времени стать реальностью исключительно благодаря стараниям областной администрации, сумевшей заручиться поддержкой правительства, а также привлечь богатых заокеанских партнеров. И на тебе: те, кто больше всех заинтересован в заводе — председатели колхозов и директора совхозов — теперь, видите ли, и знать нас не знают, и дел с нами иметь не хотят!

— Но захотят ли после этого иметь с ними дело американцы? — спросил я у Кондратюка, когда тот осушил залпом стакан воды. — Будут ли сотрудничать с людьми, которые не признают законную власть, а значит, и проводимые ею реформы?

— Сомневаюсь, — покачал головой Геннадий. — К этой публике заокеанские бизнесмены и прежде относились с недоверием, видя, до чего довели они наше сельское хозяйство. Ну а теперь... — он развел руками.

Мы долго сидели молча, не в силах найти разумного решения. Его, кажется, не было. Единственное, в чем мы не сомневались, так это в том, что сторонники Анатолия Николаевича хотят сорвать нам строительство едва ли не самого нужного области завода.

— Ладно, еще не вечер, — сказал я, вставая. — Ситуация сложная, но выход искать будем.

Однако, забегаая вперед, скажу, что мы его так и не нашли. Через некоторое время в департамент сельского хозяйства областной администрации из правительства поступили 2 миллиона рублей на завершение строительства сахарного завода в колхозе имени Чкалова, 3,2 миллиона рублей — на окончание реконструкции Белогорского овощеконсервного завода и 400 миллионов — на проектирование и начало строительства

соеперерабатывающего завода в Благовещенске. Но к этому времени и в администрации, и в департаменте уже было другое руководство. Ни один рубль из этих сумм не был использован по назначению.

Разъяренные американцы категорически отказались продолжать сотрудничать с амурскими аграриями. Несколько миллиардов рублей, предназначенных государственной программой «Соя» для нашей области, правительство вынуждено было перебросить в Краснодарский край. Голубая мечта амурских соеводов, только что казавшаяся такой близкой, теперь снова превратилась в мираж.

Но об этом стало известно позднее — в середине 1993 года. А в самом его начале областной администрации пришлось испытать еще одно, не менее сильное потрясение — рухнула намеченная на год программа развития крестьянско-фермерских хозяйств.

Это была очень серьезная федеральная программа, правительство Германии выделило под нее России миллиард марок! Наша область попала в число десяти аграрных регионов страны, где, опираясь на эту безвозмездную помощь, предстояло буквально совершить прорыв в местном фермерском движении. Мы наметили для этой цели несколько районов и отправили в Германию первого зама Кондратюка Олега Остроухова — поучиться у немцев организации нового дела.

Олег Федорович провел в Германии несколько месяцев, а когда по окончании учебы вместе с представителями других областей вернулся в Москву, то оказалось, что на федеральной программе развития фермерства поставлен крест. Пунктуальные немцы уже перевели России обещанный миллиард марок, однако новый «сельскохозяйственный фельдмаршал» — вице-президент страны Александр Руцкой самолично пустил эти деньги на другие цели.

Никогда прежде я не видел Олега Остроухова таким взбешенным, как в тот раз, хотя знал его достаточно давно. Всегда спокойный и рассудительный, сейчас он буквально клокотал. Положив передо мной заявление об отставке, сказал, что ни минуты больше не желает нести ответственность за судьбу сельского хозяйства области, раз во главе его, на самом верху, сидят такие «мерзавцы и дуболомы».

Насилу я его успокоил. Уговорил стать моим замом и председателем комитета по управлению госимуществом. Эта должность после ухода Альберта Лобанова долгое время оставалась вакантной.

Да, ленинский принцип социалистических революций «чем хуже — тем лучше» с каждым днем все больше терзал Россию. Ползучий саботаж охватил страну от Балтики до Тихого океана. Огромная армия людей из бывшей партийной номенклатуры, многие из которых имели депутатские мандаты и ключевые посты в государственной власти, лезла вон из кожи, чтобы парализовать управление экономикой.

Работать дальше в таких условиях было невозможно. Ситуацию могли изменить лишь неординарные меры, если бы на них пошел президент. Но он пока не решался на такой шаг.

«Альберт Кривченко — Шарин наших дней»

А вот с другой стороны такие шаги следовали один за другим. 10 февраля 1993 года сессия Амурского областного Совета приняла решение провести досрочные выборы главы областной администрации. Так же поступили и в ряде других «красных» областей, где была наиболее высока вероятность победы коммунистов. Это накануне общероссийского референдума могло еще больше изменить баланс властей не в пользу президента.

В принципе, выборность губернаторов не подлежала сомнению. Она была заложена в государственных законодательных актах как механизм демократизации власти в будущей России. Именно в будущей — без экономического хаоса и политической анархии. Сейчас же такие эксперименты вряд ли могли принести пользу. Это, при всей его

реакционности, признал даже седьмой съезд народных депутатов, установив, что выборы глав региональных администраций проводятся только после переизбрания представительных органов власти — Советами нового созыва.

Наши областные депутаты пока не собирались отказываться от своих полномочий. Тем не менее они дружно проголосовали за переизбрание главы администрации — вопреки мораторию, провозглашенному съездом.

Я обжаловал решение сессии в местных правоохранительных органах, но не нашел поддержки. Поездка в Верховный Совет тоже ничего не дала. Нужную бумагу, правда, удалось получить, но она носила чисто рекомендательный характер, поэтому показывать ее депутатам не имело смысла. Оставалась надежда на Конституционный суд.

Обычно служители Фемиды не говорят заранее, каким будет приговор. К моему удивлению, сначала судья, к которому попал иск, а затем и сам председатель суда Валерий Зорькин однозначно заявили, что решение сессии о выборах главы до переизбрания Совета будет отменено. Оно так явно противоречило решениям последнего съезда народных депутатов, что двух мнений на этот счет, по их убеждению, быть не могло. Валерий Зорькин чуть ли не клятвенно заверил меня, что мой иск Конституционный суд рассмотрит до 11 апреля — дня выборов.

Между тем выборная кампания в области уже набирала ход. Как всегда, открыли ее средства массовой информации, прежде всего прокоммунистические. В свое время Анатолий Белоногов предлагал руководителям администрации уступить место «компетентным и умным», но не назвал их поименно. Теперь настало время назвать. Лучше всего сделать это могли сами трудящиеся, а посему партийные газеты, как в старые добрые времена, начали публиковать их письма. Вот что писали граждане:

«Уверен: как бы ни тужились демократы, главой А. А. Кривченко не быть. Народ уже разобрался, что он из себя представляет. Т. Ивтимов, г. Благовещенск».

«Выборы главы администрации должны состояться, и мне кажется, народ уже понял, за кем надо идти. Но только не за Кривченко. Г. Калинина, с. Игнатьево».

«Если будут выборы главы администрации, я проголосую за А. Н. Белоногова. Он ближе к народу, особенно к труженикам села, его работа ощутима. О. Петрова, с. Константиновка».

Голос народа всегда впечатляет. Как нас учили семь десятилетий, он есть истина в последней инстанции. Раз народ считает, что Кривченко далек от нужд людей, а Белоногов близок, стало быть, так оно и есть. А чтобы уж никто не сомневался, что тов. Ивтимов, Калинина и Петрова выражают мнение широких масс, социологическая служба областного Совета опубликовала результаты экспресс-опроса жителей города Свободного и Константиновского района на данную тему. 80% сельчан высказались в поддержку кандидатуры Белоногова и только 6,4% — отдали голоса Кривченко. У горожан соотношение было примерно такое же: 54,5% — за Белоногова, 3,2% — за Кривченко. Теперь уж не могло быть никаких сомнений, кто у нас в области самый «компетентный и умный». Так что еще до официального выдвижения кандидатов на пост главы Анатолий Николаевич мог праздновать победу.

Правда, иной раз на страницах газет появлялись и такие письма: «Неужели народ не видит, что Белоногов поедом ест Кривченко? Да в такой обстановке, в какой Кривченко работает, можно голову потерять. Белоногов давно у руля области, а что для народа сделал? Уж если мы раньше от него ничего хорошего не видели, то теперь и подавно не увидим. А Кривченко хочу пожелать уверенной борьбы за себя и за народ. И. Шкаревская, г. Благовещенск».

Однако подобных писем, как уверяла опубликовавшая его газета, приходило настолько мало, что мнением их авторов можно было и пренебречь.

И все же, несмотря на столь благоприятный прогноз, Анатолий Николаевич не рискнул участвовать в выборах главы. Ему, опытному партаппаратчику, было хорошо известно, что газетная пропаганда — это одно, а реальная жизнь — совсем другое.

Я тоже оказался в весьма щекотливой ситуации. Не из-за низкого рейтинга, приписываемого мне газетами и социологической службой Совета. А потому что идти на выборы, которые я считаю незаконными, было безнравственно. Но с другой стороны, называть их незаконными до решения Конституционного суда никто не имел права...

Я склонен был все же игнорировать решение сессии. Однако большинство коллег по работе и руководство демдвижения считали, что пока не истек срок, надо все же выставить своих кандидатов, а то может случиться, что придется махать кулаками после драки. По итогам жарких дебатов эта точка зрения и победила.

Моя кандидатура ни у кого не вызывала сомнений. Три года назад на выборах народных депутатов России я безоговорочно, с большим преимуществом одержал верх над своим главным соперником — вторым секретарем обкома правившей тогда КПСС. Единственный из кандидатов предложил избирателям рыночную программу, которую поддержали 250 тысяч, то есть больше половины, жителей области, принявших участие в выборах. Проголосовав за меня, они фактически высказались за тот политический курс, который теперь проводила областная администрация. Поэтому можно было рассчитывать на поддержку населения и на этих выборах.

Однако следовало учитывать и то, что самые тиражные прокоммунистические средства массовой информации едва ли не ежедневно обрушивали на мою голову потоки грязи. Все беды в экономике — действительные и мнимые — приписывались моей некомпетентности, неумению руководить, а любые шаги, направленные на преодоление кризиса и улучшение жизни людей, подвергались осмеянию и шельмованию. И вообще — меня изображали настоящим исчадием ада. Одни только заголовки чего стоили — «Альберт Кривченко — Шарин наших дней», «Лев Троцкий и Альберт Кривченко» и далее в том же духе. При многократном повторении слова «халва» во рту, как известно, не становится слаще. Но скажи тысячу раз «свинья», и непременно кто-нибудь захрюкает.

Учитывая такой мощный накат на мою персону, мы выдвинули еще одного кандидата — Григория Никандрова: именно для тех, кто по-прежнему поддерживал рыночную реформу, но разуверился лично во мне. Григория Алексеевича вряд ли могли обвинить в некомпетентности. Не «какой-то там журналист», а технарь и хозяйственник, имеющий инженерное и экономическое образование, а также хорошую школу управления производством, он, и работая в администрации, постоянно был у всех на слуху. Возглавляемые им отрасли — торговля и внешнеэкономическая деятельность — вышли из того обвального состояния, в котором находились до его прихода. Этого не мог отрицать никто — ни друзья, ни враги.

Но если кто-то считал, что первый заместитель главы администрации так же, как и глава, повинен во всех грехах, то на этот случай был еще один кандидат — председатель комитета экономики Николай Колядинский. Тоже инженер и без пяти минут ученый-экономист, он вообще не имел никаких «грехов» перед областью, так как только-только пришел в комитет.

Рисковали ли мы, выдвинув трех кандидатов и раздробив тем самым голоса своих сторонников? Вряд ли. Потому что один из нас обязательно должен был выйти во второй тур голосования, а там все началось бы сначала.

Тем временем, отправляясь утрами на работу, Руслан Хасбулатов продолжал размышлять: каких новых пакостей следует ожидать из Кремля? А заодно — какие встречные пакости устроить Кремлю? Второе у него получалось превосходно. Несмотря на прямой запрет седьмого съезда народных депутатов предпринимать до референдума какие-либо шаги, нарушающие баланс властей, Верховный Совет продолжал их предпринимать.

10 марта — за месяц до референдума — ни с того ни сего был вновь созван съезд народных депутатов, восьмой по счету. Какие экстренные проблемы возникли вдруг перед страной, что понадобилось так спешно скликать депутатов? А никаких. Вернее, все та же.

Едва отзвучал Государственный гимн России в честь открытия съезда, как хорошо знакомая стране «братва» снова бросилась к микрофонам требовать отставки президента.

Она была неистощима на выдумки, облекала свое давно набившее оскомину предложение в самые разные формы, делала заходы то с одной, то с другой стороны. Но суть требования была все та же — немедленный импичмент.

И на этот раз не получилось. Но, как известно, капля за каплей и камень точит, а количество всегда переходит в качество. С невероятной настойчивостью, достойной Книги рекордов Гиннеса, левые депутаты принялись убеждать коллег, что раз уж не получается с отставкой, то следует отменить референдум с его непредсказуемыми результатами. И многие из тех, кого обычно называли умеренными, быстро начали «леветь». Это сразу же было замечено всеми. Газета «Советская Россия» с восторгом писала: «Буквально на глазах активизируется процесс прозрения, происходит консолидация депутатского корпуса, крепнут позиции оппозиционного блока, здравый смысл берет верх».

Для полного и окончательного «прозрения» оказалось достаточно всего четырех дней. 13 марта депутаты проголосовали за отмену референдума и моратория на изменение баланса властей, объявленных предыдущим съездом. В одно мгновение президент снова потерял правительство и лишился возможности влиять на исполнительную власть на местах. Верховный Совет вновь получил право приостанавливать его указы и распоряжения, если они не устраивали депутатов. Что это означало на практике, многие депутаты, являющиеся главами администраций, уже познали на собственной шкуре.

Учинив такой беспардонный разгром исполнительной власти, съезд в тот же день, 13 марта, закончил работу. Это был самый короткий из всех восьми съездов, но самый разрушительный по своим последствиям. На сей раз победа коммунистов была полная и безоговорочная. Несмотря на огромный политический опыт, Ельцин был не готов к такой стремительной атаке. Поверив в достигнутый компромисс, он явно переоценил силу договоренностей с людьми, которые никогда не держали своего слова.

Однако уже через неделю страна вновь обрела прежнего президента — такого же волевого, целеустремленного и решительного, готового до конца идти избранным путем. 20 марта Борис Николаевич выступил по радио и телевидению с новым обращением к народу. Он заявил твердо и категорично, что, несмотря ни на что, референдум все-таки состоится. А до референдума, сказал Ельцин, восстанавливается прежняя вертикаль исполнительной власти, правительство и региональные администрации полностью переходят под контроль президента, запрещается смещать губернаторов.

В воздухе запахло грозой. Ожидал Хасбулатов такую «пакость» из Кремля или она застала его врасплох, в любом случае следовало готовиться к новому политическому взрыву. Возможно, огромной разрушительной силы, с непредсказуемыми последствиями. Многое теперь зависело от того, как поведет себя в этой ситуации исполнительная власть на местах.

Конечно, президент поступил слишком круто, отвергнув решения последнего съезда. Фактически его заявление противоречило Конституции — хорошей или плохой, но действующей в данный момент. Ведь, формально, его лишили власти не депутаты, а Конституция, в которую депутаты внесли поправки. Но вправе ли были они вносить такие изменения в Основной Закон? — вот в чем вопрос. Народ избирал президента с полномочиями, определенными Конституцией на день выборов. Он избирал главу государства, а не мальчика для битья. Люди, отдавшие ему голоса, вправе потом спросить: почему же ты не обратился к народу, когда у тебя отбирали власть?

Вот он и решил обратиться. С простым и ясным вопросом: продолжать реформы или уйти? Это не узурпация власти. Он всего лишь хотел знать волю людей, перед которыми был так же ответственен, как и съезд.

Коллегия Амурской областной администрации поддержала президента, и через полчаса наша телеграмма была в Москве. Она, наверное, пришлась очень кстати, потому что на Ельцина уже начался «накат». Заголосили «красно-коричневые» средства массовой информации, действия президента признал незаконными Конституционный суд, наконец, Верховный Совет созвал еще один съезд народных депутатов — девятый.

Стоит ли рассказывать, как начинался этот съезд? Конечно же, по старой традиции — с предложения всем знакомой «братвы» включить в повестку дня вопрос об импичменте президента. И по традиции же предложение не прошло. Но с первых минут стало ясно, что процесс консолидации левых сил стремительно набирает темп. Если на седьмом съезде за включение в повестку дня вопроса об импичменте проголосовало всего лишь 350 депутатов, то на восьмом — уже 418, а сейчас — 475. За каких-то 13 дней «полевели» 58 народных избранников. До критической черты оставалось совсем немного.

И все же вопрос об импичменте теперь можно было отложить до следующего съезда. Ан нет... Левые депутаты дрались за победу точно гладиаторы — до последнего издыхания. И когда казалось, что нет уж никаких надежд, нашли простой и эффектный ход: кто-то предложил отправить в отставку сразу двух лидеров — Ельцина и Хасбулатова.

Двойной импичмент? Это было что-то новенькое. И звучало не так, и несло в себе некую таинственность. На обывательском уровне такой шаг казался даже привлекательным и более справедливым: мол, раз уж пошла такая пьянка, то ни нам, ни вам... Проголосовали и — о радость! — предложение прошло.

Вновь пришлось создавать счетную комиссию, так как согласно регламенту голосование по импичменту проводится тайно. И вновь, как в 1990 году, когда избирали председателя Верховного Совета, в зале кипели бурные страсти. Теперь все зависело от подсчета голосов, поэтому обе стороны боялись подтасовок. Каждая фракция требовала, чтобы в счетную комиссию непременно включили ее представителей, ревностно следила, чьих людей там больше, чьих меньше.

Наконец, огласили результаты голосования. Ни Ельцин, ни Хасбулатов не получили числа голосов, достаточного для импичмента. К великому разочарованию левых, игра закончилась «вничью».

Теперь надо было возвращаться на грешную землю — принимать решение по заявлению президента. 28 марта после небольшой дискуссии съезд согласился-таки провести референдум, хотя и с несколько иной формулировкой.

У Ельцина все было просто и ясно, народу предлагалось ответить на единственный вопрос: кому он доверяет — президенту или съезду. Толковать ответы на этот вопрос двояко было бы невозможно, манипулировать мнением избирателей — тоже.

Съезд включил в бюллетень четыре вопроса, три из которых были направлены против президента. Звучали они так:

«Доверяете ли Вы президенту РФ Б.Н. Ельцину?»

«Одобряете ли Вы социально-экономическую политику, осуществляемую президентом и правительством РФ с 1992 г.?»

«Считаете ли Вы необходимыми досрочные выборы президента РФ?»

Любая из трех «мин», даже взорвавшись в одиночку, могла быть смертельной для президента. Если бы народ поддержал лично Бориса Ельцина и проводимые им реформы, но высказался за досрочные выборы абстрактного президента, то это открыло бы дорогу для новых бесчинств левых на будущих съездах. Еще круче, наверняка, поступили бы депутаты, если бы избиратели ответили «нет» на первый или второй вопрос.

Правда, и сами они могли «схлопотать» импичмент, потому что четвертый вопрос звучал так: «Считаете ли Вы необходимым проведение досрочных выборов народных депутатов РФ?». Но тут уж ничего нельзя было поделать — иначе президент мог обратиться к народу сам.

Несмотря на столь унижительные условия референдума, Ельцин все же на них согласился. И даже не стал настаивать на возвращении прежних полномочий. Это был хоть и далеко не справедливый, но все-таки компромисс, дававший в конечном итоге возможность выслушать мнение народа.

Однако и коммунисты, несмотря на все издержки, могли считать 28 марта 1993 года великим для себя днем. В этот день в Министерстве юстиции была зарегистрирована Коммунистическая партия Российской Федерации, объявившая себя правопреемницей КПСС. Так и не представ перед судом народа, не сняв с себя обвинений в многочисленных преступлениях, «ум, честь и совесть нашей эпохи» вновь восстала из пепла. Правда, «восстала» лишь формально, так как фактически она и не превращалась в пепел.

А в нашей области тем временем полным ходом шла подготовка к выборам главы администрации. Печать восхваляла одних кандидатов и поносила других. Первое делалось открыто, в лоб, второе — тонко и изящно.

Я, Никандров и Колядинский относились к числу «вторых». Для нас не жалели площади самые массовые газеты, публикуя материалы при каждом удобном случае. Таких «случаев» было сколько угодно. Ну, например, «Амурская правда» сообщала: по сведениям из достоверных источников, некая фирма из города Свободного передала для ведения предвыборной кампании крупную сумму денег то ли Колядинскому для Кривченко, то ли Кривченко для Колядинского. Точно кому и для кого, пока неизвестно, но в любом случае это не есть хорошо, так как фирма частная, а потому не честная. А через два или три дня — аршинными буквами через всю страницу: «Оказывается, Кривченко и Колядинский денег не брали, потому что им их никто не давал».

Из нас троих в выборной кампании фактически участвовал лишь Николай Колядинский. У него был мощный предвыборный штаб, возглавляемый доктором наук Владимиром Полевановым. Николай Федорович вовремя обнародовал свою программу, отпечатал плакаты и листовки и, взяв отпуск, поехал по области встречаться с избирателями.

Мы же с Никандровым вместо выборов были заняты новыми экономическими проектами, которые областная администрация намеревалась осуществить в самое ближайшее время. Прежде всего — подготовкой к так называемому «второму броску через Амур».

Несмотря на бурный рост внешней торговли в 1992 году, коллегия обладминистрации приняла решение увеличить ее объемы в 93-м еще на 30%. Добиться такого скачка при всеобщем экономическом спаде было непросто. Для этого требовались нестандартные ходы, оригинальные идеи, способные поднять всю внешнеэкономическую работу на новый уровень.

Такие идеи были. Значительно увеличить поток туристов могла подвесная канатная дорога, которая соединила бы наш и китайский берег Амура. Подобных воздушных трасс, парящих под облаками между двумя странами, не было (да и сейчас нет) нигде в мире, а все уникальное, как известно, притягивает к себе любителей путешествий, особенно из богатых стран. К тому же воздушный трамвай избавил бы местный международный туризм от вынужденных каникул, которые приходилось устраивать дважды в год — во время весеннего ледохода и осеннего ледостава.

Многое по реализации этой идеи было уже сделано. Нашлись фирмы в Москве и Санкт-Петербурге, взявшиеся оперативно разработать проектно-сметную документацию, изготовить конструкции подвесной дороги и внести в строительство часть капитала. Восторженно поддержал наш проект глава административного округа Хэйхэ Чжао Пэйсин. Однако оставалось и немало нерешенных проблем, которыми и приходилось сейчас заниматься.

Другой проект был еще более масштабным. Поскольку строительство автодорожного моста через Амур требовало больших денег и много времени, родилась

идея сначала перекинуть вблизи Благовещенска понтонный мост. В принципе, это было возможно. Военные давно научились быстро наводить временные переправы через самые широкие реки, для этого у них были специальные понтонные комплексы. А почему бы не использовать эти возможности, что называется, в мирных целях?

Эксплуатация понтонной переправы под Благовещенском до пуска капитального автодорожного моста обещала дать огромный экономический эффект. Он мог быть еще больше, если бы удалось «бросить» второй понтон в районе Джалинды. Поэтому я обратился к командующему Дальневосточным военным округом генерал-полковнику Владимиру Чечеватову с просьбой передать в аренду области два понтонных комплекса. Он имел такую возможность, но для этого требовалось разрешение министра обороны.

Пришлось обращаться к Павлу Грачеву. О нем впоследствии писали много негативного и, наверное, справедливо. Но тогда до первой чеченской войны было еще далеко, и генерал армии Герой Советского Союза Грачев, пожалуй, больше чувствовал себя «афганцем», чем военачальником общенационального масштаба.

Павел Сергеевич заинтересовался таким проектом, наложил на мое прошение нужную резолюцию для генерала Чечеватова и посоветовал использовать для монтажа и эксплуатации понтонных переправ уволенных в запас офицеров из саперных войск.

По нашим прикидкам, к середине лета понтонная переправа у Благовещенска уже могла начать пропускать транспорт. Но... опять подняла шум коммунистическая печать. Снова, как и год назад по поводу стационарного автодорожного моста, в мой адрес посыпалась брань. На этот раз меня обвиняли еще и в популизме в связи с губернаторскими выборами.

А песок в предвыборных часах катастрофически убывал. До голосования оставалось буквально несколько дней, но Конституционный суд все не рассматривал мой иск к областному Совету. Надеяться, что за оставшееся время ему удастся все-таки это сделать, было несерьезно. Пришлось, скрепя сердце, включаться в выборную кампанию.

Как ни печально, но для меня теперь был явно не 1990 год. Тогда, участвуя в выборах народных депутатов, я объездил пол-области, побывал в десятках коллективов, меня видели и слышали, со мной соглашались и спорили. Сейчас же, усыпленный обещанием В. Зорькина, я ни разу никуда не выехал, ни с кем не встретился, хотя мог сказать людям куда больше, чем три года назад.

Только 7 апреля, за четыре дня до выборов, мы с Никандровым опубликовали наконец в демократической газете «Амурские вести» свои программы. Даже не программы, а короткие беседы о том, что делает областная администрация и что собирается делать в будущем. Не уверен, что газета с нашими выступлениями успела к дню голосования дойти до всех своих подписчиков. Предвыборных штабов у нас с Григорием Алексеевичем вообще не было, агитационных плакатов и листовок мы не выпускали.

А у оппонентов агитация «против» шла по нарастающей. В самый канун выборов газета «Амурская правда» поведала избирателям кое-что из моей частной жизни. О, это было действительно КОЕ-ЧТО! Наскрести компромата, как и три года назад, бывшая главная партийная газета области, называвшая теперь себя «народной», не смогла. Но ведь это как посмотреть на вещи!

Конечно, никого не удивит тем, что родители и дети, живущие своими семьями, имеют отдельные садовые участки, ведь землю под сады и огороды теперь давали всем. А если представить дело так: мол, став губернатором, Кривченко добыл для двух своих взрослых дочек садовые участки обманом, по знакомству, пользуясь личными связями и служебным положением, слукавив и совершив неблагоприятный поступок? Каково? В чем заключается лукавство, обман и неблагоприятность поступка, неважно, это можно не объяснять. Главное — «перчику» побольше, чтобы кровь у избирателя вскипела. А если не вскипит, то вот вам снимок. Видите этот многоэтажный особняк на крутом скалистом утесе над Зеей-рекой? Это, по-видимому, сам Альберт Аркадьевич строит для себя дачу.

Что значит «по-видимому», почему не наверняка? Так в точности ничего не известно, однако люди говорят, что он сделал заказ на покупку двух отопительных котлов. Если котлы не заказывал, то пусть опровергает, но это будет уже потом, после выборов.

Такие же «оглушительные» залпы были выпущены в канун голосования по Григорию Никандрову и Николаю Колядинскому. С той же степенью доказательности — «по-видимому», «вероятно», «может быть». Шума они наделали предостаточно. И все-таки, несмотря ни на что, Николай Колядинский вышел в следующий тур голосования, став вторым из восьми кандидатов.

Я уже рассказывал во вступительной главе, какие испытал чувства, когда проиграл выборы, поэтому не хочу повторяться. Но кроме сожаления о том, что все получилось не так, как могло бы, одолевали и другие эмоции. Больше, чем собственная судьба, беспокоило будущее нашего общего дела.

Первый тур выборов четко и ясно зафиксировал: большинство населения области все еще поддерживает реформы и их авторов. Ведь во второй тур голосования как раз и вышли главные проводники реформ — председатель комитета экономики областной администрации Николай Колядинский и бывший глава этого комитета Александр Сурат. Коммунистов же, как говорится, избиратели просили не беспокоиться.

Об Александре Сурате следует сказать особо. В целом он был, конечно, сторонником того курса, который проводила областная администрация. Ни одна экономическая программа, ни один сколько-нибудь значительный проект не могли пройти мимо комитета экономики и его председателя. И в каждом конкретном случае комитет и председатель оказывались на высоте.

Но Александр Владимирович был отнюдь не боец, способный хоть как-то отстаивать свою позицию. Его легко втянули в «мини-путч областного масштаба», хотя никакой роли он в нем и не сыграл. После «мини-путча» Сурат единственный из его участников пришел ко мне с повинной: мол, бес попутал, готов искупить вину. Расстались мы с ним лишь в самом конце 92-го года по-хорошему: я отпустил его возглавить компанию «Мост», которая должна была сооружать переход через Амур.

В принципе, выход во второй тур двух моих заместителей означал, что будущее реформ, проводимых в области, остается в надежных руках. Но это — теоретически. На практике же устоять против того оголтелого наката, которому постоянно подвергалась администрация со стороны Совета, мог (да и то до конца ли?) лишь разве что Колядинский. Сурату такое было явно не под силу, поэтому не стоило сомневаться, что если он победит во втором туре, то областной Совет и коммунисты области получат долгожданного «карманного» губернатора.

Не сомневались в этом и коммунисты. Вся их пропагандистская машина, только что работавшая на своих кандидатов, теперь принялась «раскручивать» Сурата. 25 апреля он стал новым главой администрации области.

Состоится ли в России «немецкое чудо»?

Прежде чем передать дела преемнику, я вылетел в Москву, чтобы решить некоторые оргвопросы. Выборы выборами, но меня ведь назначил президент, он и должен освободить с соблюдением всех формальностей трудового законодательства. Только после этого я мог передавать дела своему преемнику.

В управлении кадрами администрации президента ломали голову: что же с нами делать — бывшими губернаторами? Оказалось, что во всех областях, где прошли выборы, губернаторы-демократы проиграли. Но как это оформить юридически? В прежние времена либо снимали за развал работы, либо отправляли на повышение, либо провожали на пенсию. Была еще одна, универсальная, формулировка: «освободить в связи с

переходом на другую работу». Но чтобы уволить в связи с проигранными выборами — такого не предусматривалось.

Начальник управления долго куда-то звонил, с кем-то советовался, наконец формулировку нашли: решили освободить в связи с истечением срока полномочий. Это было и юридически грамотно, и корректно, а главное — соответствовало действительности.

Теперь следовало решить другой вопрос — о представителе президента в Амурской области. К этому времени Андрей Захаров перешел работать в Верховный Совет на мое место, а его должность оставалась свободной. В президентской администрации не торопились с новым назначением, считая, что Амурская область пока может обойтись и без «государева ока». Однако сейчас ситуация изменилась. Президенту требовалось не только надежное «око», но и стойкий защитник его интересов. На эту роль, по моему мнению, лучше всего подходил Григорий Никандров.

— Ну что ж, хорошо, будем готовить на него проект указа, — сказал мне шеф администрации Сергей Филатов, еще недавно работавший в Верховном Совете первым заместителем у Хасбулатова. — Благо, на это не требуется никаких согласований. А ты зайди к вице-премьеру Сергею Шахраю. Президент распорядился забрать всех бывших губернаторов в правительство или администрацию. Это, говорит, проверенные и надежные кадры, разбрасываться такими нельзя. У Сергея уже подготовлен список предложений.

Я пока не думал о своем будущем и к такому разговору был не готов. Сказал, что на прежней работе меня изрядно потрепали, поэтому сначала хочу прийти в себя, отгулять все отпуска, которые мне полагаются.

— Нет вопросов, — согласился Филатов. — Вид у тебя, действительно, не совсем...

Первый зам Филатова Вячеслав Волков, тоже в недавнем прошлом член Верховного Совета, один из руководителей фракции «Демократическая Россия», был обложен бумагами. Он анализировал оперативные сведения о результатах референдума, который состоялся в тот же день, что и второй тур губернаторских выборов. Ни одна из трех «мин», заложенных под президента, не взорвалась. Народ ответил однозначно, что доверяет лично Б. Н. Ельцину, поддерживает проводимый им курс реформ и не хочет досрочных выборов главы государства.

Однако люди высказались и против досрочного переизбрания народных депутатов. То есть оставили в неприкосновенности съезд и Верховный Совет, пытающихся отменить политический курс, проводимый президентом. Как это можно было совместить?

— А никак, — с горечью сказал Волков. — Дело зашло так далеко, что примирить враждующие стороны уже невозможно. Большинство россиян пока, похоже, не понимают, что в Белом доме теперь свили гнездо оголтелые реваншисты.

— Что же делать? — мрачно спросил я.

— Не знаю. За рубежом при таких политических кризисах уходит либо исполнительная власть, либо парламент. У нас же народ не желает ни того, ни другого. Но один из этих вариантов, скорее всего, выбрать придется.

Вечерним рейсом я возвращался в Благовещенск. Впервые за последние полтора года летел домой, не облеченный огромной властью. Хотя и с тем же чувством ответственности за все, что делается в стране. Снова летел в неизвестность, правда, не такую пугающую, как в конце 91-го.

В самолете обычно не могу спать, какой бы долгой ни была дорога. На такой случай в дипломате всегда есть что почитать. Частые и долгие перелеты позволяли хоть как-то поддерживать на уровне свой кругозор. Вот и сейчас извлек из груды бумаг томик выдающегося немецкого экономиста Людвиг Эрхарда «Благосостояние для всех».

Управлять страной, областью, городом непросто даже в пору экономического подъема и благоденствия. Этому надо учиться и, наверное, очень долго. Нам, пришедшим в исполнительную власть России после августа 91-го, пришлось работать в отнюдь не

процветающей стране, принимать решения в самых экстремальных условиях. Этому нас никто не учил и не мог научить, потому что таких педагогов в стране не было. В основном руководствовались своим собственным опытом, больше полагались на здравый смысл да иногда перенимали кое-что друг у друга.

Между тем мировой опыт настойчиво стучался в дверь. Особое место среди переводной литературы занимала книга Л. Эрхарда, написанная в конце пятидесятых годов и ставшая учебником для государственных мужей многих стран мира. В 1991 году ее впервые издали в России. Я постоянно брал ее в дорогу, штудировал с карандашом в руках и даже написал на нее рецензию. Но, открывая томик снова и снова, каждый раз находил в нем что-то новое.

Людвиг Эрхард был не только ученый-теоретик, но и практик. Сразу после Второй мировой войны он стал министром народного хозяйства Западной Германии, а впоследствии был избран канцлером ФРГ. На его долю выпало совершить то, что в мире называли «немецким экономическим чудом».

«Великий кормчий» Мао Цзэдун когда-то сказал: «СССР сегодня — это Китай завтра», имея в виду, что одна страна может увидеть свое будущее на примере другой страны, если повторит ее путь. В этом смысле опыт бывшей Федеративной Республики Германии для нас, россиян, представлял несомненный интерес, потому что в России в 1992 году с точностью один к одному повторялось все то, что было в Западной Германии в конце сороковых — начале пятидесятых годов,

Читая Эрхарда, я с удивлением узнал, что, оказывается, в гитлеровском рейхе тоже был социализм. Национал, но социализм. От тогдашнего советского он отличался прежде всего тем, что Гитлер уничтожал лишь тех представителей нации, которых считал врагами своей партии, тогда как Сталин репрессировал и друзей, всецело преданных большевизму. В главном же сходство было поразительное: то же плановое производство, то же принудительное распределение, когда самое лучшее и в большом количестве доставалось партийной элите, а что останется — народу. Фиксированно низкие цены, фиксированно низкая зарплата, всеобщее восхваление за это вождя — в точности как у нас.

После войны восточная часть Германии продолжала строить социализм. Но и в западной, несмотря на контроль американцев, англичан и французов, нашлись могущественные силы, выступившие за сохранение планово-принудительного хозяйства. Были даже приняты два плана промышленного развития страны — в 1945 и 1947 годах — на перспективу до 1952 года. В отличие от нас, немецкие экономисты тщательно их просчитали. По этим расчетам, на душу немецкого населения приходилось: раз в пять лет по одной тарелке, раз в двенадцать лет — пара ботинок, раз в пятьдесят лет — по одному костюму. В соответствии с этими планами только каждый пятый младенец мог быть завернут в собственные пеленки и каждый третий престарелый немец — надеяться на то, что будет похоронен в собственном гробу.

Перспектива, что и говорить, была безрадостная. Однако в течение трех лет после войны попытки правительства уйти от нее и повернуть экономику к свободному рыночному развитию наталкивались на мощное сопротивление социалистов и тех слоев населения, которые привыкли хоть и к нищенскому, но гарантированному обеспечению. Только в июне 1948 года, когда марка вконец обесценилась и опустели полки магазинов, когда товар со складов и баз прямым ходом пошел на черный рынок, где можно было купить все, но по баснословным ценам (как у нас в октябре-декабре 1991 года), когда предприятия начали обмениваться продукцией только по бартеру (опять же как у нас к концу 1991 года), правительство приняло наконец решение об экономической реформе и переходе к рынку.

Начались реформы тоже как у нас — с либерализации цен, снятия ограничений на доходы, полной свободы предпринимательства и торговли. И сразу же исчез черный рынок, прилавки наполнились товарами, экономическая деятельность оживилась во всех сферах.

Но обнажились и отрицательные стороны рынка. Получив свободу, многие предприимчивые люди принялись сколачивать капитал за счет обирания своих соотечественников. «Маятник цен, — писал Эрхард, — всюду нарушил границы нравственного и допустимого. Из-за отсутствия дешевых товаров снизился жизненный уровень немцев».

На защиту «широких народных масс» тут же ринулись профсоюзы и парламент, точнее — входившие в них социалисты. Они потребовали снизить цены, повысить зарплату, установить контроль за распределением, то есть похоронить реформу и вернуться к нацистско-гитлеровскому прошлому (как у нас — к временам застоя). С высокой трибуны бундестага Эрхарда называли грабителем народа (как Гайдара), пособником воров (как Чубайса), обвиняли в некомпетентности и дилетантстве (как меня в областном Совете).

Собрав всю свою выдержку и самообладание, Эрхард терпеливо объяснял депутатам:

«Представляется совершенно ошибочным требование, согласно которому на каждое повышение цен следует ответить соответствующим увеличением заработной платы... Если мы не сможем потерпеть того, что появляющиеся на рынке товары станут вначале достоянием немногих, а не сразу всех, тогда мы законсервируемся в искусственной бедности. Принудительное распределение и политика установления цен связаны друг с другом как сиамские близнецы, но, как и эти близнецы, являются совместно не чем иным, как уродством. Рыночное хозяйство не может быть отделено от конкуренции, оно не может отказаться от свободной цены. Кто захочет исключить функцию свободной цены, тот умерщвляет конкуренцию и содействует оцепенению экономики. Скоро наступит время, когда конкуренция заставит цены вернуться в нормальное состояние. Надо в это верить и потерпеть».

Но депутаты-социалисты не желали ничего слушать. Из их рядов в зале заседания бундестага неслось:

— То, что вы говорите, совершенная глупость...

— Это же анекдот...

— Мы никогда не считали вас человеком.

Через 44 года российский парламент пойдет в оскорблениях правительства еще дальше. Его спикер Руслан Хасбулатов заявит в середине 1992 года, что к членам правительства он относится как к «червям».

Но вернемся в Западную Германию 1948 года. У бундестага не было права, как у российского Съезда народных депутатов, сместить избранного народом канцлера Аденауэра. Но социалистическая часть депутатов из всех сил стремилась выбить у него опору — министра народного хозяйства (как у нас Гайдара). Дошло до того, что фракция социал-демократической партии Германии официально внесла в бундестаг предложение исключить из бюджета зарплату этого министра.

Одновременно федеральное руководство профсоюзов объявило о прекращении сотрудничества со всеми правительственными инстанциями и призвало народ к всеобщей забастовке, которую наметили на 12 ноября 1948 года — через шесть месяцев после начала реформы. Оно не скрывало, что хочет парализовать экономику страны (вспомните ленинское «чем хуже — тем лучше») и силой заставить правительство отказаться от «антинародного курса». Даже лексикон у немецких левых был тот же, что и у наших — один к одному.

Но люди не поддержали этих «радетелей» за народное счастье — забастовка не состоялась. «Общественное мнение дало понять руководству профсоюзов, — писал Эрхард в своей книге, — что последнее находится на ложном пути, пытаюсь вести непримиримую борьбу со свободным рыночным хозяйством. Трудящиеся уже поняли... в сколь сильной степени начавшееся тогда развитие, несмотря на некоторые тягостные затруднения, все же в конечном итоге идет им на пользу».

Немецкий народ поверил своему правительству, согласился потерпеть. А уже в начале 1951 года, после полутора лет реформ, ненавистные всем цены стремительно поползли вниз. В следующем, 1952 году индекс жизненного уровня западных немцев сравнялся с индексом жизненного уровня жителей самой богатой страны мира — США. Между прочим, в это самое время — в 52–53-х годах — граждане СССР, страны — победительницы во Второй мировой войне, с вечера занимали очередь за мукой...

После начала реформы в России наши славные профсоюзы тоже взяли на вооружение грозное оружие масс — забастовки. Объявив себя «свободными» и «независимыми», они фактически так и остались «школой коммунизма» и «приводными ремнями партии». Во главе их стояли все те же люди, воспитанные и вымуштрованные КПСС, входившие в ее номенклатурные круги и даже утвержденные на своих должностях партийными бюро.

В 1992 году эти люди объявили несколько общероссийских забастовок, требуя снизить цены, увеличить зарплату и т.д. Единственное, к чему они не призывали — как можно скорее наладить экономику.

Российский народ, как и немецкий, тоже мужественно встретил первые трудности перехода к рынку. Несмотря на настырность профлидеров, забастовок в стране в 1992 году было вдвое меньше, чем в 1991-м. Многие трудовые коллективы просто выставляли этих лидеров за ворота.

Моя рецензия на книгу Эрхарда, опубликованная в июне 1992 года в газете «Амурские вести», называлась «Состоится ли в России немецкое чудо?». Уже тогда можно было предположить, что экономическое чудо у нас вполне возможно, если у России хватит мужества повторить путь Западной Германии, как повторили его Южная Корея и Тайвань, ставшие в результате богатейшими странами мира. Это ощущение крепло из месяца в месяц, вплоть до декабря 1992 года.

Но, к сожалению, у российских левых оказались куда более сильные позиции, чем у немецких. Под их полным контролем находилась вся представительная власть снизу доверху, чего не было в ФРГ. В декабре 1992-го левым депутатам удалось-таки выбить из стана реформаторов главную фигуру — премьер-министра, а в апреле 93-го около дюжины губернаторов. Теперь оставалось добрать всего лишь несколько голосов на съезде, чтобы отправить в отставку президента.

Немецкие трудящиеся спасли рыночную реформу, отказавшись поддержать социалистов на парламентских выборах в 1953 году. Наши соотечественники оказались куда сердобольнее: проголосовав на референдуме за рынок, они не решились отправить в отставку его главных врагов — Съезд народных депутатов и Верховный Совет. Злобствующая депутатская «братва» по-прежнему осталась при власти.

ВЕЛИКАЯ ЛОЖЬ, ИЛИ ТРАГЕДИЯ ДЕМОКРАТИИ

«Демократов — к стенке...»

Надо сказать, что перед референдумом коммунисты были настроены панически. Они хорошо понимали: если народ проголосует за досрочное переизбрание депутатского

корпуса, это будет означать, что Россия окончательно подводит черту под своим коммунистическим прошлым.

На IX съезде народных депутатов, принявшем окончательное решение о референдуме, у меня состоялся любопытный разговор. После голосования по этому вопросу объявили перерыв, и депутатский люд дружно ринулся из зала — кто в буфет, кто в курилку, а иные, простите, и в туалет.

— Что же мы с вами наделали? — сокрушенно сказал мой сосед, человек крупного сложения, с квадратным подбородком, примерно моего возраста. — Зачем согласились на референдум? Ведь мы же его с треском проиграем.

— Почему вы так думаете? — удивился я. — Разве народ не понимает, что сегодня происходит?

— Да потому так думаю, — с еще большей досадой отвечал он, — что очень хорошо знаю настроение людей. Россия-матушка сегодня однозначно за Ельцина. А мы сразу же потеряем все, что с таким трудом удалось завоевать.

Я едва сдержался, чтобы не захохотать. Да ведь это — ярый коммунист! Это о своем проигрыше на референдуме он говорит, а не о нашем. Меня же, скорее всего, он принял за своего.

Надо сказать, что внешний вид доставлял мне немало хлопот, особенно в дни съездов, когда приходилось пробираться сквозь толпы москвичей. Меня принимали за депутата от КПСС. Нередко приходилось слышать в свой адрес: «Когда вы, большевики, наконец, успокоитесь? Семьдесят лет над страной измывались, не пора ли одуматься?» Признаться, было обидно такое выслушивать, но приходилось терпеть. Не станешь же каждому объяснять, что ты не тот, за кого тебя принимают.

Иногда и в депутатской среде меня принимали не за «того». На одном из первых съездов, еще до моих публичных выступлений против КПСС, сидевший рядом Андрей Захаров как-то поделился:

— Вы знаете, Альберт Аркадьевич, некоторые депутаты убеждены, что вы — секретарь обкома партии.

— Почему ты так думаешь? — удивился я.

— Собственными ушами слышал такой разговор.

— Но почему они так считают?

— Вас «вычислили». В отсталых провинциях секретарей обкомов обязательно выбирают депутатами. А вы у нас больше всех подходите на эту роль. И по возрасту, и по внешнему виду.

Я тогда долго и от души хохотал. Вот и сосед по съездовскому залу тоже попался в эту ловушку.

Теперь, после референдума, коммунисты ликовали. Им было наплевать, что народ трижды высказался в поддержку президента. Это их ни к чему не обязывало. А вот то, что не прошел пункт о досрочных выборах депутатов, для них было как бы знаком судьбы.

Атмосфера в стране стала еще больше накаляться. Коммунистическая печать принялась буквально «гвоздить» по президенту, правительству и вообще по демократам. Ее борзописцы точно с цепи сорвались, соревнуясь между собой в цинизме, наглости, хамстве.

Вновь испеченная газета «День» в своем 9-м номере тиснула на первой полосе клише, вроде бы не относящееся к политике. На огромном снимке было запечатлено, как по центральной улице Москвы в 1944 году конвой ведет нескончаемую колонну пленных немцев.

Эта фотография в свое время была опубликована едва ли не во всех странах мира, стала знаменитой. Но почему ее напечатали сейчас — через 49 лет после события? А все дело в подписи под снимком. «Вот так же поведем и демократов», — гласила она.

Кто поведет, сомневаться не приходилось — достаточно было взглянуть на список редакционной коллегии газеты. В нем значились фамилии народных депутатов России

Бабурина, Астафьева, Исакова, Павлова, чьи публичные выступления всегда были насыщены желчью и злобой ко всему демократическому. В этой компании оказался и писатель Валентин Распутин, известный своими националистическими взглядами.

Хотя в подписи под снимком Бабурин и К^О назвали только демократов, такая участь явно была приготовлена не им одним. В том же 9-м номере газета опубликовала и другую любопытную заметку. Аналитический центр газеты подсчитал, что из 100 миллионов избирателей России (не жителей, а именно избирателей) 30–35 миллионов неполноценны и недееспособны. Как высчитали эту цифру, газета не сообщила, но без того было ясно: речь идет о тех гражданах, кто на последнем референдуме голосовал в поддержку президента, правительства и реформ.

Но куда же собралась гнать бабурины-астафьевы-павловы такую массу людей? На этот обойденный молчанием вопрос ответила другая газета. На ее страницах некий «парторг ЦК Кузнецов» заявил без обиняков: конечно в концлагеря! Их, мол, этих лагерей, когда придем к власти, создадим на необъятных просторах страны очень много. В отличие от прежних, сталинских, продолжал он, новые лагеря станут воплощением законности и правопорядка, потому что сначала коммунисты примут нужные им законы, а уж потом в строгом соответствии с этими законами начнут судить тех, кого посчитают нужным.

Можно было не сомневаться, что таких окажется не 30–35 миллионов, а значительно больше. Это следовало из другого признания «парторга ЦК Кузнецова». Чтобы возродить экономику, продолжал он, коммунисты заставят работать почти бесплатно по 12-14 и даже по 18 часов в сутки без выходных и отпусков все население страны. Это, конечно, мало кому понравится, завершал свои откровения «парторг ЦК», но в концлагерях хватит места для всех недовольных.

Нет, то не были бредни выжившего из ума маньяка. Такое «светлое будущее» партия, похоже, предвидела давно, еще когда стояла у власти. В последние годы ее правления на строительство новых концлагерей государство не жалело денег. Их сооружали повсюду, впрок, с большим запасом «жилплощади».

Я уже рассказывал о злосчастном Чагоянском заводе известковой муки, сооружение которого откладывалось из пятилетки в пятилетку. В конце концов строители все-таки туда прибыли, но начали не как обычно — с возведения жилья, прокладки коммуникаций, сооружения складов, баз, вспомогательных производств, а с создания... лагеря для заключенных. Местному населению объяснили, что в целях экономии средств завод будут строить не СУ, СМУ и ПМК, а «джентльмены удачи», имеющие большие сроки отсидки.

Ничего подобного область не знала со времен сталинского ГУЛАГа. За три десятилетия после смерти «вождя народов» она построила не один завод, возвела в горном ущелье гигантскую ГЭС, проложила в непроходимой тайге почти полторы тысячи километров Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, воздвигла десятки новых поселков и современных жилых кварталов в городах. При этом никогда не пользовалась услугами заключенных. Зачем же привлекать их теперь, когда на БАМе высвобождаются крупные строительные мощности? О какой такой «экономии средств» можно говорить, когда на сооружение самих лагерей требуются огромные суммы?

Ну ладно, Чагоян находится далеко в тайге, где почти нет населения. Но точно так же началось строительство Ерковецкого угольного разреза в одном из самых густонаселенных районов области — Ивановском. Здесь тоже вначале появился капитальный лагерь для заключенных. Когда я туда приехал в качестве корреспондента ТАСС, на самом разрезе, как говорится, еще и конь не валялся, а лагерь уже был почти готов. Рядом с привольным степным селом Варваровка зловеще раскинулась так называемая «зона» — жилые бараки, вышки, глухой забор с колючей проволокой наверху, здание комендатуры. Для полного комплекта не хватало только пулеметов на вышках да сторожевых собак вдоль забора — остальное можно было сдавать государственной комиссии.

— Но как будут использовать заключенных на строительстве угольного разреза, если его объекты находятся за пределами «зоны» и разбросаны на многие километры вокруг? — спросил я у начальника стройучастка.

— А вот это вопрос, — развел он руками. — По-моему, такой вариант вообще исключен. Кто додумался до подобного абсурда, не знаю. Наверное, у кого-то крыша поехала...

Не меньшее недоумение вызвало и решение властей сооружать огромный больничный комплекс в Благовещенске также силами «спецконтингента». Это вообще не укладывалось ни в какие рамки: уж здесь-то строительных мощностей было более чем достаточно. Кое-кто из местных руководителей пытался возражать, но лишился должности. Правда, возвести лагерь в областном центре, как и «загрузить спецконтингентом» уже построенные в Чагояне и Варваровке, не успели: после августовского путча партия лишилась власти. Но теперь она снова была близка к тому, чтобы встать у руля государства, и уже обдумывала, как использовать свои «законсервированные» новостройки.

Демократическая общественность была буквально шокирована такими откровениями. «А что будет, — спрашивала газета «Известия», — если демократы и их сторонники не пожелают добровольно и с песнями явиться в назначенный час, чтобы их под конвоем отправили на Колыму или в ближайший ров? Гражданская война?».

Да, в воздухе все больше начинало пахнуть гражданской войной. Объявив себя правопреемницей КПСС, КПРФ взяла на вооружение и ленинскую теорию захвата власти. В соответствии с этой теорией вся деятельность партии была разделена на две неравные части: легальную и нелегальную. Первая широко афишировалась, а о второй мало кто знал даже в рядах КПРФ.

Многие газеты писали в те дни, что из сторонников компартии создаются боевые дружины, в которых обучают владеть оружием. Ничего более конкретного журналистам тогда пронюхать не удалось. Лишь значительно позднее корреспонденту «Московского комсомольца» Евгению Карамьяну посчастливилось проникнуть в одну из таких дружин и взять интервью у ее боевиков. Свой репортаж он назвал «Фашистская каска на бюсте Сталина». Вот что увидел и услышал журналист.

«В центре большого бегового поля московского ипподрома стоят строения, чем-то напоминающие форт, — писал Евгений Карамьян. — Работники ипподрома хранили раньше там свой инвентарь. Но теперь здесь собираются боевики из организации «Красная бригада». Они приходят сюда, чтобы размяться и потренироваться в навыках рукопашного боя.

Настало время упражнений в стрельбе. Боевики принялись собирать импровизированный тир, прислонив к стене портреты Ельцина, Гайдара, Явлинского и Ковалева. Легли на землю. По команде старшего «по предателям Родины» был открыт огонь. Каждое попадание сопровождалось истошными криками. Больше всех досталось Борису Николаевичу. Создалось впечатление, что каждый метит в президента. Почти не пострадал Явлинский — в него попала всего лишь одна пуля».

Корреспондент «Московского комсомольца» насчитал на ипподроме около сорока боевиков, но ему разъяснили, что это лишь небольшая часть «Красной бригады». Всего же в ней 500 человек. В откровенных беседах парни признались, что любят помечтать о том, как будут жить после победы над «продажным ельцинским режимом».

«Когда мы победим, — говорили они, — у нас будет все: машины-иномарки, огромные дачи, красивые женщины, дорогая техника. Все, кто сейчас недооценивает нас, будут очень скоро лизать нам сапоги, чтобы мы не поставили их к стенке. Это будет рай для нас. Придется руководить и концлагерями, но мы к этому готовы».

Боевики рассказывали Евгению Карамьяну, что, кроме ипподрома, они тренируются еще и на стадионе юных пионеров, но дирекции и стадиона, и ипподрома об этом даже не

догадываются. Внешне все выглядит благопристойно. Даже мусор после себя (окурки, гильзы, прострелянные портреты) боевики тщательно убирают.

Члены «Красной бригады», по их словам, поддерживали хорошие отношения с другими группами, но, кто всеми ими руководил, они не знали.

Корреспонденту «Московского комсомольца» повезло — в этот день «Красную бригаду» посетил представитель «главковерха». Он не назвал свою фамилию, но поделился впечатлениями от увиденного: «Эти к войне подготовлены неплохо».

После ипподрома спецкор «Московского комсомольца» побывал в штабе «Красной бригады», находившемся в районе Савеловского вокзала. Там он увидел целую галерею портретов диктаторов разных стран, среди которых были портреты и Сталина, и Гитлера, и Пол-Пота, и Саддама Хусейна. А на гипсовом бюсте Сталина красовалась немецкая каска со свастикой времен Второй мировой войны.

В штабе Карамьян разговаривал с командиром «Красной бригады» Василием Дубининым. У того была заветная мечта — убить Ельцина. Для этого, по словам Дубинина, бригада имела достаточно стволов, кроме того, как раз покупала пушки. «Но если что начнется, — сказал командир боевиков, — мы сразу захватим все оружейные магазины и пункты обмена валюты, а уж потом примемся за врагов, на которых у нас давно заготовлены списки (неплохое дополнение в ленинскую теорию захвата власти)».

«Напоследок боевики предложили мне попатрулировать вместе с ними, — писал далее Карамьян. — В «дозор» отправились пять человек. Пока шли до метро, они придирались буквально к каждому прохожему. Можно представить чувства человека, когда поздним вечером к нему подойдут пять парней в камуфляже и с нарукавными повязками, где вместо слова «дружинник» красуется серп и молот. Я обратил внимание, что «дружинники» не просто проверяют документы, а стараются «срубить» деньги: не отпускают жертву до тех пор, пока та не заплатит. В коммерческих палатках их, похоже, знали, поэтому без лишнего шума дали пару блоков сигарет и несколько бутылок водки. После этого «бойцы новой революции» быстро завершили патрулирование».

Заканчивал свой репортаж корреспондент словами:

«Если ситуация взорвется, эти ребята могут натворить много дел. Тем более что за спиной молодых штурмовиков стоят солидные люди, которые имеют деньги и знают чего хотят. Однако чем все кончится, не знает никто».

В подтверждение этого Карамьян привел слова командира «Красной бригады»: «Сейчас мы поддерживаем Зюганова. Только он уничтожит эту демократию. Но лет через 10 надо будет перестрелять сегодняшних зюгановцев типа Руцкого и Лукьянова. На смену им придут такие, как мы. Очень скоро появится новый Сталин, и ему понадобится свое гестапо, а здесь нам равных не будет».

Обо всем этом мы узнали значительно позже. Однако президент наверняка владел ситуацией, был информирован и о «Красной бригаде», и о других подобных формированиях.

Не знаю, как в таком случае поступил бы на его месте я, но Борис Николаевич вел себя в высшей степени сдержанно. Он призывал всех к миру и согласию, предлагал разрешить кризис власти конституционным путем, приглашал заинтересованные стороны к участию в конституционном совещании. Но все его инициативы наталкивались на глухую стену непонимания в стане коммунистов. Они «закусили удила», предчувствуя скорую победу.

Погром местного значения

Повторюсь: мало кто сомневался, что в случае победы на губернаторских выборах Александр Сурат попадет «под каблук» областного Совета, а значит, и местных

коммунистов. Но вряд ли кто ожидал, что это произойдет так быстро и столь стремительно.

Вообще говоря, вместе с креслом губернатора Сурат получил хороший шанс проявить себя в качестве крепкого экономиста-организатора. У него была реальная возможность добиться быстрого и заметного сдвига в оздоровлении экономики, ведь он пришел не на пустое место, как я, а в действующую администрацию, имеющую полуторагодовой опыт работы в условиях жесточайшего кризиса. Многие для преодоления экономического спада уже было сделано, имелись хорошие программы, налаженные связи с инвесторами. Одни проекты уже осуществлялись (таможенный переход в Джалинде, завод по производству сахара, Белогорский овощеконсервный завод), к другим можно было приступать немедленно (понтонный мост вблизи Благовещенска, соеперерабатывающий завод), третьи, четвертые, пятые, как говорится, были на выданье (разработка Огоджинского каменноугольного месторождения, международный аэропорт в Благовещенске, ювелирная фабрика в областном центре). И что особенно важно — в разработке большинства из них принимал участие сам Сурат, будучи председателем комитета экономики. В ноябре 1992 года он от имени администрации представлял программу социально-экономического развития области на 1993 год областному Совету, и депутаты ее поддержали. Поэтому сейчас ему не требовалось изобретать велосипед или открывать Америку — достаточно было лишь продолжить то, что уже начато и поддержано областным Советом.

Но Александр Владимирович направил свою кипучую энергию в совершенно другую сторону. Он словно забыл о тех экономических проектах, которые всего несколько месяцев назад разрабатывались под его руководством. Едва ли не в первый день пребывания в новой должности недавний реформатор присоединился к тем, кто в течение полутора лет безуспешно пытался парализовать работу администрации и остановить реформы.

Первый сокрушительный удар новый губернатор нанес своим недавним коллегам — демократам в областной администрации. Немедленно и без всяких объяснений были уволены мои заместители Григорий Никандров, Николай Колядинский, Анатолий Малапура, Геннадий Кондратюк. Еще один зам — Людмила Соколова не стала дожидаться той же участи и подала в отставку сама.

Затем начались «чистки» второго эшелона. С теми, кого намечали уволить, даже не считали нужным хотя бы поговорить. Порой о том, что с завтрашнего дня они свободны, ответственные работники администрации узнавали не от своего начальства, а из публикаций в прессе.

Ладно, если бы увольнялись профессионально слабые, малокомпетентные люди, так ведь нет... Информационно-аналитический центр администрации возглавлял кандидат наук, профессиональный социолог Е. Буянов, комитет цен — кандидат экономических наук, подготовивший докторскую диссертацию по ценообразованию, Г. Трошин, антимонопольное управление — кандидат экономических наук, защитивший в 80-х годах диссертацию по теории рынка, А. Богатырев, отдел по строительству и архитектуре — профессор архитектуры (единственный в области!) Г. Каримов... Обвинить их в непрофессионализме ни у кого не повернулся бы язык, тем не менее все они в одночасье оказались не у дел лишь потому, что были сторонниками демократического движения.

Не минула чаша сия даже ближайшую соратницу Сурата по комитету экономики Людмилу Кочаловскую. Они работали вместе еще в ГлавПЭУ, причем Людмила Алексеевна некоторое время была даже наставником будущего губернатора. Когда я назначил Сурата председателем комитета экономики, то своим первым заместителем он порекомендовал Кочаловскую как очень сильного экономиста. Действительно, под ее руководством в комитете экономики разрабатывались все рыночные программы, которые потом Сурат представлял руководству администрации. Как правило, они получали

высокую оценку не только российских экспертов, но и, что особенно важно, — зарубежных инвесторов.

Однако Людмила Алексеевна была не только хорошим экономистом. Пообщавшись несколько месяцев с нами, она сама стала убежденной демократкой, причем одной из самых активных в демдвижении. Этого ей не могли простить. Но как убрать такого известного всей области экономиста? С другими проще: можно реорганизовать или ликвидировать структурное подразделение, сократить должность, сделать еще что-то в том же духе. Но комитет экономики не ликвидируешь, а должность первого зама председателя, которую занимала Кочаловская, не сократишь.

Сурат поступил просто: ни слова не сказав самой Кочаловской, он издал приказ о ее увольнении — и все. Понимал, что гордая женщина не станет подавать на него в суд и тем более не захочет после этого работать с ним.

Подобные чистки проводились по всей области. В городах и районах поступали еще более бесцеремонно. В Свободном, например, заместителем мэра работала другая Людмила Алексеевна — Нечитайло, тоже активистка демдвижения. Едва Сурат вступил в должность, ее пригласил к себе председатель городского Совета народных депутатов — выходец из бывшей партноменклатуры.

— Ну и когда же вы подадите в отставку? — спросил он без обиняков.

— В какую отставку? — не поняла Нечитайло. — У мэра города, которому я подчиняюсь, ко мне вроде бы нет претензий.

— В какую? — усмехнулся председатель Совета. — А сами вы вместе с мэром разве не понимаете?

Глава Свободненской городской администрации Вадим Жугин тоже значился в «черном списке» коммунистов. Он, как и я, был журналистом, да к тому же моим сторонником. Правда, я в свое время назначил его с соблюдением всех формальностей, получив даже согласие городского Совета. Но сейчас это не имело значения. Жугин помчался к Сурату.

— Что вы думаете относительно меня? — прямо спросил он.

— А вы сами подумайте, — сухо сказал Сурат. — Чтобы мне с вами хлопот было меньше...

Многие десятки людей, чьими руками еще недавно в области проводилась реформа, теперь стали в буквальном смысле безработными. Хотя проблема безработицы тогда еще не была столь острой, как сейчас, их никуда не принимали. Этот метод борьбы с инакомыслящими коммунисты применяли все семь десятилетий своего правления, особенно при Брежневле. К сожалению, он пока не нашел достойного отражения в литературе, как, скажем, расстрелы или концлагеря. А ведь это был едва ли не самый изощренный и издевательский способ расправы над людьми, когда лишенный средств к существованию человек сам готов был лезть в петлю.

Между прочим, находившимся недолгое время у власти демократам и в голову не могло прийти ничего подобного. В августе 1991 года указом президента России коммунисты — да и то далеко не все — были лишены власти, но не работы. Их никто не преследовал за убеждения, не увольнял за их взгляды. В нашей администрации, например, трудился скромный специалист строительного дела и ярый коммунист в душе Геннадий Гамза. Когда вновь была зарегистрирована Компартия России, его избрали первым секретарем Амурского обкома КПРФ. Ни я, ни кто-то другой не предлагали ему на этом основании подать в отставку.

Но вернемся к Сурату. Учинив сокрушительный погром в областной, городских и районных администрациях, изгнав оттуда всех до единого демократов, он принялся за демократические средства массовой информации. Таких тогда было немного, но все-таки они были.

В первую очередь новый губернатор попытался сделать то, что в течение полутора лет не удавалось областному Совету — убрать председателя телерадиовещательной

компании «Амур» Владимира Мартынова. Если помнит читатель, его, как и меня, на своих сессиях областного Совета называли незаконно назначенным, требовали его отставки, выражали недоверие. Но увольнять председателя телерадиокомпании у депутатов не было права. С избранием Сурата главой администрации такая возможность появилась. Ведь обладминистрация, как и Минпечати, тоже являлась учредителем ГТРК «Амур».

Сурат потребовал у министра освободить Мартынова от занимаемой должности. Именно потребовал, а не попросил. Но получил отказ. Оказалось, что, в соответствии с уставом ГТРК, ее председатель назначался и освобождался лично министром без участия второго учредителя. Пришлось отложить погром в телерадиокомпании до лучших дней.

Кроме ГТРК «Амур», областная администрация была учредителем еще и газеты «Амурские вести». В свое время мы создали ее, чтобы иметь противовес главной коммунистической газете области — «Амурская правда». Возглавил «Вести» выходец из «Амурской правды», депутат областного Совета, один из руководителей демдвижения Виктор Хахин. Он любил повторять фразу, сказанную кем-то из великих: «Мне, может быть, противно ваше мнение, но я отдам жизнь, чтобы вы могли его высказать». Поэтому, хотя газета и была до мозга костей демократической, она предоставляла свои страницы и «левым». Тем не менее «Амурские вести» для коммунистов были что кость в горле. На сессиях областного Совета депутаты не раз требовали лишить газету бюджетного финансирования, потому что областной администрации она-де не нужна. И лишили бы. Но тогда возникал вопрос: а на каком основании финансируется из бюджета «Амурская правда»? Ответить на него было бы затруднительно. Поэтому, пошумев, депутаты каждый раз успокаивались.

Теперь им на помощь пришел Сурат. У главной демократической газеты области был один-единственный учредитель — областная администрация. Губернатор имел право лично распоряжаться своим изданием, поступать с ним так, как считает нужным. Сурат не стал мешкать и объявил публично, что «Амурские вести» ему не нужны, а посему областная администрация отказывается от своих учредительских прав. Теперь депутаты имели законное основание лишить главную демократическую газету области бюджетного финансирования, при этом и пальцем не тронув главную газету коммунистов.

Когда победы даются легко, у того, кто их одерживает, начинает кружиться голова. Так произошло и с Суратом. Он потерял над собой контроль и ринулся с «обнаженной шашкой» на... представительство президента России в Амурской области.

Назначение на должность представителя президента Григория Никандрова явилось для новых хозяев области полной неожиданностью. Они все еще продолжали праздновать победу, когда вышел указ и Григорий Алексеевич занял кабинет по соседству с губернаторским.

Кое у кого это, похоже, вызвало шок. С прежним «государевым оком» Андреем Захаровым коммунисты быстро нашли общий язык — он стал их сторонником в борьбе против губернатора. Но обратиться в свою веру Никандрова — такое им было не под силу.

Из чувства элементарного приличия Сурату следовало бы поздравить своего недавнего коллегу со столь высоким назначением. Вместо этого он ввел для сотрудников администрации пропуска в Дом Советов, но запретил давать их работникам представительства президента. Милиция начала тормозить у входных дверей людей Никандрова, а также тех граждан, которые пытались попасть к нему на прием. Большого труда стоило Григорию Алексеевичу погасить этот возникший из ничего конфликт.

Не хотели отставать от губернатора и депутаты. На ближайшей же сессии они решили, что представительства президента в области вообще быть не должно. В других регионах как хотят, а отдельно взятая Амурская область, стало быть, не признает избранного народом главу государства.

Александр Владимирович тут же бросился исполнять это решение депутатов. Бухгалтерии администрации было дано указание не обслуживать больше

представительство президента, хотя деньги на содержание его крохотного аппарата поступали из Москвы. Руководителям структурных подразделений губернатор запретил давать Никандрову какую-либо информацию. Наконец, и сам Григорий Алексеевич получил строгое губернаторское предписание немедленно выехать из Дома Советов.

Победное наступление амурских коммунистов на позиции местных демократов и даже президента страны не осталось незамеченным в центральном аппарате КИРФ. Чтобы поддержать и поощрить их, в Благовещенск прибыл руководитель компартии Геннадий Зюганов. История области такого еще не знала: за семь советских десятилетий в Приамурье не приезжал с официальным визитом ни один генсек ЦК КПСС. Правда, в конце пятидесятых из Владивостока в Москву транзитом проезжал по железной дороге Никита Хрущев, а в конце семидесятых так же транзитом из Москвы во Владивосток — Леонид Брежнев, но они лишь делали короткие остановки на некоторых станциях.

Летом 1993 года Зюганов не был депутатом российского парламента и лидером парламентской фракции, тем не менее встречали его оба руководителя области — Белоногов и Сурат. Почести руководителю рядовой, не стоящей у власти партии были оказаны президентские. Зюганов и не скрывал, что ближайшая цель коммунистов — взять всю верховную власть в стране, в том числе и пост президента России.

Едва отзвучали его зажигательные речи, как прибыл еще один посланец Москвы — вице-президент Александр Руцкой. Лицо, максимально приближенное к главе государства, он приехал, однако, не как представитель Кремля, а сам по себе. Приехал окунуться в родную коммунистическую стихию, излить душу своим единомышленникам.

К этому времени люди уже привыкли, что на президента страны ежедневно и ежечасно выливаются ушаты грязи. Но такой отборной брани и грубых оскорблений в адрес главы государства, как из уст вице-президента, вряд ли кому приходилось слышать.

Руцкой решил, что раз во главе области стоят его единомышленники, то здесь можно быть предельно откровенным. И доверительно сообщил, что у него, вице-президента вроде бы демократической страны, слово «демократия» каждый раз вызывает приступ изжоги. Но, слава Богу, дни «антинародного ельцинского режима» теперь сочтены. Российский банк, находящийся под полным контролем Верховного Совета и лично Хасбулатова, уже довел экономику страны до полного краха. И это хорошо, так как отвечать за все будет Ельцин. В Верховном Совете приняли решение, сказал генерал, что никакого прощения президенту не будет. Буквально через месяц-два депутатов-демократов начнут выбрасывать из окон Белого дома, а членов правительства и президентской администрации — из окон Кремля, Старой площади и других зданий.

Оба руководителя области и их окружение стоя аплодировали словам генерала. Ну, слава Богу, теперь скоро... Вы там, в столице, мол, не мешкайте, а мы тут вас уже поддержим.

В Москве жили ожиданием бури

Борис Ельцин по-прежнему видел выход из кризисной ситуации в конституционной реформе. Проект новой Конституции, разграничивающей функции властей и исключаяющей политические кризисы, подобные нынешнему, был разработан и утвержден Конституционным совещанием еще в середине лета. В начале августа его разослали во все заинтересованные инстанции с личной просьбой президента — обсудить и дать заключение. Сурат и Белоногов получили телеграмму, в которой Ельцин предлагал в срок до 15 сентября представить в Кремль официальное решение по этому проекту либо областного Совета, либо областного Конституционного совещания. Президент призывал лидеров Амурской области к сотрудничеству и согласию.

Однако все было напрасно. Вначале депутаты облсовета вообще отказались рассматривать проект — не стали включать этот вопрос в повестку дня сессии. Потом,

когда истек названный президентом срок, все же рассмотрели. Но только для того, чтобы отвергнуть. Один из депутатов даже так выразился: «Конституция Ельцина — вражеская».

После летних каникул, в сентябре, снова начал работать Верховный Совет. Мне довелось присутствовать на совместном заседании двух его фракций — «Демократическая Россия» и «Радикальные демократы».

У депутатов-москвичей накопилось немало интересной информации. Они считали, что конституционная реформа, на которую надеется Ельцин, полностью заблокирована коммунистами и что провести ее при нынешнем составе депутатского корпуса невозможно. Коммунистам реформа не нужна — они готовятся к всеобщему захвату власти. Сигналом к этому станет созыв внеочередного Съезда народных депутатов. Угрозы Зюганова, Руцкого и других лидеров КПРФ в адрес президента не следует считать пустым сотрясением воздуха. Несмотря на то, что на апрельском референдуме народ проголосовал в поддержку Ельцина, съезд отстранит его от должности. А дальше все пойдет по сценарию, который уже не раз озвучивали партийные функционеры КПРФ — роспуск всех партий, кроме коммунистической, запрет демократических средств массовой информации, концлагеря и т. д.

Конечно, народ с этим не согласится. На улицы Москвы выйдут такие же многотысячные толпы, как и в августе 1991 года. Но у КПРФ в столице немало боевых дружин, обученных ведению уличных боев. Они хорошо вооружены и воспитаны в духе ненависти к демократам.

Удастся ли в итоге коммунистам, как семь с половиной десятилетий назад, вновь навязать стране свой режим — это другой вопрос. Но такую попытку, и очень серьезную, они сделают. Чего бы это им ни стоило и какую бы кровь ни пришлось пролить.

Предотвратить или хотя бы отодвинуть захват власти компартией и ее боевиками, по мнению депутатов-москвичей, можно было только одним путем — не допустить созыва съезда. Но как это сделать, если Верховный Совет полностью контролируют все те же коммунисты? Они в любой момент, как только будут готовы, сыграют депутатам общий сбор, и никто не сумеет им помешать. Если только... если только треть депутатов не откажется добровольно от своих полномочий.

Отказаться от депутатских мандатов и тем самым лишит съезд кворума? Это была заманчивая идея. Но, чтобы ее осуществить, требовалось не менее 355 депутатов, а нас собралось всего лишь около двухсот. Мало. Может быть, удастся склонить на свою сторону еще около сотни тех, кто постоянно колеблется. Но и этого мало.

Москва на этот раз показалась мне какой-то серой и мрачной, как бы затаившейся перед бурей. Знали ли москвичи, что должно произойти в ближайшее время? Догадывались ли? Чувствовали ли? Трудно сказать. Но, без всякого сомнения, они не были равнодушны к тому, что происходило в высших эшелонах государственной власти. От них, рядовых москвичей, во многом зависело сейчас ближайшее будущее страны.

А Благовещенск тем временем жил спокойно и безмятежно. Горожане заканчивали убирать урожай на своих загородных садовых участках, и, казалось, им больше нет ни до чего дела. Урожай для жителя хлебопашного Приамурья — святая святых. В 1919 году, когда полыхала Гражданская война и область оккупировали японцы, партизанская армия Генриха Дрогосhevского даже разошлась временно по домам, чтобы провести весенний сев. Потом она снова собралась и освобождала родную землю до полной победы. Вот и сейчас политика здесь отошла на задний план, но она могла в любой момент снова ворваться в жизнь каждого. Люди это понимали и были к этому готовы.

К сентябрю 1993 года на Амуре активно действовали уже две альтернативные КПСС общественно-политические организации — «Демократическая Россия» и «Выбор России». «ДемРоссия» (начинавшая существование сначала как «Демблок в защиту перестройки», затем как объединение «За возрождение России») в свое время сделала огромное дело, подняв народ на борьбу против всевластия КПСС. Однако многие граждане считали ее

слишком радикальной. Это было действительно так, но не будь она такой, ей вряд ли удалось бы чего-то добиться.

Теперь следовало смотреть дальше, привлекать как можно больше новых сторонников. Для этого нужна была менее митинговая, более уравновешенная и прагматичная, умеющая кропотливо и конструктивно работать демократическая организация. Поэтому летом 93-го было создано Всероссийское общественно-политическое движение «Выбор России», вобравшее в себя огромный слой технической и творческой интеллигенции, представителей бизнеса, студенчества. На федеральном уровне движение возглавил Егор Гайдар, председателем Амурского регионального отделения избрали меня.

Теперь в моей депутатской приемной размещались две штаб-квартиры — «ДемРоссии» и «Выбора России». Нередко заканчивалось одно заседание, начиналось другое, иногда оба штаба собиралась вместе. Всех тревожил один вопрос — что будет в Москве?

А в столице произошло невероятное. Так и не найдя понимания в Верховном Совете, у областных и краевых Советов, а также у некоторых региональных администраций, Ельцин решил начать конституционную реформу сам. 21 сентября он издал указ № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации», установив срок проведения референдума по новой Конституции — 12 декабря. Съезд народных депутатов и Верховный Совет объявлялись распущенными.

Сообщение об указе прозвучало подобно взрыву атомной бомбы — и по внезапности, и по мощи. Такое и в голову никому не могло прийти — ни сторонникам, ни противникам президента. Гордиев узел противоречий внутри высшей государственной власти казался настолько затянутым, что развязать его никому не удастся. А Борис Ельцин, как и Александр Македонский, взял да и разрубил его одним махом.

Правда, возникал вопрос: что скажет по этому поводу Конституционный суд? Не отменит ли он некоторые положения указа, которые воспринимались неоднозначно — например, о роспуске Верховного Совета и съезда. Такое вполне могло случиться. Однако в любом случае судебное разбирательство было лучше кровопролития маячившей на пороге гражданской войны. Я подчинился президентскому указу не колеблясь, сложил с себя депутатские полномочия и отказался лететь в Москву на экстренно созванный Съезд народных депутатов.

Нетрудно представить, какой удар в самое сердце получили наши уважаемые оппоненты. Все для них вроде бы складывалось превосходно, желанная цель — возвращение коммунизма — казалась совсем близкой. И вдруг — на тебе...

Сурат немедленно созвал коллегиям областной администрации. Это была уже совсем иная коллегия, чем полгода назад. В адрес президента полетели оскорбления, договорились даже до того, что Ельцин вообще уже не президент и никакие указы его не подлежат исполнению. А раз так, сказал один из членов коллегии, то и господин Никандров никого больше не представляет. Поэтому он должен немедленно покинуть зал заседаний. И Григорий Алексеевич вынужден был удалиться.

Такую же позицию заняли и депутаты областного Совета. Сначала малый Совет, а затем сессия областного Совета категорически отвергли президентский указ. Выражая общую точку зрения, Сурат заявил по областному радио, что указ № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» на территории области выполняться не может. Это означало, ни много ни мало, что местная исполнительная власть окончательно вышла из подчинения главы государства.

Между тем в Москве открылся внеочередной, десятый по счету, Съезд народных депутатов. Разъяренные сторонники Хасбулатова добились-таки наконец того, что прежде им никак не удавалось — отстранили Ельцина от должности, передав его полномочия Руцкому. Но было уже поздно. Сделай они это несколькими днями раньше, до выхода указа № 1400, и все могло произойти так, как мечтали стратеги от КПРФ. Однако Ельцин

их опередил: его указ уже действовал, а решения съезда, стало быть, не имели юридической силы.

Ситуация вокруг высшей государственной власти накалилась до предела. Инициативой безусловно владел президент. Начались трехсторонние переговоры с участием депутатов, представителей исполнительной власти и Конституционного суда при патронаже церкви, чтобы найти политическое решение конфликта на основе компромисса. Они продолжались несколько дней, и казалось, что согласие вот-вот будет достигнуто.

Но не зря КПРФ готовила боевые дружины для уличных боев. Теперь ими был настигнут Белый дом, и они не хотели сидеть сложа руки. Их фюреры неудержимо рвались в бой. Этого же хотели и brave генералы, такие как Руцкой, Макашов. В ночь на 3 октября по призыву вновь испеченного «президента» Александра Руцкого отряды боевиков вышли из Белого дома, захватили городскую мэрию, начали громить телецентр «Останкино» и собирались двинуться на штурм Кремля.

Однако их быстро загнали обратно в Белый дом и в течение двух дней разгромили. 4 октября все уже было кончено.

Мы на Амуре внимательно следили за тем, что происходило в столице. Уже 24–25 сентября стало ясно, что президент полностью контролирует ситуацию, а трудовая Москва на его стороне. Президентская администрация, как говорится, прочно держала руку на пульсе страны, по несколько раз в день получая информацию из регионов. У представителей президента на местах запросили все выступления в печати, на радио и телевидении местных лидеров, и вскоре за отказ выполнять указ № 1400 был освобожден от должности губернатор Брянской области Юрий Лодкин. Никандров тоже получил указание подобрать кандидатуру на пост главы администрации Амурской области. Это означало, что в ближайшие дни будет освобожден и Сурат.

Почему-то важные события часто происходят ночью. Вот и на этот раз телефонный звонок Никандрова поднял меня с постели. Григорий Алексеевич просил немедленно прийти в представительство — есть срочное поручение из Москвы. Какое — это не телефонный разговор.

Несмотря на глубокую ночь, в кабинете Никандрова достаточно много народа. Кроме аппарата представительства, здесь уже Николай Колядинский и кто-то из руководства демдвижения. Все возбуждены, заспанных лиц нет. Мне подадут список кандидатов на пост главы областной администрации, который надо передать в Москву. В нем три фамилии — Кривченко, Колядинский, Полеванов.

— Значит, вопрос с Суратом решен? — смотрю вопросительно на Никандрова.

— Да, — Григорий Алексеевич смертельно устал — которую ночь без сна. — Указ будет сразу о снятии Сурата и назначении нового главы. Вот кого хотим предложить...

Еще раз просматриваю список. Кто такой Владимир Павлович Полеванов? Председатель Амургеолкома, человек новый в области и почти неизвестный амурчанам. На должность руководителя Амурского геологического комитета его рекомендовал председатель Росгеолкома Орлов: мол, мужик передовых взглядов, доктор геолого-минералогических наук, известный даже за границей. Разговор происходил по телефону, Полеванова я не видел. В отличие от многих других министров, и самого Орлова я тоже не знал, но уважал правительство в целом. Поэтому и дал согласие на назначение. Однако поработать в контакте с Полевановым мне почти не пришлось: вскоре недра, которыми распоряжался Амургеолком, были переданы в ведение областного Совета, и шефом Полеванова стал Белоногов. Но они не сработались. Владимир Павлович жаловался, что председатель областного Совета вольно обращается с Законом «О недрах», против чего, дескать, приходится постоянно бороться. Анатолий Николаевич отвечал взаимностью — пытался его убрать.

Одно время Полеванов, что называется, висел на волоске. Белоногов в Москве почти добился его освобождения. Владимир Павлович примчался ко мне: выручайте. Пришлось

успокоить и его, и особенно его жену: без согласия главы областной администрации никто не может освободить председателя Амургеолкома, а я такого согласия не дам.

Через некоторое время, когда губернатором стал Сурат, снятие Полеванова с должности действительно стало реальным. Но тут на его защиту встал Никандров. С большим трудом представителю президента все же удалось отстоять главного геолога области.

Вот все, что мы знали об этом человеке. Конечно, этого недостаточно, чтобы рекомендовать его на роль первого руководителя области. Но в подобных случаях обычно рассматривается лишь первая кандидатура — самая сильная, на ней и останавливаются. Остальные вносятся в список на всякий случай, ради формы. Так что пусть остается.

А вот первая строчка... Решительно вычеркиваю оттуда свою фамилию. Нет уж! Я проиграл выборы, не прошел даже во второй тур голосования. Поэтому возвращаться в губернаторское кресло мне (как, впрочем, и Никандрову) ни в коем случае нельзя. Коммунистическая пропаганда поднимет истошный вой — народ, мол, их «кинул», а они вернулись на штыках.

Эту мысль коммунисты сумеют прочно вбить в головы людям — они на такое горазды. И тут ничего не возразишь. Прежде все, что писали обо мне, была легко опровергаемая клевета, а это, как ни крути, будет правда.

Другое дело — Николай Колядинский. Во время губернаторских выборов он боролся на равных с победителем и уступил ему совсем немного. К тому же аналитический центр администрации президента методом математического анализа установил, что в ряде областей Российской Федерации на выборах губернаторов была подтасовка в пользу кандидатов компартии. В числе таких областей оказалась и Амурская. Причем Сурату было приписано огромное число голосов. Эта информация была опубликована в центральной печати, и люди о ней узнали. Так что приход Николая Федоровича в губернаторский кабинет, может быть, станет восстановлением справедливости?

Эти соображения я высказал вслух, однако их никто не захотел слушать. Все считали, что мне непременно нужно вернуться на прежнее место, а на коммунистическую пропаганду, мол, наплевать.

Я попросил тайм-аут, чтобы подумать. Вышел на главную площадь города. Она была освещена огнями и, как всегда, красива, но безлюдна — глубокая ночь.

Надо собраться с мыслями, но память неожиданно унесла в далекое прошлое, когда здесь еще не было ни площади, ни фонтана, ни гостиницы, а на целый квартал протянулся лесопильный завод. Где-то здесь темной августовской ночью 1945 года мой отец со своими боевыми товарищами переправлялся на тот берег Амура, чтобы добить последний оплот Второй мировой войны — японский милитаризм. Это было священное место для нашей семьи, как и все другие, где проходили фронтовые дороги отца.

Спустя много лет на территории лесозавода уже мне пришлось участвовать в настоящем сражении за спасение своего города. Тогда, в июле 1958-го, в дни празднования 100-летия Благовещенска, на него с двух сторон обрушилось наводнение невиданной силы — специалисты-гидрологи называют такие катастрофическими. Все население вышло на берег с лопатами, носилками, ведрами и прочим инвентарем, чтобы окружить город дамбой. Пришло подкрепление из Свободного, Белогорска, других населенных пунктов, но положение было настолько серьезное, что прилетела правительственная комиссия из Москвы — для оказания экстренной помощи.

Я на грузовике «ЗИС-5» возил песок на территорию лесозавода. Десятки рук в считанные минуты перегружали грунт из кузова в мешки, которые тут же укладывались в дамбу. Карьеры находились в районе тюрьмы, туда согнали все имеющиеся экскаваторы, но их было мало, длинные очереди машин забили все подъезды.

А на лесозаводе становилось все тревожнее — вода прибывала, дамбу в любой момент могло прорвать. Вспоминаю чей-то истошный крик: «Промывает!». Сворачиваю

свой грузовик на голос, и его тут же опорожняют десятки рук. Спасибо правительственной комиссии — в мешках нехватки нет.

Несколько дней и ночей продолжалась эта схватка. И только когда подъем воды прекратился, люди почувствовали, как устали и как хотят спать. Тех, кто непрерывно работал, отпустили вздремнуть, на берегу осталась дежурить молодежь. Весь берег освещен. Звучит музыка, танцуют, поют, радуются. А как же — отстояли город!

Почему сейчас вспомнилось это? Не знаю. Может быть, потому, что то был важный момент в моей жизни, который впервые заставил поверить в свои силы.

Однако что же делать сейчас? Конечно, хотелось бы продолжить начатое, но ведь это может сделать Колядинский. В 1991 году, после августовского путча, когда выбор президента пал на меня, альтернативы моей кандидатуре не было. А теперь есть. Колядинский тоже рыночник, да к тому же без пяти минут кандидат экономических наук — специалист именно по рыночной экономике. На него наверняка не будет такого мощного наката, как на меня, о нем не смогут сказать, что это он и только он развалил экономику области. Да и «о штыках» говорить поостерегутся. Стало быть, губернатором должен стать Николай Федорович Колядинский, и раздумывать тут нечего.

Возвращаюсь в кабинет Никандрова, и все начинается сначала. Я стою на своем, остальные — на своем. Единственное, на что соглашаюсь — быть в списке третьим. Если, говорю, первые двое не подойдут, тогда... Но это так, чтобы успокоить общественность. Практически же дело до третьей кандидатуры не дойдет — мне это ясно.

Наконец вроде договорились. Никандров принялся готовить бумаги в Москву. Теперь на первом месте будет Колядинский, на втором — Полеванов и на третьем — я. Отлучаюсь по каким-то делам часа на два, а возвращаюсь — тут опять раздрай. Оказалось, в последний момент вдруг спасовал Колядинский — начал убеждать всех, что на первое место следует вынести Полеванова, а его, Колядинского, передвинуть на второе.

Демократы пришли в ярость. Колядинского знали и как мэра Белогорска, и как заместителя главы областной администрации, его рыночные и демократические убеждения не являлись ни для кого секретом. Полеванов же был темной лошадкой, которую никогда не видели даже на дальних подступах к демдвижению.

— Поймите же, он сильнее меня, — доказывал Николай Федорович. — Может быть, даже выше на целую голову. Связка Полеванов — Колядинский будет намного мощнее, чем связка Колядинский — Полеванов.

Николай Федорович долго убеждал в этом всех, ссылаясь на то, что во время губернаторских выборов, когда Полеванов возглавлял его штаб, хорошо разглядел его способности и понял, какой это зрелый муж.

Хоть и не сразу, с большой неохотой, мы с Никандровым все же согласились перенести Полеванова со второго места на первое. Однако остальные по-прежнему были при своем мнении. Группа демократов во главе с Людмилой Кочаловской решила направить в администрацию президента свое особое мнение, требуя назначить главой администрации области меня. Что ж, демократия так демократия...

Во второй половине дня Никандрову позвонил по ВЧ начальник управления администрации президента Николай Медведев, мой старый знакомый по Верховному Совету. Поговорив с ним минуты две, Григорий Алексеевич передал трубку мне.

— Слушай, а ничего вы в списке не напутали с кандидатами? — поздоровавшись, спросил он. — Ваш список следует с начала читать или с конца?

— Читай как написано, — я принялся излагать ему свою точку зрения.

— Н-да, — вздохнул Николай Павлович, — говоришь убедительно. И все-таки назначать человека, не очень нам известного, не опрометчиво ли?

— Не сомневайся. Мы ведь все будем рядом. Кстати, Полеванов сейчас находится в Москве, мы его разыщем и направим к тебе. Сам его послушай.

— Ну хорошо.

5 октября 1993 года центральное радио сообщило, что за действия, направленные на неисполнение Указа Президента № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации», воспрепятствование осуществлению избирательных прав граждан Указом Президента Российской Федерации № 1482 А.В. Сурат освобожден от обязанностей главы администрации Амурской области. Исполняющим обязанности главы администрации Амурской области назначен Полеванов Владимир Павлович.

— Все же не решились сразу назначить главой, — сказал я Никандрову.

— Значит, не очень он им приглянулся, — покачал головой Григорий Алексеевич.

Возможно, такое решение и было правильным, но тут таилась своя опасность. Зная, что кандидатура будет рассматриваться еще раз, коммунисты начнут усиленно набирать на Полеванова компромат. Это у них излюбленное и давно проверенное оружие. И действительно, вскоре Никандров сообщил, что поиск компрометирующего материала против Полеванова ведется полным ходом. И по прежнему месту работы — в Магаданской области, и здесь. Григорий Алексеевич связался по ВЧ с Медведевым, попросил ускорить перевод Полеванова в «полные» губернаторы, однако Николай Павлович возразил: пусть сначала себя проявит, а там посмотрим.

Оно бы, конечно, ничего, да вот заковыка: ключевые посты в администрации президента занимали не только выходцы из демократического крыла Верховного Совета, но и недавние аппаратчики ЦК КПСС, которые даже сидели в своих прежних кабинетах на Старой площади. Некоторые не скрывали своей радости по поводу недавней победы на губернаторских выборах коммунистических кандидатов. Сейчас, получив даже тонюсенькую папочку с неким подобием компромата против Полеванова, они наверняка сделают все, чтобы его убрать.

И я решился... Решился на единственно верный, как нам представлялось, шаг — выйти прямо на Бориса Ельцина, минуя его администрацию.

В конце ноября рано утром я вручил улетающему в Москву Полеванову личное письмо президенту. Оно было небольшое и заканчивалось словами: «Поэтому убедительно прошу Вас, Борис Николаевич, как можно скорее назначить В. Полеванова «полным» главой администрации Амурской области. Это именно тот человек, который сможет спокойно и уверенно, решительно и настойчиво, последовательно и умно проводить на Амуре политические и экономические реформы».

Полеванов прочитал текст, поблагодарил, сказал, что во время совещания непременно передаст письмо лично в руки президенту. Не предполагал я в ту минуту, что очень скоро буду краснеть за это письмо, особенно за его последние строки, что оно станет самой большой ошибкой в моей жизни.

Через несколько дней Полеванов отдал письмо Ельцину. А еще через некоторое время он стал губернатором Амурской области без приставки «и. о.».

Бумеранг

В середине октября 1993 года в Москве состоялся съезд Всероссийского общественно-политического движения «Выбор России». От нашей области в его работе приняла участие представительная делегация. Обсуждался вопрос о выдвижении кандидатов в новый парламент, об участии движения в выборной кампании. Неожиданно в Доме кинематографистов, где проходил съезд, появился Полеванов. Он не являлся делегатом и вообще никогда прежде не участвовал в демократических сходах и форумах. А тут вдруг бросил все дела и примчался из правительства на другой конец города да еще каким-то образом сумел пробиться через мощный кордон охраны.

— Вечером улетаю домой, а сейчас образовалось «окно», — объяснил он, когда мы встретились в фойе. — Хочу послушать демократических лидеров. Думаю, для меня это будет полезно.

— Что верно, то верно, — поддержал я его. — Пора начинать приобщаться к большой политике. Давай-ка я тебя кое с кем познакомлю.

Первым «большим» человеком, встретившимся на нашем пути, был руководитель администрации президента Сергей Филатов. Как высокое должностное лицо, он не входил в демдвижение, но работал в тесном контакте с его лидерами и всегда присутствовал на демократических форумах.

— Вот, Сергей Александрович, наш новый губернатор, — представил я ему Полеванова. — С ним мы связываем большие надежды.

— Это хорошо, — сказал Филатов, пожимая нам руки. — Найти нужного человека, которому всецело доверяешь, уже половина успеха. У вас есть ко мне вопросы? — повернулся он к Полеванову.

— Да, да, Сергей Александрович, — закивал Полеванов. — Как вы смотрите, если мы приостановим деятельность нашего областного Совета?

— Что, сильно мешает работать?

— Да. Очень он у нас реакционный.

— Если так, то мы вам поможем, — согласился Филатов. — Сделаем это указом президента. Как в Екатеринбурге.

— Нет, нет, — решительно запротестовал Полеванов. — Не стоит. Я сделаю это своим постановлением.

— Даже так? — Филатов посмотрел на него с удивлением, пожал плечами. — Ну что ж, если найдете законные основания — пожалуйста.

И, откланявшись, глава президентской администрации направился в конец фойе, где стояли Егор Гайдар, Сергей Юшенков, генерал Эдуард Воробьев и еще кое-кто из руководства демдвижения.

Слова Полеванова меня озадачили. Я ожидал услышать от него любых вопросов и жалоб, но такого... Его желание избавиться от злобных наскоков Совета было понятно и достойно поддержки, но почему он отказался от предложения Филатова распустить Совет указом президента, как сделали в Екатеринбурге? Почему решил сделать это сам? Захотел славы? Но это может закончиться черт знает чем прежде всего для самого Полеванова.

— Послушай, Владимир Павлович, — сказал я, когда Филатов удалился на достаточное расстояние. — О каком постановлении главы ты говоришь? Нет у тебя права распускать областной Совет. Не подчинен он тебе.

— Да не распускать, а только приостановить деятельность, — конфузливо проговорил Полеванов.

— Распустить, приостановить — какая разница? Будь у главы хоть намек на такое право, я бы уже давно это сделал. Уж кому-кому, а нашей администрации Совет принес столько зла — самому заклятому врагу не пожелал бы. Но увы... правовая база не позволяет.

— Ничего, мы такую базу найдем, — примирительно сказал он. — Все будет в норме, вот увидите.

Несколько секунд я раздумывал. Таких лихих кавалеристов, которые выхватывали из ножен шашки всякий раз, когда поднимались на трибуну, в нашем демдвижении имелось предостаточно. Но это, как правило, были люди малообразованные, низкой культуры, ни перед кем ни за что не отвечающие. Полеванов же не производил впечатления малокультурного человека и к тому же как губернатор нес колоссальную ответственность за каждый свой шаг.

— Давай сделаем так, — предложил я наконец. — Пока я не вернусь со съезда, никаких постановлений не подписывай. А не то, неровен час, наломаешь таких дров! Еще шею себе свернешь.

Он обещал до моего приезда ничего не предпринимать.

Естественно, вернувшись из Москвы, я первым делом отправился к нему в кабинет. Проект постановления главы администрации о приостановлении деятельности Совета уже

был подготовлен, но еще не подписан. Не знаю, кто его сочинял, но юристы при этом явно не присутствовали. Как и следовало ожидать, Полеванов не сумел найти юридической базы для оправдания своих действий. Приостановить деятельность Совета он собирался лишь на том основании, что последний мешает ему работать, проводить реформу.

— Ты понимаешь, что кладешь свою голову на плаху? — в сердцах спросил я. — Нельзя подписывать этот документ, нельзя. Нет у тебя на это права.

Мы принялись скрупулезно изучать последние указы президента. Однако это ничего не дало. Наоборот, в одном из них было четко сказано, что в период поэтапной конституционной реформы краевые и областные Советы продолжают функционировать вплоть до новых выборов. Все, кроме Свердловского (Екатеринбургского), уже распущенного президентом. Никаких других исключений Борис Ельцин не допускал.

Впрочем... Одну маленькую зацепочку удалось-таки найти. Чисто символическую, даже, скорее, виртуальную, выражаясь нынешним словечком. Оказалось, что губернатор все-таки вправе распустить представительный орган власти до истечения срока его полномочий, если последний не может собраться из-за отсутствия кворума.

Признаться, эта мера поначалу показалось мне надуманной. Даже высосанной из пальца. Ну какой уважающий себя орган власти допустит, чтобы у него не было кворума? Перемудрили в администрации президента, не знают реальной жизни. Но случилось невероятное — именно в такой ситуации оказался наш Амурский областной Совет! Уже дважды Белоногов пытался собрать депутатов на сессию, но каждый раз они не являлись.

Для Полеванова это был единственный шанс добиться желаемого, не нарушая закона. Мы тут же подготовили новый проект постановления, и Владимир Павлович с ходу его подписал. Но как поступить дальше? Именно в этот день Белоногов предпринимал третью отчаянную попытку собрать депутатов на сессию, поэтому посылать ему постановление как обычно, через секретаря, было нецелесообразно. Решили, что будет лучше, если глава лично спустится к депутатам и до начала сессии объявит о своем решении. Конечно, посыплются вопросы, появятся недовольные. Но им придется объяснить, что конституционная реформа в России не может ждать, когда отдельно взятый Совет соизволит собраться на свою сессию, поэтому он и распущен на основании указа президента.

Вроде бы все было логично. Однако в последний момент Полеванов спасовал. У него не хватило духу лично сообщить депутатам о своем решении. Как рассказывали потом Никандров и Колядинский, спустившись в зал заседаний, он несколько раз порывался это сделать, но так и не решился раскрыть рта.

С третьей попытки депутаты все-таки собрались. Хоть и на пределе кворума, сессия состоялась. Это выбило у Полеванова все карты. Теперь у него вообще не было права принимать какие-то решения по поводу представительного органа власти.

Каково же было наше удивление, когда 20 октября, рано утром, местное радио сообщило о приостановлении деятельности областного Совета. И был зачитан первый вариант постановления, который мы с Никандровым однозначно отвергли. Я позвонил Григорию Алексеевичу:

— Слышал?

— Слышал, — вздохнул он. — Володя начал зарываться. Это плохой признак.

Я был раздосадован не меньше Никандрова. Представил, что сейчас начнется в Доме Советов, какой тарарам устроят средства массовой информации. Опять на демократов будут вешать собак, а мы и возразить ничего не сможем. Ах, Полеванов, Полеванов...

Но ничего особенного не произошло. В кабинетах областного Совета отключили телефоны, сами кабинеты опечатали, с фасада здания сняли вывеску. У парадного входа и в коридорах появились наряды милиции, которые не пропускали на рабочие места ни депутатов, ни работников аппарата Совета. Не пустили и самого Белоногова. И могущественный, задиристый, не в меру горластый областной Совет даже пикнуть в ответ

не посмел. Не было забастовок в его защиту, никто не объявлял голодовок, никаких самосожжений в знак протеста!

Между прочим, точно так же было в августе 91-го, когда Ельцин подписал указ о приостановлении деятельности КПСС. Многомиллионная, могучая и грозная партия, семь десятилетий владывавшая на одной шестой части планеты, тоже рухнула в одночасье — без протестов, без митингов, без какого-либо сопротивления.

Анатолий Николаевич, как говорилось в постановлении Полеванова, теперь находился в «состоянии вынужденного простоя». Эта издевательская формулировка означала, что председатель Совета больше не имел рабочего кабинета и телефона, служебной «Волги» с водителем и четырех секретарш в приемной, не мог рассылать депеши по области и звонить в Москву по ВЧ. Но самое главное — у него теперь не было возможности отменять постановления и распоряжения главы администрации, что прежде, надо полагать, так ласкало и согревало его душу.

Единственное, чего Полеванов не мог лишить Белоногова, так это права писать жалобы на произвол и беззаконие, чинимые губернатором. И Анатолий Николаевич начал отправлять в Москву челобитную за челобитной — в генеральную прокуратуру, администрацию президента, правительство, Государственную Думу, Совет Федерации.

Однако в Москве словно сговорились. Во всех инстанциях ему сочувствовали, разъясняли, что губернатор не вправе приостанавливать деятельность областного Совета, удивлялись — как и. о. губернатора Амурской области мог позволить себе такое? Но никаких мер к зарвавшемуся администратору никто не применял.

Наконец пришло обнадеживающее письмо Генерального прокурора Алексея Казанника. Верховный страж закона поручил прокурору Амурской области Владимиру Теркину разобраться в конфликте между администрацией и Советом, незамедлительно принять меры прокурорского реагирования и об исполнении доложить в Москву.

«Незамедлительно» — это как скоро? Амурский страж закона принимал меры прокурорского реагирования аж полтора месяца. Лишь на 46-й день «состояния вынужденного простоя» Анатолий Николаевич получил, наконец, от него письмо, в котором говорилось, что... прокуратура не находит оснований для вмешательства в данный конфликт, но если, мол, господин Белоногов желает, то может обжаловать действия губернатора в суде.

Прочитав это письмо, Анатолий Николаевич, как утверждает молва, стал краснее раскаленной болванки. Уж от кого, от кого, а от милейшего Владимира Ефимовича он никак не ожидал такой мерзопакости. Совсем недавно Теркин верой и правдой служил своей партии, делал все, что требовал от него областной Совет. И надо же: едва власть переменилась, как он сразу же переметнулся к новому хозяину.

Почертыхавшись, Белоногов подал иск в арбитражный суд. Там его мило выслушали и... отфутболили в судебную коллегия по гражданским делам областного суда. Здесь поначалу исковое заявление приняли, но через три месяца еще раз отфутболили — в тот же самый арбитражный суд. Однако арбитражники заняли круговую оборону: не наше, мол, это дело — разбираться в таких конфликтах. Словом, закружилась бюрократическая круговерть, которую великий Аркадий Райкин в свое время назвал «запустить дурочку»

Говорят, зло рано или поздно бумерангом возвращается к тому, кто его породил. Творивший беззаконие сам нередко испытывает его на собственной шкуре. Понимал ли Белоногов, направляя челобитные во все инстанции и получая оттуда отписки, что это и есть бумеранг, пущенный им самим? Вспоминал ли, сколько раз сам он, будучи облеченным высокой властью, издевался над законами?

Теперь к нему возвращались даже мелкие гадости, которые когда-то он делал другим. Помните, как, пользуясь правом собственника, областной Совет лишил администрацию кабинетов и автомашин, обслуживавших прежде облисполком? Сейчас произошло нечто подобное, но с точностью до наоборот.

Как раз в это время сдавался 70-квартирный жилой дом, построенный на средства областного бюджета. Котлован под здание вырыли еще в те стародавние времена, когда областной Совет и облисполком составляли единое целое. Естественно, и квартиры там должны были стать общими. Но по старой доброй традиции стройку растянули на многие годы, нашей администрации, кроме котлована, достался еще и недостроенный фундамент. Получив это наследие, мы менее чем за год возвели все пять этажей здания и начали отделку квартир, но делили их уже при Сурате.

И вот теперь, перед заселением, 70-квартирный дом оказался в полном распоряжении Полеванова. Владимир Павлович посчитал, что шесть квартир для депутатов областного Совета и его аппарата слишком много, хватит и двух, изъял четыре квартиры в пользу администрации.

Между тем миновал март 1994 года — срок, когда в соответствии с новой Конституцией должны были проходить выборы представительных органов власти в субъектах Федерации. Они состоялись по всей России, кроме Амурской области. У нас по-прежнему продолжала действовать одна ветвь власти — исполнительная. Выборы другой ветви власти — представительной — губернатор вопреки нормам Конституции перенес на осень.

Анатолий Николаевич начал новый виток жалоб — в Государственную Думу, Совет Федерации, генеральную прокуратуру, Верховный суд.

Золотой губернатор

Признаться, решительность и бескомпромиссность нового губернатора на первых порах даже нравились. Разгон областного Совета хотя и был незаконным, но продиктовано благими намерениями. В конце концов администрация должна работать, а при наличии такого Совета это было практически невозможно.

Но восторги новым руководителем области продолжались лишь до тех пор, пока из его титула не исчезла приставка «и. о.». Едва Полеванов стал «полным» главой, как его словно подменили. Беглый набросок полевановского портрета, сделанный впопыхах Колядинским, теперь мало соответствовал оригиналу. С каждым днем к этому портрету добавлялись новые штрихи, в корне меняющие весь портрет.

Очень скоро те, кто имел дело с администрацией, заговорили о коррупции, захлестнувшей исполнительную власть. Многие отмечали, что Полеванову удалось собрать вокруг себя команду единомышленников, но вот единомыслие ее было направлено лишь на достижение личной наживы.

Первым на этой скользкой стезе засветился ближайший сподвижник Полеванова — его первый зам Владимир Дьяченко. Один из корифеев амурской журналистики Александр Филоненко посвятил ему блестящую статью с интригующим заголовком — «Он, конечно, не Рабинович, но тоже немножко шьет».

При чем тут Рабинович? — спросит читатель. А есть такой анекдот. Спрашивают у одессита Рабиновича: «Как бы ты жил, если бы был царем?» Я бы жил лучше, чем царь, отвечает Рабинович, потому что я бы еще немножко шил».

Рассказав этот анекдот, Александр Филоненко поведал удивленным землякам, что, оказывается, первый заместитель главы администрации Владимир Дьяченко хоть и не одессит, но, чтобы жить лучше, тоже «шьет». А именно: будучи высоким государственным чиновником, является еще и президентом частной фирмы, на расчетный счет которой, то есть самому себе, перевел немалые суммы из областного бюджета. Филоненко даже копию платежного поручения опубликовал рядом с текстом, чтобы уж до конца подтвердить факт коррупции.

После этого фраза Филоненко о шитье стала крылатой. Когда еще кого-нибудь уличали в коррупции, то говорили: «Он тоже шьет».

Не успели улечься страсти вокруг этой статьи — новая сенсация: оказывается, «шьет» и сам губернатор. Да не «немножко», как одессит Рабинович, а с большим размахом, приличествующим его высокому сану.

В отличие от своего первого зама Владимир Павлович с некоторыми ближайшими единомышленниками открыто учредил коммерческую фирму — корпорацию «Зея», вошел в совет ее учредителей и перевел в уставный фонд фирмы 300 миллионов рублей из областного бюджета. А от кого ему было таиться, ведь в области осталась единственная власть — полевановская.

Для начала учредители, то есть Полеванов и К°, решили выпустить акции своей фирмы аж на 50 миллиардов рублей. Акции ни под что, как это сделала печально прославившаяся на всю страну «МММ». При уставном капитале всего лишь в 300 миллионов рублей затея эта была, мягко говоря, не очень в ладах с законодательством. К тому же за выпуск ценных бумаг на такую огромную сумму полагалось внести в областную казну единовременный сбор в размере 250 миллионов рублей, чего «Зея» сделать никак не могла.

Но не зря Владимир Павлович к тому времени уже прослыл решительным и бескомпромиссным. Финансовое управление администрации получило его строжайшее письменное распоряжение оформить регистрацию проекта выпуска акций «с частичным отклонением от установленных требований и без оплаты сбора».

Возможно, и в нашей области вскоре заговорили бы о своем амурском «МММ», если бы не вмешалось казначейство Минфина. Начальник управления казначейства по Амурской области Эльвира Харченко категорически воспротивилась выпуску «дугых» акций. Как ни крут был глава администрации, а перед Минфином пришлось отступить.

Зато потом... В область начали поступать льготные кредиты под завоз продовольствия, топлива и горючего в районы Крайнего Севера. Кредиты большие, но строго целевые — от их использования зависела зимовка северян. Тут уж Владимиру Павловичу никто не мог помешать — этими деньгами он распоряжался лично. И губернатор не стал скупиться — отвалил своей корпорации «Зея» аж миллиард рублей.

Конечно же, коллеги Полеванова по бизнесу не собирались сами завозить в северные районы ни уголь, ни бензин, ни продукты питания. Они просто-напросто перевели 100 миллионов рублей другой фирме, которая действительно занималась северным извозом. Но из этой суммы вычли 15 миллионов рублей в качестве комиссионных. Такая бешеная прибыль была получена корпорацией «Зея» всего за несколько минут и, как говорится, буквально из воздуха.

Остальные 900 миллионов рублей тоже разошлись по разным счетам и фирмам. Проследить за их движением и использованием оказалось не под силу даже могущественному казначейству.

Меня эти финансовые махинации сильно встревожили. Я пришел в кабинет Полеванова и спросил прямо: ведает ли он, что творит? Вместо ответа Владимир Павлович отвел меня в заднюю комнату, налил горячего кофе, поставил на стол вазочку с печенюшками и приготовился слушать дальше. Я высказал все, что думал о его неблаговидных делах, а в конце предупредил, что если он не прекратит такие штучки, то угодит за решетку.

Полеванов слушал, кивал и вроде бы соглашался. Но едва за мной закрылась дверь, он позвонил Никандрову и сказал, что от Кривченко надо держаться подальше и не давать ему никакой информации.

Однако Григорий Алексеевич был всецело на моей стороне. Выслушав его, Полеванов молча положил трубку. А через некоторое время Никандрову позвонил один из руководителей администрации президента и сказал с укором:

— Кого вы нам порекомендовали, черт побери. К Борису Николаевичу обратилась группа губернаторов, живущих не в ладах с законами. Просят, чтобы он упразднил в

регионах своих представителей. Оно и понятно, таким удельным князьям не по нутру контроль со стороны главы государства. В этой компании оказался и ваш Полеванов.

Мы и сами уже начали понимать, что поступили опрометчиво. Малоизвестный нам варяг, которому с нашей подачи президент вручил огромную власть, оказался далеким от демократии и совершенно не озабоченным нуждами области. Наша мать-кормилица Амурская земля была для него лишь очередным проходным коридором, по которому он намеревался пройти с большой выгодой для себя.

После северных кредитов губернаторский взор пал на областной фонд социальной поддержки населения, из которого финансировалось приобретение автомобилей для инвалидов Великой Отечественной войны. Эти автомобили служили старичкам определенный срок, а потом заменялись новыми. В 1992 году, когда цены на транспортные средства сильно подскочили, этот фонд нас здорово выручил: мы смогли заменить машины всем, кому было положено. Сделали это и в начале 1993 года.

Теперь то же самое предстояло Полеванову. Оценив возможности фонда, он заявил по местному радио, что люди старшего поколения, потерявшие здоровье на полях сражений, заслуживают большего, чем бесплатный «Запорожец». Поэтому отныне они будут получать не какие-то там колымаги украинского производства, а комфортабельные машины из Южной Кореи. Это, сказал Полеванов, делается впервые в России по его личной инициативе, и он свою программу будет держать под контролем.

О столь благородном порыве губернатора восторженно рассказывали все местные средства массовой информации. В назначенный день на площади имени Ленина областного центра собралось множество народа. Сорок иномарок ярко-красного цвета стояли в ряд, радуя глаз. Их вручал счастливым старичкам сам губернатор, ему помогал руководитель частной фирмы «Даурия» Александр Жандаров. Было официально объявлено, что данная фирма внесла в дело покупки автомобилей неоценимый вклад. Невольно подумалось: и у нас, слава Богу, есть меценаты, способные делать людям добро.

Однако вскоре выяснилось, что эти сорок иномарок — первые и последние в полевановской программе. Что еще шестьдесят три инвалида, для которых тоже подошел срок менять изношенный транспорт, не получают ничего — ни южнокорейских иномарок, ни украинских «запорожцев». Потому что все деньги, выделенные на закупку автомашин, уже истрачены.

Оказалось, что «Даурия» вовсе не фирма-меценат, а всего лишь посредник в коммерческой сделке. И приобрела она инвалидные машины не за свои кровные: областной фонд социальной защиты населения выделил ей аж 562 миллиона 840 тысяч рублей. На эти деньги можно было бы купить с учетом железнодорожного тарифа 140 «запорожцев», которых хватило бы всем инвалидам войны, да еще инвалидам труда и детства осталось бы.

Однако «Даурия» сразу же изъяла из перечисленных денег 50 миллионов 400 тысяч рублей — за посреднические услуги. А на остальные деньги закупила микролитражки не у завода-изготовителя, а у посреднической южнокорейской фирмы по такой сумасшедшей цене, которую и назвать то вслух было боязно. По данным торгово-промышленной палаты, южнокорейские микролитражные автомобили «Беста» тогда стоили 1790 долларов, что по тому курсу соответствовало примерно 4 миллионам рублей. «Даурия» же заплатила за каждую «Бесту» по 12–13 миллионов рублей в зависимости от марки. Вот и получилось вместо 140 всего 40 машин.

В истории бывали случаи, когда госчиновники закупали за счет казны не совсем достойный товар по завышенным ценам. Объяснялось это всегда одинаково — чиновнику давали взятку. Уже за сам факт такой покупки государство сурово карало виновных. А Полеванов не только никого не покарал, он лично вел переговоры и подписал контракт с южнокорейской фирмой от имени «Даурии» в качестве ее первого лица.

Щепетильные международные юристы не нашли в этом никакого нарушения и признали контракт законным. Сие означало, что, являясь губернатором области,

Полеванов одновременно возглавлял и частную фирму. Я попытался проверить, так ли это? Однако меня пригласили в машину, отвезли в безлюдное место и, обыскав на предмет обнаружения скрытого диктофона, провели со мной очень крутую беседу. В частности, предупредили, что каждый шаг местных демократов-правдолюбов контролируется, и с тем, кто контролирует, мол, шутки плохи.

Словом, как ни шумели фронтовики, а так и остались ни с чем. Губернатор сделал им личный «подарок» за счет их же боевых товарищей. То есть попросту обобрал на старости лет несколько десятков заслуженных и уважаемых людей.

Войдя во вкус, бывший главный геолог основательно взялся и за свою родную золотодобывающую отрасль. Она, эта отрасль, оказалась для него поистине золотым дном. В кабинет Владимира Павловича зачастили представители старательских артелей, и каждый уходил оттуда довольный.

Для Амурской области золотодобывающая промышленность настоящая палочка-выручалочка — в дотационном бюджете области львиную долю составляет плата за недра, которая взимается по нормативам, учитываемым Министерством финансов при утверждении годовых бюджетов.

И вдруг в середине лета, когда все нормативы были давно утверждены, губернатор стал задним числом снижать их — кому в полтора, кому в два, а кому и в три раза. Постановления об уменьшении платы за недра стали выходить из-под его пера, как блины. Но, в отличие от других актов местного нормотворчества, ни одно из них не попало в печать для всеобщего ознакомления. Оно и понятно: ведь эти «благотворительные» жесты губернатора наносили серьезный ущерб бюджету области. Помимо уменьшенной платы за недра многие старательские артели получили еще одну льготу — перестали платить подоходный налог. Раньше в соответствии с законом этой льготой пользовались лишь те, кто работал на некрупных по запасам месторождениях. Сейчас же Полеванов повелел временно, до конца 1994 года, считать некрупными и те месторождения, которые прежде к этой категории не относились.

Лишившись столь серьезного источника поступления средств, областная казна быстро опустела. Затрещали по швам социальные программы, разработанные еще первой администрацией. Даже участники войны и военного тыла, солдатские вдовы и семьи погибших кормильцев — всего 22 тысячи человек — во втором полугодии 1994 года лишились льгот по оплате жилья, топлива, электроэнергии, телефона, лекарств. Надолго остались без зарплаты многие педагогические коллективы. В ответ на это в самом золотодобывающем Зейском районе уволились сразу все учителя шестнадцати средних школ из семнадцати.

Такой неожиданный поворот встревожил власти на местах. Из городов и районов в областную администрацию хлынули просьбы: помогите деньгами. Действительно, зияющие дыры в бюджете надо было срочно чем-то затыкать. И Полеванов нашел чем: запустил руку в областной фонд обязательного медицинского страхования. Оттуда было извлечено и направлено на нужды, которые прежде финансировались из бюджета, аж 5 миллиардов рублей.

Вообще-то этот фонд Полеванову не подчинялся. Деньги в нем были немалые, но они принадлежали не государству, а тем, кто их вносил — рядовым гражданам, имеющим «привычку» время от времени болеть. Когда принимали закон о фонде, имелось в виду, что при обращении в поликлинику или больницу каждый будет предъявлять медицинский полис и фонд станет перечислять за лечение нужные суммы. Таким образом предполагалось значительно улучшить качество медицинского обслуживания населения.

В каждом регионе у фонда имелись свои правления, которые и распоряжались средствами. Законом предусматривалось, что никто не имеет права взять из фонда ни копейки. Но Полеванов выгреб оттуда все, что там накопилось, а действие закона на территории области «перенес» на более поздний срок.

Так и повелось: не успевали верноподданные отойти от одного потрясения, как губернатор преподносил им новое. С 1 сентября он своим постановлением повысил плату за телефон почти в три с половиной раза, хотя естественный монополист в этой сфере — акционерное общество «Амурсвязь» — и без того было одним из самых высокодоходных в области. Его рентабельность составляла 37 процентов — за рубежом такие бешеные прибыли никому и не снились. Теперь же за счет опустошения народных кошельков рентабельность АО подскочила аж до 115 процентов.

Почему губернатор проявил такую щедрость по отношению к некоторым АО, ТОО и другим процветающим фирмам в ущерб большинству населения области, догадаться нетрудно. Но вот взять его за руку, как говорится, не отходя от кассы, оказалось некому.

Правда, попытки воспрепятствовать финансовым махинациям главы администрации все-таки предпринимались. Его авантюру с южнокорейскими автомобилями, например, пытался пресечь начальник областного собеса Юрий Паншин. Но Полеванов провел с ним такую крутую беседу, что тот немедленно подал в отставку — за полтора года до выхода на пенсию.

Пробовал было возражать губернатору и исполнительный директор фонда обязательного медицинского страхования Виктор Окунев. На незаконные действия Полеванова он даже пожаловался в Москву. Однако мгновенно слетел с должности, на его место Владимир Павлович поставил свою жену, и все стало о'кей.

Тропа беззакония всегда усыпана терниями. Идущий по ней должен уметь либо обходить их, либо убирать. Рожденный под знаком Скорпиона, Полеванов предпочитал последнее — убирать. Но не всегда его крутые меры приносили успех. Никакого сладу не было с начальником управления федерального казначейства Минфина по Амурской области Эльвирой Харченко. Она игнорировала все требования и указания Полеванова, которые считала незаконными. Таким же неуступчивым оказался и начальник управления Центробанка России по Амурской области Юрий Корнилов.

Против Корнилова Полеванов пытался применить старый партийный прием: направил в Центробанк информацию, что у амурских медиков есть основания считать главного банкира области психически неполноценным. На этом основании глава администрации требовал освободить его от занимаемой должности.

Но не сработало. Корнилов прошел обследование в Москве в нескольких клиниках, в том числе и в Центре подготовки космонавтов. И там ни у кого не возникло даже тени сомнения в его полноценности.

Оба этих финансовых стража не давали Полеванову спать спокойно. А тут еще представитель президента занял их сторону, демократическая общественность «ощетинилась»...

Обвал

После освобождения с поста губернатора я мог уехать в Москву на высокую должность, но решил этого не делать. Во-первых, подошел срок уходить на пенсию, а, во-вторых, требовалась серьезная помощь местному демократическому движению. Переговорил с руководителями президентской администрации Сергеем Филатовым и Вячеславом Волковым — они меня поддержали.

Созданное нами летом 1993 года Всероссийское общественно-политическое движение «Выбор России» успешно выступило в декабре того же года на выборах в Государственную Думу, получив больше 16 процентов голосов избирателей. Это был большой успех молодой российской демократии. Однако стало очевидно, что при всех плюсах движение все же не может заменить партию — более организованную и целеустремленную, имеющую достаточно сильный освобожденный аппарат.

В течение лета 1994 года лидеры «Выбора России» занимались подготовкой к созданию партии. Мы на Амуре делали то же самое. Однако у нас работа продвигалась быстрее — сказались отсутствие идеологических разногласий. Чтобы не терять темп, решили сначала создать свою региональную партию, которая потом вольется в общероссийскую. При подготовке программы и устава разногласий тоже не возникло. А вот по поводу названия партии пришлось поспорить.

Вообще-то для либеральной партии демократической ориентации лучше всего подходило название «либерально-демократическая». Но его уже монополизировал Владимир Жириновский, хотя это название и не отвечало сути его партии. Наименование «Выбор России» тоже не устраивало. Какой выбор? После долгих дискуссий решили назвать свою организацию — Партия «Демократический выбор России». Посылая своих представителей в подготовительную комиссию учредительного съезда, дали наказ: отстаивать именно это название.

Наши посланцы Борис Малышев, Павел Алексеенко и другие привезли в Москву уже готовые программу и устав. Для подготовительной комиссии они оказались хорошим подспорьем. По предложению амурчан комиссия включила в партийную программу раздел о местном самоуправлении, взятый целиком из нашего документа.

А вот название партии из предложенных делегатами с мест не было принято ни одно. Предложений поступило очень много, но каждая группа отстаивала только свое, не признавая больше никаких. В конце концов список передали Егору Гайдару, чтобы он предложил съезду какое-то одно.

Егор Тимурович и сделал это, открывая съезд. Он сказал, что больше других партии подходит название «Демократический выбор России». По этому поводу газета «Аргументы и факты» в ближайшем номере поместила заметку «Партия «ДВР» родилась на Амуре».

Съезд проходил несколько дней, на нем присутствовали и выступали с приветствиями лидеры зарубежных государств, а также глава президентской администрации Сергей Филатов. Председателем новой партии избрали Егора Гайдара.

После учредительского съезда наша областная организация стала Амурским региональным отделением партии «Демократический выбор России» — сокращенно АРОП «ДВР». Теперь у нас, как и у коммунистов, были членские билеты, собственная штаб-квартира, небольшой аппарат, оргтехника — все как полагается. Председателем Амурского отделения «ДВР» избрали меня.

Любая политическая партия начинает свою деятельность с определения позиции по отношению к власти. Для нас это оказалось не простым делом. С одной стороны, получив власть фактически из рук демократов, Полеванов решительно отмежевался от демдвижения. Подавляющее большинство командных постов в его администрации занимали бывшие секретари горкомов, райкомов, обкома КПСС. Было удивительно и непонятно, как мог «залетный» геолог, возглавивший Амургеолком уже после роспуска компартии, найти в «чужой» области этих людей и разглядеть в них своих единомышленников?

Но, с другой стороны, мы ведь несли ответственность за назначение Полеванова. Он, несомненно, был сторонником рыночной реформы, противником возврата к старому. Это и вызвало горячие споры в политсовете.

В конце концов все же решили выразить Полеванову недоверие. Вслед за местной «ДемРоссией» и наша партия ушла в оппозицию к областной администрации.

Между тем приближалось 5 октября — годовщина пребывания Полеванова у власти. Поскольку областной Совет по-прежнему находился в «состоянии вынужденного простоя», с требованием отчитаться перед общественностью к губернатору обратились пятнадцать местных партий и движений. Их интересовало расходование бюджетных и внебюджетных средств, кредитная политика администрации, выполнение ею законов и указов президента.

Это было очень серьезное требование. Ведь только четыре крупнейших партии и движения на последних выборах в Государственную Думу получили 56% голосов избирателей. Стало быть, они имели право выступать от имени большинства амурчан. Но Полеванов послал их, мягко говоря, подальше.

Пришлось мне, как в старые партийные времена, снова взяться за перо. 1 ноября 1994 года я опубликовал в президентской газете «Российские вести» статью «Золотой губернатор», рассказав в ней о некоторых финансовых нарушениях Полеванава. Заканчивалась статья словами, обращенными к президенту: «После августа 91-го демократы в России наделали немало ошибок в кадровой политике главным образом из-за отсутствия кадров. Этим нередко пользовались и пользуются разного рода джентльмены удачи. Тем важнее каждую такую ошибку вовремя признать и исправить».

Через некоторое время другая центральная газета, «Утро России», напечатала мою статью «Сеульская мелодия для собеса» — о том, как Полеванов и К^О на глазах у честного народа обобрали инвалидов войны. И она заканчивалась словами, обращенными к президентской администрации: «В последнее время в стране много говорят и пишут о коррупции во властных структурах, но, как правило, не называют фамилий и фактов. А тут вот они — и фамилии, и факты. Еще документы вам подносят на блюдечке, только принимайте меры, господа».

Наконец, в местной печати была опубликована моя статья «Обвал» — об итогах деятельности администрации Полеванава за минувший год. Поскольку сам глава не захотел разговаривать с народом, пришлось отчет за него подготовить мне.

По стечению обстоятельств, президент назначил нас губернаторами в одном месяце — меня 8 октября 1991 года, его — 5 октября 1993 года. В свое время, отчитываясь перед областным Советом, я использовал данные ЦСУ за 9 месяцев 1992 года. В основу статьи «Обвал» тоже легли данные ЦСУ за 9 месяцев, но 1994 года. Было в высшей степени любопытно сравнивать показатели двух администраций, совершенно разных по стилю работы.

И в 1992-м, и в 1994-м в стране бушевал экономический кризис. Ожидать в этих условиях подъема производства в отдельно взятой области было бы наивно. Но все познается в сравнении. За 9 месяцев 1992 года спад в промышленности области оказался почти на 3 процента меньшим, чем в целом по России. А за 9 месяцев 1994 года — на 5,3 процента большим, чем по стране в целом. В некоторых же отраслях областной экономики в 94-м году произошел настоящий обвал — пропасть, в которую опустились эти отрасли, оказалась на 20, 30 и даже на 66 процентов глубже, чем пропасть, в которую угодили аналогичные отрасли в стране.

Значительно отстал от общероссийского и аграрный сектор области. А розничная торговля, опыт которой в 1992 году изучали другие регионы, «умудрилась» оказаться в числе худших в стране, уступив титул самых худших лишь «самостийным» республикам Дагестан и Саха. Почти в пять раз сократилась внешняя торговля.

Рассказав обо всем этом, я еще раз поставил вопрос о немедленной замене губернатора и его команды.

И его в конце 1994 года действительно освободили. Но в связи с переводом на должность председателя Госкомимущества и вице-преьера правительства России. Это была фантастика! Мистика! Но это случилось.

Статьи и комментарии по поводу назначения Полеванава поместили в те дни почти все центральные газеты. Никто не мог объяснить столь фантастического взлета никому не известного геолога. Большинство газет отнеслось к выбору президента отрицательно.

Но, стремительно взлетев, Полеванов так же стремительно спустился с небес. Через два с небольшим месяца его освободили с обоих высоких постов, назначив на рядовую должность в администрации президента. Но через некоторое время убрали и оттуда.

На этом история «золотого» губернатора завершилась. Но остался его ставленник — Владимир Дьяченко, назначенный после отъезда Полеванова в Москву главой администрации Амурской области.

Последние из могикан

Изгнание демократов из исполнительной власти, начавшееся после моего ухода из областной администрации, стало как бы делом чести всех следующих губернаторов. То, что не успел доделать Сурат, с успехом продолжил Полеванов. При нем преследование за демократические убеждения приняло еще больший размах и вышло за рамки органов исполнительной власти.

Я уже говорил, что после создания общественного движения «Выбор России», а затем и партии «ДВР», наши ряды пополнились новыми людьми. Среди них были учителя, врачи, руководители предприятий, предприниматели, юристы. Однако прошло немного времени, и они начали давать задний ход.

— Понимаете, я по-прежнему с вами, но мне придется временно прекратить свою деятельность в партии, — объяснял известный в области врач, входивший в политсовет нашей организации. — Коллеги по-дружески предупредили: если начальство узнает, что я активный демократ, то в два счета окажусь на улице. Выгонят и нигде больше не примут. К сожалению, такое сейчас в области руководство.

Вскоре почти с теми же словами ко мне обратился еще один солидный врач. А руководитель известной в области фирмы пожаловался, что как только он начал помогать демдвижению, его фирму замучили проверками, незаконно изъяли крупные суммы и в конце концов, видимо, разорят.

Конечно, к каждому такому заявлению я относился с пониманием и сочувствием. Увы, эти люди не были закалены в политических баталиях, как демократы «первой волны». Мы, вступая в борьбу, тоже имели семьи и работу, которую в одночасье могли потерять. Но тогда, в 1989–90 годах, народ был охвачен мощным эмоциональным порывом, поэтому мы шли на штурм партийных бастионов, ни о чем не задумываясь. Может, поэтому и одолели страшного монстра, который казался непобедимым.

Сейчас было другое время — время мирного созидания. Президент сумел остановить страну у роковой черты, за которой ее ожидала гражданская война. Губернатором области вроде бы стал наш единомышленник, сторонник экономической реформы, рынка, противник старых порядков. И вдруг — вновь охота на ведьм, преследование за политические убеждения. Странно, необъяснимо и очень больно...

Впрочем, и Полеванов при всей его крутизне не смог довести «священный газават» против демократов до победного конца. В наследство Владимиру Дьяченко остались два «осиных гнезда», возглавляемые непримиримыми демократами: государственная телерадиокомпания «Амур» — Владимиром Мартыновым и представительство президента в Амурской области — Григорием Никандровым. С этими последними могиканами демдвижения в государственных структурах и вступил в схватку Владимир Дьяченко.

С Мартыновым он не стал особо церемониться. Пригласил к себе в кабинет и популярно разъяснил, чего не следует давать в эфир. Естественно, не следовало выпускать информацию, содержащую критику в адрес администрации, а также рассказывающую о деятельности местных демократов.

Но и Мартынов популярно объяснил Дьяченко, что отсеивать такие сообщения своих корреспондентов лишь потому, что они кому-то не нравятся, он не может — это будет противозаконно. Расстались они, недовольные друг другом, каждый при своем мнении.

А через несколько дней Дьяченко уволил Мартынова на том основании, что тот, послушавшись, выпустил в эфир коротенькую информацию о заседании политсовета партии «ДВР». Информацию рядовую, официальную, ничем не отличающуюся от тех, которые постоянно поступали из других партий и движений, в том числе и КПРФ.

Мартынов хотел было послать Дьяченко подальше, потому что председателей ГТРК, как и прежде, могла освобождать только Москва. Но не зря продолжателем дела Полеванова, будучи его первым замом, возглавлял «операцию» по разгону областного Совета народных депутатов. Сделал он это мастерски, и тот опыт пригодился ему сейчас. В здание ГТРК был направлен усиленный наряд милиции с задачей не пускать Мартынова ни в двери, ни в окна. Пришлось нам с Мартыновым лететь в Москву, к руководителю Федеральной службы по телевидению и радио Александру Яковлеву.

Академик Александр Николаевич Яковлев занимает в новейшей истории России особое место. Участник Великой Отечественной войны, крупный ученый-международник, он в последние годы правления Брежнева был послом СССР в Канаде. И, наверное, одним из первых пытался взглянуть на западный мир без «черных очков» марксистско-ленинской идеологии.

Горбачев побывал у Яковлева в Оттаве еще будучи рядовым секретарем ЦК КПСС. После нескольких дней общения с этим незаурядным человеком Михаил Сергеевич вернулся в Москву совершенно другим. Утверждают, что именно Яковлев «вложил» в голову будущего генсека идею перестройки.

Во время правления Горбачева Александр Николаевич работал секретарем ЦК КПСС по идеологии. Именно при нем в стране началась гласность, ставшая мощным локомотивом перестройки. Я уже рассказывал, что благодаря Яковлеву мне удалось устоять в схватке с высокими чинами партии.

Сейчас Александру Николаевичу было за семьдесят, он находился на заслуженном отдыхе и писал мемуары. Но Ельцин попросил его временно возглавить вновь созданную Федеральную службу по телевидению и радио, и Александр Николаевич не мог отказать.

Мы пришли к нему вдвоем с Мартыновым. Я спросил, помнит ли он историю с первым секретарем Амурского обкома КПСС Леонидом Шариным, когда он, Яковлев, взял под защиту не известного никому корреспондента ТАСС?

— Что-то такое было, — сказал Александр Николаевич. — Но подробностей не помню. А что?

— Так вот — тем самым корреспондентом ТАСС был я.

Несмотря на преклонный возраст и не очень здоровый вид, патриарх российской демократии сохранил острый ум и способность схватывать на лету суть информации. Мы договорились, что конфликт в Благовещенске сначала рассмотрит судебная палата по информационным спорам при президенте России, а потом руководитель ФСТР примет решение по председателю ГТРК.

На заседании судебной палаты я тоже был вместе с Мартыновым. Судьи недоумевали: как мог столь высокий государственный чиновник пойти на такое вопиющее нарушение законодательства? Ответить на этот вопрос было некому: несмотря на официальное приглашение, Дьяченко на заседание не явился.

В Благовещенск Мартынов вернулся вновь председателем ГТРК «Амур». Милицейский кордон в здании телерадиокомпании был снят. Но ненадолго. Через несколько месяцев в ФСТР произошла смена руководства, и новое начальство уступило нажиму амурского губернатора. Москва уволила Мартынова без всякого объяснения причин.

Теперь на пути Дьяченко оставался лишь Никандров. Григория Алексеевича пытались убрать все амурские губернаторы, начиная с Сурата. В администрации президента против него скопилась целая папка «компромата». В чем только Никандрова не обвиняли. И в том, что он хранит на каком-то предприятии личные доски, что «обнимается» с врагами президента — коммунистами, что терроризирует кристально

честных чиновников и еще Бог знает в чем. После каждого очередного доноса в областной администрации потирали руки: ну вот, теперь, наверное, Никандрова снимут.

Но его не снимали. Григорий Алексеевич стал настоящей грозой для взяточников, коррупционеров, всевозможного жулья. Его невозможно было ни подкупить, ни уговорить, ни задобрить.

Тогда ему начали угрожать. Телефонные звонки с угрозами не прекращались и тогда, когда Никандровы переехали в новую квартиру и им установили «закрытый» телефон. Узнать номер такого телефона не может никто из простых смертных, он известен лишь очень узкому кругу лиц из областной элиты.

За угрозами последовали и дела. Однажды у личных «Жигулей», которые Никандров постоянно оставлял без присмотра, неожиданно, едва он тронул машину, «заходили» в стороны передние колеса. Остановив автомобиль, проверил — все гайки на дисках оказались отвернутыми. Случайность? Но сразу на двух колесах такого быть не может.

Вскоре старшая дочь Никандровых Лена, студентка, стала замечать, что за ней постоянно следуют какие-то подозрительные личности. Сказала об этом отцу. Пока он раздумывал, как поступить, неизвестные совершили нападение, пытались посадить девушку в машину. Никандров по-крупному объяснился с начальником УВД, после этого «хвост» сразу исчез.

Но самым экзотическим, в духе голливудских боевиков, был случай на одном официальном приеме в честь юбилея весьма уважаемого ведомства. После торжественной части Григорий Алексеевич нарушил регламент и во время банкета, в самый последний момент, сел не на то место, которое ему было отведено по чину. Это место тут же занял богатырского сложения полковник. Ничего не подозревая, он выпил за юбиляра две рюмки и вдруг отключился. Пришлось службе выносить обмякшего великана из зала. Наблюдая эту картину, Григорий Алексеевич понял, что такая же участь, несомненно, постигла бы и его, если бы он сел на «свой» стул. Скорее всего, где-то рядом стояла машина из медвытрезвителя, которой «гостеприимные» хозяева должны были передать захмелевшего гостя.

С той поры Григорий Алексеевич стал относиться к официальным приемам как к источнику возможных провокаций и поэтому принимал на них лишь соки, морсы, минералку.

На Дьяченко Никандрову поступало особенно много жалоб. Представитель президента каждый раз требовал от губернатора принять незамедлительные меры, исправить ситуацию. В ответ Дьяченко наглухо засекретил финансовую деятельность администрации. Тогда Никандров добился, чтобы в область прислали комиссию контрольно-ревизионного управления Минфина. Как писала потом столичная газета «Сегодня», «члены комиссии были просто потрясены, обнаружив массовое нецелевое использование средств обладминистрацией, не встречавшееся им до этого ни в одном российском регионе».

Изучив акт ревизии, Никандров принял твердое решение обратиться к президенту России с ходатайством об освобождении Дьяченко от занимаемой должности. Это ходатайство он намеревался передать Ельцину лично в руки 17 октября 1995 года на совещании в Кремле. А накануне с Никандровым случилось ЧП.

Был когда-то у руководящей партийной верхушки безотказный метод борьбы с соратниками. Если кто-то из их «обоймы» не устраивал первое лицо и к нему не могли подобрать абсолютно никаких ключей, то за ним устраивали слежку. Дожидались, когда он будет возвращаться из гостей или с какого-нибудь мероприятия хотя бы чуть-чуть навеселе. Устраивали нападение в темном уголке и, оглушив, грузили в машину, везли в вытрезвитель.

На следующий день партийный начальник, по указанию которого и действовали налетчики, вызывал беднягу к себе и с «большим сочувствием» говорил:

— Я, конечно, тебя уважаю, ты отличный работник и хороший коммунист, но, понимаешь, тут пришла бумага из вытрезвителя. Дело уже приняло огласку, поэтому оставаться на прежней должности ты не можешь.

И «отличного работника, хорошего коммуниста» убирали.

За несколько дней до совещания в Кремле, на котором Никандров собирался вручить президенту представление об отставке амурского губернатора, Григорий Алексеевич присутствовал на официальном банкете с участием иностранцев. И вместе со всеми поднимал свой бокал, в котором был безалкогольный напиток. С банкета уехал рано, позвонил мне, и мы, гуляя по вечерним улицам, обсуждали его предстоящую встречу с президентом.

Потом я его проводил домой. Массивные решетчатые ворота во дворе были распахнуты настежь, возле них, чуть в стороне, стояли какие-то люди. Мы прошли мимо, приблизились к повороту, где было светлее, и в тот момент услышали сзади возглас: «Да ведь это же Никандров». Тут же раздались гулкие шаги по асфальту — стоящие в темноте люди бросились в нашу сторону.

Все произошло в какое-то мгновение. Один из группы настиг Никандрова, но, прежде чем успел нанести удар, Григорий Алексеевич выхватил пистолет и дважды выстрелил в воздух. При втором выстреле ему досталось-таки по шее, да так сильно, что он едва устоял на ногах.

Явно не ожидавшие, что представитель президента будет вооружен, налетчики бросились наутек. Что нужно было этим людям? Деньги, золото, ценные бумаги? Им нужен был сам Никандров, именно его они и поджидали. Об этом свидетельствовал возглас одного из нападавших.

И на этот раз искусно подготовленная ловушка не сработала. Не угодил Никандров в медвытрезвитель. А то, что пальнул пару раз в воздух, отпугивая налетчиков, — какой в том криминал?

Но вскоре обнаружилось, что одна из пуль, выпущенная, очевидно, в момент удара по шее, ушла не вверх, а угодила в окно никандровского дома. Как это оказалось кстати для Дьяченко! Он лично дал агентству «Интерфакс» интервью, в котором заявил, что представитель президента палил по окнам собственного дома исключительно по причине сильного алкогольного опьянения и что против него возбуждено уголовное дело. Примерно такая же шифровка ушла президенту.

Но никакого «дела» против Никандрова еще и в помине не было — его только начали фабриковать. Потом его сфабрикуют, и Никандров будет освобожден от должности. А еще через некоторое время Генеральная прокуратура дважды проведет дополнительное расследование, и оба раза будет доказана невиновность Никандрова. Григория Алексеевича направят заместителем мэра Владивостока, а от должности будет освобожден уже Дьяченко. С убийственной формулировкой: «За ненадлежащее исполнение федеральных законов, нецелевое использование средств федерального бюджета, задержку выплаты заработной платы работникам бюджетной сферы». Именно такую формулировку и предлагал Никандров в своем представлении президенту.

Размышляя о судьбе российской демократии в эти годы, я часто спрашиваю себя: почему так произошло? Чем объяснить, что у нашей юной демократии такая трагическая судьба, которую прежде вряд ли кто мог предвидеть?

Первое поколение демороссов, к которому отношу и себя, выполнило работу огромного исторического значения. В 1990-92 годах оно совершило бескровную революцию, освободив страну от семидесятилетнего коммунистического ига и повернув ее на общечеловеческий путь развития.

Но, к сожалению, на этом пути зачинателям демдвижения суждено было сделать лишь первый шаг. Не зря же утверждал классик, что революции задумывают гении,

совершают фанатики, а плодами их пользуются мерзавцы. Академик А. Н. Яковлев назвал таких людей «шпаной без чести и совести». Эта-то «шпана», решительно оттолкнув демократов, и повела после 1992 года российский корабль дальше.

Едва капитанский мостик в правительстве покинул Егор Гайдар, этот корабль сразу же изменил курс. Как и следовало ожидать, он не сумел достичь ни одной гавани, отмеченной на штурманской карте прежним капитаном. Спад производства не прекратился ни через полтора, ни через три года, ни через пять лет. Стабилизация потребительского рынка не наступила. А жизненный уровень населения как снижался, так и продолжал снижаться.

Это вызвало справедливое возмущение народа. Противники экономической реформы тут же окрестили ее «великим обманом», «ограблением малоимущих», «геноцидом собственного народа». А самым большим ругательством в российском лексиконе стало слово «демократ». Новых политиков-рыночников, которым в 1989 году рукоплескали площади и которых в 1990-м избирали в российский парламент, чью деятельность по спасению страны в 91-92-м одобрило большинство россиян на референдуме, теперь клеймили позором. Делали это все — коммунисты и национал-патриоты, социалисты и аграрии, жириновцы и «яблочники», но самое главное — простой народ, не состоящий ни в каких партиях.

Конечно, то, что происходило в стране после 1992 года — многомесячные перебои с выдачей зарплаты, пенсий, пособий, разорение непомерными налогами фермеров, предпринимателей и прочих товаропроизводителей, удушение таможенными поборами коммерсантов и «челноков», растаскивание бюджетных средств муравейником номенклатурных фирм, бесконтрольное жиrowание монополий, разгул беззакония и коррупции, расползание терроризма и многое другое, — лежало на совести российской власти. Но демократы-то ко всему этому не имели абсолютно никакого отношения. Потому что после 1992 года, несмотря на одобрение их курса народом, им устроили всеобщий погром.

То, что в нас, демократах, видели своих злейших врагов коммунисты, было понятно и объяснимо. У нас с ними разные идеологии, в августе 91-го они проиграли нам путч, за что будут ненавидеть нас и мстить до скончания веков. Но остальным-то что надо? Почему так же люто ненавидели демократов всевозможные сураты, полевановы, дьяченки, которые и в большую политику-то попали лишь потому, что путь туда проложили им мы?

Ответ напрашивался один: мы, будучи при власти, и сами не воровали, и не позволяли это делать другим. Останься мы и дальше на своих местах, не допустили бы того, номенклатурного, по выражению Гайдара, капитализма, который захлестнул Россию после 1992 года. Поэтому мы и попали под перекрестный огонь двух номенклатур — бывшей партийной и новой государственной (читай — «шпаны»).

Приходилось вновь и вновь разъяснять людям, что между нами и ими нет ничего общего. Позволю себе привести выдержку из своей статьи, опубликованной в 1996 году: «Хочу особо подчеркнуть для тех, кто еще не понял: все это ворье-жулье, стоящее и отирающееся у власти, не имеет никакого отношения к демократам. Где начинается обман, коррупция, беззаконие, там засыхают последние ростки демократии. Прошу не приписывать нам задержек пенсий, пособий, лишение льгот стариков и инвалидов, отключение в зимнее время тепло- и электроснабжения от жизненно важных объектов, другие грехи Полеванова, Дьяченко и иже с ними. Это их грехи, а не наши. Помните, что в 1992-м — начале 1993 года, до прихода к власти этих господ, такого в области не было. Заявляем прямо и открыто: мы, демократы, от них по другую сторону баррикад».

Однако все эти заклинания вряд ли достигали цели. Демократов сторонились, от них просто шарахались. Понятно, что в таких условиях вряд ли можно было добиться успеха на выборах. К тому же демократическое движение начало дробиться. В 1995 году на вторые выборы в Государственную Думу демократы шли уже не под одним, а под

множеством знамен. Результат оказался плачевным: даже самая крупная партия «Демократический выбор России» не смогла набрать 5 процентов голосов и провести своих представителей в парламент.

Неудачу за неудачей терпели на выборах и амурские демократы. Нам не удалось делегировать своих людей ни в Думу, ни в Совет Федерации, ни в областной Совет народных депутатов.

Заключительный аккорд

После освобождения от должности Владимира Дьяченко в мае 1996 года губернатором области был назначен мэр Благовещенска Юрий Ляшко. Для многих это стало полной неожиданностью, так как ни областной Совет, ни одна из местных общественных организаций его кандидатуру не предлагали и даже не обсуждали.

Кто стал инициатором назначения Юрия Гавриловича, так и осталось тайной.

Но выбор, надо признать, сделан был неплохой. Хотя прежде Ляшко входил в самую верхушку партийной элиты области, он быстро адаптировался к новым условиям, полностью принял идеи рыночной экономики и стал активным их проводником. Это был энергичный, думающий руководитель, его не требовалось направлять или поправлять. Когда я работал главой областной администрации, у меня с мэром Благовещенска не было ни малейших противоречий, не говоря уже о противостоянии, конфронтации и тому подобном. Иногда невольно закрадывалась мысль: вот если бы в таком же тесном контакте, как с Ляшко, можно было бы работать и с Белоноговым!

Став губернатором, Юрий Гаврилович продемонстрировал еще одно вновь приобретенное качество — демократизм. Он постарался объединить вокруг себя разные политические силы и направить их на поддержку реформ. Это в какой-то мере ему удалось, хотя бывшие товарищи Ляшко по компартии и слышать не хотели ни о каких реформах.

Удалось Ляшко добиться и некоторых сдвигов к лучшему в экономике. Правда, это был не подъем, а лишь замедление темпов падения, но большего при тех масштабах развала за очень короткий срок, наверное, и добиться было невозможно.

Уверенные действия новой администрации вселяли надежду, что и у нас скоро начнется долгожданный период стабилизации. Вот бы и дать возможность губернатору поработать спокойно и основательно, с расчетом на перспективу. Но нет, областной Совет снова назначил губернаторские выборы.

Они должны были состояться в марте 1997 года — всего через восемь месяцев после назначения Ляшко губернатором. На этот раз демократам удалось в какой-то степени преодолеть внутренние разногласия и договориться о поддержке единого кандидата. После некоторых дискуссий большинство партий и движений — и не только демократической ориентации — решили поддержать Ляшко. Против его кандидатуры выступили лишь коммунисты.

Теперь надо было работать непокладая рук, чтобы создать Юрию Гавриловичу условия для победы. И надо же так случиться, что перед выборами мне пришлось на месяц лечь в больницу. За последние три года это была уже четвертая длительная госпитализация. После двух инфарктов появилась хворь, о которой прежде и не слышал: сердечная недостаточность.

Формально все эти три года я находился на заслуженном отдыхе. Но только формально. На деле же никакого отдыха и в помине не было. Приходилось по-прежнему переносить большие нагрузки — как моральные, так и физические.

Партийное строительство и политическая борьба отнимали много сил и нервов. Но это была лишь часть работы, так сказать, видимая вершина айсберга. Другая часть оставалась невидимой, о ней мало кто знал.

Я уже говорил, что первая амурская администрация оставила после себя ряд инвестиционных проектов в общей сложности на 12 миллиардов долларов. Увы, наши преемники этими проектами не воспользовались, пришлось продолжить начатую работу самим, без участия и поддержки областной власти.

Для начала создали Амурское отделение Всероссийской ассоциации приватизируемых и частных предприятий. В масштабах страны эту организацию возглавлял Егор Гайдар, у нас председателем отделения избрали меня. В глазах иностранцев это выглядело солидно: в Москве — бывший премьер правительства, на Амуре — бывший губернатор. Затем учредили инвестиционную компанию «Амур-ТИ», которая и должна была непосредственно работать с иностранными инвесторами.

В один прекрасный день я привез в Москву целую команду — человек пять или шесть. В нее входили Николай Колядинский, Людмила Кочаловская, генеральный директор компании «Амур-ТИ» Юрий Виноградов, глава объединения «Амурпромстройматериалы» Александр Дымочко и еще кто-то. Когда я представил их председателю Международного инвестиционного фонда, бывшему министру промышленности и бывшему народному депутату РСФСР Александру Титкину, у того загорелись глаза:

— Вот это команда! С такой иностранцы работать определенно будут.

И в инвестиционном фонде, и в правлении Всероссийской ассоциации приватизируемых и частных предприятий наши проекты нашли достаточно зрелыми. Представители других регионов пока что могли вести разговоры лишь о намерениях, а мы уже давно прошли эту стадию и были готовы заниматься конкретным делом.

Вскоре появился и инвестор. Им оказался крупный австралийский финансист китайского происхождения Ле Вонг, которого заинтересовал наш проект строительства в Благовещенске международного аэропорта.

Посланник Австралии мистер Стинг, обещавший содействовать нашему экономическому сотрудничеству, сдержал свое слово. Его страна действительно проявила большой интерес к российскому Дальнему Востоку, Ле Вонг первым из финансистов Азиатско-Тихоокеанского региона открыл в Хабаровске дилерскую контору, которая занялась практической работой.

Наш проект был составлен на двух языках — русском и английском — и прошел экспертную оценку в Великобритании. Это значительно ускорило переговоры. Ле Вонг был готов предоставить под этот проект кредит в 200 миллионов долларов на условиях, которые наши эксперты посчитали вполне приемлемыми.

Несколько месяцев ушло на подготовительную работу, которая всегда предшествует подписанию контракта. За это время генеральный директор инвестиционной компании «Амур-ТИ» Юрий Виноградов и руководитель Благовещенского авиапредприятия Виктор Медведев подготовили множество документов и решили вместе с дилерской конторой Ле Вонга много мелких и крупных вопросов. Поначалу казалась неразрешимой проблема залога. Если помнит читатель, американцы под кредит 112 миллионов долларов просили в залог 10 тонн золота. Австралийцы же должны были вложить в наш проект вдвое больше средств. Естественно, и залог должен быть серьезный.

И все-таки выход был найден. Под кредит в 200 миллионов долларов мы заложили древесину, которую должны были заготавливать амурские леспромхозы в течение ближайших пяти лет. Подчеркиваю: не ту, что стояла на корню (она по российским законам не может служить залогом), а которую леспромхозы должны были пустить на продажу. За это из общей суммы кредита им выделялось 5 миллионов долларов на развитие производства.

Таких оригинальных залогов мировая практика еще не знала. Поэтому не так просто было составить документы, безупречные с юридической точки зрения. Пришлось обращаться за помощью даже в правительство.

Наконец все барьеры на пути подписания контракта были сняты. Ле Вонг решил провести эту церемонию в Хабаровске — в офисе своей дилерской конторы. С нашей стороны туда вылетели 6 человек, включая двух банкиров, вернее — банкирш.

Стоит ли говорить, как все волновались? Снова и снова рассматривали каждый документ, выискивая потайные ловушки, с помощью которых «проклятые капиталисты» могли нас надуть. Но и этот этап был пройден. Момент подписания первого в истории области крупного инвестиционного контракта неумолимо приближался. Он был назначен на 16 часов по хабаровскому времени.

А часа за два до этого, во время обеда в гостинице, одна из банкирш вдруг объявила, что ей надо выехать в аэропорт, чтобы встретиться с Полевановым. Мол, губернатор по каким-то делам прилетел в Хабаровск, он велел до подписания контракта обязательно переговорить с ним.

Надо так надо. Юрий Виноградов позвонил в дилерскую контору Ле Вонга и вызвал машину. Банкирша уехала, а у меня словно кошки по сердцу скребанули: быть беде. Полеванов давно уже проявлял к нашей работе нездоровый интерес. Когда стало ясно, что получение огромного кредита на строительство международного аэропорта вполне реально, он направил в дилерскую контору Ле Вонга своего человека, который предложил отказаться от сотрудничества с «сомнительной» инвестиционной компанией «Амур-ТИ» и установить контакт с инвестиционной корпорацией «Зея», работающей под патронажем областной администрации. В этом случае дальнейшее осуществление проекта губернатор обещал взять под свое покровительство.

Руководитель дилерской конторы вежливо отверг это предложение, заявив, что в мире бизнеса так не делается. А что касается компании «Амур-ТИ», сказал он, то у нее очень солидные рекомендации от авторитетных московских кругов.

О странном визите руководитель дилерской конторы сообщил Юрию Виноградову и своему шефу. Ле Вонг решил продолжить начатую работу, но предупредил, чтобы мы были осторожны. Теперь Полеванов наверняка приготовил какую-нибудь контриграу.

Банкирша задерживалась, мы начали волноваться. Наконец она примчалась, юркнула в номер, пошептала со своей коллегой, и вскоре они нам объявили, что контракт подписывать не будут.

— Что случилось? — воскликнули мы в один голос.

— Ничего. Не будем и все.

Ни расспросы, ни уговоры ни к чему не привели. Обе банкирши засобирались на вокзал. Их больше не интересовали деньги, свлившись им на голову словно по мановению волшебной палочки. Никто из нас не сомневался, что это — результат встречи одной из банкирш с Полевановым.

К нашему удивлению, Ле Вонг такому повороту событий даже обрадовался. Он сказал, что банкирши ему не внушают доверия, поэтому вскоре у нас могли возникнуть проблемы. Теперь судьба избавила обе стороны от возможных неприятностей. Контракт мы подпишем позднее, но для этого надо подобрать надежный банк.

Увы, такого банка в нашей области не оказалось. У одних не было лицензии на проведение валютных операций, другие не подходили по иным критериям. В конце концов Ле Вонг предложил подключить к участию в проекте какой-нибудь московский банк.

Это оказалось проще. Вскоре контракт на получение кредита был подписан. Церемония состоялась в Вене, правда, лично мне в ней участвовать не довелось.

Скажу честно: когда Юрий Виноградов сообщил по телефону, что сделка состоялась, я испытал не радость, а страх. Радость, конечно, тоже была, но еще больше — чувство ответственности за судьбу аэропорта, будущее тысяч людей, которым придется участвовать в проекте, но главное — за возврат доверчивым иностранцам огромных сумм, размер которых и вообразить было трудно. Думаю, после того телефонного разговора на моей голове прибавилось седина.

Итак, лед тронулся. Несмотря ни на что, область одной из первых в стране самостоятельно пробила-таки путь к иностранным кредитам. Двигаться дальше по этому пути было уже проще.

Но и на сей раз пришла беда, которую никак не ожидали. В то время в российских финансовых кругах существовало выражение «крутить деньги», которое сейчас, по моему, уже забылось. Оно означало не слишком хитрую комбинацию, когда деньги клиентов, попав в банк, надолго там застревают. Их ожидали получатели, а они в это время «крутились», то есть находились в обороте, принося банку прибыль за чужой счет. Ответственность за такие махинации законодательством не предусматривалась, поэтому «крутили деньги» все, кто мог.

Подобная участь ожидала и те 200 миллионов долларов, которые должны были поступить в московский банк в соответствии с нашим контрактом. Виноградову удалось узнать, что уже составлен список фирм, ожидающих эти деньги. Руководство банка и не скрывало, что, прокрутив такую огромную сумму, оно надеется получить хороший «навар».

Снова пришлось обращаться к Ле Вонгу. Австралийский финансист был очень удивлен, узнав, что российские банкиры придумали такой оригинальный способ делать деньги из ничего. Единственное, что мы могли предпринять в такой ситуации, — отозвать наш проект и таким образом разорвать контракт.

Однако опускать руки все же не следовало. Ле Вонг предложил создать в Благовещенске совместный Российско-Австралийский банк специально под этот и другие инвестиционные проекты. Это сразу же избавило бы нас от всех мытарств. Но оказалось, что совместные банки на территории России запрещены законами. Оставалась последняя надежда — на то, что удастся уговорить какой-нибудь солидный банк открыть в Благовещенске свой филиал с гарантированным правом самостоятельно заниматься инвестиционными проектами.

Снова начались хождения по столичным офисам. Несмотря на помощь московских коллег, осуществить идею оказалось трудно. Процветающих банкиров не очень волновали проблемы какой-то далекой Амурской области. Пришлось съесть пуд соли, прежде чем мы нашли понимание в банке «Российский кредит».

И вновь потянулись долгие месяцы подготовительной работы. Банк купил в Благовещенске старинное здание, но нужно было перестроить его на современный лад, оснастить новейшим компьютерным оборудованием. Требовалось обучить местные кадры самым современным банковским технологиям, применяемым во всем цивилизованном мире.

Наконец свершилось — Амурский филиал банка «Российский кредит» был открыт. Директором его назначили Юрия Виноградова, что, казалось, наконец-то снимало все проблемы. Но к тому времени разразился грандиозный скандал на самом авиапредприятии, для которого и предназначался кредит.

Оппозиционная часть коллектива обвинила свое руководство в воровстве, разбазаривании валютных средств, зарабатываемых международными авиарейсами. Все это выплеснулось на страницы печати, журналисты смаковали каждую пикантную подробность скандала. В конце концов прежнее руководство было смещено, огромный коллектив распался на ряд мелких, между ними началась грызня за собственность. Заниматься проектом строительства международного аэропорта теперь просто было некому.

Почему такое фатальное невезение, какой-то фантастический рок, преследующий нас везде и всюду? А может, прав библейский Моисей, который, прежде чем привести израильтян на родину, водил их сорок лет по пустыне, чтобы вымерло поколение с рабской психологией? У нашего народа психология не рабская, но советская, что тоже не подарок. Граждане бывшего СССР впитали с молоком матери, что государство их обманывает, поэтому надо у него воровать. Иные взаимоотношения нам пока неведомы.

Неужто придется ждать смены поколений, чтобы и мы смогли жить по законам, по которым живет цивилизованный мир? Если так, то обидно: лично мне не дожидаться процветающей экономики своей страны.

Да, жизнь человека, увы, коротка. Это начинаешь понимать не сразу, а лишь по прошествии времени, когда истекает отведенный тебе срок. К сожалению, не сразу осознаешь и тот печальный факт, что мы сами сокращаем свое пребывание на Земле.

Кардиологическое отделение областной больницы, куда меня снова запрятали на месяц, разместили подальше от посетителей, пройти туда постороннему человеку было не так просто. И тем не менее у меня постоянно находились люди — в урочное, а чаще в неурочное время. Порой даже профессорский обход заставал в моей палате одного-двух, а то и трех посетителей.

Ладно, если бы это были любящие родственники, так нет — в основном коллеги по партии. Оно и понятно: выборная кампания для политических партий — самая горячая пора.

Мне было неудобно перед сестрами, врачами да и больными за столь откровенное нарушение больничного режима. Но что поделаешь — более молодым коллегам постоянно нужен был совет, требовалось отредактировать какой-то документ, подготовить текст для печати.

Месячное пребывание в больнице почти не принесло улучшения. Выписывая меня, лечащий врач настоятельно рекомендовала оставить политику и журналистику и уехать в деревню.

— Вы ведь на пенсии, вот и отдыхайте, — сказала она. — Поживите на чистом воздухе, вдали от мирских страстей. Никаких волнений, только охота, рыбалка, легкий физический труд. Года через полтора, думается, почувствуете себя другим человеком.

Но, распрощавшись с заботливым коллективом кардиологического отделения, я в тот же день вынужден был снова заняться политикой. А именно: посетил Анатолия Белоногова и поздравил его с победой на выборах губернатора области. Наша партия поддерживала Юрия Ляшко, но раз народ доверил высший в области пост Белоногову, он, безусловно, заслуживал поздравления. Все-таки и в политике пора нам переходить наконец к культуре.

РАСПУТЬЕ

Моя Новинка

Семья единодушно решила: раз надо — едем в деревню!

Последнее заседание политсовета. Коллеги по партии благодарят за многолетнее служение российской и, прежде всего, амурской демократии. Я передаю свои полномочия преемнику — доценту Амурского государственного университета Борису Малышеву.

Наше новое место жительства — село Новинка, что в 44 километрах от областного центра, на трассе Благовещенск — Свободный. Это не обычное степное, а скорее курортное село, хотя нет здесь пока никакой здравницы. Оно раскинулось на склонах сопки, покрытых могучими, уходящими к небу соснами. Нашу усадьбу тоже с трех сторон окружает сосновый бор, одно разлапистое дерево даже раскинуло свои ветви над крышей дома.

Мы купили эту усадьбу именно из-за соснового бора, а также из-за бегущего рядом чистейшего ручья, вобравшего в себя несколько десятков подземных ключей. Понравился и сам дом — добротный, рубленный по-таежному из прочных вековых лиственниц.

Минут сорок езды по хорошей асфальтированной трассе на «семерке» — и перед нами дорожный знак «Новинка». Сворачиваю влево, еще метров пятьдесят и — стоп. Вот она — наша земля, наш лес, наш дом.

Еще в молодые годы я был убежден, что каждая советская семья должна непременно иметь усадьбу, жить на земле, но со всеми коммунальными благами. О таком маленьком рае, признаюсь, частенько мечтал, однако мечта эта казалась несбыточной. Купить или построить собственный дом при тогдашней мизерной зарплате и отсутствии иных доходов было невозможно. Подавляющая часть населения проживала в казенных квартирах, довольствуясь тем, что даст государство.

А у государства возможности тоже были не ахти какие. Люди стояли в очереди на жилье годами, десятилетиями, многие даже — всю жизнь, так и не став новоселами. В 50-е годы получить у власти хоть какой-нибудь угол считалось большой удачей. Наша семья из шести человек была рада-радешенька, когда отцу как инвалиду труда дали комнатуху в 12 квадратных метров, на которых размещались и печка, и другие жизненно важные «блага».

Позднее, когда я женился, мне вдруг несказанно повезло. Только написал заявление в горисполком, тут же вызывают — получите ключи, молодой человек! Да не от маленькой комнатенки, а от половины новенького, построенного в пригороде коттеджа с большим земельным участком.

Это было невероятно. В это не верилось. Такое могло случиться только во сне. Но вот случилось. А ларчик открывался просто. Несмотря на огромную очередь на жилье и тот печальный факт, что новых домов практически не строили, местное начальство решило возвести для себя за государственный счет персональные дачи. «Наскребли» из бюджета денег на десять двухквартирных коттеджей для самой-самой элиты, и работа закипела. Но когда до новоселий оставалось всего ничего, кто-то очень информированный написал жалобу в ЦК партии, и в Благовещенск нагрянула высокая комиссия. Это был 1959 год, после смерти Сталина прошло всего шесть лет, поэтому гнева Москвы боялись пуще огня. Местное начальство сориентировалось мгновенно: все коттеджи отдали под жилье гражданам. Видимо, в спешке, а может, и с перепугу кто-то что-то сделал не так, поэтому среди счастливиц-новоселов оказался и я — рядовой слесарь дорожно-мостового управления, не имевший нигде никаких связей. В горисполкоме так торопились избавиться от коттеджей, что заставили нас въехать в недостроенные дома.

Перевезя вещи, мы с женой ходили среди куч строительного мусора и планировали: вот здесь разобьем цветник, здесь посадим фруктовые деревья, рядом — малину и смородину, а дальше будут овощные грядки. Земли-то вон сколько, на все хватит.

Но оказалось, что ничего, кроме цветов, возле коттеджей садить нельзя. Даже забором огородить свою усадьбу мы не имели права. Ведь садово-огородный участок при доме сделал бы нас частниками, а партия и правительство в тот год как раз решили нанести очередной удар по частному сектору в экономике.

Хорошо помню, какой сокрушительной силы был тот удар. Первым под его мощью пало индивидуальное животноводство. Наш Благовещенск тоже оказался в числе многочисленных городов и поселков, где запрещалось держать свиней и скот. Несмотря на теплую весну, местные власти потребовали от законопослушных граждан уничтожить всю живность немедленно. Куда девать столько мяса при отсутствии холодильников, отцов-руководителей не интересовало.

В течение нескольких дней на рабочих окраинах города стоял плач — хозяйки прощались с коровами-кормилицами. Визжали еще не набравшие веса подвинки. Если кто-то из хозяев отказывался их забивать, это делали сами милиционеры — из табельного оружия. Частное животноводство, долгие годы кормившее тысячи городских семей, рухнуло в одночасье.

Затем пришла очередь огородов. Силами жилищно-коммунальной службы начали уничтожать заборы. Вмиг изрубили и вывезли на дрова даже добротные старинные изгороди с резными узорами, придававшие многим городским кварталам своеобразный колорит. Взору открылись не только огородные грядки, но и ужасающие общественные дворы с многочисленными помойками и сортирами, угольными сараями и зольными коробками.

Вскоре, правда, пришло частичное отрезвление. Вместо прежних заборов начали возводить... новые. Но лишь по особому разрешению и из штакетника высотой не больше метра.

Под такую вот горячую руку властей и попали мы, новоселы коттеджей. Однако русский мужик тоже не лыком шит, его не так-то просто объехать, если он того не захочет. В самый разгар антизаборной кампании на прием к городскому голове явился некий молодой человек со свернутым в трубку листом ватмана под мышкой, буквально поставивший на уши все горисполкомовское руководство. Оказалось, что жители нового загородного квартала в ответ на заботу партии и правительства о простых людях выступили с патриотической инициативой — решили благоустроить территорию проживания своими силами. Городская же власть должна была лишь утвердить план благоустройства.

Председатель горисполкома и его помощники пришли в восторг — такого в истории города еще не было. Общественные дворы и улицы нещадно загаживались, а вот чтобы кто-то цветы или кустики посадил...

Часа через полтора необычный посетитель покидал здание горисполкома с чувством полностью выполненного долга. На ватмане с планом благоустройства, который он нес под мышкой, теперь красовались нужная ему резолюция и печать. А это открывало перед жителями квартала широкий простор для дальнейшей фантазии.

Но вот ближе к осени, когда антизаборная эпопея начала уж забываться, на нашу окраину пожаловала комиссия из 10–15 человек во главе с начальником горжилуправления, высоким отставным майором. И — о, ужас! — на месте куч мусора майор увидел... аккуратные штакетные изгороди, а за ними — самые настоящие сады и огороды, источники нетрудовых доходов. Повернувшись к свите, он отдал команду: завтра же пригнать бульдозер и снести все к чертовой матери.

Сколько энергии, времени, нервов пришлось нам потратить, чтобы защитить свои усадьбы от варварского разорения. И это несмотря на то, что план озеленения квартала был утвержден горисполкомом.

И вот почти через сорок лет мы снова въезжаем на загородную усадьбу. Теперь уже не государственную, а нашу собственную. Мы — это я, моя жена Галина Никифоровна и ее брат Владимир Никифорович. Жене тоже пришел срок переходить на пенсию, а Владимир Никифорович — инвалид с детства.

Первым делом мы с Володей принялись все перестраивать. Чтобы и жить было удобно, и красота радовала, и работалось легко. Снесли ветхие сараюшки, возвели новые надворные постройки, утеплили сам дом. Соорудили систему подачи воды из ручья на усадьбу, а во дворе — летний водопровод и летнюю канализацию.

Володя оказался отличным плотником, да и я благодарил судьбу за то, что она помогла мне в молодости приобрести очень нужные рабочие профессии. Хотя с той поры прошло несколько десятилетий, знания и навыки сохранились. Оказалось, что руки до сих пор свободно владеют любым слесарным инструментом, сваркой, справляются с электромонтажными работами.

Конечно, надо было осваивать новый уклад жизни. Но рядом с Володей и женой Галиной это оказалось нетрудно. Они выросли в забайкальском таежном поселке и тоже сохранили прежние знания и навыки.

Особенный заряд энергии исходил при этом от Гали. Помню, в молодые годы она поражала меня и наших друзей, когда одной спичкой разжигала костер из сырого

хвороста, да еще на промозглом ветру. Ни у кого из нас так не получалось. А однажды убедительно доказала, что писатель Салтыков-Щедрин не так уж был не прав, когда описал, как некий находчивый мужик варил для своих генералов суп в пригоршне.

Случилось, что наша компания забыла взять на лоно природы посуду. Еда была вся консервированная и брикетированная, а хотелось горяченького, так как погода стояла сырая и ветреная. Каково же было наше удивление, когда всем раздали ароматную, источающую пар похлебку. Оказалось, что Галя опорожнила консервные банки и сварила в них суп. Можно представить, какая это была кропотливая работа.

Теперь она тоже бралась за любое, самое сложное дело, передавая свой азарт нам.

В первый же год мы начали заниматься и животноводством. А как же — грешно жить в деревне и не держать скот. Для начала купили козу Дашу, красавицу с огромным выменем. Прочитал в газете, что в Ивановском районе в это время надаивали в среднем по 4 литра молока от коровы в сутки. А наша Даша свободно «зашкаливала» за 4 литра и приближалась к пяти. С той поры любую информацию о сельском хозяйстве области я стал пропускать через призму собственных показателей. Получалось, что колхозы, совхозы и другие коллективные хозяйства, на которых держался аграрный сектор страны после коллективизации, не могут соперничать даже со мной, коренным горожанином.

Со временем появились у нас и корова Малина, и бычок Филя, ну и, конечно, куры, утки, гуси, кошки, собаки.

С детства слышал, что корову на крестьянском подворье называют кормилицей. Но подлинный смысл этих слов до меня не доходил. Ну какая кормилица, если молоко — всего лишь белая водица? Прежде у нас в холодильнике подолгу стояли бутылка-две этой белой жидкости, а рядом — целлофановый пакет с десятком яиц. Бывало, за полмесяца никто к ним не прикасался.

Но оказалось, что вкус домашнего молока и домашних яиц совершенно не тот, к которому мы привыкли в городе. Это что-то бесподобное. Такое не объяснишь, надо лично попробовать. Кроме молока, у нас на столе теперь постоянно были сливки, сметана, простокваша, варенец, творог и даже сыр собственного приготовления.

Но прежде чем получить все это, нужно было накосить сена. Когда-то животноводство в России держалось исключительно на косарях, труд которых достойно воспет в народном эпосе. Тот, кто мастерски владел литовкой, был на селе уважаемым человеком. Бабы всегда готовили на покос лучшую еду. Техника внесла коррективу и в эту древнейшую деятельность — во многих дворах литовки убрали в сарай. И все же не перевелись в деревне настоящие косари. Виртуозом этого дела неожиданно для многих оказался наш Володя.

Надо было видеть, с какой залихватской удалью проходил он из конца в конец загонки, легко укладывая валок за валком. Казалось, что коса в его руках пела, кошенина ложилась густо, захват был широченный. Даже наш сосед Василий Шалюпа, мужик под два метра ростом с огромными ручищами, так не мог. Видимо, у Володи это было от Бога.

Я освоил новое ремесло довольно быстро и вскоре, по мнению мужиков, косил уже нормально, но все равно куда мне было до них, особенно до Володи.

С непривычки работа на покосе выматывала, за ночь я не успевал отдохнуть. Но зато потом... Приятно было видеть, как корова хрумкает насыщенную солнцем, ароматную, подвяленную кошенину. Мне, горожанину, вообще было интересно общаться с животными, делать им добро, чувствовать их ответную благодарную реакцию. Шесть десятилетний я ничего этого не видел, теперь, можно сказать, окунулся в новый мир.

Иной раз приезжали старые друзья — журналисты, писатели, художники, коллеги по работе в администрации или демдвижении. Некоторые вместе с нами брали в руки лопату, вилы, топор. Бывший главный редактор Амурского радио Андрей Трифонович Зайцев, с которым мы начинали работать еще при хрущевской «оттепели», заявил:

— Хочу покосить. Настоящей хорошей литовкой. Как в молодости.

К нам на усадьбу он приехал погостить с двумя внуками — Ильей и Мишей — и как раз угодил в сенокос. Наша кормозаготовительная бригада сразу же выросла до пяти человек. Мише и Илье на лугу все было в диковинку, но сам Андрей Трифонович, что называется, тряхнул стариной.

Однако чаще других приезжали, конечно, дети и внуки. То-то было весело с их появлением. Молодое поколение дружно работало и в стайке, и на огороде, и возле плиты, а вечером, после трудового дня, все садились за большой стол ужинать. Нередко вечер заканчивался «песняками». К нашей радости, юные внуки знали много песен прошлого, а младшую, Кристину, Бог наградил еще и хорошим голосом.

Однажды Кристина и Света пристали ко мне:

— Деда, напиши песню про Новинку. Ты же умеешь писать стихи.

— А музыка? Кто напишет музыку?

— Возьми какую-нибудь старую хорошую мелодию.

Песня родилась за одно утро, пока «выгуливал» козу Дашу. У Даши было не только большое вымя, но и огромные, закрученные назад рога, которые она постоянно пускала в ход. Стоило зазеваться, и она могла поддать рогами под зад без всякой на то причины. Зорко следя, чтобы такого не случилось, я и сочинил слова на мотивы двух шлягеров — «На недельку до второго я уеду в Комарово» и «А я поеду в деревню к деду».

Вечером мы все вместе исполнили нашу новую, «фирменную» песню раз десять-пятнадцать. Вот что получилось:

С воскресенья до субботы
«Мерседесы» и «Тойоты»,
«Жигули» и «Запорожцы»
И поток других машин,
Кто к далекому Приморью,
Кто поближе — к Белогорью,
Дружно едут за здоровьем,
Не жалея быстрых шин.

Припев:

А я поеду в Новинку к деду,
В Новинку к деду поеду я. (2 раза).

Где зеленых сопок стая
И ручей звенит, играя,
Там, где сосны-великаны
Смотрят в небо высоко,
Обо мне грустят немножко
Помидоры и картошка,
Белоснежная сметана
И парное молоко.

Припев.

Хороша моя Новинка,
Не Новинка, а картинка,
Мне она в любую пору
Бесконечно дорога.
Там большая радость наша
Ждет меня подруга Даша
И уже для теплой встречи

Приготовила рога.

Припев.

Я сойду с автомобиля,
Громко крикну: «Здравствуй, Филя!»
Он хвостом махнет игриво
И ответит гордо: «Му-у».
Завиляет Рекс-подлиза,
Замурлычет кошка Лиза,
Бесконечно будут рады
Все приезду моему.

Припев:

А я поеду в Новинку к деду,
В Новинку к деду поеду я. (2 раза).

Выписывая меня из больницы, лечащий врач обещала, что, переехав в деревню, я через год-полтора почувствую себя другим человеком. Это произошло значительно раньше. Теперь я поднимался в пять утра, весь день был в работе, в дом обычно возвращался лишь после телевизионной программы «Время», а то и вечернего кино и совершенно не вспоминал о своем сердце (написав так, стучу по дереву). Но странное дело: сколько бы мы с Володей ни трудились, работы на усадьбе меньше не становилось. Только сделаешь одно, надо браться за другое, а на очереди третье, четвертое, пятое... Список работ, который я составил в самом начале, не сокращался, а увеличивался.

Взять, к примеру, полив огорода. Поначалу мы орошали свои грядки из одного распылителя, который вместе со шлангом перетаскивали с места на место, губя при этом часть растений. Я попросил одного знакомого выточить мне еще десяток распылителей, чтобы расставить их везде, где надо поливать. Пришлось прокладывать туда стационарные трубы, монтировать вентили и т.д. На это ушло, по-моему, года три. Но зато потом жена лишь включала насос и открывала нужный вентиль, а сама могла отдыхать.

Когда поголовье крупного рогатого скота выросло до четырех, пришлось расширять стайку. Не только добавили еще одно помещение, но и соорудили навес над загонем, поставили с северной стороны стенку, чтобы в загон не дуло. А так как в то время вспыхнула «эпидемия» краж скота, потребовалась сигнализация. Я ее конструировал несколько недель, взяв за основу принципы, которые используют пограничники и милиция. Эффект получился тот же, а стоимость системы — копейки.

Словом, скучать на нашей усадьбе не приходилось. Каждый член семьи был загружен до предела, каждому не хватало рабочего дня. Но, в отличие от жены и шурина, я не ложился в постель после всеобщего «отбоя». Только тогда, когда дневная программа выполнена, я мог заняться своей книгой.

Знакомые и незнакомые люди, бывавшие у нас в то время, спрашивали: «А как же политика? Неужели вы так легко от нее отказались?» Нет, конечно, но нельзя же все время находиться на передовой. По большому счету политика — это служение народу, а народу надо служить с полной отдачей сил. До последнего времени у меня так и было, однако даже самые боеспособные части после изнурительных боев с противником отводят в тыл — чтобы отдохнули, переформировались, пополнились свежими силами. Это возвращает им былую мощь.

В деревню я уехал не только для того, чтобы зализывать старые раны. Пришло время иной — менее броской, но более кропотливой работы: проанализировать и осмыслить все то, что с нами произошло. Теперь я обязан был написать обо всем пережитом книгу. Правдивую, объективную, профессиональную.

Меня всегда поражала литературная плодовитость некоторых политиков. Не являясь литераторами, они выпускают книги одна за другой, точно пекут блины. И это при занятости на основной работе по 16–18 часов в сутки.

Из всех таких авторов только один — Борис Ельцин — признался, что свои произведения он вовсе не пишет, а лишь диктует основные мысли на магнитофонную пленку. Что там получается, никто не знает. Люди читают лишь то, что потом, когда расшифруют пленку, напишет профессионал.

Я всегда писал сам — от первой до последней строчки. Даже когда был губернатором. Потому что писать — это моя профессия. Тем более я обязан был делать это сейчас, когда атмосфера в Новинке так благоприятствовала творчеству.

Поначалу работать приходилось на зимней кухне, рядом с телочками-близнецами Радой и Ритой. Эти удивительные создания, абсолютно похожие друг на друга, вытворяли в своем углу черт знает что, а я писал, стараясь не обращать на них внимания. Потом, когда построили баню с большим предбанником, перебрался туда. Работа двигалась медленно, но все-таки двигалась.

К концу 2000 года творческий марафон был наконец завершен. Таких книг ни по объему, ни по затратам времени и сил, ни по масштабу описываемых событий у меня еще не было. Оставалось лишь поставить последнюю точку, сделать то, чего в области давно уже никто не делал — высказать свое отношение к действующей власти.

Парадоксально, но факт: в посткоммунистический период, когда государственная власть стала действительно выборной, она почему-то вдруг перестала отчитываться перед народом. Раньше руководители партии хоть и ввали безбожно, но все же каждые пять лет выступали на своих съездах с отчетными докладами. Теперь и этого не было. С 1991-го по 2000 год в Амурской области правили шесть администраций, но отчитывалась о своей работе только одна — первая, которую возглавлял я. Если помнит читатель, это произошло на сессии областного Совета народных депутатов в ноябре 1992 года. Больше таких отчетов — с привлечением обширного статистического материала, тщательной проверкой первичной документации, выступлениями оппонентов — не было.

В начале 1997 года я поздравил с победой на губернаторских выборах Анатолия Белоногова. С той поры немало воды утекло в Амуре и Зее, пора было бы и ему отчитаться о содеянном. Но нет, действующий губернатор ограничивался лишь высказываниями в старом партийном духе: мол, сделано много, предстоит еще больше. Не касались этой темы и средства массовой информации. Никто из политиков, экономистов, журналистов даже не пытался анализировать состояние дел в амурской экономике, положение в социальной сфере, эффективность тех или иных действий администрации. Создавалось впечатление, что с приходом Белоногова все аналитики выехали за пределы области.

Между тем на горизонте уже маячили новые губернаторские выборы, поэтому оценить работу исполнительной власти было крайне необходимо. Оценить трезво, беспристрастно — не с помощью идеологических ярлыков и пропагандистских заклинаний, как в свое время делал сам Белоногов, а основываясь на конкретных фактах, цифрах, статистических выкладках. Глава, посвященная такому анализу, и должна была стать в книге последней. Привожу ее в том виде, в каком она вышла тогда из-под моего пера, без каких-либо правок.

Кому на Руси жить хорошо?

При экономическом кризисе в масштабах страны нелепо ожидать процветания в какой-то одной ее области. Не будем требовать этого и от администрации Белоногова. Ведь отдельно взятая администрация может лишь смягчить влияние всеобщего спада на свою экономику, либо, наоборот, усугубить. Вопрос, очевидно, следует ставить так: хуже

или лучше наши показатели, чем аналогичные показатели в целом по стране? Результат сравнения, видимо, и даст коэффициент эффективности работы местной власти.

О чем же говорит такое сравнение?

Сначала посмотрим, что было в 1992 году, когда в европейских странах бывшего социалистического лагеря только начинались реформы. На территории самой передовой из них — ГДР — объем промышленного производства упал на 18 процентов. И это несмотря на то, что западногерманское правительство Гельмута Коля вложило в тот год в бывшие ГДРовские предприятия миллиард марок инвестиций.

В российские предприятия в 1992 году никто инвестиций со стороны не вкладывал. И тем не менее правительство Егора Гайдара удержало падение объемов промышленного производства тоже на уровне 18 процентов. Стало быть, кабинет Гайдара работал не хуже кабинета Коля? Не будем уж сравнивать с правительствами других бывших соцстран и республик СССР, где падение производства было значительно большим.

Как же выглядела на этом фоне наша область? Амурской администрации удалось смягчить влияние общероссийского кризиса на свою экономику. Падение производства здесь тоже, как говорится, имело место, но в меньших размерах, чем в целом по России — оно составило 15,7 процента. Из этого, наверное, следует, что администрация Амурской области работала в самый сложный начальный период реформ как минимум не хуже правительств Гайдара и Коля?

Пишу это вовсе не ради возвеличивания своей персоны. Привожу эти выкладки исключительно для того, чтобы восстановить доброе имя моих коллег по администрации, несправедливо облитых грязью, оболганных и униженных. Ведь именно той, первой, администрации — единственной из шести — областной Совет поставил за работу неудовлетворительную оценку, и именно ей тогдашний спикер Совета Анатолий Белоногов бросил в лицо: «Уступите место компетентным и умным».

Но ведь эти самые «компетентные и умные» у нас всегда были при власти. Хотя Белоногов стал губернатором в марте 1997 года, он и до этого, с первых дней реформ, постоянно находился у руля области, возглавляя Совет и получая зарплату, равную губернаторской. Поэтому, на мой взгляд, лично несет ответственность за все, что происходило у нас в 1992-1999 годах. Исключение разве что составляет 1994 год, когда Полеванов разогнал представительный орган власти и Анатолий Николаевич находился в «состоянии вынужденного простоя».

Вот как все эти кризисные годы работала амурская промышленность по сравнению с общероссийской.

<i>Год</i>	<i>Губернатор</i>	<i>Председатель облсовета</i>	<i>Лучше (+) или хуже (-) работала амурская промышленность по сравнению с российской (в %)</i>
1992	А. Кривченко	А. Белоногов	+ 2,3
1993	А. Кривченко А. Сурат	А. Белоногов	- 3
1994	В. Полеванов		- 2
	В. Полеванов В. Дьяченко		
1995	В. Дьяченко	А. Белоногов	- 12
1996	В. Дьяченко Ю. Ляшко	А. Белоногов	- 14
1997	Ю. Ляшко	А. Белоногов	- 11
	А. Белоногов	В. Марценко	
1998	А. Белоногов	В. Марценко	- 4
1999	А. Белоногов	В. Марценко	- 4,1

Как видно из таблицы, лучше общероссийской амурская промышленность работала лишь в 1992 году, но не благодаря стараниям, а вопреки яростному противодействию областного Совета во главе с Белоноговым. Все остальные годы, когда Анатолий Николаевич возглавлял либо одну, либо другую ветвь областной власти, амурская промышленность работала хуже общероссийской.

Я не случайно привел эту таблицу. Не случайно обращаю внимание читателей на то, что в первый год реформ область добилась лучших показателей, чем страна в целом. Пусть это преимущество было небольшим (+ 2,3 процента), но ведь курочка по зернышку клюет. Сколько бы «наклевали» за 8 лет, если бы постоянно удавалось сохранять то незначительное опережение, которое было в 1992 году.

Какой была бы прибавка, можно увидеть на примере Самарской области. В 92-м приволжская область опережала Россию тоже чуть-чуть (как и мы). Но там губернатору-демократу Константину Титову областной Совет не ставил палки в колеса, его не отправляли в отставку, и он сумел сохранить достигнутое. Спад продолжался и у них, и у нас, но, начиная с 1993 года, Самарская и Амурская области пошли как бы двумя разными путями: у нас ежегодное сокращение промышленного производства было на 2–14 процентов большим, чем в целом по России, а у волжан — на 2–6 процентов меньшим. Мы с каждым годом все больше отставали от страны, а волжане все дальше уходили в отрыв. В результате к 1999 году Россия сохранила в действии 46 процентов своего промышленного потенциала, Самарская область — 55 процентов, а Амурская область — только 36 процентов. Разрыв между нами и волжанами, как видим, достиг внушительного размера.

А каково производство — такова и жизнь. По данным газеты «Аргументы и факты» (данные Госкомстата пока не опубликованы), ежемесячный доход на душу населения в Самарской области в 2000 году составил 2532 рубля, а в Амурской — только 1476 рублей. Правда, и потребительская корзинка у них дороже, но всего лишь на 16 рублей 70 копеек. Стало быть, реальный месячный доход каждого жителя Самарской области с учетом разницы стоимости потребительских корзин превышает реальный месячный доход жителя Амурской области на 1039 рублей 30 копеек, то есть на 70,4 процента. Вот и решайте, кому на Руси жить хорошо, или, по крайней мере, лучше нас.

Конечно, «лавы» тут принадлежат не одному Анатолию Николаевичу — «постарались» и другие губернаторы. Но последние-то три года Белоногов «старается» сам. Ему никто не мешает, не отменяет его постановления, а законы, принимаемые областным Советом народных депутатов, он сам и подписывает, если они его устраивают. Даже маломальской оппозиции у губернатора теперь нет, а газеты, радио, телевидение и намек на критику в его адрес себе не позволяют. Все подмяты, прижаты к ногтю. И каков же результат этих трех лет?

Экономические показатели последних трех лет особенно удручают. Казалось бы, область уже опустилась так низко, что и падать-то больше некуда. Ан, есть. За годы правления Белоногова в качестве губернатора (1997-1999) доля промышленного производства Амурской области в общероссийском промышленном производстве уменьшилась в полтора раза. В 1996 году, при губернаторе Ю. Ляшко, она составляло 0,34 процента от общероссийской, а в 1999-м — всего лишь 0,22 процента. Катастрофически сократилось строительство жилья. Прежним администрациям удавалось из года в год поддерживать эту отрасль на общероссийском уровне. В 96-м (при Ляшко) на каждую тысячу жителей в области ввели даже на 20 квадратных метров жилой площади больше, чем в целом по стране. В последующие годы сдача жилья в России оставалась на прежнем уровне. У нас же к концу 99-го она упала в два с лишним раза.

В неплохом состоянии досталась Белоногову от предшественников розничная торговля. В 1996 году (при Ляшко) индекс розничного товарооборота по области к предыдущему году (то есть объем товарооборота в сопоставимых ценах по сравнению с

соответствующим периодом предыдущего года) превосходил подобный общероссийский показатель на 8,5 процента. При Белоногове он стал ниже общероссийского: в 97-м — на 1 процент, в 98-м — на 9,5 процента, в 99-м — на 7,8 процента.

Особый разговор об агропромышленном комплексе. Принято считать, что Анатолий Николаевич — большой знаток сельского хозяйства и чуть ли не отец родной амурским крестьянам. Многие убеждены, что ради процветания села он не жалеет живота своего.

А что говорит статистика? Давайте заглянем в соответствующие разделы ее справочников.

Начнем с докризисного 1991 года, когда Анатолий Николаевич был председателем Амурского облисполкома. Правда, президент тогда не дал ему довести начатое до конца — освободил от должности 23 августа. Но главное Анатолий Николаевич успел сделать — посеять, вырастить и частично убрать. Итог был такой: в докризисном 91-м (при Белоногове) посевная площадь сократилась на 63 тысячи гектаров, а в кризисном 92-м — на 48 тысяч гектаров. Общий валовой сбор сельхозпродукции по области в 91-м снизился на 10 процентов, а в следующем кризисном — на 7,3 процента.

Но то была лишь увертюра к главному — к полноценной губернаторской деятельности Анатолия Николаевича, которой теперь никто не мешает. Вот как «развивает» и «укрепляет» он агропромышленный сектор области, пересев в кресло губернатора.

1996 год. Губернатор Ю. Ляшко. Пахотный клин области сократился на 58 тысяч гектаров.

1997 год. Губернатор А. Белоногов. Размер пашни сократился еще на 70 тысяч гектаров.

1998 год. Губернатор А. Белоногов. Пашня сократилась еще на 120 тысяч гектаров.

1999 год. Губернатор А. Белоногов. Потеряно еще 40 тысяч гектаров пашни.

Конечно, и в целом по стране пахотный клин сократился за эти три года (1997-1999) — на 11,4 процента. Но в Амурской области (при губернаторе Белоногове) — на 23 процента.

Соответственно этому сокращался и валовой сбор сельскохозяйственной продукции. Не буду утомлять читателя множеством цифр, хотя их анализ — занятие прелюбопытное. Скажу лишь вот о чем. Если раньше Амурскую область называли житницей Дальнего Востока, подчеркивая ее особое место в производстве сельхозпродукции по сравнению, скажем, с промышленно развитыми Приморским и Хабаровским краями, то теперь, особенно в последние три года, наши соседи нас уверенно догоняют. А по объему продукции животноводства приморцы уже превзошли.

Так кому же на Руси жить хорошо? Вернее — лучше нас, амурчан? Ответ напрашивается один: тем, кто умеет выбирать власть. Сейчас с президентом страны и Государственной Думой, по-моему, все в порядке. Теперь пора амурчанам позаботиться о хорошей, грамотной, честной, бескорыстной, отдающей себя служению народу своей, местной власти.

Повторение пройденного

Работу над этой главой, а, стало быть, и над книгой, я завершил на исходе двухтысячного года — в канун своего 65-летия. Не скрою, захотелось немедленно увидеть свое произведение на прилавках магазинов, но начались события, которые заставили повременить с изданием.

Некоторые местные газеты посвятили моему 65-летию довольно обширные материалы, рассказав в них, естественно, и о литературном творчестве. Публиковались даже целые главы из книги, наиболее злободневные на тот момент.

Это вызвало явный читательский интерес. Мне предложили до выхода «Записок» отдельным изданием опубликовать их сначала в журнале «Амур наш батюшка», очередной номер которого уже готовился к печати. Отказываться было грешно. Не успев остыть от пишущей машинки, рукопись пошла в производство, что называется, с колес.

Еще не весь тираж журнала был отпечатан, как из городов и районов в редакцию начали приезжать распространители. А вскоре в прессе появились и первые читательские отклики. Одна женщина из Благовещенска заявила на страницах «Комсомольской правды», что описанная автором схватка над пропастью, по ее мнению, далеко не окончена, поэтому в политической жизни Приамурья еще можно ожидать чего угодно.

И как в воду глядела. Буквально через несколько дней после ее предсказания издательство было вынуждено прекратить дальнейшее распространение тиража. Из-за публикации моих «Записок» номер журнала «Амур наш батюшка» стал первой книгой в России, запрещенной официальной властью в новом тысячелетии.

Это было неподражаемо. В стране всегда существовала жесточайшая цензура, но запрещать уже вышедшие книги никто после Сталина не решался. У нас на Амуре переплюнули всех.

А объяснялся запрет просто: в области начались очередные выборы главы исполнительной власти. Над действующим губернатором, выдвинувшим свою кандидатуру на новый срок, нависла реальная угроза потерять власть, поэтому и решили прятать подальше от общественности любую информацию о том гигантском развале в экономике, к которому привела деятельность его администрации. Мои «Записки» как раз и попали в разряд такой информации.

Нет, никто не стал сжигать на костре остаток тиража — журнал запретили распространять лишь до конца выборов. И сделали это мягко, цивилизованно, ссылаясь на закон. А в нем — Федеральном законе о выборах — действительно говорилось, что агитационные материалы «за» и «против» претендентов на выборные должности могут публиковаться в средствах массовой информации исключительно в тех случаях, когда они оплачены из официально зарегистрированных избирательных фондов. Кто-нибудь из кандидатов на пост губернатора оплатил публикацию моих «Записок» в журнале? Ах, нет? Тогда о чем речь?

Это был первый раскат предвыборной канонады, которая вскоре буквально загромычала над просторами области. Потом подальше от глаз избирателей спрятали отчет областного статистического управления о социально-экономическом развитии Приамурья в 2000 году.

Такие ежегодные отчеты всегда публиковались в одно и то же время, и никому в голову не приходило увязывать их с какими-либо политическими событиями. Но на сей раз их увязали — статистический ежегодник и выборы. В зеркале статистики действующий глава областной администрации выглядел, мягко говоря, не совсем привлекательно, поэтому, несмотря на протесты облстата, публикацию тоже отложили на «после выборов».

Что уж тогда говорить о другом подобном документе — статистическом справочнике «Амурская область накануне выборов 2000 года»? В прошлом, на моей памяти, такие справочники выпускались постоянно и назывались они примерно одинаково — «Амурская область от выборов до выборов» или «Амурская область от съезда к съезду» (имелись в виду съезды КПСС). Но в прежние времена, все, как говорится, шло путем, потому что тогда, если помнит читатель, для народа предназначалась одна информация, а «для служебного пользования» — другая. Теперь такого разделения не стало. Вот добросовестные работники статуправления и выложили перед избирателями все как есть.

Я попытался приобрести справочник сразу же, как только о нем появилось сообщение. Но, увы, найти его оказалось невозможно. «И не найдете до окончания выборов, — объясняли мне. — Закон такой».

Однако вскоре выяснилось, что на самом деле закон не очень уж и «такой». Это негативную сторону деятельности администрации нельзя показывать без оплаты из официальных фондов, а вот хвалить ее можно сколько угодно, хоть взахлеб. И без всякой оплаты. Именно так и стали поступать средства массовой информации, приближенные к власти.

Газета «Амурская правда», например, опубликовала один за другим два никем не оплаченных материала под заголовками: «Живем, земляки, не хуже других» и «Мы среди лучших в регионе и России». Это были редакционные комментарии к тем материалам облстата, которые так и не увидели свет. Точнее, даже не к материалам, а лишь к некоторым показателям из неопубликованного отчета, которые хоть чуть-чуть превосходили показатели предыдущего, совершенно обвального 1999 года.

Сколько же было в этих комментариях восклицаний! Выхваченные из контекста отдельно взятые цифры создавали иллюзию, что в области наконец-то наступила эпоха процветания и благоденствия, а жизнь, как сказал когда-то поэт, стала прекрасной и удивительной.

Меня эти восклицания буквально достали. Я направил журналистам «Амурской правды» открытое письмо, озаглавив его «Пошто такое ликованье, господа?». И изложил в нем более обширную статистику. А она утверждала обратное: наша область вовсе не из лучших, а одна из худших и в регионе, и в стране. За четыре года правления Белоногова посевная площадь у нас сократилась более чем на треть, розничный товарооборот — почти на четверть, ввод жилья уменьшился в 2,16 раза, по объему промышленного производства область переместилась с 58-го на 68-е место в России, а в регионе ее доля сократилась с 7,2 до 3,8 процента.

Я попросил редакцию напечатать мое открытое письмо в газете, чтобы хоть как-то просветить сбитых с толку избирателей. Но вместо этого получил ехидные издевки над своей книгой. Да ладно бы только над книгой. Заместитель редактора газеты Александр Филоненко, в прошлом главный партийный публицист области, в одном из своих интервью, озаглавленном «Журналист-губернатор: опыт не удался», призвал читателей... не избирать меня больше губернатором, так как я был плохим главой администрации.

С чего бы такой призыв? Ведь я не баллотировался на этот пост. Почему сделали акцент не на моей личности, а на моей профессии? Разве важно сейчас, кем был первый губернатор, кем второй, третий, четвертый... Оказалось — важно. Ведь среди главных соперников Белоногова на выборах был другой журналист — Леонид Коротков.

Вместе нас и начали поливать. Мол, Коротков — это Кривченко сегодня, уровень Короткова, как и Кривченко, — районная газета и т. д. Но я все-таки был на втором плане. Главный же поток нелицеприятных выражений, конечно, обрушился на голову Леонида Викторовича. Его фамилия буквально запестрела на страницах разных газет. Бог мой, что только о нем не писали! Вот лишь отдельные выдержки.

«Леонид Викторович! Вы напрасно выдвинули свою кандидатуру в губернаторы... Равных Белоногову нет. А вы переоцениваете свои возможности и способности. Л. Руденко».

«Возьмем, к примеру, Л. Короткова. Я его считаю невоспитанным человеком... Спросите у Короткова, где и кем он руководил, каких наград и похвал заслужил от страны? Я не понимаю, как может человек такого ранга клеветать и унижать других? Мне стыдно, что такой депутат дурачит людей. Петренко».

«Взяться за перо нас побудила статья кандидата на пост главы областной администрации Л.В. Короткова, в которой этот горе-кандидат занимается самовосхвалением и льет грязь на честь и достоинство А. Н. Белоногова... Мы сами видим, кто чего стоит. Если вас выберут на должность губернатора, то наша область будет брошена опять на прозябание, как это было до Белоногова. Группа избирателей».

«Меня покорило от возмущения обращение кандидата в губернаторы Л. Короткова. Такой политический человек, а так грубо, цинично охаял деятельность А. Н.

Белоногова... Коротков оглянулся бы на себя. Будучи не первый срок в Госдуме, что хорошего сделал он для Амурской области? В. Кудряшева».

«Поражена методами борьбы Л. Короткова за губернаторское кресло против А. Белоногова. Ваши слова, Леонид Викторович, несправедливы и лживы. Стыдно за вас. Главой областной администрации должен быть человек, знающий экономику, имеющий огромный опыт руководителя. Журналист уже сидел в кресле главы. Результат был плачевный. С. Башлий».

«Очень хочется сказать господину Короткову: «Остепенитесь!» Зачем применять грязные методы предвыборной борьбы против честного человека А. Н. Белоногова? Снимите свою кандидатуру. Вам не осилить работу губернатора. П. Горемыкина».

Между тем Коротков и не думал прибегать к «грязным методам предвыборной борьбы», «клеветническим утверждениям», «обливанью грязью соперника». Он всего лишь говорил о положении дел в области — коротко, сжато, на редкость сухим и бесстрастным языком, без эмоций. И себя не возвеличивал. Сказал только, что если изберут — будет работать, не выберут — станет помогать тому, кому окажут доверие.

Но именно его — одного из восьми кандидатов — сторонники Белоногова избрали «мальчиком для битья». Для этого даже был создан специальный фонд некоего кандидата в губернаторы Лады, который чуть ли ни ежедневно гвоздил по «мальчику» из всех калибров.

Кто такой Лада, я так и не понял. И был ли он вообще, или это такой же виртуальный персонаж, как, скажем, подпоручик Кижэ или Козьма Прутков. Лада не появлялся на экранах телевизоров даже при теледебатах, не было плакатов и листовок с его портретами. В первые дни выборной кампании он заявил со страниц газет, что полностью поддерживает политику Белоногова, не считает нужным ничего в ней менять и призывает земляков голосовать за Анатолия Николаевича. После этого он так ни разу и не заикнулся о собственной программе, а израсходовал весь свой избирательный фонд на избивание ненавистного журналиста. Те публикации, выдержки из которых я привел, были оплачены из фонда Лады.

Белоноговский фонд тоже «уничтожал» Короткова, но делал это куда деликатнее и тоньше, более интеллигентно. Под его флагом выступали не какие-то безвестные простолюдины, а люди именитые, занимающие положение в обществе. Они, как правило, выражались высоким, изящным слогом, без грубости и брани. «Я не вижу соперников Белоногову, — писал, например, председатель Благовещенского союза промышленников и предпринимателей А. Телюк. — Истерический крик других кандидатов вызывает лишь жалостную усмешку». «У действующего губернатора нет соперников, — вторил ему генеральный директор крупной торговой фирмы А. Мигуля. — Ни за одним кандидатом, кроме А. Н. Белоногова, не стоят реальные дела... Их программы не выдерживают никакой критики, они поверхностны, необидительны и абсолютно декларативны».

Я тоже был не в восторге от кандидатуры Короткова. Мы с ним действительно были коллегами по профессии, и так получилось, что он постоянно шел по моим стопам: начинал, как и я, в «Амурской правде», потом избирался депутатом парламента, а теперь вот претендовал и на пост губернатора. Но проводить между нами далеко идущие параллели я бы не стал.

В самое трудное для России время мы оказались по разные стороны баррикад. Я вышел из компартии — он в нее вступил. Я в Верховном Совете и на посту губернатора проводил рыночные реформы — он, будучи журналистом, делал все, чтобы их не допустить.

Перу Короткова принадлежала значительная часть тех материалов, которые с помощью намеков и полунанеков, догадок и предположений, искажения и передергивания фактов создали чудовищный образ первого губернатора области. Помнится, он даже гордился тем, что своими публикациями помог коммунистам вышибить меня из седла.

Однажды после очередного клеветнического материала я подал в суд иск на Короткова и «Амурскую правду». До этого можно было и не доводить: ну ошибся автор, с кем не бывает, дай опровержение, извинись и дело с концом. Но оказалось, что автор вовсе не ошибся — он сознательно лгал сначала в газете, а потом и в суде. Да еще и привел из своей редакции двух лжесвидетелей, для которых не было ничего святого.

Процесс я выиграл, но на самом судебном разбирательстве получил такую моральную травму, что едва пришел в себя. Случись это в юные годы, я, скорее всего, ни за что не выбрал бы профессию журналиста.

Но не зря говорят, что лучшая школа для человека — это жизнь. Проработав несколько лет в Государственной Думе, коммунист Коротков, похоже, кое-что переосмыслил. Хотя кандидатом в Госдуму его выдвигала амурская организация КПРФ, пришло время, когда он стал голосовать не так, как требовала партия. Разногласия в конце концов привели к тому, что амурские коммунисты исключили Короткова из своих рядов, чего в свое время не посмели сделать даже со мной.

Теперь Леонид Викторович был независимым депутатом, не стреноженным путами идеологических догм и партийной дисциплины. Его публичные выступления отличались от прежних как небо от земли. Послушав его программу, с которой он выступил по телевидению, я с удивлением обнаружил, что она полностью соответствует и моим убеждениям.

В принципе, несмотря на обилие кандидатов, избирателям было представлено всего две программы. Одна традиционно коммунистическая — мол, проголосуйте за меня и я обеспечу вам светлое будущее. Представлял ее, если не считать виртуального Ладу, действующий губернатор Анатолий Белоногов. Другую программу можно было бы сформулировать так — надо работать, работать и работать, и тогда у нас все будет. Ее придерживались остальные кандидаты, хотя как работать и что делать — каждый из них видел по-своему.

В первом туре с огромным отрывом от соперников победил Белоногов. За него проголосовали свыше сорока процентов избирателей — по нынешним временам результат почти фантастический. Коротков оказался вторым, однако шансов взять реванш во втором туре у него практически не было.

Но произошло то, чего никто не ожидал. Во втором туре Короткову отдали голоса избиратели, которые в первом голосовали за других кандидатов со сходными программами. Этого оказалось достаточно для победы. Леонид Викторович уверенно обошел своего самонадеянного соперника и стал седьмым губернатором области в постсоциалистический период.

Знамение

За несколько дней до губернаторских выборов, а именно 3 апреля 2001 года, у нас в семье произошло событие, о котором никак не могу умолчать. Внешне обыденное, житейское, оно, тем не менее, привлекло всеобщее внимание сельчан, вызвало в Новинке оживленные разговоры.

В тот обычный апрельский день, точно в положенный срок, наша Малина принесла бычка. Отелилась легко, без проблем — утром приходим в стайку, а там рядом с мамой стоит чистенький, здоровенький, веселенький теленок. Ослепительно белого цвета, с небольшими коричневыми вкраплениями кое-где.

Для крупного рогатого скота белый окрас не редкость, но чтобы такой чистоты и яркости... даже старики не могли припомнить ничего подобного. Однако самое удивительное было не в этом. Нас буквально ошарашило, что на правом боку бычка симметрично по центру изображен крупный, занимающий треть площади, взлетающий

ввысь орел. Было впечатление, что не слепая природа, а реальный художник расписал белое полотнище, запечатлев могучую, гордую птицу в момент взлета.

Я скептически отношусь к фотографиям НЛЮ, публикуемым время от времени в прессе. Надо иметь исключительную фантазию, чтобы в смутно различимых бесформенных силуэтах угадать очертания искусственных летательных аппаратов, созданных внеземным разумом. В нашем случае напрягать мозговые извилины не требовалось. Все, кто бросал взгляд на бычка, в изумлении восклицали: «Это же взлетающий орел!».

Недолго раздумывая, мы нарекли бычка Орликом. Обычно так называют резвых жеребят, но у нас на это была куда более веская причина.

Дивились нашему Орлику все: жители Новинки, водители и пассажиры проезжающих по трассе машин, гости из города. Многие всерьез склонялись к тому, что удивительный орнамент на боку животного выткала вовсе не природа, а какая-то иная, не ведомая людям сила.

Однажды к нам заехал мой старый друг — на служебной машине с водителем. Молодой водитель Сергей увлекался политикой, постоянно возил с собой номер журнала с моими «Записками губернатора», поэтому решил не упускать случая и взять у автора автограф. Мы долго беседовали, а в конце встречи я показал гостям наше чудо — Орлуню.

— Альберт Аркадьевич, да ведь вам ниспослано знамение, — воскликнул изумленный Сергей. — И знамение хорошее. Орел — символ России, а взлетающий орел — символ взлетающей России. Вы ведь начинали бороться за ее возрождение, вот вам и знак свыше: усилия не пропали, страну ожидает взлет.

Люди моего поколения воспитаны атеистами. Мы с момента рождения постоянно слышали, что бога нет, религия — опиум для народа, а все служители культа — обманщики, обжоры и пьяницы. Всякие там знамения вообще объявлялись глупостью, ловкими проделками попов. Главная же книга земли, по которой две тысячи лет учится жить человечество — Библия была упрятана за семь замков.

Но, слава Богу, кроме официального политпроса, нас воспитывал еще и другой учитель — сама жизнь. А у нее не все получалось так, как внушали в школах и вузах, с высоких кафедр и печатных страниц. У этого учителя я и узнал впервые, что порой действительно бывают удивительные знамения, «организовать» которые церковь никак не может.

Незадолго до Великой Отечественной войны подобное случилось и в нашей рабочей слободке, занимавшей часть городской окраины. Вопреки закону природного равновесия, слободские женщины начали вдруг рожать исключительно мальчиков. На девочек словно кто-то запрет наложил. В результате перед самой войной в нашем и других окрестных дворах бегали одни пацаны. Такое здесь уже было — в канун первой империалистической. Поэтому и теперь взрослые единодушно решили: быть новой, еще более страшной бойне. И никакие бодрые радиообращения вождей, никакие заявления ТАСС, что войн не предвидится, не могли их переубедить. Это я хорошо помню. Вскоре действительно на страну обрушилась великая беда, почти все мужчины из нашей слободки ушли на фронт.

А может, и вправду Орлуня принес нам добрый знак? Может, действительно Россия уже вышла на старт, чтобы начать стремительный взлет?

Я принялся выискивать в экономической информации хоть какие-нибудь признаки, подтверждающие, что это так. Особенно не терпелось увидеть позитивные перемены в жизни области, вызванные сменой губернатора.

И в самом деле, первые шаги Короткова на новом посту вселяли оптимизм. Он привез с собой сильную команду экономистов, которые разработали для области программу, основанную на законах рынка. Краеугольным камнем этой программы стало привлечение в народное хозяйство серьезных инвестиций. Впервые после 1992 года

областная администрация официально признала, что государство не может и не должно финансировать экономику в полном объеме и что приоритет в этом деле отдается не госбюджету, а частному капиталу — как российскому, так и иностранному. Исполнительная власть обязалась всеми мерами способствовать притоку этого капитала, зажечь перед финансистами входной «зеленый свет» и обеспечить на территории области защиту интересов инвесторов.

Это было именно то, без чего амурская экономика не могла подняться с колен. По такому пути пошла в свое время первая администрация, сумевшая за короткий срок установить контакты с инвесторами целого ряда стран. Но, к сожалению, после ее ухода курс областной власти изменился на 180 градусов: главной заботой губернаторов стало выбивание денег из федерального бюджета. А в результате почти десять лет для экономического развития области было безвозвратно потеряно.

Теперь приходилось все начинать сначала. Один из руководителей экономического крыла администрации, увидев то, что осталось от прежней промышленности, сказал: «Не будем латать старые дыры, начнем создавать амурскую экономику заново».

В Москву вновь полетели эмиссары с Амура. Но не для того, чтобы выпрашивать деньги в Кремле, на Краснопресненской набережной или Старой площади. Теперь их интересовал исключительно столичный частный бизнес.

Это был безошибочно правильный выбор. В частном секторе первопрестольной за десять лет сконцентрировались огромные деньги, которым давно стало тесно в пределах Садового кольца. Они искали выходы на перспективные регионы страны, им нужна была база для дальнейшего роста.

Еще при Белоногове некоторые столичные бизнесмены положили глаз и на нашу область. Но, увы, местная власть встретила их тогда холодно. Амурские чиновники предпочитали иметь дело лишь с бюджетными деньгами и в упор не хотели видеть частный капитал. Пообивав пороги у здешних начальников, московские финансисты вынуждены были отложить наведение мостов до лучших времен.

Теперь такое время, похоже, пришло. Новая администрация сама предложила москвичам сотрудничество. А чтобы у них не было сомнений, губернатор принял ряд документов, гарантирующих защиту инвестиционной деятельности на территории области. Этого было достаточно, чтобы столичный частный капитал снова обратил взоры в нашу сторону.

Мгновенно отреагировал на изменение экономического курса областной власти и местный бизнес. В промышленности, например, за 2001 год выпуск продукции увеличился на 5,6 процента, в сельском хозяйстве — на 7,3 процента, грузооборот на транспорте вырос на 13 процентов. Впервые за многие годы облкомстат зафиксировал тенденцию к подъему с колен не отдельных отраслей, а экономики в целом.

Еще важнее были глубинные перемены, особенно в финансах. Белоногов оставил Короткову огромную дыру в бюджете — в 2000 году дефицит бюджета составил 651 миллион рублей. Коротков его ликвидировал и закончил 2001 год с превышением доходов над расходами в сумме 121 миллион рублей. Это было фантастическое достижение, ведь в последний раз бездефицитный бюджет область имела аж в 1992 году. Кое-кто уже начал утверждать, что без бюджетного дефицита область вообще не может обойтись. Коротков доказал, что может.

Правда, по большому счету это еще нельзя было назвать серьезным прорывом в сфере экономики. Пока что закладывался лишь фундамент для такого прорыва. Однако проводимая администрацией рыночная политика со временем неизбежно должна была привести не только к существенному оживлению всего народного хозяйства области, но и к настоящему экономическому буму.

И вдруг — словно гром среди ясного неба: экономическое крыло команды Короткова распалось. Возглавлявший это крыло заместитель губернатора, с чьим именем и связывали новый рыночный курс администрации, покинул команду, а на его место

пришел человек с диаметрально противоположными взглядами. Во время последних губернаторских выборов он решительно выступил против программы Короткова, назвав ее поверхностной, неубедительной, декларативной, не выдерживающей никакой критики, и поддержал антирыночную программу Белоногова.

Как же мог состояться такой парадоксальный союз? Неужели недавний противник Короткова изменил свои взгляды? Или предвыборные заявления самого Короткова были лишь пустой риторикой, взятой напрокат у сторонников рыночной экономики? От одной такой мысли становилось нехорошо.

Хождение по мукам

Итак, мы жили в Новинке, в 44 километрах от областного центра. В город наведывались нечасто, но оторванности от кипучей городской жизни не чувствовали. Иногда даже получали оттуда важнейшую информацию раньше, чем она доходила до многих важных персон областного масштаба.

Чаще других к нам в Новинку приезжал мой старый друг и ближайший помощник по работе в администрации Григорий Никандров. Обычно с женой Валентиной, но нередко и с детьми — сыном Володей и дочкой Леной. Иногда привозил кого-нибудь из общих знакомых, бывших коллег, а то и теперешних своих сослуживцев.

С Григорием Алексеевичем мы не порывали дружеских контактов даже тогда, когда он был вынужден на некоторое время покинуть область. После того как Генеральная прокуратура реабилитировала его в связи со злополучным выстрелом в ночи, Никандрова направили работать в Приморье — заместителем мэра Владивостока по экономике. Конечно же, он и там пришелся ко двору. Всего за год во Владивостоке вдвое увеличились поступления в городской бюджет, что позволило значительно увеличить финансирование социальной сферы. Стали своевременно выдавать зарплату учителям, медикам, работникам культуры, даже ввели бесплатный проезд для всех на трамваях, троллейбусах, автобусах.

Но... Никандров налаживал экономику в Приморье, а его родной завод в Благовещенске стремительно катился вниз. В 1999 году «Амурагромаш» был официально объявлен банкротом, и Григорию Алексеевичу предложили вновь возглавить его в качестве внешнего управляющего. После недолгих раздумий Никандров решил вернуться.

То, что он увидел на своем родном предприятии, оказалось намного хуже, чем ожидалось. Больше половины оборудования было растащено и сдано в металлолом. Кто-то снял и продал даже рельсы железнодорожного тупика, по которому на территорию подавались вагоны с сырьем и топливом. В сверхаварийном состоянии находилась котельная, прежде отапливавшая не только завод, но и двенадцать соседних промышленных предприятий, а также жилой массив. В течение пяти лет коллективу не выдавали зарплату, поэтому численность работающих сократилась с 800 до 30 человек. Долг по зарплате, платежам в бюджет и внебюджетные фонды в три с лишним раза превышал стоимость основных фондов предприятия. Электроэнергия была отключена, так как в течение двух лет за нее не рассчитывались.

Арбитражный суд, назначивший Никандрова внешним управляющим, установил ему жесткий срок — поправить положение за полтора года. К сожалению, именно в это время — 1999-2000 гг. — сельское хозяйство области достигло крайней точки своего падения, поэтому ожидать, что оно станет покупать традиционную технику «Амурагромаша», не приходилось. Надо было срочно осваивать выпуск какой-то параллельной продукции, которая немедленно начала бы приносить деньги в заводскую кассу.

Но с чем идти на хрупкий и неустойчивый рынок, какой новинкой потеснить конкурентов, за что при общем вопиющем безденежье покупатели не пожалеют средств?

В комитете экономики областной администрации назвали такую продукцию: область испытывала огромную потребность в оборудовании для реконструкции систем теплоснабжения.

Коммунальщики всегда работали из рук вон плохо — жалоб на отсутствие тепла в квартирах было предостаточно даже в пик расцвета советской экономики. Сейчас же, когда топливо подорожало, а финансовые возможности жилищно-коммунальных служб ухудшились, ситуация еще больше обострилась. Небольшие котлы в районных котельных сжигали уйму угля и мазута, но не могли обеспечить нормальную температуру в батареях. Особенно замерзали коммунальные дома в селах, небольших городах и поселках, где не было крупных теплоэлектростанций.

Между тем в одном из частных чуланов на трассе БАМа уже больше пятнадцати лет пылились чертежи и расчеты уникального котла, который мог бы решить проблему теплоснабжения небольших населенных пунктов. Сконструировал его талантливый инженер-теплотехник Юрий Дружинин, когда-то работавший на крупном машиностроительном заводе, выпускавшем оборудование для котельных страны. Принципиально новая конструкция агрегата позволяла вторично использовать для нагрева воды уже отработанное им тепло, которое прежде в прямом смысле вылетало в трубу. Котел Дружинина потреблял на 40 процентов угля меньше, а температуру воды поднимал выше, чем другие подобные агрегаты.

К сожалению, советская промышленность так и не освоила этой новинки. Дружинина поздравляли, ему жали руки, о нем писали в газетах. Но запускать новый котел в серию руководство завода отказалось. Зачем морочить себе голову? Ведь дела и так шли неплохо, план выполнялся, зарплата и премии выплачивались регулярно.

Ничего не добившись, Юрий Иннокентьевич в сердцах махнул рукой и уехал на БАМ, где ему и довелось работать вместе с Никандровым. Теперь Григорий Алексеевич разыскал своего бывшего коллегу. У того загорелись глаза:

— Да я готов сутками работать, только бы увидеть свой котел в металле...

Через два месяца первый образец нового водогрейного котла уже поставили под нагрузку. Испытания прошли блестяще: по всем параметрам котел превосходил своих аналогичных собратьев. Тут же две его модификации — «ЯР-I» и «ЯР-II» запустили в серию.

Это было невероятно. Обычно от начала разработок и до выхода на поток новой продукции проходит не меньше двух лет. Во время Великой Отечественной войны эвакуированные вглубь страны оборонные предприятия начинали выпускать боевую технику через 4–6 месяцев. Но чтобы через два... Комитет экономики областной администрации даже создал специальную техническую комиссию, чтобы проверить, действительно ли котлы стоящие?

Комиссия дала восторженный отзыв: тепловые агрегаты серии «ЯР» экономичны, удобны в эксплуатации, легко форсируются, быстро выходят на рабочие параметры, нетребовательны к качеству сетевой воды, значительно дешевле котлов аналогичной мощности. И рекомендовала именно их использовать для замены морально устаревших и физически изношенных котлов в системе жилищно-коммунального хозяйства области.

«Амурагромаш» буквально воспрял — на заводской счет начали поступать деньги. Первые два котла купил комитет ЖКХ областной администрации, еще два — колхоз «Родина» Константиновского района, один — товарищество «Димское» Тамбовского района. Начали поступать заявки из Якутии, Хабаровского и Приморского краев, Иркутской области, с Сахалина. За полтора года, отпущенных Никандрову арбитражным судом для исправления дел, объем производства на заводе возрос в пять раз, котлы серии «ЯР» были удостоены золотых медалей на двух международных ярмарках.

«Амурагромаш» начал гасить прежние долги перед бюджетом и кредиторами, коллективу теперь регулярно выдавали зарплату, восстановили льготы, которые в свое время, будучи директором, ввел Никандров, но которые потом похоронили его

преемники. Возобновила бесплатное питание в ночную смену заводская столовая, женщинам стали предоставлять отпуска по уходу за ребенком до 5-летнего возраста с сохранением средней зарплаты, а пенсионерам — бесплатно привозить топливо и т.д.

Но странное дело — завод теперь работал на весь Дальний Восток, отправляя продукцию и за его пределы, а в родной Амурской области ее... не брали. Те два котла, которые жилищно-коммунальная служба закупила в самом начале, стали для нее и последними. Почему? Может быть, первые образцы все-таки оказались неудачными?

Григорий Алексеевич поехал по селам. Председателя колхоза «Родина» Константиновского района Мормоля пришлось потревожить дома — он был на больничном.

— Как с теплом? — переспросил Михаил Давыдович. — О-о! Раньше у нас работало шесть «Универсалов», а люди замерзали. Если бы «Универсалы» были и сейчас, вы бы увидели меня в валенках и теплой «душегрейке», а я, видите, в майке и тапочках. Хотя обогревают колхоз всего два «ЯРа». Великолепные котлы, никаких проблем с ними за два года не было.

Примерно то же заявили и другие обладатели первых «ЯРов». В чем же тогда дело? Может быть, в областной казне нет денег на реконструкцию тепловых сетей? Оказалось, что деньги есть, и очень большие. Но коммунальщики «загоняли» их в другие регионы страны, откуда продолжали ввозить более дорогое и менее эффективное оборудование.

Пришлось снова идти в комитет экономики, с легкой руки которого Никандров и начал выпускать «ЯРы». Но теперь областную экономическую службу возглавляли другие люди, а у них были и свои взгляды, и свои интересы, и свой стиль работы. Почему амурские котельные не оснащаются котлами серии «ЯР», рекомендованными своей же комиссией, никто из чиновников понятия не имел. Из одного кабинета Никандрова направляли в другой, оттуда в третий, а в четвертом просили заглянуть через недельку, а лучше — через месяц.

Ходить по кабинетам было унижительно, отвратительно, а главное — бесполезно. Никто из чиновников просто не хотел брать на себя хотя бы какую-то работу, а отфутболивал посетителя в другой кабинет.

Нет, это явно был не 1992 год, когда сам Никандров работал первым вице-губернатором. Тогда посетителям не приходилось стаптывать башмаки, обивая пороги начальства. Решения на всех уровнях принимались оперативно, без проволочек, нередко — с ходу. Работать в другом ключе тогда просто было нельзя — промедление могло дорого стоить области. А сейчас?

Внешне и сейчас все вроде бы осталось по-прежнему: те же кабинеты, чиновники такие же внимательные, вежливые, обходительные. Но теперь жалобы, просьбы, предложения рассматривали месяцами, а в результате нередко принималось «соломоново» решение: ни «да», ни «нет».

Один из высокопоставленных чиновников администрации, с которым Никандров был знаком еще по прежней работе, узнав о его «хождениях по мукам», доверительно сказал:

— Чего же тут удивляться, Григорий Алексеевич! Вы, наверное, мало даете «на лапу». А без этого теперь не решается ни один вопрос.

Вот оно что — надо давать «на лапу». Да еще в крупных размерах. Ну прямо как при Гоголе, когда взятки брали все — от низшего до высшего чиновника, а суммы взяток были «приведены в общую известность», то есть каждый знал заранее, какому чиновнику за что и сколько платить. Видимо, сейчас знали это и те, кто поставлял в нашу область котлы.

Конечно, тяга чиновника к мздоимству неистребима, она переходит от поколения к поколению, из века в век. Но насколько эта тяга материализуется, во многом зависит от руководителя бюрократического учреждения. В 92-м первого же высокопоставленного взяточника в областной исполнительной власти судили, дали два года строгого режима с

конфискацией имущества. Больше случаев мздоимства в областной исполнительной власти замечено не было, хотя она постоянно находилась под самым мощным рентгеном и областного Совета народных депутатов, и средств массовой информации, и милиции, и прокуратуры. Теперь вот, стало быть, гоголевский «золотой век взяточничества» вернулся вновь.

После откровенно дружеского совета «больше давать на лапу» Григорий Алексеевич отправился к самому Короткову, который первоначально тоже поддержал «ЯРы» и знал, что котлы «Амурагромаша» хорошо пошли по всему Дальнему Востоку. Но на этот раз и здесь Никандров ничего не добился. Впрочем, нет, как же! Коротков направил на завод еще одну комиссию, и в результате «Амурагромаш» лишился льгот по оплате за электроэнергию, которыми всегда пользовался как предприятие, выпускающее продукцию для сельского хозяйства. Сиди, мол, и не высовывайся!

После этого случая Никандров твердо решил не ходить больше в областную администрацию, не портить себе нервы. Но пришлось.

В 2002 году у Григория Алексеевича появилась еще одна головная боль — его назначили конкурсным управляющим Райчихинского стекольного завода «Дальстек», такого же банкрота, каким недавно был «Амурагромаш». Надевать на себя вторую петлю Григорию Алексеевичу было ни к чему, но с другой стороны — завод жалко. В 1992-м Райчихинский стекольный первым в области привлек внимание иностранных инвесторов, они обещали любые кредиты, если будет освоен выпуск тонированных стекол для стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Проект реконструкции предприятия практически был готов, но тут началась чехарда с администрациями, и чья-то невидимая, но очень сильная рука повела завод к банкротству.

Теперь «Дальстек» распродавали, что называется, с молотка. За бесценку куда-то уплыло самое дорогостоящее оборудование, исчез автопарк большегрузных самосвалов, через какое-то время от предприятия вообще могли остаться одни развалины. Григорий Алексеевич и дал согласие, не покидая «Амурагромаш», стать конкурсным управляющим «Дальстека», чтобы спасти его от распродажи по частям, сохранить как предприятие.

Для этого существовал единственный способ — найти богатого инвестора. Но кто же будет вкладывать сюда деньги, если от завода остались рожки да ножки? И все-таки Никандрову удалось сделать невозможное — он нашел такую фирму. Это была солидная московская организация, имеющая хорошую репутацию в российском деловом мире. Ее специалисты, что называется, прошерстили «Дальстек» вдоль и поперек и пришли к выводу: игра стоит свеч. Но прежде чем окончательно сказать «да», руководители фирмы перед отлетом в Москву решили встретиться с губернатором, заручиться его поддержкой.

Несколько дней гости из столицы терпеливо ждали аудиенции. Но Коротков был занят: то совещания, то встречи, то телефонные разговоры... Тщетно Никандров уговаривал его выкроить в своем графике хотя бы пять минут, чтобы поговорить с людьми, от которых зависит судьба завода. Леонид Викторович отвечал: пусть ждут!

Будь на месте Никандрова менее осведомленный человек, он, может быть, и поверил бы, что губернатор все время занят. Но Григорий Алексеевич сам был и первым вице-губернатором, и исполнял обязанности губернатора, поэтому хорошо знал, что для важного дела время даже у очень занятого чиновника всегда найдется. И не пять минут, а столько, сколько надо. Ясно, что Коротков просто не хотел принимать москвичей, может быть, ждал, когда они созреют для очень крупной взятки, а может, у него был какой-то другой интерес.

Наконец, через неделю, Коротков твердо решил, что свободного окна в его графике так и не будет, и поэтому велел вести москвичей к своему замку. А туда можно было и не ходить. Неглупые люди, гости из Москвы понимали, что больше им здесь делать нечего и говорить с замом губернатора не о чем.

Вечером Никандров привез всю компанию к нам в Новинку — попариться в баньке, расслабиться. Москвичей было трое — высокие, с уже заметной сединой в волосах. По

разговору чувствовалось, что это эрудированные люди — и в политике, и в экономике, и в литературе.

— Так что, у зама губернатора вы так и не были? — спросил я.

— Да нет, пришлось пойти. Для очистки совести, — сказал один из них. — И знаете, что он нам заявил? Какой дурак, говорит, решил выбросить деньги на ветер? Тот завод не поднимать надо, а снести бульдозером к чертовой матери.

— Пусть сносит, это его дело, — в сердцах произнес другой москвич. — Но только мы больше сюда ни ногой. И коллегам по бизнесу дорогу закажем. Пока власть не переменится, нам здесь делать нечего.

Воцарилась долгая тяжелая пауза. Возразить этим людям было нечего. Да и не хотелось.

Веерные отключения

Начитавшись популярной сельскохозяйственной литературы, жена как-то заявила:

— Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача.

И велела собираться в город.

В магазинах на этот раз ее интересовали лишь отделы электротоваров, а в них — домашние инкубаторы. С помощью этих чудесных машин она собиралась развести целое стадо кур, уток и даже гусей.

Наконец новенькая, сияющая белизной «искусственная наседка» была найдена. Мы изучили инструкцию, поговорили с консультантом фирмы и без сожаления выложили на стол нужную сумму. Чудесная машина того стоила — за один цикл она могла выдать шестьдесят птенцов разных мастей — от обычных кур до перепелок.

Однако вскоре выяснилось, что хлопот с инкубатором куда больше, чем с живой наседкой. Особенно если меняется напряжение в сети. Пришлось каждую ночь по несколько раз подниматься и проверять температуру, чтобы она не вышла за определенные границы.

Наконец настало время проклеиваться цыплятам. И надо же такому случиться — именно в этот день у нас отключили свет. Погасли контрольные лампочки, температура внутри инкубатора поползла вниз. Что делать?

Наливаем в бутылки горячую воду, кладем эти стеклянные батареи рядом с яйцами и зорко следим за градусником. Через некоторое время температура зашкаливает выше нормы, приходится горячие поллитровки убирать. И так весь день. Две трети цыплят таким способом удалось спасти, а треть все же погибла.

Через некоторое время пришла пора выводиться утятам — у них инкубационный срок дольше. И опять та же история. Как будто сетевики знали наш «график» и специально преподносили нам свои «подарочки».

Так и пошло-поехало. Летом, в 30-градусную жару, они выбирали для отключений именно тот момент, когда мы собирались перегонять молоко. Только настроишь сепаратор, нагреешь молочную продукцию до нужной температуры, а тут трах-бах — ни сепаратор, ни холодильники не работают. Куда прикажете девать теплое молоко — свиньям в корыто? А ведь это в переводе на городскую меру — 60 бутылок или три ящика молочной продукции!

Словом, достали они нас своими отключениями. Ну прямо энергетический кризис какой-то... Хорошо еще, что в нашем случае дальше молока и цыплят дело не пошло. А в одном районном центре электроэнергию отключили в тот момент, когда в больнице оперировали мальчика. Ребенок умер.

Люди буквально клокотали от негодования. Энергетический кризис в Амурской области? Это же черт знает что! Уж чего-чего, а энергоносителей у нас хватает. В недрах амурской земли — огромные запасы угля, некоторые уже разведанные месторождения

даже и не начинали разрабатывать. А гидроэнергия? Природа распорядилась так, что 80 процентов гидроэнергетических ресурсов Дальнего Востока находятся в нашей области. Уже четверть века дает ток Зейская ГЭС, строится Бурейская, ожидают своего часа еще около десятка створов, где можно построить ГЭС поменьше. Как же мы, имея все это, докатились до жизни такой? А вот как.

Еще до начала реформ, в 1991 году, местная власть отказалась от главной жемчужины энергетического ожерелья Приамурья — Зейской ГЭС. Я уже говорил, что, готовясь к приватизации, тогдашний Верховный Совет Российской Федерации поручил Амурскому областному Совету разграничить имеющуюся на территории области собственность по уровням: какую-то часть оставить за городами и районами, какую-то взять себе, а что-то передать Центру. Никаких указаний или рекомендаций сверху, что как делить, не поступало, депутатам дали право сделать это самостоятельно. И они разделили: поднятие мандатов — и область лишилась своего энергогиганта. Подписал соответствующий документ тогдашний председатель областного Совета Анатолий Белоногов.

Я в то время только начинал работать в администрации, даже не успел ее полностью сформировать. К участию в разграничении собственности областной Совет меня и близко не подпустил. Согласия на передачу федеральному центру каких-либо объектов я не давал, никаких документов на этот счет не подписывал.

Но когда наша ГЭС-кормилица оказалась в РАО «ЕЭС России» и тарифы на электроэнергию стали непомерно расти, стрелы недовольства полетели в мою сторону. Пришлось исправлять ошибку депутатов. Иркутскому губернатору Юрию Ножикову это удалось — он вернул области три ее гидростанции. Договорился об этом с премьером Черномырдыным и я. Нужно было лишь выполнить кое-какие технические формальности. Но увы!.. Состоялись выборы главы администрации, мне пришлось покинуть свой кабинет, а новый губернатор, как известно, предал анафеме все, что делалось до него. Не поднимали вопроса о возвращении Зейской ГЭС и следующие губернаторы.

Между тем чудовищный спрут, называемый РАО «ЕЭС России», охватил щупальцами всю страну и высасывал из нее соки. Если за десять лет после начала реформ в целом по промышленности цены на продукцию возросли в 14 тысяч раз, то тарифы на электроэнергию — в 24 тысячи раз. Прибыль трех крупнейших российских компаний — РАО «ЕЭС», «МПС» и «Газпром», производящих не более 10 процентов внутреннего валового продукта страны, достигла аж 25 процентов от всей прибыли. В РАО «ЕЭС» ее объем в два с половиной раза превысил прибыль других аналогичных по мощности компаний, и, тем не менее, энергетики продолжали поднимать тарифы по несколько раз в год.

Потребители электроэнергии были, естественно, возмущены такой тарифной вакханалией. Многие просто не могли столько платить, да и не хотели. Ведь все знали: оплачивать приходится не только естественные затраты на производство электричества, но и непомерно дорогие офисы для энергетических чиновников, их роскошные персональные иномарки, баснословную зарплату, которую они устанавливали себе сами, и многое другое. Конечно, все расходы тщательно скрывались, но кое-какие цифры иногда становились достоянием гласности. Министр финансов России Александр Кудрин, например, заявил в печати, что первые лица крупнейших российских фирм-монополистов получают в месяц до 300 тысяч долларов, а руководители их подразделений в регионах (типа нашего «Амурэнерго») — по 60–80 тысяч рублей. Это было, как говорится, не слабо, особенно если учесть, что в Амурской области в то время ежемесячный душевой доход не дотягивал и до двух тысяч рублей.

Многие граждане, и без того едва сводившие концы с концами, просто перестали платить за электричество. То же самое вынуждены были сделать и некоторые бюджетные организации — школы, больницы, учреждения культуры, которые и мизерную-то зарплату своим сотрудникам не имели возможности выплатить. Вот тут-то энергетики и

пустили в ход рубильники. Появился даже термин «веерные отключения», означавший, что потребители электричества отключаются по очереди: сегодня один район, завтра — другой, послезавтра — третий... Внутри же района, попавшего под «веер», отключали всех без разбора: и должников, и исправных плательщиков.

Это сильно смахивало на далекое средневековье, первые годы советской власти или безвременье гитлеровской оккупации, когда массы ни в чем не повинных людей брались в заложники. Сейчас большинство населения тоже было ни в чем не виновато, оно покорно отдавало энергетикам установленную ими дань и, тем не менее, подвергалось экзекуции вместе со всеми — для острастки.

После трагического случая в больнице, когда на «обесточенном» операционном столе умер ребенок, к негодующему народу присоединилась и власть. Она вместе со всеми метала громы и молнии в тех, кто отключал рубильники, грозила привлечь их к самой строгой ответственности.

Но прошла неделя, другая... Затем третья, четвертая, пятая... Наконец, губернатор собрал-таки глав городских и районных администраций, пригласил энергетиков, чтобы разобраться с «веерными отключениями». Но оказалось, что хотя «веерные отключения» и есть, а трагический случай с ребенком был, наказывать-то за это... некого.

Городские и районные главы опускали очи долу, смущенно пожимали плечами и беспомощно разводили руками: мол, и сами не знаем, как это все несуразно вышло. Вроде и бюджеты утвердили своевременно, и все расходы там предусмотрели, в том числе и на электроэнергию, учли инфляцию и рост тарифов. Налоги вовремя собрали, доходную часть бюджета перевыполнили. Ну все, все, все сделали правильно. А вот поди ж ты, школы, больницы и другие бюджетные организации недополучили на оплату электроэнергии аж 59 миллионов рублей.

Почему недополучили, куда ушли бюджетные деньги — вразумительного объяснения так никто и не дал. Не рассказывать же было, что сами главы и пустили эти деньги «налево», а конкретно — на увеличение собственных зарплат. Некоторые так перестарались, что установили себе зарплату на уровне, а то и выше губернаторской. В целом по области за 2001 год чиновникам городского и районного уровня было незаконно переплачено 46,7 миллиона рублей — почти столько, сколько требовалось, чтобы избежать «веерных отключений».

Эти цифры стали известны позднее, а на совещании у губернатора о них никто не говорил. К общему удовлетворению, совещание закончилось быстро, тихо и мирно: главы пообещали в течение месяца рассчитаться с долгами, энергетики — в течение этого времени не трогать рубильники, ну а губернатор, наверное, остался доволен тем, что так полюбовно все устроилось.

Но прошел месяц, а ни одна копейка не поступила на счета энергетиков. С 10 января 2002 года по просторам Приамурья покатила новая волна «веерных отключений», еще более мощная, чем прежде, внося сумятицу и хаос во всю экономику области.

И что любопытно: эту дикую вакханалию никак нельзя было назвать беззаконием, так как официальных, принятых Государственной Думой и подписанных президентом законодательных актов, регулирующих правила игры на энергетическом рынке, не существовало. Новыми российскими законами давно уже руководствовалась вся остальная экономика страны, а энергетики продолжали жить по социалистическим понятиям, то есть по ведомственным инструкциям, защищающим исключительно интересы своего ведомства.

Однако и такая вольготная жизнь не вполне устраивала энергомагнатов. Им хотелось стать полными хозяевами на энергетическом рынке, а РАО «ЕЭС» все же было получастной-полугосударственной компанией. Поэтому в начале 2002 года они предложили правительству и Госдуме разделить: самые крупные и прибыльные энергообъекты, входящие в РАО «ЕЭС», передать в собственность частникам, то есть им, магнатам, а остальную убыточную мелочь оставить государству.

Это грабительское для страны предложение быстро оформили в виде проекта закона об энергетической реформе, и Госдума приняла его к рассмотрению. Глава РАО «ЕЭС» Анатолий Чубайс принялся разъяснять народу, что если в энергетике появится много хозяев-собственников, то между ними непременно возникнет здоровая конкуренция, а это, в свою очередь, даст мощный толчок для развития всей отрасли. В выигрыше же, уверял он, окажется рядовой потребитель, так как в условиях конкуренции он сможет выбирать поставщика и покупать ту электроэнергию, которая дешевле.

Понятно, что все эти разглагольствования являлись лишь фиговым листком для прикрытия крупномасштабной аферы по присвоению самых лакомых кусков российской энергетики. Какая там к черту конкуренция? Как может, к примеру, рядовой амурчанин купить дешевое электричество Красноярской или Саяно-Шушенской ГЭС, если провода к дому подведены от местной электростанции? И, тем не менее, Госдума проголосовала за такую «энергетическую форму». Одна из самых информированных газет страны — «Аргументы и факты» писала, что «проталкивание» этого закона через Думу обошлось его авторам ни много ни мало в 50 миллионов долларов.

Теперь наше будущее представлялось еще более мрачным. Просыпаешься ты в одно ясное утро, а все здесь уже не твое — ни гидростанции, которые мы первыми на Дальнем Востоке начали строить, ни те 80 процентов дальневосточных запасов гидроэнергии, которыми наделила нас матушка-природа, ни тысячеверстные ЛЭП, что гудят над амурскими просторами вот уже полвека. А вокруг этих важнейших объектов экономики гарцуют на лихих скакунах этакие рыжечубые ковбои с московской либо питерской пропиской и указывают кнутовищами, куда и по какой цене подать нашу амурскую электроэнергию, а куда не подавать. При этом нас, коренных амурчан, никто не спрашивает и вообще нас в упор не видит.

Пока до такого не дошло, надо было предпринимать какие-то экстраординарные меры. Я принялся звонить во все доступные мне колокола. Прежде всего обратился к депутатам областного Совета с призывом принять закон, регулирующий правила игры на местном энергетическом рынке. До принятия федерального закона он имел бы на территории области такую же юридическую силу и был бы обязателен для всех. Проект этого документа сам я и разработал, используя свой прежний депутатский опыт. Оказалось, что всего шесть статей закона достаточно, чтобы энергетический рынок Приамурья заработал цивилизованно.

Обратился я и к губернатору — с призывом незамедлительно, пока Зейская ГЭС не перешла в частные руки, начать борьбу за ее возвращение в собственность области. Но увы... Хотя мои пламенные призывы трижды публиковались в газетах, ни губернатор, ни депутаты их «не заметили».

Впрочем, что это я — заметили, да еще и как. По области тут же был запущен мощнейший слух, что, мол, сам же Кривченко, будучи губернатором, отдал Зейскую ГЭС Чубайсу, а теперь требует от нынешней власти невозможного. Этот слух дополняли пикантные сведения об окончательном моральном разложении первого губернатора области: мол, за взятку отстроил себе хоромы в Новинке, бросил прежнюю жену, сошелся с молодой, и та уже родила ему наследника.

Конечно, знающие нас люди посылали разносчиков таких слухов подальше, но, бывало, и они попадали на крючок. Однажды известный амурский художник Владислав Афанасьев пришел домой, пылая от гнева — ему рассказали о моем разводе.

— Все, — заявил он своей жене Лиде, — больше я к этому козлу ни ногой. Это ж надо — такую жену бросить! Ну, козел...

С трудом Лида выяснила у него, что случилось, а потом насилу уговорила съездить в Новинку, разобраться на месте.

Приезжают. Он сразу ко мне с вопросом:

— Где жена?

— Жена? — переспрашиваю. — Кажется, в курятник пошла. А что, срочно нужна?

— Молодая? — не отвечая на вопрос, продолжает допытываться Владислав.

— Жена-то? — еще больше удивляюсь я. — Конечно. Она для меня всегда молодая.

— Да нет, в смысле — новая?

— Еще какая новая! Начищенная до блеска. Только вчера баньку топили. А что случилось?

Тут и Галя вышла во двор с лукошком яиц. Жаль, что сам Афанасьев не видел себя в эту секунду — вот этюд бы у него получился!..

Журналисты «Амурской правды» тоже ехали в Новинку сбитые с толку. Все, кто проезжал через наше село, видели в самом его конце, на взгорке, роскошный трехэтажный особняк, построенный в «новорусском» стиле. Народная молва приписывала его мне, вот корреспонденты «Амурки» и направились было туда. А я вдруг... выгоняю своих коров совсем из другой усадьбы — обычной крестьянской, с одноэтажным деревянным домом, в котором нет ничего «новорусского». Как тут было ни удивиться? Фотокорреспондент Александр Клименко долго снимал наш деревянный домик в разных ракурсах, а потом и нас с женой на его фоне.

Полдня гости из редакции следовали за нами по пятам, наблюдая, как мы работаем. А нам и на минуту нельзя было оторваться от дел, говорить приходилось на ходу. На ходу спецкор Ирина Ворошилова и сообщила мне, что по области запущен слух, будто я в свое время отдал Чубайсу Зейскую ГЭС не за так, а за взятку.

— Вот как? — удивился я, присаживаясь наконец, чтобы поговорить с Ириной за жизнь. — Но раз Зейская ГЭС — энергетический гигант, то и взятка должна быть немалая?

— Ну, видимо, — смущенно согласилась она.

— Тогда ответьте, почему я, имея такие огромные деньги, живу в обычном крестьянском доме, вкалываю от зари до зари, как папа Карло, а не нанимаю работников? Где эти деньги? Почему я их не трачу? Ведь жизнь-то проходит.

Да, увы, проходит... Ирина Ворошилова опубликовала блестящий материал в своей газете, опровергнув все запущенные обо мне сплетни и небылицы.

Битая карта из рукава

После публикации Ирины Ворошиловой, популярно объяснившей гражданам, где именно живут супруги Кривченко, нас стали находить безошибочно. Число неожиданных посетителей заметно увеличилось. В Благовещенске теперь печаталось много газет, в эфир выходило немало телевизионных и радиовещательных каналов, и некоторые из них почему-то считали своим долгом донести до своих читателей, зрителей и слушателей мнение первого губернатора области по тем или иным злободневным вопросам.

Казалось, прошло совсем немного времени, как мы переехали в деревню, а журналистский корпус в областном центре почти полностью обновился. В средства массовой информации пришло новое поколение журналистов — раскрепощенное, не зашоренное идеологическими догмами, не знающее, что такое цензура. С этими людьми было интересно общаться. Правда, не все они отличались высоким профессионализмом, некоторые буквально «плавали» в вопросах экономики, слабо разбирались в политике и даже имели весьма смутное представление о том, что же произошло с нашей страной на рубеже тысячелетий. Но это говорило лишь о том, что надо скорее заканчивать и издавать мою книгу.

В конце 2000 года истек 10-летний мораторий на куплю-продажу земли. Частную собственность на землю в России провозгласил еще II Съезд народных депутатов РСФСР в декабре 1990 года. Но тогда не хватило депутатских голосов, чтобы узаконить и ее куплю-продажу. Аграрный сектор так и остался без полноценного рынка — торговля сельхозоудьями была запрещена на 10 лет.

И вот этот срок миновал. На рассмотрение Государственной Думы был вынесен новый земельный кодекс, который и должен был расставить точки над «i». Однако, те, кто десять лет назад с пеной у рта выступал против земельной реформы — главным образом, коммунисты и аграрная элита, — и сейчас не хотели о ней слышать. Использовалась любая трибуна, чтобы взвинтить общественное мнение и с его помощью заставить парламент отвергнуть статью о купле-продаже земли.

Между тем за десять лет в России появилось 44 миллиона земельных собственников. Не оправдались утверждения противников реформы, что советские люди не хотят-де владеть землей. Оказалось, хотят — и владеть, и распоряжаться, и покупать, и продавать. Только вот отсутствие соответствующих законов сделало этих людей неполноценными хозяевами.

Натиск на Государственную Думу был так силен, что принятие земельного кодекса застопорилось. Только к концу 2001 года он был наконец принят, но... опять в урезанном виде. Покупать и продавать разрешили не сельскохозяйственные земли, а лишь городские, а также те, на которых расположены промышленные предприятия, объекты транспорта и связи, личные приусадебные участки. А это лишь 2,1 процента всех земель.

Потребовалось еще полгода, чтобы подготовиться к принятию отдельного закона об обороте сельскохозяйственных угодий. И снова в зале заседаний Государственной Думы развернулось самое настоящее сражение. Одна газета написала, что, обсуждая проект закона, депутаты чуть не поубивали друг друга. В конце концов закон об обороте угодий сельскохозяйственного назначения все же был принят в первом чтении.

Тогда из стен Думы побоище перекинулось в регионы. Здесь на страницах прокоммунистических газет началось самое настоящее линчевание тех депутатов, которые голосовали за закон. В нашей области под кинжальный огонь критики попал генерал Винидиктов, сменивший в Думе Леонида Короткова.

В свое время силу такого «кинжального огня» довелось испытать и мне. Меня постоянно, как говорится, чесали в хвост и в гриву за «неправильное» голосование в Верховном Совете. Но самым большим наказанием, которое предлагали непримиримые, было лишение депутатского мандата и исключение из КПСС. Сейчас же некоторые левые средства массовой информации даже заявили, что за поддержку закона об обороте сельскохозяйственных угодий депутата Александра Винидиктова следовало бы... лишить гражданства России.

На свет снова извлекли из архивов старое утверждение, что у России и ее деревни свой особый путь развития, не похожий на все остальные. Что нашему крестьянину присущи-де не трудолюбие, предприимчивость, смекалка, свойственные западным фермерам, а исконно русские ценности — общинность, соборность, коллективизм. Поэтому, мол, не рынок земли вводить надо, а дать коллективным хозяйствам больше тракторов, комбайнов, удобрений, закупать их продукцию по высоким государственным ценам, ввести для села бюджетные дотации.

Как и десять лет назад, авторы этих утверждений не утруждали себя доказательствами, не приводили никаких аргументов.

«Общеизвестно, что российское крестьянство в массе своей исторически не расположено к ведению хозяйства по западному образцу, — писал, например, бывший партийный, профсоюзный и государственный чиновник, а ныне рядовой избиратель А. Рубцов. — Да и сам Запад уже уходит от того, к чему мы так безоглядно стремимся».

«Мировой опыт свидетельствует: мелким хозяйствам никогда из нужды не выйти, — вторил ему другой ветеран В. Семенов. — Наша отечественная история лишней раз доказывает, что главный путь спасения села и подъема производства сельхозпродукции — не рынок земли, а объединение...»

Вот так: «общеизвестно», «мировой опыт учит», «история свидетельствует» — и никаких примеров, цифр, ссылок на первоисточники. И неудивительно. Потому что и мировой опыт, и история свидетельствуют как раз об обратном.

Складывалось впечатление, что авторы всех этих заклинаний даже не понимали, о чем писали. Скорее всего, для них изготовили общее клише в одном центре, не позаботившись о качестве материала.

Я уже упоминал в одной из глав, что в свое время не кто иной, как вождь мирового пролетариата В. И. Ленин камня на камне не оставил от тех теоретиков, которые утверждали, что у России и ее деревни свой, особый путь развития. Однако это упоминание было сделано вскользь, так как подробного разговора на данную тему тогда не требовалось. Теперь же, поскольку тезис об особом российском пути и тяге наших крестьян к общинности, соборности, коллективизму эксплуатировался вновь и вновь, пришлось продолжить начатый разговор.

Помню, как были удивлены наши гости, увидев на моем рабочем столе, среди прочей литературы, несколько томов Маркса, Энгельса и Ленина. Мыслимое ли дело: один из старейших демократов области читает классиков марксизма-ленинизма! Кто-то из журналистов, не веря своим глазам, даже взял ленинский том в руки и начал его перелистывать. Это была фундаментальная работа Ильича «Развитие капитализма в России». На многих ее страницах пестрели мои пометки, что еще больше поразило гостя. Да, чтобы раскрыть тему, пришлось основательно проштудировать классиков.

Те, кто в свое время изучал марксизм, наверное, помнят, что Карл Маркс подробно описал процесс зарождения и развития мирового капитализма в промышленности на примере Англии. Продолжая развивать свое учение, он, по свидетельству Энгельса, собирался показать эволюцию капитализма в сельском хозяйстве на примере России. Нашей стране в дальнейшей работе над «Капиталом» отводилась роль такого же классического эталона, как и Англии при описании промышленного капитализма. Маркс уже начал изучать в подлиннике материалы о пореформенной российской экономике, но смерть помешала ему завершить эту грандиозную работу. Его идею осуществил Ленин, написав в 1894-1899 годах фундаментальный труд «Развитие капитализма в России».

Объему работы, выполненному молодым Ильичем, можно только удивляться. Он проанализировал земско-статистические данные по всем губерниям России, а внутри губерний — по всем уездам. Изучил несметное число таблиц, графиков, диаграмм. От него не ускользнул ни один факт, ни одна цифра. Все рассуждения и выводы автора базируются на обширнейшем цифровом и фактическом материале. Много внимания он уделяет и крестьянской общине.

Что же представляла из себя община, к которой, по словам сегодняшних противников земельной реформы, так прикипела душа российского крестьянина? Сначала обратимся к официальному толкованию этого термина. В «Советском энциклопедическом словаре» издания 1990 года, авторы которого никак не могли быть ни демократами, ни либералами, говорится: «В дореволюционной России община была замкнутой сословной единицей, используемой как аппарат для сбора податей (после крестьянской реформы 1861 года — собственником земли)».

«Аппарат для сбора податей» — что же тут привлекательного для крестьянина? Может быть, то, что за недоимку его в общине могли хорошенько выпороть? Правда, после 1861 года община получила в собственность землю, но не всю, а лишь ту ее незначительную часть, которая должна была не дать крестьянской массе умереть с голоду.

Сам крестьянин не являлся собственником земли. Связанный с общиной круговой порукой, он не мог забрать свой пай и выйти вместе с ним «на вольные хлеба», не мог распоряжаться паем по своему усмотрению. Без разрешения общины никто из ее членов даже паспорт не мог получить, чтобы съездить в город на заработки. И никаких рычагов для подъема сельскохозяйственного производства у общины не было.

Проанализировав огромный статистический материал, связанный с общинным земледелием, Ленин сделал вывод: «Община... становится все более и более ВРЕДНОЙ для крестьянской бедноты».

Увидел автор и разложение патриархальной общины, стремительный переход российской деревни к новому, капиталистическому укладу. Хотя тогдашняя власть стремилась оградить крестьян от «дурного влияния» капитализма, принимая ужесточающие законы и указы, капитализм все шире размыкал круг изоляции деревни и стремительно входил в крестьянскую среду, заставляя все и вся подчиняться его законам.

Ленин писал: «Строй общественно-экономических отношений в крестьянстве.. показывает нам наличность всех тех противоречий, которые свойственны... капитализму: конкуренцию, борьбу за хозяйственную самостоятельность... сосредоточение производства в руках меньшинства, выталкивание большинства в ряды пролетариата, эксплуатацию его со стороны меньшинства... Именно эти противоречия и показывают наглядно и неопровержимо, что строй экономических отношений в «общинной» деревне отнюдь не представляет из себя особого уклада, а обыкновенный мелкобуржуазный уклад. Вопреки теориям, господствовавшим у нас в последние полвека, русское общинное крестьянство — не антагонист капитализма, а, наоборот, самая глубокая и самая прочная основа его».

Теоретиками и защитниками общинной деревни в то время были народники, активно выступавшие на политической арене во второй половине XIX века. Критикуя их, Ленин писал: «Экономисты народничества упорно толкуют о крестьянстве вообще... закрывая глаза на то, что масса «крестьянства» заняла уже вполне определенное место в общей системе капиталистического производства... Неправильна была сама ПОСТАНОВКА вопроса у наших народников, которые создали целую литературу на тему: «Община или капитализм?» Доброму народнику и в голову не приходило, что, покуда сочинялись и опровергались всяческие проекты, капитализм шел своим путем, и общинная деревня превращалась и превратилась в деревню мелких аграриев».

Вот так! Оказывается, уже к концу XIX века российская деревня перестала быть чисто общинной, а разложение ее прежнего уклада стало необратимым. Этот процесс усилился в последующие годы, когда в стране началась Столыпинская аграрная реформа. Любопытно, что, в отличие от других российских реформ, она проводилась без применения силовых методов по отношению к крестьянству. Проявляя исключительную жесткость к госаппарату, Петр Столыпин ни к чему не принуждал самих крестьян, не было и серьезных финансовых вливаний в реформу. Государство всего лишь сняло барьеры на пути капитализации сельского хозяйства, открыло шлюзы для свободного рынка. Крестьяне получили право выходить из общины со своим земельным паем, объединять, сдавать и брать в аренду, продавать и покупать, закладывать в банки свои земельные участки, делить имущество, инвентарь и землю между членами семьи и передавать их по наследству, а также реализовать сельхозпродукцию по свободным рыночным ценам. Вот и все! Только в этом и заключалась Столыпинская аграрная реформа.

И «мелкие аграрии» (выражение Ленина) буквально хлынули из общин на «хутора» и «отруба». За семь лет реформы община потеряла свыше четверти всех крестьянских семей. На «вольных хлебах» эти семьи поднимали свое хозяйство исключительно за счет кредитов, которые им предоставили под залог их собственной земли десять акционерных банков, 36 кредитных обществ.

Мгновенно заработал и стал расширяться земельный рынок. Решение о реформе было принято в декабре 1906 года, а уже в 1908 году только в европейской части России было продано и, соответственно, куплено 157 тысяч десятин земли, а в 1913 году — 724 тысячи десятин. Однако это не привело к разворовыванию и потере пашни, а, наоборот, стимулировало рост сельскохозяйственного производства. К 1913 году сбор зерна в стране по сравнению с 1900 годом увеличился в полтора раза. В период с 1909 по 1913 год Россия ежегодно экспортировала за рубеж по 10,5 миллиона тонн хлеба — больше, чем США, Канада и Аргентина, вместе взятые. Никогда прежде у нас не было таких бурных

темпов развития сельскохозяйственного производства, как в годы Столыпинской аграрной реформы.

Таким образом, принципиальный исторический спор между крестьянской общиной и капитализмом в деревне завершился однозначно в пользу последнего. Думаю, у современных марксистов не повернулся бы язык приписывать российскому крестьянину тягу к «общинности», если бы они в свое время изучали марксизм-ленинизм не по «Краткому курсу истории ВКП(б)», а по первоисточникам, в том числе произведениям Ленина. Ведь некрасиво получилось: вытащили из рукава вроде бы подходящую карту, а она оказалась давно битой. Да еще самим вождем мирового пролетариата!

Не стали бы они приписывать российскому крестьянину и тягу к «соборности», если бы заглянули не то что в марксистские первоисточники, а хотя бы в обычный энциклопедический словарь. Ибо такого слова — «соборность» — в современных словарях нет, а ни одно из трех значений слова «собор» не имеет к крестьянству абсолютно никакого отношения. Простой мужик из деревни никогда не участвовал в собраниях и съездах высшего духовенства христианской церкви, называемых Вселенскими и Поместными соборами, и если имел о них какое-то представление, то лишь самое смутное. Не было представителей крестьян и в Земских соборах, являвшихся высшим органом государственной власти в средневековой Руси. К тому же Земские соборы прекратили существование еще в XVII веке, не оставив и следа в памяти народной. Ну а крупных храмов с настоятелями высокого сана, тоже именуемых соборами, в российской деревне вообще никогда не строили. Спрашивается, к какой же такой «соборности» и с какого это лиха вдруг потянуло наших крестьян?

Не менее абсурдно и последнее утверждение нынешних марксистов: о том, что одновременно с общиной душа российского крестьянина так же «исторически» прикипела и к коллективизму, коллективным хозяйствам. Такого просто не может быть в принципе. Ведь «крестьянская община» и «коллективное хозяйство» — понятия диаметрально противоположные, взаимоисключающие друг друга. Первые, как известно, были основаны на единоличных крестьянских хозяйствах, вторые — на базе общественной собственности и труде ничего не имеющих бедняков. Так что «прикипеть» одновременно и к тому, и к другому душа русского крестьянина просто не могла.

Коллективные хозяйства не имеют корней в российской истории. Они возникли не в ходе естественного развития деревни на основе объективных экономических законов, а были созданы искусственно теоретиками сталинской эпохи, которым после смерти Ленина пришлось самостоятельно «развивать» и «углублять» марксизм. Как правило, это были люди, не слишком отягощенные научными знаниями, даже главный из них — будущий отец народов — имел всего лишь низшее церковное образование и больше нигде ничему не учился, кроме как теории Маркса о диктатуре пролетариата.

К сожалению, сам Ленин не оставил после себя фундаментальных теоретических работ о перспективах российской деревни при социализме. В последние годы жизни он основательно разрабатывал многие важнейшие вопросы социалистического строительства, а вот о наиважнейшем из них — крестьянском — упоминал лишь изредка, да и то вскользь. Это, очевидно, следует объяснить тем, что жизнь, практика не давали ему достаточно материала для серьезного анализа. И все же первый камень в фундамент коллективизации российской деревни заложил именно Ленин.

Будучи истинным марксистом, Ильич считал, что «социалистическое государство может возникнуть лишь как сеть производственно-потребительских коммун», которые должны охватить поголовно все население страны, как в городе, так и в деревне. Поэтому с первых дней революции он горячо приветствовал те Советы крестьянских депутатов, которые, по его словам, «планомерно стремятся к общественной обработке земли». Однако, кроме абстрактных слов поддержки, сказать ему по этому поводу было нечего. Никаких успехов, никакого положительного опыта в деле «коммунизации» деревни даже острый ленинский ум обнаружить не мог.

Начавшийся после октября 17-го развал сельхозпроизводства быстро привел к голоду. На крутые меры большевиков крестьяне ответили многочисленными восстаниями. Все это, видимо, и заставило Ильича критически отнестись к своим прежним воззрениям. В 1919–1920 годах он уже не призывает создавать в деревне коммуны. Говорит о необходимости дать крестьянам трактора, электрифицировать село, но о коммунах — ни слова. Даже не вступает в теоретический спор с А. Чаяновым и другими видными экономистами, увидевшими в коммуне серьезный барьер для роста сельскохозяйственного производства. Наоборот, при решении проблем деревни призывает проявлять особую осторожность.

«Мы имеем 20 миллионов отдельных хозяйств, которые хозяйничают отдельно и не могут иначе хозяйничать, — говорил он в декабре 1920 года на большевистской фракции VIII съезда Советов при обсуждении аграрного законопроекта. — Конечно, было бы желательно, чтобы хозяйства поднимались через коллективизм целыми волостями, обществами и т. д. Но насколько это возможно сделать сейчас, вот с этим надо считаться».

Лишь в 1922 году сельхозпроизводство в России сдвинулось наконец с мертвой точки. Сдвиг был настолько внушительный, что Ленин с полным основанием мог заявить: рецепт возрождения российской деревни найден. Однако ключ к подъему оказался не в создании сельских коммун, колхозов или совхозов, а в возвращении к рынку по столыпинскому образцу. Объявив нэп, большевики дали деревне то, чего она добивалась: справедливо распределили между крестьянами землю — с учетом едоков в семьях, ввели твердый и посильный продналог, разрешили свободно торговать излишками сельхозпродукции. Ничего больше советская власть дать селу тогда не могла. Однако эффект был потрясающий. Вот что говорил по этому поводу Ленин в докладе «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции» на IV конгрессе Коминтерна 13 ноября 1922 года:

«В 1921 году мы безусловно имели налицо недовольство громадной части крестьянства. Затем мы имели голод. И это означало для крестьянства самое тяжелое испытание... Голод был действительно большим и серьезным несчастьем, которое грозило уничтожить всю нашу организационную и революционную работу.

Итак, я спрашиваю теперь: после этого небывалого и неожиданного бедствия как обстоит дело сейчас, после того, как мы ввели новую экономическую политику, после того, как мы предоставили крестьянам свободу торговли? Ответ ясен и для всех очевиден, а именно: крестьянство за один год не только справилось с голодом, но и сдало продналог в таком объеме, что мы уже теперь получили сотни миллионов пудов, и притом почти без применения каких-либо мер принуждения. Крестьянские восстания, которые раньше, до 1921 года, так сказать, представляли общее явление в России, почти совершенно исчезли. Крестьянство довольно своим настоящим положением. Это мы спокойно можем утверждать... Крестьянство находится теперь в таком состоянии, что нам не приходится опасаться с его стороны какого-нибудь движения против нас. Мы говорим это с полным сознанием, без преувеличения... Это достигнуто в течение одного года».

Как видим, к концу 1922-го от прежней аграрной политики советского государства ничего не осталось — ни сельских коммун, ни колхозов, ни совхозов. Ленин чутко уловил жизненную потребность деревни, вовремя повернул руль государства в нужную сторону и спас страну и революцию от еще большего социального взрыва. Речь на конгрессе Коминтерна фактически была его политическим завещанием, наброском новой долговременной аграрной программы партии.

К сожалению, преемники Ильича оказались плохими учениками. Они не поняли или не захотели понять, что экономический подъем в деревне, продолжавшийся вплоть до 1928 года, держался исключительно на законах свободного рынка. В 28-м государство ограничило свободу торговли и попыталось скупить у крестьян зерно за бесценок. Не получилось — так называемые «хлебозаготовки» провалились. Попытались применить

силу, но и для особых армейских подразделений очистить закрома у 20 миллионов крестьянских семей оказалось не так просто.

Вот и вспомнили большевики о придуманных их теоретиками коллективных хозяйствах, из общественных амбаров которых выгребать зерно легче, чем отнимать у крестьянских семей. В 1929 году в стране началась вакханалия, официально названная «сплошной коллективизацией». Сталин и его опричники устроили миллионам не пожелавших покориться крестьян настоящую «варфоломеевскую ночь», загнав-таки остальных в колхозы и совхозы.

Столыпинская аграрная реформа и ленинский нэп сопровождались бурным подъемом сельскохозяйственного производства. Сталинская коллективизация привела к катастрофическому голоду, который в 1930-1933 годах унес 7 миллионов человеческих жизней. Сельское хозяйство оказалось в пропасти, из которой ему фактически так и не удалось выбраться.

Конечно, оклемавшись, колхозы и совхозы, как могли, кормили народ и армию, помогали поднимать тяжелую индустрию и оборонную промышленность. Этого у них не отнимешь, за это им низкий поклон. Но хотя бы приблизиться к уровню сельхозпроизводства, достигнутому на Западе, они не смогли. Даже в самый пик «развитого социализма» один колхозно-совхозный крестьянин в СССР производил в десять раз меньше продукции, чем крестьянин-собственник, скажем, в северных скандинавских странах.

Правда, в истории Советского Союза был момент, когда по потреблению многих продуктов питания мы вплотную подошли к мировым стандартам. Этот поистине отрадный факт в свое время широко использовала советская пропаганда. В 2001–2002 годах, когда разгорелся спор вокруг земли, его снова извлекли из заглавных. Для противников земельной реформы он стал единственным серьезным аргументом в пользу колхозно-совхозного строя. Вот, например, как преподносил сей факт своим избирателям первый секретарь Амурского обкома КПРФ, депутат Государственной Думы от компартии Геннадий Гамза:

«За последние десять лет объем валовой продукции во всех категориях сельских хозяйств уменьшился на 43%, — писал он в мае 2002 года, сразу после принятия закона об обороте сельхозугодий в первом чтении. — Уместно отметить, что в дореформенные десять лет (1981-1990 гг.) по сравнению с предыдущим десятилетием (1971-1980 гг.) прирост сельскохозяйственной продукции составил 28,6%. Страна тогда по уровню питания на душу населения была на седьмом месте, а сегодня на 71-м. Производительность труда снизилась более чем на 30%. Посевная площадь сельскохозяйственных культур сократилась на 33 млн га — это площадь Украины. Россия потеряла продовольственную независимость, потребляя 42% продукции из-за рубежа».

Вроде бы доходчиво и убедительно. Так и хочется воскликнуть: «Да здравствуют колхозы и совхозы!». Истина, однако, в том, что хотя в 1975–1985 годах (а не в 81–90-м, как утверждает Гамза) уровень питания граждан СССР действительно был высок, достигли мы его не в результате ударной работы колхозов и совхозов, а, говоря языком тех лет, благодаря «заботе партии и правительства».

Я не иронизирую — это действительно так. Дело в том, что в самом начале 70-х в СССР были разведаны уникальные нефтяные и газовые месторождения в Западной Сибири, сразу же сделавшие страну одним из крупнейших мировых экспортеров энергоносителей. Доля топлива и энергии в союзном экспорте подскочила с 15,6 до 53,7 процента, а денежные поступления в государственную казну от их продажи увеличились в 3,7 раза и достигли 90 миллиардов долларов в год (что равно всему годовому бюджету России в настоящее время). Эти-то нежданно-негаданно свалившиеся нам на голову колоссальные средства и были использованы для резкого рывка в соревновании с Западом, в том числе и в сфере потребления.

В мировой практике немало примеров, когда самые отсталые и бедные страны, обнаружив на своей территории крупные запасы нефти или газа, враз становились богатыми. Так было с Кувейтом и Катаром, Саудовской Аравией и Объединенными Арабскими Эмиратами, жизненному уровню в которых сегодня могут позавидовать многие развитые государства. Нечто подобное произошло и с СССР. Правда, львиную долю «нефтедолларов» советское руководство направляло на оборону и освоение космоса, а также поддержку дружественных нам режимов в других странах, но огромные средства выделялись и на развитие социальной сферы. Расходы на закуп импортного продовольствия, например, возросли в семь раз и достигли почти 20 миллиардов долларов в год. Покупали буквально все, начиная от мяса и животного масла и кончая репчатым луком. Импорт в СССР мяса, например, составил в 1970 году 165 тысяч тонн, а в 1980 году — 821 тысячу тонн, сливочного масла соответственно 2,2 тысячи и 249 тысяч тонн.

Одновременно правительство не жалело средств и на развитие собственной продовольственной базы. В годы «нефтедолларового» прилива капитальные вложения в сельское хозяйство возросли в два с половиной раза и достигли беспрецедентного уровня — 20 процентов всех капвложений страны. К 1985 году СССР превосходил США по производству минеральных удобрений в 1,5 раза, тракторов — в 5 раз, зерноуборочных комбайнов — в 16 раз. На село буквально хлынул поток техники, минеральных удобрений, стройматериалов. Невиданный размах получили мелиоративные работы, строительство животноводческих комплексов, ремонтных мастерских, жилья, школ, больниц, других объектов сельского соцкультбыта. Были повышены закупочные цены на сельхозпродукцию, хозяйствам выделялись неограниченные кредиты, регулярно списывались их долги государству, производство трудоемкой и высокзатратной продукции дотировалось за счет бюджета.

Большой финансовой поддержки, чем оказывалась в те годы колхозам и совхозам, наверное, и представить невозможно. Однако все средства словно в песок уходили, почти не принося отдачи. За десятилетие нефтяного бума (1975–1985 гг.) сельское хозяйство страны не только не увеличило производство продукции, но, наоборот, даже сократило. Вот данные ЦСУ о среднегодовых сборах важнейших сельскохозяйственных культур в растениеводстве до бума (1971–1975 гг.) и в последние годы бума (1981–1985 гг.) в млн. тонн:

	<i>1971–1975 гг.</i>	<i>1981–1985 гг.</i>
Зерно	181,6	180,3
Хлопок-сырец		
(в пересчете на волокно)	2,47	2,45
Семена масличных культур	6,6	5,71
Льноволокно (тыс. тонн)	456,0	377,0
Сахарная свекла	71,0	76,4
Картофель	89,0	78,4
Овощи	23,0	29,2

Как видим, в растениеводстве упали среднегодовые сборы почти всех сельскохозяйственных культур, причем некоторых — значительно. Исключение составили лишь сахарная свекла (заслуга специализированных хозяйств) и овощи, немалую часть которых выращивало население. В животноводстве и птицеводстве благодаря строительству крупных комплексов производство мяса возросло на 38 процентов (для Гамзы: не всей сельхозпродукции, а лишь мяса, и не за десятилетие, а лишь за первые пять лет 80-х годов). Однако рост этот был достигнут исключительно за счет импортного фуража.

Важнейшим продуктом, определяющим продовольственную безопасность любой страны, является зерно. Его нельзя заменить ни бананами, ни абрикосами, ни другими

экзотическими культурами. Не случайно, наверное, бытует изречение: «Триста лет мак не родил, и голоду не было».

Россия всегда заботилась о своей продовольственной безопасности сама. До революции 1917 года она не только никогда не покупала зерно в других странах, но в немалом количестве вывозила его за рубеж. Еще раз напомним, что в период Столыпинской аграрной реформы мы экспортировали по 10 с лишним миллионов тонн зерна ежегодно — больше, чем такие хлебные страны, как США, Канада и Аргентина, вместе взятые.

Однако в советское время ситуация изменилась. Чем более «развитым» становился социализм, тем больше ввозили зерна. В годы же нефтяного бума этот приток возрастает лавинообразно. Так, если в 1970 году за рубежом было закуплено 2,2 миллиона тонн зерна, то в 1975-м — уже 15,8 миллиона тонн, в 1980-м — 29,4 миллиона тонн, в 1985-м — 45,6 миллиона тонн. Вот когда, а не сейчас, страна потеряла свою продовольственную независимость.

Надо отдать должное Брежневу и его соратникам: пока нефтедолларовая река текла в государственную казну бурным потоком, они успели-таки создать в колхозах и совхозах мощнейшую производственную базу. К тому времени, когда эта река начала мелеть и пришлось резко сокращать импорт продовольствия, потенциал аграрного сектора был развит настолько, что страна могла полностью перейти на потребление собственных продуктов, причем по самым высоким стандартам. Но увы!...

После 1985 года кажущееся продовольственное благополучие СССР начало испаряться буквально на глазах. Очень скоро выяснилось, что наши дела одинаково плачевны как в растениеводстве, так и в животноводстве. Построенные при Брежневе во множестве животноводческие комплексы оказались неэффективными и высокочрезвычайно затратными, требовали больших расходов на содержание и эксплуатацию. К тому же, лишившись импортного фуража, колхозы и совхозы не смогли обеспечить их собственными кормами, поэтому начался огромный падеж и сокращение поголовья скота.

К концу 80-х на многие продукты питания, и прежде всего животноводческие, пришлось вводить талоны с мизерными нормами потребления. Но и эти нищенские нормы — килограмм мяса, полкилограмма колбасы, 200 граммов сливочного масла и т. д. на человека в месяц — торговля не могла полностью обеспечить. Чтобы купить для семьи хоть каких-нибудь продуктов, люди были вынуждены занимать очереди у магазинов с вечера. Рядовому гражданину было безразлично, сколько стоит килограмм колбасы — 2 рубля 20 коп. или дороже, потому что он все равно мог купить ее лишь полкилограмма в месяц, да и то если повезет. Именно в то время произошел анекдотический случай с одной советской туристкой, которую угораздило поехать из своего голодного города в Финляндию. Зайдя там в рядовой магазин и увидев сто сортов колбасы, за которой не было никакой очереди, бедная женщина упала в обморок.

К 1989 году разрыв между платежеспособным спросом населения и предложением достиг катастрофической величины. На руках у людей скопилось 400 миллиардов рублей, однако товары и услуги, которые могло предоставить населению государство, едва дотягивали до 200 миллиардов рублей. По подсчетам тогдашних экономистов, 80 процентов всех товаров и услуг в стране стали остродефицитными. Это был прямой, наглядный, понятный каждому результат деятельности социалистической экономики, в том числе и ее неотъемлемой составной части — колхозно-совхозного строя. Посадив в мирное время да еще после фантастической поддержки государства народ богатейшей ресурсами страны на голодный паек, этот строй сам себе вынес исторический приговор. Аграрная реформа в СССР стала неизбежной.

Почему же, однако, Столыпину и Ленину потребовался всего год, чтобы буквально всколыхнуть сельхозпроизводство в стране, а мы, встав на тот же путь, и за десять лет этого не сделали? Почему, как правильно заметил Гамза, Россия продолжает ввозить огромное количество продовольствия из-за рубежа? Да потому, что, в отличие от наших

великих предшественников, мы по милости господ антиреформаторов, в том числе того же Гамзы, все эти десять лет не делом занимались, а лишь вели бесконечные дискуссии по поводу реформ, пытались обойтись рыночными полумерами и во что бы то ни стало сохранить колхозно-совхозный строй.

Коллективные хозяйства на селе никуда не девались. Они как существовали, так и продолжают существовать по сей день. Одни хоть вывеску сменили, другие даже и этого не сделали. В сводках Госкомстата их теперь обобщенно именуют сельхозпредприятиями, но разглядеть какие-либо отличия сих «предприятий» от прежних колхозов и совхозов весьма затруднительно. Эти-то коллективные хозяйства и продолжают тащить аграрный сектор России вниз.

Обратимся к местной статистике. До 1992 года в Амурской области насчитывалось 204 коллективных хозяйства (колхозы, совхозы, подхозы, учхозы). В 92-м началась их перерегистрация в организационно-правовые формы, соответствующие новому российскому законодательству. Какую именно форму выбрать, в каждом хозяйстве решали сами. Можно было сохранить колхоз, а можно было, в случае неправильного выбора, поменять затем одну форму на другую. Получили права и фермерские хозяйства, их ассоциации, а также личные хозяйства граждан. Людям предоставили свободу выбора, никому ничего не навязывая.

И вот что стало через 10 лет, то есть к тому времени, когда обсуждался новый земельный кодекс и закон об обороте сельхозугодий. На конец 2001 года в области числилось 283 сельхозпредприятия, то есть коллективных хозяйства. В том числе:

Колхозов	— 28
Сельскохозяйственных кооперативов	— 168
Товариществ	— 48
Акционерных обществ закрытого типа	— 27
Акционерных обществ открытого типа	— 12

Как видим, в целом коллективных хозяйств за счет их разукрупнения стало даже побольше. И принадлежало им на конец 2001 года 77,1 процента всех посевных площадей области.

Кроме них в аграрном секторе значилось 1886 фермерских хозяйств, 39 — их ассоциаций, более 100 тысяч личных хозяйств граждан. Им принадлежали оставшиеся 22,9 процента пашни.

Хотя государство провозгласило равенство всех этих форм хозяйствования, на деле было далеко не так. Фаворитами у госчиновников по-прежнему оставались коллективные хозяйства, которым и направлялись в основном льготные государственные кредиты. Фермерам из этих кредитов доставались лишь жалкие крохи, хозяйства же граждан вообще не получали никакой поддержки.

А вот вклад этих производителей в обеспечение продовольственной безопасности Приамурья был обратно пропорционален размерам пашни и государственной заботе о них. Снова обратимся к статистике.

Структура валовой продукции сельского хозяйства Амурской области по категориям производителей (в процентах):

	1995	1997	1998	1999	2000	2001
Сельхозпредприятия	43,5	27,8	27,0	22,1	22,1	25,1
Хозяйства граждан	51,3	67,7	68,7	73,5	74,2	69,5
Фермеры	5,2	4,5	4,3	4,4	3,7	5,4

Структура основных видов сельскохозяйственной продукции Амурской области в 2000 году по категориям хозяйств (в процентах к хозяйствам всех категорий):

	<i>Зерно</i>	<i>Картофель</i>	<i>Овощи</i>	<i>Мясо</i>	<i>Молоко</i>
Сельхозпредприятия	84,2	3,1	7,6	25,4	17,0
Хозяйства граждан	0,3	95,7	90,0	67,0	74,0
Фермеры	15,5	1,2	2,4	7,6	9,0

Как видим, накануне решающих баталий по поводу купли-продажи земли коллективные хозяйства, владеющие тремя четвертями всей пашни, дали лишь четвертую часть валовой продукции сельского хозяйства области. Население же и фермеры, имея в три с лишним раза меньше земли, произвели продукции в два с половиной раза больше, чем сельхозпредприятия. Наверное, хуже использовать землю, чем это делают сегодня коллективные хозяйства, уже невозможно.

Между тем страсти вокруг закона об обороте сельхозугодий продолжали бушевать. Лишь в июне 2002 года Государственная Дума приняла наконец многострадальный закон в третьем, последнем, чтении. Приняла с небольшим перевесом голосов, под зловещие предупреждения левых депутатов: спор не окончен, еще посмотрим, чья возьмет. Но все-таки дело было сделано: миллионы виртуальных собственников земли стали ее реальными хозяевами. Теперь вроде бы все барьеры на пути аграрной реформы были окончательно сняты. Но...

Под давлением левых депутатов вступление закона в силу отложили еще на 8 месяцев — до начала посевной 2003-го. А это означало, что реально рынок земли сможет заработать не раньше осени 2003-го, и если господа защитники крестьян не умудрятся сунуть в шестерни аграрного механизма еще какой-нибудь лом, то первый результат принесет лишь в 2004 году. Это через четырнадцать-то лет после «исторического» решения II съезда народных депутатов РСФСР о реформировании агропромышленного комплекса России и признании частной собственности на землю!

Таковыми поистине черепашими темпами еще никто в мире жизненно важных реформ не проводил.

Легенда о «старшем брате»

Во второй половине лета, когда началась благодатная грибная пора, к нам в Новинку приехали два моих старых приятеля — большие любители природы, заядлые грибники и отъявленные рыболовы. Оба в спортивных трико, с походными рюкзаками и огромными баулами со всяческой снедью.

— Хотим подышать вашим озоном, — говорят, — с удочкой посидеть, маслят пособирать. Примете?

Что за вопрос? Хорошим гостям мы всегда рады.

В первые дни мужики аж балдели от чистоты и свежести воздуха, красоты окрестных пейзажей, яркости и сочности красок. Каждое утро после завтрака они уходили либо в лес — с лукошком, либо на знаменитые Егорьевские озера — с удочками. А возвращаясь, делились впечатлениями. По их разумению выходило, что человек, оказывается, самый большой дурак на свете. Ведь эту несказанную красоту и прелесть природа создала именно для него, а он, балбес, огородил себя бетонными стенами и, почитай, глаз сюда не кажет. У него на уме лишь работа, работа, деньги, деньги...

Часа в 3–4 пополудни мы усаживались за большой обеденный стол на летней веранде. Оба мои приятеля, как и я, давно уже были на пенсии, но один из них продолжал работать — преподавателем в одном из университетов. За обедом начинались

неторопливые обстоятельные беседы — о том о сем, но чаще о политике, экономике, современной морали.

В прежние времена наш ученый приятель, работающий теперь преподавателем вуза, долгое время был лектором обкома КПСС и слыл заядлым спорщиком. Теперь он был еще агрессивнее, более возбудим и нередко, что называется, зажигался от одной спички.

Однажды после обеда мы заговорили о распаде СССР. Мой собеседник вдруг встrepенулся, глаза вспыхнули, повернувшись ко мне, он рубанул:

— Попомни, Альберт, за развал Союза Ельцина еще будут судить. Это же неслыханное преступление: народ на референдуме проголосовал за сохранение СССР, а он его взял и развалил.

— Ну, во-первых, референдум тут ни при чем, — попытался возразить я. — Он ведь не имел юридической силы.

— Как это не имел? Почему?

— Да потому, что был проведен вопреки союзной Конституции. Она ведь гарантировала республикам право на самоопределение вплоть до свободного выхода из страны. Поэтому, не изменив конституцию, нельзя было проводить такой референдум.

— Какая конституция, о чем ты говоришь, — наш приятель вскипал все больше и больше. — Это все крючкотворство, юридические уловки.

— Но ведь республики потому и согласились войти в Союз, что им гарантировали право свободно выходить из него. Вот они и начали отделяться. Еще до Беловежской пуши.

— Да не народ, не народ этого захотел. Руководители республик, местные князья и баи. Им, видите ли, самостоятельность понадобилась.

— Допустим, что так. А что было делать нам? Оружие применять, что ли?

— И оружие. Надо было в две-три республики ввести войска, остальные сразу же забыли бы об отделении.

— Тогда претензии не к Ельцину, а к Горбачеву. Советская Армия, как мы все помним, подчинялась ведь не президенту России, а президенту СССР.

Спорить с этим далеко не молодым человеком было не столько тяжело, сколько тягостно. Казалось бы, время достаточно далеко унесло нас от той невидимой черты, которая разделила нашу новейшую историю на две эпохи. Советский Союз ушел в прошлое. Большинство людей даже старшего поколения воспринимают сегодня аббревиатуру «СССР» как что-то архаичное, полузабытое. Для них теперь привычнее и роднее звучит «Россия». Новое же поколение россиян вообще мало что знает о нашей бывшей стране.

И все же свойственное человеку чувство ностальгии постоянно толкает многих людей в объятия недавнего прошлого. Они никак не могут вырваться из этих объятий, до сих пор тяжело переживают распад СССР и считают его величайшим бедствием. Переубедить этих людей невозможно, никаких доказательств они не приемлют. Вот и мой собеседник разнервничался, голос у него сорвался, а на глаза навернулись слезы. Пришлось менять тему разговора. Больше к этому щекотливому вопросу мы не возвращались.

Увы, в нашем недавнем прошлом расставлены далеко еще не все точки над «і». Даже такие высокообразованные люди, как мой знакомый — действующий преподаватель вуза, имеющий ученую степень кандидата наук, — оказывается, не до конца представляют, что же произошло в 91-м с великой державой «Советский Союз». А откуда им это знать? Время идет вперед, но серьезных исследований на сей счет как не было, так и нет. По-прежнему в некоторых средствах массовой информации иногда появляются лишь крикливые пропагандистские статьи типа «Ельцин развалил СССР».

В этой связи можно только удивляться нашему государству. Оно идет вроде бы тем же путем, который был избран при Ельцине. Никаких ревизий этого курса нет и пока не предвидится. Стало быть, руководство страны должно быть кровно заинтересовано, чтобы

противопоставить измышлениям шарлатанствующих политиков объективное изложение последних исторических событий. Для этого у него есть все: архивы с бесценными документами, деньги, огромная армия квалифицированных историков, книжные издательства, средства массовой информации, наконец. Нет, видимо, одного: понимания важной роли объективной историографии в консолидации общества.

Впрочем, иногда даже при полном отсутствии инициативы со стороны государства все же появляются по-настоящему серьезные, глубокие, высокопрофессиональные исследования. Одним из них, несомненно, является работа известного историка и публициста Роя Медведева «Почему распался Советский Союз». Она насыщена многочисленными историческими фактами, описаниями малоизвестных событий, дает картину противостояния политических лидеров и т. д. Читать это произведение интересно, некоторые его страницы прямо-таки захватывают.

И все же полного удовлетворения эта работа не доставляет, потому что автор не анализирует главную причину распада СССР — экономический крах социализма. А она — эта причина — сыграла куда большую роль в развале СССР, чем все остальные, вместе взятые.

Наверное, нет надобности доказывать, что в основе всех войн и завоеваний, объединений и разъединений наций лежат экономические интересы. Народы и государства делают только то, что им выгодно, а не наоборот. Именно поэтому московские князья и присоединяли к своим вотчинам ближние и дальние земли — как правило, огнем и мечом.

Процесс собирания земель и народов под начало Москвы длился несколько веков и завершился в основном при Петре I. К этому времени Россия уже распростерлась на огромном пространстве от Балтийского моря до Тихого океана и от Северного Ледовитого до Китая, Ирана, Афганистана, Турции. В странах Европы она получила статус Великой Российской империи, а ее царь стал императором.

После Петра из теперешних российских земель оставались неприсоединенными лишь Приамурье и Приморье на Дальнем Востоке, хотя эти не имеющие государственности территории уже были открыты русскими землепроходцами. Любопытно, что судьба далекого восточного края, равного по площади половине Европы, решалась не силой оружия, а с помощью дипломатии. Переговоры с южным соседом этих территорий — Китаем Россия вела около двух столетий. После смерти каждого китайского императора и появления нового приходилось все начинать сначала. Лишь в 1858 году наконец был заключен договор, по которому Приамурье и Приморье отошли к России.

Время от времени возникали и некоторые другие проблемы с окраинными территориями, например, с Северным Кавказом, Польшей. Но в целом Российская империя просуществовала без бурь и потрясений два с лишним столетия.

Лишь в начале XX века здание империи зашаталось под ударами революционных бурь. Вождь большевиков В. И. Ленин назвал Россию тюрьмой народов. Он создал собственную национальную теорию, согласно которой все входившие в империю нации следовало выпустить на свободу. Потом, по его мнению, освободившиеся от российского рабства нацменьшинства должны снова вернуться в бывшую империю. Но исключительно добровольно, без всякого принуждения, руководствуясь лишь своими национальными интересами. Вот тогда, считал Ильич, Россия станет действительно могучей и свободной, спаянной дружбой и братством входящих в нее народов.

В принципе эта ленинская позиция, несомненно, заслуживает уважения. Правда, она не отвечала на вопрос: если Россия — тюрьма народов, то зачем получившим свободу нациям вновь возвращаться в ее затхлые казармы? Что они там забыли? Не сделают ли они России ручкой, как уже делали в прошлом другие народы при развале прежних империй?

Ответ на этот вопрос не заставил себя долго ждать. Сразу же после февральской революции и падения царского самодержавия окраинные территории России одна за другой начали объявлять себя свободными и выходить из империи. На Украине и в Белоруссии, в Закавказье и Средней Азии возникают независимые от центрального правительства собственные верховные органы власти — всевозможные «рады» «курултаи», «шура-исламии» и т. д.

Если бы большевики следовали ленинской национальной политике, то, захватив власть в октябре 17-го, они должны были бы поддержать этот процесс и официально предоставить всем народам право свободно выйти из бывшей «тюрьмы народов». Однако Ильич к тому времени уже понял, что если так поступить, то заманить потом эти окраины в прежние казармы будет нечем, кроме обещания земного рая в далеком будущем. Надежда, что такое обещание сработает, была ничтожной. Поэтому не стали испытывать судьбу, а направили в окраинные земли «железные полки» Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Сопrotивление революционным войскам повсюду оказывалось нешуточное. Однако выстоять против Рабоче-Крестьянской Красной Армии смогли далеко не все. Потеряв в боях с Польшей свыше 50 тысяч красных бойцов, большевики были вынуждены выпустить эту страну на свободу. Того же добились Финляндия, Литва, Латвия, Эстония. Все же остальные территории к концу 1920 года пали под ударами красных штыков, но и после этого еще долго сопротивлялись присоединению к большевистской России.

Только через пять лет после Октябрьского переворота, когда во главе национальных окраин большевикам удалось поставить своих людей, народы бывшей Российской империи заявили-таки о своем «горячем желании» снова жить в «единой братской семье». Выражая их волю, Первый съезд Советов 30 декабря 1922 года провозгласил создание нового государства — Союза Советских Социалистических Республик.

Становым хребтом, скрепившим воедино советскую империю, стала партия большевиков. Правда, сами большевики не называли СССР империей. Им больше нравилось другое, более демократичное название — «новая общность людей — советский народ». Только к концу существования КПСС ее руководители поручили своим академикам разобраться, что же такое СССР? Те долго изучали проблему, совещались и наконец выдали коллективное заключение: «Советский Союз — империя».

По мнению этих ученых, от других известных истории империй СССР отличался только тем, что в его конституции было сформулировано завещанное Ильичем право наций на самоопределение вплоть до отделения. Однако «право» это оставалось лишь на бумаге. На практике о нем никто никогда не вспоминал и даже помыслить о таком чуде не мог. Те, кто при Сталине пытался рассуждать о своих конституционных правах, сталкивались с иными, далеко не правовыми понятиями, такими как «донос», «арест», «ночной допрос», «суд тройки», «срок», «этап», «ГУЛАГ», «стенка», «вышка».

Конечно, с помощью этих «стенок» и «вышек» большевики управляли не только национальными окраинами, но и всей страной, прежде всего, Российской Федерацией. Сыны и дочери России первыми шли по этапу в лагерь и на лесоповалы, первыми становились к стенке, удобряя своими костями многострадальную матушку-землю. Но такая же участь при малейшем несогласии с новым образом жизни ожидала и национальные меньшинства.

Однако настало время, когда отец всех народов отошел в мир иной. Кончилась и его политика массовых репрессий. Теперь национальный вопрос в СССР надо было решать иными, более цивилизованными средствами. Прежде всего, следовало обеспечить союзным республикам достойный уровень жизни. А вот с этим-то как раз у первой страны победившего социализма и была напряженка.

Экономические успехи у СССР, безусловно, были, и немалые. В конце 20-х, в 30-е годы в стране невиданными темпами проводилась индустриализация. За короткий срок была создана самая современная оборонная промышленность, не уступавшая по мощи ни

одной стране Запада. Свое превосходство над остальным миром военно-промышленный комплекс СССР продемонстрировал в годы Второй мировой войны, когда, потеряв в первом месяце гитлеровского нашествия значительную часть производственных мощностей, сумел быстро восстановиться и обеспечить Красную Армию всем необходимым для победы.

Стремительными темпами восстанавливались и разрушенные войной города, поселки, села, предприятия, транспорт. Вслед за оборонной на передовые рубежи в мире выходит и космическая промышленность. Советский Союз первым запускает искусственный спутник Земли, первым отправляет человека в космос, обогнав даже самую богатую страну планеты — Соединенные Штаты Америки.

В 60-е годы на сибирских и дальневосточных реках строятся крупнейшие гидроэлектростанции. Тогда же невиданный размах приобретает жилищное строительство. Вместо обветшалого жилья поднимаются целые кварталы и даже микрорайоны современной многоэтажной застройки. Миллионы людей впервые приобщаются к благам цивилизации — в их квартирах появляется горячая и холодная вода, персональные ванны и теплые туалеты, телевизоры, холодильники, стиральные машины, и т. д.

Многие страны получают от СССР бескорыстную экономическую помощь. В Европе, Азии, Африке наши люди строят плотины, гидроэлектростанции, металлургические комбинаты. К нам из-за рубежа едут учиться. Словом, Советский Союз становится достойным лидером социалистического лагеря и мощным противовесом лидеру капиталистического мира — Соединенным Штатам Америки.

Но... все эти несомненно впечатляющие успехи были достигнуты дорогой ценой и, увы, оказались временными. Социалистическая экономика, основанная на всеобщей государственной собственности, очень скоро обнаружила свою неэффективность, неспособность развиваться стабильно, долгосрочно, а главное — по всем направлениям. Когда к концу 60-х годов иссяк главный источник, питавший промышленную мощь страны, — приток дешевой рабочей силы из деревни, взору открылась ужасающая пропасть, разделяющая нашу и западную экономики.

Народное хозяйство в СССР оказалось высокочрезвычайно затратным, слабо реагирующим на потребности и запросы общества. Качество выпускаемых у нас машин, оборудования, стройматериалов, а особенно товаров народного потребления катастрофически отстало от западных образцов. Многие предприятия работали, как тогда говорили, не «на прилавок», а «на склад». Омертвляли материальные ценности, на ветер выбрасывалась значительная часть сырья, топлива, электроэнергии. Такая экономика способна была разорить даже самую богатую природными ресурсами страну, что у нас и происходило на деле. Уже тогда, в 60-е годы, многим непредвзятым экономистам будущее СССР и его союзников не казалось таким светлым, каким его продолжали рисовать идеологи КПСС.

Однако судьба даровала нам еще один шанс. Как я уже писал, в самом начале 70-х годов в Западной Сибири были разведаны богатейшие месторождения нефти и газа, сразу сделавшие СССР одним из ведущих мировых экспортеров энергоносителей. Доля топлива и энергии в союзном экспорте возрастает с 15,6 до 53,7 процента, а поступления в государственную казну от их продажи достигают фантастических сумм — свыше 90 миллиардов долларов в год. Складывается исключительно благоприятная ситуация для того, чтобы коренным образом реформировать народное хозяйство, сделать его менее затратным, ресурсосберегающим, перейти на передовые технологии, выпуск высококачественной продукции. Однако к таким принципиальным, качественным переменам социалистическая экономика оказалась невосприимчивой. За исключением оборонной и космической промышленности, техническое отставание остального народного хозяйства СССР от Запада продолжало увеличиваться и в годы нефтяного бума (1975–1985 гг.). Достаточно привести такие, например, цифры. В странах, близких нам по тогдашнему уровню развития (Италия, Япония), энергоемкость внутреннего валового

продукта с 1970-го по 1985 год снизилась в 3 раза, а в СССР, при таком же росте ВВП, возросла в 1,7 раза. По производительности труда, которую В. И. Ленин называл «самым главным, самым важным для победы нового общественного строя», Советский Союз в эти годы отставал от передовых западных стран в промышленности в 3–4 раза, а в сельском хозяйстве даже в 10 раз.

В течение десяти лет за счет обильного прилива «нефтедолларов» руководству СССР удавалось:

- подпитывать отечественную промышленность и сельское хозяйство;
- помогать социалистическому лагерю и тем странам «третьего мира», которые заявили о своем желании строить социализм;
- удерживать достойные позиции в соревновании с США по производству танков, самолетов, баллистических и крылатых ракет, атомных подводных лодок, космических аппаратов;
- поддерживать достойный жизненный уровень огромного населения, превышающего по численности население главных нефтеэкспортирующих стран мира, — Ирана, Ирака, Венесуэлы, Кувейта, Саудовской Аравии, Катара, Ливии, Объединенных Арабских Эмиратов, Алжира, Эквадора, Габона, Норвегии, Аргентины, Бахрейна, Великобритании, вместе взятых.

Но всему приходит конец. Не выдержав такой колоссальной нагрузки, быстро истощились и уникальные нефтяные месторождения Западной Сибири. Это произошло уже при Михаиле Горбачеве. Буквально за несколько лет объем добычи нефти на территории России «вернулся» к уровню 1970 года. Любопытно, что, вслед за нефтедобычей, также к уровню 1970 года начали возвращаться и другие отрасли промышленности, которых так и не коснулись ни модернизация, ни структурная перестройка. Свой исторический шанс занять место в ряду самых развитых стран мира СССР, а вместе с ним и Россия, упустили.

Резкое сокращение притока «нефтедолларов» заметнее всего ударило по такой чувствительной сфере, как потребление. В годы нефтяного бума, выделяя на закупку импортных товаров огромные средства, руководство страны смогло улучшить лишь питание населения (об этом уже говорилось в предыдущей главе). По остальным товарам (автомобили, яхты, комфортабельное жилье, бытовая техника и т. д.) западный мир по-прежнему для нас оставался недостижимым. Всеобщий дефицит стал для граждан СССР постоянным спутником, образом жизни.

Относительно сносный уровень потребления партийное руководство страны смогло обеспечить лишь на национальных окраинах. Так было и до нефтяного бума, и особенно в пору «нефтедолларового» прилива. Достигалось это за счет перераспределения материальных благ внутри страны, а точнее — за счет России. Практически почти весь союзный бюджет держался на Российской Федерации, которая вносила в общий котел 94 процента всех средств. Еще 6 процентов поступало от Украины и Казахстана. На каждого их жителя это было в семь раз меньше, чем отдавал каждый россиянин, но все-таки... Остальные же 12 союзных республик вообще ничего не вносили, а получали от общего пирога сполна.

Разумеется, такое вопиющее неравенство при распределении материальных благ тщательно скрывалось. Истинная картина отражалась лишь в секретных материалах, не подлежащих разглашению. В открытой же печати можно было прочитать, сколько квадратных метров благоустроенного жилья, телефонов, автомобилей, холодильников и т. д. приходилось на тысячу жителей в РСФСР, а вот сколько на Украине, в Закавказье, Средней Азии, Прибалтике — увы... Официальная пропаганда отделывалась лишь общими, туманными фразами: мол, русский старший брат может гордиться достижениями своих младших братьев и даже кое в чем поучиться у них.

Но шила в мешке не утаишь. Во второй половине 70-х — начале 80-х годов разрыв в сфере потребления между Россией и остальными республиками стал настолько велик, что

скрыть его уже было невозможно. Помню, в то время входили в моду круизы по стране: масса туристов-россиян буквально хлынула в союзные республики, поглазеть на их житье-бытье. Все, кто побывал в республиках Средней Азии, Закавказья, Прибалтики, говорили:

— Вот это живут! У них там почти коммунизм. Мы вкалываем больше, а по сравнению с ними — нищие.

Но и в самих этих республиках потребление было дифференцированным. Местная власть ухитрялась делать так, что люди коренных национальностей получали значительно больше благ, чем живущие там же русские, которые эти блага создавали.

Вот что пишет об этом директор Института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук Нодари Симония, грузин по национальности: «В Тбилиси русские (если не считать семьи второго секретаря ЦК компартии) всегда жили хуже, чем большинство грузин. Такая же ситуация складывалась и в других республиках. Везде и всегда русские были на положении старшего брата, который, все отдавая младшим, сам оставался нищим. Власть России, ее влияние на национальных окраинах были резко преувеличены».

Часть населения союзных республик вела откровенно паразитический образ жизни. И когда вслед за сокращением экспорта нефти в стране начал падать жизненный уровень, именно эта часть первой выразила недовольство властью. В конце 80-х впервые после провозглашения СССР по национальным окраинам прокатились мощные антисоциалистические выступления.

— Хорошо помню один такой митинг, — рассказывала мне наша сельская фельдшерица Нелли Матвеевна Товстоган, беженка из Грузии. — Было это за 2–2,5 года до распада СССР. Все улицы, ведущие к площади Ленина в Тбилиси, были забиты черными «волгами». Не самыми распространенными тогда «жигулями» и «москвичами», а именно престижными и самыми дорогими черными «волгами». Думаю, их там было не меньше тысячи. «Что случилось?» — спрашиваю у людей. Оказывается, это участники митинга приехали на личных машинах, чтобы заявить, как им плохо живется. Очень много было плакатов против КПСС, социализма. Но самое поразительное, грузины резко выступали против России и русских вообще. Хотя хорошо знали, что все их благополучие на России-то и держится.

Руководство СССР попыталось было пресечь вспышки национального недовольства силой. Начальник Генерального штаба маршал С. Ахромеев заявил в печати, что раз какая-то часть граждан выступает против партии и социализма, то долг армии защитить от них наш строй. В 1989—1991 годах в Азербайджане, Грузии и Литве пролилась кровь. Однако участие армии в усмирении населения привело лишь к тому, что на улицы вышли уже не тысячи, а сотни тысяч людей.

Первое в мире социалистическое государство затрещало по всем швам. Часть партийного руководства страны была настроена защищать его по-прежнему силовыми методами, не останавливаясь перед любым кровопролитием. К счастью, у Михаила Горбачева хватило мудрости избрать другой путь. Он попытался сделать то, чего в свое время не сделал Ленин: договориться с республиками об их действительно добровольном вхождении в Союз.

Началась кропотливая работа над новым союзным договором. С большим трудом, шаг за шагом, постоянно натываясь на всевозможные подводные рифы, руководители республик преодолевали разногласия. Мало-помалу угроза распада страны вроде бы начала отступать. Был назначен день подписания Договора — 20 августа 1991 года.

Трудно сказать, надолго ли продлилось бы существование СССР, если бы договор этот удалось подписать. Скорее всего — ненадолго. Но даже появиться на свет новому историческому документу было не суждено. За сутки до намеченного дня подписания в стране произошел государственный переворот, совершенный ближайшим окружением

Горбачева. Свергнув президента СССР, путчисты отменили все его либеральные реформы, политические свободы, вернули страну во времена жесточайшей диктатуры.

Верховный Совет России буквально за три дня подавил путчистов и вернул Горбачева на пост президента СССР. Но приглашать руководителей республик для подписания нового союзного договора теперь было поздно. После ареста организаторов переворота республики одна за другой начали рушить скелет, на котором держалось одряхлевшее тело СССР — коммунистическую партию.

По стране покатился настоящий «девятый вал» департизации. Уже 22 августа 1991 года свою республиканскую компартию распустила Эстония, 23-го — Литва и Россия, 24-го — Молдавия, 25-го — Белоруссия, 26-го — Грузия и Туркмения, 30-го — Украина, 31-го — Киргизия, 7 октября — Казахстан и Армения, 10-го — Литва, 14-го — Азербайджан и Узбекистан, 2 октября — Таджикистан. Таким образом, всего за месяц и 10 дней рухнул огромный многонациональный каркас, который семь десятилетий цементировал советскую империю.

Одновременно республики начали выходить из СССР — сами, не спрашивая разрешения ни у Горбачева, ни тем более у Ельцина (так было в России и после Февральской революции 1917 года). Украина и Грузия даже провели свои национальные референдумы, на которых население высказалось однозначно: «Отделиться!». К началу декабря 1991 года в СССР фактически оставались лишь две республики — Россия и Казахстан. Российская Федерация хоть и объявила в июне 90-го суверенитет, но осталась составной частью Союза и выходить из него не собиралась.

В Беловежскую пущу делегация России поехала вовсе не за тем, чтобы подписать смертный приговор Советскому Союзу. Как не раз заявляли потом члены делегации, не было у них такого намерения. Ельцин по-прежнему считал, что Союз надо сохранить. Но лидеры других республик, прежде всего президент Украины Леонид Кравчук, и слышать об этом не хотели. Их больше заботило, как разделить собственность СССР. Один из ярких сторонников немедленного раздела имущества еще здравствующей страны украинский премьер В. Фокин по этому поводу выразился так: все, что находится на территории республик, должно им и принадлежать, а вот союзную собственность в РСФСР следует разделить между всеми республиками. Это означало, что у России надо забрать 85 процентов созданных ею, на ее деньги, руками ее рабочих наиболее крупных промышленных предприятий, оставив ей лишь прачечные, ремонтные мастерские, артели и прочую мелочь. На Россию же предлагалось «повесить» весь внешний долг СССР.

Понятно, что в таких условиях договариваться о сохранении Союза было просто невозможно. Максимум, чего удалось добиться российской делегации в Беловежской пуще, — подписать договор о создании Содружества Независимых Государств. Только после этого Россия и Казахстан последними покинули СССР: Россия — 12 декабря, Казахстан — 16 декабря 1991 года.

Величайшая в истории человечества империя Советский Союз прошла все стадии развития, отпущенные империям, — создание, становление, подъем, расцвет, упадок, и неминуемо должна была погибнуть. Ее распад был обусловлен объективными, прежде всего экономическими причинами. У народов, населявших СССР, больше не было стимулов оставаться в обанкротившейся, переживающей затяжной экономический кризис державе. Слава Богу, что по своим национальным квартирам они разошлись без кровопролития.

Заклятье

Но вернемся к нашей области. Для начала — анекдот на тему.

«Приходит солидный мужчина в одну квартиру.

— Здесь живет маг, снимающий заклатья?

— Вы пришли именно сюда — я снимаю любые заклятья. А как вы полагаете, кто и когда на вас его наложил?

— Это была ведьма, которая 30 лет назад сказала: объявляю вас мужем и женой».

Похоже, такое же сильное заклятье лежит и на нашей области. Не 30 лет, но с десяток — точно.

Россия давно уже усвоила основы рыночной экономики, народное хозяйство страны из года в год добивается высокого роста производства даже по мировым меркам. Некоторые российские регионы, наиболее продвинутые по пути реформы, превосходят и эти темпы роста в 2, 3, 4 раза.

А наше Приамурье, выбившись из общего строя, как проклятое, ковыляет где-то на обочине, все больше отставая и от ближайших соседей, и от страны в целом. Меняются депутаты, приходят и уходят губернаторы, во время предвыборных кампаний звучат клятвы положить жизнь на алтарь процветания области, а экономика продолжает рушиться, останавливаются предприятия, сокращаются посевные площади, больше миллиона гектаров пахотной земли уже ушло в залежь, население находится в числе самых бедных в стране.

Время от времени кто-нибудь из представителей областной власти или партийных лидеров разъясняет народу в средствах массовой информации, как мы докатились до жизни такой. С завидным упорством они внушают людям, что во всех сегодняшних бедах виноваты исключительно рыночные реформы и те «молодые реформаторы», которые начинали их в 1992 году. Это, мол, они запрограммировали развал экономики и обнищание народа, что сейчас и происходит.

Ну, вообще-то явный развал союзной экономики начался еще во второй половине 80-х годов прошлого столетия, о чем сегодня, думаю, знает любой старшеклассник общеобразовательной школы. Никаких «молодых реформаторов» тогда у власти и в помине не было. То же самое происходило и в нашей области. Позволю себе в связи с этим процитировать хотя бы несколько выдержек из отчета тогдашнего облстатуправления за 1991 год — последний год перед реформой.

«Социально-экономическая ситуация, сложившаяся в народном хозяйстве области, аналогична той, что характеризует всю страну и говорит о кризисном состоянии производства, потребительского рынка и финансовой системы. Практически во всех отраслях народного хозяйства сокращались объемы производства продукции, работ, услуг. Почти в 2 раза ускорились темпы снижения объемов производства промышленной продукции... Розничные цены на товары народного потребления возросли в 2,1 раза, платные услуги подорожали в 1,7 раза... Валовый сбор сельскохозяйственной продукции сократился на 10 процентов (это все равно, что если бы в течение всего года полностью не работали 20 средних колхозов и совхозов. — А. К.)... Объемы закупок зерна сократились на 36 процентов, ...скота и птицы в живой массе продано меньше на 24 процента, молока — на 11 процентов, яиц — на 18 процентов... Объем розничного товарооборота в сопоставимых ценах снижен на 16 процентов».

Как видим, «программа развала экономики» уже тогда была полностью запущена, а реформаторы как раз и пришли-то для того, чтобы ее остановить. Конечно, вынужденный крутой поворот к рынку планового социалистического хозяйства, уже громыхавшего всеми колесами по рельсам экономического кризиса, был болезненным. Оказавшись без централизованных поставок сырья, гарантированных потребителей продукции, финансовой поддержки государства и столкнувшись с жестокими, малопонятными рыночными законами, промышленные предприятия страны буквально «рухнули». В первый же месяц реформы объем производства на них упал на 30 и более процентов. Многие экономисты заговорили, что такой огромный спад приведет к полному развалу всего народного хозяйства России, если ей не придут на помощь другие страны.

Однако в тот критический момент никто экономической помощи нам не оказал. Тем не менее промышленный потенциал страны не развалился, а продемонстрировал

исключительную прочность. Я уже приводил подробные статистические данные, говорящие о том, что наша амурская промышленность буквально за три месяца после начала реформы почти оправилась от шока и начала медленно, но уверенно возвращаться на прежние позиции. К концу 1992 года спад производства колебался в пределах 15–17 процентов от предыдущего года, что уже не представляло опасности для областной экономики. А в следующем, 93-м, по расчетам специалистов, амурская промышленность должна была полностью восстановиться и начать чистый рост производства по сравнению с дореформенным уровнем. Это соответствовало тем прогнозам, которые давали ведущие институты страны для российской экономики в целом накануне принятия решения о начале реформы.

Еще раз повторю: промышленность области стойко пережила самый трудный и опасный начальный период реформы и вышла из него с минимальными потерями. Ни одно предприятие не обанкротилось, не остановилось и не сократило номенклатуру выпускаемых изделий. Вот список наиболее крупных предприятий промышленности того времени и перечень важнейших видов выпускаемой ими продукции, взятый из справочника облстатуправления за 1992 год — первый год реформы (без лесозаготовительной, золотодобывающей, угольной отраслей и электроэнергетики — о них разговор особый).

<i>Наименование предприятий</i>	<i>Вид продукции</i>
Судостроительный завод имени Октябрьской революции	— малые рыболовные сейнеры — консольно-козловые краны
Завод «Амурский металлист»	— горнопроходческие комплексы — щековые дробилки — буровые станки
Завод «Амурэлектроприбор»	— миллиамперметры
Благовещенский электроаппаратный завод	— масляные выключатели — силовые трансформаторы
Благовещенский завод «Спецэлеватормельмаш»	— нории для элеваторов
Шимановский завод кузнечно-прессового оборудования	— гильотинные ножницы
Свободненский завод «Автозапчасть»	— краны автомобильные — запчасти к автомобилям
Белогорский завод «Амурсельмаш»	— теплогенераторы — парообразователи
Амурский светотехнический завод	— светильники бытовые
Бурейский механический завод	— краны мостовые электрические
Райчихинский стекольный завод	— стекло оконное — бутылка стеклянная — сортовая посуда
Райчихинский завод «Амурдормаш»	— краны автомобильные

Райчихинская обувная фабрика	— обувь мужская, женская, детская
Благовещенская хлопкопрядильная фабрика	— пряжа
Благовещенская швейная фабрика	— швейные изделия
Благовещенская мебельная фабрика	— мебель
Благовещенская фабрика «Искра»	— спички

Продукция амурских предприятий шла тогда не только на внутреннее потребление, часть ее отправлялась и в другие регионы и даже на экспорт, в том числе в развитые страны Запада.

А вот что находим мы в ежегоднике «Социально-экономическое положение Амурской области за 2003 год» в перечне важнейших видов промышленной продукции:

- краны мостовые электрические
- краны автомобильные.

Все! Больше ничего из той обширной номенклатуры изделий, которые производила область при первых реформаторах, в 2003 году не выпускалось.

Что же произошло? Ведь понятно, что реформаторы 92-го тут ни при чем: после них прошло уже больше десяти лет. Более того, совсем недавно, в начале 2001 года, когда вместе с Коротковым в областную администрацию пришли грамотные, знающие свое дело экономисты, казалось, что все народнохозяйственные невзгоды уже позади. За спинами этих специалистов и сам губернатор выглядел таким Алешей Поповичем. Его пламенные речи о готовности создать в области самый благоприятный климат для притока инвестиций, о необходимости переориентировать народное хозяйство с бюджетного финансирования преимущественно на частных и акционерных инвесторов, в том числе и иностранных, о горячем желании сотрудничать с московским частным бизнесом, который давно уже ищет сферу приложения своим капиталам в других регионах, говорили о серьезных намерениях новой административной команды, правильном видении ею антикризисных мер.

И действительно, в первый год правления Короткова, как я уже говорил, в области произошли некоторые сдвиги к лучшему. Правда, основаны они были не на реальных действиях власти, а лишь на доверии к ее экономической программе, которую еще предстояло подкрепить конкретным делом. Но увы... когда вскоре грамотные, знающие свое дело экономисты покинули областную администрацию, сразу же стало видно: губернатор-то голый! Потолкавшись несколько лет в Государственной Думе, он, похоже, так ничего и не понял и ничему там не научился. Затуманить же мозги избирателям, как это принято сейчас в политике, ему помогли опытные пиарщики, проще говоря — искусные кукловоды. То, что говорил Коротков, будучи кандидатом в губернаторы, он, похоже, и сам до конца не понимал, а как это осуществить на практике — тем более.

Оставшись без кукловодов, Коротков мгновенно растерял все, что было сделано за первый год его помощниками. Прорекларированная администрацией политика привлечения инвестиций так и осталась пустой декларацией. Главной заботой губернатора (как, впрочем, и его предшественника) стало «выбивание» бюджетных денег в правительстве и их последующая дележка между городами и районами области. Перед частными инвестициями фактически был зажжен не обещанный зеленый, а красный свет. Я уже рассказывал в одной из глав, как в 2002 году группа солидных инвесторов из Москвы, решивших возродить полуразграбленный Райчихинский стекольный завод, неделю ожидала аудиенции у Короткова, но так и уехала ни с чем. Губернатор просто не

принял представителей столичного бизнеса и не захотел с ними разговаривать. После этого и у мэра Москвы Юрия Лужкова, публично обещавшего посетить Амур для установления тесных деловых контактов, отпало желание сюда ехать.

Потеряв привлекательность для российских инвесторов еще в годы правления Белоногова, при Короткове наша область вообще стала самой «неинвестиционной» на Дальнем Востоке. В 2003 году средства вкладывались практически лишь в строительство Бурейской ГЭС и автодороги Чита — Хабаровск — акционерным обществом «ЕЭС России» и федеральным правительством независимо от Амурской администрации. Остальная же экономика испытывала настоящий инвестиционный голод. Достаточно сказать, что иностранные инвестиции в амурскую экономику составили всего 1 процент от зарубежного капитала, вложенного в 2003 году в развитие Дальневосточного федерального округа.

Иждивенческая экономическая политика, начатая Белоноговым и продолженная Коротковым, привела к массовому банкротству предприятий. Если при Полеванове, Дьяченко и Ляшко банкротами было объявлено в общей сложности всего лишь 5 мелких предприятий и фирм, то при Белоногове — 391, за три года правления Короткова — 291, в том числе — немало крупных. Но самое страшное: объявив предприятия банкротами, областная власть ничего не сделала для их оздоровления, как того требует закон. В результате область лишилась значительной части своего промышленного потенциала. Вот список наиболее крупных предприятий, ликвидированных или ликвидируемых в годы правления Короткова.

2001 год. Ликвидированы:

- Благовещенская спичечная фабрика «Искра»;
- Благовещенская хлопкопрядильная фабрика;
- Шимановский завод кузнечно-прессового оборудования.

Остановлен Белогорский завод «Амурсельмаш». Не получив поддержки, простоял два года, объявлен банкротом.

2002 год. Начата ликвидация:

- Райчихинской обувной фабрики;
- Райчихинского стекольного завода.

2003 год. Ликвидирована Благовещенская мебельная фабрика.

2004 год. Ликвидированы:

- Свободненский завод «Автозапчасть»;
- Благовещенский завод «Амурэлектроприбор».

Начата ликвидация Амурского светотехнического завода.

Когда видишь все это, то уже не Алеша Попович приходит на ум — появляется впечатление, что кровавый Мамай со своей беспощадной конницей прошел по нашим промышленным предприятиям. Случись еще такой набег, и у области не останется ни одного завода или фабрики, которыми прежде мы так гордились и которые еще удерживаются на плаву.

Разумеется, видит это и областная власть. И не находит ничего лучше, чем скрыть от народа правду. В местной прессе просто-напросто перестали публиковать социально-экономические отчеты облкомстата, заменив их душещипательными беседами руководителей областной администрации с журналистами. Вот как выглядят эти беседы.

В апреле 2004 года, в канун трехлетия пребывания в кресле губернатора, оценку своей работе дал сам Коротков. В газете «Амурская правда» было опубликовано его пространное интервью под ошеломляющим заголовком: «Новые грани новой экономики». Прочитал я его, и так весело стало, словно с живым бароном Мюнхгаузеном пообщался. Не моргнув глазом Коротков заявил: «Мы еще раз убедились в том, насколько

правильным и обоснованным является принятый курс на развитие в области многоотраслевой экономики... Об Амурской области в свое время было известно, что это чисто аграрная территория, сегодня мы становимся областью, где, как говорят наши соседи-китайцы, «расцветает сто цветов». У нас развиваются лесная, горнорудная, дорожная отрасли, машиностроение. Кстати, по приросту машиностроения (152 процента) в этом году мы установили рекорд по Дальнему Востоку».

Вот так: не было Короткова, и в области ничегошеньки не было, кроме сельского хозяйства. Пришел Леонид Викторович, провозгласил новый экономический курс, и сразу же появились лесная, золотодобывающая, машиностроительная и некая дорожная отрасль, которой нет ни в одном статистическом справочнике. Причем все они бурно развиваются, а машиностроение даже рекорд по Дальнему Востоку установило.

Как это великолепно! Только вот люди постарше хорошо помнят, что все названные Коротковым отрасли, кроме непонятной «дорожной», в области существуют давным-давно, причем раньше, когда их вроде бы не было, давали значительно больше продукции, чем сейчас. К примеру, в 1996 году, при губернаторе Ляшко, пиломатериала было произведено 97 тысяч кубометров, а в 2003-м при Короткове — 48 тысяч, мостовых кранов соответственно — 74 и 20 штук, автомобильных кранов — 36 и 15 штук и т. д. Вот вам и рекорд по Дальнему Востоку.

Не очень отстают от знаменитого барона и ближайшие помощники губернатора. Вот какое интервью с начальником департамента экономики областной администрации А. Гордеевым опубликовала та же газета «Амурская правда» 3 марта 2004 года.

«Корреспондент: — Каковы перспективы Райчихинского стекольного завода?»

Начальник департамента экономики областной администрации А.В. Гордеев: — Сегодня нет такого предприятия. И на месте завода практически ничего не осталось. Все разорено. Единственное, что там сохранилось, — ценное сырье. Песок, из которого можно делать хорошее стекло. Но есть три компании, с которыми мы работаем, пытаемся решить проблему. Одну из них назову. Это компания «ПИТ», которая в Хабаровске имеет пивной завод. Их очень интересует производство бутылок. Они приезжали к нам с месяц назад, посмотрели на то, что осталось от завода, теперь думают.

Своими силами мы там ничего не сделаем. Надо искать инвестора. В ближайшее время будем представлять инвестиционные проекты на выставке в Харбине, потом — во Владивостоке».

Это уже совсем другой разговор. Даже некая гордость берет за родную область, когда читаешь такие строки. Да, кто-то неизвестный (наверное, реформаторы 1992 года) развалил огромный завод, но областная-то администрация не спит. С тремя инвесторами, в том числе и с известной в мире компанией «Пиво ПИТ», она уже плотно работает. А сколько еще появится таких «ПИТов», когда г-н Гордеев съездит во Владивосток и Харбин?

Однако читатель уже знает, как руководство администрации «поработало» с инвесторами, которые изъявили готовность вложить деньги в гибнущий стекольный завод еще в 2002 году. А вот что произошло дальше с компанией «Пиво ПИТ», которую упомянул г-н Гордеев. Вскоре после публикации его интервью из Москвы прилетела целая делегация во главе с генеральным директором этой компании. О своем визите москвичи сообщали за неделю, потом еще раз позвонили — в день отлета. Но, увы... из Благовещенска в Райчихинск им пришлось ехать без представителя областной администрации.

В Райчихинске обсуждались три варианта: восстановление старого завода, строительство там же нового и создание стекольного производства в Хэйхэ, где, правда, нет сырья, зато дешевая электроэнергия, поступающая туда с нашей Зейской ГЭС.

Тщательно изучив все три проекта, представители компании пришли к выводу, что следует все-таки восстановить старый завод, оснастив его новейшим технологическим оборудованием. Однако для принятия окончательного решения им надо было обсудить

некоторые вопросы с областной властью. А вот это-то оказалось невозможным. Как и два года назад, губернатор не принял москвичей, «не смог» выкроить для них даже 5–10 минут из своего драгоценного времени. Зато представителей всемирно известной фирмы без проволочек принял хабаровский губернатор Виктор Ишаев, который с ходу решил все вопросы, волновавшие инвестора. В результате, хотя в Хабаровском крае и нет нужного сырья, было решено строить новый завод по производству стекла в ... Хабаровске — на базе привозного песка из нашей области. Руководители компании и края договорились даже о переселении туда из Райчихинска рабочих-стеклоделов и инженерно-технических работников, разумеется, с предоставлением им квартир и возмещением расходов по переезду. Вот как решаются сложнейшие вопросы, когда власть и бизнес действуют сообща в интересах общества.

Стекольный завод в Хабаровске будет значительно крупнее Райчихинского. Несмотря на это, его решили построить всего за год — первое стекло намечено выпустить уже в мае 2005 года. Естественно, предприятие не только обеспечит бутылками свою компанию, но и станет поставлять продукцию из стекла по всему Дальнему Востоку и Сибири, как когда-то делал Райчихинский завод. А это значит, что свои инвестиционные проекты, если они у него действительно имеются (в чем, однако, я сильно сомневаюсь), г-н Гордеев теперь может выбросить в мусорный ящик, потому что строить второй стекольный завод на Дальнем Востоке никто не будет.

Что ж, за предательство экономических интересов своей территории надо расплачиваться. Жаль только, что крайними тут окажутся не те, кто предал эти интересы, а кто выбирал власть.

Особый разговор об электроэнергетике, ибо она — ключ к развитию всей экономики.

В России немало регионов, где нет ни своего сырья, ни источников энергоснабжения — все добывается где-то на стороне, порой даже за тридевять земель. И ничего — люди живут, строят предприятия, перерабатывают привозное сырье, потребляют чужую электроэнергию, а продукцию выпускают — не только себе, но и другим на радость.

Нашей области в смысле природных богатств исключительно повезло. У нас есть то, чего нет в большинстве регионов страны, но в чем так нуждается российская экономика — золото и лес. Эти ресурсы не зависят ни от каких общественных катаклизмов, будь то реформы, революции, перевороты и т. п. Есть и свои неисчерпаемые источники энергии — уголь и гидроресурсы. Наконец, как утверждают ученые, в амурских недрах спрятана почти вся таблица Менделеева, которая еще ожидает своих разработчиков.

К сожалению, плановая система хозяйствования при социализме не позволила области стать крупным индустриально развитым регионом страны. Но время плановой экономики прошло. Сегодня промышленность, сельское хозяйство, транспорт, связь не зависят от бюджетных денег, а финансируются за счет собственных средств, частного и акционерного капитала, банковских кредитов, к которым государство не имеет никакого отношения. Другими словами, пришла пора, когда каждый регион может сам реализовать свой природно-экономический потенциал.

Однако есть у области и существенный недостаток: находясь далеко от экономически развитых регионов страны, она вынуждена нести большие транспортные расходы, что значительно удорожает стоимость выпускаемой здесь продукции. Но и тут матушка-природа пришла на помощь: она одарила амурчан дешевыми гидроэнергоресурсами, которые с лихвой могут компенсировать любые транспортные издержки.

Однако сегодня мы видим обратное: вместо того чтобы стимулировать рост всей остальной экономики и притягивать инвесторов со стороны, амурская электроэнергетика буквально разоряет народное хозяйство области непомерно высокими тарифами.

Это не только наша беда. Главным инициатором и идеологом безудержной гонки электротарифов в стране, безусловно, является Чубайс. У него не то что волчий — акулый аппетит: ему все мало, мало и мало. Даже когда президент России говорит, что тарифы надо снижать, главный энергетик страны упрямо твердит: «Нет, повышать!».

Повторюсь: с 1992 года цены на продукцию промышленности в России выросли в 14 тысяч раз, а тарифы в электроэнергетике — в 24 тысячи раз. Несмотря на неплатежи части населения, задолженность предприятий и бюджетных организаций за электроэнергию, реальная прибыль РАО «ЕЭС России» в два с половиной раза превышает прибыль других, аналогичных по мощности компаний. Это прямой результат монополизации энергетической отрасли гигантским прожорливым спрутом, называемым РАО «ЕЭС».

Но одному Чубайсу с такой трудоемкой работой не справиться: во всех регионах у него есть помощники — губернаторы. Без их благословения глава единой энергетической системы России не имеет права даже на полкопейки увеличить тариф.

Правда, не все губернаторы активно помогают Анатолию Борисовичу. Есть и дотошные, привередливые. Перед такими приходится отступать. Вон в Нижегородской области нет ни своего угля, ни газа, ни гидроресурсов, а пришлось-таки в 2003 году тариф там не поднимать, оставить на прежнем уровне — 48 копеек за киловатт-час. Зато в Самарской, Ульяновской и Саратовской областях совсем другое дело. Тамашние ГЭС дают очень дешевую энергию, но губернаторы без звука согласились поднять на нее тарифы на 20–40 процентов, и теперь ее продают населению по 90–100 копеек за киловатт-час.

Но особенно повезло Анатолию Борисовичу с помощником в Амурской области. Здесь губернатор — вообще душа-человек, готовый последнее отдать товарищу. Стоит только свистнуть, то бишь позвонить в Благовещенск, и любой тариф обеспечен. Да и без напоминаний амурский глава знает, что делать.

В конце 2002 года вступил в силу федеральный закон, несколько ограничивающий аппетиты Чубайса. Тарифы на электроэнергию теперь разрешено повышать только раз в год, да и то до принятия бюджетов. Амурчане вздохнули с облегчением: хоть какое-то послабление будет. Тариф только что подскочил на 21 процент, областной бюджет на следующий год принят, значит, в течение всего 2003 года можно не волноваться.

Но увы!... Едва встретили 2003-й год — по новому и старому стилю — как потребители электроэнергии получили уведомление, что тарифы повышаются еще на 14 процентов, или на 13 копеек за киловатт-час. Жителям Благовещенска, например, предлагалось платить столько же, сколько платят в самом богатом городе страны — Москве: по 1 рублю 5 копеек за киловатт-час. И это при амурской зарплате, которая в два, а то и в три раза ниже московской.

У людей лопнуло терпение. В редакции газет хлынули возмущенные письма. Областная прокуратура опротестовала увеличение тарифа после принятия бюджета как незаконное. Благовещенская городская организация Всероссийского общественного движения «За права человека» начала процедуру досрочного лишения Короткова губернаторского мандата.

Выступил в печати даже Анатолий Белоногов. Поработав некоторое время заместителем генерального директора АО «Бурейская ГЭС» и хорошо изучив тарифную кухню, он заявил, что тарифы на электроэнергию в области можно не только не повышать, но даже снизить без ущерба для энергетиков более чем в два раза — для горожан, например, до 40 копеек за киловатт-час. И объяснил, как это сделать. Мэр Благовещенска Александр Колядин и депутат областного Совета Михаил Корнеев тут же поддержали его на страницах печати, пообещав вынести этот вопрос на обсуждение областного Совета.

Но оказалось, что отозвать Короткова с поста губернатора нельзя, потому что такой пункт недавно исключен из устава области. А формирование тарифов — дело настолько тонкое, что его вообще никому не понять, кроме самого Чубайса, Короткова и еще двух-

трех приближенных к ним лиц. Поэтому нечего туда соваться даже таким уважаемым людям, как бывший губернатор Белоногов, мэр областного центра Колядин и депутат областного Совета Корнеев. Это популярно разъяснила на страницах близкой к губернатору газеты некая экономист Ольга Алексеева, почему-то не пожелавшая назвать место своей работы.

На том противоборствующие стороны и разошлись. Правда, после пуска второго агрегата Бурейской ГЭС тарифы чуть-чуть снизили — на 5 копеек за киловатт-час. Но повышались-то они незаконно аж на 13 копеек. Так что энергетики все равно хапнули только у жителей Благовещенска сверх всякой меры, по самым скромным подсчетам, не менее 15 миллионов рублей.

А вот при утверждении тарифов на 2004 год Чубайс Короткова ни о чем не просил — тот сам догадался, что надо делать. Случилось так, что благодаря стараниям сенатора от Амурской области Галины Бусловой Федеральная энергетическая комиссия пошла на беспрецедентный, небывало гуманный шаг: разрешила снизить тарифы с 1 января 2004 года для разных категорий амурских потребителей на 1–3 копейки. Мелочь, конечно, но прежде и такого никогда не было.

Губернатору следовало бы поблагодарить сенатора за проделанную работу и известить измордованных земляков хоть о крохотном, но все же снижении платы за электричество. Не тут-то было. Поскольку тарифы на 2004 год местная энергетическая комиссия уже успела утвердить, то и снижать их не стали. Напрасно Галина Семеновна в гневном письме Короткову называла это решение «вопиющим беззаконием по отношению к населению области», квалифицировала действия областной администрации как «недопустимые». Ничего не помогло. Тарифы на 2004 год так и остались неизменными.

При нынешней практике формирования тарифов, когда естественные монополии буквально берут экономику страны за горло, долг губернатора — отстаивать интересы своей области. Это бесспорно, и тут позиция Короткова вызывает, мягко говоря, недоумение. Однако одними тарифными баталиями проблему возрождения амурской экономики не решить. Несмотря на мизерную себестоимость, электричество для амурчан дорожало, дорожает и будет непомерно дорожать впредь, если кардинально не реформировать всю систему электроснабжения области.

Эта абсурдная система была создана искусственно в смутное для страны время, когда началось первоначальное накопление капитала. Я уже рассказывал, как еще до начала реформ, в конце 1991 года, областной Совет народных депутатов совершил непростительную ошибку, отказавшись от Зейской ГЭС в пользу федеральной собственности. Точно так же поступили тогда и в других регионах, в результате чего все крупные электростанции страны оказались в руках Госкомимущества. Это, очевидно, и вдохновило предприимчивых дельцов типа Чубайса на создание РАО «ЕЭС» — гигантской монополии, единственная цель которой — получение сверхприбылей.

Никто так и не смог объяснить, зачем огромной стране, протянувшейся с запада на восток на десять тысяч километров, нужна энергетическая система с общим, как при социализме, жестким управлением из Москвы и одним невероятно большим карманом. Что это за потемкинская деревня — Федеральный оптовый рынок электроэнергии (ФОРЭМ), если с его помощью все равно нельзя продать свои киловатт-часы в отдаленные регионы, где, может быть, заплатят побольше, а можно только, как и прежде, — ближайшим соседям, к которым протянуты провода. Наконец, к чему при рыночной экономике Федеральная энергетическая комиссия (ФЭК), подменяющая рынок и диктующая далеким окраинам свои централизованные цены?

Ясно, что все эти РАО «ЕЭС», ФЭКи и ФОРЭМы нужны лишь компании хищников, которые держат в своих мохнатых лапах всю энергетическую отрасль страны. Нужны для одной цели — получения баснословных сверхприбылей. Даже сам Чубайс, обосновывая предложенную им в 2002 году энергетическую реформу, признал, что его коллеги в центре и регионах занимаются не развитием отрасли, не внедрением в производство

достижений научно-технического прогресса, а исключительно выбиванием более высоких тарифов. При таком подходе к делу, по его словам, лет через 15 вся энергетика в России окончательно рухнет.

Но и предложенный Чубайсом вариант реформы не лучше. Да, РАО «ЕЭС», ФЭК и ФОРЭМ следует ликвидировать — это однозначно. А вот дальше... Дальше, на мой взгляд, каждый регион должен избрать свой, независимый от центральной власти путь развития. Для нашей области, по моему глубокому убеждению, наиболее приемлем путь иркутян.

Напомню, что в Иркутской области три ГЭС — Братская, Усть-Илимская и небольшая Иркутская. У нас две — Зейская, Бурейская, но должна появиться и третья — небольшая Нижнебурейская, без которой Бурейская не сможет работать на полную мощность. И у нас, и у них есть еще ТЭЦ и ГРЭС, так что структура энергетики в обоих регионах примерно одинаковая.

Но в отличие от нас, все производители электроэнергии у иркутян принадлежат не чужому дяде, а им самим. Продают они электричество потребителям напрямую, минуя ФЭК и ФОРЭМ. И хотя затраты иркутских энергетиков на производство энергии, передачу ее по сетям, ремонт оборудования, налоги и т. д. примерно такие же, как у нас, стоит их энергия почти в четыре раза дешевле. Наши горожане, как уже говорилось, платили в 2003 году по 1 рублю 05 копеек за киловатт-час, а иркутяне — всего 28 копеек.

По последним сообщениям, энергетическая реформа в стране отложена до 2008 года. Значит, у нас есть время, чтобы разработать и предложить руководству страны альтернативный вариант реформы. Он должен предусматривать передачу государственных энергетических объектов, входящих сейчас в РАО «ЕЭС России» не частным лицам, как предлагает Чубайс, а субъектам федерации, как сделано в Иркутской области.

По этому варианту проблем с Зейской ГЭС не должно быть — она полностью построена на государственные деньги. А вот с Бурейской... Начиная с 2000 года, ее, кроме государства, финансирует еще и РАО «ЕЭС», которое уже вложило в стройку 14 миллиардов 715,3 миллиона рублей (за 2000–2003 годы). Деньги огромные, но ведь и эта фирма наполовину государственная, значит, из 14 миллиардов рублей, вложенных в ГЭС, как минимум 7 миллиардов принадлежат государству. В общем, тут есть о чем поговорить и поспорить.

Слов нет, разработать и обосновать альтернативный вариант энергетической реформы не так просто, тут необходимы объединенные усилия обеих ветвей областной власти, активное участие в этой работе представителей области в Государственной Думе и Совете Федерации, наведение контактов с другими регионами, привлечение специалистов-энергетиков, юристов, ученых, поддержка средств массовой информации. Но главное — нужны твердая организующая рука и политическая воля губернатора.

А вот этого-то у нынешнего главы области как раз и нет. Летом 2002 года я дважды призывал его публично, через средства массовой информации, начать работу по возвращению Зейской ГЭС в собственность области. Дело это тогда не терпело отлагательств, так как первоначально энергетическую реформу планировалось завершить в 2004 году. Некоторые уважаемые господа тогда уже готовились стать владельцами нашего энергогиганта. Нетрудно догадаться, что это были за люди, если из семи членов совета директоров АО «Зейская ГЭС» пятеро — представители РАО «ЕЭС».

Оба раза мои обращения были опубликованы в одном из самых читаемых и уважаемых в России изданий — газете «Труд». В начале 2004 года я снова выступил на эту же тему — на сей раз в газете «Амурский дилижанс». Писал, что за возвращение Зейской ГЭС надо драться не на жизнь, а на смерть, не бояться испортить отношения и с РАО «ЕЭС», и с правительством, а если понадобится, то и с президентом. Это — долг всех тех лиц, кому амурчане доверили руководить областью.

Но Коротков и пальцем не пошевелил. Реальная возможность вернуть гидроэлектростанцию в собственность области, появившаяся в связи с энергетической реформой в стране, не вдохновила его на решительные действия. Зато начал действовать губернатор Хакасии Алексей Лебедь. Не буду утверждать, что это мои выступления в «Труде» на него повлияли, но факт остается фактом: вскоре после моих публикаций власти Хакасии развернули настоящую битву за возвращение республике Саяно-Шушенской ГЭС.

Попытки договориться с энергетиками полнободно, найти компромиссное решение ни к чему не привели. Тогда Лебедь обратился в суд. Судебная тяжба продолжалась несколько месяцев, дважды иск губернатора судьи оставляли без удовлетворения. Но Алексей Лебедь твердо заявил, что будет отстаивать интересы республики до конца.

Наконец третье судебное заседание завершилось в пользу истца. 12 марта 2004 года Арбитражный суд Восточно-Сибирского федерального округа признал решение, по которому Хакасия в свое время лишилась Саяно-Шушенской ГЭС, незаконным.

Борьба пока продолжается — еще не сказал своего последнего слова Высший арбитражный суд. Но сама позиция хакасского губернатора достойна уважения. Каким же бледным, безликим и безвольным выглядит на этом фоне амурский губернатор!

А вот в чем действительно чуть не отличился Леонид Викторович, так это в руководстве сельским хозяйством. Говорю без иронии — вначале так и казалось. От предшественника ему досталось очень неважное наследство, а после прихода Короткова в первый же год получили небывалый урожай зерновых и сои. На следующий год урожайность была еще выше. Поднялись надои, увеличились привесы скота. Казалось, наконец-то пришел мессия, который спасет исстрадавшуюся амурскую деревню.

Но третий год все расставил по местам: в мгновение ока непогода перечеркнула достижения первых двух лет. Сельское хозяйство оказалось отброшенным далеко назад — за черту, у которой оно находилось в момент прихода нового губернатора. Хотя разгул стихии для нашей области не редкость, такого огромного спада сельхозпроизводства за один год не было прежде ни при одном секретаре обкома, ни при одном губернаторе.

Специалисты считают, что в экономике на уровне области, страны, группы стран постоянно присутствуют два фактора — «фактор удачи» (например, небывало благоприятные погодные условия или, наоборот, крайне неблагоприятные) и фактор сознательной политики, проводимой властью. Поэтому не будем говорить о рекордных урожаях или рекордном падении сельхозпроизводства — с этим все ясно. А вот о «сознательной политике», проводимой областной властью по отношению к сельскому хозяйству, поговорить стоит.

Сегодня реальность такова, что аграрный сектор экономики по-настоящему стал многоукладным. В нашей области коллективные хозяйства, составлявшие прежде его основу, теперь дают лишь 33 процента всей валовой сельхозпродукции, 6 процентов — фермерские хозяйства и 61 процент — личные хозяйства граждан (данные департамента сельского хозяйства областной администрации на ноябрь 2003 года).

К этому следует добавить, что в последнее время число сельхозпредприятий (т. е. бывших колхозов и совхозов) начало сильно сокращаться. Если помнит читатель, на конец 2001 года их было 283, а к концу 2003 года, по данным того же департамента сельского хозяйства, осталось всего 197. В области немало деревень, где вообще нет ничего коллективного — люди занимаются исключительно личными хозяйствами.

Видимо, с учетом этой реальности и следовало бы областной администрации строить свою аграрную политику. Объявленное государством равенство всех форм хозяйствования должно подкрепляться как минимум равным вниманием к ним со стороны областной власти. Но увы! Ситуация кардинально изменилась, а экономическое мышление у руководителей области, похоже, осталось таким же, каким оно было у секретарей обкома партии полвека назад.

Конечно, не замечать крупный частный сектор на селе они не могут. Однако считают его возвратом в стародавние времена, когда экономика была еще натуральной. Отсюда и подход к проблемам этого сектора. Вот как сформулировал отношение администрации к личным хозяйствам граждан главный аграрный идеолог области вице-губернатор по сельскому хозяйству Николай Кулешов на депутатских слушаниях в областном Совете в ноябре 2003 года (цитирую по газете «Амурская правда»).

«Возврат к натуральному хозяйству — это шаг назад... Владельцы личных подсобных хозяйств стремятся увеличить производство продукции, не вкладывая средства в поддержание плодородия почв. На большинстве участков ведется монокультура, то есть чередования культур не происходит. Из-за недостаточного применения органических и минеральных удобрений разрушается структура почв, ухудшается их фитосанитарное состояние, посевы поражаются болезнями. Выходит, будущее аграрного сектора — за крупным сельскохозяйственным предприятием, как это было прежде. Да и в развитых странах мира, в тех же США, идет процесс укрупнения сельхозпредприятий».

Ну, а раз варвары-частники губят нашу матушку-землю, то, стало быть, «ату!» их из аграрного сектора — так что ли? Только вот хотелось бы знать: учился ли когда-нибудь наш главный аграрный идеолог в общеобразовательной школе, и если учился, то какие получал отметки, кроме двоек? Ведь, по-моему, где-то в 5–6 классе учат, что натуральное хозяйство, производящее продукцию для собственного потребления, а не на продажу, безвозвратно уступило место товарному — когда появилось разделение труда. «Возврат к натуральному хозяйству» — это не «шаг назад», как утверждает г-н Кулешов, это полный абсурд, который просто-напросто невозможен. И личные хозяйства наших граждан вовсе не являются натуральными.

Да, крестьянская семья потребляет мясо, молоко, яйца, овощи, картофель, которые сама и производит, точно так же, как г-н Форд ездит на лимузинах, выпускаемых его заводами. Но основная-то часть продукции, как у Форда, так и у крестьянской семьи, идет на продажу. Чтобы убедиться в этом, достаточно прийти на главный крестьянский рынок, что в Благовещенске, расположенный на бывшей ВДНХ. Там есть все, что производит село, в любом количестве. А сколько таких рынков в других городах и районных центрах. Сколько передвижных пунктов продают утрами молоко и яйца в многочисленных городских микрорайонах. А приходилось ли г-ну Кулешову проезжать по трассе через села, когда там, рядом с дорогой, стоят десятки торговцев овощами, картофелем, грибами, яйцами, молочной продукцией, ягодами? Многие из них выручают за лето достаточно круглые суммы. Интересовался ли вице-губернатор по сельскому хозяйству, кто поставляет сельхозпродукцию в наши многочисленные кафе и рестораны?

Другое дело, что сбыт крестьянской продукции не всегда носит цивилизованные формы, что селяне много теряют, имея дело с посредниками и перекупщиками. Но это уже не их вина, тут им как раз нужна помощь власти.

И еще хотелось бы спросить г-на вице-губернатора: кто ему сказал, что крестьяне-единоличники не вносят в землю органические удобрения? И вообще, известно ли ему, что эти самые удобрения называются навозом, который дает крупный рогатый скот? Так вот, раньше многие колхозно-совхозные животноводческие фермы утопали в навозе и никто на поля его не вывозил. Сегодня же — картина обратная. Нет навоза возле мест пребывания скота, весь он в земле. При этом на гектар пашни частные хозяйства вносят значительно больше органических удобрений, чем сельхозпредприятия, так как крупного рогатого скота у них в 3–5 раз больше, а земли в пятнадцать раз меньше.

А вот что касается монокультуры, отсутствия чередования культур, то тут Кулешов прав. Не может наша крестьянская семья позволить себе такую роскошь. Для чередования культур надо бы еще землицы, но как ее обрабатываешь, если нет на подворье никакой техники? Не выпускает ее наша промышленность. В Японии тоже небольшие семейные хозяйства — по 0,4 гектара. Но там все процессы механизированы: есть мини-трактора, мини-сеялки, мини-культиваторы, мини-косилки и т.д. И кормят эти крохотные хозяйства

80 процентов огромного населения страны. Причем никаких нареканий на то, что они губят земли, нет.

Может быть, и нам стоит позаботиться о семейных крестьянских хозяйствах, как это сделали в Японии? И начать выпускать для них не «кировцы», а миниатюрные недорогие машины и инвентарь, чтобы максимально облегчить и сделать высокопроизводительным труд людей? Вот тогда и посмотреть можно, на что способен современный российский крестьянин, хуже ли он японского или голландского.

Ну а где доказательства, что будущее нашего аграрного сектора именно за крупными сельхозпредприятиями? Опыт СССР, как известно, это не подтвердил. Ах, по такому пути пошли американцы? Но откуда вице-губернатор это взял? Из партийных агиток? Из предвыборных речей кандидатов от КПРФ?

Специальная литература такое утверждение опровергает. По данным американского журнала «Фарм менеджмент», картина в США выглядит так: семейные фермерские хозяйства составляют 90 процентов от общего числа сельскохозяйственных предприятий, и производят они 93 процента валовой сельхозпродукции; средний размер такого хозяйства — 187 гектаров, и трудится там всего 1,6 среднегодового наемного работника. Труд в этих хозяйствах до предела механизирован — в каждом имеется машин и другой сельхозтехники на 140 тысяч долларов. Зачем же им укрупняться, если сельское хозяйство США и так славится во всем мире своей высокой эффективностью?

Другое дело — переработка сельхозпродукции и сельский сервис. Вот в этой сфере действительно есть крупные сельхозпредприятия, которые могут и укрупняться. Но магистральный путь аграрного сектора США, который производит сельхозпродукцию, — это все-таки небольшие семейные фермерские хозяйства.

Если вдуматься, амурская деревня, сама того не ведая, тоже идет по этому пути. Ведь большинство наших крестьян сегодня уже трудятся не в коллективах, а в личных хозяйствах. Как и американские фермеры, они предпочитают иметь собственную землю, работать своей семьей и самостоятельно распоряжаться плодами личного труда. В этом смысле принципиального различия между семейными фермерскими хозяйствами в США и семейными хозяйствами наших граждан нет. А вот в чем колоссальная разница, так это в отношении к ним власти. В Соединенных Штатах проводится государственная политика поддержки и защиты фермеров, на них работают конструкторские бюро, лучшая в мире отрасль сельскохозяйственного машиностроения, ветеринарная и агрономическая науки, мощная служба аграрного сервиса. У нас ничего этого и в помине нет.

Индивидуальный сектор в нашем сельском хозяйстве совершенно не изучен, никто не знает его нужд, запросов, потребностей. В стране не найдешь специалиста, который мог бы поставить крестьянское хозяйство на научную основу, да и сама такая наука отсутствует. Ни один аграрный начальник не сможет вам объяснить, в чем принципиальное отличие нашего крестьянина-единоличника от нашего же фермера и почему число первых из них растет из года в год, а число последних сокращается. Не оправдало себя фермерство — и все тут, утверждает г-н Кулешов.

Ясно, что, руководствуясь социалистическими догмами, нынешняя областная власть никогда не будет заниматься неколлективным сектором, ставшим ведущей силой в аграрном комплексе области. Поэтому амурскому крестьянину-единоличнику пока остается одно — надеяться на себя да на «фактор удачи». Авось, Бог не выдаст, свинья не съест...

Единственное, что утешает — у этой власти нет политической воли к активным действиям, а, значит, она не сможет нанести сельскому хозяйству области еще большего вреда.

Чем же, однако, кроме визитов в Москву с протянутой рукой, занимается наша родная амурская власть? Ведь должно же быть что-то еще, в чем она кровно

заинтересована. Да, действительно, личный интерес у отцов области есть. Правда, что именно им близко и дорого, к чему прикипела их душа, сами они не афишируют. Не делают это и средства массовой информации, хотя скрупулезно анализировать работу власти — их прямая обязанность. Исчезнув с политического пространства Приамурья еще при Белоногове, при Короткове серьезные аналитики так и не появились.

И тем не менее шила в мешке не утаишь. Даже до моей Новинки доходят сведения, проливающие свет на истинные устремления наших отцов-благодетелей. Не сплетни, заметьте, а именно сведения, нередко оформленные в виде официальных документов. Приведу самые последние из них.

На днях обнаружил в своем почтовом ящике письмо из администрации Сковородинского района. Ее глава Б. В. Шалимов обратился с жалобой к президенту страны В. В. Путину, а копию документа направил мне. Лично мы с ним не знакомы, но, очевидно, он решил, что автор «Записок губернатора» должен знать обо всем, что происходит в области. Вот выдержки из этого письма:

Уважаемый Владимир Владимирович!

Находясь на посту главы муниципального образования «Сковородинский район Амурской области», я столкнулся со значительными нарушениями законодательства со стороны областной администрации и лично губернатора — Леонида Викторовича Короткова...

...4 апреля 2003 года администрацией Сковородинского района после предварительных переговоров с ФГУП «Забайкальская железная дорога» было подписано соглашение на перечисление в местный бюджет денежных средств на проведение капитального ремонта 11 образовательных учреждений, передаваемых в муниципальную собственность. Однако губернатор Амурской области Л. В. Коротков вмешался в ход событий, и под его давлением Забайкальская железная дорога заключила новое соглашение — с администрацией Амурской области. В результате... денежные средства в сумме 54 млн 300 тыс. рублей, в том числе 8 млн 500 тыс. рублей для Сковородинского района, по непонятной причине перечислены частной фирме ООО «ЗТК-Партнер». А объекты социальной сферы, в частности 11 объектов Сковородинского района, так и остались без ремонта!

Когда я стал разбираться в обстоятельствах данного вопроса, на меня лично обрушился шквал нападок со стороны администрации Амурской области, УФСБ, УВД, прокуратуры.

Приведа и другие факты, когда губернатор бесцеремонно запускал или пытался запустить руку в муниципальную казну, глава района обратился к президенту с просьбой — «помочь вернуть украденные из районного бюджета деньги».

Вот ларчик немного и приоткрылся: оказывается, кроме выбивания бюджетных средств в правительстве, отцам области так же близко и дорого еще и перекачивание их из госбюджета в коммерческие структуры. Такое «перекачивание» вообще стало универсальным хобби российских чиновников, о чем мы подробно поговорим в следующей главе. Сейчас лишь замечу, что, попав на счета частных фирм, государственные деньги, как правило, исчезают бесследно, так и не дойдя до тех, кому предназначались. В госаппарате даже название придумали этому явлению — обтекаемое, туманное, мало о чем говорящее: «нецелевое использование бюджетных средств». Глава Сковородинского района Б. Шалимов выразился проще и понятнее, назвав эти деньги **УКРАДЕННЫМИ**.

А вот целая стопа официальных документов, рассказывающих о другом «хобби» губернатора. Показали ее мне в Главном управлении Центрального банка России по

Амурской области. Здесь и переписка банкиров с самим губернатором, и обращение их к полномочному представителю Президента РФ в Дальневосточном федеральном округе, а также исковое заявление в суд и многое другое. Все по одному и тому же поводу — в связи с незаконным захватом Коротковым принадлежащей банку квартиры.

Квартира эта особая, таких в городе немного: площадью 325 квадратных метров, на двух этажах суперэлитного дома. Приглянулась она Леониду Викторовичу еще на заре его губернаторства, да вот беда: в ней размещалась служебная гостиница Центробанка, и там постоянно проживал кто-нибудь из приезжих московских финансистов.

Но, как известно, из любой ситуации непременно найдется выход. Нашелся он и здесь. Сначала Коротков попросился в эту гостиницу временно — тоже в качестве гостя: мол, мою квартиру обокрали, надо после воров привести ее в надлежащий вид, так что войдите в положение... Сердобольные банкиры и «вошли»: пустили на недельку, о чем был подписан соответствующий договор. А чтобы в это время губернатора никто не беспокоил, остальных жильцов переселили в другие гостиницы города.

Но прошел месяц, другой, пятый, двадцатый, а новый постоялец и не думал съезжать. Да еще и за проживание, как жалуются хозяева гостиницы в официальных бумагах, стал рассчитываться лишь после многочисленных, нередко письменных напоминаний, с опозданием до нескольких месяцев.

Банкиры долго это терпели и скрепя сердце продлевали с ним договор. Но в конце концов решили: хватит! И продлевать договор не стали. Тогда Леонид Викторович сменил на дверях замки, помахал назойливым хозяевам ручкой и стал жить в суперэлитных хоромах, вообще ни за что не рассчитываясь. Объясниться с ним по этому поводу оказалось невозможно, так как никого из представителей банка Коротков не принимал, на их телефонные звонки не отвечал.

Наконец владельцы гостиницы создали комиссию и направили ее к Короткову домой. Но и на сей раз разговаривать пришлось лишь с хозяйкой, а она, по свидетельству членов комиссии, решительно заявила, что возвращаться в собственную трехкомнатную квартиру супруги не собираются, так как им удобнее здесь. Попробовал было вразумить амурского губернатора полпред Президента в Дальневосточном федеральном округе, но тоже безуспешно.

Все бы ничего для Леонида Викторовича, да вот только срок его губернаторства неумолимо подходит к концу, а приватизировать эту квартиру он не может, потому что она ведомственная. И Коротков включает все рычаги, чтобы забрать ее в собственность областной администрации в обмен на две принадлежащие государству квартиры в обычных домах. Действует решительно, энергично, с напором. Это когда надо было отстаивать интересы области, он проявлял полное безволие, а за свои кровные интересы бросился в драку аки лев.

Но и банкиры решили стоять до конца.

— На такой унижительный обмен мы никогда не пойдем, — сказали мне в Главном управлении Центробанка. — Уже подали в суд иск о принудительном выселении окончательно потерявшего совесть губернатора с захваченной им жилплощади. Взыщем с него и долг за проживание — 69 тысяч 500 рублей.

О, это вам не какая-нибудь бабушка-пенсионерка, задолжавшая коммунальщикам сотню-другую. У птиц такого полета и долг должен быть головокружительным!

Словом, чем занимается наш губернатор, что ему больше всего близко и дорого, теперь, думается, ясно. Ну а столоначальники рангом пониже, у которых нет необъятной власти и доступа к госбюджету? Оказывается, и у них есть возможность для подобного «творчества». На сей счет еще приведу официальный документ — исповедь одного из кандидатов на пост мэра Благовещенска, распространенную среди избирателей в виде небольшой брошюры во время прошедших недавно выборов. Вот что пишет бывший претендент на должность градоначальника предприниматель Ирина Башурова:

«У нас хороший бизнес... Наша мебель украсила не один десяток квартир в Приамурье... Но есть в нашем бизнесе основательный минус — он притягивает... тех, кто пытается получить за наш счет мебель, пользуясь своим служебным положением. Я не стану называть фамилии этих людей, но назову заведения, где они работают: УВД области и Благовещенска, прокуратура Благовещенска, областная и городская налоговые инспекции, торговая инспекция...

Однажды пришел в наш магазин сотрудник УВД и выбрал себе мебель. Но при этом не хотел платить — так жалко своих денег, так жалко! Да и зачем их тратить, когда можно использовать свое служебное положение?! И показалось нашему «удалому молодцу», что это ему вполне удастся. Как всегда и везде».

Обратите внимание: «КАК ВСЕГДА И ВЕЗДЕ!» Наверное, человек, много лет занимающийся частным бизнесом, знает, что говорит. Но на сей раз у большого милицейского чина вышла осечка — мебель ему без денег не дали, пришлось заплатить.

«А через два часа, — продолжает Башурова, — в магазин ворвались вооруженные сотрудники милиции и начали требовать деньги из сейфа, учредительные документы, банковскую печать, мотивируя это тем, что мы только что обманули покупателя».

Вскоре строптивая хозяйка магазина была уже в кабинете того самого чиновника из УВД. «Наш разговор продолжался три часа, — пишет она. — За это время он мне подробно рассказал о том, как раздавит нашу фирму, разорит ее и непременно обеспечит моему мужу хотя бы маленькую уголовную статью... После этого началось... Раз в месяц на нас пытались завести уголовное дело... Господи, что они только не придумывали!!! Обыски в квартире (у самих Башуровых и их родственников. — А.К.), подкуп домработницы...

Но нам повезло, у руля страны встал сильный, принципиальный человек — Владимир Путин, объявивший войну оборотням в погонах. Одного из наших амурских с большими звездами отправили на пенсию... Полагаю, что в скором времени там же (на пенсии) окажется и любитель нашей мебели...

Продолжается это (то есть «наезд» чиновников. — А.К.) и сейчас, но мы уже не те, мы закалились в этой гнусной борьбе... научились открытому сопротивлению. До умов высоких чинов области никак не дойдет, почему Башуровы не покоряются им. Я объясню: мы — Башуровы — живем по законам, строго соблюдаем их, именно поэтому нас никогда не растоптать! Никогда!.. Мы совершенно не боимся чиновников любого ранга. Все они — явление временное, а мы — все россияне, все амурчане — категория постоянная.

Замечательные слова, замечательная позиция! Вот только почему бы не назвать поименно всех этих оборотней? Да не в одном лишь управлении внутренних дел, а и в прокуратуре, налоговых органах, торговой инспекции и т.д. Ведь, помимо губернатора, при котором творится весь этот беспредел, народ должен знать имена и других подобных «героев», которых к тому же он содержит на свои кровные денежки. Знать хотя бы для того, чтобы предать их всех анафеме.

Впрочем, еще не вечер. Не исключено, что мы скоро узнаем эти имена.

Так где же тот всемогущий маг, который снимает любые заклятья? И вообще, существует ли он? Да, существует. Этот маг — в нас самих. Только мы сможем снять страшное заклятье с нашей области, когда в очередной раз пойдем избирать местную власть. Для этого надо совсем немного: отправляясь на избирательный участок, не забыть дома голову. Как это делали прежде.

Под иггом «золотой орды»

Почему же наши чиновники столь цинично и грубо попирают интересы государства и общества, которым должны служить верой и правдой?

Вроде бы все течет и меняется, на дворе давно демократия. Избираются президент и депутаты, губернаторы и мэры, главы администраций рангом пониже. В ходе каждых выборов появляется немало ярких личностей, вроде бы готовых жизни не пожалеть ради блага народа и процветания государства. Но утихают выборные баталии, занимают руководящие кресла народные избранники... и все остается по-старому, ничего не меняется.

Впрочем, нет, за последние 15–20 лет российский чиновник ушел далеко вперед. В советское время его обвиняли лишь в бюрократизме, бичевали за бездеятельность и волокиту. Но сказать это о сегодняшних работниках госаппарата — значит, ничего не сказать. Чиновник последнего образца многогранен и многолик, это широкий универсал, впитавший в себя опыт предшествующих поколений. Генетически заложенные в нем качества — заряженность на взятку и другие поборы, стремление к обогащению за счет занимаемой должности — в процессе эволюции развились до совершенства. Для нынешнего столоначальника тормозить лишь свою непосредственную работу, как делали четверть века назад, слишком мелко. Теперь он создает всеобщий, так называемый «регулируемый» хаос в масштабах страны и ловит в нем очень крупную рыбу.

Понять этот феномен невозможно без обращения к далекой истории. Не только к нашей российской, но и к, так сказать, вселенской. Ведь чиновник не является монопольной собственностью какой-то одной страны, а принадлежит всему человечеству. Появившись на заре цивилизации в странах Востока, он победно прошествовал по всему земному шару и стал неотъемлемой составной частью любого государства.

Ученые разделили мир на два полюса — страны Востока и страны Запада. Первые возникли на несколько тысячелетий раньше. Карл Маркс называл их «восточными деспотиями» с «азиатским способом производства». Главными чертами этих стран считаются отсутствие там полноценной частной собственности и противостояние государства производителю.

Сегодня это далекое прошлое достаточно хорошо изучено. Нет недостатка и в характеристиках древневосточного чиновничества. Особенно подробное описание отроческого возраста этого непотопляемого, могущественного слоя общества дал в своей книге «Государство и эволюция» доктор экономических наук, директор Российского института экономики переходного периода Егор Гайдар. Вот что он пишет:

«Отсутствие полноценной частной собственности, неразделенность собственности и административной власти при несомненном доминировании последней... экономическое и политическое господство бюрократии — вот определяющие черты восточных обществ...

Частную собственность, рынок государство терпит, но не более. Они всегда под подозрением, под жестким контролем и опекой всевидящего бюрократического аппарата. Поборы, конфискации, ущемление в социальном статусе, ограничение престижного потребления — судьба даже богатого частного собственника, если он не связан неразрывно с властью. Именно власть здесь — главное, она и ключ к тому, чтобы, когда позволят обстоятельства, поднаживиться, и единственная надежная гарантия против конфискаций. Потеряешь власть — потеряешь состояние. Собственность — вечная добыча власти, власть всецело занята выбиванием для себя собственности, в основном за счет передела уже имеющейся...

Получив власть, спешат захватить эквивалентную чину собственность. Если значительной собственностью нельзя завладеть, не занимая сильных властных позиций, то... все новые и новые группы и отдельные лидеры готовы штурмовать власть (в том числе по горам трупов), преследуя не столько политические, государственные цели, сколько цели грубо меркантильные... Чем беднее общество, тем сильнее стремятся к богатству его лидеры...

Коррупция приводит к формированию значительных состояний... Зависимый, всегда думающий о необходимости дать взятку предприниматель скорее займется торговлей, спекуляцией, финансовой аферой или ростовщичеством... чем станет вкладывать средства в долговременное дело. Что касается... чиновника, то его собственническая позиция является чисто паразитической, организация сложной экономической деятельности находится вообще за пределами его компетенции и интересов».

Не правда ли, что-то до боли знакомое, неоднократно виденное? Нет, нет: это написано не о нашей стране и не о нашем времени, а о том далеком-далеком, когда не только России, но и вообще государств западного типа и в помине не было.

Первое государство европейского образца выделилось из числа восточных, азиатских значительно позднее — в VI веке до н. э. Это была античная Греция, в которой, по словам русского историка Л. Васильева, произошла «своего рода мутация, ибо во всей истории человечества она была единственной и потому уникальной по характеру и результатам».

От остальных государств Востока античная Греция, а потом и другие европейские «мутанты» отличались тем, что в них существовала законная, признанная обществом и государством частная собственность, от которой полностью, с помощью законодательства, была отделена государственная власть.

В странах Запада самым надежным источником обогащения становится не вхождение во властные структуры, а частное предпринимательство, коммерция. Собственность уже не конфискуется по прихоти представителей власти, она накапливается и передается по наследству, создавая частный капитал. Государство хоть и имеет право вмешиваться в экономику, но не для того, чтобы подавить, изъять, присвоить капитал (как в восточных деспотиях), а чтобы стимулировать экономическое развитие, ускорить накопление. На этой основе западные страны начиная с XV века добиваются постоянного экономического роста, обгоняют остальной мир.

Особенно заметный рывок они сделали в конце XIX — первой четверти XX века, когда началась научно-техническая революция. Фантастически растет их богатство, но одновременно становится бедным большая часть населения. Это порождает многочисленные теории о неизбежности революций, замене несправедливого мира более справедливым.

Однако Запад смог ликвидировать накопившиеся социально-экономические противоречия мирным путем, без революций, заключая компромиссы внутри общества. Он обеспечил равноправие людей перед законом, всеобщее избирательное право, ввел систему пособий по безработице и пенсионное обеспечение, создал надежную законодательную защиту наемных работников и т. д. Поэтому уровень жизни людей в странах Запада стал более высоким, чем в остальном мире.

По такому же пути могла в свое время пойти и Россия. Ее князья усиленно стремились навести мосты сотрудничества с более развитыми странами Запада, прежде всего с Византией, и даже породниться с европейскими монархами. Однако изнурительная борьба с кочевниками и татаро-монгольское иго на долгое время задержали этот процесс. Лишь при Петре I Россия попыталась занять свое место среди европейских стран, но это оказалось не так просто. Главным образом потому, пишет в своей книге Егор Гайдар, что, «освободившись от татаро-монгольского ига, она попала под иго чиновников».

Находясь как бы в буферной зоне, российская бюрократия впитала в себя все худшее и от Запада, и от Востока. У европейцев она переняла отчужденность государственных институтов от общества, у азиатского чиновничества — «самодурский дух, леность, расхлябанность и, конечно, глубочайшую коррупцию» (Е. Гайдар). Неудивительно поэтому, что все попытки правителей России реформировать государственный аппарат терпели крах.

Не изменил сути российского чиновничества и приход к власти большевиков. Хотя марксизм и «отменил» частную собственность, а официальная коммунистическая пропаганда постоянно проклинала такие «родимые пятна капитализма», как стремление к наживе, обогащению, бесстрашным рыцарям революции, ставшим партгосхозчиновниками, так и не удалось избавиться от этих пороков. Первое же серьезное испытание — нэпом — они вчистую проиграли. Десятки тысяч новых коммунистических чиновников высокого ранга использовали при нэпе свое служебное положение для незаконного личного обогащения. Вот что писала по этому поводу в 1927 году газета ЦК ВКП(б) «Правда»:

«В составе государственного аппарата есть не очень широкий, не очень многочисленный, измеряемый, может быть, всего несколькими десятками тысяч человек, круг лиц, которые... служа в хозорганах, в то же время организовали различные предприятия или на имя своих родственников, компаньонов, или даже прямо на свое собственное. А затем перекачивали в эти частные предприятия находившиеся в их распоряжении государственные средства».

К середине 30-х годов разрыв в уровне потребления между правящей прослойкой и остальной массой населения стал таким же, как в царской России между сановниками и бедными обывателями. Конечно, поначалу в руководящих кругах партии и государства имелись романтики, донкихоты, но к концу сталинских репрессий все они были вычищены из партийно-государственного аппарата. На их место пришли, как пишет Гайдар, «нормальные чиновники, делающие карьеру».

Постепенно из общей массы традиционного классического чиновничества в СССР выделяется особый слой — номенклатура. В переводе с латыни это слово означает «перечень, роспись фамилий». Номенклатурные списки составлялись райкомами, горкомами, обкомами, ЦК КПСС — из лиц, наиболее приближенных к партийному руководству. В них вносились не только профессиональные партработники, но и часть советского, профсоюзного, комсомольского аппарата, чины КГБ, армии, правоохранительных органов, председатели колхозов и директора совхозов, руководители предприятий, высших учебных заведений, учреждений медицины, культуры и науки, лидеры творческих объединений вроде Союза писателей, Союза композиторов и т. д. Партия обеспечивала этим людям безбедное, а то и очень сытое существование, а взамен они должны были всецело принадлежать партии, т. е. партийному руководству.

Кадровики КПСС осуществляли самый тщательный отбор кандидатов в номенклатуру. В этом высшем слое общества могли находиться только «свои», верные и преданные люди, которые никогда, ни при каких обстоятельствах не подведут. Партийное руководство не давало их в обиду. Того, кто попал в номенклатуру, нельзя было уволить без ведома и согласия партийного комитета, а то даже и покритиковать в печати. Прощтрафившихся по службе обычно переводили на другую номенклатурную должность, но, как правило, не изгоняли из своего круга.

Такой порядок полностью устраивал и саму номенклатуру, и ее хозяев. Но было одно обстоятельство, которое сильно портило номенклатуре кровь. Дело в том, что, как и в «восточных деспотиях», где, если вы помните, отсутствовала полноценная частная собственность, пользоваться особыми благами социализма тоже можно было лишь до тех пор, пока ты при власти,ходишь в номенклатуру. А что потом, например, когда уйдешь на пенсию? Как передать детям, внукам служебную дачу, персональную машину, к которым домочадцы так привыкли? Сделать это нельзя, потому что и дача, и машина тебе не принадлежат. Вот если бы они находились в частной собственности...

Первым на эту «вопиющую несправедливость» обратил внимание Лев Троцкий. В своей книге «Преданная революция», написанной в середине 30-х годов, он предсказал, что на следующем этапе номенклатура будет непременно искать опору в имущественных отношениях, а победа в этой решающей области «превратит ее в новый имущественный класс».

Предсказание Троцкого сбылось с удивительной точностью. Правда, для этого номенклатуре пришлось пережить сталинские репрессии, дождаться одряхления брежневского государства и вступить в горбачевскую перестройку. Но зато, когда пробил час, она с лихвой наверстала упущенное. Во второй половине 80-х годов в стране начинается необъявленная, но массовая приватизация государственной собственности и концентрация ее в руках элиты.

Прежде всего руководство КПСС постаралось прибрать к рукам золотой запас страны. В советское время все, что касалось золота, было тщательно засекречено. В печать не могли попасть даже сведения о том, сколько благородного металла добыла за год (неделю, месяц) какая-нибудь захудалая артель. Однако не скрывалось, что СССР — одна из ведущих стран мира по добыче золота.

Сейчас известно, что царское правительство передало сменившему его временному правительству 1300 тонн золотого запаса. По данным известного российского историка Георгия Вачнадзе, Брежнев оставил после себя 2500 тонн золота. А на момент распада СССР в хранилищах оказалось всего 289,6 тонны золотых слитков. Куда же за каких-то девять лет девались несметные сокровища, в полтора раза превосходящие золотой запас царской России?

Это попытались выяснить в 1992 году при Гайдаре. Знакомство с многими международными контрактами за 1990–1991 годы не оставляло сомнений, что все они служили лишь для прикрытия нелегальной финансовой деятельности и крупных афер. «Вопрос был только в том, чтобы выяснить, куда конкретно ушли деньги и золото», — пишет в своей книге «Дни поражений и побед» Егор Гайдар.

А вот этого-то узнать не удалось. И неудивительно. Не для того же прятали сокровища, чтобы так просто с ними расстаться. Ведь золото инков и ацтеков ищут пять веков, золото гитлеровского третьего рейха — пять десятилетий. И все безуспешно. У нас же серьезные попытки докопаться до сути дела предпринимались лишь при Гайдаре, а после его отставки, похоже, вообще прекратились.

Но вернемся к негласной приватизации госсобственности в последние годы существования СССР. Если золотые слитки можно было тайно вывезти за границу, поместить в зарубежные банки и т. д., то для всей остальной общенародной собственности это не подходило. Ее следовало делить на месте, на глазах у всех, но так, чтобы потом не было конфискаций.

Первым шагом в этом направлении вскоре после начала горбачевской перестройки стало принятие законодательных поправок, допускавших ограниченное частное предпринимательство и реализацию госпредприятиями части продукции по «договорным» ценам. И тут же при процветающих заводах, фабриках, комбинатах как грибы после дождя появляются многочисленные кооперативы, принадлежащие родственникам и близким друзьям директоров, их замов, партийных секретарей, других крупных чиновников (вспомните, о чем писала газета «Правда» в 1927 году).

В отличие от прочих кооперативов, принадлежавших рядовым гражданам, эти получают у государства большие кредиты («на раскрутку»). Разумеется, без отдачи. На их счета поступают огромные суммы от тех неучтенных средств, которые получают «материнские» предприятия от реализации продукции по «договорным» ценам. Это называется отмыванием «черного нала».

Перекачивание государственных средств в сферу «ограниченного» частного бизнеса проводится в спешном порядке и принимает огромные масштабы. За короткое время часть директорского и чиновничьего корпуса, хозяева избранных кооперативов и так называемый «комсомольский бизнес» прибирают к рукам значительную долю государственной собственности и создают достаточно крупный частный капитал. По данным Российского института экономики переходного периода, за три последних года существования СССР (1989-1991) на территории России было разворовано значительно

больше материальных ценностей, чем за три следующих года (1992-1994), когда началась официальная приватизация и для разворовывания появились вроде бы все условия.

Но и при официальной приватизации мудрая номенклатура сумела вырвать для себя самые крупные и жирные куски. Эта страница нашей истории еще ждет своего летописца. Я же приведу лишь два примера. Когда населению раздали ваучеры, гарантирующие каждому, включая домохозяек, стариков и детей, его долю собственности, по стране вдруг прокатилась волна «общенародного» протеста. Средства массовой информации подняли истошный вой: «Ваучеры — это грандиозный обман, ограбление народа».

С чего бы вдруг? Ведь подготовка к этой крупномасштабной акции проводилась достаточно долго и гласно, не было недостатка в печатных и публичных разъяснениях, что и как собирается делать правительство. Немало времени ушло на раздачу самих ваучеров. И все было спокойно, никаких недовольств или возмущений. Но как только последний приватизационный чек оказался у законного владельца, тут-то многие средства массовой информации и начали кампанию протеста. Один депутат, только что поддерживавший ваучерную приватизацию, теперь во время заседания Верховного Совета демонстративно, перед многочисленными телекамерами, швырнул свой чек в лицо кому-то из членов правительства.

Испуганные граждане принялись избавляться от своих приватизационных чеков. Сбывали за бесценок, многие — за бутылку водки. А вскоре все эти чеки-ваучеры оказались у тех, кто громче всех кричал об «ограблении народа». Они-то и стали хозяевами престижных зданий, торговых центров, гостиничных комплексов и т. д.

То же произошло и с самыми прибыльными, конкурентоспособными предприятиями. Контрольные пакеты акций этих предприятий государство передало их трудовым коллективам. Но прошло немного времени, и эти контрольные пакеты тоже оказались в руках узкого круга лиц. Словом, бывшая номенклатура СССР прибрала к рукам самую высокодоходную собственность России. Появились даже термины «номенклатурная приватизация», «номенклатурный капитализм».

В принципе, стремительное формирование класса крупных собственников после долгого запрета всякой частной собственности для России, наверное, было закономерным. Не следует, видимо, делать трагедии и из того, что создатели первого крупного частного капитала не всегда были, мягко говоря, в ладах с высокой моралью. Ведь в цивилизованных странах Запада процесс первоначального накопления сопровождался куда большим криминалом: пиратством, работоторговлей, ограблением колоний и т. д. А вот то, что класс крупных собственников, как и предсказывал Троцкий, сформировался именно из бывшей номенклатуры, стало губительным для российских реформ.

Как мы уже знаем, общество западного типа строится на либеральных законах, обеспечивающих равные права и возможности всем участникам рынка. Это не устраивает бывшую номенклатуру, ставшую крупным собственником. Привыкшая к монополевой власти, отсутствию всякой конкуренции и даже серьезной критики в средствах массовой информации, она стремится создать такие же комфортные условия и для своего бизнеса. Ей не нужны единые для всех правила игры. Номенклатурный бизнес требует во всем привилегий, неограниченного доступа к госбюджету, таможенных льгот, повышенных квот на экспорт, сохранения за монополиями сверхприбылей и т. д. Поэтому он не жалеет денег на подкуп чиновников. Чем выше его запросы, тем большие взятки предлагаются чиновникам.

Эти «предложения» попадают в благоприятную среду. Новые российские чиновники, пришедшие во власть после ухода отсюда в бизнес части бывшей номенклатуры, оказались такими же алчными, такими же далекими от принципов высокой морали. Они продаются оптом и в розницу, торгуют интересами города, района, страны, для них нет ничего святого, кроме денег. Если отсутствует спрос на «административный товар», чиновники сами «наезжают» на бизнес, вяжут его по рукам и ногам, вымогая взятки. По данным фонда «ИНДЕМ», российского отделения международной организации

«Трансперенси интернешнл» и других источников, сумма этих взяток только в среднем и малом бизнесе превышает 20 миллиардов долларов в год. Еще тридцать с лишним миллиардов долларов вымогаются у крупного бизнеса, более 7 миллиардов долларов — у населения. В общей сложности это в десятки раз превышает зарплату госаппарата, получаемую им из бюджета страны.

Мздоимство стало для наших чиновников неотъемлемой составной частью их существования, образа жизни. Едва придя во власть (после назначения или выборов) и еще ничему не научившись, они уже готовы брать взятки. Знакомство с новой должностью, как правило, начинается с «расценок» — за что сколько брать. Эти расценки существуют почти легально, они известны и в госаппарате, и за его пределами.

Не могу не процитировать в связи с этим выдержки из аналитического материала газеты «Аргументы и факты» (№ 24 за 2002 год) «Анатомия коррупции», посвященного взяточничеству в высших эшелонах власти.

Вот что пишет газета, ссылаясь на авторитетные источники:

«Депутаты Государственной Думы, входящие в ключевые комитеты, приставленные к дележу денег, получают в виде подкупа и взяток примерно по 300 тыс. баксов в год каждый.

В результате реальный доход иного депутата-«бессребреника» в 15-20 раз выше того, что он получает в кассовом окошечке Госдумы. В Государственной Думе уже сложился фактически легальный рынок коррупционных услуг. Наши народные избранники уже настолько привыкли к «лоббистским конвертам», что, не стесняясь, назовут вам свои расценки и по каждому голосованию, и по конкретному депутату. Например, стоимость внесения законопроекта на рассмотрение Государственной Думой, в зависимости от его финансовых последствий, стоит от 250 тыс. до миллиона «зеленых».

Соответственно ценятся и должности, которые «разводят» законопроекты. В период «коррупционного детства» проводка нужного человека на должность председателя профильного комитета стоила «всего» 30000 долларов. Сейчас цена в десятки раз выше».

Вот так: ставки, как говорится, соответствуют игре.

Что же касается многомиллионной армии чиновников, то ее такое положение вещей вполне устраивает. Ей, как и номенклатурному бизнесу, тоже не нужны новые либеральные законы, ибо они нанесут удар по ее доходам. Ради сохранения своего социального благополучия этот могущественный как никогда общественный слой России готов поддерживать в стране относительный хаос и даже не допустить серьезного экономического роста.

Подобная тенденция наблюдается сегодня в большинстве стран «третьего мира».

Когда в 1991 году в России обсуждался вопрос, какой путь развития избрать, многим казалось, что у нас лишь два магистральных пути: либо назад — в социализм, либо вперед — к процветающему рыночному обществу. Страна представлялась витязем на распутье, который, как на известной картине, остановился перед огромным камнем и пытается сделать выбор — куда повернуть коня. Никто тогда не обратил внимания, что на камне-то не две, а три надписи, а у витязя три пути — направо, налево и прямо. Точно так же три пути было тогда у России. И самый неприятный, самый нежелательный, но весьма вероятный — это путь в лагерь «третьего мира», охватывающего большую часть населения земли.

Эти страны тоже давно идут по рыночному пути, однако они беднее не только развитых государств Запада, но и России, делающей к рынку лишь первые шаги. Беда этих стран в том, что за многие десятилетия они так и не смогли продвинуться дальше отдельных элементов рынка и продолжают пребывать в состоянии «азиатского» способа производства. То же самое может случиться и с нами, если экономическое пространство страны по-прежнему будет оставаться в руках чиновников, номенклатурного бизнеса, порожденных им олигархов и их многочисленного лобби.

Кто же защитит матушку Россию от «золотой орды» чиновничества? И есть ли вообще управа на эту орду? Вроде бы есть. Если помните, одним из первых актов президента Ельцина был указ о борьбе с коррупцией в системе государственной власти. Потом и Госдума принимала подобные законы. У чиновников начали требовать декларации о доходах, чтобы выявлять взяточников. В 1997 году был создан могущественный антикоррупционный орган — Межведомственная комиссия Совета Федерации РФ по борьбе с преступностью и коррупцией. В 2003 году вдобавок к нему — Совет по борьбе с коррупцией. А ведь еще имеются ФСБ, прокуратура, милиция и т.д. Другими словами, есть кому разгуляться на ниве борьбы со всякого рода мздоимством.

Но беда в том, что бороться со взяточничеством и коррупцией в госаппарате поручили... тому же госаппарату. Чиновники сами создают всевозможные комиссии и заседают в них, рассматривают декларации о доходах своих коллег (а скорее всего, вообще не рассматривают), пишут проекты нужных им «взяткоемких» законов, разрабатывают предложения по административной реформе, иной раз, чтобы выпустить пар у народа, «сдают» отдельных «оборотней» в погонах или без.

Увы, все это лишь имитация бурной деятельности по искоренению коррупции. А результата-то этой «деятельности» и нет. По оценкам Генеральной прокуратуры, свыше 80 процентов госчиновников по-прежнему коррумпировано, а сумму вымогаемых ими взяток мы уже приводили — около 60 миллиардов долларов в год, что равняется двум третям годового бюджета страны. Искоренять по-настоящему коррупцию госаппарат просто не заинтересован, не намерен и никогда не будет.

России сегодня как воздух нужна такая административная реформа, которая отсекала бы наконец власть от собственности, а чиновничий аппарат — от управления экономикой. У государства должно остаться ограниченное, строго фиксированное право вмешиваться в бизнес: не для того, чтобы «подавлять, изымать, запрещать», а чтобы «защищать, стимулировать, ускорять». Отношения в производственно-финансовой сфере должен регулировать закон, а не чиновник. Чиновника же следует поставить в такие условия, чтобы ему просто не за что было брать взятки. Если своими действиями он все же нанесет бизнесу хоть малейший вред, то это должно жесточайше караться законом, а ущерб от таких действий — возмещаться государством.

Естественно, подобная административная реформа может быть разработана и осуществлена только всем обществом во главе с президентом. В отличие от других государственных чиновников, президент кровно, как никто другой, заинтересован в наведении порядка в госаппарате. Ведь он несет персональную ответственность за положение дел в стране, и в конце концов за все спросят лично с него — и избравший его народ, и, что не менее важно, история.

К сожалению, президент Путин, похоже, не до конца понимает, какого реформирования ждет от него Россия. В последнее время чиновников из его команды охватил настоящий реформаторский зуд, однако свой рабочий ресурс они, на мой взгляд, расходуют, как правило, на сомнительные проекты. Из уже озвученных инициатив поддержки заслуживает разве что предложение фактически назначать, а не избирать губернаторов. В обществе эта идея встречена неоднозначно, многие считают ее ударом по демократии. Однако, думается, дело обстоит как раз наоборот.

Государство сегодня не в состоянии обеспечить свободное волеизъявление граждан, поэтому честному, умному, порядочному человеку, готовому беззаветно служить людям, но не способному противостоять «черному пиару» и грязным выборным технологиям, почти невозможно попасть в губернаторское кресло. Туда, как правило, пробиваются люди, ставящие перед собой исключительно меркантильные цели, готовые отстаивать лишь корпоративные интересы своих групп. Они ни перед кем ни за что не отвечают, не отчитываются перед избравшим их народом, никто никакой ответственности за их деятельность (или бездеятельность) не несет. Губернаторское кресло высоко котируется в

кругах мафии, которая и стремится продвинуть туда своих ставленников. Так что пусть лучше глав регионов назначает президент страны, чем мафия.

А вот предложение избирать депутатов Государственной Думы исключительно по партийным спискам не выдерживает никакой критики. Президент мотивирует его тем, что через партийных депутатов в Думе ему будет проще общаться с народом. Но ведь партии — далеко не весь народ. Даже самая массовая из них — КПСС объединяла в своих рядах всего лишь около семи процентов населения СССР. Нынешние же партии, усиленно скрывающие свою численность, по сравнению с КПСС просто карлики. К тому же они, как правило, продажны. Их лидеры открыто торгуют местами в своих списках, а покупает эти места опять же мафия.

Кроме всего прочего, выборы по спискам лишают подавляющее большинство граждан конституционного права избираться в высший орган представительной власти. Получается, что будь ты хоть заслуженным-перезаслуженным, но если не хочешь входить ни в одну партию, так как они тебя не устраивают, то забудь о мандате депутата Госдумы. А вот политик с партийным билетом, отстаивающий, скажем, сомнительное право граждан посещать массовые зрелищные мероприятия, как говорится, «в неглиже», претендовать на этот мандат может. Не абсурд ли?

Ясно, что вся эта затея вынашивается с единственной целью: обеспечить полное превосходство в Госдуме партии чиновников, которая пока еще на взлете. Достоин сожаления, что ее поддерживает и президент. Это, на мой взгляд, свидетельствует о том, что он пока не собирается бороться с всевластием чиновников.

Не менее абсурдным представляется и другой грандиозный проект, над которым сейчас усиленно работают в Кремле. По сообщениям хорошо информированных СМИ, чиновники президентской администрации собираются перекроить лик страны так, чтобы ее вообще никто не узнал. Предусматривается массовое слияние субъектов федерации, после которого вместо 89 их останется лишь 28. Это, считают кремлевские спецы, приведет к всеобщему подъему экономики, так как передовые края, области, республики, объединившись с отстающими, возьмут последних на буксир.

Только вот кто им сказал про этот «буксир»? Откуда они взяли, что чиновники, скажем, Хабаровского края станут радеть о нуждах соседней Амурской области? После Октябрьской революции нашу область уже включали в Хабаровский край, но это привело лишь к тому, что ее экономика на долгие годы погрузилась в летаргический сон. Потом был еще эксперимент — при Хрущеве, в конце 50-х — начале 60-х годов. Административно область тогда оставалась самостоятельной, но ее народное хозяйство подчинили укрупненному Хабаровскому совнархозу. Вот хабаровские чиновники и «порадели»: за годы существования укрупненного совнархоза в крае было создано 88 процентов новых производственных мощностей, а в области — только 12 процентов. Третьего подобного эксперимента Амурская земля просто не выдержит.

Да, Россия пока далеко не та, какой в начале девяностых виделась первым демократам-романтикам и какую они начали строить, придя на короткое время к власти. Избрав в девяносто втором верный ориентир, она, увы, идет к нему не столбовой дорогой, а окольным путем, испещренным колдобинами и рытвинами. Но нельзя согласиться и с теми, кто сегодня называет ее бандитской. Нет, такого названия наша страна не заслуживает. А вот к нынешнему Российскому государству это определение вполне подходит. Сегодня бандитская братия буквально рвется в государственную власть, захватывая в ней все новые и новые ключевые посты. Как и в странах Древнего Востока, она с помощью власти стремится нажить существенный капитал за счет взяток и прочих поборов, но, что еще важнее, захватить или многократно приумножить главный источник богатства — собственность.

Президент Путин не устает повторять, что пересмотра итогов приватизации государственной собственности не будет. Однако это не охлаждает аппетитов тех, кто рвется к власти. Ведь приватизирована еще далеко не вся недвижимость, многие ее

жирные куски пока что находятся как бы в подвешенном состоянии и ждут своего часа. Кроме того, из истории мы знаем, что в мире капитала после раздела всегда начинается передел собственности — с крутыми разборками, выстрелами, трупами. Этот процесс, похоже, начался и у нас.

Как долго будет продолжаться период первоначального — во многом бандитского — накопления капитала в России, не знает никто. И все-таки я верю в торжество либеральных реформ в России. Через боль и страдания мы все же придем к цивилизованному рынку, подлинной демократии, гражданскому обществу, правовому государству. Потому что даже самые тяжелые испытания рано или поздно непременно кончаются. Пережили татаро-монгольское иго, переживем и иго «золотой орды» чиновничества. Это неизбежно. Иного быть не может.

Послесловие

В первых числах декабря 2003 года, накануне выборов в Государственную Думу, я заехал на свой избирательный участок взять открепительный талон, чтобы проголосовать в Новинке. Процедура эта недолгая — 5–10 минут от силы. Но на сей раз пришлось пробыть на участке не меньше часа.

Член комиссии Елена Владимировна Бугаева, выдавшая мне талон, оказалась ветераном демократического движения. Она участвовала еще в первых акциях «Демблока», а потом «ДемРоссии». Прежде мы с ней не встречались, но когда в газетах появились первые главы из «Записок губернатора», она пыталась меня разыскать, чтобы сообщить важную информацию для книги. К сожалению, тогда это не удалось.

А речь шла о подтасовке результатов голосования на губернаторских выборах в 1993 году. Елена Владимировна была в то время наблюдателем на одном из городских избирательных участков и своими глазами видела, как белое превращалось в черное.

— Обстановка была крайне нервная, — рассказывала теперь Бугаева. — Чувствовалось, что одни члены комиссии — из прежних партийных функционеров — морально подавляют других. Когда начался подсчет голосов, нам, наблюдателям, велели отойти подальше — мол, не мешайте работать. На самом деле нас отодвинули так далеко, чтобы мы не могли разглядеть в бюллетенях, за кого отдан голос. Бюллетени раскладывали на столе — по стопкам. Эти — за Сурата, эти — за Колядинского, эти — за Кривченко и т. д. А вскоре среди некоторых членов комиссии началось смятение. Оказалось, что у Кривченко стопка самая большая и продолжает расти. Когда раскладку закончили, один из бывших партфункционеров подскочил к столу, схватил большую часть бюллетеней из вашей стопки и скомкал их. Мы обомлели. Две молодые учительницы, члены комиссии, воскликнули: «Что вы делаете?». А он что-то буркнул и скрылся с бюллетенями за дверь. В общем, только что была у Кривченко самая большая стопка бюллетеней, а стала самая маленькая. Я и некоторые члены комиссии возмутились, но нас начали уверять, что ничего страшного не произошло, мол, недостачу бюллетеней никто не заметит, да и проверять их не будут. В результате у меня случился сердечный приступ, едва добралась домой, а там пришлось вызывать «Скорую». Рассказывали, что такие же подтасовки были и на других участках, о них наши наблюдатели тоже сообщали в штаб. Но никаких мер так и не последовало.

Рассказывая это, Елена Владимировна заметно волновалась. Хотя с той поры прошло уже десять лет, она по-прежнему переживала давний инцидент на избирательном участке болезненно.

— Вы обязательно напишите об этом в книге, — сказала Бугаева, когда мы прощались. — Пусть узнают все. Я до сих пор не могу вспоминать те выборы без содрогания.

Да, в апреле 1993 года на губернаторских выборах действительно творилась вакханалия. На участке, где дежурила Елена Владимировна, еще поступили по-божески — оставили хоть какую-то часть моих бюллетеней. В других местах вообще все они летели в корзину или еще куда там. И никакие протесты не принимались.

Я уже писал, что в декабре 1992 года VII съезд народных депутатов РСФСР запретил избирать губернаторов до переизбрания местных советов и обновления избирательных комиссий. Ведь и те, и другие были сформированы еще райкомами, горкомаами, обкомаами КПСС из людей, беззаветно преданных партии. А партия в 1993-м открыто стремилась к реваншу любой ценой. Поэтому, вопреки запрету съезда, выборы объявили при прежнем составе Советов и избирательных комиссий, и проводили их по бессмертной сталинской формуле: «Неважно, как проголосуют, важно, как подсчитают».

Вот и подсчитали так, что во всех 6 или 8 областях, где проводились выборы, губернаторами стали коммунисты. Вскоре, однако, в центральной печати появилось официальное сообщение: по данным экспертизы, проведенной аналитическим центром при администрации Президента Российской Федерации, во всех этих областях результаты голосования... подтасованы. Эксперты даже назвали цифры — кому из кандидатов сколько голосов приписано. Нашему Сурату, например, в первом туре добавили аж 70 тысяч голосов.

Откуда же кремлевские аналитики могли это узнать? Оказывается, в цивилизованном мире давно существует методика контроля за подсчетом голосов с помощью математического анализа итоговых данных. Впервые ее применили еще в 1848 году во время выборов президента Франции, и с тех пор она ни разу не подводила.

Простому смертному понять эту методику непросто. В сложном механизме подсчета голосов между многочисленными данными существует строгая взаимосвязь, которая подчинена определенной закономерности. Если хочешь изменить какие-то данные, то следует менять и множество других, иначе нарушатся так называемые «уравнения рангового распределения». Что и как менять — непосвященному человеку неизвестно. Да и специалист, в спешке, при дефиците времени, не может этого сделать, так как потребовалось бы вычертить множество схем и графиков, просчитать уравнения.

Кремлевские эксперты проделали-таки эту кропотливую работу и словно рентгеном просветили всю выборную документацию. Они даже составили перечень нарушений и указали, где их искать. Но ни окружная избирательная комиссия, ни прокуратура ничего искать не стали. Местная «ДемРоссия» официально опротестовала результаты выборов, но и ее представителей к выборной документации не подпустили. Сурат благополучно занял губернаторский кабинет, а в мой адрес со страниц коммунистических газет полетели ехидные насмешки: «Ура, Кривченко теперь «бывший»!».

Заглянуть в засекреченную выборную документацию удалось лишь через полгода — когда президент освободил Сурата с поста губернатора, в стране началась конституционная реформа, а документы распущенных избирательных комиссий были сданы в архив.

То, что увидели в них представители общественности, повергло их в шок. Очевидно, фальсификаторы были уверены, что любые подтасовки сойдут им с рук, поэтому действовали грубо, открыто, совершенно не боясь ответственности.

Как проголосовали избиратели на участке, не имело никакого значения. Члены участковых комиссий зачастую подписывали чистые протоколы — без результатов голосования. Цифровую часть вносили потом — в городских и районных комиссиях, в основном одной и той же пишущей машинкой или одним и тем же почерком. Цифры были такие, какие требовались для победы Сурата. Получалось в точности так, как учил «отец всех времен и народов».

Но если оказывалось, что и этого мало, то свою лепту вносила уже окружная избирательная комиссия. Представители общественного объединения «Выбор России», например, обнаружили, что в Белогорском архиве хранятся не копии, как положено, а первые экземпляры протоколов с целого ряда участков. Это их насторожило. Решили посмотреть: а что в областном архиве? Но и там оказались первые экземпляры протоколов с тех же участков, причем совершенно иные — отпечатанные на другой машинке и с завышенным числом голосов, отданных за Сурата. Это уже была работа окружной избирательной комиссии, которую возглавляла бывший второй секретарь Благовещенского горкома КПСС Мария Гарина.

К сожалению, сколько в итоге голосов добавили Сурату и сколько отняли у других кандидатов, по протоколам определить не удалось. Для этого требовалось пересчитать бюллетени, а их уничтожили буквально через два месяца после выборов. Такого прежде никогда не случалось — бюллетени всегда хранились до окончания полномочий избранных.

У меня имеются три папки с документами того расследования. Не раз появлялось желание сделать на их основе целую главу для книги, но приходилось сдерживаться — по этическим соображениям. Ведь сейчас модно: каждый проигравший выборы винит в этом кого угодно, только не себя. И обо мне могли бы сказать: раз проиграл, чего уж теперь? Тем более что Сурат все равно получил свое.

Так-то оно так, только вот... за правду обидно. Современным исследователям новейшей истории не всегда просто разобраться, где там правда, а где ложь. К тому же некоторые из них предпочитают изучать прошлое исключительно по материалам публичной коммунистической пропаганды тех лет, игнорируя иные источники. В одной научной монографии Амурского госуниверситета, например, посвященной реорганизации органов власти на Дальнем Востоке в 1991–1994 годах, делается 60 ссылок на бывшую газету бывшего Амурского обкома КПСС и только 5 — на все остальные общественно-политические издания, выходившие тогда в Благовещенске. Понятно, какую «правду» можно почерпнуть из такого источника.

В связи с этим считаю своим долгом рассказать еще об одном скандальном инциденте, произошедшем в окружной избирательной комиссии полгода спустя. Многие до сих пор называют его загадочным, хотя на самом деле ничего загадочного там не было. Просто те, кому следовало разобраться в случившемся, были в этом не заинтересованы и сделали все, чтобы, как говорится, упрятать концы в воду.

Напомню о политической ситуации, сложившейся на исходе 93-го. В последние месяцы года Россия жила подготовкой к двум поистине историческим событиям — первым выборам в посткоммунистический парламент и принятию новой демократической конституции. 12 декабря россиянам предстояло заложить фундамент для строительства будущего правового государства с учетом опыта других цивилизованных стран.

Однако отношение к проекту Основного Закона с самого начала было неоднозначным. Коммунистов устраивала прежняя, советская конституция, они вообще не хотели ничего в ней менять. Поэтому, начиная с I съезда народных депутатов РСФСР, их фракция постоянно встречала в штыки любые попытки сделать Основной Закон более демократичным: голосовала против отмены 6-й статьи, дающей КПСС неограниченную власть, учреждения поста президента и Конституционного суда, разделения властей и даже возвращения РСФСР ее исторического названия — Россия.

С такой же благородной яростью КПРФ обрушилась и на проект документа, разработанного конституционной комиссией. Коммунистические газеты назвали его антинародным, не отвечающим вековым чаяниям россиян, и призвали избирателей дать отпор «проискам демократов».

Но возможности у компартии теперь уже были не те, что полгода назад. Обновленный Центризбирком заменил составы избирательных комиссий на местах,

включив в них представителей всех политических партий и общественных движений. Поэтому повторения вакханалии при подсчете голосов теперь можно было не опасаться.

Мне тоже довелось немного поработать в окружной избирательной комиссии как представителю движения «Выбор России». Говорю «немного» потому, что включили меня туда слишком поздно — когда голосование уже состоялось, итоги выборов в Государственную Думу и Совет Федерации были подведены и электронщики заканчивали обрабатывать протоколы референдума.

Увидеть, как ЭВМ считает голоса избирателей, мне, к сожалению, не довелось — вскоре и эту работу закончили, электронно-вычислительная машина выдала результат. Оказалось, что, несмотря на все старания коммунистов, больше половины избирателей все же проголосовали за новую Конституцию.

Теперь членам комиссии предстояло проверить протоколы участковых избирательных комиссий с точки зрения их юридической чистоты. Ведь беспристрастная машина, умеющая хорошо считать, не могла одновременно быть и искусным криминалистом. В ее задачу не входило тщательное исследование каждого документа на предмет выявления таких, например, нарушений, когда прежняя цифра аккуратно стерта, а вместо нее выведена новая, или подписи всех членов комиссии сделаны одной рукой. Такую экспертизу мог осуществить только человек.

С изучения огромной стопы протоколов референдума и началась моя работа в комиссии. Мы собрались в просторном кабинете на втором этаже за длинным столом для заседаний, установленным там еще с советских времен. Присутствовали представители всех партий и движений, входящие в комиссию, а также наблюдатели. Напротив меня сидел бывший чин КГБ Леонид Васильевич Вовк, вышедший на пенсию и теперь представлявший компартию, слева от него — второй секретарь обкома КПРФ Петр Петрович Птушко, дальше — еще несколько коммунистов. Очень хорошо помню, с какой тщательностью и придирчивостью они изучали каждый протокол. Окажись в любом из них что-то подозрительное или спорное, эти люди немедленно устроили бы грандиозный скандал. Достаточно было признать недействительными с десяток-другой протоколов, и новая Конституция в Приамурье оказалась бы проваленной. А там можно было бы потребовать и восстановления 6-й статьи, и упразднения поста президента, и еще много чего.

Однако протоколы были оформлены безукоризненно. Комиссия работала с утра до вечера, но обнаружить в них какие-либо погрешности так и не смогла. На вечернем заседании итоги референдума утвердили официально, о чем тут же дали сообщение в средства массовой информации.

На следующее утро наших коллег-коммунистов было не узнать. Накануне они откровенно пытались накалить обстановку, теперь же их задиристость и агрессивность куда-то исчезли, появились доброжелательность и деликатность.

На утреннем заседании Петр Птушко обратился к комиссии с просьбой. Он признал, что Конституция принята, и отменить утвержденные вчера результаты подсчета голосов уже никто не вправе, но все же просил позволить ему и его сторонникам просмотреть протоколы еще раз. Просто так, для успокоения совести.

И тут остальные члены комиссии, что называется, «лопухнулись» — как малые дети, как самые, простите, последние идиоты. Знали ведь, что «просто так» коммунисты никогда ничего не делают, что в искусстве фабриковать и фальсифицировать им нет равных. Но вот поди ж ты... То ли неожиданно дружественный тон Птушко подействовал, то ли его признание, что утвержденные результаты голосования незыблемы, но комиссия удовлетворила просьбу. Птушко и его товарищам разрешили взять всю папку с протоколами и повторно просмотреть ее в той же комнате, где работали вчера. Даже наблюдателя к ним не догадались приставить.

А через несколько часов они спустились со второго этажа радостно возбужденные. И предъявили комиссии 16 протоколов с исправлениями. Да с какими! Стиральная

резинка грубо погуляла по прежним цифрам, едва не насквозь продырявив бумагу. Вместо них кто-то размашисто и жирно вычертил новые данные. Ничего подобного вчера ни в одном протоколе не было.

Однако Птушко и его товарищи не моргнув глазом заявили, что было: просто, мол, подчисток никто не заметил. Хотя не обратить внимания на исправления, словно специально сделанные для того, чтобы их обнаружили, было невозможно.

Ошарашенные члены комиссии не сразу пришли в себя. Такого никто не ожидал, это просто не укладывалось в голове. А ставшая вновь агрессивной команда Птушко продолжала развивать успех. Она потребовала ни много ни мало — признать все 16 протоколов недействительными и отменить итоги референдума на территории области.

Отменить? Как бы не так! Большинство голосов комиссия решила: протоколы опечатать и передать в областную прокуратуру для проведения графической экспертизы, чтобы по почерку установить фальсификатора и предать его суду.

Наивные люди! Вскормленная и выпестованная партией прокуратура никогда не делала ничего такого, что не отвечало бы интересам партийного руководства. Не стала она делать это и сейчас. Зато, словно по чьей-то команде, небольшая, но очень активная группа журналистов принялась внушать читателям, что, мол, сами демократы и испортили протоколы. Не напрямую, конечно, так писали — использовали намеки, недомолвки, аккуратно передергивали факты и т. д. Но получалось — демократы вносили исправления и все тут.

К сожалению, в конце 2003 года в связи с 10-летием принятия новой Российской Конституции некоторые местные газеты вновь извлекли на свет те самые намеки и передергивания. Одна газета даже в заслугу себе это поставила: мы, мол, ничего не придумываем, перепечатаем лишь то, что писалось десять лет назад. Похвально, конечно, только вот подбор публикаций оказался тенденциозным. Ведь десять лет назад в печати давались и иные, более аргументированные и убедительные объяснения случившемуся. Увы, теперь они оказались невостребованными.

Приступая к работе над своими «Записками», я предполагал, что такое может случиться. Поэтому старался охватить как можно больше событий и рассказать о них максимально объективно, опираясь не только на личные воспоминания, но и на архивные документы, данные статистических справочников, многочисленные газетные и журнальные публикации разной идеологической направленности, научные разработки серьезных авторов. При этом стремился уходить от излишних эмоций, навешивания ярлыков на политических оппонентов. Не знаю, удалось ли выдержать эту линию, но надеюсь, что будущий читатель поверит в правдивость и искренность моей книги.

«В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО...»

Очерки, статьи, интервью, выступления разных лет

Сигнала «SOS» не будет

Холодный, колючий ветер кружит по вершинам стылых сопок, срывает последний высохший лист с жухлых кустов, шурша несет его по распадкам к реке. Прозрачным льдом сковало забереги Зеи, обмелевшая, сонная, зябко ежится она между голых скалистых берегов.

В поселке лесорубов, что притулился у самой воды, у подножия крутолобой сопки, яростно скрипят на ветру ставни. Густой дым, поднимаясь над печными трубами, рвется в ключья и обрывками мечется по дворам. Узкие, выметенные ветром улицы пустынно, лишь у конторы лесопункта, на широком, вышарканном сапогами крыльце, толпятся люди.

— Мать честная, вот прорвало не вовремя...

Люди с тревогой прислушиваются к неясному, пугающему звуку со стороны реки. Отсюда ее не видно, но сквозь вой и свист ветра доносится хруст прибрежной гальки, точно вдоль берега движется табун лошадей.

— Шуга пошла, — уверенно говорит кто-то. — У, как поперла — валом...

— Чтоб ее, — в сердцах басит пожилой усатый тракторист дядя Костя. — Теперь затрет Дьяченку где-нибудь на перекате, али в горловине. Раздавит шуга катер, ей-богу...

— Катер жаль, факт, — соглашаются с ним. — А главное — траки. Теперь не меньше месяца трактора разутые стоять будут. Пока по льду дорогу не откроют.

Вот уже несколько дней в поселке Ураловка с нетерпением ожидают возвращения старшины буксирного катера Федора Дьяченко. Из-под самого носа шуги решил выхватить этот отчаянный мужик последнюю, запоздалую партию груза — гусеничные траки для трелевочных бригад. Все лето не было их на базе в Свободном, а закончилась навигация и судовую обстановку с реки сняли — пришли. Вот и решил Дьяченко рискнуть, выручить трактористов — ведь другой дороги, кроме как по воде, из Ураловки больше нет. Да, видно, не в добрый час рискнул...

— А может, пробьется еще, — говорит молодой чокеровщик Петька Карташов, зябко пряча нос в ворот болоньевой куртки. — Это же Дьяченко.

Последние слова чокеровщика малость приободряют леспромхозовскую братию. Кто такой Федор Дьяченко, на Средней Зее знают все от мала до велика. Отчаянная голова, он со своим «Грозным» не раз выходил из таких передряг, что рассказать кому — не поверят. Вон хотя бы последний случай с прицепным грейдером. Надо было переправить стальную громадину на другую сторону реки, а в Ураловке нет ни баржи, ни парома. Вот Дьяченко и взял этот неуправляемый грейдер своим катером на буксир. Дал обороты дизелю, загудел, задрожал «Грозный» и пошел медленно к середине реки, а вслед за ним и грейдер двинулся по галечному дну в глубь Зеи. Народ на берегу замер: в одно мгновение огромный дорожный агрегат полностью ушел под воду. Но через полчаса «Грозный», дрожа всем нутром, вытянул-таки стальную громадину на ту сторону.

— Нет, Петруха, — после долгого молчания вздыхает дядя Костя. — На этот раз, похоже, наше дело табак. Сквозь такие льды Дьяченко нипочем не пройти.

Ветер рвет слова, швыряет их в лица людей. В сером утреннем воздухе начинают пестреть крупные хлопья снега. Это — предвестники надвигающегося бурана.

— Вон, вон что делается, — бурчит дядя Костя, указывая на затянутые мглой сопки. — Теперь неделю в тайгу носа не кажи — дни активировать будут. Зверь и птица в такую пору по норам и гнездам прячутся. Эх, Дьяченко, Дьяченко...

У многих на устах сейчас эта фамилия. Через тайгу и сопки несут ее телефонные провода, разносят по таежным поселкам, разбросанным кое-где вдоль Зеи.

На крыльце конторы появляется начальник лесопункта Лев Семенович Мокров. Широколицый, всегда добродушный, сейчас он какой-то отчужденный, от усталых глаз расходятся крупные морщины.

— Плохо дело, мужики, — голос у начальника глухой, низкий, надтреснутый. Видно, сорвал, крича в телефонную трубку. — Иверский егерь видел, как наш «Грозный» разбился о скалы.

Гулко трещат дрова в железной печурке. Яркие отблески пламени, пробиваясь сквозь щели, весело играют на стенах кубрика. За черным блюдцем иллюминатора стонет вьюжная ночь.

— Крепись, братишка, крепись, — повторяет Федор Дьяченко, растирая спиртом онемевшие ноги моториста Чуркина. — Потерпи минутку, сейчас по телу тепло пойдет.

Молодое красивое лицо моториста перекосила судорога. Сведенные посиневшие челюсти иногда подрагивают, из груди время от времени вырывается глухой, невнятный стон. Дрожа всем телом, Чуркин тянется к раскаленной печке.

— Исправим винт, доберемся домой, траки разгрузим, — продолжая растирать его ноги, гудит Дьяченко, — сразу же баньку топить буду. Веничков я нынче заготовил — высший сорт. На старые вырубki с женой ходили. Знаешь старые вырубki, где еще до войны лес готовили? Сейчас там — сплошной березняк, а веники — целебные, любую хворь выгоняют.

Тепло от раскаленной печки жжет голое тело. Чуркин что-то мычит в ответ и вытягивается на рундуке. Легкий румянец начинает растекаться по его онемевшей коже. Расслабляясь, он смежает веки, впадает в дрему.

Теперь можно позаботиться и о себе. Дьяченко смотрит на свои посиневшие икры, тянется к бутылке со спиртом, но там остались последние капли. За то время, что провели они, меняя друг друга, в ледяной воде, разошлась поллитровка, а винт все не поддается. Сколько же часов прошло, как налетели на камни? Два, четыре, десять? Поколебавшись, Дьяченко решительно отодвигает бутылку в сторону — пусть эти капли будут «НЗ».

У-ух, у-ух! По металлической обшивке палубы проносятся, гонимые ветром, мелкие песчинки. Колючие ледяные брызги часто секут стекло иллюминатора. Дьяченко откидывает назад голову, в изнеможении закрывает глаза. Баюкающий вой за стеной напоминает ему далекое детство. Керосиновая лампа слабо освещает давно не беленную хату, мать в сером платке двигает по печи чугуны, а в трубе многоголосо завывает ветер. Сейчас мать поставит на стол чугунок с дымящейся картошкой, ребятишки, мал мала меньше, облепят его со всех сторон. А вот и топот на крыльце — это, верно, отец из тайги вернулся. Но отчего он так громко топает по половицам, аж изба ходуном ходит? Еще, еще толчок. Нет, это не изба, это содрогается катер.

Дьяченко открывает глаза. Дрова прогорели, печка почти остыла. Чуркин, свернувшись на рундуке, тяжело посапывает во сне. Тупой удар по корпусу окончательно прогоняет дрему. Шуга пошла!

— Иван! — голос старшины бомбой взрывается в кубрике. — Шуга, Иван! Живо менять винт, иначе — амба.

Облачившись в подсохшую робу, он проваливается в черноту ночи. Холодная вода тугим прессом стискивает плечи, тысячи ледяных игл, пронизав робу, вонзаются в тело.

Перехватывает дыхание, начинает стягивать сухожилия, но он, стиснув зубы, решительно продвигается к покореженному винту.

Двигаться, больше двигаться — только в этом сейчас спасение. Пудовая тяжесть кувалды раз за разом обрушивается на лопасти винта. Глухо стонет металл, вспенивается вода. Проплывающие мимо льдины цепляют Федора за робу острыми краями.

— Ну как? — рядом появляется щуплая фигура Чуркина.

— Н-не под-дается, — с трудом выговаривает Федор и еще яростнее колотит по винту.

Он совсем не чувствует ног, лишь суставы ноют больно, противно. Пальцы одеревенели на рукоятке кувалды. Сквозь неистовый снеговорот ничего не видно: ни неба, ни воды, ни берегов, ни катера.

«Врешь, поддашься, — зло думает он, обрушивая в темноту удар за ударом. — То, что я в рубашке родился, — это исторически достоверный факт».

Льдины напирают массой, то и дело приходится отталкивать их руками.

— Все, не могу больше, — хрипит рядом Чуркин. Он совсем сник, выбился из сил. — Надо, Федор, бросать катер да к людям пробиваться. Пропадем мы тут с тобой. Рации у нас нет, сигнала «SOS» не будет. Поэтому уходить надо. А на помощь, даже если сигнал «SOS» подадим, все равно никто не придет.

Но Дьяченко, не отвечая, колотит, колотит, колотит по винту. Ему кажется, что удары стали глуше. Ну, конечно, винт уже не так пружинит, как раньше.

— Дело я тебе говорю, Федор, незачем нам погибать, — откуда-то издали доносятся слова Чуркина. — Мы с тобой сделали все, что могли. Больше нет сил. Послушай меня, Федор, послушай. До берега не так далеко, Зяя обмелела. Если что — где-то вплавь можно. А на берегу большой костер разведем, просушимся. До ближайшей деревни-то километров пять-шесть, сухие мы — быстренько... А то ведь, если большая шуга, катер перевернуть может. Тогда конец.

Федор кладет на камень кувалду, подсаживает Чуркина на палубу, вталкивает в кубрик, стягивает с него торчащую колом робу. Плохо гнущиеся пальцы долго не могут достать из коробка спичку, но вот в печке снова вспыхивает огонь.

— Сейчас, парень, я тебя согрею, — последние капли спирта падают на ладонь Федора, он начинает массировать грудь моториста. — Совсем ты у меня раскис, нехорошо. Лишнего пересидел в воде, вот тебя и повело. С непривычки это бывает. А винт, кажется, начал сдавать. Если так, то я его сам докончу.

Через минуту Федор снова стоит по горло в ледяной воде. Опять почему-то вспоминается мать, не раз говорившая, что он, Федор, в рубашке родился. Да и то ведь, немало тому подтверждений было: рос крепким, здоровым пацаном, однажды в проруби лютой зимой искупался — даже не чихнул, как-то с голыми руками на медведя в лесу наткнулся — и ничего, цел остался. Потом в мелководье начал плоты водить там, где даже порожняком было ходить опасно — и ни одного ЧП. Может, права мать?

А льдины бьют, колотят в бока судна. Тело уже не чувствует леденящих уколов, но какой тяжелой кажется кувалда! Вдруг она вырывается из рук и уходит под воду. Там, где только что торчали из воды изогнутые лопасти винта, теперь ничего нет. Только мутная струя медленно кружится. Дьяченко в изнеможении боком прислоняется в обшивке катера. Наконец-то!

От скальных прижимов Малого Хингана до островерхих гольцов Станового хребта бушует по Приамурью буран. Тяжелым снежным пологом придавило мари, гнутся и стонут по крутогорьям сосны. Треск и шорох ползет по темным долинам рек.

Вспарывая бортовыми сигнальными огнями серую снеговую завесу, «Грозный» вновь режет форштевнем свинцовую поверхность Зеи. Сквозь обмерзшее стекло рубки каким-то чудом улавливает Дьяченко скрытую в воде опасность, ловко обходя крупные

льдины. Но их становится все больше, и вот уже они идут сплошной массой, тесня друг друга и не оставляя свободных проходов. Это ледяной плен!

— Что, из огня да в полымя попали? — сокрушенно говорит Чуркин, поднимаясь в рубку.

— Похоже... — Дьяченко трет кулаками покрасневшие глаза. — Не вижу нигде просвета. И отстояться негде — в самую горловину вошли. А ну, прибавь оборотов. Самый полный вперед!

Густая дрожь пронизывает корпус катера. Круша мелкие льдины, он упирается носом в сплошное ледяное поле и начинает медленно наползать на него. Ходуном ходит под ногами капитанская рубка, под ней, готовый разлететься на куски, разрывается дизель.

— Самый полный вперед! — хрипло кричит в трубу Дьяченко, мертвой хваткой вцепившись в рукоятки штурвала.

Все выше поднимается нос катера. Вот уже кажется, что он уперся форштевнем в низко нависшие над рекой тучи, еще мгновение — и глыбы льда опрокинут его навзничь, перевернут вверх дном и навсегда погребут в речной пучине. Холодный пот густо выступает на лбу Федора, крупными градинами катится по спине. Все сильнее, до боли в кистях, сжимает он рукоятки штурвала. Ну, еще немного, ну...

Глухой треск ударяет в стекло, и «Грозный» летит куда-то вниз. В следующее мгновение его, словно мячик, кидает кверху, снопы брызг и обломков льда обрушиваются на палубу. Еще всплеск, снова мягкий толчок, опять потоки воды заливают палубу, хлещут по рубке. Но теперь нос катера обращен туда, куда положено, а перед форштевнем далеко вперед тянется, зияя во льду, широкая черная трещина.

Дьяченко разжимает побелевшие пальцы, вздох облегчения вырывается из его груди. Все в порядке — льдина переломилась. Но какая-то предательская слабость растекается вдруг по телу, отчего-то вздрагивают и подгибаются колени. «Нервы сдают, — догадывается он. — Нет, раскисать сейчас не время».

— Вот так и дальше пойдем, — пересилив минутную слабость, бодро говорит он Чуркину, когда тот снова появляется в рубке. — «Грозный», оказывается, не хуже ледокола работать может. Ай да «Грозный»!..

Если бы видел сейчас Чуркин осунувшееся лицо Дьяченко, заметил бы он, как враз постарел Федор. Но Чуркин не смотрит на старшину. Пряча глаза, он теребит себя за отворот бушлата.

— Извини, Федор, сорвался я вчера, — с трудом выдавливает он наконец. — Слабый, выходит, я человек. Не могу быть товарищем в таком деле.

— Ну? — Дьяченко даже выпускает из рук штурвал. — Нашел время для разговора, чудак. Тут того и гляди пробойину получим, а он в философию ударился.

Но Чуркин совсем удручен, даже беснующийся буран, ломающиеся за бортом льдины не могут остановить его внутреннего терзания.

— Нет, обуза я для тебя, Федор, — совсем тихо говорит он. — Ты и спирт больше на меня расходовал, а я, стало быть, обкрадывал тебя.

— Да не время сейчас об этом, — Федор видит, как огромная, чуть ли не в футбольное поле льдина загородила катеру проход. — Ты, Ваня, сделал вчера то, чего многие не смогли бы. Почти что сбил винт. Я только довершил дело.

А льдина уже наплывает на катер, ее острые, рваные края обходят судно справа и слева.

— Быстро вниз, — командует Дьяченко мотористу. — И самый полный вперед!

Вторые сутки не находит себе места начальник Ураловского лесопункта Лев Семенович Мокров, вторые сутки не смыкает глаз. Тяжело это для его возраста. Стоят на машинном дворе трактора и лесовозы, замерла жизнь на заваленных снегом разделочных

эстакадах, но не это тревожит Мокрова. Судьба потерпевшего бедствие катера и его команды лишила начальника покоя и сна.

Несколько раз за последние сутки приходили к нему в кабинет жены Дьяченко и Чуркина, с мольбой и надеждой ждали от него утешительных слов. А он ничем не мог их утешить, не мог даже сообщить в точности, что с их мужьями. Пока не утихнет буря, о поиске и думать нечего.

В сотый раз тянется Мокров к телефонной трубке, но ничего нового не могут сообщить ему с линии. Никто не видел на реке катера, а егеря, что по радиации сообщил об аварии, давно молчит.

Зачем я отпустил его, ведь не имел права, казнит себя Мокров. Знал же, что может так получиться, а рисковал. Впрочем, жизнь не всегда идет по писанным законам и инструкциям, порой бывают особые, чрезвычайные обстоятельства.

— Лев Семенович, Лев Семенович, — в кабинет штопором ввинчивается Петя Карташов. Болоньевая куртка распахнута, из-под шапки пламенем вырывается рыжий чуб, лицо сияет. — Скорее, скорее на берег...

Он стремглав бросается обратно. Мимо конторы, проваливаясь в снег, трусцой семенит к берегу дядя Костя. За ним еще и еще люди.

— Неужели пробились? Не может этого быть...

— Пробились. Вон пришвартовываются.

— В такую шугу! Мыслимое ли дело.

— Стало быть, мыслимое. Ай да Дьяченко!

Катер стоит у причала словно привидение. Обледенела капитанская рубка, толстой ледяной коркой покрылась палуба, не видно под наплывами льда кнехтов и леерных ограждений. А из рубки выходит... Нет, неужели этот обросший, старый человек и есть молодецватый, бравый Федор Дьяченко, кумир поселковых мальчишек?

— Там, в трюме, траки. Можно разгружать.

Голос у Дьяченко старческий, хриплый. Веки распухшие, красные. Чувствуется, что он едва держится на ногах. Его и Чуркина пытаются обнимать, жмут руки, что-то спрашивают, но Федор не слышит вопросов.

— Потом, братишки, потом, — он умоляюще поднимает припухшие, в ссадинах, руки. — Сейчас — в баньку...

На зеленых лапах сосен качаются гроздья снега. Выбеленный, посвежевший после пурги поселок наполнен тысячами звуков. Гудит машинный двор, один за другим выходят с летних стоянок ожившие трактора. Возле конторы «молотят» двигателями автобусы — люди собираются в тайгу.

— Здорово, холостяки! — весело кричит им старшина Дьяченко, вразвалку приближаясь к конторе. — Что, к царю Берендею в гости?

Дьяченко любит называть всех, кто связан с лесом, холостяками. Это потому, что они уезжают в тайгу на всю зиму и живут там, на мастерских точках, без жен. А доплату на питание, которую леспромхоз установил «за оторванность от семьи», называет «холостяцкими». Это очень нравится трактористу дяде Косте. Утрами, прежде чем отправиться к своему трактору, он обычно кладет на свою почти зеркальную лысину заячью шкурку мехом вниз, потом надевает собачью шапку и, обращаясь ко всем в бараке, говорит:

— Ну что, холостяки? Холостяцкие вроде как все получили? Тогда по коням.

Сейчас дядя Костя, садясь в автобус, первым отзывается на голос Федора:

— К Берендею, паря, к нему. А у тебя как? Хворь после купанья не привязалась?

— Хворь? Я, дядя Костя, с детства эту штуку не признаю. Не любим мы друг друга шибко. А вот «Грозному» досталось. Его теперь долго лечить придется.

Дьяченко в легком дубленом полушубке, ворот распахнут. Он бодр и свеж, будто и не было вовсе трудного, изнурительно рейса. Автобусы трогаются и медленно идут по узкой извилистой улице к тайге. Люди машут руками старшине Дьяченко. Он стоит возле конторы, провожая их долгим, улыбающимся взглядом.

Газета «Советская Россия»,

1965 г.

Очерк был удостоен III премии

на Всероссийском конкурсе очеркистов.

Самородок

Разведочная гидравлика Юрия Плотникова с весны работала на золотоносном ключе Гарь-Вторая. Днем и ночью могучие струи гидромониторов дробили породу, прорезая в песках траншею. Над забоем висели миллиарды брызг, ни на секунду не прекращался шум работающей воды.

В принципе это была самая обычная работа, какую выполняли и другие, добычные, гидравлики. Разница заключалась лишь в том, что здесь еще не определили точное содержание металла в песках. Сделать это в течение сезона и предстояло команде Юрия Плотникова. В зависимости от результатов разведки руководство прииска должно было решить, на Гари-Второй или в другом месте строить новую драгу.

Юрий Плотников, молодой, башковитый горный инженер, утверждал, что Гарь-Вторая может стать для прииска настоящим Клондайком. Исторические документы свидетельствовали, что в 30-е годы в этих местах нашли мощную «золотую жилу», которая удивляла не только богатыми песками, но и самородками. А потом все вдруг разом закончилось — и рассыпное золото, и самородки. Старатели ушли и больше сюда не возвращались. Вот Плотников и предположил, что «жила» вовсе не истощилась, а всего лишь переломилась и ушла куда-то в сторону, скорее всего, на Гарь-Вторую. Надо лишь хорошенько ее поискать.

И точно. Едва перебрались ближе к ручью, как промприбор выдал первую порцию рассыпного золота. Содержание его в песках оказалось достаточно высоким даже для крупнолитражной драги. И чем дальше уходила разведочная траншея, тем больше укреплялась уверенность — драгу строить можно.

Однако прогноз Плотникова оправдался наполовину — рассыпное золото нашли, а вот самородки не попадались. Как ни осматривали забои, как ни ковырялись в галечнике, перебирая поштучно мокрые камни, — все напрасно.

Однажды утром, когда над таежными распадками кое-где еще висела сизая тягучая дымка, но гроздь росы уже переливались самоцветами в ранних лучах солнца, гидравлику остановили, чтобы передвинуть механизмы. Упругая, как тетива лука, тишина больно ударила по барабанным перепонкам. Старшему гидромониторщику Евдокиму Карнаухову, как всегда в таких случаях, на какое-то мгновение показалось, что он оглох. Несколько секунд он стоял возле своей замершей водометной пушки и ощущал в голове звон. Но вот откуда-то издали до него долетело, щекоча слух, какое-то попискивание, за спиной в траве что-то зашуршало, и Евдоким вдруг явственно услышал, что в тайге, в недалеких кустах, поют и щебечут птицы, а под ногами, попрытавшись в траве, дружно стрекочут кузнечики.

Тайга была полна жизни — первозданной, нетронутой, беззаботной, и Евдоким пожалел, что нет времени увидеть ее поближе. Но оттого, что он услышал птичьего голоса и

неуемный стрекот кузнечиков вокруг, увидел рядом бусинки росы на стеблях осоки, на душе у него стало светло и просторно, точно ему только что открылись в любви.

Сделав несколько шагов, Евдоким заметил на дне траншеи, недалеко от монитора, не совсем обычный камешек. По цвету он почти не отличался от других, но по форме... По форме он скорее напоминал крупную, невесть какими силами изуродованную картофелину. В другое время Евдоким наверняка прошел бы мимо, но сейчас он отметил про себя, что за свои сорок лет ни разу не встречал таких диковинных камушков. Человек неторопливый и рассудительный, Карнаухов не спеша подошел к камню и, подняв его, почувствовал, что тот необыкновенно тяжел. Евдоким потер его пальцем и ощутил под налетом глины острый холодок металла. Так и есть!...

— Братцы! — негромко позвал Евдоким. — Братцы, тут это самое... кажется, самородок.

Все, кто был поблизости, враз окружили его, находка пошла по рукам. Ее терли, ковыряли ногтем, вскидывали на ладони, определяя вес. Никому из рабочих гидравлики еще не приходилось видеть настоящих самородков. О том, какие они, многие знали лишь по слепкам в кабинете главного геолога прииска. Эти слепки были сделаны давным-давно, когда слава о самородном золоте Приамурья гремела, как литавры полкового оркестра. Под звон этих литавр в долинах рек Гарь, Дэп, Уркан, Гиллюй прежние старатели находили столь крупные самородки, что со многих из них делали слепки — для истории. Но с тех славных пор много воды утекло в Гари, Дэпе, Уркани, Гиллюе. О самородках, кроме слепков, остались лишь скупые письменные отчеты да не слишком достоверные рассказы стариков. И вдруг — на тебе...

— Так вот они какие на самом деле, — говорили люди, передавая «картофелину» из рук в руки. — Ничего особенного, даже не блестит. И как это ты, Евдоким Васильевич, разглядел его?

— Как, как... — отвечал вместо него другой старший гидромониторщик, сорокапятилетний Петро Бугаенко. — Подфартило, вот и разглядел. В камушке-то — ого! — не меньше кило...

Не успели остыть разговоры о находке Карнаухова, как новая весть всколыхнула коллектив: в дальнем углу забоя молодые ребята гидравлисты Петров и Обухов и дизелист Дорофеев подняли сразу три самородка. Правда, все вместе они уступали по весу самородку Евдокима, но все равно это была сенсация.

Вечером на вездеходе прибыла вторая смена. Приехавший вместе с ней начальник гидравлики Юрий Плотников, узнав о самородках, пришел в восторг.

— А что я говорил! — при волнении он всегда поправлял свои массивные, в роговой оправе, очки. — Теперь окончательно ясно, что не иссякла золотая жила. Ну, братцы, готовьтесь, она еще себя покажет.

На следующий день, в обеденный перерыв, Плотников объявил, что в коллективе заведена еще одна ведомость — по учету самородков. Ведь этих «камушков» ожидалось много, а их надо учитывать отдельно и платить за них тем, кто найдет, тоже отдельно.

Сказал, и люди разошлись по местам. А перед концом смены его «отловили» три закадычных друга — Петров, Обухов и Дорофеев, чьи самородки уже были отправлены в приисковую кассу.

— Юрий Палыч, — сказал один из них. — Чепуха какая-то с этими самородками. Прямо неудобно перед людьми. Все ведь траншею мыли, коллективно. А мы уже готовенькие камушки подняли. Добраться до золотишка трудно — это факт, а поднять самородок — какой это труд? Нет тут нашей заслуги, а деньги, говорят, причитаются только нам. Надо бы на всех разделить, кто в смене был.

— Нет, ребята, — возразил начальник гидравлики. — На всех нельзя. По закону — кто нашел, тому и плата.

— Так это — если нашел, — возразили парни. — Например, в тайге. А тут ведь коллективно мыли. Разница. В общем, надо делить на всю смену.

У Плотникова опять начали съезжать очки, он принялся их поправлять.

— Не знаю, — растерянно проговорил он. — Права такого у меня нет. Это не по закону.

— Зато по-честному. По совести.

— А другие как? Карнаухов?

— С ним тоже можно поговорить. Согласится.

— Нет, — подумав, уже решительно отрезал Плотников. — Самородков будет много, кто-то да не захочет отдавать свой в общий котел. Начнется вражда, споры. Нет.

— Так давай собрание проведем.

Собрания всегда проводили в пересменку, когда собирался весь коллектив гидравлики. Так поступили и сейчас. Люди сидели кто на чем, многие — прямо на траве. Плотников изложил предложение ребят, попросил высказаться. Послышались реплики:

— Правильно предлагают. Молодцы.

— Надо считать самородки общей продукцией.

— Чего тут обсуждать? Голосуем.

Собрание загудело, многие говорили разом, перебивая друг друга. Молчал лишь Евдоким Карнаухов, поднявший первый, самый большой самородок. Усевшись на опрокинутую бочку из-под солярки, он бросил на колени свои тяжелые, как маховики, руки и внимательно слушал.

— Значит, никто не возражает? — выдержав паузу, спросил Плотников.

— Никто, — слышались голоса.

— Все — «за»?

— Ставь на голосование — увидишь...

— А как Евдоким Васильевич? — Плотников повернулся в сторону Карнаухова.

Евдоким встряхнулся, обвел взглядом собрание. Люди притихли, тоже повернулись в его сторону. Понимали, что мнение Карнаухова сейчас может перевесить все остальные.

— У меня есть маленькое возражение, — сказал наконец Евдоким. — Чтобы вообще не было никаких обид, делить самородки надо не на смену, а на всю гидравлику. Ведь одним, может, придется пустую породу снимать, а другим готовенький золотиношный пласт достанется. Так ведь? Вот и надо, чтобы все было поровну.

Последние слова Карнаухова заглушили непривычные для таких собраний аплодисменты.

Прошла неделя, другая.

Разведочная траншея на ключе Гарь-Вторая продолжала являть удивительные чудеса. Уже больше тридцати самородков подняли горняки с его глинистого, размытого водою дна, а сокровищам, казалось, и конца нет. Теперь уже драгоценные находки ни у кого, кроме Плотникова, не вызывали прежнего интереса. Их поднимали, сдавали в кассу, и работа шла своим чередом. Горняков больше заботило содержание золота в песках, ведь от этого зависело, будут здесь строить драгу или нет.

Впрочем, кроме Плотникова, по-прежнему оставался неравнодушным к самородкам еще один человек — старший гидромониторщик Петро Бугаенко. Ему не везло — драгоценные камешки никак не шли к нему в руки. Как ни старался он, как ни обшаривал забои и все вокруг, самородки из-под самого его носа «уводили» другие. Это, правда, не имело большого значения, так как куш из общего котла Бугаенко все равно шел. Но Петро страшно злился. Каждый день, приезжая на смену, он первым делом спускался в траншею, отворачивал тяжелые валуны, ковырял наплывы глины на боках забоя — все было напрасно.

Вот и на этот раз, воспользовавшись остановкой гидромониторов, Петро двинулся вдоль траншеи, внимательно присматриваясь к золотиноному слою. Может, теперь подфартит? Но нет, что-то не видно милых сердцу камней с округленными боками. Лишь

серые выступы породы, угрожающе нависшие над траншеей, да глыбы глины по фронту забоя.

«Куда его понесло? — с тревогой подумал Евдоким, наблюдая, как Бугаенко осторожно продвигается вдоль нависшей стенки. — Задавит ведь».

И в эту минуту серо-желтая масса породы поползла вниз. Не замечая опасности, Петро подошел совсем близко к борту, нагнулся, что-то рассматривая.

— Берегись! — покатился над траншеей надрывной голос Евдокима.

Щуплая фигура старшего гидромониторщика метнулась в сторону, но было поздно. На Бугаенко обрушился оползень, Петро упал, и когда подбежали товарищи, лицо его было перекошено от боли, а левая рука висела как-то неестественно, безжизненно.

Его усадили в вездеход и повезли в поселковую больницу. При каждом толчке Бугаенко вскрикивал, корчился, хватался здоровой рукой за поврежденное плечо. Сопровождавший его Плотников был в отчаянии. И невдомек было начальнику гидравлики, что не только боль и страдание испытывал сейчас Петро Бугаенко, что душа его поет и ликует. Наконец-то исполнилось! Наконец-то его кровный, им самим найденный самородок лежал в кармане брезентовой робы. Вот здесь, под боком, у девятого ребра. Давит, упирается в тело, приятно щекочет сквозь брезент, родимый. А как некстати придавило...

В больнице с него начали снимать робу, чтобы осмотреть место травмы и сделать рентгеновский снимок.

— А-а, — в ужасе заорал Бугаенко.

Ему вдруг стало страшно при мысли, что сейчас сестра найдет в кармане украденный им самородок.

— Успокойтесь, мы осторожненько, — нежно сказал ему сестра. — Сейчас, голубчик, сейчас...

И не успел Петро опомниться, как куртка уже была у нее в руках. Дальше все пошло, как во сне. Одежду свернули в узел и положили в угол, на диванчик, а его самого увели в рентгеновский кабинет. Оттуда он попал в другую комнату, где его обрядили в больничную пижаму. Через два часа было решено отправить Бугаенко в Благовещенск, в областную больницу. Перед самым отлетом пришла жена. Когда она забирала одежду, Петро пытался шепнуть ей, что в куртке спрятано целое сокровище, но рядом была сестра, которая, как нарочно, не отходила ни на шаг. Ничего не подозревавшая жена небрежно взяла сверток под мышку, и у Бугаенко похолодело внутри: «Вытрясет по дороге, ей-богу, вытрясет».

Только в областной больнице, устроившись на койке, Петро смог, наконец, собраться с мыслями. Сколько же проблем свалилось сразу на его не слишком могучие плечи. Конечно, хорошо, что самородок все-таки удалось найти и спрятать от посторонних глаз. Уже совсем было отчаялся, но наконец подфартило. А потом опять пошло сплошное невезение. С переломом ключицы еще можно смириться — заживет, но если секрет раскроется... Того и гляди, что милиция явится в палату.

В больнице Бугаенко пролежал около двух месяцев, и все это время предчувствие близкой беды не покидало его. Каждый раз с замиранием сердца распечатывал он письма из дома, быстро пробежал глазами женины каракули, пытаясь выхватить из них самое главное. Но ничего тревожного в письмах не было. Немного успокоившись, он начинал читать неторопливо, вникая в тонкости домашних дел и пытаясь угадать в словах иной, тайный смысл. Нет, жена ничего не знала о самородке, она писала о том, что сына вызывали в военкомат, к осени обещали взять на службу, что картошка почти вся зацвела, кабанчик хорошо прибавляет в весе. И больше ничего. «Что же стало с робой? — размышлял Петро. — Видать, повесила в чулане, на гвоздике, и невдомек карманы ощупать. Только бы сын не похозяйничал».

Несколько раз Петро порывался изложить жене в письме свою тайну, наказать, чтобы спрятала самородок понадежнее. Но каждый раз одолевало сомнение: вдруг в

чужие руки письмо попадет? Холодная испарина выступала у него на лбу при такой мысли.

Наконец его выписали из больницы, дали на двадцать дней бюллетень и отправили домой. Что-то спирало грудь, когда шагал он по улице поселка к своему дому.

Дом у Бугаенко добротный, рубленый из бревен, с высокой, белеющей шифером крышей. На восточной окраине поселка, пожалуй, нет другого такого. Петро построил его лет пятнадцать назад, когда место это было пустынным и многие строились наспех, надеясь получить потом казенную квартиру. Не в пример соседям, Петро рассудил, что со временем поселку расти именно в эту сторону, отгрохал хоромы и не ошибся.

Взбежав на крыльцо, он бросился первым делом в чулан. Руки судорожно нащупали в темноте робу — она висела на стене, на своем обычном месте. Скользя по шершавому брезенту, пальцы искали боковой карман. Сердце забилося учащенно, радостно — самородок был на месте. Дрожащими руками Петро извлек из кармана холодный тяжелый комок, но тут же, точно чего-то испугавшись, оглянулся, поспешно сунул самородок обратно в карман куртки и пошел в дом.

Вечером, дождавшись, когда жена ушла к соседке, а сын отправился в клуб, он снова извлек свое сокровище, долго с умилением смотрел на него, подкинул на ладони. Хорош, чертяка! Бормоча что-то под нос, завернул самородок в черную плотную тряпку и, выйдя в сени, сунул сверток под стропила. Отошел в сторону, проверил — не видно ли? Остался доволен — надежно упрятано богатство.

Затянуло ледком забереги.словно трассирующие пулеметные очереди, потянулись на юг по стилому небу вереницы гусей, стаи уток. Молодой березняк на закрайке пади просматривался теперь насквозь. Его листва, еще недавно так загадочно шептавшая что-то на ветру, незаметно пожухла и осыпалась. Ключ совсем обмелел, упругие струи воды не вызванивали больше свою серебряную мелодию, а тихо и спокойно перекачивались по камням-валунам.

Гидравлика Плотникова заканчивала промысловый сезон. Геологи уже дали свое заключение о содержании золота в песках на новом месторождении, приисковая касса приняла больше ста самородков. Как сказал Плотников, «разведка боем» удалась, и теперь оставалось только разобрать механизмы и перевезти в мастерские на ремонт.

Но под занавес «Золотой ключик», как прозвали горняки Гарь-Вторую, преподнес еще один сюрприз. В самый последний день сезона один из мониторингов — помощник Евдокима Карнаухова — нашел среди камней настоящий золотой валун, потянувший больше шести килограммов. А следом все тот же Евдоким побил и этот рекорд — поднял самородок в семь килограммов!

— Качать именинников! — сказал кто-то из рабочих, когда вся смена собралась возле Евдокима и его помощника.

Их ухватили за руки, за ноги, взметнули ввысь. Они подлетели высоко, смешно барахтаясь в воздухе. Самородки снова пошли по рукам. Такие не подбросишь на ладони — больно тяжелы.

— Надо же! Это ведь на весь мир сенсация! — восхищенно говорила сполосчица Леночка, вчерашняя десятиклассница, прочитавшая в последнее время несколько книг о золоте. — Такие самородки-гиганты теперь на планете очень редко встречаются. О них, наверное, в Большой Советской Энциклопедии напишут. Может, даже и Евдокима Васильевича помянут.

— В энциклопедии? Вот это да! — веселились горняки. — Слышь, Евдоким, что Ленка говорит?

В эту ночь Евдоким долго не мог уснуть. Вообще-то на сон он никогда не жаловался. Намаявшись за день на тяжелой работе, надышавшись таежным озоном, он всегда укладывался рано и засыпал почти мгновенно. Но на этот раз заснуть не давала жена.

— Отец, а отец, — в который уж раз говорила она, ворочаясь рядом с ним на кровати.

— Ну? — нехотя отвечал уставший Евдоким.

— А какие они, самородки-то?

— Самородки? Обыкновенно какие. Навроде камней. В общем, ничего интересного.

С минуту по дому порхала тишина, и снова голос жены:

— Евдоким. А, Евдоким?

— Ну? — еще более сердито отзывался Евдоким.

— А верно, что о тебе теперь министру сообщат? Соседка сказывала, навроде, в конторе об этом говорили.

— Ну вот еще. То у министра, кроме меня, заботы нету. Скажут тоже.

— А почему ты мне о работе ничего не рассказываешь? Вон больше всех самородков нашел, а мне — ни слова.

— Гм, — Евдоким повернулся, зевнул. — Так тебе соседка наперед меня все выкладывает. А я хвастать не люблю, сама знаешь.

Он повернулся на спину, закинул руки за голову и вдруг сказал:

— А вообще-то, мать, нехорошо получилось. Ой, как нехорошо. И я тут крепко виноват.

— Чего нехорошо? — не поняла она.

— Да все самородки эти, — Евдоким вздохнул. — Чуть не каждый день только о них и разговору. А про Петра Бугаенко совсем забыли. Ушел человек на бюллетень и навроде нет его. А мужик, между прочим, на производстве пострадал, для всех старался. Хорошо еще, что обошлось.

— Так чего ему еще? — пожала плечами она. — Жив ведь и почти здоров, по поселку ходит.

— То-то и оно, что «почти». Я так думаю, мать. Раз пострадал человек на работе, когда самородки искал, надо его и числить в бригаде. Он, конечно, не обижен, по больничному сто процентов получает. Но за самородки ведь особая плата. Надо, однако, его в эту особую ведомость включить. А?

Она снова пожала плечами.

— Завтра в бригаде об этом скажу, — решительно продолжал Евдоким. — Грех товарища в беде оставлять. Возражать никто не будет, факт. Народ у нас сознательный, коллективный, только вот не додумались сразу до этого. Ну да еще не поздно. А теперь, мать, спать давай.

В эту ночь в горняцком поселке не спал еще один человек — Петро Бугаенко. И была у него на то своя, особая причина. Невысокий, с кавалерийской походкой, он нервно ходил, скорее бегал по горнице и курил папиросу за папиросой.

— Поганец! Черная немочь! — время от времени бормотали его сухие, бескровные губы.

Эти нелестные эпитеты относились к его куму Карпу Сидоренко, с которым два часа назад у Петра состоялся крутой, нелicenseприятный разговор. И дернула же его нелегкая связаться с этим чертовым кумом да еще в таком важном, щепетильном деле. Ну прямо бес попутал.

Когда после возвращения из больницы Петро обнаружил, что с самородком все обошлось, перед ним встал вопрос: куда и как его сбыть? В приисковую кассу и соваться нечего — враз уголовное дело пришьют. Да и стыд на весь поселок — голосовал за общий котел, а сам... Найти бы частного ювелира или зубного врача, те, поди, отвалили бы неплохо. Да где их найдешь? Таких даже в областном центре навверняка нету. Не в Москву же ехать. Хотя и там, как пишут в детективах, частные скупщики золота всегда оказываются за решеткой.

Так ничего и не придумав, Петро решил выждать время.

А тут к куму Карпу приехал в гости сын Николай — аж с Черного моря. Вот Петро и зашел однажды в дом кума, куда не заглядывал уж много лет. Пришел со своей водкой, вроде как для того, чтобы отметить встречу с родственничком. А когда все захмелели, стал исподтишка, издали расспрашивать, можно ли там, в курортном городе, золотишко сбыть, и сколько стоит оно на черном рынке? Колька сразу смекнул, в чем тут дело, и стал уверять, что будь у него это самое золотишко, он уж постарался бы пристроить его с большой выгодой. Однако Петро раскрывать дальше карты не стал и лишь при следующей встрече, пригласив Николая к себе в дом, признался, что есть у него самородок, и попросил помочь его сбыть.

Они стали сговариваться о процентах, и тут выяснилось, что придется включить в это дело и Карпа — иначе Николай никак не соглашался идти на риск.

— Это для нашей же с тобой безопасности, дядя Петро, — говорил Николай заупрямившемуся было Бугаенко. — Посуди сам: пришлю я тебе перевод, а в ОБХСС возьмут да любопытствуют, откуда такие большие денежки. Бате же я посылочку пришлю с сушеными финиками или абрикосами. Ничего подозрительного: все ведь знают, что я в курортном городе живу. А в посылке любую сумму можно упрятать.

Петро прикидывал и так и сяк, и получалось, что впрямь без помощи кума им не обойтись. Пришлось и его брать в компаньоны, а он оказался подлец из подлецов.

Сегодня, когда Петро возвращался домой из конторы, шепнул ему Карп, что пришла наконец от Николая долгожданная посылочка. Мол, как стемнеет, так приходи. Петро и пришел. Вместе с кумом извлекли они из сундука обшитый ящик, вместе вскрыли на кухонном столе, но как ни рылись в сухофруктах, денег так и не нашли.

— Как же так? — ничего не понимая, удивлялся Петро. — Обещал ведь Николай. Где же деньги?

— И впрямь оказия, — виновато разводил руками Карп, пряча в сторону, как показалось Петру, воровской, нечистый взгляд. — Нет денег.

И тут Бугаенко все понял. Сжимая в руке топор, которым вскрывал посылку, он грозно пошел на кума.

— Ты что это удумал? — с трудом выдохнул он из себя. — Вскрыл без меня посылку, гад...

Быть бы куму с проломленным черепом, если бы не сиганул он из хаты, как дикий козел. Ничего не соображал в тот миг Петро. Опомился лишь возле своего дома. Но прийти в себя так до сих пор и не смог. В ушах его все еще звенел высокий, рвущийся голос кума, что-то говорившего о работниках почты — там, дескать, жулье на жулье, они и обчистили посылку.

Нет, Петро и мысли не допускал, что деньги могли украсть на почте. Или этот негодяй Коля их совсем не клал, или кум успел руку приложить — одно из двух. Но теперь это неважно. Пропали денежки... И не пойдешь ведь никуда искать защиты — вот что обидно.

С этого дня точно кошка пробежала между Петром и Карпом, стали они лютыми врагами. При встрече на людях резко, до хруста в шее отворачивались друг от друга, в глазах вспыхивала лютая ненависть. Когда же никого не было поблизости, Петро называл Карпа вором и жуликом, требовал отдать деньги. А народ — он все видит и слышит. Вскоре поползли по поселку слухи, что дело тут нечисто, что есть в этой вражде какая-то скрытая тайна.

Не знали враждующие кумовья, что точно так же, как все, думал и майор приисковой милиции Бухаев — человек, поставленный охранять золото и специально этому обученный. Сопоставил майор факты, посоветовался с начальством и поехал на Черное море — «пощупать» сынка Карпа Сидоренко. Удачно «пощупал», через него вышел на зубного техника, а у того и самородок с Гари-Второй обнаружился. Все получилось как в детективном романе, которые так любил читать Петро.

Чистым хрустящим снегом декабрь убелил сопки, выстелил седловины распадков. Холодным хрусталем льда затянуло ключи и речки. Покинув дражные полигоны, горняки перебрались в цеха ремонтных мастерских, и никто не вспоминал больше о чудесах Гари-Второй.

И вдруг она снова напомнила о себе. Да еще с неожиданной стороны: Петра-то Бугаенко с кумом в город увезли, уголовное дело на них заведено. Оказывается, бедолага не зазя под обвал полез — самородок добыл и припрятал. А потом кум Карп или его сын Колька находку прикарманили. Оттого и вражда между кумовьями.

От избы к избе как снежный ком катилась эта новость, обрастая подробностями. Те, кто знал Петра поближе, кивали: да, на Бугаенко это похоже, кое-что и раньше за ним замечали. По мелочи, правда, а оно вон куда повернуло.

Но через день-другой снова говорили об обычном — запчастях, ремонте техники, близких отпусках. Радовались, что новую драгу будут строить именно на Гари-Второй, что спортзал наконец достроили. А Бугаенко... чего о таких вспоминать?

*Газета «Советская Россия»,
1970 г.*

Землянка

На исходе июля, в пору затяжных дождей и разгульного половодья, в палаточный городок десантников, уже месяц живших табором на берегу Нюкжи, явилась неожиданная гостья. Она приплыла по реке на плоту, то есть единственным действующим сейчас транспортом, сиротливо устроившись на штабеле шифера и поджав под себя ноги в новеньких кирзовых сапогах. Ее маленькую фигурку защищал от дождя брезентовый плащ, лицо закрывал большой, насквозь промокший и торчащий колом капюшон, на коленях она держала не то ящик, не то коробку, тоже замотанную в брезент.

Плотогон Сенька Терновых проводил гостью в палатку, помог скинуть тяжелый плащ, и любопытная братва ахнула: под брезентом оказалось милое создание с удивительно голубыми глазами и вьющимися белыми локонами.

— Здравствуйте, ребята, я библиотекарь, — сказала создание, и заросшие, бородатые десантники переглянулись — давно не слышали такого нежного голоса.

Девушка поставила на лавку ношу, развернула брезент — в свертке было несколько стопок перевязанных шпагатом книг.

— Вот, духовную пищу вам привезла, — вскинув маленький носик, с гордостью сказала гостья. — Наверное, соскучились без чтения?

Бородатые лица заулыбались, разгладились и, кажется, начали излучать свет.

— И как это таких маленьких мамы из дома отпускают? — с сочувствием пробасил громадный, косая сажень в плечах, вальщик леса Степан Пантелеев. — В такую погоду, в медвежью глушь...

— А я после техникума, — девушка тряхнула локонами и глянула на Пантелеева снизу вверх. — По распределению.

— Ах, по распределению! Тогда понятно, — почему-то смутившись, пробасил Пантелеев. — А ну, братва, живо греть котлеты и кипятить чай. Гостья продрогла и, видать, проголодалась.

Вскоре она уже сидела за широким дощатым столом в другой палатке, отхлебывала густой чай из алюминиевой кружки и рассказывала, как добиралась сюда из Тынды

сначала на больших тягачах, потом по реке на плоту, как замирало у нее сердце на перекатах, потому что плот мог перевернуться и книги могли утонуть. Ее голос звучал весело и нежно, как весенний ключ, выбравшийся наконец на свет их темных глубин и радующийся солнцу, ветру, жизни.

— А мне, знаете, нравится у вас, — сказала она под конец, когда усталость совсем сморила ее. — Ребята вы хорошие, гостеприимные, только... все на одно лицо. За бородами и не разглядишь, кто какой.

Если бы знала Валя Голубева, какой маховик повернут и раскрутят ее бесхитростные слова, какой залежалый пласт всколыхнут! И вообще чем станет для десантников ее короткий приезд.

На следующее утро Степан Пантелеев явился к завтраку... чисто выбритым. Уже успевшие позабыть, каким он был до бороды, товарищи не сразу узнали его. Зато Вале он тут же запомнился.

В обед Валя читала одну из привезенных ею книг. В ней рассказывалось о старых золотоискателях, промышлявших еще до революции здесь, в Приамурье, и нередко находивших богатые золотые россыпи. То ли читала она мастерски, то ли история была очень занятной, только сидевшие напротив нее Пантелеев и бригадир Леонтий Яковлевич Толстенко глаз не отрывали от лица девушки.

Потом Валя засобиралась обратно в Тынду, где ее ждали важные библиотечные дела, и Степка вызвался отвезти девушку на моторной лодке. А когда он вернулся, то узнал, что в его отсутствие «свихнулся» один из десантников — сам бригадир Леонтий Яковлевич Толстенко.

Погода как раз разъяснилась, щедрое солнце за несколько часов просушило косогоры, и Леонтий Яковлевич, как только кончилась смена, прихватив лопату, исчез из лагеря. Вернулся затемно, обмыл в ручье сапоги, лопату убрал подальше с глаз, лег, никому не говоря ни слова. Никто ни о чем не стал его спрашивать — сорокалетнего, с небольшим брюшком бригадира недолюбливали и немного побаивались. Но когда и на следующий день после работы он подался в лес, ребята переглянулись, и двое из них осторожно двинулись за ним следом.

Вернулись они исцарапанные о колкие кусты и перепачканные грязью, сообщили:

— Золото ищет.

— Чего?

— Золото. Видать, книга подействовала.

— Ну дела...

Как и в первый раз, Толстенко вернулся поздно и опять никому ни слова. Утром на него косились, тайно посмеивались, однако заговорить о золоте так никто и не решился.

Но вот приехал начальник отряда Владимир Алексеевич Хотин, человек видный во всех отношениях — в 76-м мостоотряде не было никого выше него ростом. Вечером, хлебая суп, он спросил у Толстенко:

— Леонтий Яковлевич, ты, говорят, золотишко ищешь?

Бригадир вытаращил глаза:

— Какое золотишко?

— Да какое... Вечерами из лагеря уходишь, шурфы бьешь.

Толстенко звучно захохотал:

— Ну и придумали, ха-ха... Золото ищу... То ж я землянку рою.

— Какую землянку? — не понял Хотин.

— Обыкновенную. Золотоискатели до революции в таких жили. Тут нам про это читали.

От удивления Хотин перестал хлебать щи, ложка так и зависла перед его ртом.

— Ты что ж, из палатки хочешь отселиться? На отруба решил податься или как?

— Почему на отруба? Но надо же и о зиме подумать. Морозы тут наступают рано, жильё к тому времени подготовим или нет, а землянку я потихоньку осилю.

— То есть как «подготовим или нет»? А зачем же нас сюда послали? — изумился Пантелеев.

Те, кто собрался было выходить из палатки-столовой, остановились — разговор принимал интересный оборот.

— Выходит, Леонтий Яковлевич, ты, бригадир, не веришь, что мы к зиме поселок построим? — продолжал Пантелеев. — Не веришь? Так, что ли?

— Верю, не верю, а сомнение имею, — резко бросил ему Толстенко. — Сами видите, как работаем. Все вручную, техники никакой. Даже пилорамы нет.

Что правда, то правда. Обычно десанты уходили обживать новые места зимой, когда мари смерзались в прочный монолит, а реки покрывались ледяным панцирем. Зимние броски в таежную глухомань всегда были трудными, но зато десантники везли с собой все, что требовалось, в том числе и технику. 76-й мостоотряд не стал дожидаться зимы, а отправил своих людей на Ньюжу летом — в пору абсолютного бездорожья. Последние сорок пять километров бойцы десанта одолевали на небольших плотках, поэтому смогли взять с собой лишь самое необходимое: палатки, постель, топоры, гвозди, бензопилы, цемент, продукты. С таким оснащением и надо было начинать стройку, чтобы к зиме принять основные силы отряда.

— Так, так, — Хотин осуждающе покачал головой. — А когда отправляли сюда, что ты говорил, Леонтий Яковлевич? Задание выполним, не подведем! Помнишь?

— Но это же факт, — упрямо продолжал Толстенко. — За что ни хватись, ничего нету. Навалим лес, чем возить будем? Пилить чем?

Холин нахмурился. Чего-чего, а такое услышать здесь он не ожидал. Особенно от бригадира.

— Ты разве не знал об этом раньше, Леонтий Яковлевич? — сурово спросил он. — Я ведь вам говорил, что в первое время придется все делать вручную. Доставим сюда и пилораму, и электростанцию, но сейчас... Между прочим, это твои слова: понадобится — будем работать каждый за десятерых.

— Помню, как же, — примирительно сказал Толстенко. — Мы ведь и вкалываем. А насчет землянки — что тут плохого? Ударят морозы, я еще и Пантелеева на постой пушу.

— Этого как раз и не хватало, — прыснул Степан. — Я к зиме, может быть, женюсь. Вот будет потеха, если молодую жену не в новый дом, а в землянку приведу.

— На ком? — раздалась дружные голоса. — На ком женишься, Степан? Уж не на библиотекарше ли?

— А что, — Пантелеев смутился. — Может, и на ней. Вот возьму и женюсь.

Эта новость раззадорила всех. Долго обсуждали ее и так и сяк, подшучивали над Степаном. Наконец Лева Курочкин, студент-заочник, без пяти минут инженер, вернул разговор в прежнее русло.

— По-моему, ребята, Леонтий Яковлевич кругом не прав, — сказал он. — Во-первых, плохой пример бригаде показал. Что если все мы, вместо того чтобы дома строить, начнем землянки для себя рыть? Тогда к зиме жилья точно не будет. Не туда энергию направил бригадир, не туда. А потом, как это вообще сочетается: БАМ и землянки? Дорога в двадцать первый век и норы для людей из девятнадцатого! Это же позор на весь мир. Как можно было до такого додуматься?

Лева всегда говорил мудро, с обобщениями и выводами. Вот и сейчас в конце речи он сказал, что хотя Леонтий Яковлевич и хороший плотник, но как на бригадира на него теперь положиться нельзя. В такой ответственный момент нужен другой лидер. И лучше других на эту роль подойдет звеньевой Федор Мазин.

С утра ребята месили бетон, готовились делать фундамент под электростанцию. Новый бригадир Федя Мазин оценил качество бетона и уже хотел было подавать команду заливать, но вдруг спохватился:

— Пойдите, ведь бетон в фундаменте положено провибрировать. А чем? Вибраторов-то нет.

— Нет, — подтвердили товарищи. — И были бы, так без пользы. Энергию где возьмешь?

— Черт побери, — ругнулся Мазин. — И надо же — чуть было не загробили фундамент. Но что же делать?

Все взоры направились на Толстенко. Настоящих бетонщиков в бригаде не было — формировали десант в основном из плотников, мало кто из них имел раньше дело с бетоном. Что же скажет бывший бригадир?

— А ничего не делать, — спокойно ответил Леонтий Яковлевич. — Начальство знает, что вибрировать нечем. Обойдемся без этого.

— Нет, без вибрации нельзя, — твердо заявил Мазин. — Не игрушку строим — энергетическое сердце поселка.

— Ну и что? — продолжал Толстенко. — Лет десять назад мы в совхозе баню строили, тоже нечем было бетон вибрировать. Сколотили, и до сих пор стоит.

Мазин заколебался, не зная, какое решение принять.

— Лева, — обратился он наконец к Курочкину, — ты ведь почти строительный инженер. Скажи, можно ли без вибрации?

— Можно, но нежелательно, — сказал Лева. — Надо вибрировать.

— Но чем? — раздалось сразу несколько голосов. — Чем, язви его?

— Это другой вопрос, — многозначительно заявил Курочкин. — Кто знает, как в старину большие дома строили? Когда не было ни вибраторов, ни электричества?

— Да так, — отозвался Леонтий Яковлевич. — Никто ничего не вибрировал, а дома до сих пор стоят.

— Нет, братцы, — Лева посмотрел на всех петухом. — Вибрировали. И знаете чем? Ногами. Закатывали штаны до колен и месили бетон пятками. Так перемешивали, что огромные дворцы потом на тех фундаментах строили.

Ребята смотрели на Леву с нескрываемым восхищением.

— Решено, — заключил Мазин.

И началась потеха. Половина звена таскала ведерками бетонную массу, другая половина дружно топтала месиво резиновыми сапогами.

Вскоре, однако, опять случилась заминка. На одном краю будущего фундамента из земли торчал огромный валун, нужно было его убрать. Окопали со всех сторон, попытались вывернуть вагами. Провозились часа полтора, но даже самые крепкие ребята выбились из сил, отступили.

— Нужен бульдозер, — сказали они Мазину. — Без мощной техники не вытащить.

— А еще лучше — взорвать!

— Вот незадача, — полшутя сказал бригадир. — У меня как раз нет ни бульдозера, ни взрывчатки. Может, краном попробуем?

Ребята вяло улыбнулись: крана-то у Мазина тоже не было. Взоры опять устремились на Курочкина.

— Уже думаю, — сказал Лева.

На этот раз Курочкин перебирал в памяти известные ему способы перемещения тяжестей значительно дольше. Но все-таки нашел нужный рецепт. Он предложил развести вокруг глыбы огромный костер, раскалить камень добела, а потом облить его холодной водой из ключа. Появится множество трещин, по ним и раскромсать камень стальными клиньями.

Но не успели натаскать и половины нужного количества дров, как со стороны реки, из-за леса, послышался глухой рокот. Это гудел не лодочный мотор, не бензопилы вальщиков леса — рокот издавал мощный дизель. Ребята прислушались, переглянулись — уж не мерещится ли? Дизель басил все явственнее и отчетливее, а вскоре из-за кустов показался — с гордо поднятым носом, растопыренными крыльями, высоко поднятыми

бортами... «КрАЗ»! Он резал колесами осоку, мят редкие кустики, брызгал по сторонам грязью и полз — нет, скорее ломился через марь к палаточному городку. Ребята ошарашенно смотрели на это чудо. Как же смогла тяжелейшая машина пройти по вязким топям, где даже нога человека тонет? А за рулем сидел отрядный весельчак и песенник Саша Игнатьев.

— Принимайте груз, — белозубо улыбнулся он. — Пилораму привез.

Один из десантников протянул вперед руки, ощупал усталого Сашу.

— Вроде настоящий. Не мираж и не привидение. Как же ты, Саша, проскочил? Уму непостижимо.

— Лучше не вспоминать. У меня ведь машина на воздушной подушке.

Конечно, никакой воздушной подушки у «КрАЗа» не было. Просто накануне Игнатьев читал книгу о вечной мерзлоте и узнал, что в жаркую пору она сохраняется там лучше, где выше и гуще травяной покров. Вот и выбирал он самые защищенные от солнца места, ехал осмотрительно и, хотя и с приключениями, но все же пробился.

— А книжку тебе не отрядная ли библиотекаря дала? — спросил кто-то из ребят.

— Она, — подтвердил Игнатьев.

— Беленькая, с голубыми глазами?

— А вы откуда знаете? Она ж новенькая, — удивился Саша.

— Ну, огонь-девка. Только имей в виду — Степан Пантелеев на ней женится.

Игнатьев ничего не понял, пожал плечами и скомандовал:

— Сгружайте пилораму, юмористы.

А после обеда его «КрАЗ» уже трелевал лес. Иногда машина проваливалась в марь, товарищи кричали Игнатьеву: смотри не утопи! Он отвечал: техника отечественная, не подведет. И вырывался из плена.

С первыми морозами в новый поселок Дюгабуль перебирался 76-й мостоотряд. Другие только снаряжали десанты, которым еще предстояло закладывать на новом месте первые домики, а в Дюгабуле люди уже селились в новые квартиры.

Возле будущего вокзала стояла ватага парней.

— Эй, ребята, надо бы вот здесь, на привокзальной площади, пьедестал соорудить, а на него Сашин «КрАЗ» установить, — сказал товарищам Федя Мазин. — В Челябинске последний танк на пьедестал водрузили, на целине — трактор. А здесь должен «КрАЗ» стоять. Пусть все видят, с чего БАМ начинался.

— А рядом маленький плотик бы поместить, а? — сказал кто-то.

Все засмеялись.

*Сборник «Серебряные звенья»,
Хабаровск, 1982 г.*

Кедр

Он стоял на склоне крутой сопки — этот могучий красавец кедр. Толстый ствол его, в обхват человека, поднимался над выступами скалы, пышная, буйно-зеленая крона одним краем висела над обрывом, другим касалась горного склона. Его было видно издали — крупная «фигура» кедра хорошо выделялась на фоне мелких, тонкоствольных лиственниц.

Когда налетал ветерок, длинные тонкие иглы дерева мелко вздрагивали. Казалось, легкое прикосновение воздушных струй доставляет кедру удовольствие. Если же вдоль

сопок пронеслись сильные ветры, сгибая лиственницы, кедр словно упирался, напружинивался и стоял прочно, являя собой пример стойкости.

Нигде в долине Олекмы кедры больше не встречались. Это был единственный экземпляр на сотни, а может, и тысячи километров вокруг.

Первыми его увидели и залюбовались редкой красотой дерева взрывники. Им предстояло снести часть скалы и сделать на склоне горы «полку» для полотна железной дороги.

— Батюшки, красота-то какая! — воскликнул один из взрывников, раньше других обративший внимание на удивительное дерево. — Это ведь, братцы, самый настоящий кедр.

— Не может быть, — возразили ему. — Кедров здесь не растут. Скорее всего, какая-нибудь разновидность сосны или пихты.

— Да нет же, чистопородный кедр. Я их очень хорошо знаю. Как он мог сюда попасть?

Взрывники долго ходили вокруг дерева, любовались.

— Может, птицы или зверушки семя занесли? — предположил кто-то.

— А может, люди в свое время посадили? В тридцатые годы, когда впервые БАМ начинали?

— Так или иначе, явление это уникальное, — заключил знаток кедров. — Раз есть одно дерево, могут расти и другие. Надо бы сообщить об этой находке ученым.

Но где такие ученые, куда им писать, никто не знал. Не в Москву же сразу, в Академию наук! Да и ближайший почтовый ящик находился, однако, километров за 200-300. Поэтому и сообщать пока никому не стали.

Вскоре у вершины сопки начались буровые работы, туда затащили станки и дизель-электростанцию, два компрессора. Поднимаясь ежедневно к станкам, люди постоянно любовались кедром. Если бы в один злополучный день этого красивого и могучего дерева не стало, окружающий мир наверняка показался бы им теперь бедным и невзрачным.

А между тем над кедром нависла смертельная опасность. Скважину пробурили, к сопке начали подвозить взрывчатку. Оставалось заложить заряды в скважины, подключить к ним «адскую машинку», и часть горы взлетит на воздух. Падая, обломки скалы обрушатся на кедр, и тогда — конец красавцу.

Первым это понял тот, кто распознал кедр среди прочих деревьев. Глянул он с высоты на шумящую внизу крону и обомлел.

— Как же это, братцы? — обратился он к товарищам. — Выходит, мы сами его и загубим?

Остальные тоже посмотрели вниз. Кедр ласкался в струях слабого ветра, привольно нежился на солнце.

— Верно, хана дереву, — проговорил кто-то.

Стали прикидывать, какой ущерб ему нанесет взрыв. А один из парней вдруг убежденно сказал:

— Дерево можно спасти.

— Как? — все повернулись к нему.

— У нас в Ленинграде во время войны памятники культуры от снарядов и бомб спасали. Обивали их досками, обвязывали бревнами. Много удалось сохранить.

Это была зацепка. Дружно спустились к кедров, стали его измерять. Кто-то предложил сварить из арматурных прутьев каркас, а его уже обшить досками и бревнами. На том и порешили.

Прораб строительно-монтажного поезда, являющегося генеральным подрядчиком на этом участке трассы, был удивлен, когда от взрывников к нему явилась делегация. Выслушав возбужденных парней, он едва не рассмеялся.

— Знаете что, хлопцы, — сказал он, — не морочьте мне голову. Тут и без вашего кедров забот хватает. Идите и занимайтесь своим делом.

Но «хлопцы» оказались настырные. Они твердо и решительно заявили, что пока строители не обезопасят уникальный памятник природы, взрывать скалу не станут.

— Кто вам сказал, что это памятник? — поморщился прораб. — Обыкновенное одиночное дерево, пусть даже и красивый кедр. Может, его в Красную книгу занесли?

— Может, и занесут!

Найти общего языка стороны так и не смогли. Расстались каждый при своем. Взрывники обещали не трогать скалу, пока не огородят дерево, прораб же грозил разогнать всех к чертовой матери, если они хоть на день задержат взрыв.

На заседании оперативного штаба по координации работ на участке магистрали Тында — Чара четвертый час шла деловая перепалка. На этом направлении подразделения ГлавБАМСтроя и их субподрядчики в основном выдерживали график, но было тут и немало неразберихи.

Проводивший заседание первый заместитель начальника ГлавБАМСтроя Владислав Федорович Сакун иногда выходил из себя. Случалось, что на каком-то участке — явный провал, сорваны все графики, а «снять стружку» не с кого. Руководитель генподрядной организации винил во всем субподрядчика, тот — своего смежника, последний еще кого-то, а «крайнего» найти было невозможно. Неразбериха потому так и называется, что в ней нельзя разобраться.

Наконец дошла очередь до последнего пикета — того самого, где рос кедр. Сакуну доложили, что отсыпка полотна там пока приостановлена, так как не готова «полка».

— Почему? — сурово спросил Сакун.

— Потому что взрывники не взорвали скалу, — объяснили ему.

— Взрывники? Им-то чего не хватает? Взрывчатки, солянки?

— Им, Владислав Федорович, как плохому танцору... кедр мешает, — сказал кто-то из руководителей, и порядком уставшие люди покатались от смеха.

— Попрошу не выражаться, — оборвал Сакун общее веселье.

— Точно, Владислав Федорович. Там действительно кедр прямо на трассе стоит, — объяснили ему. — А взрывникам жалко его губить. Вот и не хотят взрывать.

Сакун потер под пиджаком левую сторону груди. Нет, с этим народом определенно до пенсии не дотянешь. Чего только не придумают в свое оправдание.

— Значит, кедр, говорите, — проговорил он с иронией. — Всего один?

— Один. Но красивый.

— Ах, красивый! Может, из-за него вообще стройку остановим? Пусть проектные институты переносят трассу куда-нибудь подальше. Как думаете?

Поднялся пунцовый начальник буровзрывного спецуправления, в чей огород летели камни. Объяснил, что дело не в красоте кедра, а в его уникальности. Ведь такая ценнейшая порода деревьев вообще не растет на вечной мерзлоте, а тут... Может, от этого редкостного экземпляра пойдет новый морозостойчивый вид кедра, пригодный для всей зоны БАМа. Спасти же дерево для науки несложно — достаточно лишь огородить коробом из бревен...

— В этом и вся проблема? — удивился Сакун. — Так какого же хрена...

И он устроил грандиозный разнос начальнику строительно-монтажного поезда, который только что громче всех обвинял взрывников.

Прораб участка, где рос красавец кедр, был до крайности раздосадован. Несколько дней назад он на полном серьезе пообещал разогнать всех к чертовой матери, если скалу не взорвут в срок, а получилось что? Вышестоящее начальство, во-первых, приказало ему выполнить все требования взрывников, а во-вторых, пригрозило, что он может схлопотать запись в трудовой книжке о неполном служебном соответствии.

Почертыхавшись, прораб все-таки взял двух рабочих, загрузил в машину с кубометр досок и отправился выполнять приказ. Кедр, точно живой, встретил людей приветливым покачиванием ветвей. Бросив на него равнодушный взгляд, прораб обошел дерево вокруг, указывая рабочим, где надо поставить забор.

— Стоило из-за этого шум поднимать, — повторял он, удаляясь. — Подумаешь — памятник природы... Да здесь таких — на каждом шагу. Есть и похлеще. Кому они нужны?...

Вечером к нему снова явилась делегация. На этот раз парни были до предела обозлены.

— Вы что, издеваетесь? — бросил в лицо прорабу один из незваных гостей, похоже, закоперщик. — Вам велели короб соорудить, а не забор. Короб из бревен, понимаете?

Прораб оторвался от бумаг, поморщился.

— Опять вы? Ну так вот: мне дали указание огородить ваш кедр, я его огородил. Чертежей у меня нет, так о чем разговор?

— Но ведь это называется — пустить пыль в глаза, — взорвался все тот же парень. — Вы и сами прекрасно понимаете, что такой забор дерево не защитит.

— Может, не защитит, а может, и защитит, — с издевкой сказал прораб. — Вот взорвете скалу, тогда посмотрим.

— Взорвете? Ну нет. Пока не будет короба, не будет и взрыва. Зарубите это у себя на носу.

На следующем заседании штаба разговор снова зашел об отсыпке железнодорожного полотна в сторону Чары. Оказалось, что дело там так и не сдвинулось, и опять из-за злополучной полки. Теперь спор между взрывниками и руководством строительно-монтажного поезда по поводу кедра уже перерос в серьезный конфликт, и ни та, ни другая сторона не хотела уступать. А это грозило неприятностями уже всей стройке.

— Что, собственно, происходит? — прервав перепалку между противоборствующими сторонами, спросил Сакун. — Кто из членов штаба побывал на месте и изучил обстановку? Кто видел этот самый кедр?

Оказалось, что никто.

— Ну, вот видите, — констатировал Сакун. — И после этого мы с умным видом спорим до хрипоты и собираемся принимать решения. Завтра продолжим заседание штаба там, под кедром.

...Большие начальники долго ходили вокруг дерева, некоторые щелкали фотоаппаратами. Кедр их восхитил, вызвал бурю эмоций. Обсуждать проблему фактически не потребовалось — мнение у всех было едино.

— Конечно, парни у вас молодцы, — сказал Сакун начальнику спецуправления, когда осмотр закончили. — За глотку нас взяли, но кедр отстояли. Однако какой ценой! Полку-то до сих пор не сделали.

— Сделаем. Пусть одевают кедр в рубашку. Взрыв прогремит тотчас же...

И он прогремел! От скалы отвалился огромный пласт и, раздробленный на множество кусков, рухнул вниз. Над склоном горы за клубилась пыль, поднялось облако черного дыма. Когда завеса рассеялась, среди скальных обломков показался огромный короб, обитый досками. На нем виднелись отметины от камнепада, но в целом обшивка выдержала. Доски быстро сорвали — кедр стоял в металлическом каркасе невредимый.

История знает немало примеров, когда освоение людьми новых регионов планеты оборачивалось для этих регионов катастрофой. Вторгался человек в неведомую ему природную среду — и исчезали в ней многие формы растительного и животного мира, нарушалось созданное миллионлетней эволюцией равновесие.

Более, чем в любом другом уголке земли, чувствительна к воздействию людей северная природа БАМа. Здесь расположен один из крупнейших на планете массивов вечной мерзлоты — мерзлоты особой, не похожей на арктическую или антарктическую.

Мы пришли в этот регион, чтобы изменить его лик, построить железную дорогу, новые города и промышленные комплексы. Но отдаем себе отчет в том, что наша деятельность может нанести природе чувствительную травму, если переступить черту, за которой начинается нарушение природного равновесия.

Катастрофы не будет, если станем заботиться о каждом дереве, каждом ключе, каждом звере и птице. Ибо из них — деревьев, ключей, животных — складывается система, которую мы называем природой.

...Через некоторое время одинокий кедр объявили памятником природы.

*Сборник «Серебряные звенья»,
Хабаровск, 1982 г.*

Дефицит

Ранний звонок в дверь показался каким-то робким и нерешительным. Так обычно звонили не очень бойкие люди, приезжающие из далекой сельской или таежной глубинки.

На пороге стояли две девочки-старшеклассницы, на вытянутых лицах которых можно было прочесть вопрос: «Туда ли мы попали?».

— Ясно, вы — за макулатурой, — сказал я, вспомнив, что в школах как раз проходит месячник по сбору макулатуры и металлолома.

— Нет, — отвечала одна из них. — Мы из Поярково. Первой «Ракетой» приплыли.

— Вон как? Что же у вас стряслось? Из школы исключили?

— Хуже. Нас выгнали с работы.

Оказалось, что школу девчата уже окончили и поступили на заочное отделение торгового техникума, а одновременно пошли работать продавцами в главный районный магазин, называемый «Коопунивермагом». Проработали-то всего ничего и вот — оказались за дверью.

Через полчаса они уже пили чай в моем рабочем кабинете, а я изучал их «исповедь», написанную почти детским почерком на десяти тетрадных страницах. Вот о чем рассказывали уволенные продавщицы Л. Семибратова и В. Лазукина.

«Когда мы пришли работать в универмаг, то увидели такую картину. На складе оставались вещи, пользующиеся повышенным спросом, товар мог храниться сколько угодно и передавался из ревизии в ревизию. И вот мы принимаем отдел «Женская одежда». Везде, куда ни падет взор — в любой ящик, стол, коробку, — все просто наводнено «дефицитом». Предназначался он для руководителей универмага и райпо, даже на этикетках и целлофановых пакетах было указано, кому что «принадлежит». Кое-что директор магазина Н. Корнеева и заведующая отделом В. Воравко вынесли в продажу, но большая часть так и осталась.

То, что оказалось ненужным начальству и было вынесено для покупателей, мы решили оставить себе. Сейчас свой поступок осуждаем, но тогда директор сама дала нам повод: если ей можно, если это постоянно делается в магазине, то почему нам нельзя? Однако вскоре в отдел пришла проверка ОБХСС и обнаружила припрятанный нами товар.

Против нас возбудили уголовное дело, стали вызывать в милицию, и мы рассказали все, что знали. Назвали и тех, кто оставлял товар, и кто покупал его со складов и из подсобок.

Нетрудно понять, какова была реакция в коллективе, когда там узнали об этом. Многие говорили, что мы занимаемся сплетнями, что нас надо за это уволить. Хотя наши показания были чистой правдой.

Следствие продолжалось, а в магазине все оставалось по-старому. Поступили китайские полотенца и японские одеяла, но в продажу их не пустили, разобрали меж собой. Об этом мы тоже сообщили следователю, и тогда нас просто возненавидели. Заместитель председателя райпо Н. Данилова заявила при свидетелях: нечего было все рассказывать, в милиции ведь вас не пытали.

Потом вызвали на правление райпотребсоюза и начали «прорабатывать». Делали это люди, которые постоянно берут все на базах и складах — разодетые в батники и импортные платья. Они сами толкают продавцов на нарушение, а тут говорили о высокой морали.

Вскоре наше уголовное дело закрыли в связи с амнистией. Нас перевели работать техничками. Что же, провинились — получили свое. Но этим дело не кончилось — слишком много мы насолили кое-кому своими признаниями. Вскоре Семибратовой сказали, что наказание считают недостаточным и переводят ее уборщицей в колбасный цех — без какого-либо приказа или распоряжения. А Лазукиной, обратившейся в отдел кадров с просьбой об освобождении для прохождения учебной практики, зам. председателя Н. Березовская заявила, что к практике ее не допустит и добьется исключения из техникума.

Нам надоело терпеть и унижаться (скоро поставят туалеты чистить), и мы не вышли на работу. После этого нас уволили по статье 33 КЗоТ. В общем, от нас избавились, а нарушения правил торговли как были, так и остались. Вот и опять узнали, что в отдел «Детская одежда» поступили майки импортные 30 штук, и опять их не было в продаже, распределили по себе те же лица. И это в то время, когда всюду говорят о перестройке. Наши руководители не хотят перестраиваться. Они хотят работать не для удовлетворения спроса покупателей, а для удовлетворения своих нужд и нужд знакомых».

Вот такая получилась «исповедь». Увидев, что я закончил читать, девчата принялись вносить в нее дополнения в устной форме. Оказалось, что с этим письмом они уже обращались в районную газету и что редакция провела по нему свое расследование. Факты, по их словам, подтвердились, и даже вскрылись новые. Местным журналистам удалось установить, что к незаконному приобретению товаров — минуя прилавки — причастны не только работники универмага и райпотребсоюза, но и почти все руководители района. От полученной информации в редакции пришли в растерянность: начали советоваться в райкоме КПСС — как быть? А оттуда дали однозначное указание: расследование прекратить и никаких сведений об этом не печатать. Так уволенные продавцы и не увидели своего письма на страницах газеты, не получили никакого ответа. Поэтому и решили ехать в областной центр.

Мы беседовали часа два, и я все больше удивлялся — какой же огромный размах приняла в нашей стране торговля со складов, баз, из подсобок. Фактически за пределами торговых залов магазинов образовалась еще одна розничная сеть, возможно, даже более мощная, чем первая. В подвалы, за железные двери всевозможных «пакгаузов» люди шли за покупками таким же нескончаемым потоком, как и в парадные входы магазинов. Но если из парадных входов многие уходили ни с чем, то отсюда уносили и увозили все что душе угодно. В торговых залах товар отпускали по «Правилам советской торговли», за нарушение которых грозило лишение свободы до трех лет. Здесь же, вдали от людских глаз, эти «Правила» не действовали. В этом параллельном мире существовали другие, неписанные законы, которые никогда не нарушались. За железными дверями «пакгаузов» при поступлении сюда очередной партии товаров первое лицо района всегда отоваривалось первым, второе — вторым, третье — третьим и т. д.

Неудивительно, что в тайны параллельного мира не было доступа никому из посторонних. Это прежде всего касалось своих, районных журналистов, чьи газеты

находились под полным контролем местных партийных органов. К несчастью для этих органов, существовала печать и рангом повыше, а кроме нее еще и центральная печать. Поэтому Лазукина с Семибратовой и приехали ко мне, в надежде, что их делом все же займутся.

Я обещал девочкам выехать в Поярково в ближайшее время, но, когда они ушли, призадумался: а где публиковать будущую статью? Нарушения правил торговли в одном районе не тянут на центральную печать, это материал для областной газеты. Но без разрешения обкома КПСС и она не станет его печатать. Как же быть?

Помозговав с полчаса, позвонил второму секретарю обкома Василию Федину, ведающему идеологической работой. Обычный рабочий звонок, ничего особенного. Но в конце как бы между прочим обмолвился, что никак не могу решить, для какой газеты следует писать очередной материал: «Правды», «Советской России» или «Советской торговли». Все три газеты принадлежали ЦК КПСС, но у каждой — своя специфика, надо, мол, заранее ее учесть.

— А что за материал? — поинтересовался Федин.

Я рассказал о визите Лазукиной и Семибратовой.

— Вот черти, до чего дошли! — воскликнул Федин, имея в виду руководителей района. — Знаешь что, Альберт, давай опубликуем твой материал в «Амурской правде». Ты сделай его похлеще, а мы потом врежем этим «покупателям» по первое число.

Я начал было возражать: мол, моя обязанность писать в центральную печать, а не в местную. Но Федин привел еще аргументы в пользу «Амурской правды», и я «сдался», а кроме того, предложил ему вариант, который вообще привел Фебина в восторг: чтобы не посылать потом комиссию для расследования моей публикации, направить ее вместе со мной, пусть сразу изучает все обстоятельства, а то и меры какие-то принимает.

Так и решили.

В Поярково мы отправились представительной группой. Кроме меня в нее входили член комиссии партийного контроля при обкоме КПСС В. Г. Полубаток, инструктор отдела торговли и бытового обслуживания обкома Г. М. Костицина и заместитель председателя облпотребсоюза Э. Г. Тимощенко. Это было то, что надо — потом комиссия против моей публикации выступать не станет. Правда, Федин долго собирал группу, все ему что-то мешало, но примерно через полмесяца мы все-таки выехали.

— А стоит ли придавать такое большое значение этому письму? — сказал нам второй секретарь райкома КПСС А. К. Рябинин (первый секретарь В. В. Телков был на учебе). — Мы рассмотрели его и другие материалы, представленные местной редакцией, на бюро и приняли меры. Указанные в документах руководящие товарищи признали нарушения и критически оценили свои поступки. Бюро райкома объявило им взыскания. Наверное, можно вопрос и закрыть.

«Ну, Федин, ну, молодец!» — так и хотелось вскричать по этому поводу. Вот, оказывается, зачем он тянул время: чтобы дать возможность руководителям района «принять меры» и «закрыть вопрос». Мои спутники не скрывали удовлетворения: о чем же, мол, теперь писать, если все, что надо, и без того сделано?

Но все ли? И сделано ли? Читаем протокол заседания бюро райкома. В постановлении сказано: «Указать членам бюро В. В. Телкову, Е. Н. Гудим, В. А. Еленевичу, а также В. С. Кочеткову на недопустимые приобретения дефицитных товаров со складов, базы, из-под прилавка, используя свое служебное положение».

И это все? На этом можно вопрос и закрыть? Конечно, уже само признание и осуждение первыми руководителями района допущенных ими нарушений — явление отрадное. Может быть, с таких признаний и осуждений и должно начинаться нравственное очищение всего нашего общества? Но вот сделали это руководители района втихомолку, так, что никто в районе об этом не знает.

И потом, что за мера партийного воздействия — «указать»? Лазукину и Семибратову, вчерашних школьников, которые по примеру старших в первый раз в жизни припрятали для себя товар, с ходу перевели в уборщицы. А первому секретарю райкома КПСС В. В. Телкову и председателю райисполкома В. А. Еленевичу, которые и развели в районе массовую торговлю «дефицитом» с баз и складов, всего лишь указали, что так нехорошо.

А как быть с десятками руководителей рангом пониже, которые тоже валом валили на склады и базы? Пусть продолжают? Пусть и в универмаге по-прежнему работают две розничные сети — одна для всех, другая для элиты?

Нет, оказывается, в магазине все же провели собрание по поводу «дефицита». Незадолго до нашего приезда в магазин пришли члены бюро райкома Г. А. Шестакова и В. Г. Гмырак, которые сообщили коллективу об уже упоминавшемся решении бюро и попросили продавцов высказаться, как думают они покончить с незаконной торговлей? Но лишь одна женщина из всего коллектива высказала что-то невнятное, остальные упорно молчали. На том собрание и закончилось.

И после таких-то «мер» в райкоме решили списать письмо уволенных продавцов и материалы рейда редакции в архив?

Входивший в нашу группу заместитель председателя облпотребсоюза по кадрам Эдуард Григорьевич Тимощенко тщательно изучил законность увольнения Семибратовой и Лазукиной. Формальность тут была соблюдена: продавцов уволили не за припрятывание «дефицита», не за «сплетни» в милиции, а за невыход на работу. Но ведь все прекрасно знали, что это не просто прогул — девчонок вынудили поступить так, создав вокруг них невыносимую обстановку. Поэтому Эдуард Григорьевич предложил им обратиться в правление райпотребсоюза с просьбой вновь принять их на работу. А правлению дал указание сначала обсудить их просьбу в коллективе универмага.

И вот — новое собрание. На первом, как мы знаем, люди молчали. А теперь заговорили. И не только о просьбе уволенных девчонок, но и о том, о чем промолчали в первый раз. Из 26 человек выступило 14, некоторые даже по 2–3 раза. Никто не тянул их за язык, наша группа вообще не вмешивалась в ход собрания. Но женщины поднимались и выкладывали то, что у них на душе.

— Ведь что получается, девчата, — говорила заведующая отделом В. Воравко. — Как только привезут дефицитный товар, мы забываем о работе. Разговоры одни: как будут делить? Прекратить надо все это.

— Правильно, в любую пальцем ткни и не ошибешься, — вторила ей продавец Л. Малык. — Все мы одинаковы. Разница лишь в том, что одна берет на сто рублей, а другая на двести.

— Есть правила торговли товарами повышенного спроса, — поддерживала их продавец Ю. Маслова. — Если честно их выполнять, то нам же будет спокойнее. А то ведь каждая может оказаться на месте Лазукиной и Семибратовой.

Были выступления и покруче. Не защищая Лазукину и Семибратову, некоторые высказывались в том духе, что эти девчата лишь маленькие песчинки в основании гигантской пирамиды, которую можно было бы назвать «теневым распределением товара». На следующих ступенях лестницы — заведующие отделами, бухгалтеры и товароведы, директор магазина. Они играют куда большую роль в теневом распределении. Ни один рядовой продавец не решится припрятать товар, если за отделом или директором того не захотят. Но они-то как раз и «хотят», они просто вынуждены с этим мириться, потому что только такой ценой могут купить право оставлять «дефицит» себе.

А лестница тянется дальше — к вершине пирамиды. Здесь люди с более высоким положением — руководители райпотребсоюза, товарищи из райкома и райисполкома. Допустим, директор магазина проявит принципиальность и «прижмет» своих

подчиненных. Никто из девчат припрятывать товар под прилавком больше не станет — это факт. Но как быть директору, если завтра к нему придут «сверху»? Приказать тем же подчиненным: мол, идите открывайте подвалы, первый секретарь райкома с женой товар выбирать будут? Но тогда подчиненные могут и заартачиться, сослаться на закон. А ведь первый секретарь хорошо знает о статье 156 Уголовного кодекса РСФСР, по которой директора и продавцов за продажу товара со склада могут судить. Но идет, да еще с женой. Значит, очень хочет. Значит, попробуй ему откажи.

Только теперь мне пришлось вступить в разговор. Я спросил, почему же все это коллектив не высказал на предыдущем собрании, на котором присутствовали два члена бюро райкома?

— А мы местной власти не доверяем, — слышались голоса. — И разговаривать на эту тему с ней не хотим. Пусть ходят в магазин, как все, а не с черного хода. Тогда и у нас порядок будет.

Долго говорили о том, как навести этот самый порядок на практике. О том, что надо заставить работать группу народного контроля и «комсомольский прожектор», постоянно отчитываться перед пайщиками и т.д. В конце решили просить правление райпотребсоюза принять Лазукину и Семибратову на работу вновь. Мол, молодые девчата, они не устояли от соблазна в общей нездоровой обстановке, но ведь все поняли, раскаялись, так пусть теперь добросовестным трудом вернут себе доброе имя.

Собрание длилось больше двух часов. А когда закончилось, женщины, несмотря на позднее время, не спешили расходиться по домам, продолжали «кучковаться». Мы поинтересовались: разве ни у кого нет детей, почему не торопятся домой?

— Дети почти у всех, — сказали нам. — Но больно уж за душу зацепило. Такого разговора у нас еще не было. Даже как-то легче стало, вроде как от скверны очистились. Теперь все пойдет по-другому, вот увидите.

На другой день состоялось заседание правления райпотребсоюза, на котором должна была окончательно решиться судьба Семибратовой и Лазукиной. Здесь обстановка была уже другая. Торговые чиновники яростно обрушились на уволенных продавцов, в них говорило уязвленное самолюбие.

— Да если мы их примем, они же над нами смеяться будут, скажут — наша взяла, — с пафосом заявила секретарь партийной организации райпотребсоюза, она же директор хлебозавода Р. С. Арбутина. — Как же после этого бороться за укрепление трудовой дисциплины?

— Пусть правление решает, как хочет, но я к себе девчат не возьму, — отрезала директор коопторга В. И. Спиридович, человек, возглавляющий в Поярково всю торговлю. — Не нужны нам сплетни и сплетницы.

Между прочим, в тех самых показаниях, которые Лазукина и Семибратова давали в милиции и которые сейчас называли «сплетнями», была стопроцентная правда. А в уголовном деле, закрытом по амнистии, значились фамилии многих из присутствовавших здесь чиновников с точным указанием: кто, когда и что брал с черного хода. Но никто из них не сказал, как это было на собрании в магазине: да, я покупала товар незаконно, пользуясь своим служебным положением, но обещаю впредь этого не делать. Никто не заикнулся и о том, как же правление райпотребсоюза намерено покончить с незаконной торговлей «дефицитом». Пришлось спросить об этом напрямую.

— Как? — удивились правленцы. — Да борьба с этим злом уже ведется! Отныне дефицитный товар будет продаваться только тем, кто сдаст определенное количество продукции с личных подсобных хозяйств. В других районах области в этом деле уже накоплен большой опыт.

Что верно, то верно, опыт есть, только вот какой? Активные сдатчики сельхозпродукции там как раз и не видят «дефицита». А справки на тонны сданного

молока, сотни килограммов мяса, немыслимое количество яиц предъявляют те, у кого вообще нет личных подсобных хозяйств.

В конце концов правление под нажимом, как мне показалось, Тимошенко все же согласилось принять Лазукину и Семибратову на работу. Не на прежнее место, а куда-то в другие подразделения. Но было ясно: и там эти девчата долго не продержатся. Члены правления не простят им того, что вынесли они сор из избы. Не стоило сомневаться и в том, что простые смертные в этом районе как прежде не видели, так и дальше не увидят в продаже дефицитных товаров.

Пресловутый «дефицит» сегодня испытывает на прочность совесть, порядочность, другие моральные качества многих людей. Он породил «блат», не знающий ни возрастных, ни должностных границ. Это уродливое дитя наших нехваток не в силах остановить даже Уголовный кодекс. У тех, кто ближе всех к «дефициту», выработалась своеобразная психология: дескать, как это быть у воды и не замочиться?

Для многих людей, имеющих доступ к «дефициту», нехватка товаров даже желательна, потому что ставит их в привилегированное положение, как бы поднимает их общественную значимость.

Статистика утверждает, что в торговле и сфере обслуживания сейчас наблюдается приток молодежи отнюдь не со специальным образованием. Из ставших непрестижными конструкторских бюро идут официантами в ставшие престижными рестораны, а из школ с иностранным уклоном — в парфюмерные отделы универмагов. Философия у этой молодежи простая: рыба ищет, где глубже, а человек — где есть «дефицит».

Разлагающее влияние «дефицита» расплодилось по порам общества, как грибок по прогнившим балкам. Это им рождено печально знаменитое выражение: «ты — мне, я — тебе». Ты мне — хороший холодильник, я тебе — машину цемента, ты мне — крестовины к «Жигулям», я тебе — земельный участок получше. И упаси бог, чтобы где-то в чем-то дефицит перестал быть. Не дай господь произвести чего-то с избытком. Тогда рухнет что-то величье, не откроются многие двери при магическом сегодня заклинании: «ты — мне, я — тебе».

Несправедливое распределение товаров куда более зловредно, чем иногда кажется. Будь заведен порядок, при котором от нехватки благ страдали бы в первую очередь те, кто в этих нехватках повинен, еще куда бы ни шло. Но они-то как раз, ввиду особого положения, имеют практически все. А если так, зачем заботиться об ассортименте колбасных изделий, избытке крестовин к «Жигулям», своевременной доставке овощей на прилавки?

Со всем этим мы уже многие годы безропотно миримся. Но не пора ли в конце концов поднять голову? Возвысить голос, заявить о себе? Пусть ТАК долгое время было, но теперь ТАК быть не должно.

Понятно, что было бы замечательно, если бы наша промышленность начала по-настоящему заботиться об удовлетворении спроса населения. Но она этого сделать не в состоянии, и сказать точно, когда рынок будет полностью насыщен хорошими товарами, сегодня вряд ли кто решится. Значит, надо утверждать мудрость и справедливость при распределении того, что имеем, что покупаем за границей. И не в отдаленном будущем, а сегодня, сейчас. Это не потребует никаких материальных затрат, тем более капиталовложений. Для этого нужно единственное — разбудить то, что в достаточном количестве дано человеку природой — совесть.

Конечно, одними обращениями к совести людской проблему не решить. Придется вспомнить слова В. И. Ленина о том, что социализм — это учет и контроль. Вспомнить, что вождь говорил о контроле не только со стороны специальных органов, но и со стороны самых широких масс.

В нашей стране сейчас функционирует 21 организация, осуществляющая государственный, ведомственный и общественный контроль. Но деятельность всех их вместе напоминает буксующие колеса огромного грузовика. Вроде бы все крутится, а автомобиль стоит.

А что делаем мы с вами — «широкие массы»? Только ворчим да возмущаемся втихомолку. Никто еще не потребовал отчета в том же магазине — откуда на продавцах «дефицит», если его в продаже не было? Где они его купили? Всем коллективом специально в Москву ездили?

На последних выборах в области избрано свыше 12 тысяч народных депутатов. Сила огромная. Если бы каждый из них сделал хотя бы один депутатский запрос по поводу всего лишь одного конкретного недостатка — сколько упущений могло бы быть исправлено.

Что-то не очень активничают в сфере торговли и народные контролеры. На предприятиях они еще подают голос, но ведь группы и посты НК есть в магазинах, ателье, столовых, на станциях технического обслуживания. Не слышал, чтобы хоть одна из этих групп повела бой с обвесами, припрятыванием товаров, продажей дефицитных запчастей из-под полы.

Конечно, нельзя злоупотреблять контролем — это дело тонкое и деликатное. Но и проходить мимо безобразий нельзя. Никому. Если мы действительно считаем себя хозяевами своей страны.

Новые веяния уже затронули и сферу распределения. Описанная выше история, несомненно, наглядное тому подтверждение. Одни встречают перемены болезненно, сопротивляются им, другие, наоборот, приветствуют и поддерживают. Так или иначе, отступления быть не может — пора работать и жить по-человечески.

*Газета «Амурская правда»,
Благовещенск, 1987 г.*

«В начале было Слово...»

Выступление на I Съезде народных депутатов РСФСР

Уважаемые народные депутаты!

Вопрос о средствах массовой информации не рассматривался подготовительной комиссией и не предлагался съезду для обсуждения. Однако он настолько важен для нашего общества, что съезд включил его в повестку дня без предварительной проработки.

В отличие от первых трех ветвей власти — законодательной, исполнительной и судебной — четвертая, то есть средства массовой информации, не может существовать, а тем более играть заметную роль в обществе без соответствующего технического оснащения. Газетам нужны типографии, оборудованные современной техникой, радио и телевидению — съемочная аппаратура и электронные средства передачи. Без совершенной технической базы могут быть сведены на нет все усилия журналистских коллективов.

За последние 10–15 лет в стране построено немало газетно-издательских комплексов как в столице, так и в регионах. Оборудование для них, как правило, закупалось за границей, на валюту. В типографском деле появились такие технологии, которые в корне изменили труд полиграфистов.

Это, конечно, отрадно. Но беда в том, что развитие полиграфии за последние 10–15 лет шло однобоко — строились и реконструировались лишь партийные газетно-

издательские комплексы. Научно-техническая революция совершенно не затронула другую часть нашей полиграфии — многочисленные типографии, принадлежащие Советам, где производится самая массовая печатная продукция — городские и районные газеты.

Когда заходишь в иную районную типографию, то кажется, что время там остановилось на месте. Здания, как правило, ветхие, техника допотопная, морально и физически устаревшая. Многие редакторы освоили смежную профессию — слесарей-ремонтников — и не покидают типографии, пока не отпечатают весь тираж.

Я не знаю, есть ли в нашей стране отрасль еще более отсталая, чем российская государственная полиграфия. И никаких перспектив у нее практически нет. Щедро выделяя валюту на строительство и реконструкцию партийных газетно-издательских комплексов, государство махнуло рукой на свои собственные типографии, переложив заботу о них на местные Советы. Но местные бюджеты не смогут поднять эту отрасль на современный уровень, тут нужны немалые государственные капиталовложения.

Районные газеты, как правило, убыточны, мелкие типографии — тоже. Но без них нам не обойтись. Поэтому центральная власть просто обязана выработать государственную политику, направленную на укрепление и развитие «четвертой власти». Ведь без этой хорошо развитой ветви мы не построим демократическое, цивилизованное общество.

Особый разговор — о республиканской печати. Россия, как известно, является одной из равноправных союзных республик СССР, но вы посмотрите, что имеют другие республики. Там есть свое собственное радио, телевидение, свои журналы и свои республиканские газеты. И это правильно, так как печать центральных органов СССР не может охватить все проблемы, существующие на местах, дойти до каждой семьи, учесть национальные особенности каждого народа. По своему журналистскому опыту знаю, что многие темы, которые на республиканском уровне вызвали бы большой интерес у читателей, центральным газетам кажутся мелкими, не заслуживающими внимания. Поэтому в республиках и созданы свои средства массовой информации.

Однако мы сегодня сталкиваемся с тем парадоксальным фактом, что республиканские СМИ есть везде, кроме России. У РСФСР нет ни своего радио, ни телевидения, но самое главное — нет своих республиканских газет. Имеется, правда, газета «Советская Россия», учредителями которой являются Верховный Совет и правительство РСФСР, но фактический хозяин ее — третий учредитель, ЦК КПСС. Дни работы нашего съезда показали, что этот печатный орган, направляемый ЦК КПСС, находится в оппозиции к новой российской власти.

Что же делать? Конечно же, надо создавать свои, республиканские средства массовой информации заново. Но как? Полиграфическая база в Москве занята выпуском газет, журналов и другой печатной продукции, издаваемой ЦК КПСС. В России, в том числе и в Москве, немало типографий, которые раньше принадлежали государству и приносили ему прибыль, а теперь почему-то стали собственностью партии и отдают прибыль в партийный бюджет. То же и с крупными центральными газетами. Такие издания, как «Медицинская газета», «Строительная газета», «Советская культура» и т.п. учреждались соответствующими министерствами и принадлежали государству, а теперь тоже являются газетами ЦК КПСС.

Вот и получается, что для российских республиканских газет в Москве места нет. Их негде печатать, для них, наверное, трудно будет изыскать бумагу.

Нехватка газетной бумаги требует отдельного разговора. Это еще один парадокс: РСФСР производит 95 процентов всей бумаги в стране, но именно наша республика как раз и сидит без бумаги. По новому законодательству общественные организации имеют право учреждать свои средства массовой информации. Но о каких новых демократических газетах можно говорить, если их не на чем печатать? Чтобы купить хоть малую толику бумаги, нужны фонды, а плановые органы их не дают, ссылаясь на то, что Госплан

распределил всю бумагу по существующим изданиям. С такой проблемой уже столкнулись амурские журналисты, учредившие свою газету.

Это лишь некоторые, наиболее жгучие проблемы, стоящие сегодня перед российскими средствами массовой информации, перед российской верховной властью. Решать их будет трудно, но сделать это необходимо. В первую очередь, в самое ближайшее время, следует разобраться с полиграфической и электронной базой в Москве, начать выпускать республиканские газеты, создать республиканское радио и телевидение. Новая российская власть обречена проводить политику, направленную на возрождение России. Но, делая это, она непременно должна разъяснять людям свои действия, постоянно помня, что, как сказано в Библии, «в начале было Слово...». Без собственных средств массовой информации мы не сможем донести наше слово до народа.

Спасибо за внимание.

*Москва,
Большой Кремлевский дворец,
21 июня 1990 года.*

«Готов предстать перед судом»

Интервью газете «Амурский комсомолец»

Взоры трудящихся России вновь с надеждой обращены к Российскому Дому Советов, где 3 сентября открывается вторая сессия Верховного Совета РСФСР. Россияне ждут от своего парламента принятия радикальных решений, которые остановили бы сползание республики в пропасть.

Возрос интерес и к личности самих депутатов. Несомненно, они сегодня уже не такие, какими съезжались на свой первый съезд. Появился опыт, обретается государственная мудрость. Вместе с тем, похоже, необратимым стал процесс размежевания внутри депутатского корпуса.

Способен ли сегодняшний российский депутат на гражданский поступок, которого ждут от него избиратели? Об этом и о многом другом наш корреспондент Сергей Логвинов беседовал с членом Верховного Совета РСФСР Альбертом Кривченко перед его отлетом на сессию.

С.Л.: — Альберт Аркадьевич, прежде всего хочу напомнить: ко второй сессии в корпусе российских депутатов поубавилось коммунистов. Как вы оцениваете выход из КПСС ваших коллег-парламентариев?

А.К.: — Полагаю, что они поступили в соответствии со своими убеждениями, как и должны были поступить. После XXVIII съезда с партией все стало ясно. Даже плохо зрячие, пожалуй, увидели, что КПСС окончательно деградировала, потеряла доверие значительной части народа и не способна к самоочищению и возрождению. XXVIII съезд, на мой взгляд, был последним съездом, который еще ожидали в народе и который был нужен людям. Увы, он не оправдал надежд. Дальнейшее проведение партийных съездов, как и само пребывание в КПСС, бессмысленно. Поэтому те, кто надеется принести народу пользу, активно выходят из рядов партии. Первым это сделал прямо на съезде Борис Николаевич Ельцин — человек, от которого ждут спасения России. Он решительно отмежевался от внутрипартийной возни, недостойной государственного деятеля такого масштаба. Так же поступили и многие другие, самые активные российские депутаты.

С.Л.: — Вы сказали, что съезд не оправдал надежд. Но ведь в его программном заявлении немало правильных, приемлемых для общества положений. Или вы с этим не согласны?

А.К.: — Беда в том, что говорить «правильные» слова мы научились, но не умеем — вернее, не хотим — говорить людям правду. Меня удручает программное заявление съезда — таких туманных и обтекаемых партийных документов на моей памяти, пожалуй, еще не было. Полностью согласен с первым заместителем Председателя Верховного Совета РСФСР Р. Хасбулатовым, который в одном из интервью сказал, что считает интеллектуальный уровень съезда очень низким, что у него, Хасбулатова, такое впечатление, будто из партии уже вышли все грамотные философы, экономисты, политологи. Действительно, программное заявление подготовлено очень слабо. Ну как, например, понимать такую его фразу: «На основе многообразных форм собственности и хозяйствования обеспечиваются... сильная мотивация высокопроизводительного труда»? Или в другом месте говорится: «Общественный идеал партии вбирает в себя... извечное стремление к лучшей жизни». Не сама «лучшая жизнь» является идеалом КПСС, а лишь «извечное стремление» к ней. И таких словесных «шедевров» в заявлении немало. Но дело даже не в них. Удручает то, что как прежде, так и теперь партия не говорит народу правду. Вы не найдете в программном заявлении признания, что в КПСС — кризис. В обществе — да, кризис признается, но только не в партии. Отсюда и пути выхода партии из кризиса не называются. О причинах кризиса в обществе говорится обтекаемо — «подвергались деформации», «игнорировались», «господствовал догматизм», «искажались принципы» и т. д. Кто «искажал» и «игнорировал» — неизвестно, будто все это происходило само по себе. На таком поистине судьбоносном, этапном съезде следовало бы наконец сказать народу, что именно партия, являвшаяся семьдесят лет «руководящей и направляющей» силой в обществе, несет всю полноту ответственности за разорение крестьянства и физическое уничтожение десятков миллионов ни в чем не повинных людей, разрушение вековой культуры народа и опустошение человеческих душ, за многие другие преступления, творившиеся и творящиеся в нашей стране. Признав это, съезд должен был заявить во всеуслышание, что партия становится перед народом на колени и просит у него прощения, готова нести самое суровое наказание за все содеянное. Народ наш великодушен и отходчив, не сомневаюсь, что простил бы партию и поверил ей. Но, увы... Съезд лишь в одном месте процедил сквозь зубы, что «КПСС как правящая партия несет политическую и моральную ответственность за сложившееся в стране положение». Но тут же воздал хвалу КПСС за то, что она сама-де это признала, и предупредил, что не потерпит «огульных охаиваний» «честных коммунистов». Все это — лицемерие, замешанное на «комчанстве». Поэтому я не верю в «правильные положения» программного заявления съезда, не верю, что партия будет «выражать и защищать интересы рабочего класса, крестьянства, интеллигенции».

С.Л.: — Однако народный депутат РСФСР А. Кривченко не вышел из КПСС...

А.К.: — Да, не вышел, нахожусь как бы на распутье. Когда стоишь у развилки дороги, а указателя нет, то сориентироваться не так-то просто. Теперь, после съезда, у меня нет сомнений в том, что в ближайшем будущем КПСС прекратит свое существование. Вопрос лишь в том, когда конкретно это произойдет.

С.Л.: — Не могу поверить. КПСС так сильна, что кажется вечной.

А.К.: — Римская и Османская империи, татаро-монгольское иго и инквизиция в свое время тоже казались вечными. Так вот, наше общество идет к демократии, парламентаризму, оно хочет жить и развиваться по объективным историческим и экономическим законам, а для этого ему нужны партии парламентского типа, чтобы вновь не захватили власть какие-нибудь негодяи. КПСС же задумана и создана как партия «авангардного» типа или — будем называть вещи своими именами — партия диктатуры. Во времена моей молодости ее так и называли — «партия диктатуры пролетариата», хотя пролетариат тут был ни при чем. Как показал XXVIII съезд, полностью отказаться от прошлого, стать парламентской партией КПСС не желает. Поэтому общество, поднакопив силенок, ее просто-напросто отвергнет. Думаю, на ближайших же парламентских выборах, когда в избирательную кампанию включатся другие партии, КПСС потерпит

сокрушительное поражение. Я не говорю уже о рыночной экономике, при которой вообще нет места партии диктатуры. Рынок несовместим с любыми «авангардами».

С.Л.: — Что же в таком случае удерживает вас в рядах КПСС?

А.К.: — Если хорошенько поразмыслить, то приходишь к выводу, что КПСС, прежде чем прекратить существование, должна предстать перед судом. Вопрос этот уже поставлен в повестку дня жизнью, он постоянно звучит в народе.

С.Л.: — Новый Нюрнбергский процесс? Но многие категорически против него, ведь рядовые коммунисты ни в чем не виноваты. Об этом чуть ли не ежедневно можно прочитать в центральных партийных газетах.

А.К.: — Было бы странно, если бы партийная печать писала обратное. Одна из газет ЦК КПСС договорилась даже до того, что партия сейчас на взлете, что в ней вообще нет никакого кризиса, а если авторитет и падает, то лишь из-за клеветы, которую обрушивают на партию некоторые печатные издания. Как все прекрасно! Оказывается, полки наших магазинов ломятся от товаров, мы давно догнали и перегнали Америку, а несчастные демократы придумывают всякие ужасы и винят в них партию! Нет, суд над КПСС просто необходим. Ведь были десятки миллионов людей в советских концлагерях, были жертвы репрессий над крестьянами, был искусственно созданный голод, изгнание за рубеж лучших представителей интеллигенции, были «психушки», разграбление национальных культурных ценностей и т. д. Словом, были ужасающие преступления перед народом, значит, был и преступник. Кто он? Один Сталин? Или еще и Брежнев — и больше никого? Или вся партия? Ответить на эти вопросы может только суд. Не Политбюро ЦК КПСС и даже не съезд партии, а высокий всенародный суд. Он необходим прежде всего как раз тем рядовым коммунистам, которые меньше всего виноваты в преступлениях прошлого и о которых якобы пекутся противники суда над партией.

С.Л.: — Вы полагаете, что такой суд все-таки состоится?

А.К.: — Еще недавно многие видные партийные деятели яростно выступали против отмены шестой статьи Конституции, а она все же отменена. Они были против многопартийности, частной собственности, а это уже реальность. Объективные процессы не зависят от чьего-то желания или нежелания. Вот и приходится ломать голову. С одной стороны, вроде бы следовало поддержать тех товарищей, которые вышли из КПСС и стремятся создать партию парламентского типа. Но, с другой стороны, не правильнее ли будет мне, коммунисту с 30-летним стажем, остаться и держать ответ перед народом вместе с партией. Я готов предстать перед судом. Более того, буду добиваться, чтобы суд этот свершился как можно скорее. Делать это после выхода из партии было бы неэтично.

С.Л.: — Но такой суд — это новые концлагеря!

А.К.: — Зачем же? Если партия будет признана виновной, то достаточно будет ее морального осуждения и запрещения как партии. Конечно же, с конфискацией имущества. Впрочем, не будем заранее формулировать приговор. Что касается личных уголовных преступлений отдельных партийцев, уходящих сейчас от ответственности благодаря своему положению в КПСС, то они, разумеется, должны получить свое по закону, но это к суду над партией отношения не имеет.

Еще одно соображение. Скоро вступит в силу закон о партиях, по которому все они, в том числе и КПСС, должны будут регистрироваться. С другими, думаю, проблем не будет, а вот с КПСС... Возникнут, например, такие вопросы: если в прошлом у нее слова расходились с делами, то можно ли сейчас доверять ее программным заявлениям? Где гарантии, что обязательства КПСС перед обществом и законом будут выполняться? Народ вправе поднять эти вопросы. Так что существование КПСС может прекратиться значительно раньше, чем представляется сейчас.

С.Л.: — Альберт Аркадьевич, что вы думаете, как воспримет это ваше интервью, скажем так, партийный актив области?

А.К.: — Он предаст меня анафеме, как уже сделал это на пленуме обкома КПСС 30 марта, когда обсуждалась статья в «Литературке» «Первое лицо». Но я привык говорить то, что думаю. Именно это и помогло мне одержать победу на выборах.

С.Л.: — И последний вопрос, насколько, на ваш взгляд, будет конструктивной работа сессии Верховного Совета РСФСР?

А.К.: — Думаю, должна быть очень конструктивной. Дел много, времени на раскачку нет. Партийно-политические дразги надо отбросить в сторону ради созидательной работы. Если часть членов Верховного Совета этого не поймет, то, к сожалению, будет потеряно дорогое время. Но сессия все равно придет к положительному итогу. Мы на это обречены.

С.Л.: — Что ж, успешной вам работы.

А.К.: — Спасибо.

*Газета «Амурский комсомолец»,
Благовещенск, 1 сентября 1990 г.*

Камень преткновения на пути реформ

Выступление на III съезде народных депутатов РСФСР

Уважаемые народные депутаты!

Впервые за последние семьдесят с лишним лет народы нашей страны взяли свою судьбу в свои руки и сами решают, в какой семье им жить. Оказалось, что семья-то у нас не совсем такая, какой мы ее до сих пор представляли, что строить ее надо заново.

Прежде всего скажу о строительстве союзного дома. Его надо возводить немедленно, садясь за стол переговоров и подписывая новый союзный договор. При подписании договора должен быть выдержан ряд условий, которые в предложенном проекте отсутствуют.

Первое. В этом договоре должно быть провозглашено, что все природные богатства, все средства производства, все, что построено руками людей, безраздельно принадлежит республикам и никому больше. Также должно быть заявлено, что народам республик принадлежит и вся продукция, произведенная и выращенная на их территории, и никто не имеет право ее отчуждать.

В предложенном нам проекте договора этого нет. По данному документу республикам принадлежит лишь земля, вода, другие природные ресурсы, растительный и животный мир, но не заводы и фабрики, не произведенная на них продукция. Этот проект практически закрепляет то, что мы имеем сейчас, то есть экономическое бесправие республик, всевластие Центра, который распоряжается национальными богатствами народа, не считаясь ни с чьими интересами, кроме своих собственных. Если мы подпишем этот договор, то на следующий день наши уважаемые, очень квалифицированные депутаты-юристы из фракции «Коммунисты России» заявят, что министерства и ведомства не должны передавать России ни ВАЗ, ни Кировский завод, ни нефтяные промыслы Тюмени, никакие другие предприятия, так как об этом не говорится в договоре. И они будут правы. Поэтому признание собственности республик, наряду с природными богатствами, также средств производства и производимой продукции является необходимым условием для подписания союзного договора. Только после этого республики могут какую-то часть собственности передать центру для выполнения союзных программ.

Второе условие. В договоре непременно должен быть пункт о том, что в момент подписания этого документа упраздняются и распускаются все союзные структуры власти и управления, в том числе — Президент, Кабинет министров, Съезд народных депутатов СССР, Верховный Совет СССР. С их роспуском должны быть объявлены выборы новых союзных органов — таких, какие посчитают необходимым иметь республики. Что касается тех союзных структур власти и управления, которые предложены в проекте договора, то я не уверен в целесообразности именно этих структур. Этот вопрос, на мой взгляд, нуждается в более глубоком изучении и обсуждении. Я не уверен также, что столицей Союза должна оставаться Москва. Пребывание столицы СССР в Москве поставило Россию в сложное положение, и это мы должны учитывать.

О Федеративном договоре. В Российской Федерации кровь, слава Богу, пока не льется, но и у нас разгораются межнациональные конфликты. Причины их не в том, что в РСФСР неправильное, неудачное государственное устройство. Это не протест входящих в республику свободолюбивых народов против диктата республиканского центра, нет. Межнациональные конфликты в России — это результат политики правящей в нашей стране партии и союзных властных структур, которые в последнее время исповедуют принцип «разделяй и властвуй». Ведь каждому здравомыслящему человеку ясно, что демонстративное противопоставление себя России, пресловутый «парад суверенитетов» возникли не по инициативе трудящихся республик, входящих в РСФСР, а организованы ставленниками КПСС, занимающими в этих республиках высшие руководящие посты, в том числе и в Советах. Выполняя волю своей партии, они ведут дело к расколу и развалу РСФСР не потому, что это лучше для их народов, а потому, что хуже для России, ставшей сегодня главным объектом атак со стороны КПСС.

Россия не продвинется вперед ни на шаг, ни в экономике, ни в межнациональных отношениях, пока не уберет со своего пути могучее препятствие, о котором разбились в свое время и «оттепель» Хрущева, и реформы Косыгина, и наша перестройка. Россия, повторяю, не продвинется вперед, пока не устраним деструктивную силу, которая противопоставляет себя избранной народом власти, саботирует в центре и на местах наши законы, натравливает друг на друга разные национальности, село на город, консервативные регионы на демократические. Люди, представляющие эту силу и возглавляющие предприятия, колхозы и совхозы, управленческие структуры, как раз и привели народ к нищете и голоду. Я говорю о КПСС.

Давайте смотреть правде в глаза: партия большевиков не допустит радикальных перемен в нашем обществе, пока будет реально находиться у руководства. Поэтому необходимо также реально — на деле, а не на словах — лишить ее власти. Это, на мой взгляд, сейчас является нашей национальной, общенародной задачей.

Бастующие шахтеры, рабочие других отраслей, депутаты на нашем съезде справедливо требуют отставки Горбачева, Павлова и их команды. Но этого мало. Надо отстранить от власти всю КПСС.

Посильна ли такая задача обществу? Думаю, что да. Ведь КПСС — это всего лишь около семи процентов населения страны, а если вычесть массу рядовых коммунистов, которая не поддерживает партийную номенклатуру, то останется ничтожно малая величина, хотя и стоящая у большой власти.

Надо признать, что эта ничтожная величина ни в коем случае от власти не откажется, а наоборот, будет за нее драться, используя любые, даже самые недостойные приемы. Поэтому, думаю, надо говорить не только об отстранении КПСС от руководства, но и о предании ее суду.

Нет, я не призываю начинать погромы, вешать коммунистов на столбах. Речь вообще не должна идти о конкретных лицах, фамилиях и должностях. Надо судить КПСС как партию. Не буду приводить полный реестр преступлений за долгую историю «руководящей и направляющей», достаточно назвать лишь ее политику геноцида по отношению ко многим национальностям, населяющим нашу страну. Насильственному

переселению, лишению своей государственности, репрессиям, издевательствам подвергались немцы Поволжья, чеченцы, ингуши и многие другие народности и этнические группы. Об этом недавно говорилось на сессии Верховного Совета РСФСР, когда обсуждался закон «О реабилитации репрессированных народов». Вдумайтесь: репрессии применялись не только против отдельных личностей, но и против целых народов, и реабилитировать сегодня мы вынуждены целые народы! Геноцид, как известно, не имеет срока давности. Поэтому КПСС, проводившая политику геноцида, должна непременно предстать перед судом и быть объявленной вне закона.

Меня порадовало позавчерашнее заявление депутата Руцкого о создании депутатской группы «Коммунисты за демократию». Хорошее это дело, полезное, только советовал бы вам, дорогие друзья, не питать иллюзий: едва вы сделаете первые шаги в сторону демократии, как руководство РКП исключит вас из партии, как исключило Шаталина и Смирнова. Однако я уверен, что после суда над КПСС прогрессивно мыслящие коммунисты снова образуют свою партию. Но это будет совершенно другая партия, не имеющая с сегодняшней КПСС и РКП ничего общего. Это будет партия, которая, уверен, сделает очень много хорошего для народа.

Спасибо за внимание.

*Москва,
Большой Кремлевский дворец,
4 апреля 1991 года*

ИЗ ОФИЦИАЛЬНЫХ СПРАВОК

Перечень людских потерь Страны Советов в годы коммунистического правления (1917–1991 гг.):

- Гражданская война (1917–1922 гг.) — 8 миллионов человек.
- Войны против Финляндии (1918), прибалтийских стран (1918–1919), Польши (1920), Грузии (1921–1922), Польши (1939), Финляндии (1939–1940) — 1,25 миллиона человек.
- Первая волна красного террора (1917–1923) — 1,55 миллиона человек.
- Вторая волна красного террора (1923–1930) — 2 миллиона человек.
- Первый голод (1921–1922) — 6 миллионов человек.
- Второй голод (1930–1933) — 7 миллионов человек.
- Погибли при коллективизации — 0,75 миллиона человек.
- Третья волна террора (1933–1937) — 1,6 миллиона человек.
- Время «ежовщины» (1937–1938) — 1 миллион человек.
- Чистки и расстрелы (1938–1948) — 2,7 миллиона человек.
- Вторая мировая война — 28 миллионов человек.
- Находились в концлагерях (погибли, умерли, расстреляны и т. д.) — 20 миллионов человек.

Итого (не считая потерь в войнах после 1945 года) — 79,85 миллиона человек.

Если не считать потери, понесенные страной в Гражданской и Второй мировой войнах, а также в войнах с Финляндией, Польшей, странами Прибалтики и Грузии (в общей сложности 37,25 миллиона человек), то непосредственно в результате репрессий, насильственной коллективизации, массового голода, вызванного большевистской

аграрной политикой, страна потеряла с 1917 по 1953 год 42,6 миллиона человеческих жизней. Это равно численности населения почти всей центральной сегодняшней России, включая Астраханскую, Архангельскую, Белгородскую, Брянскую, Владимирскую, Волгоградскую, Вологодскую, Воронежскую, Ивановскую, Калужскую, Курскую, Липецкую, Мурманскую, Нижегородскую, Новгородскую, Орловскую, Пензенскую, Псковскую, Ростовскую, Рязанскую, Самарскую, Саратовскую, Тамбовскую, Тульскую, Ульяновскую области.

Данные взяты из справки, распространенной 25 апреля 1996 года в Государственной Думе в качестве официального документа.

Перечень войн, в которых после 1945 года участвовал Советский Союз

Принято считать, что после Второй мировой войны наш народ жил в условиях мира, занимаясь исключительно строительством социализма и помогая поднимать экономику стран социалистического лагеря. На самом деле коммунистическое руководство СССР постоянно вело необъявленные войны за пределами страны в различных точках Европы, Азии и Африки, силой оружия насаждая или поддерживая дружественные ему прокоммунистические режимы. Вот перечень этих войн:

- боевые действия в Китае — с марта 1946 года по май 1950 г.
- боевые действия в Северной Корее — с июня 1950 года по июль 1953 года;
- боевые действия в Венгрии — 1956 г.;
- боевые действия в Алжире — 1962-1964 г.;
- боевые действия в Египте — с октября 1962 г. по март 1963 г., июнь 1967 г., 1968 г., с марта 1969 г. по июль 1972 г., с октября 1973 г. по март 1974 г., с июля 1974 г. по февраль 1975 г.;
- боевые действия в Йемене — с октября 1962 года по март 1963 г., с ноября 1967 г. по декабрь 1969 г.;
- боевые действия во Вьетнаме — с января 1961 г. по декабрь 1974 г.;
- боевые действия в Сирии — июнь 1967 г., март-июль 1970 г., сентябрь-ноябрь 1972 г., октябрь 1973 г.;
- боевые действия в Анголе — с ноября 1975 г. по ноябрь 1979 г.;
- боевые действия в Мозамбике — 1967-1969 г., с ноября 1975 г. по ноябрь 1979 г.;
- боевые действия в Эфиопии — с декабря 1977 г. по ноябрь 1979 г.;
- боевые действия в Афганистане — с апреля 1978 г. по 15 февраля 1989 г.;
- боевые действия в Камбодже — с апреля по декабрь 1970 г.;
- боевые действия в Бангладеш — 1972-1973 гг.;
- боевые действия в Лаосе — с января 1960 г. по декабрь 1963 г., с августа 1964 г. по ноябрь 1968 г., с ноября 1969 г. по декабрь 1970 г.;
- боевые действия в Сирии и Ливане — июнь 1982 г.

Таким образом, за 45 лет, прошедших с момента окончания Второй мировой войны до распада СССР в 1991 году, наша страна только 6 лет жила без войн. Она не воевала в 1954-1955 гг., когда после смерти Сталина члены политбюро Хрущев, Маленков, Булганин разбирались, кому из них быть новым вождем нации, и в 1957-1959 годах, когда опять-таки в ЦК обострилась борьба между враждующими партийными группировками. Зато в остальные годы боевые действия нередко велись в нескольких странах одновременно, например:

- в 1962-1963 г. — в Алжире, Вьетнаме, Лаосе, Египте, Йемене;
- в 1967 г. — в Египте, Йемене, Вьетнаме, Сирии, Анголе, Мозамбике, Лаосе;
- в 1975 г. — в Анголе, Мозамбике, Эфиопии;
- в 1979 г. — снова в Анголе, Мозамбике, Эфиопии.

После вывода войск из Афганистана 15 февраля 1989 года Советская Армия в войнах за рубежом не использовалась. Но с 1989 по 1991 год войска применялись для подавления народных выступлений в своей стране — в Азербайджане, Грузии, Литве.

Данные взяты из Приложения к Федеральному Закону «О ветеранах», принятому Верховным Советом Российской Федерации в 1993 году. К сожалению, в этом документе нет данных о наших потерях в перечисленных войнах. По непонятным причинам не попали в данный Перечень боевые действия советских войск в Чехословакии в 1968 году.

Первый сокол — Ленин, а второй — Басаев

На дубу зеленом,
Да над тем простором
Два сокола ясных
Вели разговоры.
А соколов этих
Люди все узнали:
Первый сокол Ленин,
Второй сокол Сталин.

*(Советская
«народная» песня)*

В июне 1995 года, накануне празднования 50-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне, батальон чеченских боевиков во главе с известным полевым командиром Шамилем Басаевым спустился с гор и совершил диверсионный бросок из Чечни в соседний Ставропольский край. Пока местные власти и федеральные войска опомнились, боевики прошли на грузовиках порядка ста километров и захватили город Буденновск.

Весть об этой безрассудной вылазке мгновенно разлетелась по всей России. Безрассудной потому, что, потеряв голову, Басаев завел своих боевиков далеко от родных гор и тем самым лишил их возможности после терактов вернуться обратно.

Но не тут-то было. Шамиль Басаев захватил в Буденновске больницу и объявил медперсонал и больных заложниками. В случае штурма здания федеральными войсками или милицией он обещал уничтожить всех этих людей.

Что было делать? Никто из армейских или милицейских начальников не решился отдать приказ о штурме. Видя, что угроза срабатывает, Басаев потребовал к телефону... самого премьер-министра России Виктора Черномырдина (президент в это время был за границей). А когда связь ему обеспечили, он потребовал у председателя правительства подать для его боевиков и заложников автобусы, дать возможность свободно погрузиться и не пытаться организовать преследование. Предупредил, что реакция на любые попытки захвата будет мгновенная — расстрел заложников. Только в безопасном для себя месте он обещал заложников отпустить.

И премьер-министр великой страны был вынужден выполнить все требования бандитов. В итоге батальон Басаева беспрепятственно вернулся в горы.

После трагических событий в Буденновске прошел год. Много написано за это время о дерзком теракте в российских средствах массовой информации, кажется, каждая его деталь высвечена. К рассказам журналистов, военных, многочисленных очевидцев событий вроде бы и добавить нечего. Ан есть! И сегодня мы, так сказать, имеем моменты, которые почему-то даже самые квалифицированные авторы обходят молчанием.

Напрашивается, например, такой вопрос: как могла маленькая, экономически слабая, рядовая по нашим российским меркам республика всего за несколько лет на глазах у центральной власти превратиться в мощный очаг международного терроризма, наводящий ужас на огромную державу? Откуда у нее вдруг такая сила взялась?

А вовсе и не «вдруг»! Процесс превращения заурядной республики в устрашающий террористический центр в сердце Кавказа хоть и начинался с малого, но развивался не только на своих национальных дрожжах. У этого процесса были могущественные вдохновители, организаторы и покровители.

В 1990–1991 годах, когда в Верховный Совет РСФСР пришла большая группа депутатов-демократов во главе с Борисом Ельциным, ЦК КПСС предпринимал огромные усилия, чтобы не дать крупнейшей республике СССР обрести самостоятельность, гарантированную ей союзной Конституцией, но так и не полученную на деле. Для этого использовались любые средства, в том числе и попытки развалить Российскую Федерацию изнутри с помощью националистических сил в автономных республиках. Руководителям автономий открыто предлагалось провозглашать свои республики союзными и выходить из РСФСР.

Наибольший отклик эти призывы нашли у руководителей Чечни. Здесь дошло до того, что, вопреки союзным законам, при явном попустительстве, а то и полной поддержке центра местная власть быстро прибрала к рукам находившийся на территории республики военный арсенал и поставила под свое командование дислоцированные там вооруженные силы. Началось создание бандформирований и всевозможных криминальных группировок.

Обо всем этом президент Ельцин рассказал с трибуны Верховного Совета РСФСР, обратившись к депутатам с просьбой дать согласие на введение в Чеченской Республике чрезвычайного положения. Другого законного пути для нормализации ситуации в этом мятежном регионе президент не видел.

Будь сделано то, что предлагал Ельцин, сегодня на юге страны, возможно, и не было бы очага международного терроризма, а чеченскому народу не пришлось бы пережить тех тяжелейших испытаний, которые выпали затем на его долю. Но увы... Ввести чрезвычайное положение в Чечне не позволил парламент.

Хорошо помню напряженную обстановку в зале заседаний Верховного Совета в тот день. Демократическое крыло депутатского корпуса безоговорочно поддержало президента. Но большинство парламентских мест принадлежало депутатам-коммунистам, а их ситуация в Чечне полностью устраивала. Никакие аргументы на этих людей не действовали, словно будущее южной республики, да и России в целом их не волновало. Отклонив просьбу президента, депутаты-коммунисты тем самым отказались затушить угли разгоравшегося костра, способного вызвать большой пожар. Вскоре он и вспыхнул — не только на территории Чечни, но и в других местах России.

Год, прошедший после трагических событий в Буденновске, не остудил боль людских сердец, опаленных кошмаром тех дней.

Гнев и отвращение вызывает у россиян одно лишь упоминание имени Шамиля Басаева. «Если ты мужчина, воин, как можешь прятаться за спины больных, женщин, детей?» — говорят сами горцы.

Между тем Шамиль Басаев не что-то из ряда вон выходящее в нашей истории. Были в ней и раньше подобные изуверы, совершавшие свои преступления, прячась за спины

заложников. Преступления в еще больших масштабах, на просторах всей нашей необъятной Родины. В XX веке приоритет в этом деле безусловно принадлежит величайшему революционеру всех времен В. И. Ленину.

Люди, воспитанные советской властью, привыкли к чистому, светлому, лучезарному образу своего вождя. Они знают, как дедушка Ленин горячо любил детей, как в голодное время отправлял в детские приюты приходившие ему с фронта посылки с едой. Как заботился о товарищах по партии, недоедавших, недосыпавших, сгоравших на работе. Обо всем этом рассказывали многочисленные книги, кинофильмы, сопровождавшие человека всю его жизнь, начиная с момента рождения. Каждая такая книга, каждый фильм, каждая песня, скульптура, картина, прежде чем отправиться в народ, тщательно проверялись в Институте марксизма-ленинизма — точно ли она отражает чистый, светлый, лучезарный образ дедушки Ленина или там что-то не так.

Но вот не стало Института марксизма-ленинизма, открылись его глубокие подвалы с обширными ленинскими архивами. И ученые обнаружили в них такое, о чем раньше не догадывались. Оказалось, что «Полное собрание сочинений» В.И. Ленина в 55 томах, которое в СССР считалось чуть ли не святыней, на самом деле никакое не полное — в него не включены многочисленные ленинские документы, хоть как-то меняющие созданный официальной пропагандой образ вождя.

Недавно в московском издательстве «Март» вышла книга известного российского историка А. Латышева «Рассекреченный Ленин». Она основана исключительно на ленинских архивах, до сих пор не известных общественности. Описанные в ней события охватывают в основном послереволюционный период деятельности Ильича, к которому как раз и относится образ «добраго дедушки Ленина».

Конечно, наши соотечественники знают о «красном терроре», проводившемся по всей стране «железным Феликсом». Об ужасах того террора отцы рассказывали сыновьям, те — своим детям и т. д. Скрыть известную всем страницу нашей истории было нельзя, а вот придать ей нужную окраску — можно.

Да, писали советские учебники истории, «железный Феликс» и его чекисты были беспощадны к врагам, не щадили саботажников, мародеров, спекулянтов. Но, во-первых, лично Ильич не имел к этому никакого отношения, а, во-вторых, иначе было нельзя. Белогвардейцы сами толкали чекистов к жестокости. Они первыми начали свой «белый террор», стреляли в Ленина, и только потом, вопреки возражениям Ильича, получили в ответ «красный террор».

На таком внешне правдоподобном толковании исторических событий воспитывалось несколько поколений советских людей. Однако А. Латышев приводит документы, говорящие об обратном. Именно большевики, придя к власти, первыми начали расстреливать, вешать, топить в проруби — задолго до выстрела в Ленина. С первых месяцев революции за ними потянулся длинный кровавый шлейф. Причем распоряжения о самых массовых зверствах, уничтожении сотен и тысяч ни в чем не повинных людей, сожжении целых городов давал лично Ленин. Вот некоторые примеры.

9 января 1918 года — в Питере по приказу вождя расстреляна массовая демонстрация рабочих, требовавшая провести выборы в Учредительное собрание, созвать которое обещали большевики.

3 июня 1918 года — Ленин отдает распоряжение сжечь дотла город Баку. Не сломить сопротивление обороняющихся войск, уничтожить военные объекты, а именно сжечь огромный город со всеми жилыми постройками, больницами, учебными заведениями и т. д.

10 августа 1918 года — Ленин приказывает наркомупро довольствия при изъятии хлеба у крестьян брать в каждой волости по 25–30 заложников, которых в случае несдачи хлеба расстрелять.

11 августа 1918 года — предсовнаркома направляет в Пензу пространную директиву, в которой требует:

«1) Повесить (непрерменно повесить, чтобы народ видел) не менее 100 заведомых кулаков, богачеев, кровопийц.

2) Опубликовать их имена.

3) Отнять у них весь хлеб.

4) Назначить заложников.

Сделать так, чтобы на сотни верст кругом народ видел, трепетал...»

22 августа 1918 года — Ленин направляет депешу в Саратов: «Советую назначить своих начальников и расстреливать заговорщиков, колеблющихся, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты».

Вот только после всех этих приказов, распоряжений, «советов» вождя, а именно 30 августа 1918 года, эсерка Фанни Каплан стреляла в Ленина. К этому времени «красный террор», как огненный пал, уже бушевал по всей стране.

Среди исполнителей ленинской воли было немало уголовников. Сейчас уже хорошо известно, что в Красную Армию и ВЧК вступило значительное число деклассированного элемента, чуждого каким-либо идейным побуждениям и политической сознательности и смотревшего на войну лишь как на возможность грабить, насиловать и т. д. Поэтому с первых дней революции массовые казни сопровождались грабежами, мародерством, изнасилованиями. Не случайно даже старый большевик, публицист М. Ольминский сказал о «красном терроре», что это «сплошная уголовщина».

Наиболее варварским методом достижения цели многие современники Ленина, в том числе и видные революционеры, считали взятие заложников. Идейный вождь анархистов Петр Кропоткин, например, назвал эти действия большевиков «возвратом к худшим временам Средневековья». Он обратился к Ленину с личным посланием, в котором утверждал, что взятие заложников недостойно людей, решивших созидать будущее на коммунистических началах. Другие выражались еще откровеннее, называя репрессивную деятельность большевиков «людоедской».

Ильич не реагировал на эти «интеллигентские штучки». Он продолжал требовать еще более массовых расстрелов, повешений и т. д. Заранее давал индульгенции их организаторам и исполнителям. Ни о каких юридических нормах, ни о какой законности юрист по образованию Ульянов-Ленин и не вспоминал. Встав под знамена советской власти, бывшие воры, убийцы, насильники, прежде преследуемые законом, теперь сами выносили приговоры тем, кому считали нужным, «никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты». Как они распознавали, например, «колеблющихся» или «кровопийц» — об этом история умалчивает.

Лишь на десять дней Ильич вынужден был прервать руководство «красным террором» — сразу после ранения. Но уже 10 сентября 1918 года, еще не оправившись от раны, он телеграфирует Троцкому, находившемуся в войсках, окруживших Казань: «Нельзя жалеть города и откладывать дальше, необходимо беспощадное истребление».

Ленин раньше других революционеров понял, что взятие заложников действует куда эффективнее, чем призывы честно служить революции. После болезни он прибегает к этому средству в еще больших масштабах, делает его универсальным, использует для достижения любых целей — как военных, так и не связанных с безопасностью государства.

Вот два документа, относящихся к 1919 году.

31 мая Совет обороны принимает написанное Лениным постановление, третий пункт которого гласит:

«Мобилизованные отвечают по круговой поруке друг за друга и их семьи считаются заложниками в случае перехода на сторону неприятеля, или дезертирства, или невыполнения данных заданий».

На основании этого документа расстрел грозил тысячам семей (а они тогда были немалые: вместе с дедушками, бабушками, внуками и правнуками — по 12–20 душ). При этом необязательно, чтобы мобилизованный в Красную Армию перешел на сторону неприятеля или дезертировал. Достаточно было, чтобы красный командир (может быть, бывший уголовник и отпетый мерзавец) обвинил добросовестного красноармейца в невыполнении какого-либо «данного задания».

Если же среди командиров Красной Армии или чекистов находились «сердобольные», не желающие расстреливать на месте, то на основании другого написанного Лениным постановления Совета обороны — от 17 марта 1919 года — им самим грозил арест или расстрел.

А вот еще один документ — уже из хозяйственной сферы. 15 февраля 1919 года Совет обороны под председательством Ленина постановил:

«Поручить Склянскому, Маркову, Петровскому и Дзержинскому немедленно арестовать несколько членов исполкомов и комбедов в тех местностях, где расчистка снега производится не вполне удовлетворительно. В тех же местностях взять заложников из крестьян с тем, что, если расчистка снега не будет произведена, они будут расстреляны».

Надо полагать, что такую же меру (расстрел заложников) местные революционные власти могли применять и в других чисто хозяйственных случаях — если, скажем, «не вполне удовлетворительно» идет заготовка дров, санобработка помещений и т. д.

Согласитесь, что на этом фоне Шамиль Басаев смотрится всего лишь как рядовой ученик великого учителя. Тяга Ленина к насилию, расправам, уничтожению всего живого, похоже, была у него в крови. Изучая секретные архивы Ильича, пишет Латышев, я постоянно приходил к выводу, что у основателя большевизма просто отсутствует орган восприятия чувства жалости, сострадания.

По мнению современников, своей жестокостью Ленин превосходил всех соратников, даже Сталина. Обратимся к другой книге — Феликса Чуева «140 бесед с Молотовым», изданной еще в советское время. Вячеслав Молотов прожил долгую жизнь, работал вместе с Лениным, Сталиным, Хрущевым, знал о них много такого, что было неизвестно другим. Вот отрывок из его беседы с писателем Чуевым.

«— Кто был более суровым — Ленин или Сталин?»

— Конечно Ленин. Почитайте его записки к Дзержинскому. Он нередко прибегал к самым крайним мерам... Помню, как он упрекал Сталина в мягкости и либерализме: «Какая у нас диктатура? У нас же кисельная власть, а не диктатура!»

Сказано это было Лениным после 1921 года, когда на счету большевиков уже было море крови, миллионы жертв среди мирного населения, ужасы грабежей, пожаров, изнасилований, сплошное изъятие продовольствия у крестьян и жестокое подавление их сопротивления, в том числе с помощью самого страшного в то время и запрещенного оружия — газов. И кому сказано — самому Сталину, вошедшему в историю как величайший тиран-душегуб.

Но вернемся к книге Латышева. В заключение автор приводит уникальный документ, характеризующий вождя с еще одной стороны. Как известно, в 1919 году в Латвии, а в 1920-м в Эстонии, прежде входивших в состав России, были провозглашены независимые государства. Большевики попытались вернуть их с помощью оружия, но не вышло. Казалось бы, раз уж поезд ушел, с этим надо смириться, тем более что ленинская национальная доктрина включала в себя право всех наций на самоопределение вплоть до отделения. Ан, нет, разгневанный Ленин решает их наказать и проводит тайную операцию — бессмысленную как с военной, так и с политической точки зрения. Он направляет на

территории Латвии и Эстонии карательные отряды под видом «зеленых» с коротким приказом: расстреливать и вешать. «Под видом «зеленых» (на них мы потом и свалим), — говорилось в написанной им директиве, — пройдем 10–20 верст и перевешаем кулаков, попов, помещиков. Премия — 100 000 рублей за повешенного». Обратите внимание: не за врага революции или красной России, просто — за повешенного. А ведь убивают без смысла и цели, просто ради убийства, только маньяки.

Между прочим, опыт Ильича с переодеванием карателей в форму «зеленых» через 20 лет успешно повторил... Адольф Гитлер. 1 сентября 1939 года он направил на территорию Польши роту вермахта, переодетую в форму польской армии, и та затем «вторглась» в Германию под видом польской. Так началась Вторая мировая война.

Книга А. Латышева «Рассекреченный Ленин» дает нам богатейший материал для переосмысления образа вождя мирового пролетариата. К сожалению, она не полностью охватывает ту часть его наследия, которая долгие годы тщательно скрывалась от общественности. Автор утверждает, что и в широко известных ленинских трудах, доступных каждому и включенных в обязательную программу советских учебных заведений, имеются сотни, если не тысячи изъятий, имеющих принципиальное, порой решающее значение.

Одно из них касается краеугольного положения ленинизма — о возможности победы социалистической революции в одной, отдельно взятой стране. О том, что это возможно, знал каждый советский школьник. Но вот Латышев обнаружил в речи Ленина на торжественном заседании в ноябре 1920 года такие слова: «... мы всегда утверждали, что в одной стране совершить такое дело, как социалистическая революция, нельзя...»

Эта фраза была опубликована в стенографических отчетах Московского совета рабочих и красноармейских депутатов, входила потом в первые издания сочинений Ленина. А в 5-м, самом полном, издании его сочинений, на котором почти полвека воспитывались советские люди, их нет.

Сколько еще сюрпризов могут преподнести исследователям секретные ленинские архивы!

*Газета «Амурский народный дом»,
Благовещенск, 1996 год*

Слух о «четвертой власти» в нашей стране сильно преувеличен

(Интервью корреспонденту газеты «Амурский дилижанс»)

Антон Лузгин: — Накануне Международного дня солидарности журналистов было бы грех упустить шанс и не пообщаться с человеком, большую часть жизни отдавшим нашей профессии. Вы ведь работали в печати еще при хрущевской «оттепели», потом при брежневском «застое», при горбачевской перестройке, да и, уйдя в политику, постоянно выступали и сейчас выступаете в средствах массовой информации. Кому, как не вам, оценивать прошлое и настоящее нашей печати!

Альберт Кривченко: — В моей трудовой книжке записано, что я принят на работу в редакцию газеты «Амурская правда» в качестве литературного сотрудника 28 августа 1961 года. Получается, что прошло ровно 40 лет?

А.Л.: — Получается, что так. Поздравляю вас, Альберт Аркадьевич, с этим юбилеем. С того времени давайте и начнем. Журналистику советского периода многие считают

чисто условной. Пишущая братия находилась тогда под колпаком цензуры, следовательно, никакого творчества и объективной подачи информации быть не могло.

А.К.: — Ну, так прямо и не могло... Вообще-то в советское время существовала не одна, а даже две цензуры. Без визы «Главлита» не могла выйти в свет ни одна печатная бумажка, даже строчка, ни одно эфирное слово. Но эта официальная государственная цензура для нас, журналистов, не представляла особой угрозы. Она в основном следила лишь за тем, чтобы в печать или эфир не проскочила какая-нибудь государственная тайна. В политику, идеологию эта цензура официально не вмешивалась. Но, зная о ее существовании, любой редактор предпочитал с ней не связываться. Страшнее была неофициальная, партийная цензура, которой формально вроде как бы и не существовало. На нее нельзя было пожаловаться, подать иск в суд, так как она не издавала никаких письменных запретов. И, тем не менее, действительно держала все СМИ под колпаком.

А.Л.: — Как это удавалось?

А.К.: — О, была целая система контроля за СМИ. Начиналась она с подбора редакторов. Журналистов тогда готовили в университетах и высших партийных школах при ЦК КПСС. В университеты шли молодые люди, чувствовавшие в себе тягу к творчеству. Им приходилось выдерживать огромные конкурсы при поступлении в вуз, а это удавалось сделать лишь самым сильным, одаренным. Многие из них потом добивались немалых высот в творческом плане. А вот в ВПШ на отделения журналистики принимали по другому принципу. Особых литературных способностей здесь не требовалось, кандидат в будущие журналисты должен был иметь лишь определенные заслуги перед партией (то есть перед своим горкомом или райкомом). Никаких конкурсов при приеме в ВПШ не было, все решала рекомендация обкома или крайкома КПСС.

Из таких вот журналистов и назначались главным образом редакторы районных, городских и областных газет. Их сразу же вводили в состав бюро, включали в партноменклатуру со всеми вытекающими отсюда привилегиями. Конечно, в творческом плане эти люди, за редким исключением, далеко не блистали, зато хорошо знали, что следует и чего не следует публиковать. Если же иной раз в печати появлялись «нежелательные» материалы (редактор недоглядел, чего-то недопонял или, скажем, взбрыкнул, проявил свое «я»), то на сей счет существовал целый набор партийного воздействия. Что за набор — особый разговор, но надо признать — действовал он эффективно.

А.Л.: — Стало быть, рядовой журналист все же не мог выразить свое отношение к негативным явлениям, которых, наверное, тогда было предостаточно?

А.К.: — Ну почему же? Критические материалы публиковались и тогда. Если их какое-то время не печатали, то редактор мог за это получить и нахлобучку от своего же партийного начальства. Но беда в том, что критика была своеобразная, как бы заранее запрограммированная. Сами недостатки, пожалуйста, критикуй, расписывай их как хочешь. За это тебя еще и похвалят. Но если копнешь глубже, попытаешься добраться до причины, найти виновных, то можешь нарваться на серьезные неприятности. Большинство журналистов вполне устраивал первый вариант. Я лично предпочитал второй, из-за чего постоянно попадал в конфликтные ситуации.

А.Л.: — Скажите, Альберт Аркадьевич, часто ли редакторы отказывались публиковать лично ваши критические материалы?

А.К.: — Мне повезло: я начинал работать в газете при хрущевской «оттепели», когда многих журналистов, в том числе и редакторов, охватил дух вольнодумства. Наш редактор Павел Александрович Уханов сам любил высказывать собственное мнение и позволял это делать нам. А если наша точка зрения не совпадала с мнением обкомовского начальства, то отдувался за это сам редактор. Помню, из одного райкома пришла «телега», в которой меня обвиняли в клевете на советскую действительность, очернительстве, отрыве от партии и еще черт знает в чем. «Знаешь, что сделали б с тобой после такой бумаги в 37-м? — спросил Уханов. — Конечно, мне на этот бред наплевать, но надо же

как-то оправдываться перед обкомом?» На этот раз все обошлось. Я сам пошел в обком и доказал свою правоту.

Но когда кончилась «оттепель» и началось всевластие Брежнева, Уханов стал осторожен. В 1968 году я написал материал об очень крупных приписках на строительстве Зейской ГЭС, подкрепив его многочисленными документами. Но редактор дрогнул, пошел советоваться в обком. А там забрали и статью, и документы, обещали заняться этим делом в рабочем порядке. За 9 лет работы в «Амурской правде» это был единственный случай, когда мой материал не опубликовали. Правда, повышенная осторожность все-таки не спасла Уханова. В конце 71-го он по старой привычке высказал свое особое мнение на бюро обкома партии и был отстранен от должности редактора.

Потом, работая в ТАСС, я больше пятнадцати лет не писал критических материалов — такова была специфика информационного агентства. Лишь при горбачевской перестройке тематика тассовских материалов расширилась. Мои критические материалы пошли косяком по центральным газетам. Редакторы публиковали их охотно, так как за содержание тассовских материалов они не отвечали. И все же с одной очень серьезной корреспонденцией получился прокол. В 1988 или 1989 году я написал о том, как амурская партноменклатура, в том числе и первые руководители области, отоваривалась через базы и спецмагазины. Но ни одна центральная газета материал не напечатала: оказалось, что из ЦК КПСС на него заблаговременно поступил телефонный запрет. Во всех остальных случаях мои критические статьи и корреспонденции публиковались, однако после этого почти каждый раз начинались настоящие сражения с моими «героями» на предмет — кто кого? В итоге иногда побеждал я, иногда бывали боевые ничьи, но проигрышей у меня, слава Богу, не было.

А.Л.: — Вы публицист. Скажите, когда начало складываться это ваше амплуа?

А.К.: — С самых первых дней. Знаете, тогда больше писали о труде, технологиях, передовом производственном опыте, поэтому читать газеты было скучно. А вот художественные произведения о том же самом — интересно, потому что писались они по-иному. Совместить жизненную реальность с художественным изображением в газете дает возможность такой сложный жанр, как очерк. Я перечитал всех крупных советских очеркистов, а также классиков этого жанра в прошлом, прежде чем нащупал, как мне кажется, свой путь. Все мои очерки — сюжетные, в них нет вымышленных героев или событий, но есть столкновения, интрига. Конечно, в жизни все это не лежит на поверхности, чтобы «найти, увидеть и понять», требуется большая творческая работа. Но зато здесь — широкий простор для самовыражения.

А.Л.: — И тут партийная цензура была бессильна?

А.К.: — Нет, если очерк проблемный, то и сюда она вмешивалась. Помню, писал книгу о сельском хозяйстве, а документальные произведения издательство не могло выпускать без прямого разрешения обкома. Одну тему в обкоме на корню зарубили, в другом очерке выбросили самый интересный и острый, на мой взгляд, кусок. А ведь там не было ничего антисоветского или антипартийного, говорилось о конкретных проблемах, их причинах, виновниках.

А.Л.: — Когда вы почувствовали, что партийный диктат над журналистикой ослабевает?

А.К.: — При Горбачеве. Тогда не то что диктат ослаб (лично для меня, наоборот, прибавилось проблем), а мы сами вырвали это послабление. По-моему, то, что делали при Горбачеве лучшие газеты, — это образец, эталон, лицо всей нашей журналистики, включая и сегодняшний день. Журналисты сами, ни на кого не оглядываясь, стали писать то, что думали, но вместе с тем писали по делу, стараясь бережно обращаться с фактами, соблюдать журналистскую этику.

А.Л.: — Сейчас происходит обратное, пиши, о чем душа желает. И свободу слова поняли как вседозволенность: можно исказить факты, заниматься клеветой. Пресса «желтеет», слово «журналист» стало чуть ли не ругательным. Вы согласны с этим?

А.К.: — Конечно, все это есть, но свобода слова здесь ни при чем. Возможность «самовыражаться» сейчас получили буквально все, но это мало продвинуло нас к цивилизованному обществу. Оказалось, что у одних журналистов нет гражданской ответственности перед народом, у других — крайне низкий профессиональный уровень, третьи предпочитают легкий путь в жизни, а четвертым вообще «выражать» нечего. Но главная беда — отсутствие демократических традиций у нашей печати. Ведь семь десятилетий газеты в СССР, как и требовал Ленин, были исключительно партийными. Хрущев, например, называл журналистов «подручными партии», Брежнев — «золотым фондом партии», что в принципе одно и то же. То, что такой подход к средствам массовой информации противоречит учению Маркса и Энгельса, тщательно скрывалось. Лично я, например, лишь в 1989 году, когда многое из засекреченного выплеснулось наружу, с удивлением узнал, что Энгельс в свое время категорически отказался редактировать коммунистическую газету, заявив, что любая печать должна быть абсолютно свободной, независимой не только от партаппарата, но даже и от съезда партии. Только тогда, говорил он, она сможет выполнять главную свою функцию — контролировать власть, выражая интересы всего общества.

А.Л.: — В связи с этим давайте вспомним о том, что средства массовой информации называют «четвертой властью».

А.К.: — Да, называют. Однако сегодня наши СМИ не готовы к этой роли. Слухи о том, что в России существует «четвертая власть», сильно преувеличены. Даже в советское время влияние печати на властные структуры было куда большим, чем сейчас. Да, с журналистами тогда не церемонились, меня, например, первый секретарь обкома КПСС грозил вообще стереть с лица земли, но меры-то принимались. А сейчас критику в печати власть просто не замечает. Да и где она, эта критика? В последние годы в амурских газетах вообще нет серьезных критических материалов об экономической, социальной политике местной власти, не дается оценка принимаемым ею решениям, не высвечиваются просчеты и упущения. Словом, наша печать вообще не выполняет свою важнейшую функцию — контролировать власть, выражая интересы всего общества.

А.Л.: — Может быть, это потому, что журналисты не имеют доступа к документам? Ведь сейчас опасно критиковать, если не можешь подтвердить написанное документально. По судам затаскают.

А.К.: — Отчасти это так. Но только отчасти. Раньше тоже партийные и государственные органы не горели желанием снабжать журналистов компроматом на самих себя. Но всегда находились люди, которые не хотели терпеть безобразия. Они по своей инициативе приносили документы, если были уверены в журналисте.

В 1996 году, будучи редактором газеты «Амурский народный дом», я письменно обратился в областную администрацию с просьбой ознакомить меня с некоторыми официальными материалами. При этом сослался на статью закона, гарантирующую право журналистам на получение такой информации. Ответ был просто издевательский. Мне отказали, сославшись на... ту же самую статью закона.

Но именно тогда я написал больше, чем когда-либо, критических материалов о местной власти. Бывало, что и в суд вызывали. Однако, несмотря на глубочайшую засекреченность негативных сторон в деятельности власти, у меня на каждый абзац имелись исчерпывающие документы.

Так что главная причина «беззубости» нынешних СМИ — элементарное нежелание журналистов браться за серьезные темы, подмена сложной аналитической работы зубоскальством, стремление заработать деньги наиболее легким путем (ведь проще сделать пять репортажей о пожарах, авариях, других ЧП, чем написать одну аналитическую статью на экономическую тему).

А.Л.: — Кстати, Альберт Аркадьевич, как вы считаете, с чисто творческой стороны проще было добыть информацию раньше или теперь?

А.К.: — Что касается службы новостей центральных телеканалов, то сегодня там очень вольготно журналистам. Телезрителей из выпуска в выпуск бьют по голове такими сообщениями: «три человека погибли и семь ранено в результате взрыва...», «десять погибло и тридцать ранено в результате аварии...», «двадцать погибло и сорок ранено в результате столкновения...» и так до бесконечности. Я как-то засек время: выпуск новостей на 80 процентов состоял из подобной жути. А когда нет грандиозных жертв, то на всю страну сообщают такую, например, мелочь: на кольцевой дороге в Москве водитель «Вольво» не справился с управлением и врезался в столб. Без этого сегодня не могут. Делается вся эта, с позволения сказать, информация, что называется, «левой ногой».

Если же говорить о серьезных публикациях, то, думаю, для них, в творческом плане, брать информацию сегодня значительно сложнее. Раньше все мы были в определенной степени догматиками, у нас имелся набор готовых идей, мы знали свое общество, его беды и радости, поэтому шли «в народ» за фактами, которые подкрепляли бы наши идеи, взгляды, представления. Сейчас все наоборот, мы не знаем нашего общества, не знаем, что ждет его завтра, насколько сохранились в нем силы самовозрождения. Вряд ли кто-то может определенно сказать, движется сегодня Россия или стоит на месте, а если движется, то куда — в сообщество стран Запада, чье экономическое процветание является для нас притягательной силой, или в объятия «третьего мира», прозябающего в бедности? Поэтому сейчас журналист должен идти «в народ» не за готовыми, а за новыми идеями, за фактами, которые помогли бы всем нам понять нашу сложную, запутанную жизнь.

Пока что СМИ с этим не справляются. Но потенциал у амурской журналистики есть. Мне очень интересно общаться со многими представителями местных газет и телевидения, особенно с молодыми. Думаю, что скоро среди них появятся яркие личности. Но хотелось бы, чтобы уже сейчас молодые журналисты смело ставили перед собой самые высокие творческие цели, не боялись трудных задач, увереннее шли по усыпанной терниями журналистской тропе. Тогда и в обществе скорее все образуется.

*Газета «Амурский дилижанс»,
Благовещенск, 2001 г.*

Внук лейтенанта Шмидта

Эта криминально-детективная история началась летом 1996-го и завершилась весной 2002 года. Потребовалось почти шесть лет, чтобы поставить в ней последнюю точку.

А началось с того, что в один прекрасный день в редакцию газеты «Амурский народный дом», которую после ухода на пенсию я некоторое время редактировал, пришел посетитель, представившийся юристом, и рассказал о безобразиях, творившихся в областной прокуратуре.

Меня его исповедь заинтересовала. Я сказал, что в принципе наша газета могла бы выступить на эту тему, но при одном условии: если будут подтверждающие документы. Поколебавшись, он обещал такие документы представить, но тоже при одном условии: если редакция ни при каких обстоятельствах, кроме как по решению суда, не станет раскрывать источник, откуда они появились. Мы ударили по рукам.

Через некоторое время он и в самом деле принес то, что обещал. Осторожно, чтобы не вызвать подозрений, я навел справки о его личности и, убедившись, что все в порядке, сел писать материал. Откуда мне было знать, что тяжба с героями будущей

публикации станет самой продолжительной за всю мою долгую журналистскую практику?

Привожу все три материала с некоторыми сокращениями.

ПО СТОПАМ «ВЕЛИКОГО КОМБИНАТОРА»

Классическая литература свидетельствует, что у знаменитого революционера — лейтенанта Шмидта было множество сыновей. Некоторых из них сатирики Ильф и Петров гениально изобразили в своем романе «Золотой теленок».

Самой яркой фигурой среди отпрысков лейтенанта был, несомненно, «великий комбинатор» Остап Бендер, знавший множество способов сравнительно честного изымания чужих денег. Его неутомимая деятельность на этом поприще в 20-е годы XX века наложила свой отпечаток на общественное сознание последующих десятилетий.

У великого комбинатора появились свои многочисленные сыновья, преемники, продолжатели его дела, то есть внуки лейтенанта Шмидта. До наших дней они бережно хранят и приумножают наследие папаши Остапа.

Особой любовью этих внуков пользуется разработанный лично О. Бендером прием, обеспечивающий сто процентов надежности. Суть его такова: выбрал лицо, обладающее большими деньгами, — собери на него компромат, а затем честно объясни человеку, какая кара его ожидает, если делу дать ход. Именно так поступил в свое время Остап с подпольным миллионером Корейко. Сработало безотказно.

Великому комбинатору было непросто — он действовал практически в одиночку, а помощники ему только мешали. Прокурору Амурской области Владимиру Теркину куда легче — у него помощники хорошие, настоящие мастера своего дела. Поэтому когда взоры Владимира Ефимовича привлек областной комитет по охране окружающей среды и природных ресурсов, владеющий солидным экологическим фондом, он не стал собирать компромат сам, а послал туда своих людей. Те посмотрели бумаги и быстро нашли то, что нужно. Оказалось, что значительную часть средств из экофонда комитет тратил не на решение природоохранных задач, как предусмотрено федеральным законом, а на собственные нужды. Например, почти миллиард рублей был потрачен на строительство гаража и жилья для комитетчиков, доплату командировочных и т. д.

— Ах это, — ничуть не смутились экологи. — Так ведь у нас есть еще и местный закон...

И показали его проверяющим.

Что — облом? Не сработал метод Остапа? Ничего подобного. Не зря ведь прокурор Теркин является государственным советником юстиции 3-го класса. 24 октября 1995 года он направляет в областное Собрание протест, в котором требует изменить местное законодательство как противоречащее федеральному и решить вопрос о возвращении в экофонд незаконно потраченных сумм.

Узнав об этом, экологи не на шутку всполошились: если депутаты удовлетворят протест прокурора (а они это сделать обязаны), придется возвращать в экофонд почти миллиард. А где его взять, если он уже истрачен?

Итак, нужный эффект достигнут, остальное — дело техники. И прокурор делает два филигранных, неотразимых хода.

Во-первых, перед самой сессией отзывает свой протест, в результате чего вопрос об экофонде депутаты исключают из повестки дня. Во-вторых, отправляет председателю комитета по охране окружающей среды и природных ресурсов письмо, в котором просит оказать природоохранному подразделению прокуратуры финансовую помощь из того же экологического фонда в пределах 100 миллионов рублей. Дескать, раз уж вы потратили на подобные штучки почти миллиард, почему бы не прибавить к нему еще сто миллионов?

Получив это послание, экологи воспряли духом. Стало быть, если «отстегнуть» ведомству Теркина 100 миллионов рублей, то миллиард возвращать не надо? Но ведь еще подпольный миллионер Корейко знал, что отдать часть — это намного лучше, чем потерять все!

Радость экологов была настолько велика, что они предложили Теркину даже не 100, а 122 миллиона рублей. И через некоторое время получили письменное уведомление, что на такую сумму прокуратура тем более согласна.

Правда, экофонд к тому времени настолько потратился на всякие побочные нужды, что казна его оказалась пустой. Пришлось пойти на взаимозачеты. Некоторым предприятиям снизили сумму платы за загрязнение окружающей среды, а средства эти пошли на оплату счетов прокуратуры за тепло и электричество.

Теперь, надо полагать, прокурор Теркин никогда не будет выносить протесты по поводу незаконного использования средств этого фонда. Не станет требовать вернуть в фонд неправомерно расходуемые деньги. А то ведь и ему придется их возвращать!

(Газета «Амурский народный дом», 1996 г.)

«КУЗЬКИНА МАТЬ» В ПРОКУРОРСКОМ ИСПОЛНЕНИИ

Опубликовав материал «По стопам великого комбинатора» («АНД» №5 от 12 июля), мы попали в любопытную ситуацию. Любая редакция знает: если она пишет о нарушении законодательства, вымогательстве с использованием служебного положения, то меры должна принимать прокуратура. А если сама прокуратура и совершает вымогательство с использованием служебного положения, тогда как? К ней, что ли, и обращаться: мол, накажите, гражданин прокурор, самого себя!

Пока спорили, как быть, к нам поступил сигнал о реакции гражданина Теркина на нашу публикацию. «Я им покажу кузькину мать!» — воскликнул прокурор, прочитав газету. Как Никита Хрущев на Генеральной ассамблее ООН. Только башмаком по столу не стучал.

После этого прокуратура энергично принялась за поиски. Нет, не тех должностных лиц, которые от ее имени занимались служебным рэкетом. Их-то и искать было нечего: все подписи — в документах. Но как могли эти сугубо конфиденциальные документы попасть в редакцию? Где, какое звено оплошало? Откуда произошла утечка информации? Вот что интересовало прокурора.

Поиски были нешуточные. Зам областного прокурора приходил для беседы по этому поводу даже к председателю областного Совета народных депутатов (так стало называться бывшее областное Собрание). Почувствовала к себе внимание со стороны и наша редакция.

Чтобы ненароком не исчезли документы, подтверждающие прокурорский рэкет, я стал держать их всегда при себе. Отлучаюсь из редакции — беру папку с собой. После работы она у меня дома.

Однажды в моей личной машине на короткой стоянке среди бела дня, когда я отлучился минут на 10–15, оказался вскрытым дверной замок. В салоне ничего не тронули. Что было нужно взломщикам? Может, папку искали?

А еще через некоторое время папка со всеми документами, водительскими правами и техталоном на автомобиль все же исчезла. Из моей квартиры. Надо же было случиться, что, уходя ненадолго из дома, я ее не взял. А вернувшись — не обнаружил. Никто из членов семьи за время моего отсутствия в квартиру не заходил. Ничего больше не исчезло. Замки в дверях оказались целы.

Скажете, мистика? Не скажите! Наша страна всегда славилась тем, что в квартиры ее граждан свободно проникали некто «инкогнито», проверяя у хозяев письменные ящики

столов, устанавливая всевозможные «жучки», а то и скрытые камеры. А чем хуже нынешние времена?

Поколебавшись, я сообщил о квартирной краже в Ленинский райотдел милиции. Тотчас же прибыла целая оперативная группа во главе со следователем Светланой Омелянченко. Надо отдать оперативникам должное: квартиру осмотрели основательно, все описали, дверные замки (три) изъяли для экспертизы. Сказали, что результаты экспертизы будут недельки через две, и если только какой-нибудь негодяй ковырялся в замках, это сразу же установят. Потом полдня следователь Омелянченко допрашивала меня уже в отделении милиции. Ее в частности интересовали свидетели, видевшие в квартире папку, а после кражи — уже не видевшие. Я назвал с десятков фамилий, сказав, что некоторые из них даже знали, что в папке находится. В заключение был задан вопрос: «Кого вы подозреваете в краже?». «Видите ли, — сказал я, — если бы у меня украли несколько костюмов, стиральную машину или телевизор, я бы не знал, кого и подозревать. Но пропали документы, которые интересуют только прокурора Теркина».

На этом допрос закончился. Меня отвели этажом ниже и сняли не только отпечатки всех пальцев, но и обеих ладоней. Чтобы сравнить их с отпечатками, снятыми на месте нахождения папки.

Наконец в 18 часов мы расстались с лейтенантом Светланой Омелянченко. Она побежала к своему начальнику доложить, как успешно группа начала расследование. А я подумал: как же жестоко она ошибается! У начальника, рассуждал я, наверняка уже сидит прокурор Теркин или кто-то из его помощников, и Светлане придется подписывать постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по факту квартирной кражи.

Не знаю, был ли у начальника прокурор, но, действительно, в тот же день после 18 часов следователь Омелянченко, только что очень довольная началом расследования, подписала постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. На том основании, что кражи вроде как бы и не было. При этом никто не допросил ни одного из почти десятка свидетелей. Не сравнил отпечатки пальцев. Не провел экспертизу трех снятых с дверей замков. Ну не было кражи и все! При этом почти месяц мне не возвращают дверные замки (ведь я могу сам провести независимую экспертизу и доказать, что кража была), благодаря чему моя квартира стоит теперь открытой.

Нашей редакции ничего не остается, как направить обе эти публикации в Генеральную прокуратуру.

(Газета «Амурский народный дом», 1996 г.)

КАК УНТЕР-ОФИЦЕРСКАЯ ВДОВА САМА СЕБЯ ВЫСЕКЛА

Унтер-офицерша: — На городничего пришла, батюшка...

Хлестаков: — Ну да что, говори в коротких словах.

Унтер-офицерша: — Высек, батюшка!

Хлестаков: — Как?

Унтер-офицерша: — Бабы-то наши задрались на рынке, а схватили меня. Да так отрапортовали, два дня сидеть не могла.

Городничий: — Унтер-офицерша нагала вам, будто я ее высек. Она сама себя высекла.

Н. В. Гоголь. «Ревизор».

Помните, как мы смеялись когда-то, читая это место в комедии Гоголя? Смеялись над городничим, договорившимся до абсурда: мол, солидная женщина взяла да сама себя и высекла. А между тем не такой уж это абсурд. Бывает, что некоторые граждане действительно задают сами себе порку. Пример тому — и. о. прокурора В. Е. Теркин.

Мы уже рассказывали, как главный блюститель законов в области вымогал у комитета по охране окружающей среды крупную сумму якобы для технического оснащения природоохранного подразделения прокуратуры. Поскольку «живых» денег у экологов в то время не оказалось, они с помощью взаимозачетов погасили долги прокуратуры за тепло и электричество. Так или иначе, но заставил-таки прокурор распорядителей экофонда нарушить закон, за исполнением которого он обязан следить.

Наши публикации были достаточно осторожными, поскольку у Владимира Ефимовича могло оказаться одно смягчающее обстоятельство. Конечно, шантаж и вымогательство денег у поднадзорных организаций со стороны правоохранительных органов недопустимы ни под каким видом. Но по-человечески прокурора еще как-то можно было понять, если бы он на сэкономленные в результате взаимозачета 122 миллиона рублей действительно оснастил свое природоохранное подразделение нужной ему для защиты природы техникой. Сделай это Владимир Ефимович после выступления нашей газеты, и ситуация значительно смягчилась бы.

Однако прокурор пошел другим путем. Сначала он пригрозил редакции показать ей «кузькину мать». Затем принялся расследовать, каким образом к нам попали документы, изобличающие прокуратуру в рэжете против экологов. Потом...

Нет, мы не станем утверждать, что кражу сих документов организовал сам Теркин, поскольку милиция отказалась это дело расследовать. Но даже если он и был непричастен, то после второй публикации государственный советник юстиции 3-го класса точно знал, что документов у нас больше нет, а, значит, доказать мы ничего не сможем. Вот тогда, аж через полгода после первой публикации, Владимир Ефимович и направил от имени возглавляемой им прокуратуры заявление в суд.

Не могу отказать себе в удовольствии процитировать главную мысль из его иска.

«Автором А. Кривченко, — пишет он, — с целью распространения в средствах массовой информации сведений, не соответствующих действительности, произвести общественный резонанс мнения о прокуратуре Амурской области, которая в публикации А. Кривченко умышленно показана как негативная, непрофессиональная, исключительно состоящая из недостатков».

Ничего не меняю в тексте, ведь с классикой следует обращаться бережно. А это и есть классический образец косноязычия и безграмотности, присущих многим российским высокопоставленным чиновникам. Думаю, цитату сию могли бы с успехом использовать преподаватели филологических факультетов, объясняя молодежи, как не надо писать. Вот бы дискуссия получилась по таким, например, вопросам: почему прокурор решил, что у газеты была цель распространить сведения, не соответствующие действительности; почему неточности газета допускала сознательно, а не по оплошности; раз опорочена не служебная деятельность прокуратуры, а лишь общественная оценка ее, то отчего сама общественность, чья оценка опорочена, не подает иск в суд? Что же, в конце концов, сделал автор? Где в этом предложении сказуемое?

Есть в прокурорском иске и другие перлы. В первом материале мы упоминали о сфабрикованном прокуратурой уголовном деле против полномочного представителя президента России в Амурской области, которое в итоге оказалось мыльным пузырем. Почти год порученец Теркина занимался фабрикацией. За такое время даже самый ярко выраженный склеротик мог бы запомнить название этой должности. А вот для Владимира Ефимовича такой срок оказался мал. Он в своем исковом заявлении полномочного представителя называет «полномочным председателем Президента».

Но это так, в порядке литературного отступления. Главное тут — как же высек себя Владимир Ефимович? А вот как. Из его искового заявления в суд видно, что ни о каком техническом оснащении своих прокуроров специальной техникой он и не помышлял.

«В I квартале 1996 года, — читаем в исковом заявлении, — из-за отсутствия финансирования на расчетном счету прокуратуры образовалась картотека. Только за электроэнергию, отопление, воду, канализацию прокуратура должна была 318 миллионов

рублей. Неоднократно поступали предупреждения об отключении прокуратуры, если не будет произведена оплата».

Вот Теркин и высек себя, назвав настоящую, а не придуманную в письме к экологам причину рэкета. Никто его за язык не тянул — сам назвал. Ну а теперь, раз уж Владимир Ефимович хочет пообщаться с нами в суде, мы готовы доставить ему это удовольствие.

(Газета «Амурский народный дом», 1996 г.)

А ДЕЛО ЕГО ЖИВЕТ...

К судебному разбирательству я готовился очень тщательно. В портфеле у меня лежали исчерпывающие доказательства стопроцентной правоты нашей редакции. Прежде всего, конечно, папка с документами, которые в свое время передал нам юрист. Не такие уж мы простаки, чтобы позволить так легко провести себя. В той папке, которую украли в моей квартире, находились всего лишь никем не заверенные копии. С ними я работал, об этой папке знали все в редакции. Но никто не подозревал, что она служит как бы приманкой, что есть другая папка, в которой находятся документы, предназначенные для суда. Это был мой сюрприз милейшему Владимиру Ефимовичу.

Кроме того, убийственным документом мог служить и сам иск прокурора, где он объяснял, на что пошли деньги из экологического фонда. Наконец, редакция получила ответ из Генеральной прокуратуры, в котором говорилось, что действия Теркина противоправны, поэтому ему указано «на недопустимость впредь получения финансовой помощи от поднадзорных организаций».

Признаюсь, мне не терпелось встретиться с Теркиным в судебном заседании, преподнести ему свой сюрприз. Но надо же было случиться, что буквально накануне суда я попал в больницу. Пришлось просить, чтобы слушание перенесли. Получив мою письменную просьбу, служители Фемиды запросили официально главврача: действительно ли я нахожусь на излечении или, может быть, это всего лишь отговорка? Главврач подтвердил: да, лежит на излечении.

А через месяц Теркина уже не было в прокурорском кресле. У него еще раньше кончился срок полномочий, он сначала стал и. о. прокурора, а потом его и вовсе отправили в отставку. Таким образом, Владимир Ефимович потерял право выступать от имени прокуратуры, поэтому наш с ним диалог так и не состоялся.

Уехав в деревню, я спокойно прожил там пять лет, забыв и о Теркине, и о его иске. Как вдруг весной 2002 года — снова повестка в суд. Оказалось, что хотя самого Теркина давно уж нет, «дело» его продолжает жить. Только теперь защищать в суде свои интересы по тому же иску прокуратура поручила двум своим сотрудницам.

Пришлось снова доставать и перечитывать документы, благо они сохранились. С доказательствами и теперь все было в порядке, однако прежнего желания встретиться с истцом в суде я не испытывал. Много ли радости вести полемику с двумя рядовыми сотрудницами прокуратуры, которые наверняка не имели никакого отношения к организации прокурорского рэкета пятилетней давности!

Впрочем... Если нынешний прокурор Сергей Кучер собирается привлечь меня к судебной ответственности за «искажение общественной оценки» деятельности вверенного ему учреждения в прошлом, значит, он готов взять на себя ответственность за художества своего предшественника? Звоню ему, спрашиваю об этом напрямик.

— Ну что вы! — мгновенно реагирует он. — Нет, конечно.

И, некоторое время подумав, добавляет:

— Исковое заявление мы заберем.

Однако судебное заседание все-таки состоялось. Очень короткое. После вступительного слова судьи представители истца попросили вернуть им иск. Просьбу

удовлетворили, но одновременно суд решил: впредь искивые заявления прокуратуры по поводу данных публикаций приниматься не будут. На том слушание и закончилось.

И все же документы по этому делу я продолжаю хранить. На всякий случай. Мало ли что...

1996-2002 гг.

Песня варяжского гостя из мыльной оперы

О книге Бориса Виноградова «Жизнь в эпоху перемен. Подводя промежуточные итоги...»¹

¹Виноградов Б. А. Жизнь в эпоху перемен. Подводя промежуточные итоги... — Благовещенск, АмГУ, 2003. — 224 стр.

Выход книги местного автора на Амуре всегда считался событием. Особенно если автор именитый, заслуженный, почитаемый жителями области.

Борис Алексеевич Виноградов — человек пришлый или, как нередко о нем говорят, из варягов. Он приехал в Благовещенск из Ленинграда в 40-летнем возрасте, чтобы возглавить технологический институт. Но уже через несколько лет его имя было здесь у всех на слуху. Став ректором далеко не передового в стране отраслевого вуза, он довел его до уровня политехнического, а затем на этой базе создал государственный университет.

Одновременно Борис Алексеевич занимался и общественно-политической деятельностью. В 1990 году его избрали депутатом областного Совета, какое-то время он даже был его вице-спикером. Доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, награжден знаком «Почетный работник высшей школы».

Последние шесть лет Виноградов живет в Москве, но связей с амурчанами не теряет. В 2003 году стал депутатом Государственной Думы от Амурской области.

Книга «Жизнь в эпоху перемен. Подводя промежуточные итоги...» написана им по просьбе руководства АмГУ к 10-летию университета, которое отмечалось в октябре 2004 года. Что ж, такой юбилей — прекрасный повод, чтобы рассказать о превращении заурядного провинциального института в современный, передовой, многопрофильный университет, о росте и становлении университетского коллектива в суровое время перемен. Кто сделает это лучше, чем его основатель и первый ректор?

Однако, сказав «а», Борис Алексеевич пошел дальше. Большая часть его книги не имеет никакого отношения ни к университету, ни к местной науке, ни к высшей школе вообще. В ней политик Виноградов рассказывает о событиях в стране и области в конце прошлого столетия, свидетелем которых он был, дает характеристики местным политическим деятелям, пытается проанализировать ход реформ, дать свое видение сегодняшних проблем.

Это, безусловно, радует. В российской литературе до сих пор почти нет исследований, которые просветили бы мощным научным рентгеном недавнее прошлое страны, скрупулезно проанализировали цепь событий, приведших наше общество в нынешнее состояние. Тем более интересно узнать мнение об «эпохе перемен» человека, который в своих мемуарах пишет о себе так: «Всю сознательную жизнь я занимаюсь аналитической работой: в молодости практически профессионально играл в шахматы, затем уже более 30 лет веду научную работу. Это позволяет мне иметь свою точку зрения на те или иные процессы».

Само собой разумеется, что любой автор должен писать правду, только правду, ничего кроме правды. Это аксиома. Чтобы усилить ее, Виноградов подчеркивает: «... Не могу обещать, что эта книга будет интересна всем, но гарантирую, что она написана честно и откровенно». А чтобы совсем уж никто не сомневался в авторе, нынешний

ректор АмГУ А. Д. Плутенко добавляет: «Какие бы сложные политические ситуации ни возникли, как бы часто ни было выгодно «слегка» поступиться принципами, никто не сможет упрекнуть его (т. е. Виноградова — А. К.) в беспринципности».

Вот с этих двух важных для человека качеств — честности и принципиальности — мы и начнем.

О «честности» и «принципиальности»...

Давайте спросим себя: зачем в 1988 году молодой, новоиспеченный доктор технических наук приехал из блистательного Ленинграда в захолустный Благовещенск? Ответ напрашивается сам собой: чтобы сделать здесь карьеру. В научном плане он уже достиг больших званий, а вот в административном... Город на Неве не гарантировал быстрого и успешного продвижения по служебной лестнице — там слишком большая конкуренция. А на Дальнем Востоке с его дефицитом кадров двери наверх для способных людей распахнуты настежь.

На Дальний Восток вообще многие приезжали делать карьеру, и это вполне нормально. Почти для всех военачальников, например, Дальневосточный военный округ был трамплином, вознесшим их на самую вершину командного олимпа в армии. Эти люди, работавшие на восточной окраине страны в разное время, сделали для нее много хорошего, поэтому их продвижение по службе в высокие столичные кабинеты дальневосточники только приветствовали.

Почему же не сказать об этом «честно и откровенно», как обещает в начале книги сам Виноградов? Нет, оказывается, не о карьере думал автор мемуаров, отправляясь на Амур. У него была иная мечта — создать там мощный, крупный, лучший как минимум на Дальнем Востоке многопрофильный университет.

Давайте проследим за этим процессом. Через два года ректорства в технологическом институте, как уже было сказано, Борис Алексеевич избирается депутатом областного Совета, и у него появляется возможность стать даже его спикером. «Уже через неделю после избрания, — пишет он, — ряд достаточно известных в городе руководителей промышленности начали вести со мной переговоры о том, что неплохо бы мне возглавить областной Совет народных депутатов».

Надо полагать, что эти переговоры завершились успешно, потому что на первой, организационной сессии группа депутатов и выдвинула его кандидатуру на пост председателя Совета. И вдруг будущий автор мемуаров берет самоотвод. Почему? Потому, объясняет он сейчас, что важнейшей своей задачей считал создание «полноценного университета», а «уход в это время из вуза на важную выборную, но все-таки штатную чиновничью должность председателя облсовета фактически был бы предательством интересов коллектива вуза». «Сначала сделай дело, которое наметил и провозгласил, — пишет он в другом месте, — затем — свободен от обязательств перед людьми. Только тогда можешь двигаться делать другие дела».

Что ж, верность заветной мечте, избранной цели, профессиональный патриотизм — дело похвальное. Однако в следующих же строках, сам того не замечая, автор называет другую, более правдоподобную причину своего самоотвода. Оказывается, перед сессией с ним беседовал Белоногов, который прямо заявил, что хочет возглавить Совет. И предложил Виноградову в случае своего избрания должность вице-спикера на общественных началах. Понятно, что малоизвестному тогда в области ректору было выгоднее принять это предложение, чем вступить в борьбу за кресло спикера с такой популярной личностью, как Белоногов, и проиграть.

Это не пустое мое предположение. Вот что читаем через несколько страниц. Речь идет об августе 1991 года, когда после путча президент отстранил Белоногова от должности председателя Амурского облисполкома:

«На следующий день мы с женой улетали в отпуск в Трускавец. Рано утром домой позвонил А. Н. Белоногов и спросил, как я смотрю на то, чтобы областной Совет предложил на рассмотрение Б. Н. Ельцину мою кандидатуру в качестве главы администрации области... Я ответил, что в принципе считаю более справедливым мягкое рейтинговое голосование по нескольким кандидатурам, одной из которых может быть моя. На этом и расстались, мы уехали в отпуск».

В общем, позиция понятная: давай сначала поиграем в демократию, но стать главой администрации области я согласен. А ведь голубая мечта о создании университета еще не осуществилась. Технологический институт пока не стал даже политехническим. Дело, которое наметил и провозгласил, не состоялось, обязательства перед людьми не выполнены. Почему же теперь Виноградов готов был покинуть вузовский коллектив?

Нетрудно представить, как прошел месячный отпуск у супругов Виноградовых. Борис Алексеевич наверняка планировал, что будет делать, став губернатором, кого возьмет к себе в команду. Но снова вышла осечка. Вернувшись в Благовещенск, он узнал, что здесь уже другой губернатор. Оказалось, кандидатуру Виноградова Совет даже не рассматривал. «На прошедшей в середине сентября сессии, — пишет автор, — Анатолий Николаевич, как сам он мне потом сказал, «забыл» поставить это вопрос... У меня сложилось впечатление, что А. Н. Белоногов сознательно пошел на этот вариант».

Следующий случай был еще курьезнее. В 1992 году мои помощники предложили назначить замом главы администрации по культуре, здравоохранению и социальной политике проректора технологического института Владимира Ивановича Казнадия. Я немного знал его, имел с ним дело как народный депутат РСФСР, поэтому особых возражений не было. И вот однажды, когда Виноградов зашел ко мне, мы с моим первым замом заговорили с ним о Казнадии. Но я так неудачно повел разговор, что Борис Алексеевич понял, будто мы приглашаем не Казнадия, а самого Виноградова. Заметил свою оплошность лишь тогда, когда Борис Алексеевич, расплывшись в улыбке, дал согласие перейти к нам. Пришлось извиняться, объяснять, что речь вовсе не о нем, а о его проректоре. Виноградов ушел, а мы с замом еще долго не могли прийти в себя: такую травму нанесли человеку.

Наконец, в начале 1993 года, когда институт уже стал политехническим, но до создания университета было еще далеко, Борис Алексеевич сам, по собственной инициативе, а не по чьему-то указанию, пошел на выборы губернатора. И проиграл.

Вот и получается, что за пять лет, предшествующих открытию университета, ректор Виноградов четырежды проявлял готовность перейти на более высокую административную должность и, стало быть, оставить вуз на полпути к цели. Ведь совмещать работу во властных структурах с любой другой запрещено законодательством, о чем сам же Виноградов и пишет.

Зачем же тогда говорить о какой-то благородной цели, профессиональном патриотизме, обязательствах перед людьми и тому подобных вещах?

Синдром величия

Считается, что стариков нередко тянет приукрашивать прошлое. А особенно — возвеличивать в нем свои заслуги. Яркий пример тому — Леонид Ильич Брежнев. Постарел генсек, и вдруг оказалось, что это он был одной из главных фигур в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Настолько главной, что пришлось прикалывать на его трясущуюся грудь орден Победы, которым положено награждать лишь самых выдающихся полководцев. Да он и был выдающимся, ведь даже сам маршал Жуков (как его заставили написать в воспоминаниях «товарищи сверху») ездил однажды к полковнику Брежневу, чтобы посоветоваться по поводу грядущих сражений, но тот, к сожалению маршала, отсутствовал.

Бориса Виноградова к подобным старцам не отнесешь. Тем не менее и ему хочется рассказать о своем прошлом что-нибудь такое, чтобы все поняли: Виноградов — это голова!

Приводит он, например, такой эпизод. Приехав из Ленинграда на Амур, будущий автор мемуаров обнаружил здесь демократическое движение со своими лидерами, довольно популярными среди населения области. Вот только лидеры эти являлись представителями не широких народных масс, а маргинальных слоев общества, то есть слоев, находящихся на обочине жизни, по-нашему — выходцами из «бичей» и «бомжей». Несмотря на это, им с помощью зажигательных речей удалось, как пишет автор, «достаточно уверенно открыть ящик Пандоры» и в конце концов прийти к власти.

Конечно, на первых порах об истинном — маргинальном — происхождении местных демократических лидеров Виноградов ничего не знал. Они, похоже, ему в чем-то даже понравились. Например, он пишет уважительно: «Альберт Аркадьевич уже в то время был достаточно известной фигурой в области. Он отличился на ниве борьбы с привилегиями партийного руководства, которая становилась очень популярной...». Добавлю от себя: не только популярной, но и опасной.

Так вот, едва в технологическом институте появился новый ректор, как местные демлидеры тут же ринулись к нему. Видать, сразу смекнули, что Виноградов — это голова, а посему без его советов и наставлений в будущих политических баталиях делать нечего. Ну а Борис Алексеевич, ничего не зная об их маргинальном происхождении, этих ходячков принимал и выслушивал. Вот как он описывает их визиты: «До начала всех выборных процессов у меня состоялись встречи с А. А. Кривченко и А. А. Захаровым... Я выслушал их бездоказательные обвинения в адрес существующей партийной власти, в том числе и личные выпады в адрес тогдашнего партийного руководства. Ничего дельного относительно путей развития области, откровенно говоря, я не услышал, а обсуждение персоналий меня никогда не интересовало... Их задача была разрушать, моя — реформировать».

Вот какой притягательной фигурой уже тогда был Виноградов — даже будущие губернатор и представитель президента приходили к нему советоваться «относительно путей развития области», которых сами они не видели.¹

А вот Борис Алексеевич видел. Позднее, в 92-м, когда народное хозяйство страны рушилось, а президент, правительство и губернаторы хватались за головы, не зная что делать, он с небольшой группой товарищей разработал целую генеральную программу подъема экономики области и чуть ее не выполнил. Вот как он описывает это в мемуарах.

«Я предложил А. Н. Белоногову выехать за город «группой товарищей» и провести мозговой штурм по проблеме «пути дальнейшего развития области»... В одно прекрасное зимнее утро от здания администрации отъехала кавалькада машин, что, думаю, вызвало серьезное удивление и обеспокоенность главы... Всего участвовало 10–12 человек... Работа шла живо и интересно, и когда я обобщил результаты, оказалось, что было предложено более 40 реальных и достаточно хорошо аргументированных проектов... Некоторые из них, например, переход через Амур у поселка Джалинда... были реализованы. ...Один из проектов ... был грандиозным. Предлагалось депозитировать 10 тонн золота за границу, в США, и под них выпустить золотой заем. На средства, полученные от займа, можно было реализовать ряд серьезных инвестиционных проектов в области. Предусматривалось строительство крупного разреза на Гербикиан-Огоджинской угольной площади, цементного завода в Чагояне, приобретение техники для ежегодного значительного увеличения добычи золота и другие проекты.

Эта, по сути, первая крупная областная инвестиционная программа «Амур» почти имела успех, так как была поддержана Президентом России. Им было дано поручение Е. Т. Гайдару подготовить распоряжение правительства... Под этот проект было создано АО «Амурский деловой союз»... меня избрали председателем наблюдательного совета на общественных началах».

Каким крутым экономистом и организатором производства предстает здесь Борис Алексеевич, не правда ли? Как великолепно выглядит предложенная им программа! Один лишь маленький, пустяковый изъясничек есть у нее: не сказано, где следовало взять эти самые 10 тонн золота, и почему именно 10, а не 50 и не 100? Ведь помести мы в иностранные банки 100 тонн золотых слитков, область, несмотря на экономический кризис в стране, вообще могла бы жить припеваючи.

А потому и не сказано, что почти все написанное здесь Виноградовым, очень мягко говоря, слишком далеко от действительности. Крупная инвестиционная программа в 1992 году в области действительно была разработана, только, во-первых, не она получила название «Амур», а, во-вторых, сам Борис Алексеевич и его «штурмовики» не имели к ней никакого отношения.

Начнем с того, что выезд за город, на лоно природы, в народе обычно называют пикником. Руководящие «товарищи» ездят туда не для «мозговых штурмов» и разработки проектов, а чтобы попить водки и расслабиться. На лоне природы или в сауне турбазы несподручно работать над объемными документами, требующими множества расчетов и обоснований. Серьезные бизнес-проекты, да еще для иностранных инвесторов, удобнее разрабатывать в тиши кабинетов, оснащенных современной оргтехникой. Именно так и поступала наша администрация. Дело это, надо сказать, не такое уж скорое. Мы, например, кроме своего комитета экономики, привлекли еще и лучших специалистов с многих предприятий области, ученых из АмурКНИИ и тем не менее за год смогли получить всего лишь полтора десятка инвестиционных бизнес-планов. А Виноградову с небольшой «группой товарищей» оказалось достаточно выехать за город, «штурмануть» мозгами — и вот она, программа «Амур» из 40 с лишним «достаточно хорошо аргументированных проектов». Настолько аргументированных, что их поддержал сам президент.

На самом же деле «Амурский деловой союз» был создан не только для реализации очень узкой программы «Амур», а вообще для привлечения инвестиций в экономику области. Первым проектом для него стало строительство торгового перехода через Амур у поселка Джалинда. Этот проект родился в недрах администрации и был обнародован значительно раньше, чем доблестные «штурмовики» выезжали на пикник. Построили переход за счет реальных внутренних кредитов, которые «Амурский деловой союз» («АДС») получал под гарантии администрации.

Строительство Огоджинского каменноугольного разреза должно было стать для «АДС» вторым, после Джалинды, крупным инвестиционным проектом. Разработали его тоже не «товарищи» из группы Виноградова, а московская фирма «Международное экономическое сотрудничество» («МЭС») совместно с руководством «АДС». Москвичи нашли и зарубежных потребителей угля, готовых платить за него валютой, а также американского инвестора, который согласился профинансировать стройку, выделив «Амурскому деловому союзу» 112 миллионов долларов кредита.

Перед подписанием договора встал вопрос о залоге. Американцы опасались, что в связи с политической нестабильностью в России, когда Верховный Совет РФ медленно, но уверенно вел дело к импичменту президента, а Амурский областной Совет чуть ли не на каждой сессии требовал отставки губернатора, они могут в любой момент лишиться своих долларов. Поэтому потребовали в качестве залога поместить в какой-нибудь солидный международный банк 10 тонн золота. С их стороны это было разумно. Вот тогда-то руководители «МЭС» и предложили назвать Огоджинский проект программой «Амур» и обратиться за ее поддержкой к Президенту.

Разъясняю автору мемуаров: под 10 тонн золота, если бы их нам выделили, мы смогли бы получить лишь 112 миллионов долларов кредита для строительства Огоджинского каменноугольного разреза. Никакие другие проекты, о которых пишет автор, осуществить на эти деньги было нельзя.

«Из-за низкой степени взаимного доверия А. А. Кривченко и А. Н. Белоногова... программа «Амур» не была реализована», — пишет в заключение автор, и снова, как плохой солист в опере, дает петуха. Эта программа была единственной, которую мы с Белоноговым как раз продвигали общими усилиями. Но, к сожалению, правительство не смогло изыскать под нее такого количества золота. Я лично разговаривал на этот счет с Гайдаром и убедился, что положение в стране с золотовалютными запасами в то время было катастрофическое.

Ничего этого Виноградов, судя по его книге, не знает, потому что очень плохо наблюдал за инвестиционной деятельностью в области из своего наблюдательного совета. Не знает и о проектах строительства совместно с американцами крупного соеперерабатывающего завода, с итальянцами — ювелирной фабрики, реконструкции за счет инвестиций из Азиатско-Тихоокеанского региона Райчихинского стекольного завода и т. д. Но раз хоть каким-то боком он был к инвестиционной работе причастен, раз хоть что-то сохранилось в памяти, почему бы не посвятить этому целую главу в мемуарах? Пусть знают потомки, какую выдающуюся роль играл автор в первых схватках местной власти с экономическим кризисом.

Реформа-92: версия Виноградова

Насовав, как говорится, всех чертей коллегам из администрации (они и маргиналы, и дилетанты, и непрофессионалы), Борис Алексеевич приписывает им еще один недостаток.

«Новая демократическая исполнительная власть, к сожалению, не смогла установить рабочие контакты с представительной властью. Не знаю, что уж не хватило: терпения, ума, взвешенности или были руководящие установки на конфликт. Начался длительный период противостояния».

Я понимаю, что память человека несовершенна, особенно она ухудшается с возрастом. Но уж если ты пишешь мемуары, то обязан внимательно пересмотреть архивы, сверить свое видение прошлого с документами. К сожалению, автор книги этого не делает. А если бы заглянул в Амурский областной архив, то там, среди документов облсовета за 1992 год, обнаружил стенограмму своего собственного выступления на сессии, где он четко сформулировал причину конфронтации между двумя ветвями власти. Вот что говорил тогда Борис Алексеевич (цитирую по стенограмме).

«Администрация насильственно, в сжатые сроки, без права выбора, железной рукой проводит реформирование всей системы производства и управления. Позиции областного Совета значительно мягче: реформа должна проводиться, но исключительно добровольно, постепенно, планомерно, с учетом морально-психологических и других факторов, с сохранением централизованного снабжения и контроля за ценами».

Это откровенное излияние души одного из лидеров тогдашней представительной власти многого стоит. Оно куда ценнее, чем все, что он пишет сейчас о том времени. Ибо, как говорится в его же книге, «отношение к проводимым в стране реформам именно в период их проведения, а не «задним умом», требовало принципиальной линии...»

Прав был в 1992 году Борис Алексеевич: причина разногласий между ветвями власти заключалась не в отсутствии у кого-то «терпения, ума, взвешенности», а именно в разных подходах к реформам. Администрация действительно проводила их жестко, а областной Совет требовал проводить исключительно добровольно, по желанию.

Но простите, настоящие реформы в России всегда проводились только сверху и только принудительно. Если бы Петр I, Александр II, Петр Столыпин действовали по рецепту Виноградова, они ни на шаг не продвинули бы Россию вперед. Да и сам Борис Алексеевич, описывая свою работу в институте, а потом и в министерстве, постоянно подчеркивает, что проводил там реформирование исключительно жестко.

Впрочем, обратимся к самому авторитетному арбитру — тогдашней практике. Сейчас как-то не вспоминают, что первым этапом рыночной реформы в нашей стране

была вовсе не либерализация цен со 2 января 1992 года, а коммерциализация торговли, начавшаяся на месяц раньше. Срок на ее проведение был отпущен жесткий — 30 дней. За это время надо было вывести из подчинения урсов, орсов, торгов все магазины, базы, оптовые предприятия и сделать их коммерческими. Не уложись мы в срок — либерализация цен привела бы к голоду и ни к чему больше.

Однако руководители торгов, крупных производственных объединений и их орсов не хотели добровольно терять свои кормушки. Пришлось, как говорится, ломать их через колено. Жесткость и бескомпромиссность позволили нам провести коммерциализацию лучше, чем в большинстве регионов страны. Поэтому, когда отпустили цены, наша торговля быстро оправилась и буквально через несколько месяцев почти достигла докризисного уровня, а с учетом многочисленных базарчиков и превзошла его. Контраст с другими регионами, где коммерциализацию проводили на «добровольных» началах, оказался настолько разительным, что Министерство торговли РФ привезло в Благовещенск на семинар всех торговых руководителей от Урала до Тихого океана, чтобы показать на нашем примере, как надо торговать в условиях рынка.

Но и у нас были элементы «добровольности». Видимо, под воздействием лоббистов президент разрешил железнодорожникам отложить на неопределенное время коммерциализацию своих орсов, а Верховный Совет — потребительской кооперации. Мы попытались уговорить железнодорожное начальство отпустить в коммерцию хотя бы часть своих торговых предприятий, но не тут-то было. Не хотели они этого делать и все! А через несколько месяцев, когда большая часть амурчан начали уже забывать, что такое дефицит товаров, в железнодорожных поселках не было в продаже даже молочной продукции, которой в области производилось достаточно. Вот тогда те же самые ж.-д. начальники приехали к нам в администрацию: помогайте, мол. Дело поправили, а вот в потребительской кооперации и тогда не захотели ничего менять. Весь 92-й и 93-й годы прилавки магазинов там оставались пустыми.

В общем, практика показала, к чему ведет принцип добровольности при проведении реформ. Но при коммерциализации торговли его еще можно было применить. А при либерализации цен? Этот этап едва ли не ключевой во всей рыночной реформе. Через него прошли все бывшие соцстраны и даже Западная Германия, которую после Второй мировой войны доморощенные социалисты и коммунисты тоже пытались повернуть на социалистический путь.

Видимо, всерьез и надолго наполнить прилавки магазинов товарами без свободных цен невозможно. Поэтому правительства бывших соцстран в конце 80-х — начале 90-х годов пошли даже на «шоковую терапию». Исключение — Китай, но он начал рыночную реформу своевременно, еще в 1978 году. Наверное, и мы могли бы обойтись без «шоковой терапии», если бы партийное руководство страны во главе с Брежневым не задушило в колыбели реформу Косыгина, начатую даже раньше, чем в Китае.

Но, увы, к 1992 году Россия имела то, что имела. Социализм оставил ей в наследство пустые прилавки, талоны на основные продукты питания, распределение промышленных товаров, вплоть до носков и трусов, по жребью через трудовые коллективы, массовые очереди у продовольственных магазинов, занимаемые с вечера. Как же в этих условиях можно было отпускать цены добровольно, по желанию, с учетом неизвестно каких морально-психологических факторов — убейте меня, не пойму. И потом: по чьему желанию — торгашей или покупателей? Ведь интересы у них по отношению к ценам диаметрально противоположны.

Исполнительная власть в России все же смогла, в отличие от многих других стран, смягчить удар по населению, нанесенный либерализацией цен. И после 2 января 1992 года цены на важнейшие продукты питания еще какое-то время оставались фиксированными. Наша администрация несколько месяцев, где только могла, изыскивала средства, чтобы дотировать эти товары. Жесткий контроль был установлен и за ценами монополистов, которых соответствующий комитет администрации постоянно ставил на место.

Представляю, что произошло бы, если бы губернатор или областной Совет объявили, что с такого-то числа объявляется переход на свободные цены, но исключительно добровольно, по желанию, с учетом морально-психологических и других факторов, то бишь: кто хочет — переходит, а кто не хочет — нет. Думаю, никто из торгашей не стал бы откладывать это дело в долгий ящик и обращать внимание на какие-то там морально-психологические факторы. В первый же день таких «реформ» цены на товары взлетели бы ввысь во всех торговых заведениях области. А покупатели, наоборот, потребовали оставить их прежними или, в крайнем случае, отпускать очень медленно. Вот это была бы реформа!

Ну и наконец — о требовании Совета «сохранить централизованное снабжение», а, значит, и централизованное распределение. Эти две вещи, как известно, есть основа планового социалистического хозяйствования. Стало быть, областной Совет требовал, чтобы исполнительная власть не рыночные реформы проводила, а сохранила социализм, уже обанкротившийся к тому времени во всех социалистических странах. Наши уважаемые депутаты, в том числе и автор мемуаров, вроде бы и хотели проводить реформы, но исключительно так, чтобы в стране не было ничего рыночного и вообще никаких реформ.

Борис Алексеевич пишет, что... А как на самом деле?

Сегодняшнее студенчество, на которое, надо полагать, и ориентирована в первую очередь книга, выпущенная в АмГУ, знает о событиях 15-20-летней давности в основном из лекций преподавателей и книг. Особое воздействие на молодые умы, надо думать, оказывают воспоминания живых свидетелей тех событий и исследования ученых. Борис Алексеевич выступает сразу в двух лицах — он и живой свидетель недавнего прошлого, и одновременно ученый, профессор, аналитик.

Пожалуй, нет в новейшей российской истории ни одного маломальского эпизода, к которому не прикоснулось бы перо автора мемуаров. Все подметил Борис Алексеевич в прошлом, обо всем написал. Только вот что поведали миру откровения мемуариста-аналитика — большой вопрос. Не знаю, случайно это или у Виноградова вообще такой стиль научной работы — изрекать готовые истины, не утруждая себя доказательствами. Но в данной книге он продемонстрировал этот стиль блестяще.

Ну, например, автор предлагает возродить практику наказов избирателей своим депутатам, ибо «исполнением наказов граждан мы вернемся к демократии как практической форме участия каждого человека в управлении государством».

Вообще-то все наоборот: не демократия является формой участия граждан в управлении государством, а участие граждан в управлении государством через указы ли, еще как-то — есть одна из форм демократии. Но сейчас речь о другом.

Значит, если верить автору, в СССР была демократия? И все без исключения граждане могли управлять государством с помощью наказов? Как же это делалось? Молодежь не знает, а Виноградов не считает нужным ничего объяснять. Была демократия, управляли кухарки государством, и точка!

Позволю себе рассказать молодым читателям мемуаров, а заодно напомнить и их автору, как все было на самом деле. Действительно, перед каждыми выборами проводились шумные кампании по подготовке наказов. Принять участие в этих акциях мог любой человек, но не он решал, будет выполняться его наказ или нет. И правильно: захотят, например, жители небольшого хутора, чтобы государство построило для них сандуновские бани или планетарий — что же, исполнять их волю? Нет. Функция «управления государством с помощью наказов» сводилась к достаточно скромным просьбам — отремонтировать мостик через речушку, протянуть радиопередающую линию к новому переулку, построить общественный туалет на рынке и т. п. Но и эти просьбы не все

доходили до депутатов. Сначала их рассматривали местные чиновники и сверяли запросы избирателей со своими возможностями. А возможности у местной власти были настолько скудные, что даже на строительство общественного туалета не всегда удавалось наскрести средства. В таких случаях избиратель получал ответ: «Из-за неимения средств выполнение Вашего наказа перенесено на следующую пятилетку».

Зато после подобного отсеивания все шло прекрасно. В списки наказов за очень редким исключением включалось только то, что уже значилось в народнохозяйственных планах. Такие «наказы» и выполнялись. Причем совершенно без участия депутатов. Вот это была демократия!

Читаем дальше. В конце 80-х — 90-м годах в стране появились первые признаки надвигающегося распада СССР. «Робкие попытки окончательно растерявшегося Горбачева стабилизировать обстановку путем заключения нового Союзного договора ни к чему не привели, — пишет Виноградов. — Страна вступила в заколдованный круг, финалом которого стали ГКЧП и распад государства».

Что это за «заколдованный круг» и с чем его едят — автор не объясняет. И вообще, как во многих других случаях, пишет совсем не то, что было на самом деле. В действительности же «окончательно растерявшийся Горбачев», наоборот, проявил тогда твердость, мудрость и сделал то, что в свое время обещал, но не сделал Ленин.

Ильич, как известно, называл царскую Россию «тюрьмой народов» и требовал предоставить всем нациям право на самоопределение вплоть до отделения. После выхода из этой «тюрьмы», считал он, бывшие «узники» смогут вернуться обратно — совершенно добровольно, без всякого принуждения. Только тогда Россия станет многонациональным государством действительно свободных народов.

После Февральской революции, создав свои, независимые от Временного правительства, высшие органы власти, окраинные территории быстро покинули Россию. А вот возвращаться обратно никто из них не захотел. Тогда, придя к власти, большевики решили вернуть их силой. Бои были кровопролитные: только в Польше в 1920 году Красная Армия потеряла 50 тысяч человек. И все же вернуть удалось не всех — Польша, Прибалтика, Финляндия отделились.

В 1991 году такие же центробежные силы вновь привели в движение окраинные республики. Чтобы сохранить затрещавший по всем швам СССР, Горбачев решил на практике осуществить национальную идею Ленина. Он договорился с союзными республиками об их действительно добровольном вхождении в Советский Союз. Как и было решено на всенародном референдуме, этот Союз задумывался обновленным, с большими правами республик, закрепленными в новом Союзном договоре. Никакого «заколдованного круга» тут не было. Договор разработали, согласовали со всеми заинтересованными сторонами и даже наметили день его подписания — 20 августа 1991 года. Но 19 августа ортодоксы из окружения Горбачева устроили государственный переворот. Весь мир увидел воочию, что вместо обновления Союза, за которое народ проголосовал на референдуме, наша страна может легко вернуться в 1937 год. Поэтому после подавления путча республики в течение месяца и десяти дней распустили свои компартии и вышли из СССР.

Сам распад Союза Виноградов не описывает, но называет его причины: «здесь и холодная война с нашей страной, и сословность, созданная в советское время, диссидентство и недовольство на уровне обыденной повседневной жизни...». Сюда же он относит и тот факт, что социализм «не справился в развитом советском обществе, когда жить стало скучно многим». И, наконец, еще одна причина — СССР разрушили «демократические победы».

Словом, много чего перечислил автор, не назвал только главную причину распада — экономический крах социализма. А ведь эта причина на весах истории перетягивает все остальные, вместе взятые. Спрашивается, зачем союзным республикам было оставаться в СССР, если после 1985 года экономика страны стремительно покатила к пропасти?

Социализм не только не смог достичь уровня жизни в развитых западных странах, но и закрепиться на тех позициях, которые уже достиг в период нефтяного бума — 1975-1985 гг. Ускорил же процесс распада, конечно, путч.

При чтении мемуаров у меня не раз возникал вопрос: на основании каких фактов автор делает свои умозаключения? Нет этих фактов в книге, не было и в жизни. Ну разве после августовского путча 1991 года в России происходил, как пишет автор, «хамский беспредел по отношению к поверженной власти»? Разве хоть один волос упал с голов партийных секретарей или руководителей прежних государственных органов? Ничего подобного — такого и близко не было.

Правда, самих путчистов арестовали, но вскоре амнистировали, восстановили в правах, и они даже избирались в парламент страны. Остальные партийные функционеры после августа стали банкирами, владельцами фирм, крупными государственными чиновниками. В нашей администрации, например, в то время работал коммунист № 1 областного масштаба, бессменный первый секретарь Амурского обкома КПРФ Геннадий Гамза, и никто не пытался его уволить или как-то мстить за темное прошлое компартии.

К сожалению, у меня нет возможности подробно останавливаться на всех измышлениях автора, умышленном или невольном искажении им фактов прошлого. Приведу еще лишь несколько коротких примеров бездоказательности его утверждений.

Описывая то время, Виноградов дает характеристики многим людям, с которыми ему приходилось общаться. Оценки разные — от восторженных до уничтожающих. Но опять же: как можно верить автору, если за общей риторикой нет у него ни одного аргумента.

Самое хорошее впечатление произвел на Виноградова бывший губернатор Владимир Полеванов — «быстрый на подъем и принятие решений». «Слишком много разных идей и проектов было им предложено, — пишет автор, — и многие думали, что наконец-то власть начнет их реализовывать в интересах области». Не получилось — очень скоро этого великолепного губернатора перевели в Москву.

Какие именно идеи и проекты предлагались, автор умалчивает. Предлагались — и все. Между тем об этом следовало бы сказать. Ну, например, в одном отстающем зерновом хозяйстве, чтобы поправить дела, он предложил перейти на выращивание... смородины. А в другом случае вместо автодорожного моста через Амур — прорыть для торговли с Китаем под дном реки... тоннель. И еще вспоминается: незаконно разогнав областной Совет, Полеванов стал настолько вольно обращаться с государственной казной, что все местные партии и движения, как правые, так и левые, потребовали у него отчета: куда он деваает народные деньги. В ответ слышали: да пошли вы... А вот Виноградову все это, стало быть, нравилось.

Приятно было «взаимодействовать» автору и с губернатором Владимиром Дьяченко. Вот только, как пишет Борис Алексеевич, президент снял его «бесцеремонно», без объяснения причин. А причина-то была изложена в самом указе о снятии. До этого московская комиссия проводила в Амурской администрации проверку. По результатам ревизии и был издан указ, в котором четко говорилось, что губернатор освобожден «за ненадлежащее исполнение федеральных законов, нецелевое использование средств федерального бюджета, задержку выплаты заработной платы работникам бюджетной сферы».

Что касается меня, то я уже приводил оценку автора: из маргиналов, дилетант, некомпетентен, не разбирается в экономике. Не смею спорить: Борису Алексеевичу виднее — ведь он профессор, аналитик, заслуженный деятель науки. Только вот привел бы он для примера хоть одно принятое мной некомпетентное решение. Хоть одно! Ведь никогда прежде ничего подобного он не высказывал, даже когда возглавляемая им комиссия областного Совета скрупулезно проверяла работу администрации. За то, что я проводил реформы жестко, железной рукой — критиковал, это было. Но в чем же

проявились мои некомпетентность, дилетантизм, незнание экономики, о которых автор мемуаров пишет сейчас?

Стратегия созидания в духе Томаса Мора

В последнее время в местных средствах массовой информации появились заявления, что, едва став депутатом Государственной Думы, Борис Алексеевич Виноградов уже замахнулся на кресло губернатора, а в перспективе — и президента страны. Не знаю, так ли это на самом деле, но его книга подтверждает, что так.

Автор мемуаров не только рассказывает о прошлом, но много внимания уделяет настоящему и будущему. Настоящее он клеймит, не оставляя от него камня на камне. И то: это проклятое настоящее сегодня не ругает только ленивый.

Взгляд автора в будущее можно условно разделить на две части: где он говорит как бы с позиции губернатора и как бы с позиции президента. Поскольку до президентских выборов еще далеко, не буду останавливаться на второй части, приведу из нее лишь один отрывок как образец экономической стратегии автора.

«Необходимо жесткое ограничение стихийного рынка, — пишет он, — регулирование его государством в сочетании с развитием кооперации... без прямого вмешательства государства в рыночный сектор экономики». И все, больше на эту тему ни слова. Как государство должно жестко ограничивать и регулировать «стихийный рынок» без прямого вмешательства, каждый пусть додумывает сам. Пусть также помозгует и о том, зачем государству принудительно «сочетать» рынок с кооперацией, если это одно и то же.

Более обстоятельного разговора требует первая часть рассуждений Виноградова о будущем. Она значительно приземленнее, касается проблем, непосредственно стоящих перед областью. Прежде всего его волнуют пути выхода из кризиса местного сельского хозяйства.

«Коллективные хозяйства... не удержали свои лидирующие позиции в производстве сельскохозяйственной продукции, уступив место личным подсобным хозяйствам, которые заняли ведущее место в сельском предпринимательстве, — читаем в мемуарах. — Доля хозяйств населения в производстве продукции сельского хозяйства в настоящее время составляет более 70%, доля сельхозпредприятий — более 20...»

Стало быть, надо идти по линии развития личных подсобных хозяйств? Нет, считает автор, не за ними будущее. Во-первых, «они ведутся с большими затратами ручного труда», а, во-вторых, реформаторы 1992 года разрушили «систему обслуживания и реализации продукции личных подсобных хозяйств».

Вот уж эти чертовы реформаторы-92 — и сюда добрались! Вроде бы ратовали за частный сектор, а на деле взяли и разрушили прекрасную систему обслуживания и сбыта продукции, созданную в свое время как раз для частного сектора.

Поскольку автор, как обычно, ничего не объясняет, коротко напомню, что это была за система. Если ты работал в хорошем колхозе или совхозе, то мог купить там и сено, и комбикорм, и стройматериал. Но если, работая там же, ты был не очень в ладах с моралью, для тебя было сподручнее уворовать комбикорм на ферме, вывезти тракторную тележку сена или соломы с поля без оплаты, унести под покровом ночи материал из стройчасти, перелить бензин в личную машину или мотоцикл из бака общественного грузовика. В плохом же колхозе, совхозе то же самое был вынужден делать и честный человек. Воровство в коллективных хозяйствах процветало жуткое. Порой общественный скот не получал и половину того, что ему вроде бы скармливали, а поэтому коровы нередко давали козы надои. Это к вопросу об обслуживании личных хозяйств граждан.

Система же сбыта сельхозпродукции, производимой сельским населением, была организована по иному, ленинскому принципу: крестьянин городу через потребительскую

кооперацию — свою продукцию, город крестьянину через ту же кооперацию — товары, нужные селу.

Это в теории. На практике же товарный конвейер более или менее исправно работал лишь в одном направлении — от деревни к городу. А вот обратно... В сельские магазины больше везли то, что крестьянину не очень-то было и нужно. Хорошая же одежда, обувь, мебель, холодильники и другая бытовая техника, а особенно автомобили и до самой сельской кооперации доходили не в полном объеме — испарялись по пути следования, оседали в городах и райцентрах. А то, что доходило до сельской местности, далеко не всегда попадало сдатчикам продукции. В 1991 году, до прихода к власти реформаторов, активные сдатчики сельхозпродукции в нашей области недополучили около 600 легковых автомобилей, хотя в область они поступили. Вот эта-то система и была разрушена.

Но если не личные хозяйства граждан, превзошедшие по объему продукции сельхозпредприятия, то кто и что же выведет нас из кризиса? Виноградов считает, что это смогут сделать кооперативы личных хозяйств, созданные на уровне современных требований. Такие кооперативы он подсмотрел в Голландии, которая никогда не жила по ленинским заветам, но, как считает автор, «вполне отвечает его определению социализма».

«Восстановив на уровне современных требований кооперативы личных хозяйств, — восклицает автор, — мы фактически вернемся к известному тезису о том, что социализм — это строй цивилизованных кооператоров. После этого останется вспомнить слова Маркса о русской общине».

А зачем, спрашивается, кооперативы восстанавливать? В нашей области они и так составляют основу аграрного сектора. Ведь заявление о том, что в 1992 году реформаторы насильственно уничтожали коллективные хозяйства (это есть и в книге Виноградова), мягко говоря, не соответствует действительности. На самом деле этим хозяйствам только предложили перерегистрироваться в соответствии с законами российского, а не союзного государства. В результате если до 1992 года в области было 204 коллективных хозяйства, то после перерегистрации за счет разукрупнения гигантов стало 283. Из них 168, то есть 60 процентов, зарегистрировались как производственные сельскохозяйственные кооперативы.

С той поры прошло 12 лет. Отчего же эти кооперативы не стали лидерами, а дела у них идут все хуже и хуже? Почему, владея тремя четвертями имеющейся в области пахотной земли, коллективные хозяйства, большинство из которых — кооперативы, производят лишь одну четвертую часть всей валовой сельхозпродукции?

Но, может быть, удачнее окажется переход к русской крестьянской общине, о которой говорил Маркс? Кстати, что он о ней говорил? Виноградов об этом не пишет. Однако люди, лучше знакомые с произведениями Маркса, чем Борис Алексеевич, хорошо знают, что великий философ еще только собирался рассказать о русской крестьянской общине в III томе «Капитала», который он хотел посвятить России. Даже начал изучать документы о пореформенной российской экономике в подлинниках, но смерть помешала. Русскую крестьянскую общину подробно описал Ленин в своей фундаментальной работе «Развитие капитализма в России», изданной в 1899 году. Вот к какому выводу пришел Ильич: «Община... становится все более и более ВРЕДНОЙ для крестьянской бедноты». Слово «ВРЕДНОЙ» выделено самим Лениным.

Увы, если верить Ленину, то и этот путь нам не подходит. Но тогда какой же?

Надо отдать должное автору мемуаров: он прекрасно понимает, что нельзя класть все яйца в одну корзину. Сказал о цивилизованных кооперативах, крестьянской общине и тут же дал понять, что они будут составлять лишь меньшую часть аграрного сектора. Большую же часть сельхозпродукции, по его мнению, должны производить «вертикально интегрированные холдинги» с «относительно замкнутым циклом». Что стоит за этой малопонятной формулировкой в реальности, автор тоже не объясняет. Ну а где взять деньги для осуществления такой крупномасштабной программы?

Оказывается, Борис Алексеевич знает, где. Инвестором столь грандиозного проекта, считает он, может и обязано стать РАО «ЕЭС России». Почему именно РАО «ЕЭС» и почему обязано? Да потому, что это будет исторически справедливо! Ведь «тарифы на электроэнергию, астрономически выросшие в 90-е годы, были далеко не последним фактором, разорившим крупные сельские хозяйства в Амурской области». Вот пусть теперь РАО «ЕЭС» и раскошеляется. Должны же его руководители понимать всю «важность развития сельскохозяйственного производства в Амурской области». А если не поймут и не дадут деньги, то можно пожаловаться в Москву вплоть до самого верха. «Да и собственную власть употребить можно!» — восклицает автор.

Однако теперешнее областное руководство, увы, не способно на такой шаг (это уже я сам рассуждаю). Поэтому следующим губернатором просто обязан стать Виноградов. Уж он-то заставит РАО «ЕЭС» создавать на Амурской земле «вертикально интегрированные холдинги с относительно замкнутым циклом». Правда, к тому времени, в соответствии с Законом об энергетической реформе, РАО «ЕЭС», очевидно, перестанет существовать, а все наши ГЭС, ГРЭС и ТЭЦ станут частными. Но это не страшно: новый губернатор решительно вмешается в их деятельность, одновременно не вмешиваясь в нее! И потекут денежки в наше многострадальное сельское хозяйство, как вода через турбины ГЭС. А если не потекут, то губернатор и президенту пожалуется...

Мне кажется, что после обнародования автором такой великолепной стратегии созидания книгу Бориса Виноградова «Жизнь в эпоху перемен» можно смело ставить на полку рядом с такими великими произведениями мировой литературы, как «Город Солнца» Кампанеллы и «Утопия» Томаса Мора.

Заключение

В одной оперетте есть любопытный персонаж — полицейский начальник, применявший оригинальный метод допроса. Задав бедолаге какой-нибудь каверзный вопрос, он не давал ему опомниться, а орал в лицо: «Говори не задумываясь и не отдавая себе отчета».

Этот спектакль полувековой давности постоянно всплывал у меня в памяти, когда я читал книгу Бориса Виноградова. Очень похожий стиль у автора, очень похожий. Если не считать «университетскую» часть повествования, то все остальное он так и писал — «не задумываясь и не отдавая себе отчета».

Даже к важным историческим событиям недавнего прошлого у профессора Виноградова слишком легкий, поверхностный, я бы сказал, порхающий подход. Он не только вольно трактует эти события, но и излагает их, не заботясь о достоверности. Что касается фактов помельче, то тут мемуарист позволяет себе все, что сам себе на душу и положит.

Бездоказательность, полное отсутствие аргументов — едва ли не главная черта мемуаров. Нередко автор безапелляционно высказывается о том, о чем вообще имеет смутное представление. Если же говорить об аналитических достоинствах книги, то пусть простит Борис Алексеевич, но он предстает на ее страницах таким же аналитиком, как, скажем, я — лазерщиком. Один к одному.

Книга призвана создать предвыборный имидж автору — это видно невооруженным глазом. Не случайно она вышла в свет почти за два года до юбилея университета, когда Борис Алексеевич уже, видимо, начал готовиться к штурму думского кресла. О предвыборной направленности мемуаров говорит и набор приемов, используемых автором для привлечения читателей (избирателей) на свою сторону. На их голову обрушивается водопад критики нашей сегодняшней жизни, что нравится определенным слоям общества. И неважно, что в книге нет позитива, что трудно там отыскать серьезные

конструктивные предложения. Главное ведь в предвыборной кампании — как можно громче заявить о своей персоне, показать себя таким принципиальным борцом!

Это все понятно и неудивительно — так в политике сейчас принято. Вызывает недоумение другое: почему Виноградов как политик выступает под флагом «Единой России»? Автору с его набором взглядов и подходами к жизненным проблемам самое место под знаменами КПРФ, которая тоже, как и он, призывает назад к социализму и риторика которой так же далека от конструктивного начала.

*Газета «Амурский дилижанс».
Благовещенск, 2004 г.*

**Альберт Кривченко —
корреспондент ТАСС.
1975 год.**

**На месте будущей
Зейской ГЭС.**

**На лесосеке Зейского
леспромхоза.**

**В совхозе «Партизан».
Справа — художественный
редактор книжного изда-
тельства Павел Климен-
тьевич Пустовой.**

**На центральном участке
БАМа. Беседа
с командиром бригады
военных железнодорожных
строителей. Начало 1980-х .**

**Пресс-конференция
у амурских пограничников.
Конец 1970-х годов.**

Группа амурских журналистов обсуждает насущные проблемы своей работы.

Конец 1970-х годов. Идеологическая элита области. На снимке легко «вычислить» журналистов центральных изданий — они в «бамовских» дубленках. Собору центрального телевидения Борису Максименко (второй слева) и собору ТАСС Альберту Кривченко большую часть своего времени приходится проводить на трассе БАМа.

Так и не удалось первому секретарю обкома КПСС Леониду Васильевичу Шарину (на снимке слева) «стереть с лица земли» строптивного собора ТАСС.

Первые демократические митинги на Амуре.

Зачинатели демократического движения в области. Начало 1990-х годов.

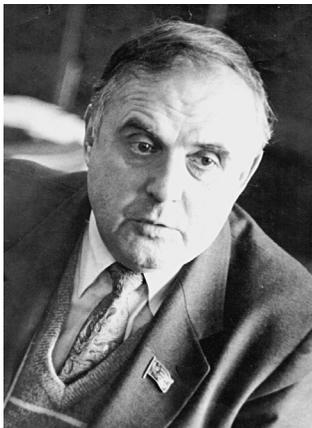
Кандидат в народные депутаты Верховного Совета РСФСР.

Февраль 1990 года. Григорий Пантелеевич Котенко (на снимке справа) горячо поддержал кандидата в народные депутаты РСФСР А. А. Кривченко, опубликовал в местной печати обращение к крестьянам с призывом голосовать за него.

Заведующий
Амурским отделением
издательства
«Правда» Анатолий
Кайда, автор статьи
«Долго ли будем
молчать?»

Среди участников партийной оппозиции в 1989–1991 годах был и корреспондент Дальневосточной студии кинохроники Игорь Федорович Зинатулин (на снимке справа).

Депутатский значок принес массу новых забот и обязанностей.

В Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца во время работы Съезда народных депутатов РСФСР. Второй слева — народный депутат от Амурской области Андрей Захаров.

Людмила Веселова, референт комитета по СМИ Верховного Совета Российской Федерации. 1991 год, дни путча.

**Первый день
в губернаторской
должности.**

**Григорий Алексеевич
Никандров,
первый заместитель
главы администрации
области. 1992 год.**

**Геннадий Владимирович
Кондратюк,
заместитель главы
областной администрации,
начальник департамента
сельского хозяйства.
1992 год.**

**Геннадий Витальевич
Сычевский,
заместитель главы
администрации области.**

**Николай Федорович Колядинский,
председатель комитета экономики
областной администрации.**

**Открытие самой первой
Амурской ярмарки.
1992 год.**

**Людмила Алексеевна
Кочаловская,
первый заместитель
председателя комитета
экономики областной
администрации.**

**Светлана Федосеевна
Чернявская, председатель
комитета по торговле и
защите прав потребителей**

С министром иностранных дел России А. Козыревым (справа) обсуждаются вопросы демаркации российско-китайской границы. 1992 год.

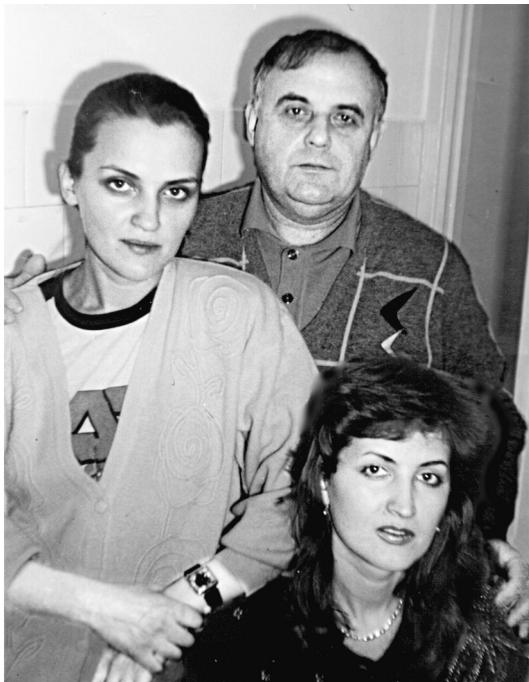

Прекрасные взаимоотношения с соседями за Амуром позволяли снять многие проблемы в экономическом сотрудничестве области с Китаем.

**Рабочие будни
губернатора.**

**Редкие минуты пребывания
губернатора в семье. Но и
на этот раз собрались лишь
дочери Светлана (слева)
и Людмила. Жена Галина
Никифоровна в свободное
от работы время занята
депутатскими делами — она
депутат горсовета.
1992 год.**

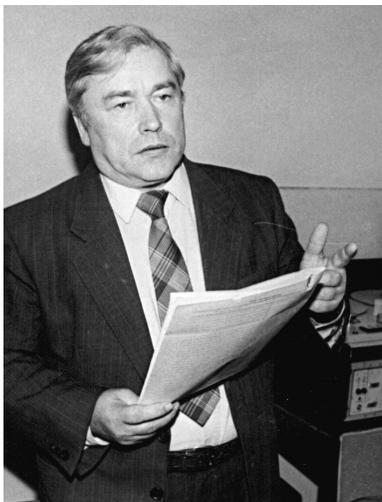

Валерий Алексеевич Никулин — один из организаторов развития перерабатывающей промышленности в Амурской области в 1992 году.

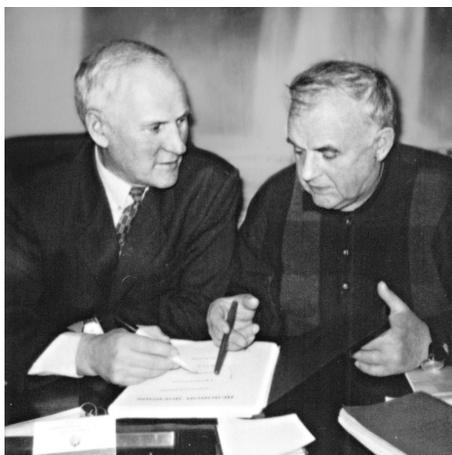

Павел Григорьевич Алексеенко, руководитель госинспекции труда Амурской области.

Председатель телерадиокомпании «Амур» Владимир Степанович Мартынов.

Олег Федорович Остроухов, лидер Амурского отделения движения «Наш дом — Россия», и лидер Амурского отделения партии «Демократический выбор России» Альберт Аркадьевич Кривченко обсуждают политическую ситуацию в области.

Учредительный съезд партии «Демократический выбор России», 1994 год. На переднем плане — председатель партии Егор Гайдар.

Б. Н. Ельцин в Благовещенске. 1994 год.

Александра Солженицына журналисты, бывало, называли «провозвестником новой России». Возвращаясь из эмиграции, он заехал и в Благовещенск.

Приятный поворот судьбы: теперь мы постоянно — на своей земле, в собственном лесу, в нашем личном доме в Новинке. И все у нас настоящее — и утки, и гуси, и бычки, и корова. И за всей этой живностью мы теперь умеем ухаживать. Не только старшее поколение, но и внучки Кристина и Света.

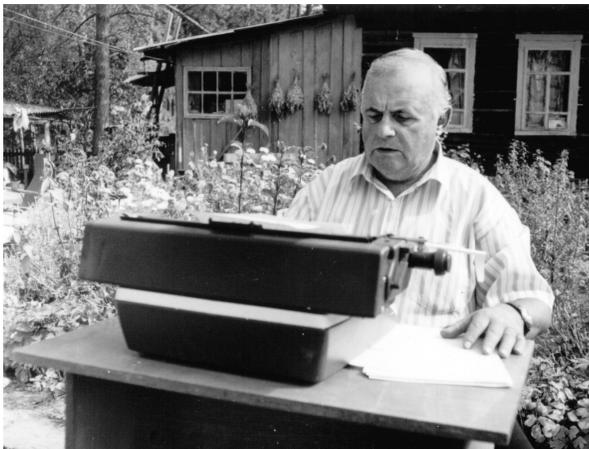

Брат Галины Никифоровны Володя — первый помощник семьи в хозяйских делах. Печь сложить, сена накосить, баньку срубить — все могут его умелые руки.

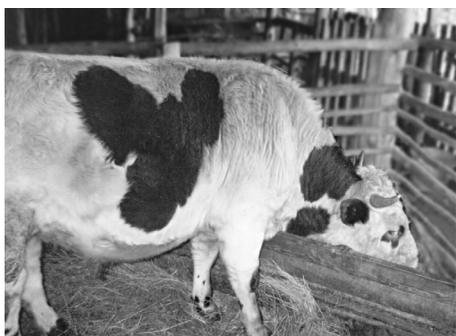

А что, доить корову — не менее увлекательное занятие, чем писать статьи и книги или управлять областью.

Молодежи сейчас компьютеры подавай. А вот Альберт Аркадьевич как освоил полвека назад пишущую машинку с развернутой бухгалтерской кареткой, так до сих пор и не расстается с ней. Даже эту последнюю книгу в шестьсот страниц «отстукал» на этой допотопной, но такой родной технике.

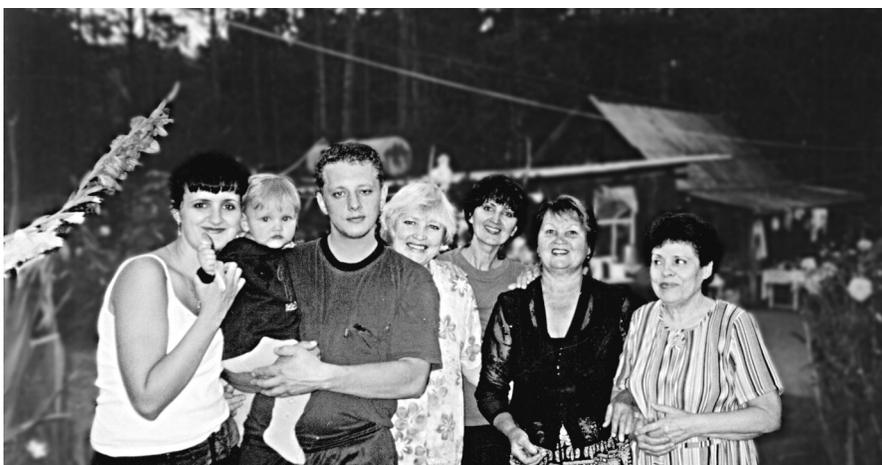

Старшая дочь Людмила всегда с радостью появляется на отцовской усадьбе.

В «животноводческом цехе» Кривченко появился диковинный бычок — с изображением взлетающего орла на боку. «Это вам хорошее знамение, ниспосланное свыше, — разъяснили знающие люди. — Ведь орел — символ России, взлетающий орел — символ взлетающей России».

Ну что тут ска-
жешь: такие цветы
могут вырастить
только искусные
руки Галины
Никифоровны.

Вот уж весело бывает в Новинке, когда собирается на усадьбе хотя бы часть большого семейства. Особенно если правнук Саша приезжает (на снимке он на руках у папы).

А младшая дочь Светлана со своей дочкой Кристиной меньше бывают в Новинке. Городских забот слишком много. Школа, опять же.